СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

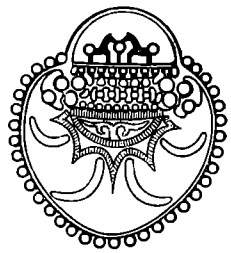
1

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

Статьи

Ю. А. КРАСНОВ

О СИСТЕМАХ И ТЕХНИКЕ РАННЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Раннио этапы развития земледелия в лесной полосе Восточной Европы еще не служили предметом специального рассмотрения ни в агрономической, ни в исторической литературе. В частности, не может считаться решенным вопрос о системах и технике земледелия, прежде всего технике обработки почвы на этой территории, до появления и широкого распространения пахотных орудий. Между тем, состояние земледелия и уровень его развития характеризуется совокупностью этих двух важнейших факторов.

Исследование этого вопроса встречает значительные трудности источниковедческого характера. Очевидно, что наши заключения о существовавших в древности системах земледелия могут строиться лишь на косвенных данных. В то же время орудия обработки почвы, изготовлявшиеся в древности, как правило, из дерева, лишь в исключительных случаях сохраняются в археологическом материале, а по отдельным деталям орудий, поступающим в распоряжение археолога, трудно, а подчас и невозможно восстановить их внешний вид и однозначно определить назначение. Поэтому отправным пунктом исследования картины древнего земледелия должен служить этнографический материал. Приведение в соответствие археологических и этнографических фактов о ранних этапах развития земледелия является настоятельной задачей не только для лесной полосы Восточной Европы. Речь идет, разумеется, не о привлечении отдельных аналогий, а о применении к данному конкретному случаю общих закономерностей развития земледельческого хозяйства, которые прослеживаются у всех или у большинства народов. Такой путь исследования — от этнографии к уже имеющимся археологическим материалам, достаточно широко применяемый в археологии, в данном случае представляется единственно возможным и надежным. Приходится, конечно, примириться с тем, что при современном состоянии источников наши выводы могут носить лишь предположительный характер, представлять собой более или менее обоснованную гипотезу, что, впрочем, весьма характерно для выводов, делаемых на основании археологического материала.

I

По вопросу о технике раннего земледелия в археологии безраздельно господствует мнение, что до появления пахотных орудий единственной формой обработки земли под посев была мотыжная обработка. Мотыга

признается «наиболее простым и древнейшим орудием обработки почвы», ее возникновение относится «к начальным периодам развития земледелия» [1], хотя и встречаются неясные указания на то, что орудием для обработки почвы наряду с мотыгой могла быть и простая палка [2]. Считается, что «мотыжное земледелие ...не являлось местной особенностью отдельных племен, но представляло собой первоначальный этап развития земледелия во всех основных районах нашей страны», этап, для которого в качестве основных орудий для обработки почвы были характерны «ручные мотыги» [3]. Известные находки «деревянных заступов» на восточном склоне Урала [4], как и некоторые западно- и среднеевропейские находки не поколебали этого представления. Гипотеза об особой всеобщей стадии мотыжного земледелия, предшествовавшей пашенному земледелию, и о мотыге как о первоначальном и древнейшем орудии первичной обработки почвы, сформулированная еще в XVIII в.[5], основывающаяся на отдельных находках предметов из камня, кости, дерева и металла, трактуемых как мотыги, и на отдельных случайных аналогиях, взятых вне общей картины развития земледельческих орудий, восстанавливаемой по этнографическим материалам, не может нас удовлетворить, ибо она противоречит современным фактам этнографии.

Новейшие факты этнографии указывают, что мотыга вообще была известна далеко не всем первобытным земледельческим народам, что мотыжное земледелие (т. е. такое земледелие, при котором основным почвообрабатывающим орудием, орудием первичной обработки почвы является мотыга) не представляет собой единственной формы доплужного земледелия. Выделены формы земледелия, характеризующиеся применением иных ручных орудий: простых палок для копания, таких же палок с подножками, лопатообразных и «царапающих» орудий и ручных орудий для проведения борозд. Известны формы земледелия, при которых обработка земли вообще не производилась, а посев происходил в ямки, сделанные в мягкой почве палкой, или семена, разбрасываемые на мягкой и влажной земле, не подвергшейся предварительной обработке, затаптывались ногами прогоняемых по участку животных. Если последний вид земледелия применялся на весьма ограниченной территории в силу необходимых для него особых физико-географических условий, то остальные перечисленные формы земледелия зафиксированы на огромных пространствах Старого и Нового Света и могут рассматриваться как определенные этапы развития земледелия, как и орудия, их характеризующие [6].

Этнографический материал показывает, что у подавляющего большинства первобытных земледельческих народов мотыга не являлась основным почвообрабатывающим орудием, а выполняла лишь вспомогательную роль, служила для разбивания комьев земли после ее обработки другими ору-

---

[1] В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тыс. н. э. МИЗ, I, М., 1952, стр. 132; его же. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 95.

[2] Очерки истории СССР. I, М., 1958, стр. 55.

[3] В. М. Слободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э. МИЗ, I, стр. 23, 51, 77.

[4] В. Толмачев. Древнейшие заступы, найденные на восточном склоне Урала. Прг., 1915; А. В. Шмидт. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе ИГАИМК, 106, 1935.

[5] Ch. Meiners. Kurze Geschichte der Entstehung und Fortbildung des Ackerbaus. «Neues Göttingischer historischen Magazin», III, 1794.

[6] K. Sapper. Einige Bemerkungen über primitiven Feldbau. «Globus», 97, 1910; M. Schmidt. Die materielle Wirtschaft bei den Naturvölkern. Leipzig, 1923; G. Friederici. Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer. I, Stuttgart — Gotha, 1925; H. Kothe. Die Wirtschaftsstufen und ihre zeitliche Eingleiderung. Jahrbuch fur vergleichende Volkskunde, I, Göttingen, 1948; его же. Völkerkundliches zur Frage der neolitischer Anlauformen in Europa. EAF, I, Berlin, 1953.

диями и для заделывания семян при посеве, прополке, рыхлении и т. п.[7]. Известно много веских доказательств, что мотыга стала основным орудием обработки почвы лишь у некоторых племен только с распространением железа, как это имеет место в отношении ряда африканских племен, практикующих мотыжное земледелие[8]. В отношении племен юго-востока Северной Америки, употреблявших в качестве основного почвообрабатывающего орудия мотыги с бойком из кости или раковины, существует предположение о сравнительно позднем возрасте этого орудия, появившемся здесь под влиянием европейцев[9]. Существование каменных мотыг, которые служили бы основными почвообрабатывающими орудиями, большинством этнографов вообще отрицается, что целиком и полностью относится и к тем «каменным мотыгам», которыми так часто оперируют археологи[10]. Эти хорошо обоснованные на обширном материале выводы этнографии необходимо должны учитываться при попытках восстановления древнего земледельческого хозяйства по археологическим данным. Нет никаких оснований полагать, что изучаемые археологами племена, в частности древние племена Европы, представляли какое-то исключение в отношении своей земледельческой техники.

Большинство каменных, костяных и металлических предметов, происходящих из раскопок на рассматриваемой территории и интерпретируемых археологами как мотыги, применяемые в земледелии, по формам, функциональным особенностям и размерам вряд ли могут быть признаны таковыми, во всяком случае, однозначно так истолковываться. Те каменные орудия, которые по ряду признаков можно отнести к мотыгам, как показывают эксперименты, неприменимы для обработки даже в небольшой степени задернованной почвы ибо они мнут, а не откладывают пласт земли. Их узкое лезвие делало бы их весьма малопроизводительными, а небольшое расстояние от края лезвия до места прикрепления рукояти практически позволяло бы обрабатывать почву на слишком малую глубину. То же можно сказать и о деревянных мотыгах, известных, например, по находкам в Сарнате. Но эти орудия с успехом могли выполнять роль вспомогательных, служить для разбивания комьев земли или заделывании семян при посеве и т. п. операций, как это и наблюдается у многих отсталых земледельческих народов. Именно на такое применение деревянных мотыг из швейцарских свайных поселений указывают Ф. Келлер и Х. Мессикомер[11]. Применение в качестве основных почвообрабатывающих орудий роговых мотыг, например трипольских, также маловероятно вследствие узости их лезвия, что делало бы их крайне малопроизводительными даже на мягких почвах. Кроме того, такие орудия не были специализированными почвообрабатывающими орудиями, так как применялись также и в качестве кирок при добыче кремня[12]. Железные «мотыги» (которые по своим формам, впрочем, в большинстве случаев вряд ли отличимы от тесел) в лесной полосе Восточной Европы до середины I тысячелетия изве-

---

[7] K. Sapper. Ук. соч.; G. Friederici. Ук. соч.; Y. Willes. Diggingsticks, Spades, Hoes, Axes and Aders of the Kuman People. «Antropos», 37—40, 1942—1945; H. Kothe. Ук. соч.; H. Damm. Form und Anwendung der Feldgeräte beim pflugloser Anbau der Ozeanier. EAF, II, Berlin, 1954.

[8] G. Friederici. Ук. соч.; W. G. Beck. Beiträge zur Kulturgeschichte der afrikanischer Feldarbeit. Studien zur Kulturkunde, VIII, Stuttgart, 1943.

[9] Народы Америки. I, М., 1959, стр. 231.

[10] G. Holtker. Steinerne Ackerbaugerächte. «Internationales Archiv für Ethnographie», 1947, 45.

[11] F. Keller. Pfahlbauten. Mitteilungen der Antiquarischen Gesellschaft in Zürich, XV, Zürich, 1885, стр. 249; H. Messikomer. Die Pfahlbauten von Robenhausen. Zürich, 1913, стр. 59.

[12] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 179 сл.; Г. М. Ковнурко, Н. Н. Гурина. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии. СА, 1964, 2, стр. 10, 11.

стны только в Польше, Прибалтике и Поднепровье [13], причем появляются там и тогда, где и когда можно уже предполагать использование целиком деревянных пахотных орудий [14]. Среди них нет широколезвийных орудий, типичных для настоящего мотыжного земледелия. Это наводит на мысль, что и железные тесла употреблялись в качестве вспомогательных орудий, необходимых при обработке земли примитивным ралом. Следует, наконец, добавить, что не мотыга, а лопата, ведущая свое происхождение от палки для копания, сохранилась на интересующей нас территории, как и во всей Европе, в качестве основного орудия при ручной обработке земли [15].

Вопреки широко распространенному мнению [16], мотыгу нельзя считать главным и древнейшим орудием и при подсечном земледелии. Во-первых, по данным этнографии, мы знаем употребление на подсеке для обработки почвы только железных мотыг, в то время как подсечным земледелием занимались многие племена, не знавшие употребления железа. Появление подсечного земледелия в Европе можно отнести ко времени задолго до начала выплавки железа. Мотыги из иного материала вообще вряд ли применимы на изобилующих корнями почвах подсек. Во-вторых, в этнографическом материале мотыга выступает в большинстве случаев лишь в качестве вспомогательного орудия, применявшегося эпизодически, и не для сплошной обработки площади подсеки, а для разрыхления земли и уничтожения корней у пней, разрыхления каменистых участков, разбивания комьев спекшейся земли и т. п., т. е. при тех работах, без которых подсечное земледелие вполне может обойтись. Деревянные мотыги служили только для перемешивания слоя золы после пожога [17]. Главным средством обработки земли при подсеке, как известно, был огонь, а сплошная обработка площади подсеки велась другими орудиями — бороной-суковаткой и граблеобразными орудиями [18]. По-видимому, не случайно отсутствуют мотыги в археологическом материале многих районов, где можно предполагать наличие подсечного земледелия. Можно вполне согласиться с мнением Р. Ирлова, что железная мотыга как орудие, применявшееся на подсеке, является по своему происхождению весьма поздним [19].

Итак, как этнографические, так и археологические материалы ставят под сомнение всеобщее применение мотыг в качестве основных почвообрабатывающих орудий раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. В то же время археологический материал рассматриваемого времени позволяет предполагать употребление здесь иных ручных почвообрабатывающих орудий, имеющих широкие аналогии в этнографическом материале. К сожалению, об их наличии мы можем судить только по отдельным фрагментам, ибо целых орудий не найдено, что затрудняет их

---

[13] Z. Podwinska. Technika uprawy roli w Polsce sredniowieczney. Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1962; Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. СА, XVII, 1953, стр. 106 сл.; О. Н. Мельниковская. Милоградская культура. КСИА, АН СССР, 94, 1964.

[14] Здесь не имеются в виду бронзовые и железные втульчатые орудия, часто называемые мотыгами. Кажется возможным говорить об их иной интерпретации, о чем речь будет ниже.

[15] На территории лесной полосы СССР использование железной мотыги для поднятия нови засвидетельствовано только у мари, но и здесь это не составляло системы и не может рассматриваться как переживание древнего приема обработки почвы. Т. Н. Крючкова. Материальная культура марийцев в XIX в. Йошкар-Ола, 1956, стр. 14.

[16] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, XIV, вып. 1, 1932, стр. 21 сл.

[17] М. Д. Григорьевский. Карелы. Вестник Олонецкого губернского земства. б/м. изд., 10, 1908; П. Н. Третьяков. Ук. соч.; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. Тр. ИЭ, нов. сер., 45, М., 1958, стр. 39; Т. Н. Крюкова. Ук. соч., стр. 14; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1935, стр. 113; D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin — Leipzig, 1927, стр. 13.

[18] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 23, 24; R. Jirlow. Pflugloser Getreidebau in Schweden. EAF, IV, Berlin, 1954, стр. 29 сл.

[19] R. Jirlow. Ук. соч., стр. 29.

правильное истолкование. К числу таких орудий можно отнести, во-первых, палки для копания земли, в литературе часто называемые не совсем удачным термином «палки-копалки». В большинстве случаев они изготовлялись целиком из дерева и до нас по вполне понятным причинам не дошли. Но, судя по данным этнографии, они часто снабжались наконечниками из различных материалов, которыми и представлены в археологических находках. В качестве таких наконечников следует рассматривать, прежде всего, широко распространенные втульчатые орудия, сделанные из крупных и крепких трубчатых костей, реже — из рога, с косозаточенным рабочим краем подтреугольной формы, иногда — прямым. Длина этих поделок колеблется от 8 до 13 *см*, на верхней части втулки, имеющей внутренний диаметр 2,4—5 *см*, у большинства орудий имеется отверстие для скрепления с деревянной рукояткой. Рабочий край носит следы длительной работы в виде заполированности и тонких царапин, которые могли быть оставлены трением частиц земли (рис. 1, *1*). Находки подобных наконечников отмечены еще в позднем неолите (нижний слой стоянки № 3 Карашского торфяника, раскопки Д. А. Крайнова). Они известны в Прикамье в ананьинское [20] и пьяноборское [21] время, в Среднем Поволжье в эпоху бронзы и раннего железа [22], на городищах Ветлуги и Унжи ананьинско-пьяноборского времени [23], на городецких городищах по течению Оки [24], на дьяковских городищах [25], в Прибалтике [26], в юхновском слое Полужского городища («костяная пешня») [27] и некоторых других районах. В литературе эти орудия обычно связываются с земледелием, но, на мой взгляд, неправильно считаются мотыгами, хотя уже высказывались мнения о применении их в качестве наконечников «палок-копалок» [28]. Употребление таких орудий в качестве мотыг было бы весьма затруднительно. Аналогий таким мотыгам в этнографическом материале нет. Зато известны палки для копания с костяными и роговыми наконечниками, аналогичными найденным при раскопках (рис. 1, *2*, *3*). Типологически и функционально к ним примыкают некоторые бронзовые и железные орудия с несомкнутой втулкой и заостренной рабочей частью (рис. 1, *4*, *6*). Их пропорции и размеры аналогичны описанным костяным наконечникам. Таковы бронзовая «мотыга» с городища Грохань [29], бронзовый недатированный наконечник из случайной находки близ Елабуги [30], железный наконечник из окрестностей Тетюшей [31], обломок железного втульчатого орудия из Минского городища [32] и другие находки. Конусообразные железные втульча-

---

[20] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 45 сл.

[21] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 102, 103.

[22] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 248.

[23] О. Н. Бадер. Городища Ветлуги и Унжи. МИА, 22, 1951, стр. 126, 152, 153.

[24] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 47.

[25] Колл. ГИМ со Старшего Каширского городища; О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 153.

[26] Л. Крживицкий. Последние моменты неолитической эпохи в Литве. Сб. в честь 75-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913, стр. 311, рис. 7, 8; Р. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai. Vilnius, 1956, рис. 7—10; А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на о. Саарема. Древние поселения и городища. Археологический сборник, I, Таллин, 1955, рис. 36, *1*, *3*.

[27] А. К. Амброз. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 57.

[28] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 45; А. И. Смирнов. Ук. соч., стр. 47.

[29] А. В. Збруева. Ук. соч., табл. VIII, *4*.

[30] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на среднем Урале и в Приуралье. МИА, 70, 1957, табл. I, *7*.

[31] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 96, 1961, рис. 19, *1*.

[32] Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, рис. 66, *5*.

тые орудия известны в Прибалтике[33]. Весьма вероятна такая же интерпретация втульчатых железных орудий, иногда достигающих значительных размеров, называемых обычно «пешнями»[34]. О том, что такие «пешни» могли быть наконечниками орудий для копания земли может указывать «пешня» из Муромского могильника X—XI вв., где она оказалась воткнутой на краю кремационной ямы, для выкапывания которой она, оче-

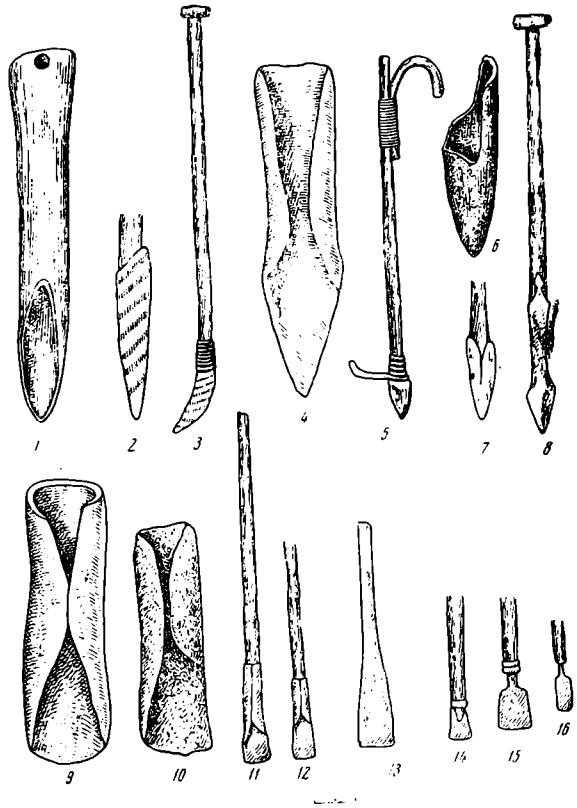


Рис. 1. Примитивные орудия для обработки земли по археологическим и этнографическим данным.

Археологические находки: *1* — Луговской могильник, *4* — городище Грохань, *6* — Минское городище, *9* — Котловский могильник, *10* — окрестности Тетюшей, *13* — городище Березняки. Палки для вскапывания земли по этнографическим данным: *2* — бушмены (рог антилопы), *3* — Оркнейские острова (рог коровы), *5* — древнее Перу, *7* — Швеция, *8* — Эстония, *11* — Юго-Восточная Азия, *12* — Турция, *14—16* — Африка (*1—3* — кость; *4*, *5*, *9* — бронза; *6—8*, *10—16* — железо)

видно, была употреблена[35]. Подобные бронзовые и железные изделия хорошо известны как наконечники палок для копания земли в этнографическом материале различных частей света (рис. 1, *7*, *8*).

Другой тип наконечников такого рода орудий имеет рабочий край подпрямоугольной формы, иногда более широкий, чем втулка. Такие орудия могут рассматриваться как переходные от копательных палок к лопатам (рис. 1, *9*, *10*). Наиболее ранними наконечниками таких орудий в Восточной Европе могут рассматриваться так называемые тесловидные орудия с несомкнутой втулкой, особенно второй группы, по Б. Г. Тихонову[36]. Он

[33] E. Šnore. Kara Kapi Merdzenes p. Dzervju ciema. Senate un Māksla, II, 1936, стр. 22; K. Engel, W. La Baume. Kulturen und Völker der Frühreit in Preussenlande. Königsberg, 1937, рис. 20*g*, 21*h*, 22*g*.

[34] Я. В. Станкевич. К истории населения верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960, рис. 25, *1*.

[35] Е. И. Горюнова. Муромский могильник. КСИИМК, 52, 1953, рис. 10, *8*.

[36] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 54.

рассматривает их также в качестве земледельческих орудий. Размеры орудий 9—12,5 *см*; несомкнутая втулка составляет обычно $^3/_5$ длины орудия. Втулка не имеет отверстия для скрепления с деревянной частью, но края ее довольно плотно прилегали к ней, образуя упор. Б. Г. Тихонов датирует эту группу находок от XIV—XII вв. до н. э. до рубежа II—I тысячелетия до н. э. и указывает их распространение в нижнем Прикамье и прилегающем районе среднего Поволжья, в основном в лесной зоне [37]. Аналогичные орудия, но уже из железа известны в Прикамье, среднем Поволжье, в долине Оки и некоторых других районах и в более позднее время [38]. Наконечники палок для копания такой формы также находят широкие аналогии в этнографическом материале (рис. 1, *11*, *12*). Однако интерпретацию некоторых из таких железных орудий в качестве наконечников мотыг полностью отрицать нельзя. Сходное устройство имели наконечники куштанов — мотыг, употреблявшихся на подсеке у коми [39].

Вполне возможно применение в тех же целях, т. е. в качестве наконечников копательных палок, железных лопаточек с прямым стержнеобразным черешком [40] (рис. 1, *13*), которые, судя по этнографическим параллелям, могли вставляться в расщеп древка или просто привязываться к нему [41] (рис. 1, *14—16*). И. Петерсен и Р. Ирлов высказывают предположение, что в качестве наконечников орудий, переходных от копательной палки к лопате, могли применяться и некоторые типы железных кельтов [42]. Такое предположение кажется мне вполне обоснованным в отношении по крайней мере некоторых из симметричных кельтов с несколько несомкнутой втулкой и лопатообразно расширенным лезвием. Такие кельты известны в ряде пунктов лесной полосы [43]. Внешнее сходство орудий для обработки земли с орудиями обработки дерева неоднократно отмечалось в этнографической литературе [44].

Ручная обработка земли при помощи палок, иногда слегка изогнутых, достаточной длины и прочности для того, чтобы служить рычагом для переворачивания пластов земли, была чрезвычайно широко распространена повсеместно, где было распространено земледелие. Часто такие орудия снабжались костяными, роговыми, бронзовыми и железными наконечниками, иногда даже в деталях аналогичных описанным выше. Такие орудия применялись как для первичной обработки почвы, в том числе и сильно задернованной, так и для предпосевной обработки уже длительное время обрабатывавшихся участков, а также для проделывания лунок при посеве. Длина орудий для первой из упомянутых операций достигала 2,5—3 *м*, другие могли быть меньших размеров. Такие почвообрабатывающие орудия зарегистрированы в Океании и Новой Гвинее [45], Северной и Южной

---

[37] Б. Г. Тихонов. Ук. соч., стр. 54, 55, табл. XV.

[38] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, рис. 19,*9*; Е. И. Горюнова. Раскопки Теньгушевского и Наровчатского городищ, 1939, г. КСИИМК, V, 1940, рис. 16, *а*; Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, XXII, 1953, рис. 1, *5*; Н. Н. Новокрещеных. Гляденовское костище Пермской губ. на р. Каме. Тр. Пермской ученой архивной комиссии, XI, 1914, табл. XII, *7*, *13*; А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, рис. 6, *4*.

[39] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, 22, 1951, рис. 12.

[40] П. Н. Третьяков. К истории верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, рис. 71, *1*; Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, 4, стр. 84, рис. 2, *9*; А. Е. Алихов. Ук. соч., рис. 6, *3*.

[41] E. Werth. Grabstock, Hacke und Pflug. Lüdwigsburg, 1954, рис. 19, 20.

[42] J. Petersen. Vikingetidens redskaper. Skrifter utgitt av det horske Videnskaps-Akademii Oslo, II, 2, 1951, стр. 97 сл.; R. Jirlow. Ук. соч., стр. 36 сл.

[43] H. Moora. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Cn., I, Tartu, 1932, табл. XXXIII; В. Ф. Геннинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. Сб.: «Вопросы археологии Урала», 4, Свердловск, 1962, рис. 11, *5*.

[44] В. Швецов. Примитивное земледелие на Алтае. Записки Западно-Сибирского отделения РГО, 27, Омск, 1900, стр. 12.

[45] H. Damm. Ук. соч., стр. 19 сл.

Америке [46], Азии [47], Африке [48]. Пережитки земледелия с применением такого рода орудий прослежены и во многих областях Европы — Шотландии, Ирландии, Норвегии, Фарерских островах [49], в Швеции [50], Германии, Италии, Швейцарии, Франции и др. [51]. Почвообрабатывающие орудия в виде палок с железными наконечниками в недавнем прошлом были известны в Эстонии [52] и Белоруссии [53]. Простота этих орудий, их бесспорное происхождение от «палки-копалки», употребляемой собирателями [54], наличие их в самых примитивных обществах дают возможность предполагать их глубокую древность в Европе [55]. Не может быть сомнения, что и на рассматриваемой территории палки для копания земли, сначала без укрепляющих их наконечников, затем — с костяными и металлическими наконечниками употреблялись уже со времени распространения здесь земледелия и просуществовали весьма долго, по-видимому, до появления здесь пахотных орудий и даже некоторое время сосуществовали с ними. Возможно, что многие из них могли иметь подножку для более удобного пользования. Прямых указаний на это в нашем археологическом материале нет, но находки «палок с педалями» на восточном склоне Урала (рис. 2, *9*) и многочисленные этнографические параллели (рис. 2, *5—8*) делают это предположение вполне вероятным. Орудие типа «палки-копалки» с педалью из северной Башкирии хранится в Этнографическом музее Будапешта [56]. Возможно и применение целиком деревянных лопат, прообразами которых были палки для копания, подобных, например, лопатам из Старой Ладоги и городища Лыхвере

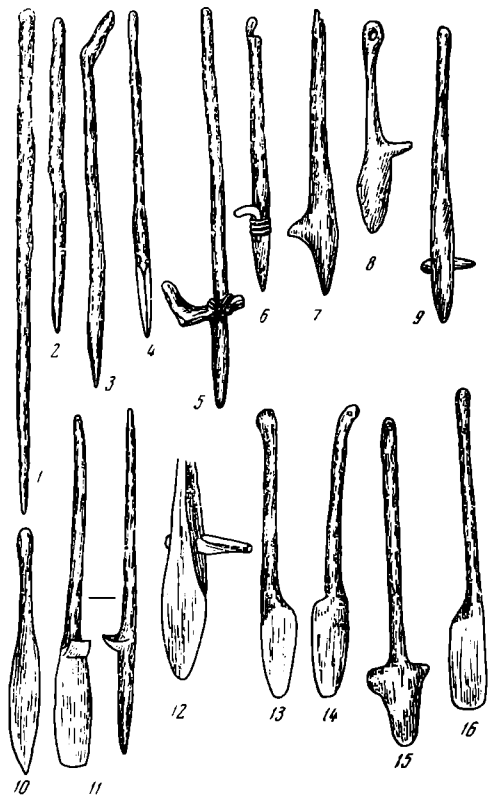


Рис. 2. Деревянные орудия для обработки земли по этнографическим и археологическим данным

1—4 — палки для вскапывания земли (*1* — Юго-Восточная Азия, *2* — Калифорния, *3*, *4* — Океания); *5—9* — палки для копания земли с подножками (*5* — Юго-Восточная Азия, *6* — Новая Зеландия, *7* — юго-запад Северной Америки, *8* — о. Готланд, по рельефу раннесредневековой церкви, *9* — Шигирский торфяник); *10—16* — лопаты (*10*, *11* — Новая Зеландия, *12* — Судан, *13* — Скандинавия, *14* — Северная Америка, *15* — Белорусское Полесье, *16* — городище Лыхвере в Эстонии)

[46] Народы Америки, I, стр. 198, 291; II, стр. 282, 364; K. Sapper. Beiträge zur Kenntnis der Besitzergreifung Amerikas und zur Entwicklung der altamerikanischen Landwirtschaft durch die Indianer. Mitteilungen aus dem Museum für Völkskunde in Hamburg, XIX, 1938, стр. 21 сл.

[47] E. Werth. Ук. соч., стр. 130 сл.

[48] M. Martin. Basotuland, Its Legends and Customs. London, 1903, стр. 40 сл.; L. Frobenius. Kulturgeschichte Afrikas. Wien, 1903; H. Kothe. Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie. EAF, II, стр. 171; W. G. Beck. Ук. соч.

[49] S. Steinsnes. Gamle äkerreidskapar i Karmsund. Hangesund Museum, Arshifte 1935—1945. Hangesund, 1946, стр. 82 сл.; R. Jirlow. Drag ur färöriskt arbetsliv. «Rig», 1931, стр. 114 сл.

[50] R. Jirlow. Pflugloser Getreidebau in Schweden, стр. 34 сл.

[51] H. Kothe. Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie.

[52] F. Manninen. Die Sachkultur Estlands. Tartu, 1933.

[53] А. К. Сержпутовский. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. МЭ, I, СПб., 1910, рис. 3.

[54] H. Damm. Ук. соч., стр. 19—21.

[55] H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage..., стр. 68 сл.

[56] H. Kothe. Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie, стр. 197.

в Эстонии [57]. Точных сведений о времени появления таких орудий в Европе нет. В этнографическом материале они весьма широко распространены во всех частях света, часто сопутствуя палкам для копания (рис. 2, *10—15*). Р. Ирлов предполагает, что в Швеции подобные орудия появились не ранее начала железного века [58].

Если работа лопатообразными орудиями и палками для копания, снабженными подножками, сходна в принципе с работой современной лопатой, то приемы работы простыми палками для копания (рис. 2, *1—4*) несколько отличны. Вот как описывает Н. Н. Миклухо-Маклай обработку почвы у папуасов при помощи «удья» — заостренных палок длиной до 2,5 *м*: «Двое или трое мужчин становятся в ряд, глубоко втыкают заостренные удья в землю и потом одновременно, одним взмахом поднимают большую глыбу земли. Если почва тверда, то в одно и то же место втыкают удья два раза, а потом уже поднимают землю». Вскопанная таким образом земля разрыхляется потом такими же палками меньших размеров и даже руками, что составляет уже работу женщин и детей. Подобным образом вскапываются значительные площади нетронутых целинных земель [59]. Отмечены случаи работы двумя такими орудиями одновременно [60]. Характерной чертой работы такими орудиями является коллективная работа. Разрыхление вскопанной простыми палками или палками с подножками земли часто производилось и мотыгами, как например, у ирокезов [61], инков [62] и майя [63].

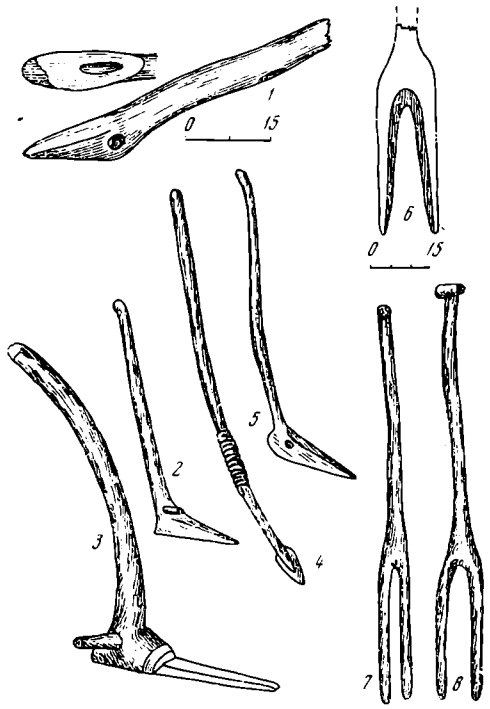


Рис. 3. Ручные орудия для проведения борозд и вилообразные земледельческие орудия по археологическим и этнографическим данным.

Ручные орудия для проведения борозд: *1* — поселение Цедмар, *2* — Шотландия, *3* — Новые Гебриды, *4* — Судан, *5* — Палестина (*1* — рог оленя, *2*, *5* — целиком деревянные, *3*, *4* — с железными наконечниками). Вилообразные земледельческие орудия: *6* — поселение Цедмар, *7*, *8* — Эстония

Близки к палкам для вскапывания и вилообразные орудия. На нашей территории имеется лишь одна археологическая находка такого рода — обломок двузубого деревянного орудия из свайного поселения в Цедмаре, относящегося к бронзовому веку [64] (рис. 3, *6*). Предположенная, правда с большими оговорками, Брентьесом реконструкция этого орудия как рассохи сохи, маловероятна. Вилообразные землекопные орудия известны у ряда народов Азии и

---

[57] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII — X вв. из Старой Ладоги. СА, XXI, 1954; H. Moora. Muiste Linnuste uurimise tulemustes Eesti NSV. Древние поселения и городища. Археологический сборник, I, Таллин, 1955, табл. XIII, 5, 7.

[58] R. Jirlow. Ук. соч., стр. 36 сл.

[59] Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., III, 1, стр. 73—75.

[60] H. Damm. Ук. соч., стр. 50; E. Werth. Ук. соч., стр. 135.

[61] Народы Америки. I, стр. 198, 199.

[62] Народы Америки. II, стр. 282; K. Sapper. Beiträge zur Kenntnis...., стр. 21 сл.

[63] Народы Америки. II, стр. 61, 62; M. Steffen. Über die Landwirtschaft bei den altamerikanischen Kulturvölkern. Halle, 1882, стр. 22.

[64] B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges. Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luter-Universität, Halle — Wittenberg, II, 10, 1952—1953, табл. I, *6*.

Южной Америки, в Европе до недавнего времени употреблялись у басков и в Эстонии [65] (рис. 3, *7, 8*). Употребление вилообразных орудий для обработки почвы аналогично употреблению лопат. Они употреблялись обычно при обработке мягкой уже длительное время обрабатывавшейся земли.

Иной тип почвообрабатывающих орудий представляют собой ручные орудия для проведения борозд. В уже упомянутом свайном поселении Цедмар было найдено орудие с коленообразным изгибом и сверлиной у изгиба, сделанное из рога оленя (рис. 3, *1*). Находка датируется периодом ранней бронзы. В. Гаерте считал ее частью плуга [66]. Однако форма и пропорции орудия, наличие сверлины для подножки позволяет видеть в ней часть составного орудия для проведения борозд того типа, который в немецкой этнографии обозначается как Furchenstock, в английской известно под кельтским названием Cashrom, а иногда называется «ручным плугом». Эти орудия использовались как для проведения борозд перед посевом, так и для первичной обработки земли. Характерной чертой обработки земли такими орудиями является коллективный труд [67]. Работали таким орудием почти так же, как лопатой. Имеются сведения и об употреблении таких орудий в качестве настоящего ручного плуга, когда один человек тянет орудие вперед за веревку, а другой нажимает на него, не давая ему выйти из земли. В этом случае наличие подножки (упора для ноги) у орудия не требуется [68].

Распространение ручных орудий для проведения борозд этнографически отмечается на обширной территории Евразии от Японии и Китая до Шотландии и Ирландии, а также в северной и центральной Африке [69], однако они отсутствуют в Океании, Америке и Южной Африке (рис. 3, *2—5*). Х. Коте предполагает, что система бороздчатой обработки земли вместе с типичными для нее орудиями проникла в Европу из Передней Азии. Возникновение ее он относит ко времени не ранее энеолита и предполагает наличие ее в культуре боевых топоров в Центральной Европе и культуре колоколовидных кубков на западе [70].

По-видимому, система бороздчатой обработки земли и необходимые для этого орудия были распространены и в лесной полосе европейской части СССР, может быть проникнув сюда с запада, хотя нет оснований отрицать и возможность самостоятельного возникновения этой системы обработки почвы в различных районах. Х. Коте считает, что Furchenstock и сходные с ним по форме орудия для молотьбы, в русской этнографии носящие название «кичиги», возникли одновременно, вторые под воздействием первых, что кичиги являются характерными орудиями для молотьбы в земледелии с применением бороздчатой обработки земли. Следовательно, картографирование распространения кичиг может дать представление о бытовании на этой территории и ручных орудий для проведения борозд [71]. На территории европейской части СССР кичиги этнографически засвидетельствованы в Латвии [72], Эстонии [73], северо-западе РСФСР [74], бывшей Ар-

---

[65] E. Werth. Ук. соч., рис. 24.

[66] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 54.

[67] C. Curwen. Prehistoric Agriculture in Britain. «Antiquity», I, 1927, стр. 269; J. Logan. The Scottisch Gael. London, 1831, стр. 91.

[68] H. Kothe. Völkerkundliches zur Frage..., рис. 11, 14, 17.

[69] H. Kothe. Ук. соч., стр. 43, карта.

[70] H. Kothe. Ук. соч., стр. 37—68.

[71] H. Kothe. Ук. соч., стр. 41 сл.; его же. Verbreitung und Alter der Stangenschliefe. EAF, I, стр. 86.

[72] D. Trotzig. Slagon och andre tröskadskap. Nordiske Museets, 17, 1943, стр. 101 сл.

[73] Л. Х. Феоктистова. Старинные эстонские земледельческие орудия. ВЭИНП, I, М., 1959, стр. 418, рис. 5.

[74] D. Zelenin. Ук. соч., стр. 52.

хангельской губ., на средней и нижней Печоре[75]. Кичиги признаются древнейшими из дошедших до наших дней орудий молотьбы в Восточной Европе[76]. Имеются и другие свидетельства о применении орудий для проведения борозд на территории лесной полосы. Так, В. А. Русанов сообщает, что у коми-зырян кое-где на участках освобожденных из-под леса применяется для проведения борозд простое ручное орудие в виде согнутой под углом и заостренной на конце палки. В проведенные таким орудием неглубокие борозды бросались семена[77]. К сожалению, более точного описания орудия не имеется. Указание на применение подобного же орудия, но употребляемого в качестве настоящего «ручного плуга», можно видеть и в коми-пермяцком эпосе: «Запрягает пермяк своих жен и детей в упряжку из виц. На вицах этих продет кол, на колу — малая железка. Железка эта прорезает в земле тонкую нить и в нитку эту зерно за зерном укладываем мы драгоценное жито»[78]. Важно подчеркнуть, что такой посев происходил на тщательно расчищенных от пней участках леса, что характеризует превращение подсеки в поля длительного пользования. Сведения о применении ручных плугов не редкость в этнографической литературе. Они употреблялись, например, арауканами в северном Чили[79], известны на территории Афганистана[80].

Рассмотренные орудия в целом не характерны для подсечного земледелия[81]. Они свидетельствуют скорее о превращении подсеки в поля длительного пользования. Применение палок для копания земли на подсеках в тропических областях обуславливалось характером выращиваемых здесь растений.

Подсечное земледелие в наиболее примитивной форме, с использованием подсеки под посев только в течение одного года[82], не требует применения специальных земледельческих орудий. Однако уже при вторичном использовании площади подсеки под посев рыхление почвы становилось обязательным[83]. Земледельческих орудий, бесспорно применявшихся при подсечном земледелии, в археологическом материале лесной полосы рассматриваемого времени нет. О них мы можем судить только по многочисленным этнографическим параллелям. Ко времени до появления пахотных орудий могут быть отнесены только борона-суковатка простейшей формы в виде обрубка ствола с суками, обрубленными на половину их длины, и орудия типа граблей из ствола дерева с двумя или несколькими корневыми отростками, грубо заостренными на концах (рис. 4, *1—3*). Такие орудия, называемые часто «царапающими», до недавнего прошлого сохранились на окраинах территории распространения подсечного земледелия в Европе[84].

В качестве вспомогательных земледельческих орудий, служивших для разбивания крупных глыб земли, которые получались всегда при обработ-

---

[75] В. Н. Белицер. Ук. соч., стр. 45, 46.

[76] В. Н. Белицер. О формировании культуры верхнепечерских и нижнепечерских коми. СЭ, 1952, 1, стр. 79.

[77] В. А. Русанов. Статьи, лекции, письма. М.— Л., 1945, стр. 356.

[78] Сказание о Кузым-Оше. Альманах «Дружба народов», М., 1940, 5, стр. 277.

[79] Народы Америки. II, стр. 364.

[80] E. Werth. Ук. соч.

[81] R. Jirlow. Ук. соч.

[82] Использование подсеки в течение одного года сохранилось до недавнего времени в лесной полосе СССР у коми, башкир и карел: В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 37; С. И. Руденко. Башкиры, стр. 114; Т. Кларк. Ук. соч., стр. 100 сл., а также в Швеции: R. Jirlow. Pflugloser Getreidebau in Schweden, стр. 31, и в некоторых других районах.

[83] П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе.

[84] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 23—34; Л. Н. Казаринов. Изделия из копани в Чухломском уезде. Тр. Костромского научного общества, 41, Кострома, 1926; В. Н. Белицер. Ук. соч., стр. 40; Т. Н. Крюкова. Ук. соч., стр. 16 и др.

ке земли палками для копания, могли служить кроме мотыг различные орудия: глызобойки, подобные найденным при раскопках в Старой Ладоге [85], каменные молоты типа найденных на ряде поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье [86] (рис. 4, *4*, *5*) и такие же деревянные молоты (рис. 4, *7*, *8*). По свидетельству В. Даля, глызобойки повсеместно бытовали в северных лесных районах [87]; их наличие

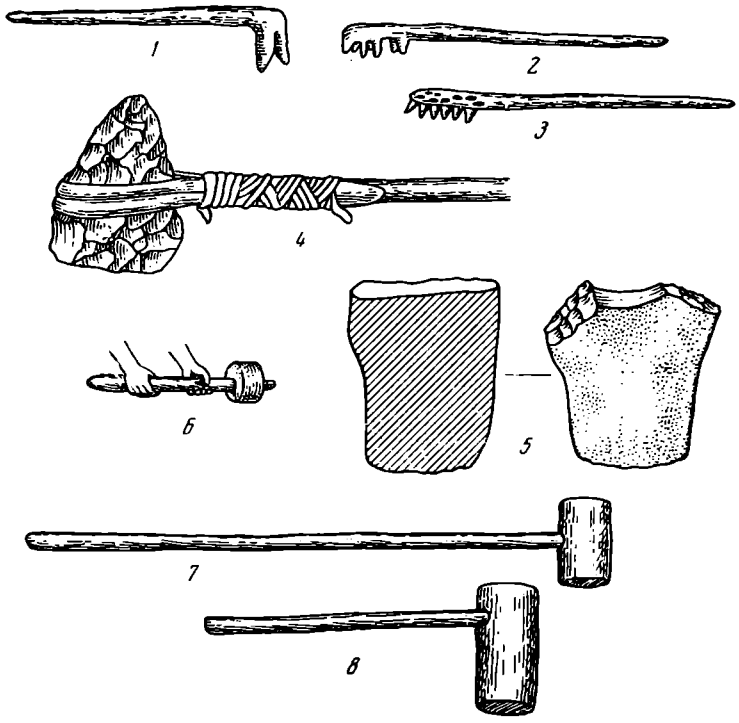


Рис. 4. Некоторые типы вспомогательных земледельческих орудий по этнографическим и археологическим данным.

Орудия подсечного земледелия: *1* — граблеобразное орудие, Костромская обл.; *2*, *3* — граблеобразные орудия, Швеция. Орудия для разбивания комьев земли: *4*, *5* — каменные молоты из археологических памятников Костромского Поволжья; *6* — Каменный молот по рельефу раннесредневековой церкви на о. Готланд; *7*, *8* — деревянные колотушки для разбивания комьев земли из Германии (*7*) и Японии (*8*)

отмечено в Западной Европе [88]. Каменный молот для разбивания комьев земли изображен на рельефе раннесредневековой церкви на о. Готланд в руках Евы (рис. 4, *6*), причем стоящий рядом Адам держит в руках палку для копания с подножкой и лопатообразным рабочим краем (рис. 2, *8*) [89]. Употребление деревянных молотов или колотушек для разбивания комьев земли этнографически засвидетельствовано во многих частях света, в том числе и в Европе [90].

---

[85] С. Н. Орлов. Ук. соч., стр. 256.

[86] Н. Н. Гурина. Ук. соч., рис. 11, 31, 65.

[87] В. Даль. Толковый словарь русского языка. I, М., 1935, стр. 369.

[88] G. Buschan. Illustrierte Völkskunde. Stuttgart, II, 1926, стр. 347, рис. 193. Изображенный здесь крестьянин в одной руке держит глызобойку, в другой — лопатообразное орудие.

[89] R. Jirlow. Ук. соч., рис. 4.

[90] E. Werth. Ук. соч., рис. 129; A. Bielenstein, Die Holzbauten und Holzgerähte der Letten, II, Petrograd, 1918, стр. 494.

II

Вопрос о системах земледелия в древности разработан крайне плохо. В единственном сочинении В. М. Слободина, специально посвященном этому вопросу [91], для лесной полосы европейской части СССР до начала II тысячелетия дается следующая схема смены систем земледелия: 1) «первобытное огородничество» — со времени появления земледелия на этой территории до широкого распространения железных орудий, т. е. до конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э.; 2) подсечное земледелие без применения пахотных орудий; следует за «первобытным огородничеством» и бытует до конца I тысячелетия; 3) подсечное земледелие с применением пахотных орудий, переходящее в лесной перелог, с конца I тысячелетия. Такая точка зрения разделяется многими археологами и нашла отражение в ряде сочинений [92]. В то же время ряд исследователей отстаивает значительно более раннее появление подсечного земледелия. Н. А. Прокошев [93], А. В. Збруева [94], В. А. Оборин [95] считают, что уже у ананьинских племен существовало развитое подсечное земледелие. Наличие подсечного земледелия у фатьяновцев предполагает О. Н. Бадер [96]. В то же время все авторы, касавшиеся вопроса о ранних системах земледелия в лесной полосе, склонны считать, что подсечная система была господствующей и даже единственной в этом районе накануне появления пахотных орудий [97]. Следует отметить, что в работах археологов, как правило, не приводится развернутой аргументации в пользу наличия той или иной системы земледелия. Упомянутые точки зрения, на мой взгляд, страдают известной односторонностью.

Схема смены систем земледелия В. М. Слободина, недостаточно аргументированная ни археологическими, ни этнографическими материалами, не может быть принята по самым серьезным соображениям. Во-первых, представляется неубедительным само выделение «первобытного огородничества» как особой системы земледелия. Как известно, под системами земледелия понимается совокупность агротехнических мероприятий, направленных на использование и поддержание природного плодородия почвы или его увеличение. По В. М. Слободину, «первобытное огородничество» характеризуется расположением небольших постоянно обрабатываемых участков земли на территории самих поселений или в непосредственной близости от них, что якобы поддерживало практическую неистощимость плодородия почвы за счет органических отбросов поселения [98]. Убедительные возражения против этого были выдвинуты Ю. Ф. Новиковым, что позволяет не останавливаться подробно на этом вопросе [99]. Действительно, такого рода «огородничество» не находит подтверждения ни в этнографическом, ни в археологическом материале. Ни о какой «неистощимости» почв первобытных «огородов» не может быть и речи. Необходимо должна была производиться периодическая смена обрабатываемых участков, рано или поздно терявших свое плодородие, т. е. земледелие велось по переложной или залежной системам. Если термин «первобытное огородниче-

---

[91] В. М. Слободин. Ук. соч.

[92] Очерки истории СССР. II, М., 1958, стр. 144, 148.

[93] Н. А. Прокошев. Узловые проблемы ананьинской культуры. Уч. зап. Удмурт. НИИ, IX, Ижевск, 1949.

[94] А. В. Збруева. Ук. соч.

[95] В. А. Оборин. К истории земледелия у древних коми-пермяков. СЭ, 1956, 2.

[96] О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. СА, II, 1937; его же. Балановский могильник. М., 1963.

[97] П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры Древней Руси. I, М., 1948; В. П. Левашева. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII в.». Тр. ГИМ, XXXII, М., 1956, стр. 21.

[98] В. М. Слободин. Ук. соч., стр. 25—27.

[99] Ю. Ф. Новиков. О возникновении земледелия и его первоначальных формах. СА, 1959, 4, стр. 36—38.

ство» и должен быть сохранен, то лишь для обозначения земледелия на небольших участках с применением ручных орудий, но никак не для обозначения особой системы земледелия.

Во-вторых, положение о столь позднем распространении подсечного земледелия [100] — только со времени появления железного топора, до сих пор разделяемое многими археологами, не согласуется с широко известными этнографическими фактами. Этнография знает массу примеров применения подсеки у племен, вооруженных лишь каменными топорами. Подсечное земледелие практиковалось у папуасов [101], почти во всей Меланезии [102], в Новой Зеландии [103], у ирокезов [104], у земледельческих племен бассейна Амазонки [105], араукапов [106], майя [107]. Для всех этих племен характерно краткосрочное (1—2 года) пользование очищенными лесными участками. Уничтожение леса осуществлялось этими племенами в значительных масштабах. Подобные примеры можно было бы умножить. Эксперименты, произведенные как в нашей стране, так и за рубежом, показывают, что прежние представления о крайне низкой производительности человека, работавшего каменным топором, не соответствуют действительности. Человек уже в эпоху неолита мог расчищать значительные участки леса при условии, что для подсеки выбирались места, поросшие сравнительно молодым лесом, а единичные старые деревья вообще не срубались, а тем или иным способом засушивались. Следует помнить также, что древнейшая фаза борьбы с лесом характеризуется сжиганием «подчерченных», т. е. засушенных на корню путем снятия коры, деревьев без их срубания [108]. О расчистке при помощи топора и огня лесных пространств в Средней и Западной Европе уже в период неолита убедительно свидетельствуют факты, приводимые И. Иверсеном [109], Г. Голдуином [110] и Г. Кларком [111]. На значение и древность подсечного земледелия на территории Польши указывает Г. Ломвианский [112]. В Швеции распространение подсечного земледелия связывается с появлением культуры ладьевидных топоров [113].

Вряд ли может быть сомнение и в глубокой древности подсечного земледелия в лесной полосе европейской части СССР. Так, наличие подсеки как господствующей системы земледелия можно с большой долей вероятности предполагать у племен фатьяновской культуры, определен-

---

[100] Следует напомнить, что «не всякое земледелие, где применяется огонь, является подсечным», что подсечное земледелие, рассматриваемое как особая система, есть лишь такое, при котором «борьба с лесом является не вынужденной необходимостью, а необходимым условием получения урожая. Огонь здесь играет роль важнейшего средства обработки земли, а не только средства расчистки участка из-под растительности». (П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе, стр. 4). Следовательно, более или менее длительное пользование вырубленным и выжженным участком леса, обрабатываемым сохой или ручными орудиями, нельзя считать земледелием по подсечной системе. К сожалению, в литературе это положение часто игнорируется.

[101] Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. М., 1923, стр. 167.

[102] Народы Австралии и Океании. М., 1956, стр. 394.

[103] Там же, стр. 584.

[104] Народы Америки. II, стр. 462.

[105] Там же, стр. 314, 315.

[106] Там же, стр. 364.

[107] Там же, стр. 62.

[108] А. Советов. О системах земледелия. М., 1877.

[109] I. Iversen. Land Occupation in Denemarks Stone Age. Danmarks Geologiske Undersgelse, II, København, 66, 1941; его же. Forest Clearnace in the Stone Age. «Scientific American», 194, 3—4, 1956.

[110] H. Golduin. Age and Origin of the Breckland. Heast of East Anglia. «Nature», 154, 1944.

[111] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 98 сл.

[112] H. Lomwianski. Podstavy Gospodarsze formowania sie panstw slowianskich. Warszawa, 1953, стр. 149 сл.

[113] R. Jirlow. Pflugloser Getreidebau in Schweden, стр. 34.

ные доказательства чего уже приводились в литературе [1,14]. Наличие земледелия у фатьяновцев доказывается как зерновыми находками [115], так и тем обстоятельством, что земледелие зафиксировано у всех близких к фатьяновской культур Европы. Исходя из того, что фатьяновские памятники располагаются в самых различных топографических условиях, часто вдали от речных долин, на самых разнообразных почвах, как мягких, так и тяжелых, как более плодородных, так и неплодородных, можно предположить, что их земледельческое хозяйство не связывалось с определенными типами почв, что возможно только при подсечном земледелии. На это же указывает и роль клиновидных полированных рабочих топоров в хозяйстве фатьяновцев, их важное значение в погребальном ритуале. Ни в одной археологической культуре лесной полосы нет такого обилия рабочих каменных топоров, как в фатьяновской.

Их огромное количество не может быть объяснено обычными потребностями обработки дерева. Известно, что у племен ямочно-гребенчатой керамики, обитавших в тех же экологических условиях и примерно в то же время, что и фатьяновцы, находки таких топоров редки, хотя нельзя предполагать, что эти племена в меньшей степени занимались обработкой дерева для своих нужд. Характерна связь фатьяновцев с лесными ландшафтами. Лишь единичные находки фатьяновских предметов встречаются за пределами современного распространения леса, хотя в среднем голоцене, когда существовала фатьяновская культура, граница леса проходила несколько южнее современной [116].

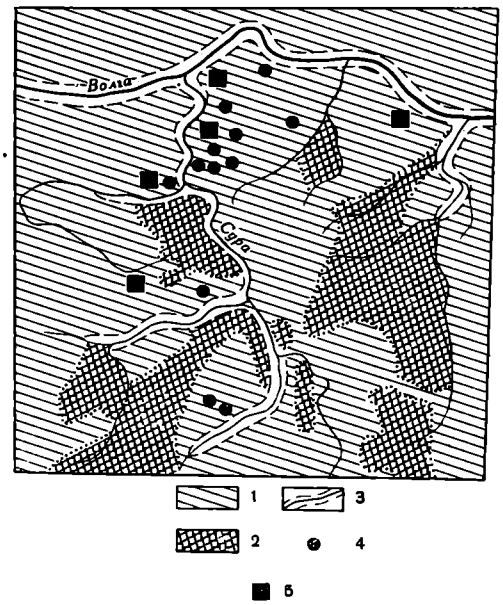


Рис. 5. Расположение фатьяновских памятников (по П. Д. Степанову) и типы почв в Западном Поволжье (по «Почвенной карте европейской части СССР»)

1 — лесные почвы различных типов, *2* — черноземные почвы, *3* — аллювиальные пойменные почвы, *4* — поселения, *5* — могильники

Показательно сопоставление карты распространения фатьяновских памятников в Чувашии с картой почв этого района (рис. 5). Здесь черноземные почвы глубокими языками вдаются на территорию распространения типичных лесных почв, что может служить доказательством наличия и в древности обширных безлесных пространств. Все фатьяновские памятники здесь располагаются только на лесных почвах. Такое тяготение к лесам при наличии рядом более плодородных степных участков нельзя объяснить ни потребностями скотоводческого хозяйства, ни потребностями охоты, ни потребностями иного способа ведения земледельческого хозяйства, кроме подсечной системы.

Ведение земледельческого хозяйства в условиях господства подсечной системы земледелия с краткосрочным использованием подсеки под посев, с учетом того, что далеко не каждый лесной участок мог быть использован под «огнище», а на многих выжженных участках лес затем не восстанавливался ввиду поедания и вытаптывания молодой поросли скотом, немн-

[114] О. Н. Бадер. Ук. соч.
[115] А. Л. Никитин. Фатьяновский могильник у с. Халдеево. СА, 1964, 3.
[116] М. И. Нейштадт. Палеогеография природных зон европейской территории СССР в послеледниковое время. Изв. АН СССР, сер. геогр., I, 1953.

нуемо приводило к неполной оседлости, к частой смене мест поселений, многочисленные подтверждения чему мы находим в этнографическом материале [117]. Археологические данные также позволяют предполагать частую смену мест поселений, обусловленную экстенсивным характером подсечного земледелия, у ряда племен Европы [118]. По-видимому, это является одной из характернейших особенностей обществ, земледелие которых целиком основывается на подсечной системе. Эта черта характерна и для фатьяновских племен. Наоборот, там, где подсечное земледелие сочетается с постоянным возделыванием полей, как, например, у папуасов, племен Океании и Новой Зеландии [119], у ирокезов [120] и многих других первобытных земледельческих племен, может наблюдаться и полная оседлость. На мой взгляд, это положение совершенно необходимо учитывать при определении господствующей системы земледелия у древних племен по археологическим данным.

Таким образом, появление подсечной системы земледелия в лесной полосе европейской части СССР можно предполагать уже на заре распространения земледелия на этой территории. Широкому распространению подсечной системы способствовал и господствовавший в этот период более теплый суббореальный климат и связанное с ним распространение далеко на север широколиственных лесов [121], расчистка которых была более легким делом, чем расчистка хвойных и смешанных лесов, и которые были хорошими пастбищами для скота.

Однако уже в этот период подсечная система не была единственной системой земледелия, бытовавшей у земледельцев лесной полосы. Если мы сравним расположение памятников таких племен, близких хронологически и территориально, имевших много общих черт в хозяйстве и культуре, обитавших в сходных экологических условиях, как фатьяновская и среднеднепровская, то мы не сможем не отметить значительной разницы. Расположение памятников среднеднепровской культуры в поймах рек или в непосредственной близости к ним, на краях береговых террас, почти полное отсутствие их на территории водоразделов (рис. 6) свидетельствует о том, что под земледельческие угодья [122] они использовали свободные от леса участки, расположенные на заливаемых и незаливаемых частях поймы, хотя мы и не можем с определенностью решить, чем определялось такое расположение поселений — нуждами земледелия или скотоводства. Не ставя своей задачей рассмотрение данных по каждой археологической культуре, отмечу лишь, что об использовании для земледелия открытых, не занятых лесами, земель племенами ладьевидных топоров на большей части территории Прибалтики свидетельствует расположение этих памятников, как и памятников I тысячелетия до н. э., вблизи морского побережья и в долинах некоторых рек, на территориях, которые, по мнению специалистов, не были заняты лесами [123]. По-видимому, преобладала обработка открытых пространств и у племен срубной культуры, в конце бронзового века вторгшихся в пределы Лесного Поволжья и Нижнего Прикамья и смешавшихся здесь с местными племенами, которым пе-

---

[117] Народы Америки. II, стр. 62; Ф. Моррет. Экваториальная, Восточная и Южная Африка. М., 1951, стр. 93—95; J. Manninen. Die Finnisch-Ugrischen Völker. Leipzig, 1932, стр. 236, 274; R. Jirlow. Pfugloser Getreidebau in Schweden, стр. 32.

[118] Г. Кларк. Ук. соч., стр. 103 сл.

[119] H. Damm. Ук. соч.

[120] Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934.

[121] М. И. Нейштадт. Ук. соч.

[122] О наличии земледелия у племен среднеднепровской культуры убедительно свидетельствуют зерновые находки. И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, 2, стр. 29.

[123] Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. ВЭИЭН, Таллин, 1956. карта, стр. 66; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 182.

редали, очевидно, и навыки ведения земледельческого хозяйства. Об этом свидетельствует как расположение и долговременный характер их поселений, так и находки в этом районе бронзовых орудий, которые выше были охарактеризованы как наконечники палок для вскапывания земли, не характерные для подсечного земледелия. Можно привлечь в этом отношении

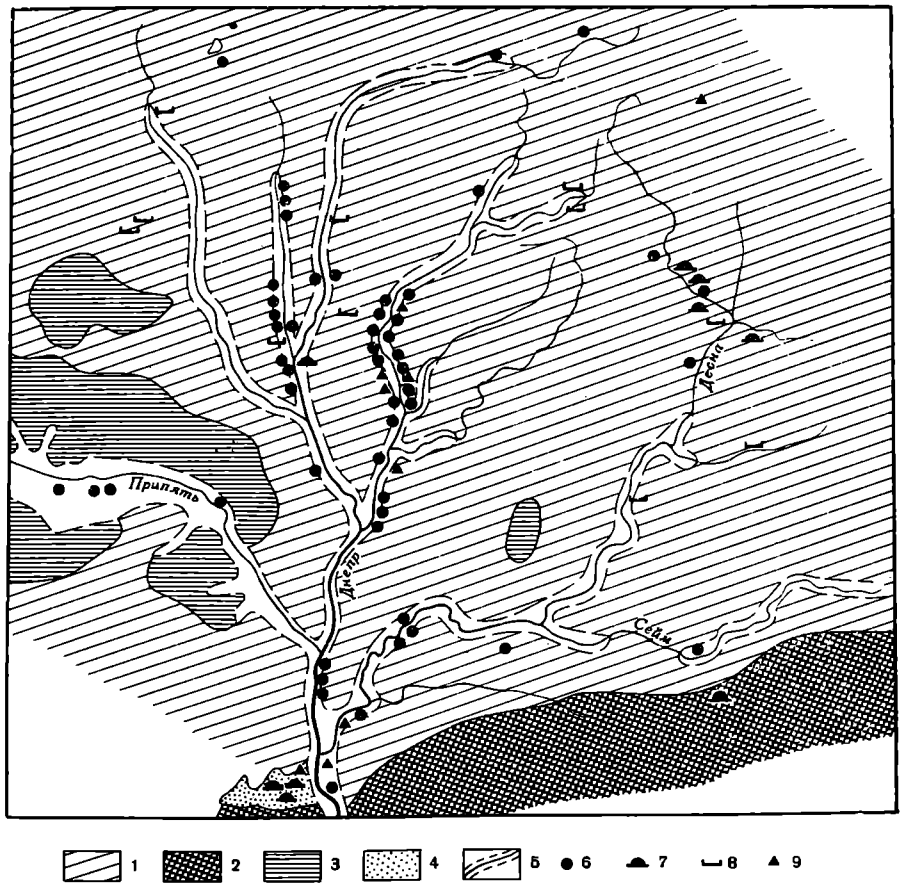


Рис. 6. Расположение памятников среднеднепровской культуры (по И. И. Артеменко) и типы почв в Верхнем Поднепровье (по «Почвенной карте европейской части СССР»)

1 — дерновые сильно-, слабо- и среднеподзолистые почвы; *2* — черноземные почвы; *3* — перегнойно-глеевые и торфяно-перегнойные почвы; *4* — лёссовые почвы; *5* — аллювиальные пойменные почвы; *6* — поселения; *7* — курганные могильники; *8* — грунтовые могильники; *9* — случайные находки

и факты о зернах, обнаруженных на поселении срубной культуры в районе Волгограда, состав сорняков которых свидетельствует о длительном возделывании одного и того же участка [124].

Если мы обратимся к памятникам раннего железного века таких археологических культур, как культуры Прикамья ананьинско-пьяноборского времени, дьяковская, городецкая или юхновская и др., то тяготение их поселений к долинам рек, особенно в местах распространения пойменных земель, существование поселений непрерывно в течение многих столетий, частое наличие селищ в поймах рек, малое количество обнаруженных на поселениях топоров, достаточно эффективных для борьбы с лесами или полное их отсутствие, находки деталей орудий типа палок для копания земли, не позволяет считать подсечную систему земледелия господствующей, а тем более единственной у этих племен. Это не исключает,

[124] Т. М. Минаева, А. Д. Фурсаев. Ботанические находки в археологическом материале. «Советская ботаника», 1934, 3.

конечно, полностью знакомства этих племен с подсекой и применение ее, но не как единственной и господствующей системы земледелия. У ряда племен подсека могла играть роль средства расчистки и расширения посевных площадей, что может быть отмечено уже для срубных племен [125]. В некоторых районах земледелие с использованием открытых пространств могло сочетаться с подсекой, как это имело место до недавнего времени в Смоланде (Швеция) [126] или как комбинировалось с подсекой пашенное земледелие в недавнем прошлом во многих районах Восточной Европы. Как предполагает К. Вилкуна, финно-угорские народы не развили такой высокой техники подсечного земледелия, которая наблюдалась позднее у славян [127]. Вероятно, лучше была развита техника подсечной системы у балтийских народов, что в известной степени подтверждается и исследованием их памятников эпохи раннего железа, где часто встречаются втульчатые и проушные топоры и ножи-косари, применявшиеся в подсечном земледелии, а сами поселения часто располагаются в местах, где поблизости нет хороших открытых участков.

Переход от подсечной системы земледелия к обработке открытых пространств на тех территориях, где подсека господствовала уже в эпоху бронзы, было обусловлено не только большей интенсивностью земледелия на открытых пространствах (не в смысле большей урожайности, а в смысле меньших затрат труда на единицу получаемой продукции), но и изменениями климата в субатлантический период, когда на смену широколиственным лесам далеко к югу продвинулись хвойные и смешанные леса, требовавшие больших усилий для их сведения.

Что же могло представлять собой земледелие на открытых пространствах при господстве ручных земледельческих орудий в условиях лесной полосы Восточной Европы? Очевидно, под посевы обрабатывались прежде всего пойменные земли, достаточно плодородные и легкие для обработки простейшими ручными орудиями. Могли использоваться также лесные поляны и участки леса, превращенные в поля длительного пользования путем вырубки, выжигания и корчевания. Земледелие могло вестись в этих условиях только по переложной системе [128], причем ввиду недостатка удобных для обработки земель применялись, по-видимому, лишь краткосрочные перелоги. В некоторых районах на юге лесной полосы могла применяться и так называемая пойменная система земледелия, при которой обрабатывались участки заливаемой поймы, которые могли использоваться практически неограниченное время. Значительная роль бобовых культур среди находок зернового материала в западной части рассматриваемой территории, относительно широкий ассортимент возделываемых зерновых культур на юге и западе лесной полосы [129] заставляет думать о каком-то чередовании культур при посеве, о наличии определенного севооборота. Этнографические материалы позволяют предполагать тщательную обработку земли под посев, устройство своего рода гряд, особенно на низких местах [130].

Не исключена возможность применения и навозного удобрения, которое известно было, судя по этнографическим материалам, на весьма ранних этапах развития земледелия. Уже инки применяли в качестве удобрений

---

[125] Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов. Археология и некоторые вопросы почвоведения. СА, 1960, 4, стр. 7 сл.

[126] R. Jirlow. Ук. соч., стр. 43.

[127] См. об этом: Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2, стр. 28.

[128] Переложной системой называется такая система земледелия, при которой потерявший плодородие участок забрасывается для восстановления плодородия в перелог на определенное небольшое количество лет. А. Г. Трутнев. О системах земледелия, Л., 1956, стр. 28.

[129] Ю. А. Краснов. К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. СА, 1965, 2.

[130] H. Kothe. Einige Bemerkungen zur Agrarethnographie.

гуано, а древние мексиканцы — фекалий [131]. Г. Чайльд предполагает применение навоза в качестве удобрений жителями швейцарских свайных поселений [132]. Жители Океании и Японии практиковали применение зеленых удобрений [133]. Обрабатываемые площади были невелики ввиду малой производительности земледельческих орудий и ограниченности пригодных для обработки участков земли. Поэтому земледелие в этих условиях не могло стать основой хозяйства, оно необходимо сочеталось со скотоводством, а местами — и с рыболовством и охотой, что создавало комплексность хозяйства, как и при господстве подсечной системы. Характер земледельческой техники требовал коллективности труда, причем в земледельческих работах были заняты как мужчины, так и женщины. При наличии относительно небольших по размерам полей и применяемой системе краткосрочных перелогов такого рода земледелие не требовало частой смены мест поселений, как земледелие при господстве подсечной системы.

Земледелие на открытых пространствах с употреблением только ручных почвообрабатывающих орудий этнографически засвидетельствовано не только в Америке, Азии, Африке и Океании, но существовало в недавнем прошлом на севере и западе Европы [134].

* * *

Итак, рассмотренные выше этнографические и археологические материалы позволяют, на мой взгляд, прийти к следующим выводам.

В рассматриваемый нами период, т. е. до распространения пахотных орудий, в лесной полосе Восточной Европы имели место две формы земледелия: земледелие на освобожденных от леса участках и земледелие на открытых пространствах. Для первой была характерна подсечная система, для второй — переложная, преимущественно в форме краткосрочных перелогов, с применением севооборота и, возможно, навозного удобрения. Обе эти формы земледелия с характерными для них системами появились уже на заре распространения земледелия в лесной полосе и в ряде обществ могли комбинироваться. Для лесной формы земледелия характерно применение «царапающих» орудий обработки почвы — бороны-суковатки и граблеобразных орудий, хотя в наиболее примитивной форме подсечное земледелие могло осуществляться вообще без применения каких-либо почвообрабатывающих орудий. Для земледелия на открытых пространствах характерно применение в качестве основных почвообрабатывающих орудий палок для вскапывания земли, часто с наконечниками из кости, рога и металла, постепенно эволюционировавших в лопатообразные, вилообразных орудий и ручных орудий для проведения борозд, применявшихся, возможно, и в качестве ручного плуга. Мотыги, по всей вероятности, не являлись в рассматриваемое время орудиями для первичной обработки земли, но применялись для вспомогательных работ. Поэтому доплужное земледелие лесной полосы Восточной Европы нельзя называть мотыжным. В то же время не может быть признан правильным и тезис о подсечной системе как господствующей и даже единственной системе земледелия в лесной полосе накануне распространения здесь пахотных орудий.

---

[131] Ф. Ратцель. Народоведение. СПб., 1896, стр. 640; К. Вейле. Первобытное общество и его хозяйство. М., 1923, стр. 91.

[132] Г. Чайльд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 45.

[133] Г. Шурц. История первобытной культуры. М., 1923, стр. 283, 284.

[134] S. Steinsnes. Ук. соч.; R. Jirlow. Drag ur färörisk arbetsliv; его же. Ardes och plog i Norbotten, Norbotten, 1950—1951, стр. 47 сл.; его же. Pflugloser Getreidebau in Schweden; H. Kothe. Ук. соч.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

АНТРОПОЛОГИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Почти за 40 лет, прошедших после выделения андроновской культуры [1], произведены обширные раскопки во всех областях ее распространения [2]. В результате этих раскопок был получен довольно значительный палеоантропологический материал как из Хакасско-Минусинской котловины, так и из Казахстана, допускающий разбивку на локальные группы, каждая из которых если и не является достаточно многочисленной, то все же позволяет опираться на нее с большей долей вероятности, чем единичные находки. Рассмотрение и сопоставление этих локальных групп — задача настоящей заметки.

Хакасско-Минусинская группа представлена палеоантропологическими материалами, полученными при раскопках могильников в дер. Андроновой [3], Ораке [4], Батенях [5], Усть-Ербе [6], Окуневом улусе [7] и Ужуре [8]. Все эти материалы были впервые описаны Г. Ф. Дебецом [9] и затем повторно исследованы мною [10]. Исключение составляет небольшая серия из Ужурского могильника, которая публикуется впервые. При вычислении средних по хакасско-минусинской группе были исключены черепа из могильника у Окунева улуса (так как после раскопок на Черновой есть как будто основания выделять памятники этого типа в особую культурную общность) [11] и пять черепов из Оракского могильника (могилы № 4, 5, «Л», «М» и 10 на болоте), которые, по-видимому, происходят из карасукских погребений [12].

Раскопки А. И. Мартынова на реках Урюпе и Кие [13] не дали сколько-нибудь удовлетворительно сохранившегося краниологического матери-

[1] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927.

[2] Для Хакасско-Минусинской котловины обзор их см. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Для Казахстана — «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

[3] А. Я. Тугаринов. Андроновские могилы. «Сибирская живая старина», 1926, 1.

[4] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. «Археологический сборник». ГЭ, 3, Л., 1961.

[5] Археологический материал не был опубликован автором раскопок С. А. Теплоуховым. С. В. Киселев. Ук. соч.

[6] С. В. Киселев. Андроновские могильники у с. Усть-Ерба. СЭ, 1935, 4—5.

[7] М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. СА, IX, 1947.

[8] Археологический материал не опубликован.

[9] Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. «Антропологический журнал», 1932, 2.

[10] В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтая-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. Тр. ИЭ АН СССР, LXXI (нов. сер.). «Антропологический сборник», III, М., 1961.

[11] Устные сообщения М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова.

[12] Фонд 42 архива Г. П. Сосновского, хранящегося в ЛОИА АН СССР.

[13] А. И. Мартынов. О культурах II — I тысячелетия до н. э. в междуречье Оби и Чулыма. Сб.: «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск 1961.

ала [14]. Из раскопок М. П. Грязнова у Ордынского Новосибирской области происходят единичные черепа [15].

В Восточном Казахстане раскопаны пять могильников: Малая Красноярка, Канай, Сарыколь, Усть-Нарым [16] и Караозек [17]. Палеоантропологический материал первых четырех могильников описан В. В. Гинзбургом [18], пятого — О. Исмагуловым [19]. Все могильники расположены в значительной близости один от другого и составляют гораздо более компактную в территориальном отношении группу, чем хакасско-минусинская.

Не менее компактную группу образуют могильники Центрального Казахстана, давшие краниологические серии, состоящие, правда, в каждом отдельном случае из единичных находок. Они происходят из могильников Канаттас [20], Аркалык [21], Моинты [22], Чубартау [23], Былкылдак [24], Атасу [25], Бельасар [26] и Дындыбай [27]. Черепа из могильников Канаттас и Чубартау описаны О. Исмагуловым [28], из могильника Дындыбай — Г. Ф. Дебецом [29], из остальных могильников — В. В. Гинзбургом [30].

По Северному Казахстану получены палеоантропологические материалы из могильников Кокдамбек [31], Калачевский [32], Нурмамбет [33], Буйрукколь, Обалы, Боровое [34] и Чаглинка [35]. Они описаны В. В. Гинзбургом [36] и О. Исмагуловым [37]. В целом могильники расположены на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга и образуют известное терри-

[14] В статье Н. С. Розова, который изучает палеоантропологический материал из раскопок А. И. Мартынова, есть сведения только о серии тагарской эпохи: Н. С. Розов. Антропологические исследования в Западной Сибири. Тр. Томского ун-та, 148, Вопр. биол. Томск, 1960.

[15] В. П. Алексеев. Ук. соч.

[16] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

[17] Раскопки А. М. Оразбаева (1958 г.). Археологический материал не опубликован.

[18] В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Археология, Алма-Ата, 1956; его же. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. Тр. ИЭ АН СССР, XXXIII, нов. сер. Антропологический сборник, I, М., 1956; его же. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. КСИЭ, XIV, 1952.

[19] О. Исмагулов. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы. Материалы и исследования по этнографии казахского народа, 18, Алма-Ата, 1963.

[20] А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, Археология, Алма-Ата, 1959.

[21] Археологические материалы не опубликованы.

[22] Археологические материалы не опубликованы. Если судить по сведениям, содержащимся в статьях В. В. Гинзбурга, этот могильник характеризуется значительным своеобразием.

[23] Археологический материал не опубликован. О. Исмагулов. Ук. соч., примеч. 19.

[24] К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дис. Л., 1953.

[25] А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. ВАН КазССР. Алма-Ата, 1956.

[26] А. М. Оразбаев. Ук. соч.

[27] П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, 110, М.—Л., 1935.

[28] О. Исмагулов. Ук. соч.

[29] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948.

[30] В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана...

[31] Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7.

[32] К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7.

[33] Археологические материалы не опубликованы.

[34] А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, Алма-Ата, 1958.

[35] Археологический материал не опубликован. Упоминание о могильнике: «Археолотическая карта Казахстана», стр. 42.

[36] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана. МАЭ, XXI, М.— Л., 1963; его же. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы.

[37] О. Исматулов. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы...

Таблица 1

Территориальные группы. Мужские черепа

Признаки	Зап. Казахстан	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Вост. Казахстан	Хакасско-Минусинская котловина
Продольный диаметр	188,0(13)	182,5 (4)	185,8 (4)	185,5 (4)	186,0(22)
Поперечный диаметр	138,3(13)	143,5 (4)	140,5 (4)	143,8 (4)	145,0(22)
Черепной указатель	73,7(14)	78,6 (4)	75,8 (4)	77,5 (4)	78,0(22)
Высотный диаметр от базиона	139,8 (5)	144,0 (2)	135,0 (3)	134,7 (3)	139,3(21)
Наименьшая ширина лба	96,7(13)	104,7 (3)	96,8 (5)	96,2 (4)	101,7(22)
Угол лба назион-метопион	82,3 (6)	84,7 (3)	85,3 (3)	86,5 (4)	83,0(18)
Длина основания черепа	109,0 (4)	108,5 (2)	105,5 (2)	103,7 (3)	106,2(21)
Длина основания лица	104,3 (3)	102,0 (2)	102,5 (2)	100,7 (3)	101,6(20)
Указатель выступания лица	97,4 (3)	94,1 (2)	97,1 (2)	97,2 (3)	95,8(20)
Скуловая ширина	134,4 (9)	137,2 (4)	139,3 (3)	138,8 (4)	140,7(20)
Верхняя высота лица	68,2 (0)	70,0 (5)	69,7 (3)	69,8 (4)	67,8(21)
Верхний лицевой указатель	51,7 (8)	50,9 (4)	50,1 (3)	50,3 (4)	48,3(20)
Вертикальный фацио-церебральный указатель	48,2 (5)	50,0 (2)	52,0 (2)	52,2 (3)	48,8(21)
Ширина носа	25,0 (8)	24,7 (3)	27,0 (3)	25,5 (4)	25,8(21)
Высота носа	50,8(11)	55,0 (3)	51,3 (3)	51,0 (4)	50,2(21)
Ширина орбиты от максиллофронтале	41,6 (6)	44,3 (3)	44,5 (2)	44,5 (4)	44,4(21)
Высота орбиты	32,3(10)	33,7 (3)	30,7 (3)	32,0 (4)	31,7(21)
Общий угол профиля лица	85,0 (6)	85,0 (3)	87,3 (3)	86,2 (4)	85,4(18)
Угол носовых костей к линии профиля	32,8 (6)	27,5 (2)	32,3 (3)	31,2 (4)	33,7(18)
Назомалярный угол	134,4 (8)	137,7 (3)	142,0 (2)	141,2 (4)	137,7(18)
Зигомаксиллярный угол	120,2 (6)	126,5 (2)	134,5 (2)	127,2 (4)	127,7(18)
Дакриальная ширина	24,4 (4)	22,8 (2)	20,4 (2)	20,7 (4)	22,3(19)
Дакриальная высота	15,2 (4)	14,3 (2)	12,4 (2)	13,5 (4)	13,8(19)
Дакриальный указатель	62,8 (4)	64,0 (2)	60,8 (2)	65,1 (4)	62,9(19)
Симотическая ширина	9,1 (4)	11,0 (2)	7,8 (2)	10,1 (4)	9,1(19)
Симотическая высота	4,9 (4)	5,7 (2)	5,4 (3)	5,3 (4)	4,7(19)
Симотический указатель	53,2 (4)	53,7 (2)	59,4 (2)	57,5 (4)	53,7(19)

ториальное единство, как и другие казахстанские группы. Исключение составляют могильники Нурмамбет и Калачевский, расположенные много южнее остальных.

В западноказахстанскую группу включены черепа из могильников Киргильда и Урал-Сай [38], описанные М. Н. Комаровой [39], Тасты-Бутак [40], Ак-Жар, Ульке и Бугет [41], описанные В. В. Гинзбургом [42]; единственный известный череп из Алексеевского могильника [43], опубликованный М. М. Герасимовым [44], и, наконец, серии из Хабарного [45] и Турсумбая [46], которые публикуются впервые [47].

[38] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки. Антропологические очерки». Л., 1927.

[39] М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам р. Урала. Сб. «Казаки...».

[40] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962.

[41] В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-запада Актюбинской области. КСИИМК, 71, 1958.

[42] В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. МАЭ, XVIII, М.—Л., 1958; В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. МИА, 120, 1962.

[43] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. ТГИМ, XVII, М., 1948.

[44] М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

[45] Археологический материал не опубликован.

[46] Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА АН СССР, 88, 1962; ее же. Купухта — могильник андроновской знати. КСИА АН СССР, 93, 1963.

[47] Индивидуальные измерения черепов не опубликованы.

Таблица 2

Территориальные группы. Женские черепа

Признаки	Зап. Казахстан	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Вост. Казахстан	Хакасско-Минусинская котловина
Продольный диаметр	179,2(16)	179,4 (5)	174,0 (6)	174,2 (4)	175,9(10)
Поперечный диаметр	133,9(16)	141,0 (5)	136,2 (6)	137,7 (4)	140,6(9)
Черепной указатель	75,0(17)	77,4 (7)	78,4 (6)	79,1 (4)	80,1(9)
Высотный диаметр от базиона	132,0(9)	131,3 (3)	119,0 (1)	132,2 (4)	132,3(10)
Наименьшая ширина лба	94,5(17)	96,7 (7)	93,5 (4)	93,2 (4)	96,4(11)
Угол лба назион-метопион	83,3(6)	88,6 (5)	83,0 (3)	87,8 (4)	87,8(8)
Длина основания черепа	101,6(9)	100,3 (3)	93,0 (1)	96,2 (4)	98,9(10)
Длина основания лица	96,8(5)	97,3 (3)	94,0 (1)	95,0 (4)	96,0(9)
Указатель выступания лица	94,0(5)	97,0 (3)	101,1 (1)	98,6 (4)	96,3(9)
Скуловая ширина	129,0(15)	128,3 (3)	125,3 (3)	127,2 (4)	27,4(8)
Верхняя высота лица	68,1(13)	66,0 (4)	66,4 (5)	66,8 (4)	67,5(11)
Верхний лицевой указатель	53,5(12)	50,2 (3)	54,8 (3)	52,9 (4)	52,0(8)
Вертикальный фацио-церебральный указатель	52,0(7)	50,0 (3)	58,8 (1)	51,1 (4)	49,9(9)
Ширина носа	24,0(11)	24,6 (5)	27,0 (4)	24,2 (5)	23,9(11)
Высота носа	49,1(12)	48,5 (4)	47,6 (5)	47,6 (5)	48,9(11)
Ширина орбиты от максиллофронтале	42,5(7)	42,2 (4)	40,7 (3)	40,8 (4)	42,5(7)
Высота орбиты	32,7(13)	30,5 (4)	32,4 (5)	31,8 (4)	33,0(10)
Общий угол профиля лица	84,8(6)	81,5 (4)	85,0 (2)	84,8 (4)	86,7(7)
Угол носовых костей к линии профиля	28,1(8)	27,3 (3)	20,5 (2)	24,5 (4)	26,1(8)
Назомалярный угол	136,8(10)	137,0 (4)	144,5 (2)	140,5 (4)	140,0(7)
Зигомаксиллярный угол	124,5(6)	129,8 (4)	128,3 (3)	125,5 (4)	125,3(7)
Дакриальная ширина	22,0(5)	21,3 (3)	20,5 (2)	20,3 (4)	20,1(8)
Дакриальная высота	12,5(5)	12,7 (3)	10,5 (2)	10,4 (4)	12,3(8)
Дакриальный указатель	56,7(5)	60,4 (3)	51,0 (2)	52,4 (4)	61,0(8)
Симотическая ширина	9,0(6)	10,5 (3)	9,2 (2)	7,6 (4)	7,4(8)
Симотическая высота	4,1(6)	5,0 (3)	4,6 (2)	3,2 (4)	3,8(8)
Симотический указатель	50,7(6)	49,5 (3)	50,5 (2)	42,1 (4)	51,3(8)

Следует подчеркнуть, что территориальная разбивка данных не всегда совпадет с историко-культурной общностью памятников. Но только она и возможна в данный момент, так как членение материала по хронологическим этапам и культурным вариантам дает слишком малочисленные группы [48]. Чтобы по возможности избежать этого и при территориальной разбивке, пришлось прибегнуть к приему суммирования данных по обоим полам (табл. 1, 2 и 3) [49]. Результаты рассмотрения полученных данных можно сформулировать в следующих тезисах [50]:

1) Население андроновской культуры характеризовалось по сравнению с населением других степных культур эпохи бронзы известным ан-

---

[48] М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. «Археологический сборник». ГЭ, 5, Л., 1962.

[49] Для этого использованы коэффициенты, предложенные Г. Ф. Дебецом (Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. СЭ, 1961, 6). Г. Ф. Дебец полагает, что при суммировании данных по обоим полам имеет место потеря информации, которую он определяет в размере $^1/_3$ числа женских черепов. Не говоря об условности такого определения, следует заметить, что теоретически, да и практически, увеличение количества наблюдений не всегда приводит к увеличению размаха изменчивости и квадратического уклонения, которое нейтрализуется Г. Ф. Дебецом искусственным уменьшением количества наблюдений. Поэтому количество наблюдений в суммарной таблице не уменьшено в соответствии с его рекомендацией и составляет сумму наблюдений по мужским и женским черепам.

[50] При обработке материала автор пользовался ценными советами своих товарищей по работе: О. В. Зотовой, Л. М. Кожина, Е. Е. Кузьминой и Г. А. Максименкова, за что он приносит им благодарность.

Таблица 3

Территориальные группы. Суммарные данные

Признаки	Зап. Казахстан	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Вост. Казахстан	Хакасско-Минусинская котловина
Продольный диаметр	188,0(29)	184,9(9)	183,8(10)	184,1 (8)	185,5(32)
Поперечный диаметр	138,6(29)	145,0(9)	140,9(10)	143,3 (8)	145,3(31)
Черепной указатель	73,7	78,4	76,7	77,8	78,3
Высотный диаметр от базиона	138,8(14)	140,1(5)	132,4(4)	136,6 (8)	139,1(31)
Наименьшая ширина лба	97,2(30)	101,3(10)	96,7(9)	96,2 (8)	101,0(33)
Угол лба назион-метопион	81,5(12)	85,6(8)	82,9(6)	85,9 (8)	83,7(26)
Длина основания черепа	107,7(13)	106,8(5)	103,0(3)	101,8 (7)	105,6(31)
Длина основания лица	102,2(8)	101,6(5)	101,0(3)	99,7 (7)	101,1(29)
Указатель выступания лица	94,9	95,1	98,1	97,9	95,7
Скуловая ширина	136,8(24)	137,3(7)	136,8(6)	137,6 (8)	139,5(28)
Верхняя высота лица	71,1(23)	70,4(9)	70,8(8)	71,0 (9)	69,4(32)
Верхний лицевой указатель	52,0	51,3	51,8	51,6	49,7
Вертикальный фацио-церебральный указатель	51,3	50,2	53,5	52,0	49,9
Ширина носа	25,0(19)	25,3(8)	27,6(7)	25,3 (9)	25,5(32)
Высота носа	51,5(23)	53,0(7)	50,9(8)	50,8 (9)	50,8(32)
Ширина орбиты от максиллофронтале	43,0(13)	44,1(7)	43,2(5)	43,5 (8)	44,4(28)
Высота орбиты	32,6(23)	32,0(7)	31,9(8)	32,0 (8)	32,2(31)
Общий угол профиля лица	84,9(12)	83,0(7)	85,4(5)	85,5 (8)	85,8(25)
Угол носовых костей к линии профиля	32,4(14)	29,8(5)	29,2(5)	29,9 (8)	32,6(26)
Назомалярный угол	135,7(18)	137,3(7)	143,2(4)	140,8 (8)	138,3(25)
Зигомаксиллярный угол	122,3(12)	128,7(6)	130,8(5)	126,3 (8)	127,0(25)
Дакриальная ширина	23,7(9)	22,6(5)	21,0(4)	21,0 (8)	22,0(27)
Дакриальная высота	14,5(9)	14,2(5)	12,0(4)	12,5 (8)	13,8(27)
Дакриальный указатель	61,2	62,8	57,1	59,6	62,7
Симотическая ширина	9,0(10)	10,7(5)	8,5(4)	8,8 (8)	8,6(27)
Симотическая высота	4,9(10)	5,9(5)	5,5(4)	4,6 (8)	4,7(27)
Симотический указатель	54,4	55,1	64,7	52,3	54,7

тропологическим своеобразием, выражавшимся в повышении черепного указателя и увеличении высоты черепной коробки.

2) В наиболее чистом виде это своеобразие было выражено у населения Хакасско-Минусинской котловины. В составе андроновского населения Казахстана фиксируется примесь антропологического типа, который предположительно восходит к доандроновскому населению Средней Азии и, очевидно, имеет южное происхождение.

3) Наиболее ощутима примесь этого типа в составе населения Западного Казахстана. Дополнительной причиной ее увеличения является, по всей вероятности, контакт с населением срубной культуры.

Г. А. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ЖИВОТНОВОДСТВО И ПРОМЫСЛЫ АНТИЧНОЙ КОЛХИДЫ

В письменных источниках сохранилось слишком мало сведений, чтобы по ним можно было бы судить об уровне развития животноводства в античной Колхиде. Но в совокупности с остеологическими исследованиями и этнографическими материалами даже отрывочные сведения древних авторов помогают довольно хорошо представить скотоводство в этом районе Кавказа.

Ксенофонт в самом конце V в. до н. э. прошел через земли западногрузинских племен, которые, судя по его «Анабасису», занимались как земледелием, так и животноводством. Он видел у них коров, быков, свиней и овец. Колхи, «жившие по большой части на равнине», принесли дар грекам «в виде крупного рогатого скота» (Xen. Anab., IV, VIII, 24). Весьма важные сведения о крупном рогатом скоте Колхиды мы получаем из сочинения Аристотеля «Истории о животных»: в Колхиде коровы были маленького роста, но давали много молока (Arist., III, 21,7). Мелкая порода скота была распространена не только в Колхиде, но и во всех припонтийских странах. Об этом пишет и Плиний Секунд, автор I в.[1] Судя по этим сообщениям, греческий мир хорошо был знаком с колхидскими и с понтийскими породами скота. Помимо этого имеются данные, свидетельствующие о том, что скот из припонтийских стран вывозился в греческие города (Polib., IV, 38, 45). Вполне возможно, что в число стран, вывозивших скот, входила и Колхида.

Для местных пород крупного рогатого скота и поныне характерны малый рост и высокая удойность при большой жирности молока. Местный скот мельче своих сородичей из Малой Азии, Европы и Африки и лишь немногим крупнее *Brachyceros* Сирии и Месопотамии[2].

Нормальный вес местных горских пород крупного рогатого скота, в том числе мегрельской и рачинской, 220—250 *кг*. Местные коровы дают в год 1200—1800 *кг* молока, средняя жирность которого сравнительно высокая — 4,2%[3]. Как показали остеологические исследования Н. Верещагина и А. Л. Цицишвили, в Западной Грузии действительно издревле суще-

---

[1] Существует мнение, что малорослый крупный рогатый скот — *Bos Brachyceros* — Крыма (так называемый горный, татарский) — древнего происхождения и связан с первонасельниками края. А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. Тр. «Лаборатории генетики», I. Л., 1933, стр. 131.

[2] Н. Иоселиани. Краниологические исследования грузинского *Brachyceros'a*. ВГМГ, 3, 1926, стр. 20—28; 34; его же. Материалы к остеологии хевсурской породы. ВГМГ, 4, 1928, стр. 119.

[3] Н. Мелитаури. Местные породы домашнего скота. Написанная специально для грузинского издания глава в кн.: Н. А. Буинковский, Б. В. Волкопиалов и др. Основы животноводства. Тбилиси, 1949, стр. 450—453 (перев. с русск. на груз.); Д. Г. Агладзе. Основы животноводства, II, Тбилиси, 1960, стр. 314—317 (на груз. яз.). Здесь же приведена обширная библиография.

ствовала низкорослая порода крупного рогатого скота [4], занимавшая ведущее место в животноводстве страны.

Костные остатки животных, встречающиеся при археологических раскопках различных пунктов Западной Грузии, говорят о том, что здесь кроме крупного рогатого скота разводили свиней, овец и коз. Прежде чем привести соответствующие статистические данные об их процентном соотношении в стаде, надо особо подчеркнуть то обстоятельство, что своеобразные природные условия этого края наложили свой отпечаток на развитие скотоводства в древней Колхиде.

В античную эпоху, как и в настоящее время, надо думать, существовали две зоны животноводства — равнинная и горная, сложившиеся еще в эпоху бронзы [5]. Как известно, в Колхидской низменности начиная уже с эпохи энеолита в хозяйственной жизни ведущее место занимает земледелие. Что касается животноводства, то оно, несмотря на его крупное экономическое значение, являлось второстепенной отраслью хозяйства. В горных же частях страны, напротив, географическая среда больше способствовала развитию скотоводства, чем земледелия. Альпийские луга и пастбища позволяли содержать большие стада, в том числе и овец [6], что в долине, в силу ряда обстоятельств, было невозможно, так как бóльшая часть земли была занята сельскохозяйственными культурами. Отсюда и разница в составе стада равнинной и нагорной частей Западной Грузии, намечающаяся с эпохи ранней бронзы. С этого времени в горах преобладает овцеводство [7]. К сожалению, мы не располагаем одинаково полными остеологическими данными из обеих частей Колхиды, но тут на помощь приходят этнографические источники, судя по которым, в горах исторически сложилось и поныне существует горно-скотоводческое хозяйство, с четким циклом отгона скота от зимних пастбищ на летние. Об этом говорят и протоптанные издревле «овечьи дороги», изучению которых в последнее время уделяется большое внимание [8].

Более подробно об этом речь пойдет ниже, в связи с овцеводством античной Колхиды. Теперь же рассмотрим костные остатки из древних поселений бронзового века Западной Грузии (таблица 1).

По данным таблицы видно, что уже с эпохи раннего металла в Колхидской низменности скотоводство носит ярко выраженный оседлый характер. В стаде преобладает крупный рогатый скот. Экономическое значение сельского хозяйства и определило численное превосходство крупного рогатого скота в стаде; мелкий рогатый скот почти не разводили [9].

По своему экономическому значению второе место занимало свиноводство, развитию которого благоприятствовали природные условия. Оно давало основную мясную пищу. Уход за свиньями не требовал больших затрат. Они, как и до недавнего времени, круглый год паслись на болотистых лугах и в лесных чащах на подножном корму. Среди костных остатков

---

[4] А. Л. Ципишвили. Костные остатки животных энеолитического времени Колхидской низменности (Диха-Гудзуба, Кулеви, Наохваму). Рукопись, любезно предоставленная мне автором; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, стр. 127.

[5] Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 8 сл.; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 35 (на груз. яз.).

[6] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 60 (на груз. яз.).

[7] О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 34.

[8] «Археология Грузии». Тбилиси, 1959, стр. 115 (на груз. яз.); Н. Бердзенишвили. К исторической географии. Сборник по исторической географии Грузии, 1, Тбилиси, 1960, стр. 21 (на груз. яз.).

[9] Данные обстоятельства хорошо прослеживаются и по костным остаткам из неолитического поселения близ г. Очамчире. Совершенно справедливо подчеркивает О. М. Джапаридзе, что в то время природные условия не способствовали развитию овцеводства. «Археология Грузии», стр. 78, 95.

Sus scrofa domestica встречаются и кости диких особей, которыми всегда были богаты леса Западной Грузии. Однако выделить их удается не всегда, так как представители местной породы свиней (сванская или грузинская) очень схожи со своими дикими сородичами. Несомненно, что свинья здесь была одомашнена в древности из местной дикой породы, которая относится к европейскому виду *Sus scrofa*.

Костные остатки из жилых холмов Колхиды *

№ п/п	Виды	Место находки остеологического материала			
		Дихагудзуба		Наохваму	Кулеви
		В			
1	Крупный рогатый скот	58/7	250	526	80
2	Коза	47/5	2	—	—
3	Овца	—	—	—	2
4	Свинья	103/17	176	114	83
5	Лошадь	—	—	1	—
6	Собака	1	—	—	—
7	Благородный олень	4/1	—	—	3
8	Косуля	36/4	—	—	—
9	Дельфин	4/1	—	—	4
10	Рыба	1	—	—	1
11	Птица	2	—	—	—

* Таблица составлена по данным Н. К. Верещагина (знак В) и А. Л. Цицишвили, которая завершила работу в указанном выше труде. Н. К. Верещагин считал, что среди костей мелкого рогатого скота Дихи-Гудзуба были и кости овец. Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 225.

Отсутствие костей лошади можно было бы объяснить случайностью, если бы аналогичная картина не наблюдалась и на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железа. Б. А. Куфтин, изучив поселение этого времени в с. Даблагоми Самтредского района, пришел к выводу, что стада жителей состояли из крупного и мелкого рогатого скота. Много было и свиней. Отсутствие лошадей, по его словам, свидетельствует о скотоводстве не кочевого, а стойлово-пастбищного типа, когда лошадь не так нужна [10].

Как мы увидим из следующих ниже сводок [11], состав стада здесь остался прежним и в античную эпоху.

Костные остатки из Ванского городища (V—I вв. до н. э.): 1. Крупный рогатый скот — 125/20; 2. Мелкий рогатый скот — 30/8, из них 10/2 — овца (*Ovis aries*), 20/6 — коза (*Capra hircus*); 3. Свинья — 61/20; 4. Лошадь — 4/2; 5. Олень — 5/2; 6. Домашняя птица (курица) — 10/3.

На I участке в древних слоях, датируемых V—IV вв. до н. э., кости животных встречаются часто, ими насыщены культурные напластования. Но в слоях эллинистического времени картина меняется — костей мало. Если это не случайное явление, то сокращение поголовья скота можно объяснить ростом города и городской жизни, время расцвета которых падает на III—II вв. до н. э. По наличию этих костных остатков можно предположить, что горожане не только употребляли скот сельской округи, но и разводили собственный. Однако каких-либо хозяйственных построек, подтверждающих наши предположения, археологическими раскопками в Вани еще не выявлено.

Как было сказано, хозяйственный уклад определил состав стада в равнинной Колхиде, не изменявшийся здесь на протяжении многих веков: та же малорослая порода крупного рогатого скота, сильно развитое свиновод-

[10] Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 127.

[11] Пользуясь случаем, приносим благодарность А. Л. Цицишвили за определение костных остатков и предоставление рукописных работ.

ство, мало мелкого рогатого скота, что видно из сводки, составленной А. Л. Цицишвили.

Костные остатки из позднеантичной Бичвинты (Питиунт): 1. Крупный рогатый скот — 400/30; 2. Мелкий рогатый скот — 70, из них овец 7/3, 63/8 коз; 3. Свиньи — 130/20; 4. Птица (курица) — 17/5; 5. Олень — 3/1.

Благодаря имеющимся данным по Северному Причерноморью мы можем сравнить состав стада в античной Колхиде со стадами соседних стран. В степной части Скифии лошади и крупный рогатый скот составляли 92% всего стада, что, несомненно, было связано с кочевым скотоводством [12]. В греческих городах Северного Причерноморья (Пантикапей, Мирмекий, Тиритака и др.) первое место принадлежало крупному рогатому скоту, второе — мелкому, сравнительно слабее было развито свиноводство [13]. В Ольвии в стаде преобладал мелкий рогатый скот, свиней было значительно меньше. Но с I в. здесь происходят резкие изменения: первое место занимает крупный рогатый скот, резко возрастает количество свиней. Аналогичная картина наблюдается и в Пантикапее [14]. В это время состав стада там аналогичен с колхидским. Состав стада в Колхиде сложился еще в эпоху энеолита и не изменился, как мы уже отмечали, на протяжении веков. Данная традиция, обусловленная ярко выраженным земледельческим укладом хозяйства, сохраняется и в наши дни.

Для того чтобы показать животноводство античной Колхиды в его развитии, мы рассмотрели костные остатки как предыдущих, так и последующих эпох. Материал для характеристики животноводства в античную эпоху не очень многочислен. Он представлен пока только находками из Ванского городища.

Крупный рогатый скот. Развитое плужное земледелие требовало соответствующей тягловой силы, которой в Колхиде, судя по остеологическим данным, традиционно являлся бык — основное рабочее животное на пахоте и при перевозках грузов [15]. Поэтому, естественно, главное внимание в животноводстве страны уделялось разведению крупного рогатого скота. Это отразилось и в религиозных верованиях колхов [16]. Бык здесь издревле превратился в почитаемое животное, скорее всего связанное с культом плодородия. Его скульптурные изображения встречаются начиная с эпохи энеолита, много их и в бронзовом веке, широко был распространен этот мотив и в античное время, например на бронзовых поясных бляхах, колхидках и др. Изображения быка на колхидках являются хорошим показателем того, какую важную роль играло это животное в хозяйственной жизни страны.

Среди случайных находок из Ванского городища внимание привлекает небольшая золотая подвеска — головка быка, на лбу которой зернью выведен знак (вероятно священный, как у Аписа) в виде треугольника (рис. 1). Бык в Колхиде в это время уже не являлся божеством, он, вероятно, считался священным животным той антропоморфной богини, которая была изображена на колхидках. По некоторым данным античных писа-

---

[12] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 101.

[13] В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные из Неаполя Скифского. СА, XX, 1955, стр. 286.

[14] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 102, 103; В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху железа. МИА, 63, 1960, стр. 94.

[15] Стилизованное изображение впряженного в арбу быка известно из курганов ранней бронзы в Сачхере. «Археология Грузии», стр. 105.

[16] Н. В. Хоштария, а вслед за ней и О. М. Джапаридзе считают, что бык превратился в почитаемое животное уже в эпоху энеолита. О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 34, 81, 89. Вероятно, как и во многих странах, в Колхиде тотемизм впоследствии породил культ священных животных, пережитки которого в Грузии существовали долго. Отсюда и многообразие скульптурок животных в эпохи энеолита и бронзы. Несколько глиняных скульптурок позднебронзовой эпохи обнаружил в окрестностях Ванского городища Н. В. Хоштария. Эти изображения настолько схематичны, что трудно определить виды животных (рис. 2, *1*).

телей (Аполлоний Родосский, Элиан и др.) мы можем заключить, что в Колхиде при смерти члена семьи в жертву небесным богам приносили быка, так как в его невыделанную шкуру заворачивали покойника и подвешивали его на ветви деревьев, далеко от жилищ (Apoll. Rod., Arg., III, 200—205). Так поступали с умершими мужчинами, женщин же погребали в земле, которая, вероятно, наряду с небом почиталась древними колхами как животворящее начало. Аполлоний Родосский так объясняет это обстоятельство: «С воздухом равную долю земля получает» (Apoll. Rod. Arg., III, 208). В связи с этим небезынтересно отметить, что быков в Сванетии до последнего времени закалывали «исключительно по воскресеньям», т. е. в день солнца, да и вообще, как выяснила В. Бардавелидзе, у сванов бык «выполнял роль атрибута или эмблемы астрального божества» [17]. В некоторых частях Западной Грузии для придания «быку-пахарю» силы и здоровья ежегодно справляли праздник «бослоба» [18]. Все эти пережитки, несомненно, обусловлены большим значением этого животного в земледельческом хозяйстве еще древних колхов.

Рис. 1. Золотая головка быка (Ванское городище, случайная находка)

Коров в Колхиде в основном держали ради молока. Говяжье мясо, вероятно, сравнительно редко употреблялось в пищу, по крайней мере свободными общинниками. В большинстве районов Западной Грузии масло не изготовляли. Данное обстоятельство отмечено и у известного натуралиста И. А. Гюльденштедта (1745—1781) [19]. Можно предположить, что эта традиция восходит к глубокой древности. Археологических данных о маслоделии в античной Колхиде нет. Отсутствуют они в материалах более древних эпох, за исключением фрагментов маслобойки из энеолитического слоя Даблагоми [20]. В античное время встречаются сосуды, которые предназначались для изготовления сыра [21].

К о н е в о д с т в о. Малое число остатков лошади позволяет нам считать, что она играла скромную роль в хозяйственной жизни Колхиды. Ксенофонт вовсе не указывает на наличие лошадей или всадников у колхов и родственных им племен. Однако кони все же использовались колхами в военном деле. Об этом говорят погребения вооруженных всадников. Погребения с конями обнаружены в с. Куланурхва (VII в. до н. э.) [22], с. Итхвиси (V в. до н. э.) [23], Бори и Клдеети (первые века нашей эры) [24]. Такое же погребение было открыто в Вани еще в прошлом веке [25]. Эти захоронения относятся к разряду богатых и позволяют сделать вывод, что конница античной Колхиды в основном состояла из представителей знати.

---

[17] В. Б а р д а в е л и д з е. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 198.

[18] Там же, стр. 191.

[19] Путешествия Гюльденштедта в Грузии, I. Немецкий текст с грузинским переводом издал и исследовал Г. Гелашвили. Тбилиси, 1962, стр. 171, 323.

[20] Б. А. К у ф т и н. Материалы..., II, стр. 138.

[21] «Археология Грузии», стр. 249.

[22] М. М. Т р а п ш. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1926, стр. 227.

[23] Р. А б р а м и ш в и л и. Отчет о проведенных работах Ихтвисской археологической экспедиции. Тбилиси, 1963, стр. 7 (на груз. яз.).

[24] Г. А. Л о м т а т и д з е. Некрополь II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, стр. 155 (на груз. яз.).

[25] Э. Т а к а и ш в и л и. Археологические путешествия и заметки, I, Тифлис, 1907, стр. 6.

Поскольку на Ванском городище в погребении III—II вв. до н. э.[26] и в слое V—IV вв. до н. э.[27] были обнаружены бронзовые и железные чешуйки панциря, мы думаем, что конница Колхиды относилась к разряду тяжеловооруженных.

В античное время появляются скульптурные изображения всадников. Фигурка всадника найдена в Брильском могильнике у с. Геби и датирована VI—IV вв. до н. э.[28] Особенно интересны золотые подвески из Вани в виде пары всадников, стоящих на колесницах, где отчетливо нарисованы контуры шлема и горита у всадников, кони же покрыты сеткой из зерни. Подвески были обнаружены в погребении «знатной колхидянки», которое датируется V в. до н. э.[29]. Эти факты свидетельствуют, что в античной Колхиде существовало коневодство.

Небезынтересно отметить, что в Западной Грузии поныне существует местная мегрельская лошадь, которая издревле являлась ездовой породой. Поэтому лошадь в Западной Грузии традиционно считалась транспортным, но не рабочим животным. Как отмечалось, волы исполняли все тяжелые сельскохозяйственные работы, начиная с пахоты и кончая перевозкой всевозможных грузов. Согласно религиозным пережиткам, лошадь была тесно связана с астральными божествами. Особая роль отводилась ей в похоронном церемониале[30].

Свиноводство. В Колхидской низменности важное значение имело свиноводство, для широкого развития которого, как уже отмечалось, существовали подходящие природные условия: дубовые, буковые, ореховые и каштановые леса, всевозможные ягоды и пр. Их остатки часто находят в древних поселениях Западной Грузии[31]. Они создавали кормовую базу, что позволяло не ограничивать поголовье свиней. Благодаря этим факторам свиноводство здесь и теперь является важной отраслью животноводства.

В остеологическом материале из Вани встречаются челюсти как старых индивидов, со сработанными зубами, так и кости молодых особей. Они принадлежали малорослой породе, имевшей длинное вытянутое рыло. Именно с такой породой надо связывать скульптурное изображение морды свиньи из культурного слоя античного времени селища Даблагоми[32]. Поныне в некоторых частях Западной Грузии племенными производителями выбирают таких особей, которые имеют длинное рыло и сами умеют добывать из земли корни растений.

Большое значение свиноводства в хозяйстве отразилось и на религиозных верованиях колхов[33]. Существует мнение, что свинья была связана

[26] Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в с. Вани в 1947 г. «Мимохвилвели», I, Тбилиси, 1948, стр. 308 (на груз. яз.).

[27] Г. А. Лордкипанидзе. Итоги раскопок на 1 участке Ванской археологической экспедиции 1962 г. Тбилиси, 1963, стр. 99 (на груз. яз.).

[28] Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., стр. 103, табл. XXIII.

[29] Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в Вани. Кавказско-ближневосточный сборник, II, Тбилиси, 1962, стр. 71.

[30] Б. А. Куфтин. Материалы..., I, Тбилиси, 1949, стр. 244, 245; II, стр. 201—203, 213—216.

[31] Н. В. Хоштария. Диха-Гудзуба — древнее поселение в Колхидской низменности. Сообщ. АН ГрузССР, 5, 2, 1944, стр. 210 (на груз. яз. с русск. резюме); Г. Ниорадзе. Археологические раскопки в Колхиде. Изв. ИЯИМК, X, Тбилиси, 1941, стр. 35 (на груз. яз. с русск. резюме).

[32] Б. А. Куфтин. Материалы..., II, стр. 108, табл. 39, *1*. Зооморфные ручки глиняных сосудов в виде морды свиньи известны из раннеантичных слоев в окрестностях Фасиса-Поти (сообщение Микеладзе), из некрополя Геби (I в., раскопки Г. Ф. Гобеджишвили). Сосуд с рельефным изображением головы свиньи был найден на Цебельдском некрополе (Абхазия) позднеантичной эпохи. К. Л. Бердзенишвили. Позднеантичная керамика из Цебельды. МАГК, II, Тбилиси, 1959, стр. 38 (на груз. яз. с русск. резюме). Здесь же широко освещены вопросы, связанные с культом свиньи. Зооморфная ручка в виде какого-то животного случайно была обнаружена и на Ванском городище (рис. 1, *2*).

[33] Свинья и фазан были изображены на знамени мегрельского позднефеодального княжества (по Вахушти Багратиони), что не было случайным явлением.

со священным дубовым деревом и была посвящена солнечному божеству, которое в античное время ассоциировалось в Колхиде с Мифрои[34]. Свиней в Западной Грузии чаще всего приносили в жертву в связи с разнообразными обрядами[35], как было в древней Греции и Италии (Varro., De re rustica, II, 4, 9).

Овцеводство. По приведенным выше остеологическим данным хорошо видно, что в Колхидской низменности овцеводство с древнейших времен было слабо развито. И это понятно, так как лесистые и заболоченные места не способствовали его развитию[36]. Отдельные общинники или горожане, возможно, имели небольшие стада овец и коз, которые паслись на сельских или городских выгонах, т. е. овцеводство здесь носило «домашний» или «лесной» характер[37]. Как показывают костные остатки, в стаде мелкого рогатого скота преобладали козы, что опять же было обусловлено природными условиями. Известно, что козы легко достают пищу даже там (особенно в предгорьях), где другие животные, в том числе и овцы, голодали бы. А это свойство сделало их особенно ценными в условиях Западной Грузии, где всегда остро чувствовался недостаток в пастбищах.

Такое соотношение в стаде наблюдается и гораздо позднее, включая наши дни. Арканджело Ламберти (XVIII в.) специально отмечал, что в Мегрелии овцы стоили дорого, так как климатические условия (сырость) не позволяли широко разводить их, даже шерстяные изделия сюда привозили турецкие корабли[38]. И. А. Гюльденштедт сообщал, что животноводство в Западной Грузии было слабо развито, почти не разводили овец, а свиней держали много[39]. Грузинский географ Вахушти Багратиони (1676—1771 гг.) писал: «Животные, не считая верблюдов, здесь всевозможные, но не так много, как в других частях Грузии». По его словам, в Западной Грузии существовала тощехвостая порода овцы, которая приносила не менее двух ягнят, а иногда даже три и четыре. Несмотря на такие ценные качества, их не держали стадами. Они были распылены по дворам[40].

Это позволяет сделать вывод, что овцеводство в Колхидской низменности носило описанный характер издревле.

Кроме того, мы располагаем ценным свидетельством Страбона о том, что в Понтийском царстве тонкорунные овцы встречались очень редко (Strabo, XII, III, 13).

Однако в специальной литературе широко распространено мнение, будто бы в древней Колхиде овцеводство было сильно развито и что Восточное Причерноморье надо считать чуть ли не родиной тонкорунной овцы[41]. Единственным доказательством для таких суждений служат мифы об Аргонавтах и золотом руне. Кстати, при этом вовсе не учитывается то обстоятельство, что волшебный баран прилетел в Колхиду из далекой Фессалии. По мифам Фрикс принес барана в жертву богу войны Аресу, а шкуру

---

[34] С. Макалатиа. Культ Джеге Мисарони (Георги-Митра) в древней Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 13, 17 (на груз. яз. с русск. и немецк. резюме).

[35] С. Макалатиа. Ук. соч., стр. 39, 50.

[36] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 127.

[37] Г. С. Читаиа. Карталинская этнографическая экспедиция 1948 года. «Мимомхилвели», I. Тбилиси, 1949, стр. 366 (на груз. яз.). Варрон называл такой вид скотоводства вильным, т. е. приусадебным, и считал его жалким, ничтожным занятием, придатком к земледелию.

[38] Арканджело Ламберти. Описание Мегрелии. Тбилиси, 1938, стр. 37, 42 (на груз. яз.).

[39] Путешествие Гюльденштедта, стр. 171, 323.

[40] Вахушти Багратиони. Описание царства грузинского (География Грузии). Тбилиси, 1941, стр. 145, 146 (на груз. яз.).

[41] K. Günter. Formen und Urgeschichte der Schafe. Göthingen, 1951, стр. 224. Цитировано по Г. С. Читаиа. О некоторых чертах древнеколхской культуры. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, примеч. 3.

подарил царю Анету. Страбон, повествуя о храме Левкофеи (Белой богини), который, по преданию, был воздвигнут Фриксом, отмечает, что здесь не разрешалось приносить в жертву баранов (Strabo, XI, II, 17). Вероятно, на возникновение такого табу в первую очередь повлияло слабое развитие овцеводства в Колхиде. Многие исследователи без должной аргументации утверждают, что тонкорунных овец широко разводили греческие города-колонии Восточного Причерноморья, в том числе и Диоскуриада[42]. По мнению других, эти города получали шерсть и самих овец из Колхиды[43].

Нам представляется возможным уточнить это предположение: шерсть и шкуры могли поставлять в приморские города главным образом горные области Колхиды. (В низменности, как известно, широко производили льняные изделия, которые экспортировались и в чужие страны.)

Отгонное скотоводство, нередко с преобладанием овцеводства, до недавнего времени существовало в горных районах Западной Грузии. Оно, вероятно, здесь сложилось издавна, и греческие купцы в интересующее нас время вполне могли наладить с горцами торговую связь. Тем более мы располагаем сведениями греко-римских авторов, особенно Страбона, что Диоскуриада являлась торговым центром для многочисленных горских племен (Strabo, XI, II, 16, V, 6). Этнографически засвидетельствовано, что овец в горных частях Западной Грузии разводили ради шерсти и мяса, молоко не употреблялось. Думаем, то обстоятельство, что овец не доили, повлияло на сложение местной имеретинской породы, которая, ягнясь два раза в году, приносит каждый раз двух, а иногда и больше ягнят[44].

Коз, в отличие от овец, в основном разводили из-за молока и мяса. Шерсть местной мегрельской породы козы низкого качества. Ценилось молоко, из которого изготовлялся сыр.

Вероятно, в пантеоне античной Колхиды овцы и козы имели своих покровителей-богов. Об этом говорит пережиток культа предводительницы коз и овец у абхазов[45] и сванов[46]. В Ванском районе Западной Грузии нами было засвидетельствовано в живой речи такое выражение: «Что застыл, как козье божество». Это, возможно, связано опять же с какими-то ранними традициями скотоводческих культов.

Скульптурные изображения овец особенно широко распространяются в эпоху бронзы, и их находят преимущественно в горных районах Грузии[47]. Это яркий показатель направления хозяйственных интересов горцев, переданных в виде культовых изображений[48].

Птицеводство. Судя по костным остаткам, домашнюю птицу (в основном курицу) в античной Колхиде разводили в немалом количестве. Кости водоплавающих птиц еще не обнаружены, но в античную эпоху встречаются их скульптурные изображения (рис. 2, *3*), вероятно, культового назначения. Как отмечает Н. В. Хоштария, для разведения их в Колхиде существовали подходящие природные условия[49].

---

[42] Л. Н. Кулешов. Избр. работы, I, М., 1949, стр. 7; Л. И. Николаев. Овцеводство. Тбилиси, 1960, стр. 188. Некоторые разделы написаны специально для грузинского издания.

[43] J. Bohm. Schafenzucht nach ihnen jetzigen razionalen Standpunkt. Berlin, 1878, стр. 191.

[44] Г. Читаиа. Ук. соч., стр. 3; М. Рчеулишвили. Материалы к изучению грузинской овцы. Сб.: «Материальная культура эпохи Шота Руставели». Тбилиси, 1937, стр. 116 (на груз. яз.).

[45] Н. С. Джанашиа. Религиозные верования абхазов. «Христианский Восток», IV, 1915, стр. 77, 81.

[46] А. К. Сохадзе. Пережитки скотоводческих культов у западногрузинских горцев. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

[47] «Археология Грузии», стр. 114, 139, 146.

[48] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 306; Г. Ф. Гобеджишвили. Ук. соч., стр. 60.

[49] «Археология Грузии», стр. 250.

Пчеловодство[50]. Весьма важной отраслью животноводства античной Колхиды было разведение пчел. Известно, что пчеловодство и овцеводство взаимно исключают друг друга, так как овцы не только съедают цветочные растения, но и топчут пчел ногами. Думаем, что то обстоятельство, что в Колхидской низменности овец в больших масштабах не разводили,

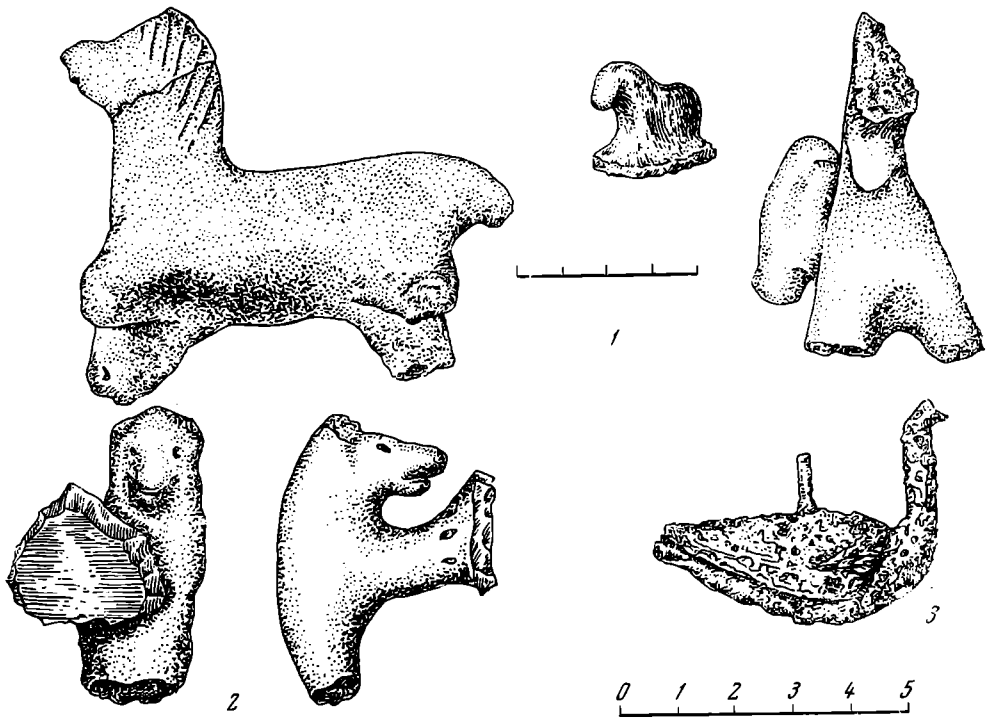


Рис. 2. Изображения животных

1 — глиняные скульптуры эпохи поздней бронзы и раннего железа, *2* — зооморфная ручка глиняного сосуда, *3* — бронзовая фигура гуся, V—IV вв. до н. э. (Ванское городище)

благоприятствовало развитию пчеловодства. Действительно, в античной Колхиде оно достигло широких размеров. Вспомним, что писал Ксенофонт о стране колхов: «Здесь, вообще говоря, не было ничего необыкновенного, кроме большого числа ульев» (Xen., Anab., IV, VIII, 20). В числе припонтийских стран, вывозивших мед и воск (Polib., Hist., 38, 4), несомненно, была и Колхида[51].

Промыслы. В античную эпоху охота потеряла свое былое экономическое значение, но все же в некоторых случаях она носила характер промысла, особенно в горных районах страны. По Страбону, горцы Колхиды питались звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком (Strabo, XI, V, 6). Об известном значении охоты говорят и пережитки всевозможных охотнических культов в Западной Грузии, особенно в Сванетии[52].

---

[50] А. И. Робакидзе. К истории пчеловодства. Тбилиси, 1960 (на груз. яз. с русск. и немецк. резюме). Мы ограничимся лишь кратким упоминанием некоторых письменных источников.

[51] Начиная с древних авторов (Ксенофонт, Страбон, Плиний), принято считать, что мед Колхиды был одурманивающего свойства и поэтому больше известен был колхидский воск. Но, как выяснил А. И. Робакидзе, одурманивающий мед имел локальный и сезонный характер (таким становился мед в ту пору, когда цвела *Azalea Pontica*). А. И. Робакидзе в Сванетии засвидетельствовал существование средства нейтрализации пьянящего меда. А. Робакидзе. Об одном обряде, связанном с пчеловодством. «Мимомхилвели», III, Тбилиси, 1953, стр. 275, 276 (на груз. яз.).

[52] М. Чиковани. Грузинский эпос, I, Тбилиси, 1959, стр. 113 (на груз. яз.). У абхазов охота считалась священным промыслом; об охотнике, ушедшем на охоту,

В известной мере данное обстоятельство отразилось и на материальной культуре. В античное время изображения диких животных нередко встречаются не только в горных частях Западной Грузии, но и на равнинах. В античное время по-прежнему основным объектом охоты являлись кабан и олень, но и их кости на Ванском городище обнаружены в незначительном количестве. В Колхиде, как и почти везде, охота, несомненно, являлась одним из видов развлечения знати.

Из сочинений древних авторов, особенно римского времени, мы узнаем, что в Колхиде был целый промысел — охота на фазанов. Как известно, наименование этой птицы связано с Колхидой: греки (по мифам — аргонавты) впервые увидев ее у берегов р. Фасиса, назвали ее фасисской птицей — φασιανὸς ὄρνις или просто φασιανος. Из Колхиды фазаны были завезены греками в Европу; их нежное и вкусное мясо в древности высоко ценилось [53]. Ряд авторов отмечают, что уже до Перикла фазаны в Афинах пользовались большой известностью [54]. Первое упоминание фазана встречается у Аристофана в комедии «Облака» в следующем контексте [55]: 109. Нет, клянусь Дионисом, даже если ты подаришь мне фазанов, которых выкармливает Леогор [56].

Леогоровы фазаны здесь как бы крылатое выражение, символизирующее большую ценность. И это скорее всего так и было. Ведь вывезенные из далекой Колхиды, эти экзотические птицы должны были дорого стоить [57]. Вероятно, афинские богачи в то время фазанов держали в декоративных целях.

Для римского времени мы располагаем высказываниями ряда авторов, бесспорно свидетельствующими о том, что в Колхиде действительно существовал промысел — охота на фазанов. Как хорошо известно, в последний век республики роскошь римской знати не знала предела. Особенное внимание уделялось изысканной кухне. Увеличился и набор всевозможных съестных припасов, в основном за счет восточных пряностей, экзотических птиц и животных. Часто они ввозились из весьма отдаленных стран и стоили большие деньги [58]. Колхида поставляла Риму фазанов и, возможно, других птиц. Плиний Секунд, возмущаясь роскошью богатых обжор, писал: «Неужели, в самом деле, лучше нырять в морские пучины и с опасностью кораблекрушения отыскивать разные виды устриц или доставлять из-за реки Фасиса птиц, не охраняемых даже баснословным страхом, но тем более драгоценных...» (Plin., NH. XIX, 52). Философ Сенека, воспитатель Нерона, возмущаясь такой расточительностью не меньше Плиния, гневно восклицал: «Да погубят боги тех, чье обжорство гонит людей за пределы столь обширной империи. Они хотят, чтобы для их роскошных кушаний охотились за Фасисом» (Ad., Helv, 10, 2—3). Высказываний подобного рода у римских писателей мы найдем немало (Колумелла, Манилий и др.). Особенно интересные сведения в связи с вывозом из Колхиды фазанов находим мы у Петрония. Он пишет о птицах, «добываемых у фасисских колхов», которые «нравятся изнеженному вкусу, потому что их легко добывать». Судя по сведениям Петрония, охота на фазанов приняла такие размеры, что берега Фасиса уже были «лишены птиц» (Petr., XVI).

запрещено было говорить. Н. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1955, стр. 55. Кроме того, существовали священные правила охоты, которые не следовало нарушать.

[53] M. Kroll. Der Fasan seine Lebensweise, Hege und jagd. Berlin, 1957, стр. 11; «Птицы Советского Союза», IV, М., 1952, стр. 199; А. Е. Брем. Жизнь животных, II, М.— Л., 1931, стр. 191, 192.

[54] M. Kroll. Ук. соч.

[55] Poetae Scenici Graeci. Accedunt perditarum fabularum fragmenta Recognovit et praefatus est Cuil Dindrofins. Zipsiae, 1830, стр. 435.

[56] Леогор был отцом оратора Андекида и принадлежал к аристократическому роду. RE, XIII, стр. 1990.

[57] Птоломей Эвергет II, царь Египта (146—117 гг. до н. э.), говорит, что фазанов вывозили и из Мидии; их мясо считалось драгоценным кушаньем (Ptol. XII, 10).

[58] М. Г. Сергеенко. Жизнь древнего Рима. М.— Л., 1964, стр. 128—132.

Все эти сообщения хорошо указывают, что в интересующее нас время в Колхиде охота на фазанов имела промысловый характер и, вероятно, давала неплохой доход обитателям этой страны. Наличие рынка сбыта должно было стимулировать развитие этого промысла, и поэтому мы вправе допустить, что в Колхиде фазанов разводили специально для продажи, как это делалось в Италии в эпоху поздней республики и ранней империи с дроздами, которых выращивали тысячами в специальных птичниках. Ведь

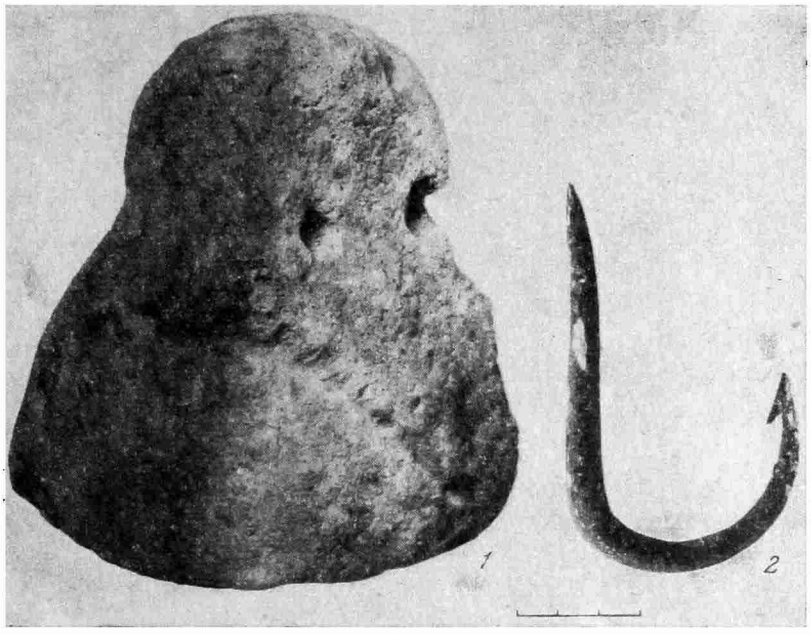


Рис. 3. Рыболовный инвентарь

1 — глиняное грузило со следами снастей, V—IV вв. до н. э. (Пичвнарское городище), *2* — бронзовый рыболовный крючок (эллинистический слой Ванского городища)

их подавали на самых роскошных обедах, платя 12 сестерциев за штуку [59].

Если наши предположения достоверны, то мы проследили еще один источник дохода населения античной Колхиды — промысловое птицеводство.

Рыболовство. Племена, населявшие Западную Грузию, издревле занимались рыболовством. Неолитические и энеолитические стоянки, находившиеся в непосредственной близости от моря (Кистрик, Очамчире и др.), в значительном количестве содержат рыболовные грузила, изготовленные из плоских галек. Аналогичные грузила обнаружены и на городище Пичвнари (Кобулети). Рыболовством занимались в это время и жители внутренних районов Колхиды. На пещерной стоянке Сагварджиле были обнаружены костяные крючки и гарпуны [60].

Рыболовство было развито и в античную эпоху. В приморских городах оно должно было получить крупное промысловое направление. Для этого существовал и экономический стимул, расчет на ближайший рынок, которым являлись греческие фактории. Города приморской Колхиды в археологическом отношении недостаточно изучены и мы не знаем, существовали ли там специальные рыбозасолочные хозяйства, но можно предположить, что из Колхиды вывозилась и рыба, как это было в других припонтийских странах (Polib., Hist., 38, 4).

---

[59] М. Г. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л., 1958, стр. 155.

[60] «Археология Грузии», стр. 64.

Рыбу ловили льняными сетями. Мы располагаем сведениями, что из колхидского льна изготавливались отличные сети (Xen., De venot., II, 4, Poll., V, 26); к сетям прикреплялись свинцовые, каменные, а иногда и керамические грузила. Археологическими разведками на городище Пичвнари (Кобулети) были обнаружены большие глиняные пирамидальные грузила[61]. Некоторые из них (рис. 3) носят отчетливые следы веревок, крестообразно опоясывающих грузила. Думаем, что это следы рыболовных снастей.

В Вани в слое эллинистической эпохи была обнаружена бронзовая спица длиной около 24 *см*, которая, судя по аналогиям, предназначалась для

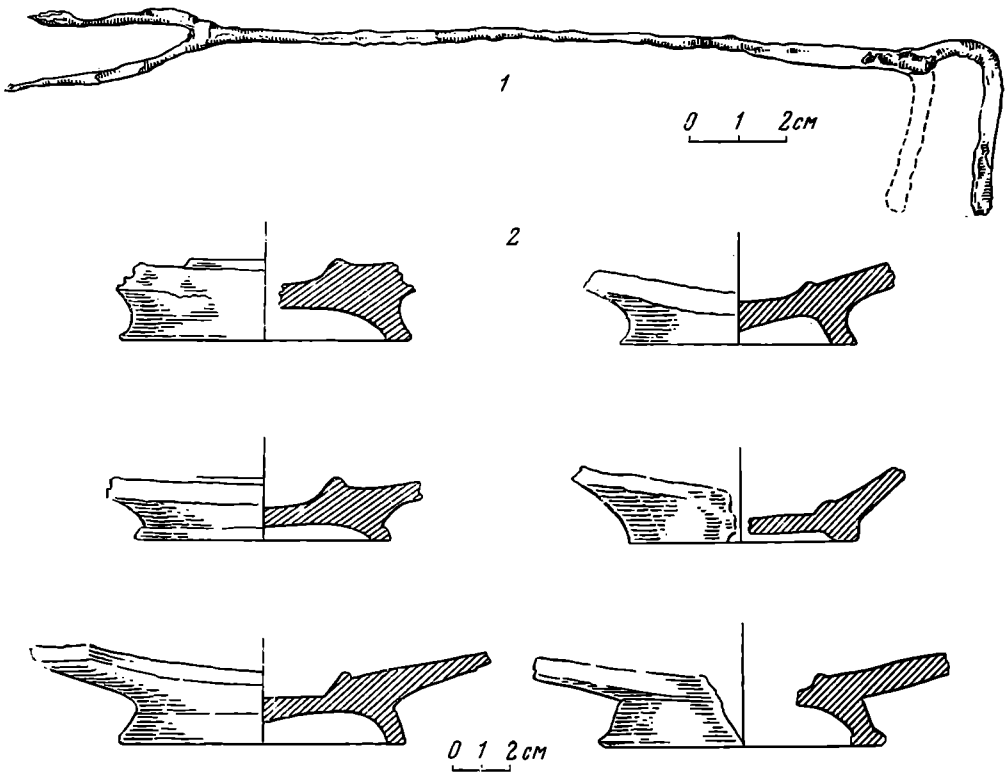


Рис. 4

1 — бронзовая спица для плетения сетей (II—I вв. до н. э.); *2* — рыбные блюда (III—II вв. до н. э., Ванское городище)

плетения рыболовных сетей[62] (рис. 4, *1*). То, что рыба часто употреблялась в пищу горожанами, подтверждается неоднократными находками рыбных блюд, подавляющее большинство которых изготовлено из местной глины и датировано III—II вв. до н. э. (рис. 4, *2*). В Вани к тому же был обнаружен бронзовый рыболовный крючок[63] (рис. 3, *2*). В приморских пунктах существовал промысел-охота на дельфинов. А. Кахидзе на Пичвнарском (Кобулети) городище нашел свыше 20 костей дельфина. Они были открыты также и в Дихагудзуба (см. таблицу). Это полностью подтверждают слова Ксенофонта о том, что одно из западногрузинских племен (моссинники) широко использовало в пищу дельфиний жир (Xen. Anab.,

[61] А. Ю. Кахидзе. Материалы по истории древних городов Восточного Причерноморья. МАГК, IV, Тбилиси, 1965, стр. 74.

[62] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Пантикапее в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. МИА, 103, 1962, стр. 27; D. M. Robinson. Excavation at Olynthus, X, Baltimore — London — Oxford, 1941, № 1763—1781.

[63] Н. В. Хоштария. Археологические раскопки в Вани в 1959 году. Тбилиси, 1960, стр. 49.

V, IV, 28). По Страбону, халдей-халибы также широко употребляли их жир (Strabo, XII, III, 19).

Колхида античной эпохи была страной высокоразвитого плужно-мотыжного земледелия. Начиная еще с эпохи энеолита скотоводство в Колхидской низменности являлось лишь дополнением к земледелию. Оно поставляло рабочий скот и продукты питания, излишки которых поступали на рынок; на базе скотоводства существовали и некоторые отрасли ремесленного производства. Кроме сельского хозяйства колхи занимались и промыслами: охотой, рыболовством и др., развитие которых стимулировалось потребностью в их продукции как внутри страны, так и за ее пределами. Продукты сельского хозяйства и промыслов античной Колхиды входили в сферу интересов греческих купцов, которые в это время наладили широкие торговые связи с Западной Грузией.

И. И. ГУЩИНА

О САРМАТАХ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

(По материалам некоторых могильников I—IV вв.)

В IV—III вв. до н. э. начинается продвижение сарматских племен с их исконной территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Сарматы направляются прежде всего на юг, в северо-восточные районы Кавказа, где выявлены наиболее ранние сарматские памятники [1], и далее на юго-запад и запад, в степи Прикубанья, Подонья, современной Украины [2], где исследовано уже значительное количество сарматских памятников III—I вв. до н. э., в которых можно проследить единство археологической культуры с сарматами более восточных областей. Но если на северо-восточном Кавказе или в степях Украины можно выделить чистые сарматские комплексы, то гораздо труднее это сделать в других областях — в Прикубанье, на Таманском и Крымском полуостровах. Здесь выделяются только отдельные черты сарматской культуры, преимущественно в материале грунтовых погребальных памятников, на основании которых можно говорить о сарматском влиянии и проникновении сармат в среду населения указанных областей в III—I вв. до н. э. [3]. Видимо, через Прикубанье и территорию Боспорского царства сарматы попадают в центральный Крым во II—I вв. до н. э. Свидетельством этому может служить могильник Неаполя Скифского, в котором ранние погребения II—I вв. до н. э. имеют сарматские черты ритуала [4]. Не исключена возможность, что в это время сарматы попадали в Центральный Крым и из степной части Приднепровья, где их могилы известны во II в. до н. э.— I в. н. э.

Процесс сарматизации особенно усиливается повсеместно в первые века нашей эры. Во всех районах Северного Причерноморья отмечается нарастание сарматских черт в погребальном обряде и материальной культуре. Это связано, очевидно, с новой волной продвижения сарматских племен из районов Нижней Волги на юг, юго-запад и запад. Культура этих областей нивелируется, приобретая общесарматский облик. Об усилении сарматских черт в материальной культуре Танаиса, Фанагории, Пантикапея и малых боспорских городов говорят такие факты, как увеличение в их некрополях количества подбойных погребений сарматского типа; все чаще встречается южная и северная ориентировка погребенных, появляются некоторые другие детали погребального обряда, связанные только с сарматскими обычаями, распространяются вещи сарматского типа. С этой же вол-

---

[1] В. Б. Виноградов. Сарматы северо-восточного Кавказа. Тр. ЧИНИИ, VI, Грозный, 1963, стр. 13 сл.

[2] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 206; М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1961, 1, стр. 91 сл.

[3] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 206; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 62; В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI, 1941, стр. 25, 26; Г. А. Цветаева. Грунтовый могильник Пантикапея. МИА, 19, 1951, стр. 74.

[4] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 181 сл.

ной, очевидно, надо связывать и усиление сарматизации в культуре Неаполя Скифского, а также проникновение сармат в юго-западный Крым.

В предгорной части Крымского полуострова, по долинам небольших рек Альмы, Качи, Бельбека и Черной расположен ряд грунтовых могильников первых веков нашей эры [5], материал которых может дать представление об этническом составе населения этой территории. Кроме того, в юго-западном Крыму открыто несколько впускных курганных погребений первых веков нашей эры [6].

В данной статье использован материал могильников, включающих 495 погребений, которые относятся к I—IV вв. [7]. Большое количество памятников этого времени в юго-западном Крыму говорит о довольно большой густоте населения этой части полуострова в первые века нашей эры. Во всех могильниках наблюдаются общие черты погребального обряда и инвентаря, что позволяет их объединить в одну группу памятников, оставленных одним и тем же населением. Но в погребальном обряде каждого из этих могильников нет единства, что, по-видимому, свидетельствует об этнической неоднородности населения. В литературе высказывалось мнение, что в первые века нашей эры в юго-западном Крыму живет смешанное население: скифы, потомки тавров и сарматы [8]. Черты, свидетельствующие об этой неоднородности и особенно сарматском компоненте, и выделяются в данной работе.

Самый ранний материал (I — начале II в.) дает небольшая часть погребений северо-западной части могильника у с. Заветное [9]. Бóльшая часть погребений того же могильника, а также могильники Бельбек I [10], Бельбек II [11], Скалистое II, Скалистое III [12], Чернореченский [13] датируются II—III вв., а Инкерманский [14] — III—IV вв.

Все могильники содержат несколько типов погребальных сооружений. В большинстве из них преобладают прямоугольные грунтовые ямы, заполненные камнями или без них. Это первый тип погребений. Обычай засыпать яму камнями характерен для многих скифских погребений Крыма как курганных [15], так и грунтовых [16] и, по-видимому, является чертой скифского погребального обряда.

Другой тип погребений — могилы с «заплечиками» (рис. 1, *3*). Они известны в могильниках у с. Заветное среди погребений I—II вв., где концен-

---

[5] Г. И. Мосберг. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА, VIII, 1946, стр. 113 сл.; Н. О. Богданова. Могильник I ст. до н. е.—III ст. н. е. біля с. Завітное Бахчисарайського району. «Археологія», XV, Киев, 1963, стр. 95 сл.; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 324; Н. П. Кацур. Археологічна карта Інкерманскої долини. АП, XIII, Киев, 1963, стр. 11.

[6] Е. В. Веймарн. Отчет об эпизодических работах Бахчисарайского музея за 1952—1953 гг. Архив ИА АН СССР, № 900, стр. 5; его же. Отчет об эпизодических археологических работах Бахчисарайской научно-исследовательской станции Крымского отдела ИА УССР в 1953 г. Архив ИА АН СССР, № 915, стр. 8, 9, 15.

[7] Могильники: Заветное, Скалистое Бахчисарайского р-на; Бельбек I и Бельбек II, в устье и среднем течении р. Бельбек, Чернореченский и Инкерманский.

[8] Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. ИАДК. Киев, 1957, стр. 236—237.

[9] Н. А. Богданова. Ук. соч., стр. 96 сл.

[10] Н. М. Печенкин. Раскопки могильника I—V вв. н. э. в окрестностях Севастополя. ИТУАК, 38, 1905, стр. 32 сл. Вещи хранятся в МАЭ, ф. 1515-А.

[11] Г. И. Мосберг. Ук. соч., стр. 114; Н. А. Богданова, И. И. Гущина. Ук. соч., стр. 323—330.

[12] Н. А. Богданова. Отчеты о раскопках и разведках БИАМ и ГИМ в 1960 и 1964 гг. Архив ИА АН УССР, д. № 3445/46/47, 4381.

[13] В. П. Бабенчиков. Чорноріченський могильник. АП, XIII, Киев, 1963, стр. 90 сл.

[14] Е. В. Веймарн. Археологічні работи в районі Інкермана. Там же, стр. 40, 88.

[15] А. А. Спицын. Скифо-сарматские курганы крымской степи. ИТУАК, 54, 1918, стр. 178.

[16] В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. ИАДК, стр. 120, 123.

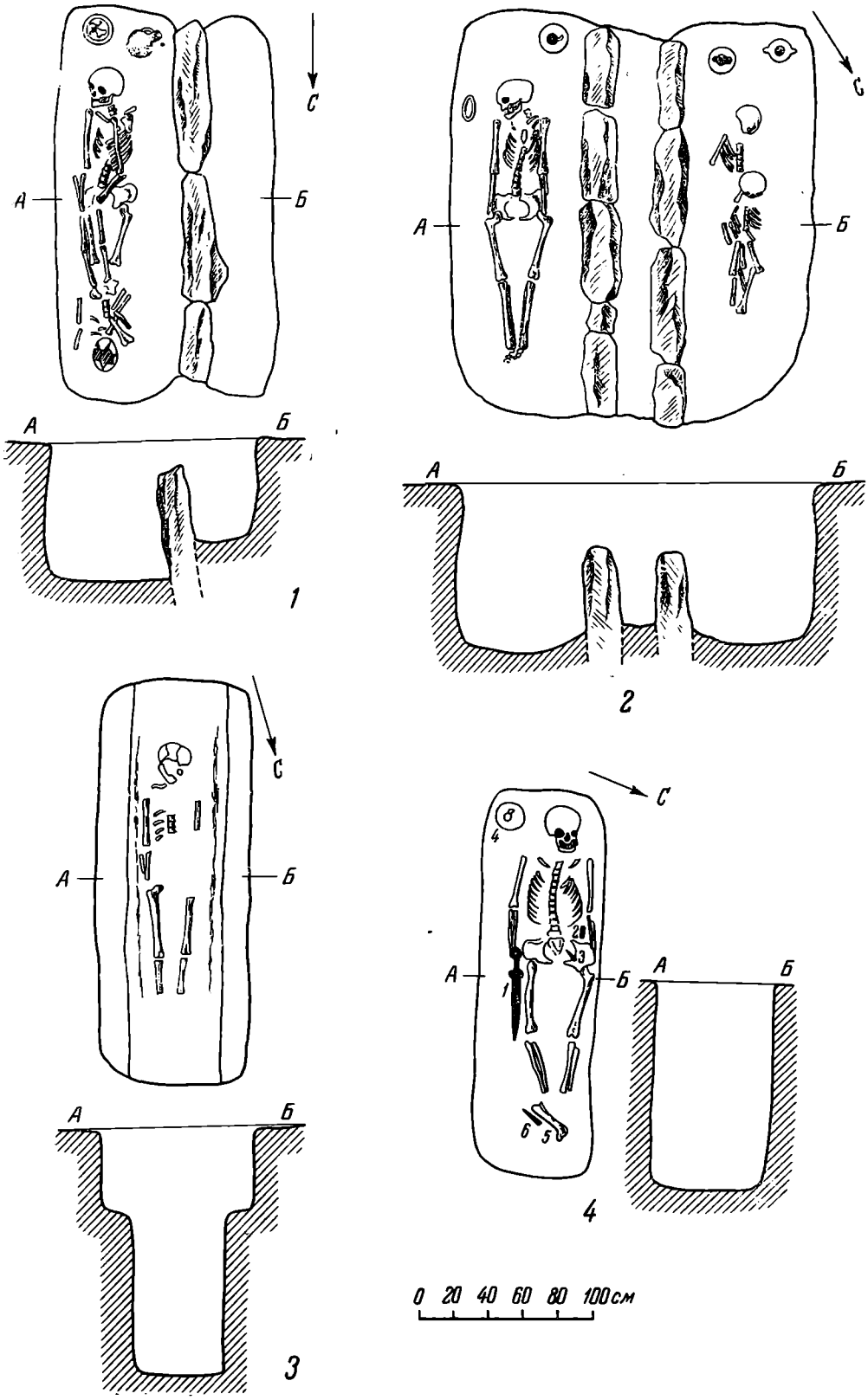


Рис. 1. Погребальные сооружения сарматского типа в могильнике у с. Заветное

1 — погр. № 134; *2* — погр. № 116; *3* — погр. № 42; *4* — погр. № 227

трируются в определенной его части и в Инкерманском. По обеим сторонам ямы сделаны уступы-заплечики для перекрытия. Ширина ступенек 15—20 *см*, высота около 40 *см*. Следы деревянного перекрытия сохраняются редко. Такой тип погребальных сооружений широко известен в среднесарматских могильниках Поволжья [17], а также в погребениях Прикубанья, связанных с сарматскими погребальными обычаями [18]. Ориентировка покойников в могилах с «заплечиками» юго-западного Крыма, как и у сарматов Поволжья, преобладает южная.

Третий тип погребений — подбойные могилы, которые появляются в Крыму, по-видимому, в I в., когда они составляют примерно 9% всех сооружений в Заветном, и особенно широко распространены в II—III вв. во всех могильниках: в Заветном они составляют 30%, в Чернореченском — 41%, Скалистое II — 100%, Скалистое III — 59%. Ориентировка погребенных преобладает юго-западная, за исключением Чернореченского могильника, где господствует северо-восточная и северо-западная. Устройство могил следующее: узкая входная яма, ориентированная главным образом с юго-запада на север-восток, имеет в восточной стене подбойную камеру, дно которой ниже дна входной ямы на 0,10—0,15 *м*. Вход в подбой большей частью закладывался каменными плитами (рис. 1, *1*) а входная яма часто забивалась камнем. Иногда встречаются два подбоя вдоль длинных сторон могилы (рис. 1, *2*). В Заветнинском могильнике есть один любопытный вид сооружений, который, пожалуй, можно рассматривать как вариант подбойного: вдоль одной длинной стороны могилы выкладывалась стенка из камней, которая могла имитировать заклад подбойной камеры [19].

В Восточном Крыму подбойные сооружения появляются в последние века до нашей эры. В Пантикапейском могильнике они иногда встречаются в конце III—II вв. до н. э. [20], а в I в.— в Неаполе Скифском [21] и в могильниках юго-западного Крыма.

Подбойные могилы Крыма по устройству очень близки погребальным сооружениям этого типа у сарматов Южного Приуралья, Нижнего Поволжья [22], а также Прикубанья и Нижнего Поднепровья [23]: одинаковы узость входной ямы и подбойной камеры, небольшая ступенька, ведущая в подбой. Одинакова и ориентировка погребений — южная или северная (с отклонениями).

Подбойные сооружения остаются преобладающими и в III—IV вв. В Инкерманском могильнике они составляют 40% всех сооружений. Устройство их такое же, как и описанных выше, однако ориентировка погребенных меняется — северо-восточная или восточная.

Остальные типы погребальных сооружений следующие: прямоугольные ямы, обложенные с длинных сторон плитами, на которых держится каменное перекрытие (Заветное, Бельбек I); ямы с каменным перекрытием, опирающимся на четыре каменных столба, стоящих друг против друга по длинным стенам могилы (Скалистое III); земляные склепы (всего два: Заветное и Бельбек II) и склепы, вырубленные в скале (Инкерманский, Чернореченский могильники); детские трупосожжения в амфорах (Заветное, Скалистое III); трупосожжения в урнах (Чернореченский могильник). Погребенных в этих могилах, видимо, надо связывать с другими

---

[17] К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 108.

[18] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 15 (погребения в районе Армавира).

[19] Такой тип сооружений известен в Танаисе в I в. Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 50.

[20] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 78.

[21] В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского, стр. 121.

[22] М. П. Абрамов. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 54.

[23] М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. ВССА М., 1952, стр. 220.

этническими компонентами юго-западного Крыма. Но и в могилах перечисленных типов (за исключением двух последних) встречаются черты обряда, которые можно сравнивать с сарматскими, что говорит об очень сильном переплетении черт различных погребальных обрядов. Рассмотрим суммарно эти черты.

Для погребений I—III вв. преобладающей ориентировкой во всех типах сооружений является юго-западная и южная, только для чернореченского — северо-восточная; для погребений III—IV вв. в Инкермане — северо-восточная и восточная. Последнее, видимо, надо объяснять наибольшей близостью к Херсонесу, в некрополе которого всегда преобладала восточная ориентировка погребенных[24]. Что касается южной и юго-западной ориентировки, то, по-видимому, ее можно связывать с сарматским погребальным обрядом, где южная ориентировка распространяется с конца IV—III в. до н. э. в Нижнем Поволжье, а позднее в сарматских погребениях Прикубанья и Украины. Некоторые погребения могильников у Заветного и Скалистого III имеют западную ориентировку, которая, очевидно, связана со скифским погребальным обрядом. Что касается северной ориентировки, которая изредка встречается во всех могильниках и преобладает в Чернореченском, то она может быть связана тоже с несколько более поздней волной сарматского переселения в юго-западный Крым, так как северная ориентировка характерна для позднесарматских памятников. Может быть, на основании одной ориентировки и нельзя было бы говорить о сарматских чертах обряда, если бы в этих могильниках не было еще некоторых других черт погребального ритуала, которые можно определить как сарматские.

Покойников хоронили в большинстве случаев с вытянутыми конечностями, но встречаются иногда руки, положенные на таз, и скрещенные в голенях ноги. Нельзя связывать эти детали только с сарматским обрядом. Подобное положение конечностей погребенных изредка встречается у сарматов Поволжья, а чаще у сармато-меотских племен Прикубанья[25]. По-видимому, в Крым этот обычай принесен из Прикубанья.

Под погребенного часто подстилали войлок или в него обертывали труп. Около головы, реже у ног погребенного ставилась глиняная миска с железным ножом и заупокойной пищей (чаще куски барана). Оба последние явления (войлок и заупокойная пища) характерны для обряда сармат и меото-сарматских племен Прикубанья; эти особенности обряда наблюдаются и в Неаполе Скифском главным образом в I—III вв., что тоже может быть объяснено переселением сюда сарматов в первые века нашей эры.

В Чернореченском, Заветнинском и Скалистинских могильниках есть несколько случаев погребений в деревянных колодах. Иногда колоды находятся в подбойных погребениях, чаще в плитовых могилах. Погребения в долбленых ладьеобразных колодах известны в сарматских могильниках Нижнего Поволжья с III—II вв. до н. э.[26].

В засыпке погребений указанных могильников юго-западного Крыма встречаются обломки разбитой и обожженной посуды, а также кусочки угля и золы. В Инкерманском могильнике имеются такие погребения, где по всему полу прослежен слой пепла или встречаются кусочки угля. Отмеченные явления, видимо, указывают на следы тризны, а также на существовавший ритуал засыпки покойного пеплом и углем. Это характерно, главным образом, для подбойных гробниц и также сближает наши могильники с сарматскими погребениями Южного Приуралья и Нижнего Поволжья средне- и позднесарматского времени, где наличие пепла и углей в

---

[24] Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. ВДИ, 1948, 1, стр. 157 сл.

[25] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 81.

[26] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 157; К. Ф. Смирнов. «Быковские курганы». Там же, стр. 200.

погребениях связано с верой сарматов в очистительную силу огня[27]. Как отражение магических представлений сарматов, отмечаются в их могилах обломки плит песчаника, гальки, необработанные куски кремня, куски дерева, положенные под голову погребенного[28]. Камни и куски дерева у головы или под головой погребенного встречаются в некоторых погребениях Заветнинского и Черноречинского могильников, а также имеется меловая подсыпка на дне могилы или куски мела (Заветное и Скалистое II и III), что соответствует сарматскому обряду в средне- и позднесарматское время. У головы погребенных (особенно в Скалистое III) часто находилась красноглиняная миска с небольшим (чаще одноручным) кубком в ней. Эта деталь обряда характерна для меотских погребений Прикубанья.

Таким образом, в погребальном обряде крымских могильников можно проследить скифские черты (например, обряд засыпки могильных ям камнями); таврские (скорченные, коллективные погребения и наличие краски со скорченными костяками); греческие (плитовые перекрытия могил, детские погребения в амфорах, восточная ориентировка, наличие греческой керамики, случаи замены традиционной жертвенной пищи в некоторых погребениях птицей и птичьими яйцами). Наряду с этими особенностями явственно проступают черты сарматские, о которых говорилось выше. Из 495 известных погребений выделено 140 с чертами сарматского обряда.

Инвентарь погребений, независимо от типов погребальных сооружений, почти одинаков. Обязательной принадлежностью является, главным образом, гончарная красноглиняная посуда, редко лепная; железные ножи, бронзовые фибулы, пряжки, реже зеркала; в большом количестве различные украшения — браслеты, серьги, лунницы, подвески, перстни, кольца с шишечками и др.; значительно реже встречается оружие (исключение — Инкерман). Такой набор инвентаря свойствен многим могильникам Северного Причерноморья первых веков нашей эры; некоторые типы вещей распространяются в это время на очень широкой территории. В данной статье выделяются те вещи, которые связываются с одной группой населения юго-западного Крыма — сарматами. Для этого прежде всего следует рассмотреть некоторые типы лепной керамики. Как уже отмечалось, лепные сосуды в погребениях встречались очень редко. Среди них несколько экземпляров одноручных невысоких кувшинов с округлым или биконическим туловом (рис. 2, *1, 2*) имеют некоторые аналогии в сарматской керамике первых веков нашей эры Северного Кавказа[29] и Нижнего Поволжья[30].

Красноглиняный двуручный сосудик из погр. № 26 Инкермана (рис. 2, *3*) близок по форме двуручным сосудам, встречающимся в большом количестве среди прикубанской керамики[31]. Интересно, что последний сосуд вместе с одним из кувшинов ранее отмеченного типа найден в подбойной могиле III в., ориентированной с севера на юг. Дно камеры посыпано пеплом. В погребении найдено еще восемь золотых круглых штампованных бляшек со слегка загнутыми рубчатыми краями. Все это соответствует сарматскому погребальному обряду первых веков нашей эры.

Представляют интерес еще несколько гончарных кувшинов. Один из них сероглиняный с шаровидным туловом и невысоким горлом, имеющим слив (рис. 2, *4*). Найден он в погр. № 8 (I — начало II в.). Заветнинского могильника. Такого типа кувшины широко распространены у сарматов Поволжья, но главным образом на Дону и Кубани в первые века нашей

---

[27] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 323 сл.; П. С. Рыков. Сусловский могильник. Уч. зап. СГУ, 4, 3, 1925, стр 37, 38.

[28] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, стр. 199.

[29] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селенья Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, рис. 21, 1 *а*.

[30] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 75, рис. 18, *4*.

[31] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 181, рис. 11, *2*.

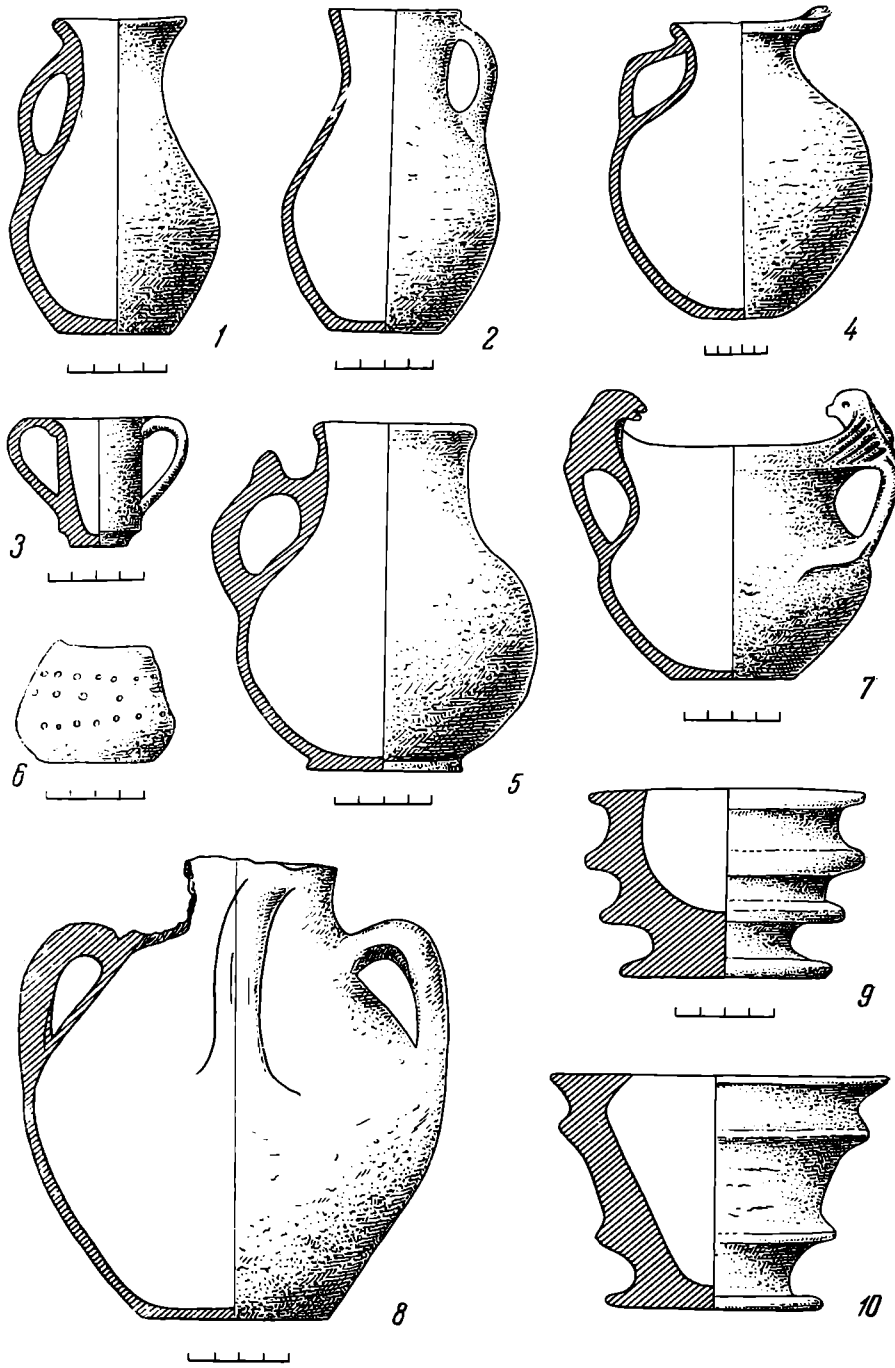


Рис. 2. Керамика сарматского типа из погребений юго-западного Крыма

1 — погр. № 26; *2* — погр. № 13; *3* — погр. № 26; *4* — погр. № 8; *5* — погр. № 40 (*1—3, 7* — Инкерман; *4, 6, 8, 10* — Заветное; *5* — Черная)

эры [32] Другой кувшин из Чернореченского могильника — красноглиняный (рис. 2, *5*). Он имеет высокое цилиндрическое горло, шаровидное тулово, ручки которого имеют отростки в верхней части. Эти признаки сближают его с сарматскими сосудами первых веков нашей эры Нижнего Поволжья [33], Северного Кавказа [34] и Приднепровья [35]. Небольшой вертикальный

[32] В. П. Шилов. Калиновский могильник. МИА, 60, рис. 54, *1*; Гос. Эрмитаж, 1113/94 (х. Ляпичев-на-Дону); ГИМ, 42418 (курган Харина в Прикубанье).

[33] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 483, рис. 55, *7*.

[34] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 269, рис. 22, *2*.

[35] Сосуд из погребения у дер. Богодар. ГИМ, инв. № 25587.

отросток встречается на многих сосудах этого времени Прикубанья и Подонья. Третий сосуд — сероглиняный трехручный (одна ручка большая и две маленькие петлеобразные, рис. 2, *8*) напоминает трехручные сосуды Прикубанья первых веков нашей эры [36].

В Инкермане на поверхности могильника найден лепной сероглиняный сосуд с двумя ручками в виде фигурок птицы (рис. 2, *7*). Сосуды с такими ручками известны среди керченской керамики I—II вв. [37], а фигурные сосуды в виде птицы и отдельные фигурки-амулеты, изображающие птицу, часто встречаются в курганных погребениях I—II вв. Прикубанья [38], откуда такая мода могла попасть в Крым.

В погребениях Заветнинского могильника найдены две курильницы с ребристой поверхностью, одна черного, другая серого лощения (рис. 2, *9, 10)*. Такого типа курильницы найдены в курганах около Севастополя [39] и Симферополя [40]. Курильницы такого типа встречаются в сарматских погребениях Приуралья, Нижнего Поволжья II—III вв. [41], а также в материале Прикубанья [42].

В Заветнинском могильнике встречена курильница и другого типа: небольшой сосудик с расширяющимися книзу стенками, украшенными сквозными отверстиями (рис. 2, *6*). Такие курильницы встречены и в кургане у Братского кладбища Севастополя [43]. Они напоминают сарматские ритуальные сосуды-курильницы, которые широко распространены у сарматов Поволжья и Прикубанья. Прямую аналогию заветнинская курильница имеет в могильнике у с. Ново-Филипповка [44]. Описанная посуда бытует в юго-западном Крыму главным образом во II—III вв. и свидетельствует о проникновении сюда сарматского и сармато-меотского населения, принесшего с собой свои собственные формы сосудов.

Значительно реже, чем керамика, в погребениях указанных могильников встречается оружие, за исключением самого позднего из рассматриваемых могильников — Инкерманского, где почти в каждой могиле есть железные мечи и кинжалы. Можно отметить два типа железных мечей. Первый тип — короткие мечи с кольцевым навершием, с прямым перекрестием и такой же формы кинжалы (рис. 3, *3*); они обычно находятся с правой стороны погребенного. Эта форма мечей и кинжалов широко бытует у сарматов Нижнего Поволжья, Прикубанья и Северного Причерноморья с II в. до н. э. по II в. н. э. и является сарматской по происхождению. Погребения юго-западного Крыма, в которых найдены мечи и кинжалы данного типа, датируются I—II вв. Такие мечи известны и в Неаполе Скифском в комплексе I в. до н. э. [45].

Второй тип — длинные (до 90 *см*) двулезвийные мечи без перекрестия и навершия (рис. 4, *1*). Клинок широкий, рукоятка узкая, длинная. Больше всего таких мечей встречено в Инкермане, но есть они и в других могильниках юго-западного Крыма и встречаются преимущественно в комплексах II—IV вв. Этот тип обоюдоострого меча распространен в первые века нашей эры по всей территории распространения сарматской культуры (Южное Приуралье, Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье) и

---

[36] ГИМ № 42418, курган Харина, раскопки Н. И. Веселовского в 1899 г.

[37] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК, ГЭ, I, Л., 1941, стр. 205, рис. 15.

[38] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 206.

[39] МАЭ, инв. № 1515 А.

[40] ГИМ, инв. № 26747.

[41] Кург. № 2, погр. № 2 у х. Зеленого на Деркуле. Саратовский музей, инв. № 469; Сусловский могильник, кург. № 51. Саратовский музей, инв. № 627.

[42] Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Диссертация, 1954, Альбом, табл. XXII, *4032, 4033*. Краснодарский могильник на Почтовой улице.

[43] МАЭ, № 1515-А.

[44] М. И. Вязьмитина. Сарматські поховання в долині р. Молочної. АП, VIII, Київ, 1960, стр. 89, рис. 69.

[45] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. X, *1*.

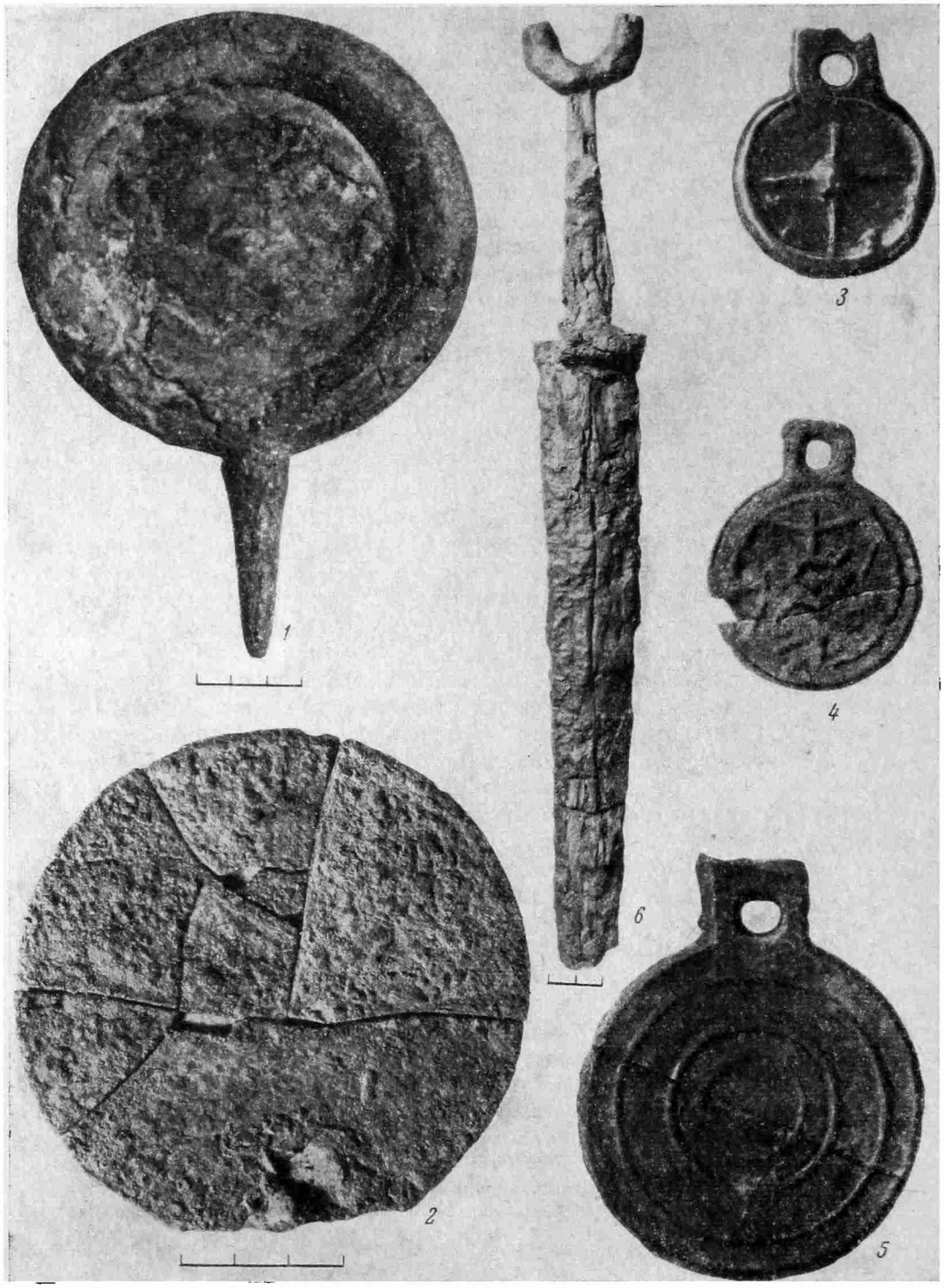


Рис. 3. Инвентарь погребений могильника Заветное

1—5 — бронзовые зеркала (соответственно погр. № 232, 194, 210, 216, 217); *6* — железный кинжал (погр. № 102)

является сарматским по происхождению. Тот же тип меча в первые века нашей эры берется на вооружение жителями юго-западного Крыма. На каменном изваянии, найденном в верхнем слое могильника у с. Заветное, имеется изображение длинного меча в ножнах с продольным желобком или ребром[46]. Меч находится с правой стороны воина, что обычно для сарматских воинов. Здесь же изображено длинное копье, похожее на копья, которые изображаются на стелах и фресковой живописи Боспора первых веков нашей эры. В правой руке человека Заветнинской стелы находился ритон. Ритон изображался часто на скифских надгробных памятниках IV—III вв. до н. э.[47]. Но форма нашего ритона иная, да и остальные предметы говорят о более позднем времени стелы. О дате говорят длинный меч, копье, а также само местонахождение стелы на могильнике первых веков нашей эры. Стела дает нам представление о внешнем облике и вооружении жителя юго-западного Крыма в это время. Она найдена была недалеко от двух подбойных погребений (№ 147 и 146), в одном из которых (№ 146) был похоронен воин с длинным мечом. Может быть, именно этому воину и было поставлено данное изваяние[48].

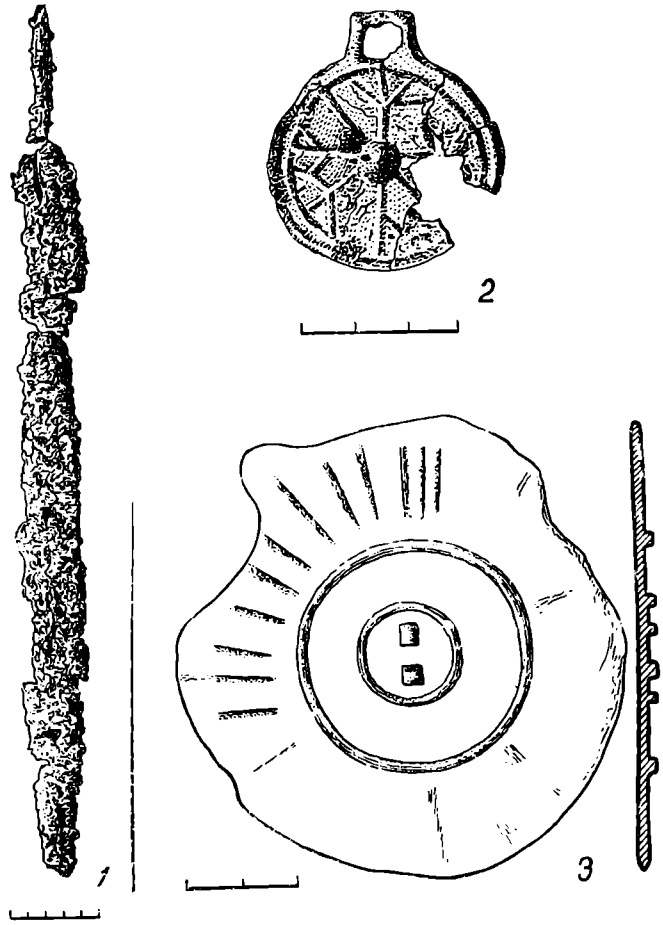


Рис. 4. Инвентарь из сарматских могил юго-западного Крыма

1 — меч (Заветное, погр. № 146); *2* — зеркало (Заветное, погр. № 3); *3* — зеркало (Инкерман, погр. № 29)

Интересна еще одна группа инвентаря — зеркала, некоторые типы которых связаны своим происхождением с сарматами. Большинство зеркал бронзовые, реже из белого сплава. Среди всех зеркал, встречающихся в могильниках, можно выделить несколько типов. Первый тип — простые дисковидные плоские зеркала (рис. 3, *2*) часто встречались разбитыми. Второй тип — бронзовые массивные зеркала с утолщенным валиком по краю, умбовидной выпуклостью в центре и прямой ручкой найдены в двух погребениях в Заветном (рис. 3, *1*). В Крыму такие зеркала найдены еще

[46] Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, рис. 2, *1*. В позднесарматском памятнике (Саратовская область, с. Щербаковка, случайная находка 1898 г., Гос. Эрмитаж) имеется обкладка ножен с ребром по центру и двумя желобками по краям; И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. «Археологический сборник», ГЭ, 2, Л., 1961, стр. 153, рис. 8.

[47] T. Passek, B. A. Latynin. Sur la question des «kamenye baby». ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 291 сл.

[48] Н. А. Богданова. Ук. соч., рис. 2, *1*.

в Неаполе Скифском (2 экз.) [49]. Они сарматского происхождения, встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья с III—II вв. до н. э. и особенно широко бытуют у кубанских сарматов в I в. до н. э.— I в. н. э. [50] Видимо, отсюда они и попадают в Крым. Зеркала этого типа в Заветном находились в погребениях II в. Третий тип — небольшие круглые зеркала с боковой петлей для подвешивания. На оборотной стороне имеется рельефный орнамент. Такие зеркала-привески распространены в первые века нашей эры на широкой территории, но родиной их считается Нижнее Поволжье [51].

Орнамент на зеркалах из могильников юго-западного Крыма разнообразен, но самым частым, пожалуй, является орнамент, состоящий из нескольких концентрических кругов (рис. 3, *5*) или круга в центре и радиально расходящихся от него линий (рис. 3, *3*, *4*; 4, *2*). Зеркала с таким орнаментом встречаются у сарматов Поволжья и особенно Прикубанья. Этот же орнамент имеется на зеркалах Неаполя Скифского. Видимо, из Прикубанья через Неаполь Скифский и проникли они вместе с сарматами в районы предгорного Крыма. Находятся они в погребениях у ног покойника или около плеча и груди. И, наконец, четвертый тип зеркал имеет петлю в центре и рельефный орнамент с оборотной стороны (рис. 4, *3*). Они встречены, главным образом, в погребениях Инкерманского могильника. Зеркала такого типа распространены во II—IV вв. в Поволжье [52] и отсюда, по-видимому, попадают в Крым, где они широко распространены в III—IV вв. в Боспорских городах.

В девяти погребениях найдены золотые и бронзовые бляшки. Обычай нашивать такие бляшки на одежду или покрывало погребенного известен в сарматском погребальном обряде. Наличие расшитой такими бляшками одежды или покрывала сочетается с другими чертами сарматского погребального обряда (Инкерман, погр. № 26). В погр. № 17 Инкерманского могильника золотые бляшки по форме аналогичны некоторым золотым бляшкам из сарматских погребений на Кубани.

Почти в каждом погребении встречаются бусы, формы и материал их разнообразен, и говорить об их происхождении здесь не приходится. Но вызывает интерес одна деталь — расположение бус в погребениях. Кроме нахождения их в области шеи и груди как ожерелья, они часто встречаются вокруг лучевой и локтевой костей рук или в области голени ног, образуя браслеты или обшивку рукавов и подола одежды, что соответствует моде, существовавшей у сарматского населения Нижнего Поволжья.

Таким образом, в погребальном обряде, в инвентаре могильников юго-западного Крыма в первые века нашей эры довольно отчетливо проявляется влияние сарматских погребальных обычаев. Отмеченные черты погребального обряда и сарматские вещи в погребениях должны свидетельствовать не только о влиянии сарматской культуры, но и о проникновении сюда, в предгорные районы юго-западного Крыма, сарматского населения. Конечно, здесь в это время жили не одни сарматы. С древних времен эта область была заселена таврами. Видимо, тавры обитали здесь и в первые века нашей эры. В погребальном обряде проявляются и скифские черты, что сближает эти могильники с некрополем Неаполя Скифского, откуда, видимо, и пришло население в юго-западный Крым в I в. Смешанный характер юго-западного Крыма подтверждается и антропологически [53].

Но этнический состав всего Крымского полуострова в первые века нашей эры настолько смешан, что выделить точно, какие погребения отно-

---

[49] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XVII, *4*.
[50] А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 62.
[51] А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 66, 67.
[52] Там же, стр. 67, 68.
[53] К. Ф. Соколова. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини. АП, XIII, Київ, 1963, стр. 126, 127, 159.

сятся к той или иной этнической группе населения, очень трудно. Поэтому можно говорить только об отдельных чертах погребального обряда, которые могут переплетаться в одном и том же могильнике и даже в одном и том же погребении. Только некоторые погребения можно назвать сарматскими.

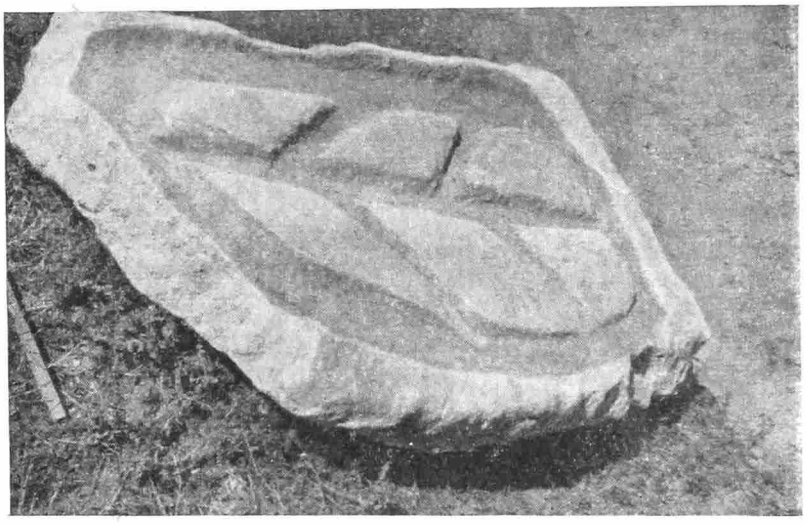


Рис. 5. Камень с елочным знаком. Скалистое III, над погр. № 30

О наличии сарматского компонента в населении юго-западного Крыма могут свидетельствовать и отдельные детали некоторых надгробных памятников, найденных на территории могильника у с. Заветное. Шесть стел, обнаруженных здесь, очень интересны для освещения вопроса этнического состава населения этого района. Облик фигуры на одном надгробии явно таврский [54], изображения на другом можно определенно связывать со скифской манерой [55]. И, наконец, три надгробия, видимо, можно связывать с сарматами. В верхней части стелы, где схематически изображена фигура с ритоном в одной руке и мечом в другой, прорезан знак, имеющий довольно близкие аналогии в Крыму [56]. На надгробии из погр. № 265 нанесены два знака. Один напоминает знак, вырезанный на сосуде из погр. № 15 того же могильника [57], и точных аналогий не имеет. Другой знак из двух перекрещивающихся полос в виде буквы Х часто встречается среди так называемых сарматских знаков Северного Причерноморья [58]. И, наконец, погр. № 30 в Скалистом III было покрыто плитами, на одной из которых было выбито изображение: овал, а в нем линии в виде елочки (рис. 5) — деталь, которая очень часто встречается на зеркалах-подвесках сарматского типа. Все упомянутые памятники найдены в погребениях I—III вв. и еще раз свидетельствуют о присутствии сарматов в юго-западном Крыму в это время.

Сходство отдельных черт погребального обряда и инвентаря исследуемых могильников с сарматскими памятниками Поволжья и Прикубанья первых веков нашей эры позволяет предполагать продвижение сарматов в Крым через Прикубанье. Самое раннее появление их в юго-западном Крыму, по-видимому, надо относить к I в. Они заселили эту часть полуострова, оставив следы в могилах долин рек Альмы, Бельбека, Черной.

---

[54] Н. А. Богданова. Ук. соч., рис. 2, *2*.

[55] Н. А. Богданова. Новые стелы из могильника у с. Заветное. СА, 1965, 3, рис. 1.

[56] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 117, № 58.

[57] Там же, стр. 162.

[58] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 157

О. Ю. КРУГ, Э. БАЖАНОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ АМФОР II—IV вв.

Важнейшей задачей археологического исследования массового керамического материала является его классификация. В. В. Кропоткин поставил перед нами задачу выработать методику классификации светлоглиняной амфорной керамики с черными включениями, встречающейся на памятниках черняховской культуры. Предложено выделить две хронологические группы (класса): первая группа — керамика II — первой половины III в. и вторая группа — керамика второй половины III—IVв.

Цель работы — превратить так называемую «неопределимую» керамику в датирующий материал, позволяющий грубое хронологическое деление черняховских памятников на две указанные группы.

Античные светлоглиняные амфоры римского времени по целым формам успешно классифицируются археологами на эти две группы. Для такой классификации существует ряд признаков. К ним относятся: форма и размер тулова, форма ручек, форма и размер горла, цвет керамики, структура теста по макроскопическому наблюдению. Последние два признака (цвет керамики и структура теста) считаются несущественными для данной классификации. Признаки, связанные с формой амфор, действуют определяюще на классификацию только в совокупности друг с другом. Но так как среди материала черняховской культуры в огромном большинстве случаев встречаются лишь небольшие фрагменты светлоглиняных амфор, этот материал очень редко может считаться датирующим.

Нами предлагается новый математический метод классификации светлоглиняной амфорной керамики по данным петрографического ее исследования.

Сущность нашего метода классификации сводится к следующим основным положениям:

1. Метод классификации исходит из предпосылки, что нам известен лишь перечень признаков, ответственных за классификацию. Однако ни степень их значимости, ни направление их влияния каждого в отдельности и в совокупности на классификацию нам в полной мере не известны. Эту информацию мы получаем в результате специальной математической обработки данных по образцам, заведомо относящимся к тому или иному классу (группе).

2. Результаты петрографического исследования керамики выражаются в компактной кодированной форме, учитывающей как количественные, так и качественные признаки, что позволяет проводить дальнейшую математическую обработку материала.

3. Путем вычисления корреляционных коэффициентов имеется возможность приближенно количественно оценить влияние каждого признака и их взаимодействия на принадлежность к тому или иному классу. Это позволяет произвести предварительный отсев несущественных признаков.

4. Обработка закодированного материала сводится к получению уравнения в форме многочлена, состоящего из самих признаков и их взаимодействий. Эта функция принимает положительное значение для образцов одного класса и отрицательное для образцов другого класса.

5. Задача классификации решается аналитически путем вычисления уравнения при подставлении в него в качестве переменных признаков исследуемого образца.

Таблица 1

Химический состав пироксенов, %

№ группы	SiO_2	TiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	FeO	MnO	MgO	CaO	Na_2O	K_2O
I	45,7	4,5	4,0	5,0	5,2	0,2	14,1	21,2	0,3	0,2
	46,0	2,3	3,4	6,3	4,6	0,2	14,0	22,0	0,3	0,1
II	40,2	5,2	3,2	6,0	4,3	0,2	13,8	21,5	0,3	0,01
	45,7	4,2	3,3	8,1	2,8	0,3	15,5	20,0	0,06	0

6. Уравнение позволяет вычислить по данному набору признаков принадлежность исследуемого объекта к определенному классу, а также количественно определить степень его типичности и значимость каждого отдельного признака.

7. Успех подобной классификации в значительной мере зависит от выбора признаков, позволяющих дать количественные характеристики объекта с разных точек зрения.

Классификация в целом делится на три этапа: первый этап — получение математического уравнения по известному материалу, принадлежность которого к тому или иному классу точно установлена; второй этап — проверка полученного уравнения хорошо датированным материалом; третий этап — использование полученного уравнения для классификации неизвестных, сомнительных образцов того же типа.

На первом этапе нашей классификации микроскопически были изучены хорошо датированные образцы светлоглиняных амфор с античных городищ Танаиса и Боспора, из материалов И. Б. Зеест, Д. Б. Шелова, Н. И. Сокольского, И. С. Каменецкого. Образцы взяты преимущественно от целых форм в количестве 40.

В основу наших исследований положен факт принадлежности светлоглиняных узкогорлых амфор танаисского типа к первому классу, т. е. их датировка II — первой половиной III в., и принадлежности поздних форм беспорских амфор ко второму классу, т. е. их датировка второй половиной III—IV в.

Таким образом, мы имеем дело с двумя разными классами, обладающими по некоторым археологическим признакам существенными различиями. Однако эта керамика имеет и общие признаки, вся она светлоглиняная и имеет черные включения, видимые простым глазом.

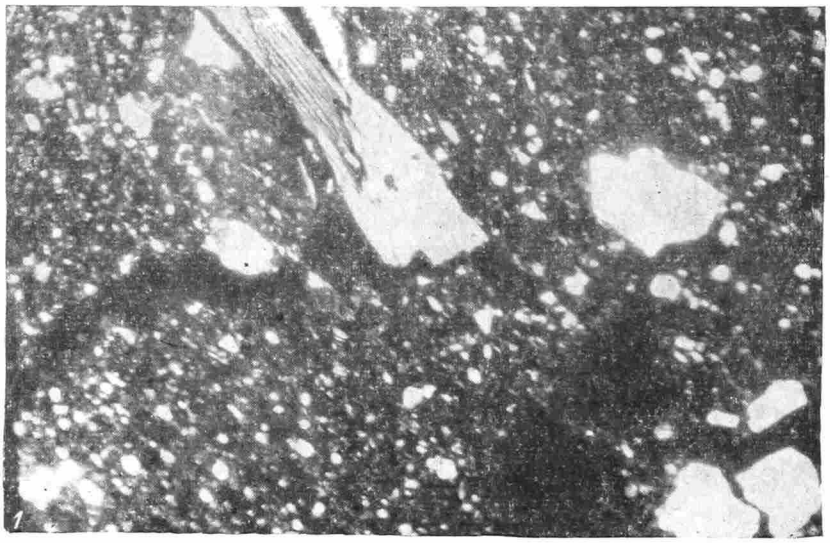
Керамический материал состоит из тонкой глины, содержащей крупную искусственную примесь обломков эффузивов — диабазов и базальтов или отдельных минералов этих пород (рис. 1, *1, 2*). Для всей исследуемой керамики характерно присутствие следующих минералов:

Роговая обманка базальтическая представлена крупными зернами до 1 *мм*, неправильной формы, реже ромбическими кристаллами. Плеохроизм: по N_g — темно-бурая, по N_p — рыжая; $2V = 70—75°$. Погасание с: $N_g = 5—7°$.

Моноклинный пироксен также присутствует во всех без исключения образцах керамики. $r > V$; $2V = 58—62°$, погасание с: $N_g \approx 45°$, что соответствует составу пироксена титан-авгита. В табл. 1 приведен химиче-

ский состав пироксенов. Состав определялся оптическим методом Е. А. Кузнецова по дисперсии двупреломления. Как видно из таблицы, он одинаков для пироксенов керамики обоих классов.

Близость минералогического состава искусственной отощающей примеси позволяет предположить, что керамика разных классов производилась в



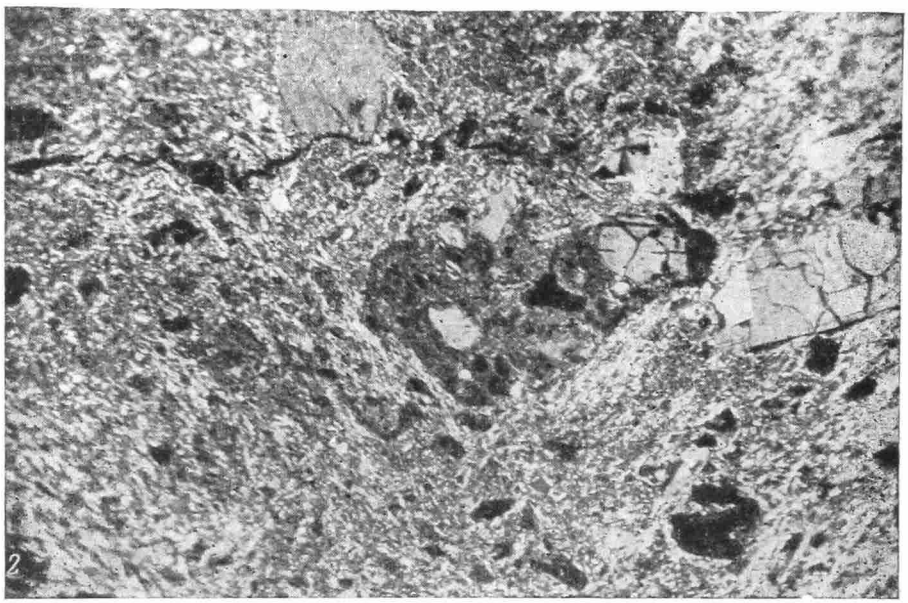


Рис. 1. Микроскопические структуры светлоглиняной амфорной керамики II—IV вв., взятой с античных городищ. Увеличение 70. Николи +. Материал содержит искусственную примесь обломков эффузивных пород и их минералов:

1 — тонкая основная масса материала содержит многочисленную алевритовую кварцевую примесь. Характерно также повышенное содержание карбонатов (Танаис, I класс); *2* — основная масса материала обладает флюидальной, тонкочешуйчатой структурой, мелкой обломочной примеси почти не имеет (Боспор, II класс)

одном керамическом центре. Однако структура и минералогический состав основной массы глины, а также структура всего материала в целом варьирует в зависимости от класса керамики. Это связано, видно, с изменениями в технологических приемах изготовления керамического теста. С переходом гончаров на более пластичную глину появляется необходимость увеличения искусственной отощающей примеси.

В результате детального исследования под поляризационным микроскопом прозрачных шлифов, изготовленных из всего керамического материала, нами получен ряд признаков, не зависимых друг от друга и характеризующих его минералогический состав и структуру. Для первого признака выбрано процентное содержание мелкой обломочной примеси размером до 0,08 *мм*, которая характеризует структуру сырья определенного глиняного карьера. Второй признак — процентное содержание цветных минералов среди крупной обломочной примеси размером 0,08 *мм* и крупнее. Третий признак — процентное содержание крупной обломочной примеси в целом. Четвертый признак — количество зерен роговой обманки среди крупной обломочной примеси.

Таблица 2

Кодировка признаков

№ п/п	Признаки	Кодирование	
		+1	−1
1	Мелкая обломочная примесь (0,08 *мм* и мельче), %	$x_1 > 3$	< 3
2	Цветные минералы среди крупной обломочной примеси (0,08 *мм* и крупнее), %	$x_2 > 3$	< 3
3	Крупная обломочная примесь, %	$x_3 > 15$	< 15
4	Количество зерен роговой обманки среди крупной обломочной примеси	$x_4 > 3$	< 3
5	Наличие карбонатов в материале	x_5 Есть	Нет
6	Основная масса тонкой глины, %	$x_6 > 80$	< 80
	Датировка *V*	Ранний период II—III вв.	Поздний период III—IV вв.

Второй, третий и четвертый признаки связаны с технологией приготовления керамического теста, точнее с введением в него искусственной отощающей примеси (песка эффузивов базальтического состава).

Пятый признак — наличие карбонатов в составе тонкой глины. Шестой признак — процентное содержание основной массы тонкой глины. Подсчет содержания производился на интеграционном столике с точностью до 0,5%.

Следующей задачей нашей классификации является представление выбранных признаков в стандартизованном, кодированном виде. Для простоты примем, что каждый признак варьирует на двух уровнях, т. е. каждому признаку могут даваться лишь две оценки: верхний уровень, который мы обозначаем +1, а нижний уровень —1.

Преимущество такого метода кодирования заключается в возможности одинакового представления как количественных, так и качественных признаков, например присутствие или отсутствие какого-либо минерала, однородна или неоднородна структура и т. д. В случае количественного показания признака оценка ведется относительно среднего численного значения признака, вычисленного для всех образцов керамики обоих классов, участвующих в классификации. По аналогии с признаками ранний период мы обозначаем +1, а поздний —1 (табл. 2).

Затем для каждого керамического образца составляется код, представляющий собой последовательности —1 или +1. Следует напомнить, что на первом этапе классификации производится кодирование всех образцов, принадлежность которых к одному классу (керамика раннего периода)

и к другому классу (керамика позднего периода) точно установлена (табл. 3).

С целью выделения наиболее существенных признаков и их взаимодействий подсчитываются корреляционные коэффициенты, характеризующие степень связи между каждым признаком или их взаимодействием с функцией Y (т. е. принадлежности к тому или иному классу). Чем сильнее

Таблица 3

№ образцов	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	V	№ образцов	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	V
1	+1	−1	−1	−1	+1	−1	+1	21	+1	0	+1	−1	−1	−1	+1
2	+1	−1	−1	−1	+1	+1	+1	22	+1	0	−1	+1	−1	+1	−1
3	+1	0	−1	0	0	+1	+1	23	−1	0	+1	+1	+1	+1	−1
4	+1	−1	−1	0	+1	+1	+1	24	−1	+1	+1	+1	−1	−1	−1
5	+1	0	−1	+1	0	+1	+1	25	−1	+1	+1	0	−1	+1	−1
6	+1	−1	+1	−1	+1	−1	+1	26	−1	0	−1	+1	+1	+1	−1
7	+1	−1	−1	+1	+1	+1	+1	27	−1	−1	−1	0	−1	+1	−1
8	+1	−1	−1	−1	0	−1	+1	28	−1	+1	−1	−1	−1	+1	−1
9	+1	−1	+1	0	+1	0	+1	29	−1	+1	+1	+1	+1	−1	−1
10	+1	+1	+1	0	+1	−1	+1	30	−1	+1	−1	−1	+1	+1	−1
11	+1	+1	0	0	+1	+1	+1	31	−1	0	+1	+1	0	−1	−1
12	+1	−1	0	−1	+1	−1	+1	32	−1	+1	−1	+1	+1	+1	−1
13	+1	−1	+1	−1	+1	+1	+1	33	−1	+1	+1	+1	−1	+1	−1
14	−1	0	+1	0	+1	+1	+1	34	−1	−1	+1	+1	+1	+1	−1
15	−1	−1	−1	−1	−1	+1	+1	35	−1	+1	0	0	0	+1	−1
16	+1	0	+1	−1	+1	−1	+1	36	−1	+1	−1	−1	+1	+1	−1
17	−1	−1	+1	−1	+1	+1	+1	37	−1	+1	+1	0	0	−1	−1
18	+1	0	−1	0	+1	+1	+1	38	−1	−1	−1	+1	+1	+1	−1
19	+1	+1	0	+1	+1	+1	+1	39	−1	+1	−1	+1	−1	+1	−1
20	−1	0	+1	−1	+1	+1	+1	40	−1	0	+1	0	+1	+1	−1

связи X с Y, т. е. значение любого признака образца с классом, к которому он относится, тем ближе этот коэффициент к единице [1].

Отбросив наименее значимые признаки и их взаимодействия, ищем на базе имеющегося материала аналитическую зависимость, связывающую их с функцией Y. Эта функция должна быть положительна для всех возможных образцов первого класса и отрицательна для всех возможных образцов второго класса. Уравнение составляют в виде многочлена.

$$Y = -a + a_1x_1 - a_2x_2 - a_4x_4 + a_5x_5 + a_{1,5}x_1x_5 - a_{1,3,6}x_1x_3x_6 +$$

$$+ a_{1,4,6}x_1x_4x_6 + a_{2,4,5}x_2x_4x_5 + a_{1,2,4,5}x_1x_2x_4x_5 + a_{1,3,5,6}x_1x_3x_5x_6,$$

где a_i — коэффициент при признаках и их взаимодействиях, входящих в уравнение.

Коэффициенты a_1, a_2, a_3 и т. д. вычисляются, исходя из наилучшей аппроксимации собранного материала функцией заданного вида методом регрессионного анализа. Другими словами, значение функции Y, вычисленное по формуле, для каждого из образцов должно возможно ближе совпадать с ее действительным значением +1 или −1.

В результате проведенных расчетов в вычислительном центре Московского энергетического института было получено классифицирующее уравнение:

$$Y = -0{,}15 + 0{,}45\,x_1 - 0{,}2\,x_2 - 0{,}35\,x_4 + 0{,}2\,x_5 + 0{,}15\,x_1x_5 -$$

$$0{,}25\,x_1x_3x_6 + 0{,}15\,x_1x_4x_6 + 0{,}2\,x_2x_4x_5 + 0{,}2\,x_1x_2x_4x_5 - 0{,}3\,x_1x_3x_5x_6$$

Коэффициенты показывают степень и направление влияния каждого признака на данную классификацию.

[1] Сб.: «Некоторые вопросы математического описания и оптимизации многофакторных процессов». Тр. МЭИ, 51, М., 1963.

Таблица 4

№ п/п	$Y_р$	№ п/п	$Y_р$	№ п/п	$Y_р$	№ п/п	$Y_р$
1	+1,20	12	+1,75	22	—0,30	33	—1,40
2	+2,00	13	+0,90	23	—0,50	34	—0,30
3	+0,55	14	+0,00	24	—1,00	35	—0,80
4	+1,40	15	+0,10	25	—0,90	36	—0,80
5	+0,35	16	+1,70	26	—1,60	37	—1,05
6	+2,30	17	+0,70	27	—0,40	38	—1,40
7	+0,80	18	+1,20	28	—0,30	39	—1,30
8	+0,75	19	+0,65	29	—1,50	40	—0,00
9	+0,85	20	+0,50	30	—0,80		
10	+1,00	21	+0,40	31	—1,05		
11	+0,45			32	—1,80		

Таблица 5

Датировка керамики

Памятники	№ п/п	Коллекционные номера образцов	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	$Y_р$	№ класса
Журавка 63	1	1832	—1	+1	+1	+1	—1	+1	—1,2	2
	2	2048	—1	—1	—1	+1	—1	+1	—0,9	2
	3	1833	—1	+1	+1	0	+1	0	—0,5	2
	4	1858	—1	0	+1	+1	+1	+1	—0,2	2
	5	2343	—1	+1	+1	+1	—1	+1	—1,2	2
Коблево	1	ПМ157	—1	+1	—1	+1	—1	+1	—1,2	2
	2	ПМ156	+1	—1	—1	0	0	—1	—0,15	2
Ольшаны	1	61	—1	0	0	+1	0	+1	—1,1	2
	2	60	—1	—1	+1	+1	0	+1	—6,5	2
Успенка	1	241	—1	+1	+1	0	—1	—1	—0,8	2
	2	515	+1	+1	+1	—1	+1	—1	+1,1	1
	3	712	—1	+1	+1	0	—1	—1	—0,8	2
	4	685	—1	—1	—1	—1	—1	+1	+0,1	1
	5	846	—1	+1	0	—1	—1	+1	—0,6	2
	6	1102	—1	+1	+1	0	—1	—1	—0,8	2
	7	1101	—1	+1	+1	0	+1	+1	—0,2	2
	8	1597	+1	—1	—1	—1	+1	+1	+2,00	1
	9	2293	—1	0	+1	+1	—1	—1	—0,8	2
	10	1925	—1	0	—1	+1	—1	+1	—1,1	2
	11	2357	—1	—1	0	—1	—1	+1	+0,05	1
	12	Вык. 59	+1	—1	—1	—1	+1	+1	+2,0	1
	13	Вык. 59	—1	—1	0	—1	+1	+1	+0,75	1
	14	Вык. 59	—1	0	—1	—1	+1	—1	+0,2	1
	15	ПМ 11	—1	+1	+1	—1	+1	—1	—1,1	2
	16	ПМ 12	—1	+1	+1	0	—1	—1	—0,8	2
	17	ПМ 13	—1	+1	+1	—1	+1	+1	+0,3	1

Примечание. ПМ — подъемный материал; Вык.— выкид при раскопках; остальное — в слоях.

На табл. 4 приведены значения Y ($Y_р$), вычисленные по формуле для 40 образцов (уравнение получено по 40 образцам).

Приведем в качестве примера вычисление $Y_р$ для образца № 2:

$$x_1 = +1 \quad x_2 = -1 \quad x_3 = -1 \quad x_4 = -1 \quad a_5 = +1$$

$$x_6 = +1 \quad x_1x_5 = +1 \quad x_1x_4x_6 = -1 \quad x_2x_4x_5 = +1$$

$$x_1x_2x_4x_5 = +1 \quad x_1x_3x_5x_6 = -1$$

$$Y_р = -0{,}15 + 0{,}45(+1) - 0{,}2(-1) - 0{,}35(-1) + 0{,}2(+1) +$$
$$+ 0{,}15(+1) - 0{,}25(-1) + 0{,}15(-1) + 0{,}2(+1) + 0{,}2(+1) -$$
$$- 0{,}3(-1) = 2{,}3 - 0{,}3 = 2{,}00$$
$$Y_р = 2{,}00$$

Для проверки уравнения были классифицированы еще 25 образцов, также хорошо датированных, взятых с тех же античных памятников. Все ответы оказались правильными.

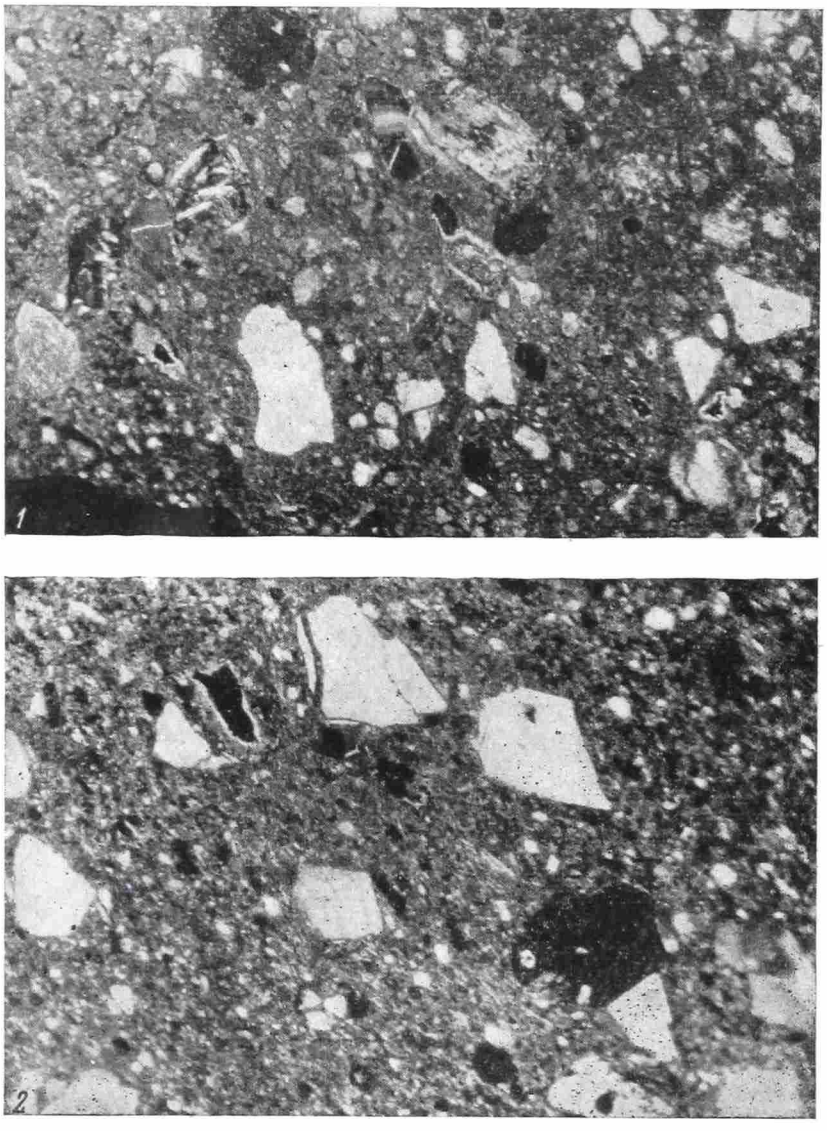


Рис. 2. Микроскопические структуры светлоглиняной амфорной керамики с черняховских поселений

1 — Журавка, II класс; *2* — Успенка, I класс

Теперь мы имеем классифицирующее уравнение, по которому можем делить любую светлоглиняную амфорную керамику II—IV вв. на две хронологические группы: II — первой половины III в. и второй половины III—IV в.

В качестве примера классификации археологически «неопределимой» и недатированной керамики приведем датировку светлоглиняных амфор,

найденных при раскопках черняховских памятников Успенки, Журавки, Коблево и Ольшаны 2.

Амфоры из черняховских керамических комплексов имеют минералогический состав и структуру, аналогичные античным амфорам, участвовавшим при составлении уравнения, т. е. мы имеем дело с теми же петрографическими признаками керамики (рис. 2, *1*, *2*). Подставляя значения признаков в наше уравнение и вычисляя его, мы датируем черняховский керамический комплекс.

В табл. 5 приведены кодировка признаков и датировка по уравнению образцов светлоглиняных амфор из раскопок Э. А. Сымоновича и В. В. Кропоткина [2]. Из таблицы видно, что Y_p образцов с поселения Журавка, Коблев, Ольшаны имеет отрицательное значение. Это значит, что данная керамика относится ко второму классу, т. е. датируется поздним периодом (III—IV вв.).

На поселении Успенка найдены образцы обоих классов. В нижних пластах обнаружены образцы амфор раннего периода (II—III вв.). Y_p этих образцов имеет плюсовое значение, а в верхних слоях чаще встречаются образцы второго класса, т. е. позднего периода. Это позволяет считать Успенку долговременным памятником черняховской культуры, существовавшим на протяжении I—IV вв.

Таким образом, с помощью полученного уравнения возможно датировать все памятники черняховской культуры, в которых встречаются фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор, независимо от размера черепков.

---

[2] Пользуюсь случаем выразить благодарность В. В. Кропоткину и Э. А. Сымоновичу за предоставление материалов.

М. К. ПАЧОС

К ИЗУЧЕНИЮ СТЕН ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Ф. Энгельс, исследуя период перехода от первобытно-общинного к рабовладельческому строю в древней Греции, отмечал, что с возникновением античного государства возникают и города, характерной чертой которых является наличие городской стены или крепости [1]. Аналогичное явление мы видим и в странах древнего Востока [2].

Городские стены составляют неотъемлемую часть древнего города в полном смысле этого слова. Изучая древний город — его историю и историческую топографию,— нельзя игнорировать исследование такого важного его элемента, как стены. Большой интерес в этом отношении представляет Афрасиаб, на территории которого выделяются четыре ряда крепостных стен (рис. 1).

Афрасиаб как развалины одного из крупнейших городов Средней Азии — Самарканда, политического и административного центра Согда, издавна привлекал внимание многих исследователей. В течение последних 80 лет здесь производили раскопки Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и А. И. Тереножкин. Однако городские стены еще не были предметом специального археологического изучения. Поэтому, когда Институт истории и археологии АН УзССР в 1958 г. начал систематические раскопки на городище Афрасиаб, одним из объектов изучения на протяжении 1959—1965 гг. стали и стены древнего города. Полученный материал дает достаточно оснований для некоторых выводов по истории Самарканда и военноинженерного искусства Средней Азии эпохи феодализма.

Самой древней стеной городища является первая внутренняя, которая охватывает северную часть городища на протяжении около 1,5 *км*. Она окружает эту часть городища с юго-запада и северо-запада. На северной и восточной границах городища каких-либо остатков крепостных стен не прослеживается. Можно предполагать, что стены здесь не существовало, поскольку в этом месте границей городища Афрасиаб служит глубокий каньон р. Сиаб.

Первая стена вытянута в широтном направлении и включает в себя южную стену цитадели городища. На запад от цитадели первая стена сильно разрушена. В восточной части стены прослеживаются выступающие вперед башни на расстоянии 25—30 *м* одна от другой. Въезд в эту часть города осуществлялся через узкие ворота неподалеку от р. Сиаб. Ворота охранялись двумя круглыми башнями, одна находится над Сиабом, несколько выступая вперед, вторая вынесена вообще за пределы стены. Этот прием, как известно, является особенностью раннесредневековой и средневековой фортификации [3]. Вторые ворота, вероятно, располагались западнее цитадели.

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1963, стр. 113.

[2] А. А. Строков. История военного искусства, рабовладельческого и феодального общества. М., 1955, стр. 39.

[3] В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА. 1959, 1, стр. 95.

Один раскоп на этой стене был заложен в 30 *м* к востоку от юго-восточной угловой башни цитадели (рис. 1, Р-15). Раскопки показали, что вся стена от основания до гребня возведена из однородной пахсы. Ниже стены нет никаких культурных остатков. Высота стены 15,5 *м*, ширина ее в средней части тоже около 15 *м*. В пахсе были найдены фрагменты неполивной керамики (рис. 2): венчики, носик сосуда, слегка сплюснутый и ножка вазы. Подобного типа сливные носики известны по находкам в сло-

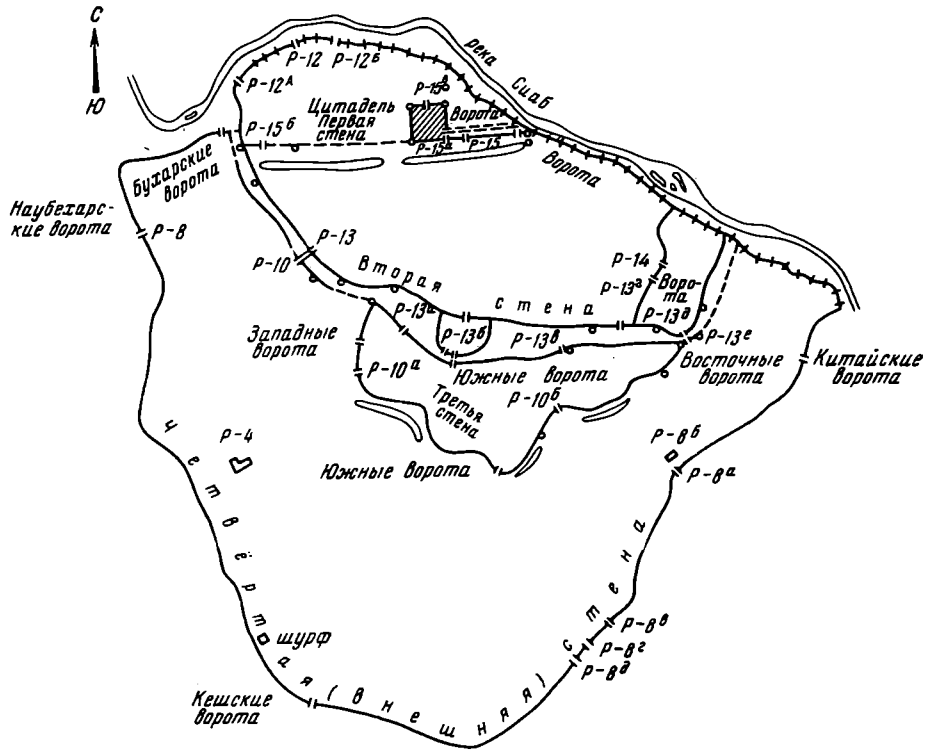


Рис. 1. Схематический план Афрасиаба

ях V—VI вв. на усадьбе близ Кафыр-Калы[4], в слоях конца V — начала VII в. Пенджикента[5], в долине р. Кашка-Дарьи при раскопках здания V в.[6]. Фрагменты ножек ваз неизменно присутствуют в комплексе керамики Афрасиаба IV—VI вв.

Другой раскоп в виде траншеи заложен на угловой юго-восточной башне цитадели (рис. 1, *Р—15а*, 3). Траншея идет поперек стены, однако лишь с внутренней стороны стена была разрезана на всю высоту до основания и ниже его, до чистого лесса. С внутренней стороны стена стоит на культурном слое, который с трудом отличим от материка, так как в нем нет никаких находок, кроме редких углистых пятен. Толщина этого слоя достигает 1,5 *м*. В обрезе стены видны шесть бадрабов (помойных ям), из них два расположены с внешней и четыре с внутренней стороны. В бадрабах обнаружена поливная и неполивная керамика и поливные кирпичи разных размеров. Разрез с внешней стороны полностью вскрыл позднюю ремонтную кладку — чрезвычайно плотно утрамбованный слой пахсы толщиной 10—15 *см*.

---

[4] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, г. Ташкент, 1961, стр. 208.

[5] А. М. Беленицкий, Б. Я. Ставиский. Новое о древнем Пенджикенте. Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959, стр. 42—43.

[6] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 221—223; его же. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, стр. 149.

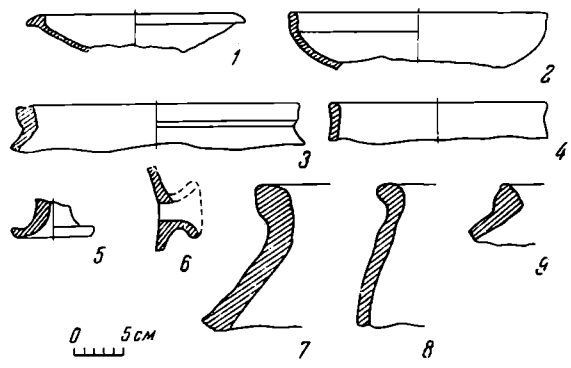


Рис. 2. Неглазурованная керамика из раскопок первой стены Афрасиаба

В пахсе ремонтной кладки обнаружено много фрагментов облицовочного кирпича с голубой, белой и «марганцевой» поливой, поливной керамики и небольших фрагментов ганчевой штукатурки, покрытой красной и синей краской.

На гребне древней стены, на глубине 50—70 *см*, под ремонтной кладкой расчищена выстилка боевой площадки из жженого кирпича размером 30 × 17 × 3 *см*. Под выстилкой прямо на гребне стены обнаружен еще один бадраб с фрагментами поливной и неполивной керамики.

Как и в первом раскопе, здесь в ядре стены весьма мало неполивной керамики. Наиболее выразительны фрагменты донцев чашевидных кубков (рис. 4, *13*, *15*) и венчики кувшинов (рис. 4, *3*). Чашевидные кубки с незначительными вариантами, кувшины с утолщенным венчиком и сосуды со сливом всегда встречаются вместе в поселениях долин Зеравшана и

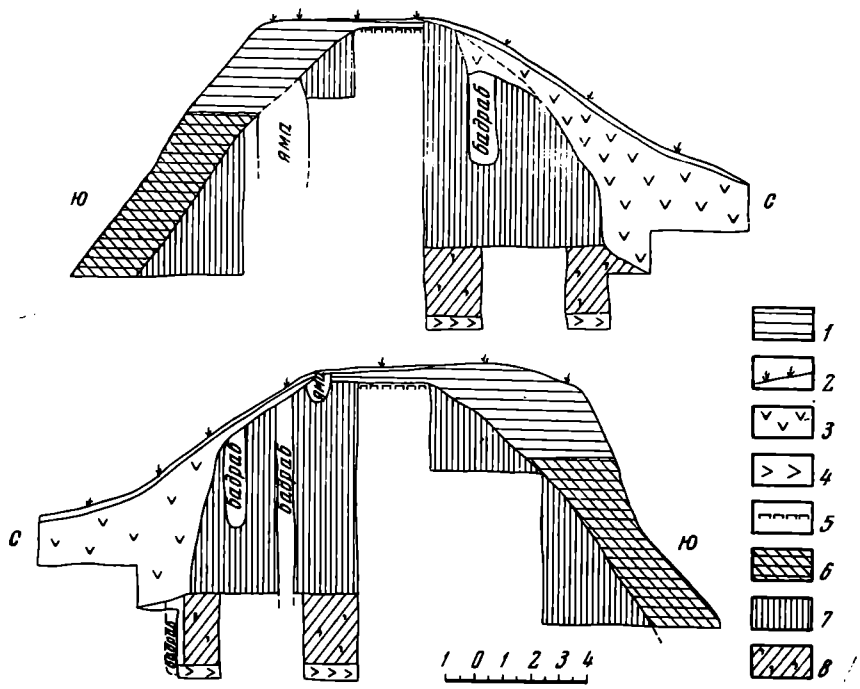


Рис. 3. Разрезы юго-восточной башни цитадели Афрасиаба

1 — порядовая пахсовая кладка, *2* — дерн, *3* — оплыв, *4* — материк, *5* — вымостка пола из жженого кирпича, *6* — плохо утрамбованная пахса, *7* — плотная пахса желтого цвета, *8* — плотный слой с включением угольков

Кашка-Дарьи в слоях V—VI вв. на усадьбе близ Кафир-Калы[7], Пенджикенте[8], Аул-Тепе[9].

Третий разрез заложен в 30 *м* к востоку от юго-западного угла стены на участке наилучшей сохранности и прорезает стену на всю толщину

[7] Г. В. Шишкина. Ук. соч., стр. 208—212.
[8] И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, 37, 1953, стр. 139.
[9] С. К. Кабанов. Археологические данные..., стр. 221—223.

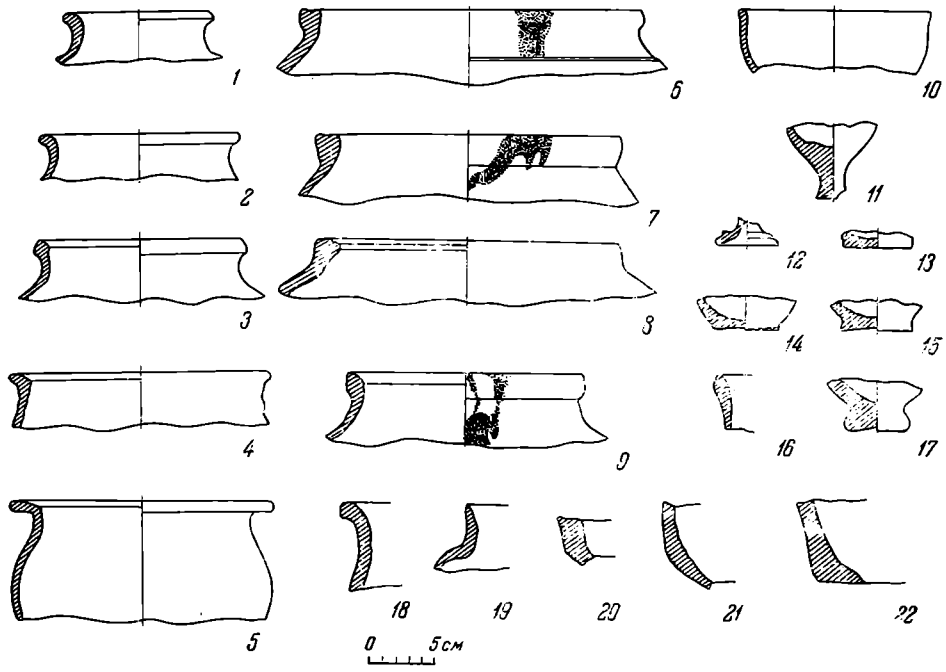


Рис. 4. Неглазурованная керамика из раскопок первой стены и стены цитадели Афрасиаба

(рис. 1, *Р—15*[6]). Стена и тут построена из однородной пахсы. В пахсовой кладке встречено несколько фрагментов толстостенных сосудов.

Раскопки на первой городской стене позволяют установить, что она полностью сложена из пахсы. Кое-где в местах ремонта наряду с пахсой встречается сырцовый продолговатый кирпич. Почти все находки, обнаруженные внутри стены, относятся к IV—VII вв. Стену прорезают бадрабы с поливной и неполивной керамикой IX—X вв. Этот факт свидетельствует о том, что стена функционировала до IX в.

На северной стене цитадели в западной стороне глубокой ложбины позднего происхождения был заложен раскоп (рис. 1, *12*[в]), который разрезал стену до основания и ниже до материкового лесса. При этом выяснилось, что стена возведена из такой же пахсы, как и первая городская стена. В ней найдено несколько фрагментов неполивной керамики (рис. 4, *1, 2, 4—12, 16—22*), однородной с керамикой из первой стены. Высота стены 9 *м*, ширина у основания более 10 *м*.

Археологические работы показали, что первая городская стена и стена цитадели построены одновременно. Установлено также, что цитадель возникла на естественном холме, а не на искусственной насыпи. В связи с экономическим и политическим развитием город начинает расширяться к югу и обносится новой, второй крепостной стеной [10].

К югу от средней части второй стены была возведена еще одна дополнительная (третья) стена. По рельефу видно, что она выстроена по краю возвышенности. Эта стена играла немаловажную роль в оборонительной системе городища. Ее местоположение давало возможность просматривать и простреливать окружающую местность вплоть до внешней стены. В восточном конце этой стены находились две башни, которые в настоящее время представляют собой оплывшие бугры. Сохранились также по два

[10] М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе (I. Исследование второй городской стены Афрасиаба). Сб.: «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 19 сл.

прохода у южного и запасного фаса, где можно предполагать ворота. Около проходов не обнаружено никаких предвратных сооружений и не прослеживаются остатки рва, имеющегося у других стен.

Для изучения этой стены М. Н. Федоров заложил два раскопа: один у западного фаса и второй у восточного (рис. 1, *Р—10а*, *Р—10б*). По этим раскопкам можно судить, что стена на всем протяжении была выложена из пахсы, разница только в том, что если на западном фасе стена состоит из монолитной пахсы, то на восточном фасе пахса укладывалась слоями с прослойкой из крупнорубленого камыша. В раскопе у западного фаса этой стены М. Н. Федоров нашел несколько фрагментов неполивной керамики. В раскопе у восточного фаса он обнаружил поливную керамику с бирюзовой поливой, характерной для XII — начала XIII в. Здесь под стеной обнаружен мощный средневековый слой с включением поливной и неполивной керамики и с архитектурными остатками. При расчистке у западного фаса стены рядом с раскопом М. Н. Федорова под основанием стены была обнаружена гончарная печь, устье которой обращено к северу. В печи было большое количество поливной и неполивной керамики XI в.

Из этого следует, что третья стена, включая и западный ее участок, была построена позднее второй [11]. Выяснилось также, что третья стена не была городской (как это считали раньше, предполагая, что она является продолжением доарабской второй стены), а окружала лишь небольшую территорию южнее второй городской стены и примыкала к внешнему ее рву, начинаясь у юго-западного и кончаясь у юго-восточного углов.

Четвертая, внешняя стена протяженностью около 5 *км* определяет размеры шахристана в последний период его жизни. Сохранность стены очень хорошая, по высоте и мощности она превосходит все внутренние стены. Стена построена по краю большой естественной ложбины, образующей ров вокруг городища. Современная ширина рва около 50 *м*, глубина 13—15 *м*. Высота обрыва вместе с уцелевшей частью стены, считая от современного уровня рва, достигает 23—28 *м*. Ширина стены в средней части 14—15 *м*. По высоте она почти одинакова со стеной Эрк-Калы античного Мерва, высота которой равняется 20—25 *м* [12]. По всему периметру стены башни и бойницы не прослеживаются. Остается предположить, что оборона осуществлялась с гребня стены, окруженного, вероятно, парапетом, от которого ныне ничего не сохранилось.

При возведении стены строители использовали выгоды рельефа. Поэтому в плане она извилиста, что удлиняло линию обороны, но позволяло обстреливать противника с флангов.

Как сообщают арабские географы X в., стена в те времена имела четверо ворот [13]. Однако никаких сведений о времени ее сооружения они не приводят. Исследователи Афрасиаба неоднократно упоминали об этой стене в своих работах, а некоторые даже пытались установить ее возраст. Н. И. Веселовский сообщает лишь несколько слов о внешней стене, а именно, что она глинобитная и общая для всего города [14]. В. В. Бартольд, сопоставляя данные арабских географов, заключил, что стена шахристана была выстроена, по-видимому, еще в домусульманское время [15]. В. Л. Вяткин поначалу придерживался того же мнения [16], но позже пришел к выводу,

---

[11] М. Н. Федоров. Клад медных хорезмских дирхемов, обнаруженный на Афрасиабе в 1959 г. Научные работы и сообщения, 4, ООН, АН УзССР. Ташкент, 1961.

[12] З. И. Усманова. Эрк-Кала. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 26.

[13] В. В. Бартольд. Из отчета о поездке в Самарканд летом 1904 года. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1904, стр. 61.

[14] Н. И. Веселовский. Сообщение о раскопках в Афрасиабе близ Самарканда. ЗРАО. II, нов. сер. СПб., 1887, стр. XCIV.

[15] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб., 1900, стр. 87.

[16] В. Л. Вяткин. Кандия Малая. Справочная книжка Самаркандской области. VIII, Самарканд, 1906, стр. 283.

что стена построена между VIII и IX вв.[17] А. И. Тереножкин считал, что внешняя стена возникла до начала нашей эры[18]. М. Е. Массон утверждал, что внешняя стена существовала в IV в. до н. э., и отождествлял ее со стеной Мараканды, которая, кроме того, была окружена еще одной стеной, окружность которой по Курцию достигала 70 стадий (около 10,5 *км*)[19].

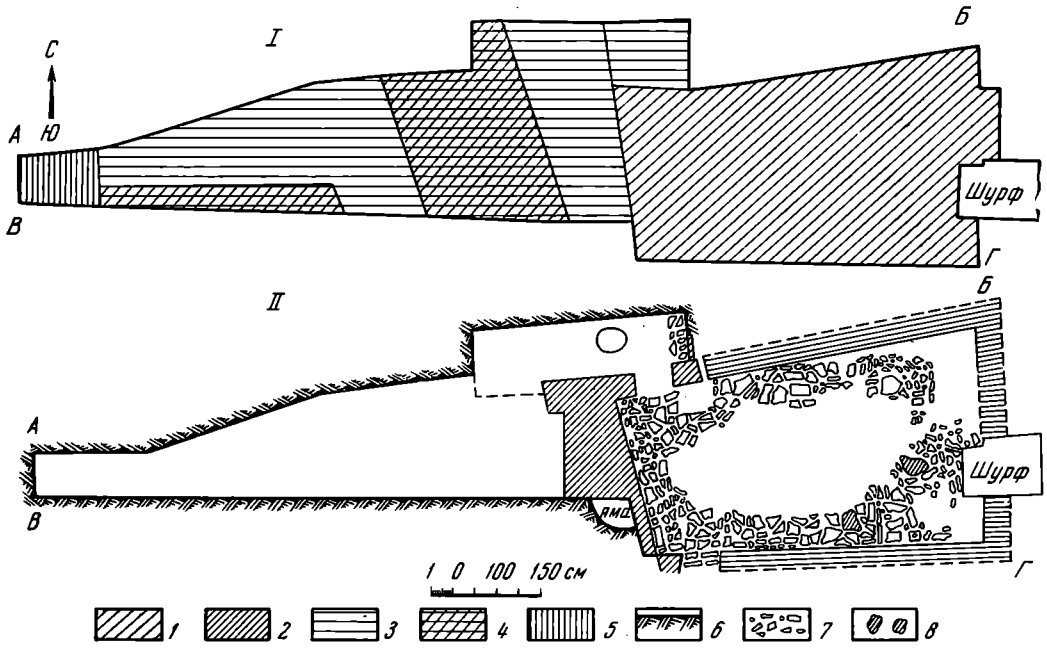


Рис. 5. План траншеи у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

I — план раскопа по верхнему уровню, *II* — план раскопа по нижнему уровню. *1* — оплывы городской стены, *2* — кладка из сырцового кирпича, *3* — пахса, *4* — забутовка, *5* — смывы, *6* — материк, *7* — вымостка из жженого кирпича, *8* — камни

Сравнение стены Мараканды со стеной средневекового Самарканда выявляет, однако, существенную разницу между ними. Мараканда по занимаемой площади вдвое превышала средневековый Самарканд. Исходя из этого, С. П. Толстов высказал мнение, что размеры стены, приведенные Курцием, преувеличены[20]. О. Г. Большаков, не принимая во внимание сведения греко-римских историков, отмечал, что «самые ранние письменные сведения о размерах Самарканда восходят ко времени около 630 г., когда проезжавший мимо Самарканда китайский паломник Сюань Цзян писал, что «окружность города — 20 ли»[21]. В. А. Лавров, следуя, очевидно, мнению В. Л. Вяткина, относит возведение внешней стены домонгольского Самарканда к VIII в.[22]

Различные мнения перечисленных авторов о времени, когда была возведена и когда функционировала внешняя городская стена Афрасиаба, базируются лишь на сведениях письменных источников, без привлечения археологических данных. Однако без них решить этот вопрос невозможно.

---

[17] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 12.

[18] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 4, 1947, стр. 127.

[19] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 4, 1950, стр. 158—160.

[20] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 81—82.

[21] О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв. 61, 1956, стр. 18.

[22] В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М.—Л., 1950, стр. 72.

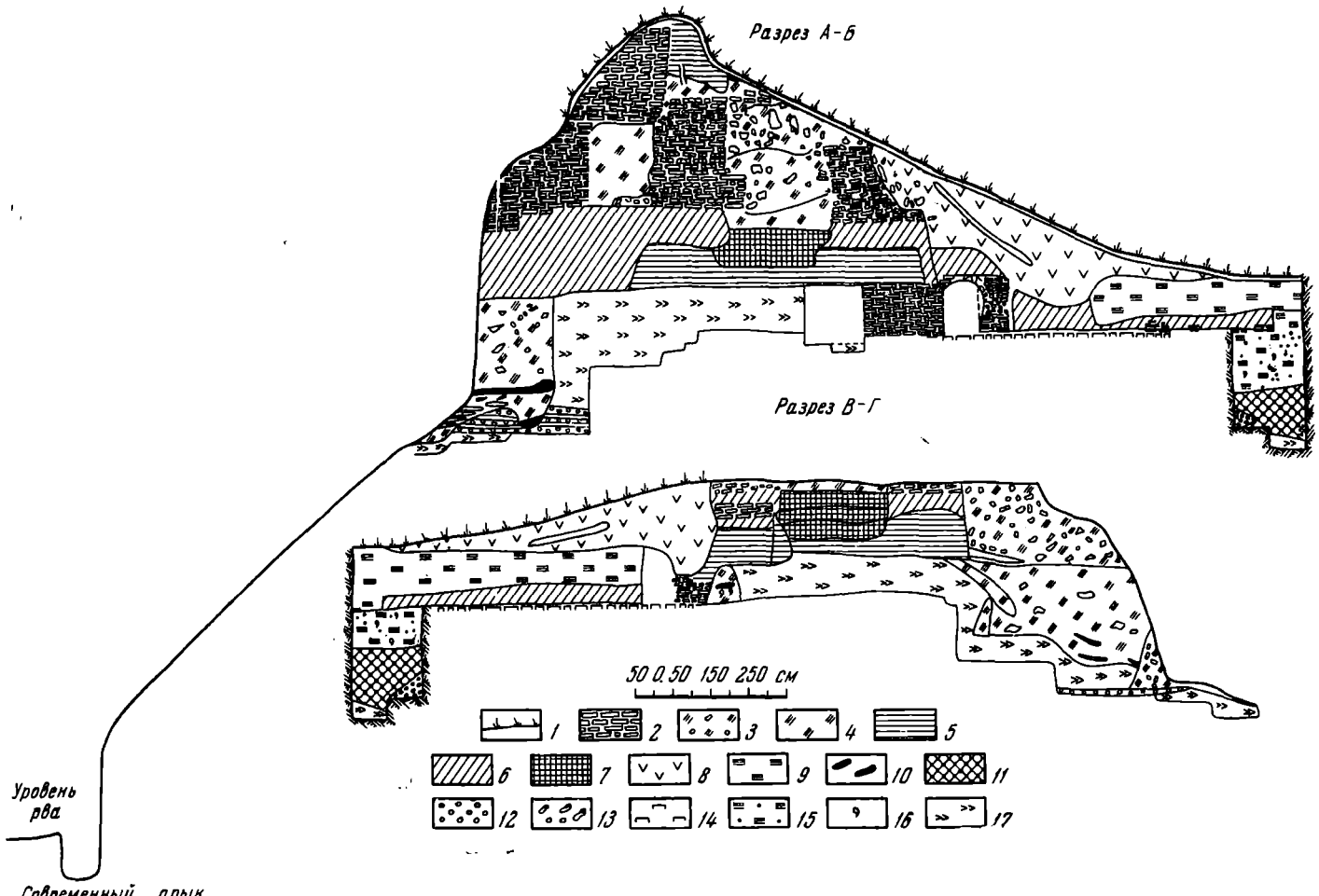


Рис. 6. Разрезы в траншее у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

1 — дерн, *2* — сырцовый кирпич, *3* — забутовка кусками пахсы, сырцового кирпича и земли, *4* — рыхлая земля, *5* — плотная серая пахса без песка, *6* — плотная пахса желтого цвета с песком, *7* — плохо утрамбованная пахса, *8* — оплывы, *9* — плотный грунт, *10* — зола, *11* — чистая плотная земля, *12* — песок, намытый водой, *13* — мелкий песок со слюдой, *14* — пол из жженных плит, *15* — плотный грунт с примесью угольков, *16* — черенки, *17* — материк

В шести местах внешняя стена Афрасиаба была прорезана траншеями до материкового лёсса (рис. 1, *8*, *8*$^{а, в-д}$). Место для первого раскопа было выбрано на участке наилучшей сохранности, на западном фасе, в 150 *м* от северо-западного угла. Стена была разрезана траншеей до основания, ниже которого частично находились два помещения для гарнизона, выкопанные в материковом лёссе (рис. 5, 6). Раскопки показали, что на данном участке под городской стеной нет культурного слоя. Кладка этой стены состоит из

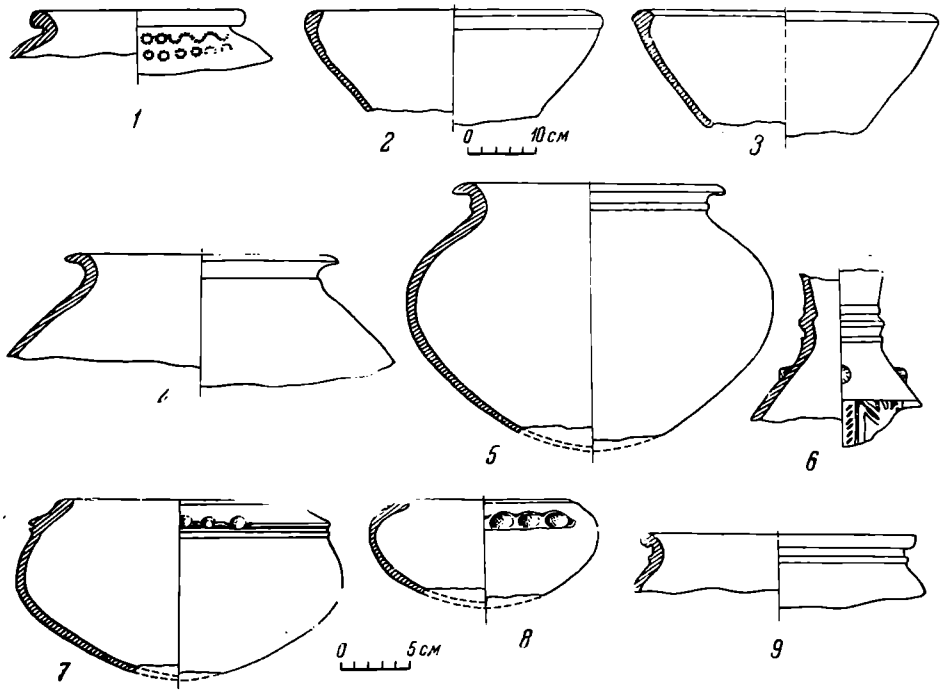


Рис. 7. Неглазурованная керамика из раскопок у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

пахсы, сырцового кирпича и забутовки. В нижней части на высоту 2—2,5 *м* стена сложена из пахсы. Выше пахсового основания стена на 2,5 *м* состоит из трех отдельных сырцовых кладок, между которыми находится забутовка глиной, песком и обломками сырцового кирпича. Размеры кирпича 45—50 × 22—30 × 8—10 *см*.

На высоте 5 *м* от основания стены установлены явные признаки капитального ремонта из сырцового кирпича 35 × 35 × 15 и 35 × 18 × 15 *см*. Ремонтная кладка положена непосредственно на первоначальную кладку стены, между ними не прослеживается никаких культурных остатков, что свидетельствовало бы о временном запустении стены.

В караульных помещениях найдено большое количество поливной и неполивной керамики и стекла. В комплексе неглазурованной керамики большое место занимают котлы, миски, кувшины и др. (рис. 7). Глазурованная керамика представлена блюдами, чашами, чирагами и др. (рис. 8). Поливные сосуды обильно украшены полихромной росписью, арабскими надписями, нередки различные сочетания узоров. Такая керамика из других раскопов Афрасиаба датируется многочисленными саманидскими монетами конца IX—X в.

Обследование стены показало, что основание ее по всему периметру выложено из пахсы; выше пахсы стена состоит из пересекающих друг друга сырцовых кладок, забутовок и заливок. На западном фасе в верхней части стены прослеживается ремонтная кладка. На расстоянии около 100 *м* к востоку от мавзолеев Шах-и-Зинда стена при ремонте была построена заново. Стена на всех участках возведена на материковом лёссе и только в рай-

оне мавзолеев Шах-и-Зинда под стеной был обнаружен культурный слой толщиной 1—1,5 *м*, датирующийся приблизительно серединой I тысячелетия до н. э.

Внешняя стена не затронута поздними постройками, мусорными ямами и бадрабами, как то характерно для внутренних стен. Лишь на гребне стены в западной части известны мусульманские захоронения. Этот факт говорит о том, что стена во все время ее существования поддерживалась в

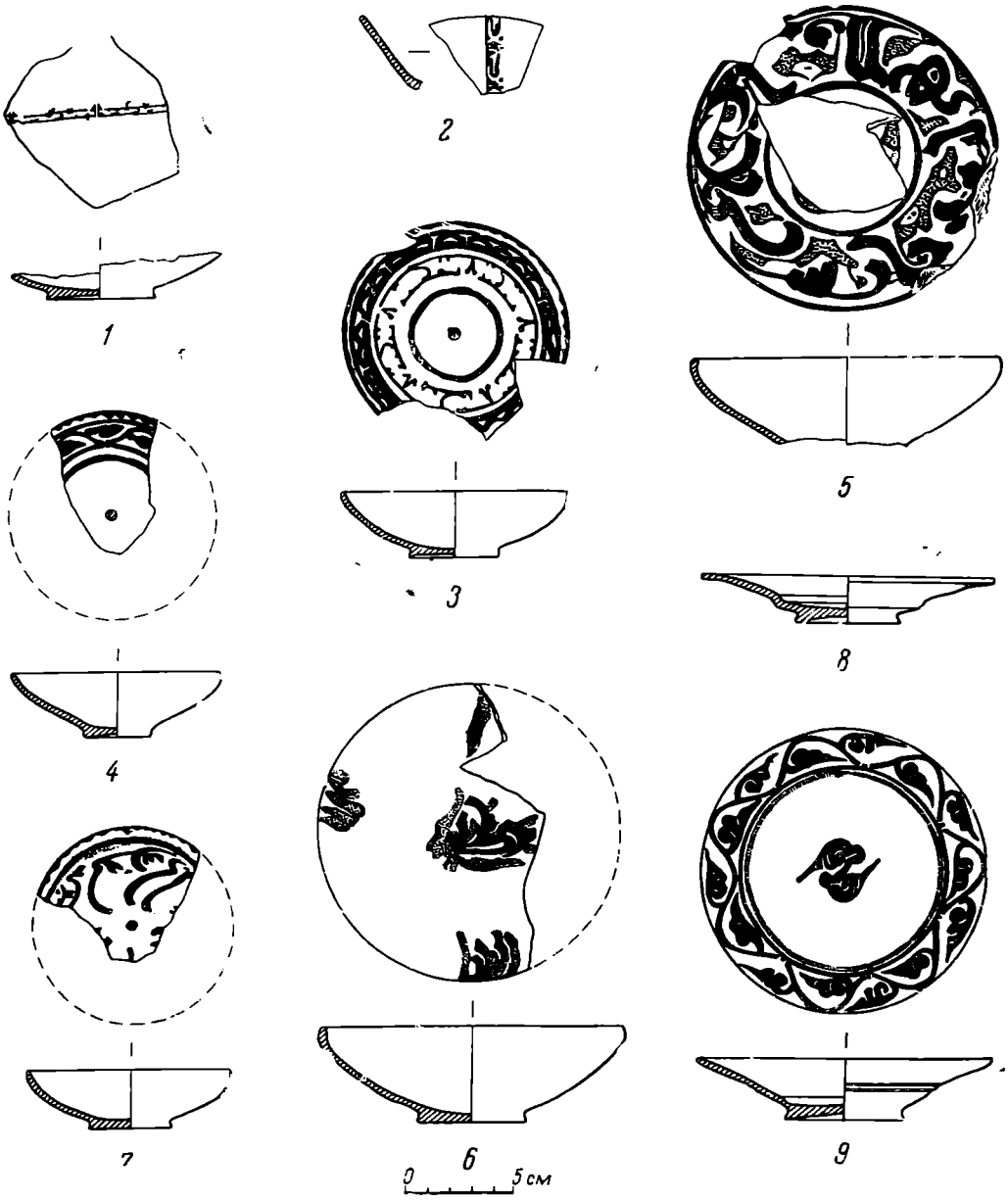


Рис. 8. Глазурованная керамика из раскопок у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

сохранности и не утратила оборонительного значения до разгрома города монголами.

В кладке четвертой городской стены находки ничтожны. В оплывах стены по всему периметру и на прилегающей территории городища обнаружена поливная и неполивная керамика, датируемая не раньше IX в. Исключение составляют три случая, о которых будет сказано ниже. Изу-

чение и сравнительный анализ археологического материала, в первую очередь керамики, обнаруженной при раскопках в крепостных стенах, позволяют установить время постройки и функционирования стен. Самая древняя керамика обнаружена в основном при раскопках первой и второй городских стен и стены цитадели.

Первая и вторая стены города, как и стена цитадели, по конструктивному устройству одинаковы (построены из пахсы). Идентичен и керамический материал: он датируется IV—VII вв. Среди керамики IV—VII вв. встречается незначительное количество более ранней — фрагменты кубков на высоких ножках.

На основании находок возникновение первой и второй городских стен и стены цитадели можно отнести к IV—VII вв. Однако письменные источники позволяют уточнить возраст этих стен. Из китайских летописей V в. мы знаем, что в это время упоминается город Самарканд [23]. Таким образом, находки и письменные источники позволяют датировать строительство первой стены IV в. В это время возникла и стена цитадели.

Китайский паломник Сюань Цзян, проехавший в 630 г. через Самарканд, говорит уже о довольно значительном городе. По его сведениям, окружность города составляла 20 ли [24]. Все это позволяет говорить о том, что вторая городская стена выстроена в VI — начале VII в., т. е. в период, когда Самарканд становится политическим и административным центром области [25].

Многочисленные находки поливной и неполивной керамики в раскопах при изучении четвертой городской стены, результаты стратиграфических раскопок и шурфов, заложенных возле стены, а также сравнение ее строительного материала с материалами других памятников Средней Азии, и в первую очередь Афрасиаба, позволяют утверждать, что внешняя стена городища возникла в VIII — первой половине IX в. [26] Верхняя ремонтная кладка четвертой стены из крупного кирпича и внешняя кладка из такого же кирпича, которая прослеживается к востоку от Шах-и-Зинда, сделаны при хорезмшахе Мухаммаде, подтверждение чему можно видеть и в письменных источниках [27].

Исследование показало также, что первая и вторая городские стены и стена цитадели заброшены в первой половине IX в., после устройства внешней городской стены. Тогда началось разрушение их постройками, бадрабами и мусорными ямами. В период монгольского нашествия ремонт коснулся всех стен городища. Тогда же возведена и третья стена. Об этом свидетельствует керамический материал (включая керамику с бирюзовой поливой), обнаруженный в ядре стены и под ней. Третьей стеной была обнесена лишь небольшая территория внутри города.

Археологические работы на стенах Афрасиаба и прилегающей к ним территории позволили, помимо установления времени сооружения и бытования стен, выяснить их конструктивное устройство, их различия и получить материалы к истории фортификации в городах Средней Азии.

Городские стены — первая, вторая — и стена цитадели построены на одном историческом этапе и поэтому очень близки по конструктивному устройству. Они сложены целиком из пахсы. Для них характерна необыч-

[23] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 17.

[24] В соответствии с принятой в исторической литературе величиной ли, 20 ли соответствуют примерно 7—10 *км*. Таким образом, вторая стена, согласно Сюань Цзяну, должна была равняться 7—10 *км*. Следует, однако, учесть, что Сюань Цзян преувеличивает в три раза длину стен шахристана и в других подобных случаях. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана. Тр. ИИАЭ, АН КазахССР, V, Алма-Ата, 1958, стр. 74.

[25] В. В. Бартольд. История культурной жизни..., стр. 17, 18.

[26] В трех пунктах при исследовании внешней стены и самого городища встречены отдельные фрагменты керамики, которую можно датировать рабовладельческим периодом. Но изучение их показало, что никакого отношения к датировке сооружения стены они не имеют.

[27] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, I, 2. М.— Л., 1952, стр. 206.

ная толщина, местами доходящая до 20 *м* у основания. Такая толщина стен делала их очень мощным оборонительным сооружением и практически неприступным для военной техники того времени.

При хорезмшахе Мухаммаде накануне монгольского нашествия был произведен большой ремонт всех стен, укреплены ворота второй стены, построена третья стена. При ремонте кроме пахсы употребляли продолговатые и квадратные кирпичи, последние по своим размерам повторяют кирпичи древних времен [28]. В растворе, иногда и в кирпиче, встречается примесь камыша.

Пахсовые стены названного времени местами сложены как и прежние, но в основном применен особый прием — пахса клалась тонкими слоями толщиной 10—15 *см* [29]. Кое-где между слоями пахсы прослеживаются прослойки из камыша. Часто в пахсе поздних стен встречаются бревна, выполняющие роль арматуры.

Плохая сохранность верхней части стен не позволяет судить об устройстве парапетов, башен и бойниц. Это объясняется тем, что после захвата города монголами в 1220 г. укрепления Самарканда по приказу Чингисхана были разрушены [30], а дальнейшее разрушение происходило под действием природных факторов. Башни, выступающие вперед, давали возможность флангового обстрела. Возвышение их над стенами, как пишет Ф. Энгельс, позволяло в случае, если противник смог забраться на крепостную стену, обстреливать его со всех сторон, не боясь окружения, т. е. превратить каждую башню в точку обороны [31]. Самым слабым местом обороны города являлись ворота, поэтому придавалось особое значение их укреплению. Система обороны афрасиабских ворот сохранилась у первой и второй стены. Восточные ворота первой стены защищены двумя башнями.

Южные ворота второй двухрядной стены находятся на месте, где между двумя линиями наблюдается самое большое расстояние. Здесь обе линии соединены двумя полукруглыми стенами, так что образуется кольцо, и если противнику удалось прорваться в город через ворота, то он оказался бы в окружении. Особенно сильно укреплены восточные ворота второй стены. Они с внешней стороны усилены двумя башнями, а изнутри построена стена с замаскированным проходом.

Наличие в системе укреплений двухрядных стен обеспечивало более прочную оборону города. Это было проверено во время арабского нашествия при взятии Самарканда [32]. Несмотря на многочисленную армию и хорошее вооружение [33], арабы не смогли быстро взять Самарканд; чтобы сломить сопротивление противника, им потребовалось пять месяцев [34], причем, как говорит легенда, им удалось это сделать путем обманов и хитростей [35].

Для обороны средневекого Самарканда большую роль играл ров внешней стены. В настоящее время ширина его достигает 45—50 *м*, глубина 15 *м*; несомненно, что глубина его была гораздо больше. Ширина и глуби-

---

[28] Подобное явление наблюдается и в Хорезме. С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, П. М., 1958, стр. 26.

[29] К этому времени относится стена Буранинского городища, состоящая из слоев пахсы толщиной 10—20 *см*. П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 129.

[30] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I. М., 1963, стр. 480.

[31] Ф. Энгельс. Фортификация. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14. М., 1959, стр. 327.

[32] Вопреки укоренившемуся мнению, утверждающему, что внешней стеной ко времени арабского завоевания было последнее кольцо стен Афрасиаба (четвертая стена), раскопки показали, что город к этому времени был защищен по внешнему периметру не четвертой, а второй стеной.

[33] В. В. Бартольд. К истории арабских завоеваний в Средней Азии, II, 2. М., 1964, стр. 382.

[34] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 161.

[35] В. Л. Вяткин.-Кандия Малая, стр. 243—245.

на рва делали крепость труднодоступной. Кроме того, как сообщают письменные источники, во время монгольского нашествия ров был заполнен водой [36].

Самарканд был хорошо укреплен в VI—VII вв. Первую линию обороны составляла двухрядная стена, вторую — внутренняя стена и стена цитадели. Этого требовало положение Самарканда как политического и экономического центра.

Самая сложная система обороны Самарканда была при хорезмшахе, когда имелись три линии обороны.

Раскопки на стенах и территории городища позволяют высказаться более конкретно и по вопросу о том, когда был основан Самарканд, и о процессе его развития.

Древнейший керамический материал Афрасиаба, обнаруженный последними исследователями, датируется В. А. Шишкиным приблизительно серединой I тысячелетия до н. э. [37] Он найден на трех небольших участках: 1) в южной части под внешней стеной городища, 2) в 200 *м* к северо-западу от мавзолеев Шах-и-Зинда, 3) в северной части городища. Все эти находки сделаны в смешанных слоях и не связаны с какими-либо постройками, т. е. не дают возможности высказаться о том, какого характера поселение здесь было: был ли это город, небольшая усадьба или какой-то другой тип поселения. Самые древние остатки жилых построек обнаружены лишь в северной части городища. С. К. Кабанов относит их к II—III вв. [38]

Из сказанного выше следует, что в древний период на месте Афрасиаба могло находиться какое-то поселение. Фактический материал и его атрибуция позволяют нам дать схему развития города, начиная лишь с IV—V вв., т. е. с возникновения первой городской стены. В IV—V вв. город состоял из трех частей: 1) собственно город, обнесенный стеной, 2) цитадель со своими стенами и 3) предместье с ремесленным кварталом.

В VI — начале VII в. Афрасиаб был обнесен второй стеной, включившей в состав города и прежнее предместье. Однако жизнь города в этот период не ограничивалась пределами второй стены, а распространялась за ее пределы на юг по направлению магистрального канала, о чем свидетельствуют находки в южной части под самой городской стеной.

В VIII — начале IX в. воздвигнута внешняя (четвертая) стена. Тогда же приходят в запустение все внутренние стены и стена цитадели. Цитадель, по сообщению Ибн-Хаукаля в X в. [39], находилась в разрушенном состоянии (раскопки позволяют говорить о возобновлении жизни в цитадели в конце XI—XII в.). Очень интенсивное обживание города относится к IX—XII вв. В это время участки внутренних стен использовали для постройки домов. В X в. по мере роста населения граница города расширялась к югу за пределы внешней стены.

Исследователи древней истории Средней Азии — Н. И. Веселовский [40], В. В. Бартольд [41],— опираясь на письменные источники, отождествляли Мараканду с Самаркандом, т. е. с городищем Афрасиаб. Это же повторили М. Е. Массон [42] и А. И. Тереножкин [43], привлекая немногочисленные еще

---

[36] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, стр. 206.

[37] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция 1961 г. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, стр. 13, 14.

[38] С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. Рукопись хранится в секторе археологии ИИА, АН УзССР, стр. 75.

[39] Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля. Сб.: «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 14.

[40] Туркестанские ведомости, 1892, № 42, стр. 208.

[41] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 8; его же. История культурной жизни..., стр. 2.

[42] М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд — Ташкент, 1929, стр. 4.

[43] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

археологические данные, которых было совершенно недостаточно для утверждения такого рода. Однако эти утверждения прочно вошли в советскую литературу [44]. Тщательное же изучение письменных источников в совокупности с новыми археологическими данными позволяют совсем иному представить древнейший период в истории Самарканда.

Самое раннее описание Мараканды дано Курцием и Аррианом. В их трудах повествуется о завоевательных походах Александра Македонского в Среднюю Азию в IV в. до н. э. Несомненно, произведения Курция и Арриана имеют колоссальную ценность для исторической науки, однако довериться полностью им нельзя, ибо время описания исторических походов Александра Македонского отделяется от самих событий огромным промежутком в 300—400 лет. По словам Курция (середина I в.), Мараканда была окружена стеной в 70 стадий [45]. Внутренняя цитадель обведена другой стеной. При сравнении протяженности стены Мараканды с внешней стеной Самарканда мы видим большую разницу; Мараканда занимала пространство в два с половиной раза большее, чем Самарканд.

Арриан (первая половина II в.), который считается более авторитетным, потому что он пользовался записками современников Александра — полководцев Аристобула и Птоломея лага [46], сообщает о Мараканде следующее: «Александр, пополнив конницу местными лошадьми (так как много его лошадей погибло при переходе через Кавказ и в походе к Оксу и от Окса), направился к Мараканде — столице страны Согдов. Отсюда пошел дальше к реке Танаису» [47]. Арриан, описывая битву греко-македонцев с согдийцами в Мараканде, упоминает об укрепленном городе (крепости), но нигде не указывает на его местоположение [48].

Птоломей — знаменитый астроном и географ II в.— помещает Мараканду не в Согдиане, а в Бактрии [49]. Из этого видно, что сведения древних авторов о локализации Мараканды противоречивы; кроме того, никто из древних авторов не указывает местоположения Мараканды.

В. В. Григорьев, исходя из сообщения Арриана о битве македонцев с согдийцами, во главе которых был Спитамен, на острове р. Политимет, принимает Политимет за Зеравшан и поскольку Мараканда была близка от Политимета, как и Самарканд от Зеравшана, считает возможным отождествить Мараканду с Самаркандом [50].

В своем произведении Арриан сравнивает р. Политимет с греческой р. Пенеем и сообщает, что Политимет впадает в пески и по своей протяженности гораздо больше Пенея [51]. На самом деле длина греческой р. Пеней равна 217 *км* при ширине 20—25 *м*, а длина Зеравшана, которую ряд авторов отождествляет с р. Политимет, достигает 738 *км*. Таким образом, Зеравшан почти в 3,5 раза длиннее Пенея и примерно в столько же раз шире [52]. Но на территории древнего Согда протекал не только Зеравшан, но и г. Кашка-Дарья, протяженность которой 332 *км*, т. е. опять-таки много длиннее Пенея, и хотя она действительно теряется в песках, утверждать, что Кашка-Дарья не больше Пенея — нельзя [53].

---

[44] Е. А. Мончадская. О «царском городе» или «второй столице» Согдианы. ВДИ, 1952, 2, стр. 116; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 282 и др.

[45] Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963, стр. 237.

[46] К. Тревер. Александр Македонский в Согде. ВДИ, 5, 1947, стр. 113.

[47] Arrian's anabasis. III, 30, 6.

[48] Там же.

[49] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 15.

[50] В. В. Григорьев. Походы Александра Великого в Западный Туркестан. ЖМНП, 9. СПб., 1891, стр. 64, 65.

[51] Arrian's anabasis, IV, 6, 7.

[52] Автор данной статьи хорошо знаком с р. Пеней и р. Зеравшан и может сказать, что Пеней перед Зеравшаном выглядит как один из главных протоков последнего.

[53] В. М. Массон. К локализации Согда. Сб.: «Археология Средней Азии», нов. сер., XI, 3. Гуманит. науки, 3. Ташкент, 1950, стр. 175, 176.

Однако, по результатам последних археологических исследований Я. Г. Гулямова, Кашка-Дарья впадала в Зеравшан до XIII в.[54] Если отождествление Политимета с Зеравшаном окажется правильным, то следует отметить,что в плодородной долине Зеравшана было много городов, и в какой ее части расположена Мараканда — неизвестно.

В долине Зеравшана издавна встречаются греко-бактрийские монеты. Однако на Афрасиабе, как писал В. Л. Вяткин, несмотря на многолетние археологические исследования, не было найдено ни одной монеты раньше IV—V вв. Здесь следует отметить, что за время последних исследований в течение восьми лет, по масштабам намного превосходящим все предыдущие работы, на территории Афрасиаба опять-таки не было найдено ни одной монеты греко-бактрийского и кушанского чекана, хотя монеты согдийские VI—VIII вв. и средневековые (IX — начала XIII вв.) были найдены сотнями. Кроме того, археологические работы на всех участках Афрасиаба, где работали и работают археологи, показали, что глубина культурных наслоений колеблется в пределах от 3 до 6 *м*. И лишь во впадине, где раскопки проводил В. Д. Жуков[55], культурный слой достигает более 11 *м* и тот характеризуется остатками материальной культуры XI — начала XIII в. Эти факты отрицают утверждения об интенсивной жизни на городище Афрасиаб с античного времени.

Все сказанное выше показывает, что отождествление Мараканды с домонгольским Самаркандом, т. е. Афасиабом, гораздо сложнее, чем это казалось многим исследователям. Подобное несоответствие фактов, полученных во время археологических раскопок, с данными, взятыми из письменных источников, не единичны.

Локализация античной Мараканды на территории Афрасиаба в результате исследования стен и самого городища пока не доказана[56], хотя у нас нет основания сомневаться в обживании территории Афрасиаба с середины I тысячелетия до н. э. Отождествление же Мараканды с каким-либо городищем поблизости или же с современным Самаркандом ждет дальнейших исследований. На данном этапе археологического изучения автор не претендует на исчерпывающее решение этого вопроса.

Сообщения письменных источников о Самарканде, начиная с V в.— вплоть до разрушения города монголами в 1220 г., полностью подтверждаются результатами археологических работ. Дальнейшие раскопки на городище Афрасиаб и в его окрестностях расширят и обогатят наши представления по истории древнего Самарканда.

---

[54] Я. Г. Гулямов. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашка-Дарьи и Заравшана. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, стр. 22.

[55] В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд).— «Общественные науки в Узбекистане», 4, Ташкент, 1961, стр. 54—57.

[56] Вопрос об отождествлении Мараканды с Самаркандом ставился под сомнение и раньше: В. Л. Вяткин. Афрасиаб..., стр. 4; Б. Я. Ставиский. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда, ВЛУ, 3, Л., 1948, стр. 123—125.

Н. В. ДЬЯКОНОВА, О. И. СМИРНОВА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ НАНЫ (АНАХИТЫ) В СОГДЕ

Тема культа женского божества плодородия Нана-Анахита в Средней Азии не раз привлекала к себе внимание исследователей. Она затрагивалась в ряде работ как общего порядка, так и специального характера и авторы настоящей статьи ставят себе целью лишь добавить некоторые новые данные и наблюдения, позволяющие уточнить существующие представления о культе этого божества в согдийской среде. Исходным материалом в данном случае послужили надписи на согдийских монетах, найденные на Пенджикентском городище, и открытая археологами на этом же городище стенная роспись зданий.

Среди массы согдийских монет, обнаруженных при раскопках городища древнего Пенджикента, оказалось около 400 бронзовых монет китайского образца (с квадратным отверстием по середине кружка) местного пенджикентского выпуска. Из этого очевидно, что Пенджикент в раннем средневековье являлся центром одного из тех согдийских владений, которые имели свою собственную монету — бронзовую [1]. Ареал обращения пенджикентских монет, судя по местам их находок, был узким и ограничивался в основном территорией пенджикентских владений. Еще в 1952 г. при раскопках одного из помещений ограды второго пенджикентского храма археологи открыли клад, состоящий из 129 бронзовых монет, 125 из которых оказались однотипными. Из надписей на них стало известно, что эти 125 экземпляров выпущены в Панче (Pnč-), т. е. в Пенджикенте, от имени владетеля Панча, носившего титул γwβ pnčy MRY' «хваб господин Панча». Вместе с монетами тогда же был обнаружен разбитый горшок, в котором, как надо думать, последние были в свое время припрятаны [2]. По мнению лиц, обнаруживших клад, помещение, в котором он был найден, представляет остатки металлообрабатывающей мастерской [3]. Если это так, то в этой мастерской могли изготовляться и монеты и мы имеем, быть может, дело с остатками прихрамового «монетного двора». Предположение тем более вероятное, что 22 из 129 монет клада оказались со значительными дефектами литья и очевидно, что таковые не могли находиться в обращении (монетный брак).

Изучение монетных находок последующих лет выявило еще три типа монет Панча, составляющих вместе с монетами клада одну группу. На всех монетах группы, обнаруживаемых на городище, и на других таких же, хранящихся в разных собраниях, как и на монетах клада, имеются надпи-

---

[1] Издание монет: О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент М.— Л., 1963, стр. 92—121; ее же. О двух группах монет согдийских владетелей VII—VIII вв. Изв. ООН АН Тадж.ССР, 14 (1957), стр. 115 сл.; ее же. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 223.

[2] О. И. Смирнова. Первый клад согдийских монет. Эпиграфика Востока. X, 1955, стр. 3—14.

[3] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 108—109.

сп, из которых следует, что все они были выпущены в пенджикентских владениях.

Эти надписи сделаны на оборотной стороне монет, тогда как на лицевой изображены знаки. На первых по времени монетах панчской группы нанесено по два разных знака справа и слева от центрального квадратного отверстия. Знак справа от квадратного отверстия имеет форму ромба, верхний угол которого расходится в виде двух небольших завитков, тогда как от двух боковых его углов отходят небольшие прямые отростки. На монетах трех остальных типов изображено только по одному знаку, каждый из которых представляет вариант описанного выше, и отличается от него рисунком верхних завитков и боковых отростков и дополнительными разными подставками, форма которых варьирует в зависимости от того, от имени кого она была выпущена (рис. 1, *1—4*) [4]. Кроме того на монетах этих трех последних типов знаки занимают все поле монеты и как бы вмонтированы в монетные кружки, составляя единый рисунок с рамкой квадратного отверстия и ободком по краю монеты. Все эти монеты, как нами установлено, выпускались от имени дихкан-владетелей (γwβ) Панча (Пенджикента), носивших титул pnčy MRY' «господин Панча», и от имени его дихканш-владетельниц. Новые находки позволили внести в этот вопрос некоторые уточнения.

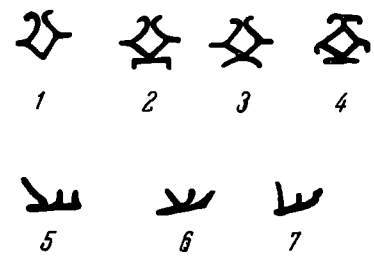


Рис. 1

1—4 — знаки на монетах пенджикентских владений. *5—7* — разные написания начальных букв в титуле на пенджикентских монетах

Монеты владетельниц, как и монеты владетелей, представлены экземплярами двух типов, каждый из которых в свою очередь имеет по два варианта, отличающихся не только расположением и почерком надписей и формой (вариантом) знаков, но и размерами монетных кружков, минимальный диаметр которых 15 *мм*, тогда как максимальный — 22 *мм*. На монетах, принадлежащих к типу, наиболее часто встречающемуся, одинаковая для всех надпись состоит из трех раздельных групп знаков, в связи с чем она и была прочтена и соответственно переведена «Панча превосходительная госпожа госпож» (рис. 2, *1*, *2*). Надписи на монетах, принадлежащих ко второму типу, оказались аналогичными по содержанию, но вместе с тем каждая из них состоит из двух групп знаков, а не из трех (рис. 2, *3*, *4*). По аналогии с первыми они были прочтены pnčy "δβ'mpnh, что означает «Панча превосходительная госпожа» [5].

В последнее время в связи с новыми находками таких монет надписи на них пересмотрены и еще раз сличены. Оказалось, что все надписи состоят из двух слов, второе из которых представляет своего рода композит, и только на более поздних по времени экземплярах эту надпись, исказив ее, стали писать в три слова. Последнее легко объясняется тем, что изготовитель форм, не понимавший содержания надписи, воспроизводил ее чисто механически, следя лишь за ее внешним рисунком, надо сказать весьма изящным. Таким путем удалось установить, что два последних слова на пенджикентских монетах (второе и третье), прочтенные нами "δβ'mpnh «превосходительная госпожа» и "δpnpnwh «превосходительная госпожа госпож», по сути дела представляет одно сложное слово (имя-титул), оказавшееся неправильно разделенным. Анализ знаков надписей весьма большого количества монет этого типа, имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении, убеждает, что на всех таких монетах два первых знака этого слова графически ближе к согд. n, чем к согд. ' так как не имеют характерного для последнего изгиба влево (рис. 1, *5—7*). Кроме того на большинстве монет второго типа четвертый знак той же надписи

[4] Варианты знаков см. О. И. Смирнова. Каталог..., стр. 16—17 (таблица).
[5] Там же, стр. 13, 14.

не имеет плавного изгиба тулова, свойственного согд. p, и ближе по рисунку к согд. β. Соответственно этим поправкам, надписи на наших монетах следует читать pnčy nn-δβ' (nn + δβ'mpnh) «Панча Нана-Госпожа» и pnčy nn-δβnpnwh (nn + δβnpnwh) с таким же общим значением имени и титула, как первые. Предлагаемое новое чтение и истолкование надписей на панчских монетах нашло себе неожиданное подтверждение в согдийской литературе.

Рис. 2. Монеты пенджикентских правительниц
1, 2 — тип I; *3, 4* — тип II

В одном из изданных В. Б. Хеннингом согдо-манихейских текстов, от которого к сожалению сохранился лишь отрывок без начала и конца, упоминается некая nn-δβ'mpnh, имя которой В. Б. Хеннинг поясняет как «The Lady Nana(i)»[6]. Опубликованный им отрывок представляет образец манихейской литературы на мифологические сюжеты, столь излюбленные в то время. В отрывке рассказывается о падении города, называемого Žimat, осажденного врагами. По мнению издателя текста В. Б. Хеннинга, в манихейском тексте речь идет о городе, название которого упоминается у китайского паломника Сюань Цзяна, а позже у арабского географа Ибн-Хордадбеха (الرمان, искаженное *الرمات?), помещавшим его к юго-западу от Балха. Что же касается имени nn-δβ'mpnh «Нана-Госпожа», упомянутого в отрывке, то по мнению того же Хеннинга, это имя богини Анахиты «the goddes Nana(i)», обычным эпитетом которой, судя по западно-иранской литературе, было banuk[7], позднейшее персидское banū. Этому последнему в манихейском отрывке соответствует согд. δβ'mpnh «госпожа», тот же титул, что и в одном из вариантов надписи на монетах. Второй из титулов на монетах δβnpnwh представляет, возможно, диалектальную форму согд. δβ'mpnh стоящую ближе, чем последняя к персидскому bānūk (=δβnpnwh?). Тогда совершенно очевидно, что имя-титул nn-βδ'mpnh, вариант nn δβnpnwh на монетах то же самое имя, которое упоминается в манихайском отрывке как имя богини Нана-Анахиты. Вместе с тем известно, что женский титул (δ)β'mpnh (второй компонент нашего имени) в согдийском языке был парным титулом к мужскому γwβ-; титул же γwβ- засвидетельствован в качестве одного из титулов владетелей Панча равно на монетах и в мугских документах. В последних он является в ча-

[6] W. B. Henning. The Murder of the Magi. JRAS, 1944, стр. 133—144 (рукопись 459).

[7] В. Б. Хеннинг, характеризуя издаваемый им согдийский отрывок, пишет: «Its purport is not very clear, but it seems to be concerned wich some heathenish practices. The lady Nana (or Nan), in the line 20 at the fragment, may be the Goddes Nana(i). The town(?) of Žimat reminds one of Hûan-ts'ang's Zuei-mei-to (iwai-muăt-d'ă), Ibn Khurdadbeh's الزمان to the south-west of Balkh». О титуле bānūk (δβ'mpnh) см. W. B. Henning. Sogdica. London, 1940, стр. 7. BSOS XII, 1948, 603, note 1.

стности титулом хорошо всем сейчас известного пенджикентского князя, а позднее царя Согда—Девашттича.

Следовательно надписи на монетах можно толковать по-разному. Во-первых как имя-титул супруги пенджикентского владетеля (т. е. так, как они и толковались до сих пор) «Панча госпожа Нана(й)» и в таком случае надписи nnδβ'mpnh и nnδβnpnwh на монетах являются титулами и тронными именами, или просто сложными титулами владетельниц Панча.

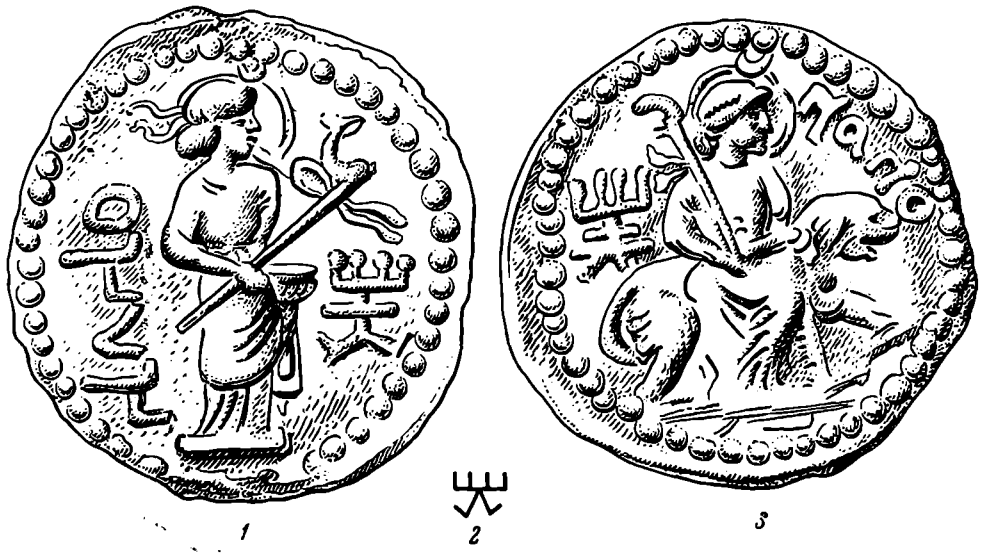


Рис. 3.

1, 3 — кушанские монеты с изображением богини и надписью «Нано»; *2* — кушанский знак на согдийских монетах

Во-вторых, та же надпись может быть истолкована как «Панча (богиня) Нана-госпожа». В этом втором случае должен последовать и вывод о том, что в Панче (Пенджикенте) в какой-то период времени выпускались монеты (бронзовые) с надписями в честь почитаемого в данном городе божества — богини Нана-Анахиты. Второе толкование надписи на монетах, как содержащих имя божества, находит себе почти полную аналогию в хорошо известных надписях на кушанских монетах, выпускавшихся царями, на реверсе которых иногда имеется изображение женского божества, а рядом с ним (по краю монеты) надпись nano и знак [8], обычно именуемый исследователями кушанским (рис. 3, *1*, *3*). В этой связи отметим еще и то, что на нескольких согдийских монетах другой группы, кроме обычных свойственных им знаков, помещается изображение вышеупомянутого знака (рис. 3, *2*) [9]. Если высказанное положение подтвердится, то последует и вывод о том, что Средняя Азия раннего средневековья продолжает кушанскую и грекобактрийскую традицию помещать на монетах имя божества-покровителя.

Независимо от того, имя ли это богини Нана-Анахиты, теофорное ли имя цариц или их титул, надписи на монетах свидетельствуют о почитании этой богини в Согде, в частности в Пенджикенте. Имя Нана или Нанай принадлежит богине неиранского происхождения, образ которой, как полагают, в Иране и Средней Азии слился с образом иранской богини Анахиты. Имя Анахиты, как известно, в свою очередь восходит к эпитету иранской богини плодородия Арадвисуры-Анахиты и значит «Незапятнанная». В согдийской ономастике широко распространено первое из них — Нана(й),

[8] К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II (1), М.— Л., 1958, стр. 136, 137 (там же см. воспроизведения монет).

[9] Монеты еще не опубликованы; одна такая монета обнаружена на пенджикентском городище, вторая принадлежит Ташкентскому историческому музею.

сохранившееся и по сей день в таджикском языке, в котором она значит «мать», «матушка», тогда как второе — Анахита в составе согдийских имен вообще не засвидетельствовано. Достаточно будет напомнить о местных согдийских именах, встречающихся в мугских документах, именах сложных с компонентом nn- *nan(a) и производных от последнего, таких как nnyprn *(B 8, стк. 1) «Обладающий фарном Нана» и, возможно, n'nč «относящийся к Нана» (?) (Nov. 4, стк. 13) [10]. Такого же порядка имена засвидетельствованы в согдийских старых письмах (IV в.), как по nnyδβ"r, «Дарованный Нана» nnyδ't и nnyβntk «раб Нана» [11], а также в других согдийских текстах, например в манихейском списке имен собственных [12]. Что касается второго имени Анахиты, то его форма, засвидетельствованная в согдийских текстах (n'γyδ), указывает на то, что оно было заимствовано здесь из западно-иранского и, следовательно, не свойственно согдийской среде [13]. Эти, правда ограниченные известия позволяют все же утверждать, что женское божество Нана-Анахита в Средней Азии и, в частности, в Согде было известно главным образом под неиранским именем Нана (согд. nn-). Естественно также предположить, что культ его, судя по этим скупым данным, был распространен в Согде не только как общий культ, но существовали центры особого почитания этого божества, считавшегося в таком случае покровителем города. Тогда делаются понятными надписи как на кушанских монетах, так и на согдийских, содержащих имя Нана и других божеств определенного пантеона, в частности Ормузда, известного, как можно думать, в Средней Азии под своим эпитетом Фарнбаг (согд. prnβγ-), засвидетельствованном в свою очередь в названии одного из священных огней сасанидского Ирана (Aδur-Farrbaγ), храм которого стоял в Балхе. Можно предположить также, что в этих городах стояли храмы, посвященные соответствующим божествам, в том числе интересующей нас Нана (Анахите) и имелись их изображения [14]. Хеннинг предполагает, что храм, посвященный богине Нана, имелся у согдийцев, живших в Дун-хуане [15]. Об его жреце βγnpt-e, дословно «главе (pt-)храма (βγn-) упоминает молодая согдианка в письме к своей матери в Самарканд. Главу храма βγnpt-a, по имени Kwrčy «Слепец(?)», вместе с другим человеком, судя по имени Nyzytk «Свирепый», воином, в 720 или 721 г. отправил послом к царю Согда Деваштичу арабский эмир Абдаррахман [16]. Главой какого храма был жрец Kwrčy мы не знаем. Храмы, именуемые согдийцами βγn-ами, стояли во многих местах Согда, о чем мы можем судить по топонимике последнего, сохранившей нам ряд названий, компонентом которых является согдийское βγn- «храм». Храм βγn-, посвященный Анахите «'yzn nnystwkn», по мнению В. А. Лившица, упоминается в парфянских текстах из Нисы [17].

Теперь вернемся к Нана-Анахите, ее образу.

---

[10] Согдийские документы с горы Муг. II, М., 1962, стр. 44, 53.

[11] H. Reichelt. Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museum. I. Heidelberg, 1931, письма II и III.

[12] W. B. Henning. Sogdica, стр. 7.

[13] I. Gerschevitch. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954, § 269.

[14] Существует предположение, что на кушанских монетах изображены именно такие культовые статуи. О культовых статуях (but), стоявших в храмах и на городских площадях, сообщает ряд арабских и персидских географов и историков. Напомним также об одном из согдийских текстов из Восточного Туркестана, изданных Ханнингом, в котором рассказывается о храмах (согд. βγn') и стоящих в них серебряных и медных идолах, инкрустированных драгоценными камнями (BSOS, XI 1945 (3), стр. 473, 474).

[15] BSOS, XII, 1948, стр. 602.

[16] М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова. Согдийские документы 1.1 и 36A 14 Мугской коллекции. ВЛУ, 20, 1963, стр. 115 (док. 1. 1, стк. 3, 12, 14, 17). Согдийские документы с горы Муг. II, стр. III (док. 1. 1, стк. 4, 13, 15, 18).

[17] В настоящее время иранисты приняли чтение и интерпретацию надписей, предложенные О. И. Смирновой. W. B. Henning. A Sogdian God; BSOS, XXVIII, 2. 1965, стр. 252, прим. 68; в статье В. Б. Хеннинга также приводится цитированный нами в настоящей статье отрывок манихейского текста, см. там же, стр. 252, прим. 67.

Рис. 4. «Хорезмийская Анахита»

1 — серебряное блюдо, Британский музей; *2—4* — из коллекций Советского Союза; *5, 6* — оттиски на комьях глины из Тешик-кала

Внешний облик богини Анахиты довольно подробно описывается в известном месте Абан-яшта Авесты. Это прекрасная женщина, молодая, статная, весьма сильная, одетая в царскую одежду [18]. Именно такой представляют ее памятники позднесасанидского искусства Ирана, и обычно толкуемые как ее изображения терракотовые статуэтки-идольчики, находимые в слоях II—VI вв. н. э. на территории Средней Азии. Иконография Анахиты-Нана кушано-эфталитского времени на средне- и центрально-азиатской

[18] I. Darmsteter. La Zend-Avesta. II, 1893, стр. 126—129.

почве посвящена специальная статья К. В. Тревер [19], где между прочим указывается на существование «Различных культовых обликов» этой богини. Среди этих обликов встречается ее изображение со зверем, обычно львом или барсом, на котором она едет или сидит как на своего рода зооморфном престоле [20].

Уже в самом начале вскрытия стенных росписей Пенджикента были обнаружены изображения божества, восседающего на престоле в виде льва [21]. Несмотря на очень плохое состояние живописи, полностью осыпавшейся на верхней части стены, сохранившиеся внизу части (плечо, лапы, хвост зверя и ноги сидевшего на нем персонажа) не могли не вызвать непосредственной ассоциации этих сюжетов с изображениями на группе серебряных чаш, определенных С. П. Толстовым как хорезмские [22]. Дно этих чаш украшает фигура богини в венце и царственном одеянии (рис. 4, *1—4*), сидящей на спине хищника [23].

Иконография богини на хорезмийских чашах имеет любопытную особенность — у богини четыре руки. Одна пара рук держит на поднятых вровень с головой ладонях символы солнца и луны, две других руки у колен или перед грудью — чашу и жезл. Бытование подобной иконографии в Хорезме убедительно подтверждается находкой в Ташик-Кала нескольких вариантов изображений (рис. 4, *5*, *6*) четырехрукого божества, оттиснутых на глине. С. П. Толстов приходит к заключению, что «Богиня в короне с символами солнца и луны, попирающая льва или леопарда,— самый популярный образ в хорезмийском пантеоне». «Мы вряд ли ошибемся,— пишет он далее,— если увидим в этой богине уже знакомую нам хорезмийскую Анахиту, прошедшую путь синкретизации с божествами индобуддийского круга» [24]. Мысль, что четырехрукая богиня является одной из ипостасей Анахиты, представляется нам правильной, однако достаточно обширный изобразительный материал, которым мы располагаем в настоящее время, свидетельствует о значительно более широком ареале распространения культа четырехрукой богини, не ограничивающимся Хорезмом, но захватывающим, во всяком случае, и Согд и Восточный Туркестан [25]. Это божество всегда связано с плодородием животного и растительного мира и с материнством. Оно олицетворяет именно те самые силы, что и богиня, носившая в Иране имя Анахиты, а в Согде — Нана.

Как упоминалось выше, сопоставление некоторых персонажей пенджикентских росписей с изображениями на хорезмийских серебряных чашах были сделаны уже в первой публикации этих замечательных памятников [26]. Четырехрукая богиня является одним из главных действующих лиц большой многофигурной композиции на стене храма (II объект, стена В), вошедшей в литературу под названием «Сцены оплакивания». Персонажи, восседающие на зооморфных престолах (лежащий лев), занимают центральные места в живописном убранстве двух парадных зал (III объект, 7 помещ. и IV объект, 1 помещ. (рис. 5, *1*).

Раскопки 1954 г. дали остатки еще одного изображения прекрасной, одетой в богатые царские одежды женщины (объект VI, помещ. 26). На

---

[19] К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II (1), стр. 130—146.

[20] Там же, стр. 137.

[21] М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, стр. 139.

[22] С. П. Толстой. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 192—194.

[23] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 116, 119.

[24] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 200—201.

[25] Н. В. Дьяконова. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. Тр. ГЭ, V (6), Л., 1961, стр. 266—268; 271.

[26] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 112; 115—116; 139 (табл. XIX; XXVI, XXVII, XXVIII, XXXII); А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М., 1959, стр. 21, 22; табл. XX—XXII.

ладонях, поднятых вровень с головой рук, она держит эмблемы солнца и луны[27] (рис. 5, *2*). Живопись сильно осыпалась, и более или менее отчетливо можно разглядеть только верхнюю пару рук; имеются ли у этого божества вторые, нижние руки, с уверенностью сказать нельзя. Однако такое предположение подсказывает находящийся около его правого плеча желтый с красными контурами предмет (обычная условная передача золота), похожий на жезл, который богиня должна в таком случае держать

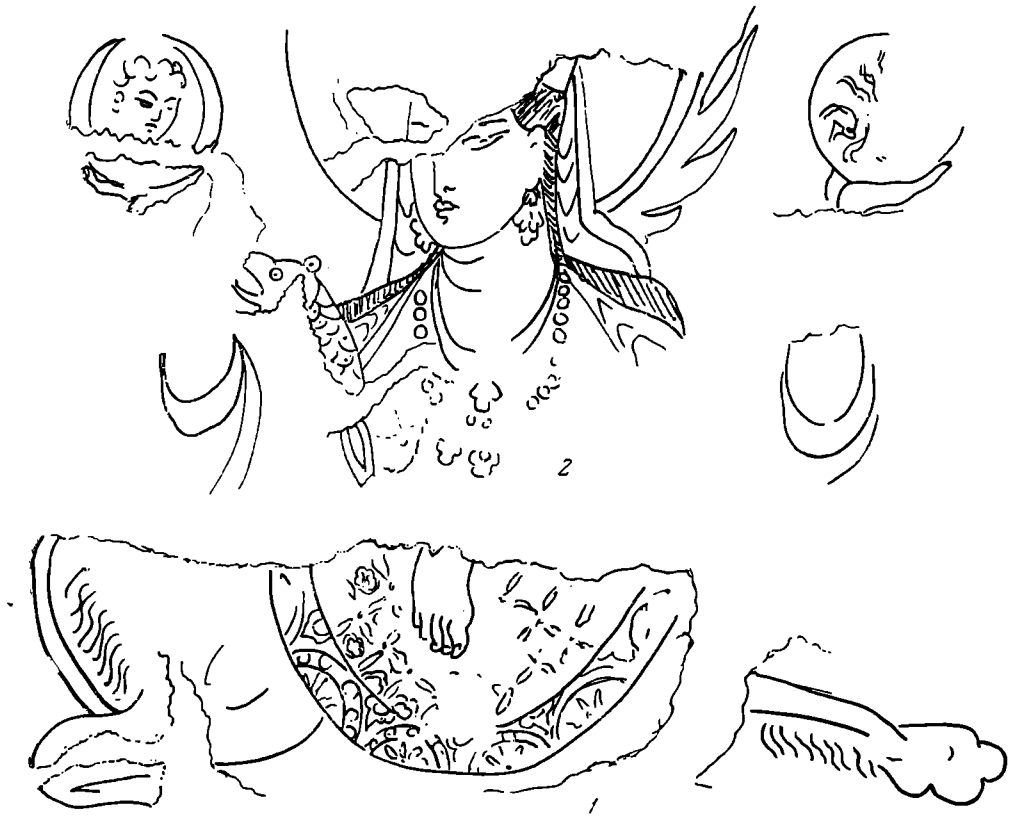


Рис. 5. Стенные росписи из Пенджикента

1 — божество, сидящее на льве (объект III, помещение 7); *2* — богиня, держащая солнце и луну (объект *VI*, помещение 26, южная стена)

нижней правой рукой. Во всяком случае сходство пенджикентской богини, несущей солнце и луну, с упомянутым образом четырехрукой богини несомненно. На это обращает внимание и опубликовавший роспись А. М. Беленецкий.

По-видимому, следует полагать, что те же эмблемы и атрибуты находились в руках четырехрукой богини в «Сцене оплакивания». Уточнить эти предположения невозможно, так как на сильно поврежденной фреске видны лишь две правые руки — нижняя, несущая как будто бы сосуд, другая, поднятая кверху, сохранилась только до середины предплечья; кисть с находившимся в ней предметом утрачена. Если те из упомянутых пенджикентских изображений богини на льве и богини, держащей диски светил, истолковываются довольно просто, как парадное, священное (занимают центральное место в росписях) изображение наиболее почитаемой богини (или одного из наиболее почитаемых божеств) города в парадных, предназначенных для торжественных случаев, помещениях, то роль четырехрукой богини в «сцене оплакивания» (рис. 6) во многом продолжает быть загадочной.

[27] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», стр. 76—77.

С первого же момента открытия этого памятника предлагались разные его толкования: то как сцены оплакивания, отражающей манихейский заупокойный обряд [28], то как сцены погребения Сиявуша [29]. В свое время нами было предложено рассматривать эту роспись как иллюстрацию эпизода из героического эпоса, изображающую осаду и падение замка и оплакивание героя. Хотя тогда нас интересовало не столько раскрытие сюжета самого по себе, сколько установление здесь наличия определенных изобразительных традиций [30].

Рис. 6. Стенная роспись из Пенджикента. «Сцена оплакивания» — группа божеств, среди них четырехрукая богиня (объект II, простенок В)

Однако присутствие в этой загадочной сцене четырехрукой богини, которую мы можем теперь с большой долей уверенности назвать Нана, заставляет предположить существование более древнего мифологического пласта, лежащего в основе изображенной легенды круга Анахита-Нана. Тогда «Сцену оплакивания» можно рассматривать как иллюстрацию именно этого предания, отрывок из которого представляет упомянутый выше и изданный В. Б. Хеннингом текст: «...и было там кровопролитие, терзали лица, резали уши. Нан(а)-Госпожа, сопровождаемая своими женщинами,

[28] А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-согдийской экспедиции 1948—1949 гг. ИАН ОИФ, VII, 5, 1950, стр. 256.

[29] М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XL, 1951.

[30] Н. Дьяконова, О. Смирнова. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.— Л., 1960.

шла к мосту. Они разбивали сосуды, громко вопили, стонали, резали лица, рвали волосы и бросались на землю». Фрагментарный контекст документа, в начале которого говорится о творениях Ормузда и Ахримана, заставляет все же полагать, что Нана-Госпожа в данном случае богиня. Такова мысль Хеннинга.

Если согласиться со всем вышеизложенным, то можно предположить, что в Пенджикенте одним из господствующих, а быть может и главным, был культ Нана-богини матери, являвшейся в таком случае покровительницей города, культу которой посвящались храмы, изображениями которой украшали помещения, предназначенные для торжеств и отправления обрядов. Ряд приведенных выше данных позволяет думать, что Нана почиталась здесь в той ипостаси, которая засвидетельствована в V—VIII вв. на весьма широкой территории Средней и Центральной Азии, т. е. в образе царственной женщины с четырьмя руками, восседающей на спине хищного зверя. По-видимому, в Пенджикенте, как и в других местах, существовали разные иконы этого весьма популярного божества, сохранившего, как правило, важнейшие атрибуты и признаки его образа. Так, возможно, какой-то другой ипостасью Нана-Анахиты являются опубликованные Б. И. Маршаком терракотовые рельефные иконки, найденные им на XII объекте того же пенджикентского городища. Эти иконки изображают женщину в пышной одежде и венце, с лапами хищного зверя вместо ног — соединение воедино божества и посвященного ему зверя. Значительное количество разномасштабных изображений подобного рода, обнаруженных при раскопках, свидетельствуют об их распространенности и популярности культа изображенного божества. Весьма вероятным кажется и предположение Б. И. Маршака о том, что эти миниатюрные идольчики — копии культовой статуи, находившейся в Пенджикенте [31].

Считая вполне вероятным существование в предисламском Согде, и в частности в Пенджикенте, нескольких иконографических типов изображения Нана, полагаем, что представленный рядом памятников монументальной живописи Пенджикента образ четырехрукой богини, восседающей на льве и держащей в поднятых руках диски небесных светил,— является именно той ипостасью Нана, в которой она почиталась как верховная богиня, «великая мать», покровительница города.

Вполне понятной представляется и несомненная связь этой иконографии с образами индийского, точнее шиваитского (а не буддийского) пантеона. Значительное влияние индийского искусства на Среднюю Азию засвидетельствовано многократными и многообразными примерами. Это влияние, ставшее очень заметным в кушано-эфталитское время, продолжается, а может быть становится еще более отчетливым в VII—VIII вв. Достаточно вспомнить «Красный зал» в Варахше [32]. В Пенджикенте подобные индийские реминисценции, пожалуй, еще более выразительны и в некоторых случаях представляются прямыми копиями индийских оригиналов. Таковы к примеру деревянные кариатиды в одном из помещений III объекта и другие [33]. В ряде случаев здесь имеет место заимствование изобразительных форм, пригодных для воплощения в них своего мифологического или культового образа. Таким сложившимся на индийской и доработанным на центральноазиатской почве (в кушанском искусстве Афганистана и Кашгарии) образом была иконография четырехрукой Великой богини Матери, называвшейся в разных местах то Дургой, то Анахитой, а в Средней Азии, в частности в Согде носившей иранское имя Нана(й); последнее по сей день сохранилось в таджикском языке и вошло в узбекский и означает сегодня «мать», «матушка».

---

[31] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, 124, 1964, стр. 238—240.

[32] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 152—158, табл. I—XI.

[33] Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», табл. IX—X, XI—XLII.

А. А. КОНОВАЛОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

В тексте некоторых грамот на бересте имеются названия сел и городов, рек, озер и ручьев, порой далеко находящихся от Новгорода. Из 395 грамот, обнаруженных в различных ярусах культурного слоя (с 21 по 3) Неревского раскопа, в 54 было упомянуто 96 подобных названий.

Прежде чем приступить к анализу географических пунктов, рассмотрим таблицу, которая показывает, где и какие грамоты с перечнем каких названий найдены (таблица).

За 217 лет (с 1096 до 1313 г.) в землю попало 12 интересующих нас грамот, а за последующие 133 года (с 1313 по 1446 г.) — 34. Наряду с количественным колебанием наблюдается резкое изменение самого характера географических пунктов. В древних грамотах наряду с названиями пунктов в собственно новгородской земле (оз. Черменец, р. Сясь и др.) имеются и отдаленные от Новгорода (Кокшенга и Пуя, Ярославль и Углич, Псков и Переяславль Русский [1]), причем самыми древними из них являются Псков и Переяславль. К этому необходимо добавить, что в них, за редким исключением, перечислены сравнительно крупные географические пункты. В более поздних грамотах перечислены названия мелких населенных пунктов (сел и деревень) собственно новгородской территории и лишь в трех грамотах крупные: Торжок (№ 358), крепость Копорье (№ 272), Ладога (№ 259), а в одной (№ 286) упоминается Каяно море, находившееся за западной границей Новгородской земли. Это можно объяснить следующими причинами: во-первых, древнейшее время — начало освоения пахотных земель и сельскохозяйственная основа города была тогда чрезвычайно узкой [2]; во-вторых, происходивший в это время процесс накопления денег новгородскими землевладельцами дал им возможность впоследствии перейти в решительное наступление на земли свободных общинников. Очевидно, этим и объясняется то, что в первое время новгородцы были связаны не столько со своими землями, сколько с различными древнерусскими городами и территориями. Все это дает возможность понять, почему в ранних грамотах упоминаются крупные населенные пункты, весьма отдаленные от Новгорода. В XIV—XV вв. в новгородских грамотах на бересте преобладающими стали грамоты феодального характера; другими словами, феодалы к этому времени захватили в свои руки основную массу земель свободных общинников, а поэтому стали упоминаться и мелкие населенные пункты, откуда новгородские феодалы получали натуральный и денежный оброк.

На раскопанной территории Неревского конца открыто 10 усадеб (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К) [3], в восьми из них (А, Б, В, Г, Д, Е, И, К) найдены интересующие нас грамоты (рис. 1). Размещаются они по усадьбам неравномерно: на усадьбах В и Г найдено по одной грамоте, на усадьбе К — 3,

[1] В грамоте № 424, найденной в Ильинском раскопе, упоминаются Смоленск и Киев. Датируется эта грамота началом XII в.

[2] В. Л. Янин. Берестяное письмо XII в. «Наука и жизнь», 1965, 2, стр. 53—54.

[3] П. И. Засурцев. Жилища древнего Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 8.

Размещение по ярусам и усадьбам грамот с названиями географических пунктов

Годы	Ярусы	Усадьбы								Улицы
		А	Б	В	Г	Д	Е	И	К	
1096	21					109 — Псков				
1116	20									
1134	19						105 — Переяславль Русь			
1161	18									
1177	17									
1197	16						153 — Славно		219 — низ Сяси	
1224	15									
1238	14								220 — Черменец	
	14/13									
1268	13		52 — Кокшенга, Пуя 141 — Мовозери 143 — Заволочье							
1281	12				69—Ярославль, Углич	390 — Бологжо, Козельско, Плутцы, Старо поле, Заветренье. Рыдино, Усть-Волма, руч. Поголиный, Калиница, Хомое, Ивьница, Чортов руч.				
	12/11					346 — Торжок				
1299	11	55 — Акосово								
	11/10							324 — Княжостров		
1313	10	4 — Городище				389 — Колбино				53 — Озерицы
	10/9					358 — Торжок	286 — Каяно море, Каяничи, Межа Юрия князя			
1340	9		92 — Спехово			102 — Александров погост		318 — Токова, Остров на Ротковицы, Ведрово		2 — Волок, Великий остров

Продолжение

Годы	Ярусы	УСАДЬБЫ								Улицы
		А	Б	В	Г	Д	Е	И	К	
	9/8						273 — Мравицы	354 — Юрьев монастырь		
1369	8	50 — Хомутини				340 — Поностров	252 — Плищь 272 — Копорье 278 — Лаидикола, Калиница, Курола 279 — Пашозеро			1 — Меново, Васильево, Овсеево, Вабиних, Харяново, Мохово, Менов стан
	8/7						264 — Курицкое 253 — Десятцкое	314 — Лунена		44 — «побегле во немьце»
1382	7		131 — Пудога, Оять, Сямозеро, Шуя						178 — Ещерский уезд, Замолмовсовье, Симовля, Хвойно	167 — Злостьица
1396	6		134 — Луга	23— Пустопержа			130 — Кюлолакша, Курола 265 — Луга	311 — Черенщане 361 — Шижняне Побратиловцы		
	6/5						248 — Кюлалаская, Кюриеская, Вымолчи	313 — Смердыня 359 — Пустошь, Ладога		
1409	5						249 — Коневы Воды			
1422	4						243 — Пытарево	157 — Черенщане		162 — Пелемчи
	3/4							297 — Рагуйлово		
1429	3	11 — Оцекова						307 — Избоища, Городня, Парфа		

на усадьбе А — 4, на усадьбе Б — 5, на усадьбе Д — 7, на усадьбе И —11, на усадьбе Е — 16. Связываются ли данные усадьбы с определенными территориями Новгородской земли? Ответ на этот вопрос могут дать грамоты трех усадеб — Д, Е, И. Рассмотрим их.

У с а д ь б а Д. В грамотах, найденных в усадьбе Д, упоминаются Псков и ряд географических пунктов: Бологжо, Козельско, Плутцы, Старо поле, Заветренье, Рыдино, Усть-Волма и др., расположенные, в основном, по двум притокам Мсты — рекам Холове и Волме; г. Торжок, дер. Колбино, находившиеся в Кириловском уезде Петропавловской волости Новгородской губернии; Александров погост, который, по-видимому, находился на одном из островов в излучине Северной Двины; упоминаемый в грамоте № 340 Поностров в других письменных источниках не известен. Очевидно, что перечисленные географические пункты невозможно привязать к какой-нибудь определенной области новгородской земли.

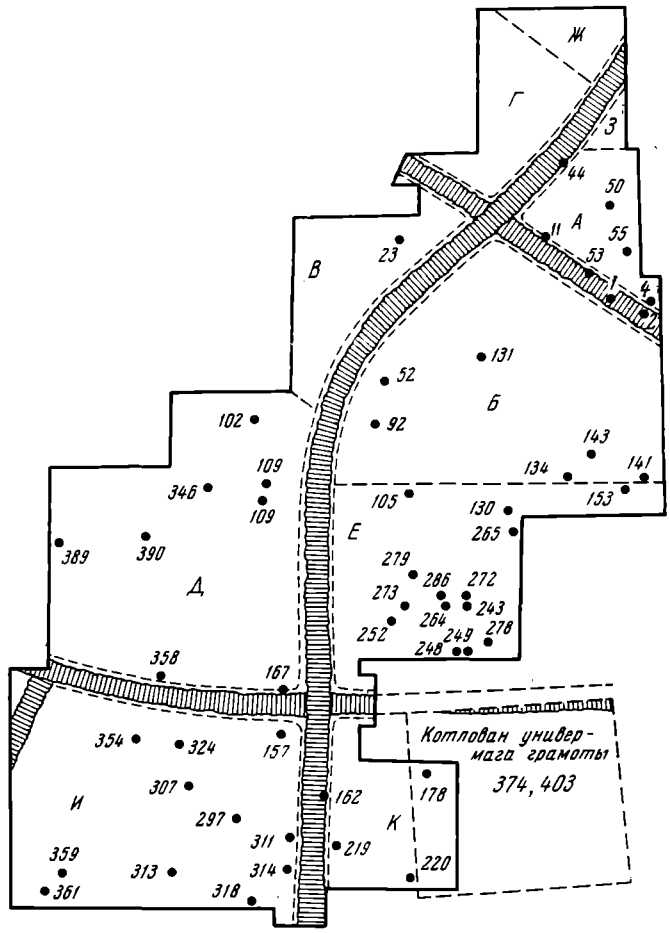


Рис. 1. План находок грамот с географическими названиями на Неревском раскопе (буквы обозначают усадьбы, цифры — № грамот)

У с а д ь б а И. Все грамоты, за исключением № 324, обнаруженные на территории этой усадьбы, относятся к кругу феодальных и составляют деловую переписку феодалов с их слугами на местах, сообщения о приобретении новых деревень, жалобы крестьян и т. п. А это, в свою очередь, дает возможность определить владения феодала, проживавшего на этой усадьбе. Основная трудность в таком определении заключается в том, что упоминаемые в грамотах географические названия весьма распространены. И все-таки эта трудность, за редким исключением, преодолима.

Существует несколько географических пунктов, известных по источникам лишь в одной из пятин Новгорода. Так, населенные пункты под названиями Избоища, Городня, Парфа (№ 307) и Десятцкое (№ 253) известны только в Шелонской пятине. О некоторых с большой степенью вероятности можно говорить, что они находились на территории одной пятины. Это особенно отчетливо видно на примере грамоты № 318, в которой перечислены деревни Токова, Островна, Ротковицы. Деревня Токова в источниках встречена лишь один раз — она описана в писцовой книге Шелонской пятины, а дер. Островна упоминается и в Деревской, и в Шелонской пятине в том же погосте. Основываясь на этом, мы можем предположить,

что населенные пункты, упомянутые в грамотах этой усадьбы, с географическими названиями, встречающимися в различных пятинах, а также и в Шелонской, по-видимому, могут быть отнесены к последней. К территории Шелонской пятины таким образом мы относим: Черенчицы (№ 311, 157), Пустошь (№ 359), Лунино (№ 314).

Наряду с перечисленными выше населенными пунктами, имеется еще ряд пунктов, находившихся в различных частях новгородской земли. В грамоте № 361 упоминается с. Пытарево на р. Шижня (Обонежская пятина), а в грамоте № 313—дер. Смердыня. Деревня Смердыня известна в Вотской пятине, в Бежецкой пятине была волость Смердыня. В Вотской пятине находилось с. Княжостров на острове того же названия (№ 324). В грамоте № 354 упоминается Юрьев монастырь. О существовании населенного пункта Рагуйлово сообщает нам грамота № 297. В источниках подобное название неизвестно.

У с а д ь б а Е. Грамоты, найденные на территории усадьбы, за исключением пяти (№ 105, 153, 252, 248, 249), по содержанию относятся к кругу феодальных.

В ранних грамотах (№ 105, 153) упоминаются Переяславль на р. Трубеже и Славенский конец Новгорода. Необходимо отметить, что среди грамот усадьбы Е весьма четко выделяются «карельские» грамоты (№ 286, 278, 130, 248, 249), в которых перечислены географические пункты Карелии. В грамоте № 286 упоминаются граница между Новгородом и Швецией, Ботнический залив и Каянская земля, а в грамоте 278 — Лаидикола, Калиница и Курола, известные в Кирьяжском погосте Вотской пятины. В этом же погосте была и дер. Кюлолакша (№ 130). В двух грамотах упоминаются Кирьяжский и Кюлолакшский погосты Вотской пятины, небольшой полуостров или мыс Вымолчи на Ладожском озере (№ 248), жители западнокорельского погоста Саволакс, оз. Коневы Воды и Жабий Нос (по-видимому, название одного из мысов этого озера). Озеро Коневы Воды находилось в Ильинском Иломанском погосте Вотской пятины. В Вотской пятине находилось также с. Муравичи (№ 273) и крепость Копорье (№ 272). Возможно, что в этой пятине находилось и с. Пытарево (№ 243) [4]. Однако в источниках подобное название неизвестно.

О пограничном районе Вотской и Шелонской пятин говорят грамоты № 265 и 134, в которых упоминается область по р. Луге. В Шелонской пятине находились села Плищь (№ 252) и Курицкое (№ 264), а в Обонежской пятине — с. Пашозеро.

Отвечая на поставленный выше вопрос, можно сказать, что географические пункты, упоминаемые в грамотах, найденных на усадьбах Д, И и Е, дают возможность связать с определенными территориями новгородских земель лишь две усадьбы — Е и И. Из 26 грамот этих усадеб географические пункты, упоминаемые в десяти, находились в Вотской пятине, восьми — в Шелонской и двух — в Обонежской. Земельные владения феодалов, проживавших на усадьбе Е, находились в Вотской пятине, а феодалов из усадьбы И — в Шелонской, причем пять из шести грамот, упоминающие населенные пункты Шелонской пятины, являются письмами крестьян и боярских слуг. Усадьбы эти принадлежали известному в истории Новгорода боярскому роду Мишиничей. На усадьбе Д представителей этой фамилии мы застаем в первой половине XIV в., а на усадьбах Е и И — в середине XIV в. Это говорит о том, что грамоты № 390, 346 и, по-видимому, № 324 не относятся к грамотам, принадлежавшим этой семье, а также, что земельные владения Мишиничей сосредоточены, в основном, в Шелонской, Вотской и отчасти в Обонежской пятинах.

Перечислим географические пункты, упоминающиеся в грамотах, найденных на других усадьбах.

[4] Это предположение основывается на том, что фамилия автора грамоты — Карелин — дает возможность предположить, что он был карелом или жил в Карелии.

У с а д ь б а А. Названия населенных пунктов в грамотах № 55, 50, 11 в источниках отсутствуют. Упоминаемое в грамоте № 4 Городище находится в трех километрах от Новгорода.

У с а д ь б а Б. Географические пункты в трех грамотах довольно легко отыскиваются на картах. Это — земли по рекам Кокшенге и Пуе, а также в бассейне Северной Двины за волоками, которые связывали Белое озеро с озерами Воже и Кубенским (Заволочье); Пудога — населенный пункт на р. Водла; Сямозеро (теперь озеро в Карельской АССР), на южном берегу которого находился Сямозерский погост. Населенных пунктов Мовозеро (№ 141) и Спехово (№ 92) в источниках нет.

На усадьбах В и Г обнаружены грамоты № 23 и 69, в которых упоминается дер. Пустопержа Шелонской пятины и города Ярославль и Углич.

У с а д ь б а К. В грамотах, найденных на этой усадьбе, упоминаются: нижнее течение р. Сясь (№ 219), озера Черменец (№ 220) и Хвойно, Ещерский уезд, по-видимому, получивший свое название от правого притока Луги р. Ящеры. Названия населенных пунктов Замолмовсовья, Симовля (№ 178) в источниках отсутствуют.

Наряду с перечисленными грамотами непосредственно на мостовых Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц были обнаружены еще шесть. Населенные пункты Злостьицы и Пелемчи (№ 167, 162) в источниках отсутствуют, а деревни Озеры (№ 53), Меново, Мохово, Васильево, Овсеево, Щадрино, Ошвино, Вабиних, Хариново, Менов Стан (№ 1) если и встречаются в источниках, то в различных частях новгородской земли, а поэтому привязать их к какому-нибудь определенному району невозможно.

В двух грамотах упоминается Игугмар Наволок (западный берег Водлозера), Великий остров (№ 2), находившийся на одном из его островов, а также земли Ливонского ордена (№ 44).

На соседнем с усадьбой К строительном котловане были обнаружены еще две грамоты, в которых упоминаются деревни Сандалакша и Погии, находившиеся в Кирьяжском погосте Вотской пятины (№ 403) и дер. Валена Деревской пятины (№ 374).

Из 54 грамот, упоминающих в тексте географические пункты, в 13 грамотах [5] упомянуты пункты, лежащие вне пятин Новгорода, в 12[6] — пункты в источниках неизвестны, столько же грамот относится к Вотской пятине [7], 11[8] — к Шелонской, 5[9] — к Обонежской и две[10] — к Деревской, Из этого следует, что раскопанная часть Неревского конца была, в основном, связана с районами Вотской, Шелонской и Обонежской пятин.

Как известно, Новгородская земля была разделена на пять областей— пятин, получивших названия Деревская, Шелонская, Вотская, Обонежская, Бежецкая. Когда же возникло это деление? По этому вопросу мнение исследователей разделяется. Одни считают, что пятины возникли в период Новгородской независимости [11]. Другие исследователи, наоборот, считают, что пятины были образованы после завоевания Новгорода Москвою. А. М. Андрияшев, мнение которого, по-моему, наиболее верно, писал: «Пятины, о которых так упорно умалчивают все достоверные источники Новгородской истории до самого конца XV в., вовсе не существовали до присоединения Новгорода к Московскому государству и, следовательно, установление их всецело принадлежит Московскому прави-

---

[5] 4, 52, 143, 69, 346, 358, 102, 109, 105. 153, 286, 354, 44.
[6] 55, 50, 11, 141, 92, 243, 297, 53, 1, 167, 162.
[7] 273, 272, 278, 130, 134, 265, 248, 249, 324, 313, 178, 403.
[8] 23, 252. 264, 318, 314, 311, 157, 359, 307, 220.
[9] 131, 279, 361, 219, 2.
[10] 390, 374.
[11] Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. ИЗ, 1938, 2, стр. 154.

тельству» [12]. По-видимому, в древности новгородская земля была разделена на ряд «областей» [13]. Такими «областными территориями» были Псковская, Ладожская, Водская, Ижорская, Карельская, Лопская, Яжелбицкая, Лужская и др.

Упоминание в берестяных грамотах конца XIV — начала XV в. (№ 134, 265) одной из этих областей (Лужской) свидетельствует против образования пятинного деления Новгородской земли в XIV — начале XV в. или ранее. О связи этих областей с определенными концами Новгорода мы можем говорить, основываясь на данных берестяных грамот. Грамоты, найденные на Ильинском раскопе, сообщают о получении «серебра» с Заволочья, а некоторые грамоты (№ 281, 286), найденные на Неревском раскопе, рассказывают о делах собирателей карельской дани, проживавших на усадьбе Е. На этой же усадьбе жил и боярин Сидор, также собиравший дань с Карельской земли. Не случайны поэтому были находки на этой усадьбе грамот карел, адресованных «Господину Новгороду». Часть земельных владений бояр этой усадьбы, как установлено, находилась на территории Вотской пятины. По-видимому, участие Юрия Онцифоровича в походе против шведов под Выборг было вызвано его личными интересами в этом районе. Не исключена возможность, что земельные владения бояр, проживавших на этих усадьбах, первоначально концентрировались в тех областях, с которыми был связан Неревский конец.

С XIII в. в Новгороде начинается процесс захвата новых земель феодалами, который особенно усилился в XIV в. Боярство начинает приобретать земельные участки в различных частях Новгородской земли, что, по-видимому, должно было в значительной степени подорвать старые традиции. Это явление очень хорошо прослеживается по грамотам усадеб И и Е, принадлежавших семье Мишиничей. Мы видим, что земельные владения этих бояр разбросаны в различных частях Новгородской земли. Очевидно, наряду с расширением городских усадеб посадничьей семьи [14] происходит расширение и боярского землевладения. Начиная с владений какой-то определенной области, эта посадничья семья постепенно приобрела обширные земельные участки, находившиеся в разных областях Новгородской земли. Все это объясняет, почему географические пункты, упоминаемые в грамотах Неревского конца, так сильно разбросаны по Новгородской земле.

В заключение мне хочется еще раз отметить, что принимая для большего удобства в работе пятинное деление Новгородской земли, ни в коем случае нельзя забывать о том, что это административное деление является поздним и не отражает действительного деления Новгородской земли в интересующее нас время.

У с а д ь б а А находится в северной части Неревского раскопа у перекрестка Великой и Холопьей улиц. На усадьбе были найдены грамоты № 55, 4, 50, 11.

Грамота № 55. «... господине, возми дворнюю х Фомине жене в Акосово...» [15]. Акосово — село. В источниках не упоминается.

---

[12] А. М. А н д р и я ш е в. Материалы к исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. М., 1914, стр. LIII.

[13] А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля» и образование территории «Древнерусского государства». М., 1951, стр. 124.

[14] В. Л. Я н и н. Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 111.

[15] А. В. А р ц и х о в с к и й, М. Н. Т и х о м и р о в. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (грамоты 1—10); А. В. А р ц и х о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (грамоты 11—83); А. В. А р ц и х о в с к и й, В. И. Б о р к о в с к и й. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (грамоты 84—136); о н и ж е. Ук. соч. (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (грамоты 137—194); о н и ж е. Ук. соч. (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (грамоты 195—318); А. В. А р ц и х о в с к и й. Ук. соч., (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963 (грамоты 319—405).

Грамота № 4. «От Миките ко Церту. Цто есмь руцил у Петра на Городищѣ...». Городище расположено на правом берегу р. Волхова, вверх по течению, в 3 *км* от Новгорода.

Грамота № 50. «...Волосе на Хомутини у...». По-видимому, слово «Хомутина» употреблено в смысле «подкладка под хомут» [16].

Грамота № 11. «По поклонъ от Смешка Фоми цо оставиле в Оцекозе у Микиши...». Оцекоза — название местности. В источниках не упоминается.

У с а д ь б а Б находится к югу от усадьбы А у перекрестка Великой и Холопьей улиц. Частокол отделяет ее от усадьбы Е. На территории усадьбы были обнаружены грамоты № 52, 141, 143, 92, 131, 134.

Грамота № 52. «40 беле в Пуе 1, а в Кокше...». Комментируя эту грамоту, А. В. Арциховский отмечает: «Очевидно, было написано: «в Кокшенге» [17]. Река Кокшенга (приток Устьи) впадает в приток Северной Двины — Вагу. Впервые р. Кокшенга упоминается в летописи 1452 г., когда «князь велики Иван да царевич с ним шед на Кокшенгу и градки их поимаша, а землю ту всю пусту попелениша и в полон поведоша; а ходиша до Усть-Ваги...» [18]. Область по р. Кокшенге называлась Кокшенгской землей, населенной кокшарами. В этой земле летописец отмечает и города, один из них (Кокшенгский), по-видимому, находился на месте Ракуло-Кокшенгского погоста в 75 верстах от Вельска [19]. Можно предположить, что в грамоте упоминается не р. Кокшенга, а Кокшенгская земля [20].

Пуя — приток р. Ваги (приток Северной Двины). На этой речке в 113 верстах от Шенкурска находилось и селение Пуйское [21]. По аналогии с предыдущим названием мы можем предположить, что здесь упоминается не р. Пуя, а область по этой реке.

Грамота № 141. «А цто сѧ подите на Мовозери...». Мовозери — название местности. В источниках не упоминается.

Грамота № 143. «5 Заволочкое». Заволочье — владения новгородцев в бассейне Северной Двины, за волоками, связывавшими Белое озеро с озерами Воже и Кубенским.

Грамота № 92. «На Спѣховѣ...». Спехово — село. В источниках не встречено.

Грамота № 131. «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сѣргиѣ взѧле изо Оѧтѣ... ...ѧ были о русалеѧхо в Пудогѣ. А цто про Сѧмозерци хедыле есемо не платѧце, а плаатѧце в томо цто промежи рѧду нѣту. А ныне Сѧмезерци в городѣ. Говорѣ с нѣми саме. А ѧ с ти, осподине, буду. А ѧ борзо буду. А нине есеме к тобѣ рибоко послалѧ. А во Шуѣ ни лидиѣ ни ловоу». Пудога — современный город Пудож, расположен на р. Водле, впадающей в Онежское озеро. Оять — река, приток Свири. Сямозеро — озеро в Карельской АССР. На южном берегу этого озера находился Сямозерский погост [22]. Возможно, что упоминаемые в грамоте сямозерци и были жителями этого погоста. Шуя — река. Берет начало на оз. Суоярви и впадает в Онежское озеро.

Грамота 134. Найдена в перекопе у самого частокола, отделяющего усадьбу Б от усадьбы Е; как и грамоты № 259, 265, найденные на усадьбе

---

[16] А. В. А р ц и х о в с к и й. Ук. соч. (из раскопок 1952 г.), стр. 54.

[17] Там же, стр. 56.

[18] ПСРЛ, VI, СПб., 1853, стр. 80.

[19] Е. К. О г о р о д н и к о в. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого Чертежа». СПб., 1875, стр. 150; Списки населенных мест Российской империи. Вологодская губерния, VII, СПб., 1866, стр. 86, № 2467.

[20] Как отмечает М. Любавский, «по актам первой половины XVI в. и частью — по данным летописей видно, что к Устюжской земле принадлежали волости... Кокшенга по р. Кокшенга...». М. Л ю б а в с к и й. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 95.

[21] Е. К. О г о р о д н и к о в. Ук. соч., стр. 139.

[22] Списки населенных мест Российской империи, XXVII. Олонецкая губерния. СПб., 1879, стр. 12, № 129.

Е, она написана одним и тем же человеком по имени Григорий. Можно предположить, что грамота № 134 принадлежит к грамотам, найденным на усадьбе Е, поэтому рассмотрим ее вместе с ними.

Усадьба В расположена напротив усадьбы Б у перекрестка Великой и Холопьей улиц. На территории этой усадьбы найдена одна грамота.

Грамота № 23. «... Было есми, осподинь, на Пустопьржи...». Пустопержа — деревня, находившаяся на верхнем течении р. Плюсы в Которском погосте Шелонской пятины [23].

Усадьба Г расположена в северной части Неревского раскопа у перекрестка Великой и Холопьей улиц. На территории усадьбы найдена одна грамота.

Грамота № 69. «... Я на Ярославли, добръ здоровъ и с Григоремь. Углицане замерзьли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту плкъ дружина». Ярославль — один из древнейших городов. Расположен на Волге при впадении в нее р. Которосль. Углич — город на Волге.

Усадьба Д расположена у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. С севера она отделена от усадьбы В частоколом. На территории усадьбы были обнаружены грамоты № 109, 390, 346, 389, 358, 102, 340.

Грамота № 109. «... Коупилъ еси робоу Плѣскове...». Псков — один из древнейших русских городов, расположен на р. Великой при слиянии ее с р. Псковой.

Грамота № 390 (рис. 2). «Болого жь 2 жерьбьа Козьлеско, Плѫтьць 2 жерьбеа. Во Подогореи плисина 2 жьребьа. Старо поле, Завьтьрение по Рыдино 2 жеребьа. А бороть по рѫцьи Поголиное и по конлжь людьщико до Ѫсть Воломи 2 жьрьбеа. А Поголиное рѫцье за Ньтьцье и до Колина во Хомое и за Ивьницѫ. А Борислав ѫ дорѫгаа соторона Нетьца по Цьрьтово рѫцьи и до вьрьховьа и по пѫть Рыдьньскоп».

Надпись на другой стороне:
«Козелеско дорогу, не плисина, Завьтьрьние». А. И. Попов, комментируя эту грамоту, отмечает: «Важно то, что указано: до усть Волмы, т. е. до Усть-Волмы. Название это — единственное в своем роде. Река Волма впадает в реку Мсту в 113 *км* от впадения последней в Ильмень. Усть-Волма — наименование селения при усть Волмы...Указанное в грамоте № 390 «Завьтьрение» означает «Заветренье», т. е. угодье за речкой Ветренкой, которая здесь протекает, впадая в другой приток Мсты — Холову» [24].

Знакомство с подробными картами дает возможность установить некоторые из перечисленных в грамоте названий. Так, «Болого жь» — несомненно название населенного пункта «Бологжо», находящегося на р. Холове невдалеке от впадения в нее р. Ольшанки. В настоящее время это место заросло лесом. В 2—3 *км* от этого места, вниз по течению р. Холовы, находится дер. Плутцы, в 6 *км* от которой расположена дер. Рыдино, также упоминаемая в этой грамоте.

Выезд автора этой статьи в августе 1964 г. на место дал возможность определить еще несколько названий. Так, «Старо поле» существует и ныне. Этим именем называется пашенное поле дер. Рыдино, находящееся невдалеке от р. Холовы.

Название «Козелеско», вероятно, можно отождествить с названием сенокосного луга «Корельско» по ручью Корельскому, впадающему в ручей Долевец, который, в свою очередь, впадает с левой стороны в р. Холову. От «Корельско» до Плутцов всего 3 *км*.

Весьма интересны два следующих места из разбираемой грамоты: «коня жь людьщико до усть Воломи» и «по путь Рыдьньскои». А. И. Попов, объясняя это место в грамоте, пишет: «Слово «людщик» означает на Севе-

[23] А. М. Андрияшев. Ук. соч., стр. 143—144.
[24] А. В. Арциховский. Ук. соч. (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 93.

ре «большую дорогу», «проезжий тракт...», поэтому слово «людьщико до усть Воломи» надо читать «большой дорогой до Усть-Волмы» [25]».

В настоящее время здесь проложены новые грунтовые дороги. Однако местные жители еще помнят о существовании старой дороги, соединяющей Усть-Волму с Рыдином. Эта дорога называлась Дубицкой (рис. 2).

Грамота № 346. «... Молови Ратемирѹ. Оти сѧ соцете со моною, молови ... алево Торожеку...». Торжок расположен на р. Тверце, левом притоке Волги.

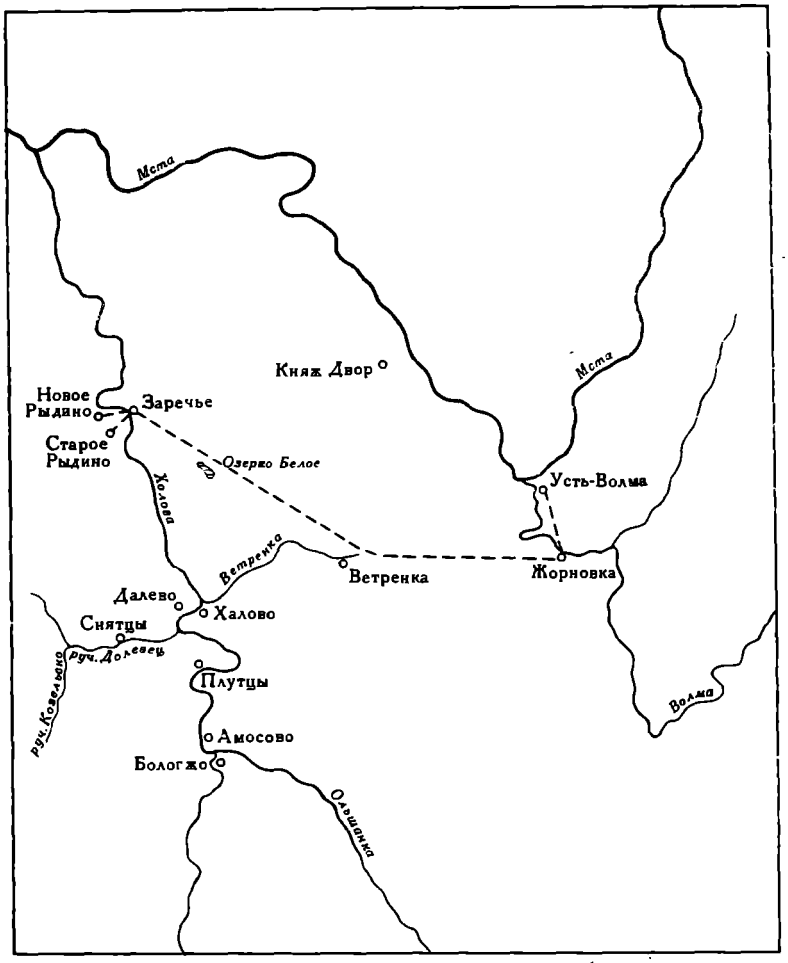


Рис. 2. Схематическая карта к грамоте № 390

Грамота № 389. «ѿ Лоукы ко Марфи. Цто Олекса Колбинць...». Названный здесь Алексей Колбинец, по-видимому, происходил из дер. Колбино, которая находилась в Кириловском уезде Петропавловской волости на ручье Шебуниха в 85 верстах от уездного города [26].

Грамота № 358. В этой грамоте, как и в грамоте № 346, упоминается Торжок.

Грамота № 102. «... Староста Олескандрова погоста бѣѥть целомъ...». На одном из островов, находящихся в излучине Северной Двины, существовало селение Троицко-Ухтостровское, расположенное в 8 верстах от Холмогор. Как отмечает Е. К. Огородников, «называлось также и Александровским погостом и Ухтостровско-Богоявленским приходом» [27].

[25] Там же, стр. 91.

[26] Список населенных мест Новгородской губернии, X, Новгород, 1912, стр. 66, № 31.

[27] Е. К. Огородников. Ук. соч., стр. 113.

Грамота № 340. «... понъщст». А. В. Арциховский считает, что здесь читается слово «Поностров» [28]. Источники это название не упоминают.

У с а д ь б а Е расположена у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц к югу от усадьбы Б. На территории усадьбы были обнаружены грамоты № 105, 153, 286, 273, 252, 278, 279, 264, 253, 130, 265, 248, 249, 243.

Грамота № 105. «... Оже то ѥси казале Несъдѣ вѣверичь тихъ дѣла, коли то еси приходиле въ Роусъ съ Лазъвкъмъ тъгъдъ възале оу мене Лазъвке Переѧславълѣ». Русью в XII в. называлась Киевская земля, включавшая в себя Киевское, Черниговское и Переяславское княжества. Переяславль, названный в летописях Русским, расположен на р. Трубеже, левом притоке Днепра.

Грамота № 153. «... А живе во Славне со Коуиже...» Славно — юго-восточная часть Новгорода.

Грамота № 286. «... миро взѧлѣ на старои межѣ Юриѧ кнѧзѧ... ѧ послалѣ корѣлѣ на Каѧно море. А ... омѣшаі, не испакости каѧнецамо, ни соби...». Старая межа князя Юрия — граница между Новгородом и Швецией, установленная по Ореховецкому мирному договору в 1323 г. «Каяно море» — это Ботнический залив, получивший свое русское название по имени Каянской земли, простиравшейся к востоку от северной части Ботнического залива до северных берегов Норвегии [29]. В XII—XIII вв. на этой территории жило финское племя квенов.

Грамота № 273. «Поклоно ѿ Павла і ѿ всих Мравгици ко Юрегѳ і ко Офоносѳ...». А. В. Арциховский отмечает, что в данном случаевозможно чтение «Мравици», «Мравичи». В писцовой книге Водской пятины упоминается с. Муравичи [30].

Грамота № 252. «... у есть у мьнь убилѣ, а живото есть у мьнь разграбилѣ лѣзни мѧ въ Плищь...». В Новгородских писцовых книгах в Деревской, Шелонской и Бежецкой пятинах упоминается дер. Плищево [31].

Грамота № 272. «... Рать ударила подо Копорию...». Копорье — крепость. В «Книге Большому Чертежу» мы читаем: «А от Иванягорода 20 верст город Копорье на берегу Котлина озера» [32].

Грамота № 278. «... у Иголаи довѣ и в Лаидиколѣ полорубла и 2 куницѣ. У Лѣинуѧ в Лаидиколѣ 6 бѣло... у Захарии і в Калиница полосорока и 5 и 5 бѣло... у Муномѣла в Куролѣ...». В переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. находим в Кирьяжском погосте дер. Лаидикола на Лахте [33] на Лаидикольской, а в числе деревень «Спас Валамского» и «Пречистого Коневского» монастырей — дер. на Куролежи [34]. Кирьяжский погост был расположен у северо-западной части Ладожского озера. До 1950 г. территория этого погоста входила в состав Куркийокского района Карело-Финской ССР [35].

Грамота № 279. «Поклонъ ѿ старостѣ Михалѣ и ѿ всѣхъ пашазерчевъ...». Село Пашозеро на озере того же названия существует и ныне. Оно находится в восточной части Ленинградской области. Из этого озера берет начало р. Паша, впадающая в р. Свирь.

[28] А. В. А р ц и х о в с к и й. Ук. соч. (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 29.

[29] Каянская земля находилась на месте современной финляндской области Остерботании. И. П. Ш а с к о л ь с к и й. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков. Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962, стр. 76—77.

[30] Новгородские писцовые книги, III, СПб., 1868, стр. 839, 849, 850, 861.

[31] Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, II, 1862, стр. 165; V, СПб., 1905, стр. 119, 122, 129, 641; VI, СПб., 1910, стр. 72, 114, 643; А. М. А н д р и я ш е в. Ук. соч., стр. 64, 302.

[32] Книга Большому Чертежу. М.— Л., 1950, стр. 153.

[33] Лахта — название небольших мелководных заливов на севере СССР. БСЭ, 24, М., 1953, стр. 371.

[34] Переписная окладная книга Водской пятины 1500 года. Временник. МОИДР, XII, М., 1852, стр. 126, 127, 140, 141.

[35] И. П. Ш а с к о л ь с к и й. Ук. соч., стр. 72.

Грамота № 253. «ѿ Маскима ко Десѧцѧнамо...». Село Десятцкое находилось в Заверяжье [36] Шелонской пятины.

Грамота № 264. «... ѿ ѡнании ѿ Курицкого 4...». Онания Курицкий — уроженец села Курицкого. Такое село поныне существует под Новгородом на западном берегу Ильменя.

Грамота № 130. «... у Валита в Кюлолакши 14 локти хѣри... у Мѣлита в Куролѣ 4 локти хѣри». О деревне на Куролежи говорилось выше. Деревня Кюлолакша находилась в Кирьяжском погосте [37], однако, основываясь на летописном сообщении 1396 г. и на тексте грамоты № 248, где назван «Кюлолаский погост» [38], можно предположить, что она находилась в это время в Кюлоласком погосте, который к 1500 г. слился с Кирьяжским [39].

Грамота № 265. «... воспатѣ во Лугу иди...». Словом «Луга» обозначалась область по этой реке. Река Луга начинается из Тесовских болот и впадает в Лужскую губу Финского залива.

Грамота № 134. «... а Недана пошли во Лугу ко Илину дни». См. предыдущую грамоту.

Грамота № 248. «Бѣють челомъ корила Погоскѧ, Кюлоласкаѧ и Кюріѥскаѧ Господину Новугороду. Приобижени ѥсмь с нимецкоі половинѣ. ѡцтина ѥаша и дидѣна... а нас оу Вымолчовъ, господда, имали, крецете ...». Эта грамота была написана карелами двух погостов: Кюлолаского и Кюриеского. Кюриеский погост — Кирьяжский погост, известный по летописям и по писцовым книгам, находился у северо-западной части Ладожского озера, а Кюлолаский или Кюлолакшский погост находился между Городненским и Кирьяжским и к 1500 г. он уже слился с последним. Комментируя эту грамоту, И. П. Шаскольский отмечает, что для характеристики населения этих погостов весьма важно «выражение «у нас у Вымолчов...». По документам XV в. известно о существовании в Карельском Поморье (на западном побережье Белого моря) «пяти родов карельских детей», причем один из родов носил название «Вымочи»... Разбираемый документ впервые дает прямое подтверждение существования одного из этих пяти родов в XIV в. на основной карельской племенной территории в Приладожье. Косвенное подтверждение существования рода Вымолчей в том же Кирьяжском погосте дают сведения топонимики рубежа XV—XVI вв. Видимо, население Кирьяжского и соседнего Кюлолакшского погостов принадлежало к Карельскому роду Вымолчи» [40].

Однако полностью согласиться с выводами И. П. Шаскольского нельзя. В рассматриваемой грамоте написано: «а нас оу Вымолчовъ...», а не «а у нас у Вымолчовъ...», как это делает И. П. Шаскольский. Более правильно в данном случае мнение А. В. Арциховского, который считает, что Вымольцы — возможно, имя местности [41]. Существование небольшого полуострова или мыса на Ладожском озере и деревни на нем с одинаковым названием «Вымольской наволок» зафиксировано в «Переписной окладной книге Вотской пятины 1500 года» [42], поэтому вряд ли мы имеем право так категорично утверждать, что в конце XIV в. население Кирьяжского и Кюлолакшского погостов принадлежало карельскому роду вымолчей. К сказанному выше необходимо добавить, что топонимические данные хотя и дают основание говорить о том, что племенная территория «Вымолчей» (до их переселения) находилась в Кирьяжском погосте, но не дают права

---

[36] А. М. Андрияшев. Ук. соч., стр. 3.

[37] Временник МОИДР, XII, стр. 122.

[38] НІЛ, М., 1950, стр. 387; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 72, 73.

[39] И. П. Шаскольский. Ук. соч., стр. 73.

[40] Там же, стр. 73, 74.

[41] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч., (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 73.

[42] Временник МОИДР, XII, стр. 122, 124.

утверждать, что вся территория этого погоста в рамках 1500 г. принадлежала этому роду, так как здесь, по-видимому, находились еще Вальдольцы (деревня Волдола в Кулласкаа переваре), Тиврольцы (дер. Тиврола в той же переваре) и Курольцы (деревня на Куролежи в том же погосте) [43].

Грамота № 249. «... оу Питина сына, оу Iгалѣ и оу Микитѣ третиѥго л... на 14 рублѣ Микулинь человѣкь Стеньна... Коневыхъ Водахъ оу Жѧбия Носа ооуби... насъ... вуѥва сына и Кавкагалу. А оузѧлѣ товара на 10 рублевъ Киреѥвь сыно ино взѣ лопинь. Лонѣ оу Гювиѥва сына оу того жь Жѧбѣя Носа приѥхавшѣ Севилакшанѣ 8 человѣкъ взѧлѣ товара на 5 рублевъ і лотку. На тых жь Коневыхъ Водахъ оу Мундуя оу Вармина сына взѧлѣ 10 лендомъ рыбъ...».

Севилакшане — жители западно-карельского погоста Саволакс, отошедшего по Ореховецкому мирному договору к Швеции. Этот погост занимал значительную территорию в бассейне оз. Сайма. Упомянутое в этой грамоте оз. Коневы Воды является одним из плес этого озера. Озеро Сайма, как отмечают писцовые книги, находилось в Ильинском Иломанском погосте [44]. Жабий Нос — по-видимому, один из мысов этого озера.

Грамота № 243. «Поклонъ ѿ Сменка ѿ Корѣлина. Пришле, господине, т кобѣ на село на Пытарево...». Село Пытарево в источниках не упоминается.

У с а д ь б а И расположена в южной части раскопа у перекрестка Кузьмодемьянской и Великой улиц. На усадьбе были обнаружены грамоты № 324, 318, 354, 314, 311, 361, 313, 359, 157, 297, 307.

Грамота № 324. «... до селу на Княжоострови...». Деревни с этим именем известны в Вотской пятине [45] и на Княжострове в Северной Двине, находившемся между Кургией и Лисичаостровом. В «Списках населенных мест Архангельской губернии» деревня на Княжострове, носившая ранее название Княжостровской, известна уже под именем Невинской или Ближнего острова и находилась в 37 верстах от Архангельска [46].

О существовании пустоши Княжева Острова в Старорусском уезде Новгородской губернии сообщают «Описи экономических примечаний периода генерального межевания и материалов к ним», хранящиеся в Центральном Государственном Архиве древних актов [47].

Грамота № 318. «Се купило Михало у князя великого бороце, у Василия, Одрѧна кузнеця и Токову, и Островну, и Ротковици Кодраця, и Ведрово....» В Новгородских писцовых книгах упоминаются деревни Островна — в Деревской и Шелонской пятинах, Токова — в Шелонской пятине, Ведерниково — в Бежецкой и Шелонской пятинах, Ведрилово— в Шелонской пятине; дер. Ротковицы не упоминается. Правда, в Дремяцком погосте Шелонской пятины имеется оз. Роковицкое. Возможно, что дер. Ротковицы находилось на Роковицком озере. В этом же погосте находилось с. Островна [48].

Грамота № 354. «... И диду молися, чтобы ихалы в Июриѥвъ монастиръ..». Юрьев монастырь находится в 3 *км* от Новгорода на р. Волхове.

Грамота № 314. «... Мѣкѣфорко хоцьть оу тьбе прошатѣся на Лунѣну. А на Лунѣнѣ человѣкъ добръ...». Новгородские писцовые книги знают дер. Лунина Гора в Шелонской пятине и дер. Лунино в Деревской пятине [49].

Грамота № 311. «Господину своѥму Михаилу Юреѥвичу хрестѧни твоі Черешани чело бию...». Новгородские писцовые книги знают дерев-

---

[43] Там же, стр. 123, 132, 140, 141.
[44] Там же, стр. 179.
[45] А. В. Арциховский. Ук. соч. (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 14.
[46] К. Е. Огородников. Ук. соч., стр. 111.
[47] ЦГАДА, ф. 1355..
[48] А. М. Андрияшев. Ук. соч., стр. 154, 159; Новгородские писцовые книги..., II, стр. 43; IV, СПб., 1886, стр. 131, 225; V, стр. 24, 112, 342; VI, стр. 366.
[49] Новгородские писцовые книги..., I, стр. 276; IV, стр. 452.

ни Черенска — в Шелонской пятине, Черенско и Черенское — в Бежецкой пятине, Черенчевский погост — в Деревской и Шелонской пятинах, волость и дер. Черенчичи — в Шелонской пятине [50]. В списках населенных мест Новгородской губернии в Старорусском уезде на р. Ловать в 31 и 32 верстах от уездного города отмечены Черенчицкий погост и Черенчицы [51].

Грамота № 361. «Поклонъ ѿ Шижнанъ Побратиловиць господину юкову...». Шижня — река, приток Паши. Шижневский погост находился в 27 верстах от Тихвина. Погостом Спаским на Шижне он назван в Писцовой книге 1583 г. [52] Побратиловцы — жители дер. Побратилово или Братилово. В источниках деревень с этим названием нет. Однако в 66 верстах от Тихвина обозначена дер. Ратила [53]. Возможно, что крестьяне, написавшие это письмо, были жителями дер. Ратила.

Грамота № 313. «Господину Михаілу Юрьєвичю челомъ биютъ хрестьяни твои Смердыньскиі ...». Новгородские писцовые книги знают дер. Смердыня в Вотской пятине и волость Смердыни в Бежецкой пятине [54].

Грамота № 359. «... А Василке, село Пустоши, вежу свезле, двѣрѣ 3 свезле. А Селоана вхыхъ се грозитьце у Ладогу звати...». Села с именем Пустоши известны в Даревской, Бежецкой и Шелонской пятинах [55]. Ладога — ныне Старая Ладога, находится на левом берегу Волхова, в 12 *км* от впадения его в Ладожское озеро.

Грамота № 297. «Целобитьє ѿ Сергиѭ з братьєи изъ Рагуилова господину Михаили Юрьєвицу...». В источниках с. Рагуйлово неизвестно.

Грамота № 307. «Осподѣну Ондрѣяну Михаиловицю, осподѣну Микыти Михаилоцю, оспожѣ нашеи Настасьи Михаиловѣ женѣ челомъ бѣю хрѣстьянѣ Избоищанѣ. Здѣсе, осподо, у вашеи вълости ѧвляются позовницѣ оу Горотъне, и здѣ ѧвлятся ппозовници ложивы, и здѣсе, осподо, ѧвлятся рукуписание лживыѧ. А перепѣсысысывають вашь не требу. И дѣякъ позовниции, рукопѣсаниа лживыѧ творяться. Печатале. И ва Парфѣ, рукусаниуеѧ. А хрѣстьяне вашь вамъ, своеи осподи, челомъ бѣю». Избоища — починок, упомянут в писцовой книге Шелонской пятины. Городня — деревни с этим именем известны в Деревской и Вотской пятинах, а также в Которском и Рождественском погостах Шелонской пятины [56]. «Списки населенных мест Новгородской губернии» отмечают дер. Городню на р. Ловать в 80 верстах от уездного города [57]. Парфа — ныне поселок городского типа, находится на р. Ловать в Старорусском районе Новгородской области.

У с а д ь б а К находится в юго-восточном углу раскопа у перекрестка Великой и Кузьмодемьянской улиц. На усадьбе обнаружены три интересующие нас грамоты № 219, 220, 178.

Грамота № 219. «... Оу Данешиници за три гривене възимить верьшью на низъ Сяси...». Сясь — река, впадает в Ладожское озеро.

Грамота № 220. «ѳ попа на Церменце 2 горошка масла. Аѳ Кюриле гороху̀ цетвертина, ѳ святого же Петра...». Черменец — озеро, располо-

---

[50] Там же, II, стр. 110, 111, 122—132, 230, 367, 368, 374, 385, 613, 616; IV, стр. 20, 328, 329, 331, 332, 335—343, 362; V, стр. 48; 220, 221—223, 236; IV, стр. 5, 886, 897.

[51] Список населенных мест Новогородской губернии, III. Старорусский уезд Новгородской губернии. Новгород, 1909, стр. 114, № 35, 36.

[52] А. В. Арциховский. Ук. соч. (из раскопок 1958—1961 гг.), стр. 55.

[53] Список населенных мест Новгородской губернии, VII. Тихвинский уезд. Новгород, 1911, стр. 108, № 19.

[54] Новгородские писцовые книги..., III, стр. 392; VI, стр. 447—466, 566, 768—781, 812, 814.

[55] Там же, I, стр. 62, 247, 749, 790, 793, 813, 846; IV стр. 332; V, стр. 389, 398, 408, 414; VI, стр. 136, 797.

[56] А. М. Андрияшев. Ук. соч. стр. 143—144, 210; Новгородские писцовые книги..., IV, стр. 90, 100, 110; V, стр. 423.

[57] Список населенных мест Новгородской губернии, III. Старорусский уезд, стр. 94, № 12.

женное южнее г. Луги. На юго-западном берегу находился Петровский погост [58].

Грамота № 178. «.... Буди тоби сведомо, купиле ѥсомъ перво Максима Ѣщерски уѥздъ і Замолмовсови і своѥ сироти в Симовли, а на Хвоіни...». Ещерский уезд несомненно происходит от названия р. Ящеры (Ещеры — древнее название) правого притока р. Луги. Хвойно — озеро, современное название — Хвоилово. Это озеро образует р. Оредеж при слиянии с р. Лугой. Расстояние от озера до низовья р. Ящеры менее 10 *км* [59].

Грамоты, найденные на Великой улице. На мостовой этой улицы найдены грамоты № 44 и 162.

Грамота № 44. «... Науму Соленови. Хто мое целование не надоби... побегле во немьце, а товару...». А. В. Арциховский считает, что «бегство во Немьце» означает «бегство в земли Ливонского ордена» [60].

Грамота № 162. «... На Онане, на Пелемчахъ полтина...». В источниках название местности «Пелемчи» не упоминается. По-видимому, перед нами своеобразная форма слова «на племянниках», что тогда значило «на родственниках» [61].

Грамоты, найденные на Холопьей улице. На мостовой этой улицы обнаружены грамоты № 53, 2 и 1.

Грамота № 53. «.. Покосиле есмь пожню, и Озерице у мене сено отъяли...». «Озерици» — жители с. Озеры. Деревень с этим названием очень много в Новгородской земле.

Грамота № 2. «... Вельяказа 4 куница. Игугмор на Волоки куница. У Мятещи 2 куници... У Жидили куница. Воликом островѣ куница. У Вихтимаса 2 бѣлки...». А. И. Попов, разбирая эту грамоту, отмечает, что здесь упоминается не Волок, как считали раньше, а Игугмар Наволок. Он пишет: «Единственное близкое по звучанию географическое имя представляет название селения на Водлозере в Карелии: Гумар наволок... в Пудожском уезде Олонецкой губернии. Селение это древнее, по крайней мере оно указано в писцовых книгах XVI в. под названием Гумар-Новолок... На одном из островов Водлозера имеется, действительно, селение Великостров, один из двух с подобным именем во всем списке селений Олонецкой губернии XIX в.» [62].

Грамота № 1. В этой грамоте упоминаются села: Меново, Васильево, Овсеево, Овшино, Вабиних, Хариново, Мохово, Менов стан. Новгородские писцовые книги упоминают некоторые села с указанными названиями, но в различных частях Новгородской земли.

Грамоты, найденные на Кузьмодемьянской улице. Грамота № 167. «Чолобитьѥ ѿ мелника из Злостьици к Юрью к Оньцифорову...». Деревни с именем Злостьицы в источниках не встречено.

Грамоты, найденные вблизи раскопов. Грамота № 403. «У Марка коробѣ. У Гымуѥва брата полуторѣ бѣлки в Сандалакши. У Мунданахта 2 бѣлѣ. У Пюхтино коробѣ. То в Погии у наимита бѣлка». Деревня Сандалакша находилась в Кирьяжском погосте Вотской пятины. В этом же погосте упоминается дер. Погица в Кирьяшской и Очелашской переваре [63].

Грамота № 374. «... шестора луди ехали с Валена...». Деревня Валин Луг описана в Деревской пятине Великого Новгорода [64].

---

[58] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч. (из раскопок 1956—1957 гг.), стр. 42.

[59] Там же (из раскопок 1953—1954 гг.), стр. 63.

[60] Там же (из раскопок 1962 г.), стр. 46.

[61] Там же (из раскопок 1955 г.), стр. 48.

[62] А. И. Попов. Прибалтийско-финские личные имена в Новгородских берестяных грамотах. Тр. Карел. ФАН АН СССР, Петрозаводск, XII, 1958, стр. 96.

[63] Временник МОИДР, XII, стр. 121, 123, 139.

[64] Новгородские писцовые книги, II, стр. 741.

В. А. БАШИЛОВ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ МОЛЬО В БОЛИВИИ XI—XVI вв.

Археологические памятники Боливийского Альтиплано уже давно привлекали внимание путешественников и исследователей. Научное их изучение началось на рубеже нашего века. Однако все археологические исследования были направлены на разработку проблем, связанных с одной из замечательнейших культур Нового Света — Тиауанако. Памятники этой культуры разбросаны на равнине к югу от высокогорного озера Титикака и характеризуются высокой техникой обработки камня, монументальными сооружениями и замечательными образцами скульптуры и керамической росписи. Только недавно, с начала 50-х годов, начал появляться интерес к изучению остатков других культур, принадлежавших древнему населению Альтиплано. Он нашел свое выражение прежде всего в деятельности боливийских археологов (К. Понсе Санхинеса, Д. Э. Ибарра Грассо и др.). Большой вклад в это направление исследований внесли работы шведского ученого С. Ридена.

Археологическое изучение районов, лежащих к востоку от оз. Титикака, началось недавно. Однако К. Понсе Санхинесом и С. Риденом здесь исследована целая группа памятников, относящихся к одной очень своеобразной культуре. В местности Мольо (провинция Муньекас департамента Ла Пас) были раскопаны несколько могильников, расположенных близко друг от друга, которые, может быть, частично находились на территории поселений, давших материал, аналогичный могильникам [1].

Эта местность по своим природным условиям сильно отличается от Альтиплано. Расположенная на высоте 1550 *м* над уровнем океана и выше, она распадается на три зоны: жаркую (высота 1550—2200 *м*); умеренную (2200—3700 *м*), природные условия которой позволяют возделывать кукурузу, и холодную (3700 *м* и выше). Речная система этой местности входит в бассейн Амазонки.

Поселения [2]. Наиболее хорошо изучены поселения Пиньико, Пукачутуйох и Муча-крус, расположенные в жаркой и умеренной зонах. Здесь К. Понсе Санхинес обнаружил систему земледельческих террас и следы оросительных каналов из гладких камней. На таких же террасах стояли и жилища, построенные из адобов на каменном фундаменте с применением глины в качестве раствора. Эти дома имеют прямоугольную форму и довольно большие размеры (4,06 × 5,80 *м* в жилище № 1 на Пиньико).

Могильники. Погребения культуры Мольо располагаются как на территории поселений, так и вне их. Характерные погребальные сооруже-

[1] C. Ponce Songinés. Cuatro cistas prehispánicas de Piñiko. Khana, años IV—V, №№ 21—24, La Paz 1956—1957; его же. La cerámica de Mollo. Сб.: C. Ponce Sanginés. Aaqueología Boliviana. La Paz 1957; S. Ryden. Andean Excavations I: The Tiahuanaco Era East of Lake Titicaca. Ethnographical Museum of Sweden. Monograph Series, 6, Stockholm, 1957.

[2] К сожалению, полной публикации исследований на поселениях культуры Мольо нет, и мне приходится опираться только на их краткую характеристику, данную в работе К. Понсе Санхинеса (Cuatro cistas..., стр. 81—87).

ния — каменные цисты. Обкладка стен разная. Чаще всего она состоит из плит, поставленных на ребро. Количество плит различно (от четырех и более). Соответственно могилы в плане имеют форму от четырехугольника до круга (около 1 *м* в диаметре). Квадратные цисты встречаются очень редко. Иногда стены сложены из плоских камней, положенных горизонтально друг на друга. Могилы перекрыты плитами, рядами находящими одна на другую, хотя обычно это перекрытие не сохраняется in situ. Промежутки между плитами стен и крыши заложены мелкими камнями.

Покойники, насколько можно судить по размерам цист, свободному месту в них и незначительным остаткам костяков, хоронились сидя, коленями к подбородку. Умерших сопровождала погребальная утварь. Это прежде всего сосуды и иногда бронзовые булавки. Изредка встречаются каменные орудия.

Инвентарь. Среди найденных в могильниках культуры Мольо сосудов в первую очередь привлекают внимание те, формы которых сходны с сосудами, найденными в Тиауанако. Чаще всего встречаются небольшие чаши типа Е (по Беннету). Эти чаши, однако, несколько отличаются от тиауанакских, и обычно имеют прямые, а не вогнутые стенки. У некоторых на венчике сделаны налепы или утолщения, изредка они снабжены вертикальной ручкой у края (рис. 1, *5—7*, *20*). Интересна разновидность чаши, к краю которой прикреплен при помощи горизонтальной перемычки маленький сосудик такой же формы (рис. 1, *17, 22, 28, 43, 45, 46*). Этот вариант сосудов найден только в культуре Мольо и никогда не встречается в пределах основной зоны распространения культуры Тиауанако. Видимо, носители культуры Мольо, восприняв такую форму чаши, переделали ее в соответствии со своими вкусами.

Другая производная от керамики Тиауанако форма сосудов — кубки «керо»: — встречается в погребениях Мольо очень редко, но тоже чаще всего не является привозной (рис. 1, *2, 4*). Тем не менее бороздка, проведенная пальцем внутри сосуда по середине стенки, убедительно указывает на то, что чаши и кубки восходят к тиауанакским прототипам. Снаружи эта бороздка выступает валиком и часто подчеркивается параллельными полосками, нанесенными краской.

С. Риден включает в группу посуды, происходящей от керамики Тиауанако, сосуды с трубками. Они двух типов: сосуды с округлым туловом (рис. 1, *13*) и кубки (рис. 1, *14, 21, 26, 29, 38*). Однако в раскопках В. Беннета и самого С. Ридена на Тиауанако было найдено только по одному образцу первого типа[3] и ни одного кубка. В то же время только в коллекции из Мольо у С. Ридена содержится 11 сосудов с трубкой, причем шесть из них — кубки[4]. Такие сосуды нашел и К. Понсе Санхинес[5]. Кубки имеют очень своеобразную форму: несколько ниже середины имеется сужение, а выше стенки снова расширяются и приобретают легкую выпуклость. Снизу почти от самого дна кубка отходит трубка, которая соединяется перемычкой с венчиком. Она была предназначена для питья[6]. Очень часто на стороне, противоположной трубке, помещалась скульптурная личина. Этот прием как бы напоминает о моделированных сосудах Тиауанако, но весь вид этих изображений очень отличен от стиля тиауанакской пластики[7]. Все это позволяет говорить о возможном влиянии тиауанакских прототипов на оформление этой посуды, но остается открытым вопрос о происхождении такой своеобразной формы.

[3] W. C. Bennett. Excavations at Tiahuanaco. Anthropological Papers of American Museum of Natural History, v. 34, 3, New York, 1934, рис. 12, стр. 418; S. Ryden. Archaeological Researchés in the Highlands of Bolivia. Göteborg, 1947, рис. 8, Q; стр. 39.

[4] S. Ryden. Andean Excavations I..., рис. 11, *2*; 12, *2, 3*; 19, *2*; 20, *2* и др.

[5] C. Ponce Sanginés. Cuatro cistas..., рис. 3, *f*; 5, *l*; 11, *a*, 12, *a—d*, 13, *a*; 14, *c*.

[6] S. Ryden. Drinking Tubes on Archaeological Vessels from Western South America. Am An., 20, 2, 1954.

[7] S. Ryden. Andean Excavations I..., рис. 12, *2*; 55, *3*; 73, *1*.

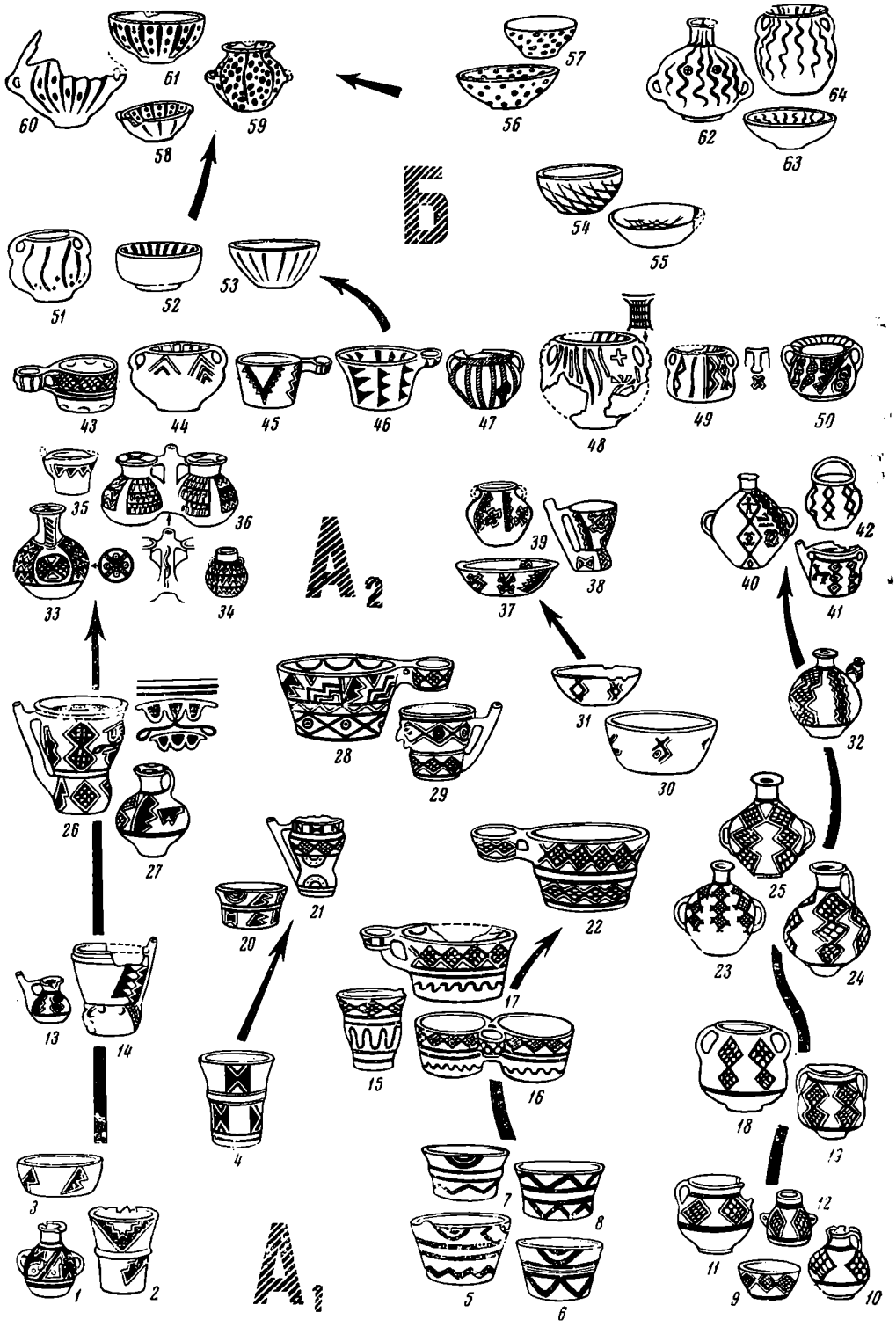


Рис. 1. Типология элементов орнамента расписной керамики культуры Мольо

1, 12 — Пиньико, 10; *2* — Пиньико, 12; *3, 4, 15, 28, 30, 31, 44, 46, 48, 49, 51, 54, 56, 57, 63* — Маркопата, 19; *5, 29* — Маркопата, 2; *6* — Маркопата, 7; *7* — Ла Исла, 1; *8* — Маркопата, 1; *9, 10, 23, 45* — Пиньико, 2; *11, 25* — Пиньико, 6; *13, 16, 21, 24, 38, 40, 41, 43, 50* — происхождение неизвестно; *14* — Келликани, 2; *17, 18, 22, 26* — Маркопата, 33; *19, 27, 32, 47* — Пиньико, без комплекса; *20* — Маркопата, 23; *33, 36* — Маркопата, 8; *34, 52, 61* — Маркопата, 24; *35* — Хутарайя, 21; *37, 39, 53* — Маркопата, 16; *42* — Маркопата, без комплекса; *55, 58, 59* — Маркопата, 34; *60* — Маркопата, 18; *62* — Маркопата, 39; *64* — Хутарайя, 18

Другие типы керамики Мольо, и прежде всего бытовой посуды, которая часто совсем не имеет орнамента, совершенно отличны от тиауанакских. Самые распространенные в Мольо формы сосудов — миски (рис. 1, *3, 9, 30, 31, 37, 52—58, 61, 63*) и двуручные сосуды — ольи (рис. 1, *11, 18, 19, 39, 44, 47—51, 64*). Ольи из Мольо бывают различных размеров и пропорций, но в целом их форма настолько однообразна, что невозможно выделить какие-либо определенные типы. То же относится и к мискам, хотя у них наблюдаются некоторые вариации: встречаются миски плоские или более глубокие с почти перпендикулярным ко дну венчиком, а есть экземпляры с прямыми стенками, идущими раструбом. Однако переходы между этими разновидностями настолько трудно улавливаются, что выделение четких типов практически невозможно [8].

Кувшины (рис. 1, *10, 24, 27, 33*) тоже не могут быть разделены, хотя отдельные экземпляры (кувшины из погр. № 8 в могильнике Маркопата [9] и из погр. № 2 в Чульпани) явно непохожи на обычные грубые неорнаментированные сосуды и резко различны между собою.

Кроме кувшинов в могилах часто встречаются сосуды с округлым туловом, с высоким горлом и двумя вертикальными ручками, которые располагаются или по самой широкой части корпуса, или ниже этого места (рис. 1, *23, 25, 40, 60, 62*). На одном из таких сосудов ручки горизонтальные, широкие [10].

Кроме этих основных форм для культуры Мольо характерны асимметричные сосуды с туловом, напоминающим туловище птицы. Три таких сосуда найдены С. Риденом [11], а также и Понсе Санхинесом [12].

В керамике Мольо часто встречается своеобразный прием — соединение вместе двух одинаковых сосудов (рис. 1, *16, 36*). Один экземпляр такого рода найден С. Риденом в погр. № 8 могильника Маркопата. Это два округлых сосуда с горлышком и расходящимся венчиком, соединенные перемычкой и снабженные трубкой. Сходный сосуд найден Э. Норденшельдом в местности Пелечуко, несколько севернее Мольо [13]. Тот же прием применен и в двух чашах тиауанакского типа из коллекции Понсе Санхинеса [14]. Они соединены и снабжены сбоку одним маленьким сосудиком такой же формы.

Кроме керамики в погребениях часто встречаются бронзовые булавки. У них круглые плоские навершия с отверстием, под которым иногда имеется утолщение. В одном случае [15] оно имеет вид человеческой головы. Изредка встречаются навершия с двумя расходящимися утолщениями, на которых имеются выступы [16].

Бронза, из которой делались булавки, обычно содержит около 10% олова, 2% серебра и 1% свинца. Однако эти пропорции сохраняются далеко не всегда. В погр. № 4 и в шурфе № 2 в Маркопата найдены серебряные булавки (Ag — 88%, Cu — 10%, Sn — 1% и Pb — 1%). В шурфе № 1 в Чульпани найдена свинцовая булавка. Было известно и золото (маленькая подвеска из золотого листа из могилы № 26 в Маркопата). В погр. № 35 этого могильника найден бронзовый нож инкского типа — «тумп». Встречаются и каменные орудия, среди которых имеются зернотерки и точильники. В погр. № 12 и 28 Маркопата найдены два конических пряслица. Пряслица такой формы используются современными индейцами аймара.

[8] Я имею в виду, что оно невозможно при использовании публикаций. Вполне вероятно, что при работе с самим материалом можно выделить типы и в этих категориях керамики. К сожалению, я имею дело только с публикациями.

[9] S. Ryden. Ук. соч., рис. 20, *1*.

[10] Там же, рис. 49, *1*.

[11] Там же, рис. 35, *28*; 57, *8*; 108, *3*.

[12] C. Ponce Sanginés. Cuatro cistas..., рис. 13, *c*, *d*.

[13] E. Nordenskiöld. Arkeologiska undersökningar i Perus och Bolivias gränstrakter, 1904—1905. Uppsala — Stockholm, 1906, рис. 4.

[14] C. Ponce Sanginés. Ук. соч., рис. 9, *c*.

[15] S. Ryden. Ук. соч., рис. 35, 31.

[16] Там же, рис. 61, *5*; 110, *2*.

Периодизация и хронология культуры Мольо

Материал памятников Мольо достаточно своеобразен, что позволяет выделять его в особую культуру. Он также весьма многочислен и, к счастью, почти полностью опубликован, что дает возможность проследить его внутреннее членение и построить относительную хронологию культуры.

С. Риден, так же как и К. Понсе Санхинес [17] относит культуру Мольо ко времени от периода позднего Тиауанако (и, может быть, даже несколько раньше) до инкского завоевания включительно. При этом они опираются на редкие находки отдельных тиауанакских и инкских сосудов и присутствие в керамике Мольо ряда черт, свидетельствующих о влиянии этих культур. Однако ни один из авторов раскопок не пытается расчленить керамический комплекс и построить периодизацию культуры Мольо, исходя непосредственно из ее материала. Попытаемся проверить их датировку.

Так как формы этой керамики довольно однообразны и неизменны и не дают достаточно оснований для членения материала, приходится обращаться к орнаментике посуды. На рис. 2 показаны наиболее распространенные элементы орнамента. По взаимовстречаемости на сосудах они делятся на две группы — А и Б, причем первую в свою очередь можно разделить на две подгруппы — $А_1$ и $А_2$.

Для группы А характерны затейливость и сложность орнаментации, включающей много различных элементов: горизонтальные ломаные и волнистые линии (элемент № 1), горизонтальные ряды ромбов (№ 2, 2а), пояса из двух параллельных линий посредине сосуда (№ 3) и концентрированные полукружья под венчиком (№ 4), относящиеся к подгруппе $А_1$. Такие элементы, как косой крест различных начертаний (№ 9) и вертикальные ряды незаштрихованных ромбов (№ 8а), появляются только в подгруппе $А_2$ и никогда не находятся на одном сосуде с перечисленными выше. Зато ряд элементов встречается и с теми и с другими (№ 5, 6, 7, 8). Это говорит об определенном единстве всей группы. Единство для всей группы А в целом подтверждается также характерным приемом обводки контура рисунка белой краской. Этот прием отсутствует в группе Б.

Характерные орнаменты группы Б резко отличны от предыдущих. Они более примитивны и никогда не встречаются вместе на одном сосуде. Это точки или пятна, беспорядочно разбросанные по поверхности сосуда (№ 11), волнистые полосы, спускающиеся от венчика вниз по плечам сосуда (№ 12), и небрежная косая штриховка поверхности (№ 13). С предыдущей группой их соединяет только элемент № 10 — спускающиеся от венчика по плечам прямые вертикальные полосы. Этот мотив встречается и с элементами подгруппы $А_2$, но редко. Чаще всего он располагается на сосудах в одиночку или в сочетании с орнаментами группы Б.

При сопоставлении выделенных групп орнамента с формами сосудов оказывается, что сосуды, восходящие к тиауанакским прототипам, обычно имеют орнаментику подгруппы $А_1$ и элементы, общие для этой и следующей подгруппы. Элементы № 1 и 3, как правило, можно найти только на этой керамике (рис. 3).

На местной посуде обычно встречаются все остальные орнаментальные мотивы группы А. При этом элементы № 8а и 9, характерные для подгруппы $А_2$, найдены только на сосудах местного облика. Только с местной посудой связаны и орнаменты группы Б.

Для более точного определения взаимосвязи этих групп рассмотрим эволюцию некоторых элементов орнамента. Один из самых распространенных мотивов в орнаментике Мольо — заштрихованные ромбы (элементы № 2 и 8). В наиболее простой форме (в виде отдельных или сомкнутых

---

[17] Там же, стр. 154—159; C. Ponce Sanginés. Ук. соч., стр. 116—117.

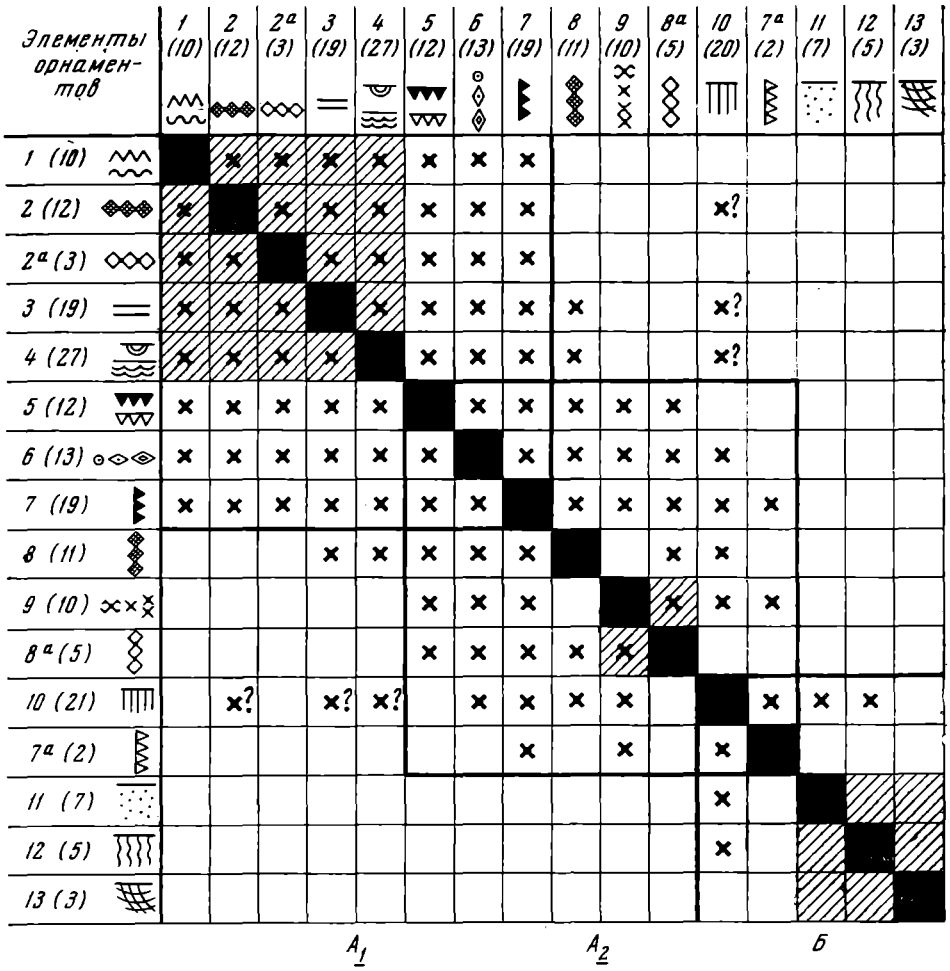


Рис. 2. Таблица встречаемости основных элементов орнамента на расписных сосудах культуры Мольо

Цифры в скобках обозначают количество сосудов с данным элементом орнамента

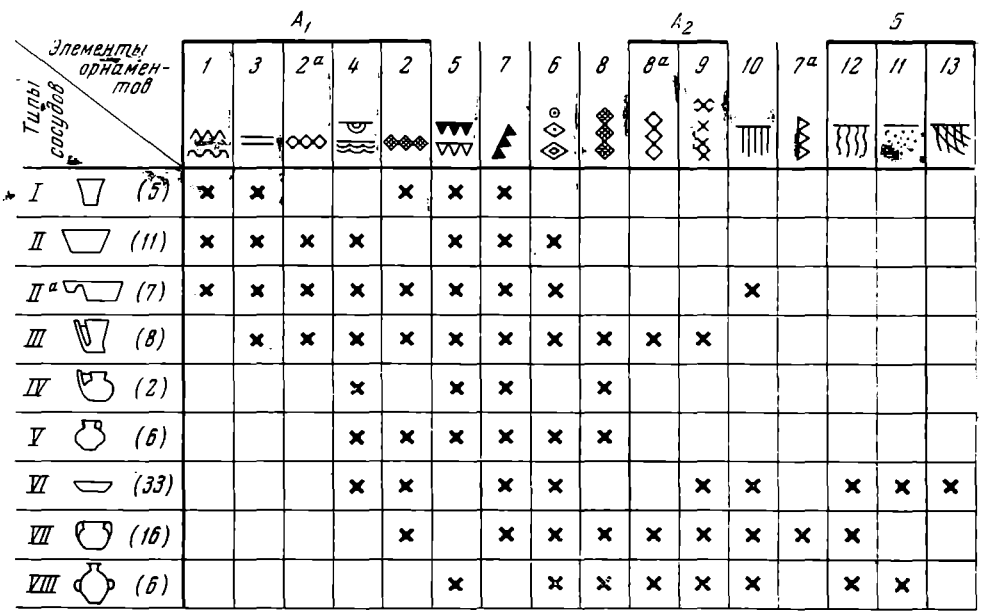


Рис. 3. Таблица встречаемости основных форм сосудов и основных элементов орнамента в расписной керамике культуры Мольо

Цифры в скобках обозначают количество орнаментированных сосудов

углами в горизонтальную цепочку ромбов) он встречается преимущественно на местной посуде (рис. 1, *9—12*). Встречается и более развитая форма, когда на сосудах появляются вертикальные цепочки, сначала из двух (рис. 1, *18—19*), а потом из трех ромбов (рис. 1, *23—25*). Последние связаны чаще всего с двуручными сосудами.

Следующий тип такого орнамента — вертикальная цепочка контурных ромбов без штриховки — появляется на одном сосуде с вертикальной цепочкой штрихованных ромбов (рис. 1, *32*), но затем приобретает самостоятельное значение. Это последнее звено в линии развития сосуществует на одних и тех же сосудах с антропоморфными и зооморфными фигурками, восходящими к инкской керамике (рис. 1, *40—42*).

Ввиду того что эволюцию ромбов удается проследить только на сосудах местной керамической группы, можно считать, что это один из специфических орнаментальных мотивов культуры Мольо.

Элементы № 1 и 3, характерные только для сосудов тиауанакского облика, также обнаруживают тенденцию к изменению (рис. 1, *5—8*, *15—17*, *22*). Например, ломаная линия превращается в волнистую. Но более интересным является их совмещение на одних и тех же сосудах, восходящих к тиауанакским прототипам, с ранними формами штрихованных ромбов. Это позволяет правильно расположить во времени линию развития мотива штрихованных ромбов и считать контурные ромбы завершением этой эволюции.

Другой часто встречающийся элемент — вертикальный ряд черных треугольников с соединенными в линию основаниями. В одиночку он появляется на сосудах из погр. № 10 и 12 в Пиньико (рис. 1, *1—3*). Кубок керо из погр. № 12 — типичной тиауанакской формы. К. Понсе Санхинес считает, что оба этих сосуда происходят непосредственно из Тиауанако [18]. Однако вертикальные ряды треугольников встречаются в сочетании со многими другими элементами, в том числе с горизонтальными и вертикальными цепочками ромбов (рис. 1, *13*, *14*).

На кувшине из Пиньико и двух кубках с трубками из погр. № 33 в Маркопата, где сочетается вертикальный ряд треугольников с вертикальной цепочкой из двух ромбов, появляется горизонтальный ряд свисающих треугольников (рис. 1, *26—27*). В дальнейшем они превращаются в ряды таких фигур (рис. 1, *33—36*). Подобная система орнамента часто встречается на инкских сосудах. С другой стороны, если на первых этапах вертикальные ряды состоят из двух — трех треугольников, то в дальнейшем наблюдается тенденция к увеличению их числа и уменьшению размера.

Третья важная группа элементов — косые кресты разных начертаний и кружки и ромбики с точкой. В одиночку они встречены только на мисках (рис. 1, *30—31*). На других сосудах они располагаются вместе с вертикальными рядами мелких треугольников и с вертикальными цепочками контурных ромбов (рис. 1, *37—39*). В одном случае косой крест встречен на сосуде с горизонтальным рядом треугольников и антропоморфными и зооморфными изображениями инкского типа (рис. 1, *40*). По-видимому, эта группа одновременна поздним этапам эволюции ромбов и треугольников.

Таким образом, все многообразие элементов орнамента группы А располагается в тесной связи с эволюционными рядами наиболее часто встречаемых из них (мотивы рядов треугольников и цепочек ромбов). Конечные этапы этих эволюционных рядов хорошо привязываются, с одной стороны, к сосудам, восходящим к тиауанакским прототипам и их специфической орнаментике, а с другой — к элементам орнамента, родственным инкской керамике.

---

[18] Там же, стр. 103.

Следовательно, группу А можно считать относящейся ко времени от распространения влияния культуры Тиауанако до инкского завоевания включительно.

Так как косые кресты разных начертаний — характернейший мотив подгруппы A_2, сосуществуют с поздним этапом эволюционных рядов основных элементов, а мотивы подгруппы A_1 — с их ранним этапом, то можно считать, что между подгруппами A_1 и A_2 существует хронологическая преемственность.

При всем резком отличии орнаментики группы Б от группы А на нескольких сосудах сосуществуют некоторые черты их орнаментации. Так, применение белой краски не характерно для группы Б, однако на ольях из могилы № 19 в Маркопата нанесены прямые белые вертикальные полосы (рис. 1, *48*). На другой олье из той же могилы вертикальные ряды треугольников перемежаются уже с обычными вертикальными линиями (рис. 1, *49*). Обводка белой краской еще есть, но сами треугольники переданы только контурами без заливки. Под ручкой на этом же сосуде есть косой крест. В том же погребении на чаше тиауанакского типа с боковым сосудиком ряды треугольников, но уже без обводки, образуют вертикальные полосы от венчика до дна. На внутренней стороне венчика такие треугольники соседствуют с прямыми линиями (рис. 1, *46*).

Сохранение реликтовых мотивов группы А на сосудах с орнаментацией группы Б при полном отсутствии обратного явления говорит о хронологической последовательности этих групп орнамента. А поскольку конец бытования орнаментации группы А уже отнесен ко времени инкского владычества, то столь резкую разницу между этими группами расписной керамики можно отнести только за счет бытования керамики с орнаментами группы Б после крушения господства инков, т. е. в первые времена колониального периода.

То, что орнаментика группы Б появляется позже, чем роспись группы А, подтверждается и стратиграфией шурфа № 1 в Маркопата, где керамика с орнаментом этой группы залегает в верхних слоях, над слоями с материалом группы А.

Если сравнить между собой инвентарь погребений культуры Мольо [19], то нетрудно заметить, что в погребениях с сосудами форм, восходящих к тиауанакским прототипам, почти никогда не встречаются металлические булавки (табл.). Только в одном случае (могила № 2 в Пиньико) такая булавка найдена вместе с чашей тиауанакского облика. Кубки типа «керо», так же как сосуды и кубки с трубками, никогда не бывают в одном погребении с металлическими булавками. С. Риден считал эти булавки принадлежностью женского туалета и относил погребения, где они были найдены к захоронениям женщин [20]. Мне кажется, что это мнение ошибочно. Дело в том, что расписная керамика из погребений с булавками, как правило, орнаментирована по группе Б или, в отдельных случаях, по группе A_2, в то время как керамика из погребений с сосудами тиауанакского облика расписана обычно по группе А. Но, как уже говорилось, между этими группами существует хронологическая и, в какой-то мере, генетическая преемственность. Это доказывает, что погребения с булавками существовали позже, чем погребения с керамикой тиауанакского облика.

Все это позволяет выделить два этапа культуры. Мольо I характеризуется присутствием в погребениях сосудов, восходящих по форме к тиауанакским прототипам вместе с керамикой местного облика. Металлические булавки обычно отсутствуют. Комплексы этого периода делятся на две группы. Одна, более ранняя, связана с керамикой с росписью подгруппы A_1. В могилах этой группы редко можно встретить сосуды с трубками

[19] Инвентарь могилы № 19 в Маркопата исключен из сопоставления, поскольку в ней было по крайней мере три последовательных захоронения, а попытка С. Ридена расчленить комплексы по слоям не кажется мне убедительной.

[20] S. R y d e n. Ук. соч., стр. 135, 151.

и совсем не бывает двуручных сосудов. Эта группа погребений относится к периоду Мольо IA. В другой группе погребений реже встречаются чаши тиауанакского типа и чаще сосуды с трубками. Для нее характерна керамика с росписью подгруппы A_2. В этих захоронениях появляются двуручные сосуды и найдена бронзовая булавка. Это период Мольо IБ.

Мольо II характеризуется отсутствием в могилах форм тиауанакского облика и наличием металлических булавок. Расписная керамика орнаментирована по группе Б. В это же время существует и бóльшая часть двуручных сосудов.

Мольо IA относится ко времени от распространения влияния позднего Тиауанако до инкского завоевания (с рубежа I—II тысячелетия до XIV в.), Мольо IБ — к периоду господства инков на Альтиплано (XV в.— начало XVI в.) и Мольо II — к началу колониального периода.

Материал культуры Мольо по своему характеру чрезвычайно самобытен. Хотя и в формах сосудов и в орнаментике можно заметить некоторые следы влияния других культур (сначала Тиауанако, потом инков), основная масса материала имеет глубоко местные корни. С. Риден убедительно связывает эту культуру с племенами индейцев колья или аймара [21]. Согласно карте, составленной на основании письменных источников, в этих местах локализуется племя кольяуайя [22].

Очень интересны сопоставления этой культуры с древностями других районов Боливийского Альтиплано, а также севера Чили и Аргентины, сделанные К. Понсе Санхинесом [23], который показал их родство. Особенно важна такая близость между керамикой Мольо и посудой эпохи Чульпи на северном и северо-восточном берегах оз. Титикака [24].

Памятники древних аймара на Боливийском Альтиплано изучены очень слабо и почти не подвергались раскопкам. Поэтому тщательное исследование культуры Мольо К. Понсе Санхинесом и С. Риденом особенно полезно, так как дает основу для классификации и привязки во времени других древностей, оставленных населением Альтиплано послетиауанакского периода. В этой связи и необходима тщательно разработанная периодизация этой культуры, которая авторами раскопок дается, к сожалению, слишком суммарно.

Анализ материалов культуры Мольо показывает, что в целом ее керамический комплекс совершенно отличен от посуды культуры Тиауанако, хотя некоторые следы влияния тиауанакской керамики прослеживаются. Близость к комплексу Мольо керамики других культур эпохи чульпи свидетельствует о существовании большой культурной общности, принадлежавшей, судя по ряду этнографических параллелей [25] и свидетельствам испанских хронистов [26], индейцам аймара. Резкое различие керамики и всего облика этих культур от Тиауанако убедительно свидетельствует об отсутствии родства между ними. Это ставит под сомнение традиционное положение о том, что создателями культуры Тиауанако тоже были индейцы аймара [27].

---

[21] Там же, стр. 155.

[22] J. H. Steward. ред. Сб. «Handbook of South American Indians. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology». Bull. 143, II, карта 3; S. Ryden. Ук. соч., стр. 157.

[23] C. Ponce Sanginés. Ук. соч., стр. 107—115.

[24] E. Nordenskiöld. Ук. соч.; M. H. Tschopik. Some Notes on the Archaeology of the Department of Puno, Peru. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harward University, 27, 3, Cambrige, Mass., 1946.

[25] H. Tschopik. An Andean Ceramic Tradition in Historical Porspective. Am. An. XV, № 3, 1950.

[26] P. Gieza de Leon. La crónica del Perú. C. Mexico — Buenos Aires, 1954, стр. 257.

[27] A. Posnansky. Tihuanaco — The Cradle of American Man. New York, 1945, стр. 43—47.

Периодизация погребений культуры Мольо

Периоды	Могильники и №№ погребений		Типы сосудов I	II	IV	III	V	VI	VII	VIII	IX	X	Металл. булавки
Мольо II	Маркопата	9											1
	»	38											2
	Келликани	4											1
	Хутарайя	23											2
	»	18							15				1
	Маркопата	3						2	1				1
	»	4						1	1				1
	»	37						1	1				1
	»	34						3 + 35			15	1	
	»	12							1	1			3
	»	18						1	1	15			
	»	28						2	1	1			
	»	29					1	4	2	1			
	»	39						1	1	15			
	»	35								1			1
	Хутарайя	1								1			
	Маркопата	24					1	1 + 2Б	1		$1A_2$		
	»	16						$4 + 1A_2 + 1Б$	$2 + 1A_2$				1
	»	33	—	$2A_2$	1	$2A_2$	1	$1A_1 + 1Б$	$1 + 1A_2 + 1Б$	1			
	Пиньико	2		$1A_2$			$1A_1$	$1A_1$	?	$1A_2$			1
	»	6		2 ?	1Б?		2	$2 + 3?$	$4 + 1A_1$	$1A_2$			
	Маркопата	8			$1A_2$		$1A_2$						

Молью I Б	»	23		$2A_2$			$1 + 1A_2$	4	3				
	Келликани	2				$1A_2$							
	Хутарайя	2						$1A_2$??					
	»	5			$1A_2$								
	»	21	$1A_1$					1				1	
	Маркопата	2		$1A_1$		$1 + A_2$							
	»	7		$1A_1$		$1A_2$		1					
А	»	1		$1A_1$		1			1				
	»	22		$1A_1$				1	1				
	»	10		$1A_1$									
	»	32				1		1	1				
	Пиньико	10				1		$2A_1$				$2A_1$	
	»	12	$1A_1$					$1A_1$					
	Чульпани	1						$1A_1$					
	»	2		$1A_1$			1	1					
	Келликани	3		$1A_1$									
	Ла Исла	1		$1A_1$									
Прочие	Маркопата	5						1					
	»	6						1					
	»	11						1					
	»	15						1Б??					
	»	27							1				
	»	30						1					
	»	36									1		
	»	41						1					
	Келликани	1							1				
	»	6							1				
	Хутарайя	22							1				

В заключение приведу характеристику культуры Мольо в целом, как она представляется в результате изучения материалов, опубликованных С. Риденом и К. Понсе Санхинесом.

Культура Мольо принадлежала земледельческому населению горных поселков восточных склонов Анд, говорившему на языке аймара. Возделывание растений и прежде всего кукурузы было основой его существования. Земледелие достигло довольно высокого уровня развития, судя по применению специальных террас и системы ирригационных каналов. Жившие здесь люди научились, скорее всего в инкский период, выплавлять различные металлы и изготавливать металлические украшения. Однако широкого распространения и производственного употребления изделия из металла не имели.

Судя по могильникам, население этих мест стояло еще на стадии первобытно-общинного строя. Не прослеживается почти никаких следов имущественной дифференциации. Все погребения имеют близкий по составу инвентарь, а различия между могилами по количеству керамики незначительны.

Испанская колонизация в первые годы после конкисты, по-видимому, не достигла этих отдаленных районов. Но и сюда дошел отзвук катастрофы, которая постигла народы Центральных Анд. Это сказалось в исчезновении искусства богатой и разнообразной керамической росписи и появлении ей на смену бедной и примитивной орнаментации посуды.

К 60-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ТОЛСТОВА

Исполнилось 60 лет члену-корреспонденту АН СССР, доктору исторических наук, профессору Сергею Павловичу Толстову — большому ученому-этнографу, археологу, историку-востоковеду.

Для всех, кто знает Сергея Павловича, кому довелось с ним работать и особенно для нас, его учеников, эта дата воспринимается лишь как определенный этап, когда подводятся некоторые итоги сделанного и, главное, намечаются новые творческие планы возглавляемого им научного коллектива.

Необыкновенная увлеченность Сергея Павловича своим делом, которую он удивительно щедро умеет передавать другим, его научный и организаторский талант, огромная и разносторонняя эрудиция, большое человеческое обаяние и постоянное ощущение поиска нового, необыкновенного, романтически интересного и в то же время трудного — вот те его качества, которые привлекают к нему молодежь.

С. П. Толстов принадлежит к поколению советских ученых, юность и формирование мировоззрения которых проходили в первые послереволюционные годы и годы первых пятилеток. Именно это время дало нам ту блестящую плеяду больших ученых и организаторов науки, одним из представителей которой является Сергей Павлович Толстов.

С. П. Толстов родился 25 января 1907 г в г. Петербурге в семье военного. Получил среднее образование в Москве. В 1930 г. он окончил Московский государственный университет, где учился на физико-математическом и историко-этнологическом факультетах. В эти дни началась деятельность С. П. Толстова-этнографа (работы по классификации русского жилища, по этнографии мордвы и терюхан). Он заведует этнографическим отделом Московского областного музея, выступает как один из руководителей краеведческого движения в стране. В 1934 г. С. П. Толстов закончил аспирантуру ГАИМК по специальности история и археология Средней Азии. В 1929—1936 гг.— он сотрудник Музея народов СССР, ученый секретарь, а потом заведующий Московским отделением ИИМК СССР. В эти же годы началась педагогическая деятельность С. П. Толстова: в течение многих лет он был профессором МГУ, заведовал кафедрой этнографии, а в 1943—1945 гг. был деканом Исторического факультета МГУ. В 1937 г. им была организована Хорезмская археологическая экспедиция, бессменным руководителем которой С. П. Толстов является по сей день.

Когда началась Великая Отечественная война, С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения, участвовал в боях под Ельней и Можайском и был ранен в бою за станцию Шалимово. После демобилизации он вернулся к работе в АН СССР и в конце 1942 г. был назначен директором Института этнографии АН СССР. На этом посту С. П. Толстов проработал 25 лет, совмещая (в 1949—1954 гг.) эту работу с деятельностью в качестве ученого секретаря Президиума АН СССР.

Отдавая много сил и времени научно-организационной работе, Сергей Павлович необычайно плодотворно работает и как ученый-исследователь.

Ему принадлежит более 300 работ по различным вопросам востоковедения в целом, археологии, этнографии, истории и смежных дисциплин. С. П. Толстов был инициатором создания, редактором и соавтором многих важных коллективных работ, в том числе многотомного труда «Народы мира».

С конца 30-х годов основные научные интересы С. П. Толстова сосредоточены на истории, археологии и этнографии народов Средней Азии. Мировую известность получили его работы по истории и археологии древнего Хорезма. Первая этнографическая поездка в Хорезм в 1929 г. на многие десятилетия определила основной круг научных интересов тогда молодого еще исследователя. Эту юношескую одержимость, страсть к разгадке тайн окружающей оазис Хорезма «странной пустыни» С. П. Толстов сохранил до сих пор. Куда бы не отвлекали исследователя разные привходящие задания, в центре внимания оставалась история, археология и этнография этой своеобразной области Средней Азии.

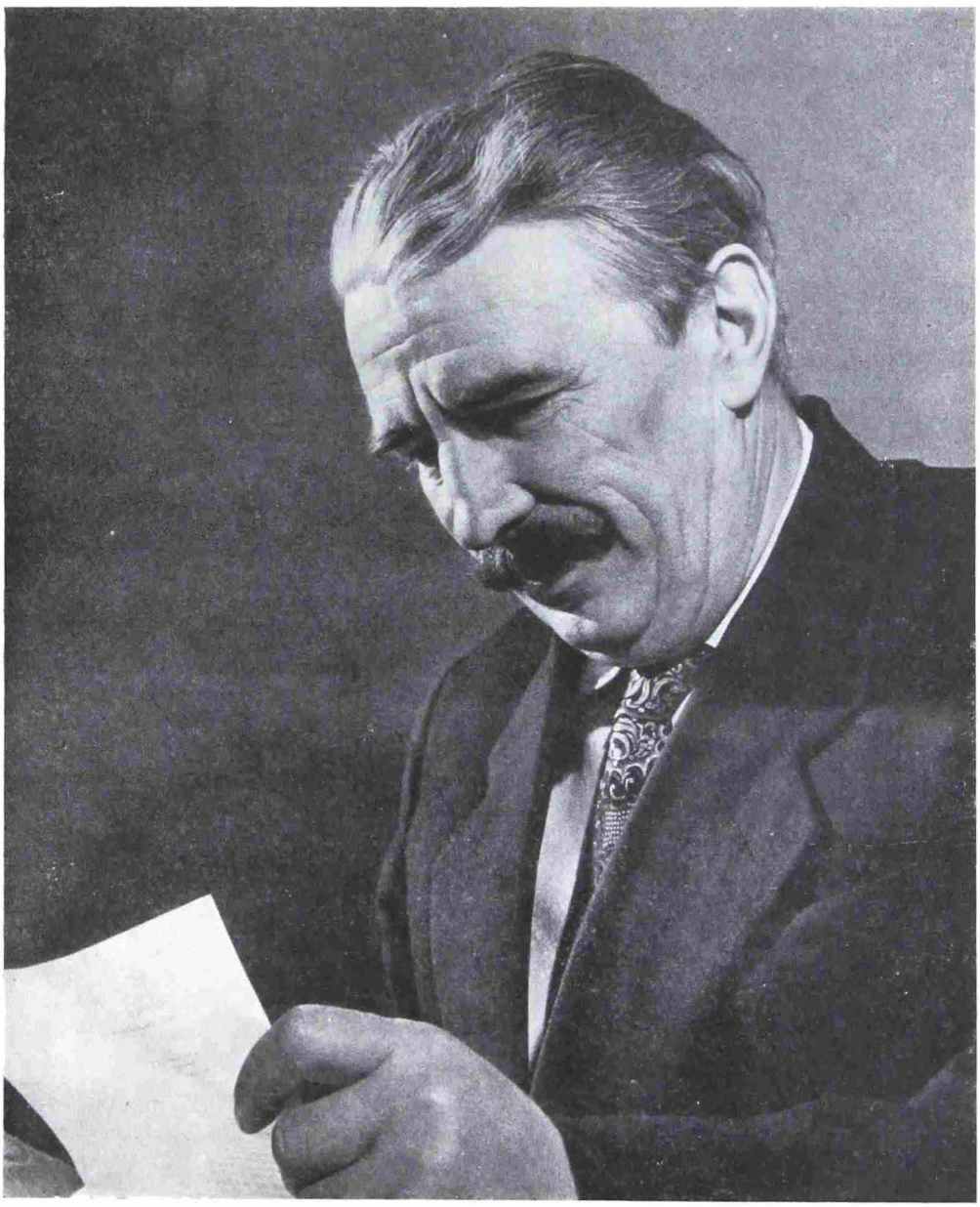
Итоги довоенных работ Хорезмской археологической экспедиции были подведены С. П. Толстовым в докторской диссертации «Древний Хорезм», защищенной в 1942 г. и опубликованной в 1948 г. В этой книге пожалуй наиболее ярко проявилась творческая индивидуальность С. П. Толстова-исследователя. В ней впервые дана четкая периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, основанная на использовании данных всех видов исторических источников, в первую очередь археологических. В книге рассмотрена история хорезмской ирригации — этой основы основ хозяйства и жизни населения Средней Азии. Наконец, здесь впервые были собраны и систематизированы новые данные, бесспорно свидетельствовавшие о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время, тезис, который С. П. Толстов пытался обосновать для кочевых и оседлых народов Средней Азии скудными данными письменных источников еще в 30-е годы. Однако помимо этого в книге затронут огромный круг вопросов по истории Хорезма и Средней Азии в целом. В экскурсах этой книги, а каждый из них является самостоятельным исследованием, рассмотрены вопросы о пережитках родовой организации в древней и средневековой Средней Азии, истории хорезмийского вооружения, классовой борьбе в Согдиане в VI в. н. э., падения греко-бактрийского царства и другие. Книга написана с большим увлечением, ярко, порой захватывающе. Несмотря на 20 лет, отделяющие нас от момента ее опубликования, она поражает свежестью мыслей. Как во всяком большом исследовании, в ней есть спорные станицы, но именно они в первую очередь свидетельствуют о том постоянном творческом поиске, которым проникнута вся научная деятельность С. П. Толстова.

Некоторые заключения, особенно по меркам нынешнего времени, сделаны на довольно ограниченном материале, но они прошли испытание временем и дают сейчас основания говорить об удивительной научной интуиции С. П. Толстова.

В послевоенные годы работы по археологии Средней Азии достигли большого размаха. Перемены коснулись и Хорезмской экспедиции. Она превратилась в Хорезмскую археолого-этнографическую комплексную экспедицию, в большой коллектив исследователей — учеников С. П. Толстова. Поставленная в «Древнем Хорезме» проблематика нашла теперь свое выражение в многочисленных и разнообразных направлениях деятельности экспедиции.

В 1945—1950 гг. главные усилия экспедиции были направлены на исследование памятников хорезмской античности, среди которых в первую очередь следует назвать дворец правителей Хорезма III в. н. э. Топракала. Великолепные образцы живописи и скульптуры дворца, а также архив хозяйственных документов, часть которых была прочитана и опубликована С. П. Толстовым, ныне широко известны.

В этот же период и особенно с 1951 г. и позже С. П. Толстов и коллектив экспедиции начинают углубленно разрабатывать проблемы формиро-



вания древних русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и их заселения человеком. С этой последней в свою очередь связана проблема искусственного орошения. Исследования по этим проблемам, проведенные С. П. Толстовым, его коллегами и учениками и опубликованные в монографиях «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения» (М., 1960) и «По древним дельтам Окса и Яксарта» (М., 1962), являются чрезвычайно ценными по методике и выдающимися по научным результатам.

Наконец, нельзя не сказать и о развернувшихся за последнее десятилетие широких исследованиях по проблеме общественного строя и культурно-бытового уклада степных племен, окружавших со всех сторон древние центры античной и средневековой цивилизации Средней Азии и, в частности, Хорезмский оазис. Раскопки многочисленных сакских памятников низовьев Сыр-Дарьи позволили С. П. Толстову писать о среднеазиатских скифах как о народе «не только скотоводов, а в первую очередь ирригаторов, ремесленников и градостроителей», о народе, жившем прочным оседлым бытом, выступавшем в сложном единстве с кочевым бытом пастухов («Приаральские скифы и Хорезм», М., 1960 и др. работы). Отметим, что по всем указанным направлениям работы продолжаются и сейчас. Такая многоплановость исследований экспедиции стала возможна не только благодаря тому, что во главе ее стоит такой крупный ученый, каким является С. П. Толстов, но и благодаря его большому педагогическому таланту. За годы работы в Средней Азии он воспитал десятки исследователей по различным периодам истории и археологии Средней Азии. И работают они (а в последнее время это и ученики его учеников) не только в Хорезмской экспедиции, но и во многих научных учреждениях Средней Азии.

С. П. Толстову принадлежит ведущая роль в разработке многих современных методических приемов в полевых археологических исследованиях и в применении для нужд археологии достижений других дисциплин. Без комплексных археолого-географических исследований было бы невозможно разрешение проблемы староречий Аму-Дарьи — одной из наиболее сложных и спорных в историографии Средней Азии. Сплошное археологическое обследование огромных территорий и составление исчерпывающей археологической карты были бы затруднительны без применения авиаметодов. С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике специально и в широком масштабе были применены аэрометоды: визуальная авиаразведка, перспективная и плановая аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты для изучения затерянных в песках памятников.

Для научной деятельности С. П. Толстова характерна постоянная увязка научных исследований с практикой и задачами народно-хозяйственного строительства. В работах по динамике древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и по истории ирригации он неоднократно ставил вопрос о возможности и перспективности широкого освоения обширных территорий земель древнего орошения. Интересные данные, полученные в результате комплексных археолого-географических исследований Хорезмской экспедиции, широко используются сейчас проектными организациями.

Научная деятельность С. П. Толстова получила заслуженно высокую оценку в нашей стране и за ее пределами. Он удостоен нескольких правительственных наград. В 1948 г. за научный труд «Древний Хорезм» ему присуждена Государственная премия первой степени. С. П. Толстов удостоен званий заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР. В 1956 г. он был избран почетным академиком Академии наук Узбекской ССР.

Многие работы Сергея Павловича переведены на западноевропейские и восточные языки. Признанием выдающихся научных заслуг является

избрание С. П. Толстова вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук, членом-корреспондентом Академии наук ГДР, почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического Института Великобритании и Ирландии, археологического Департамента Индии, членом-корреспондентом Школы Восточных и Африканских исследований Лондонского университета.

С. П. Толстов долгое время был председателем правления Советского общества дружбы и культурных связей с Афганистаном и председателем Палестинского общества.

Друзья, ученики и коллеги искренне поздравляют Сергея Павловича, желают ему доброго здоровья и свершения его новых научных замыслов.

А. В. Виноградов, М. А. Итина

Публикации

В. Г. АЛИЕВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КУЛЬТУРЕ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Культура расписной керамики в Азербайджане давно привлекает внимание исследователей, но до сих пор она изучена недостаточно. За последние годы на территории Нахичеванской АССР выявлено несколько памятников этой культуры, в том числе второе поселение Кюль-Тепе, обнаруженное в 1961 г. Этапы развития культуры расписной керамики в Азербайджане определены на основании стратиграфии первого поселения Кюль-Тепе.

Верхние слои первого Кюль-Тепе, содержащие расписную керамику, сохранились на небольшой площади, поэтому для изучения этой культуры в Азербайджане особое значение приобретает хорошо сохранившееся второе поселение Кюль-Тепе.

Холм Кюль-Тепе находится в 12 *км* к северу от г. Нахичевань, у с. Юхары Узуноба, при слиянии рек Нахичевань-чай и Джагри-чай. Площадь памятника равна примерно 3 *га*. С западной стороны холм достигает высоты 11 *м*, а по краям, уменьшаясь, доходит до 3—4 *м*. Поверхность его, особенно в северной части, всхолмлена.

При обследовании на поселении собрана расписная и простая керамика и вещи, такие же материалы найдены в шурфе, заложенном в юго-западной части холма.

Часть собранных материалов относится к эпохе ранней бронзы. Это фрагменты сосудов с полушаровидными ручками и обломки подковообразной очажной подставки, характерной для так называемой куро-араксинской культуры, известные из многих памятников Закавказья [1] (рис. 1, *1—2*).

Основная масса полученных материалов относится к эпохе развитой и поздней бронзы. Керамика представлена фрагментами сосудов красного, желтого и серого цветов. В состав глины входит мелкозернистый песок. Сосуды тонкостенные, поверхность их покрыта красным, белым и желтым ангобом, по которому нанесены узоры красной, черной, коричневой и, изредка, белой и желтой красками.

По характеру росписи керамика делится на монохромную и полихромную. Монохромные сосуды расписывались черной краской. Орнамент со-

[1] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, стр. 64—67, табл. 27—29, 37; Б. А. Куфтин. Урартский «Колумбарий». ВГМГ, XIII-В, рис. 3—4, табл. 15, 16, 22, 23; Е. А. Любин. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира. КСИИМК, 60, 1953, стр. 21, рис. 18.

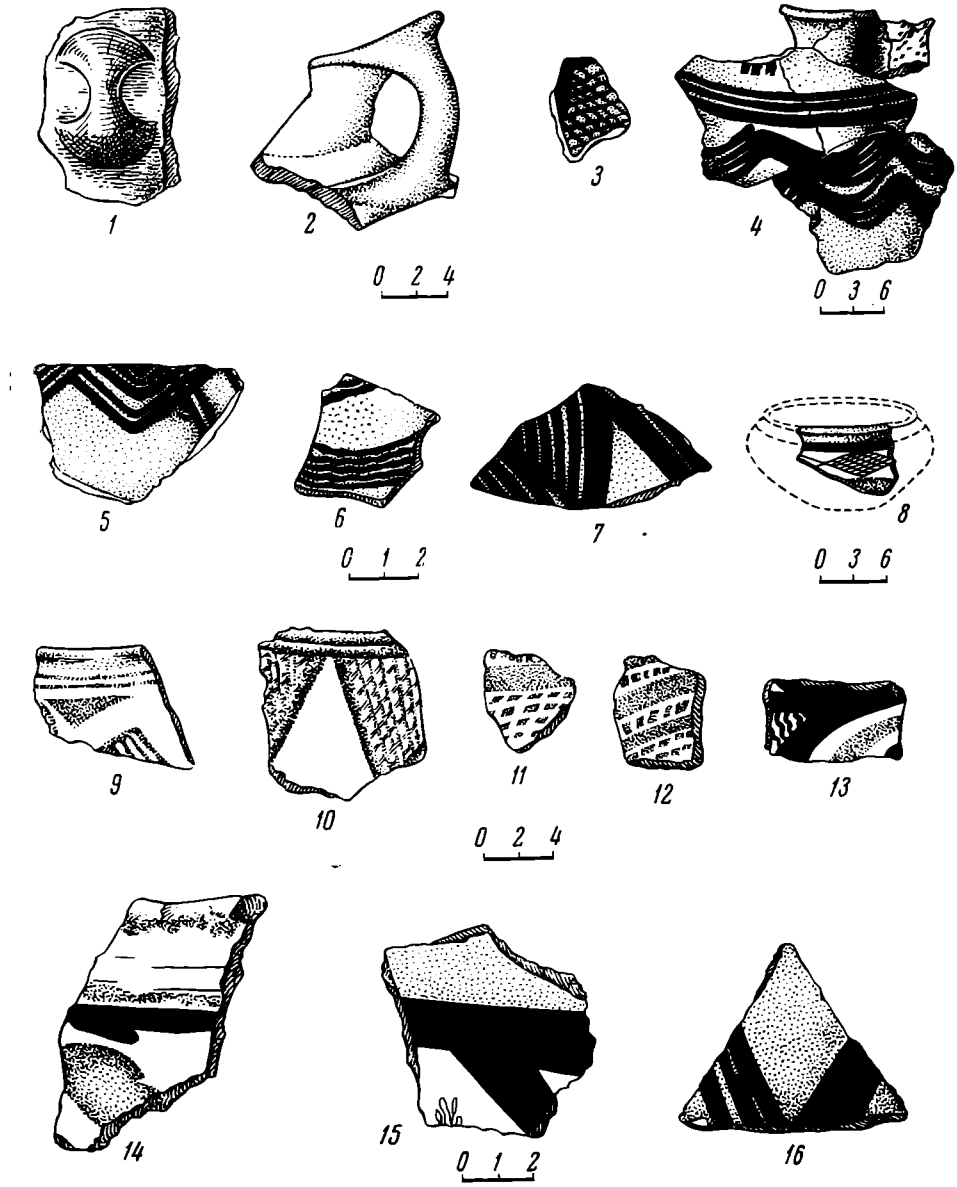


Рис. 1. Керамика из второго поселения Кюль-Тепе

1—2 — простая керамика серого цвета — конец III тысячелетия до н. э.; *3—7* — монохромная расписная керамика — начало II тысячелетия до н. э.; *8—16* — полихромная расписная керамика второй половины II тысячелетия до н. э.

стоит из остатков сетчатых геометрических фигур, волнистых линий, углов и треугольников, вписанных друг в друга (рис. 1, *3—7*). Подобная керамика известна в Азербайджане из первого Кюль-Тепе, Нахаджира, Шор-Тепе [2], Зурнабада [3], Узерлик-Тепе [4] и из кургана Триалети [5] в Грузии. На территории Армении она найдена на Гызыл-Тамуре, Астападе,

---

[2] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 25—36, табл. 35, *1—3*.

[3] Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Гянджачая. Изв. АзФАН СССР, 5, 1939, стр. 37—41.

[4] К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама. КСИИМК, 69, 1957, стр. 131, рис. 52; ее же. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, 67, 1959, стр. 402—404.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, стр. 97, 99, табл. LXXXI—LXXXII.

Муханна-Тепе [6], в Тазекенде, Каяхараба [7] и на других памятниках. Монохромные расписные сосуды являются наиболее ранними.

Полихромная керамика покрыта красным и желтым ангобом, а поверх него орнаментирована красной, черной или же белой красками. Роспись, исполненная тонкими линиями, состоит из треугольников и ромбов, заштрихованных сеткой, горизонтальных полосок (рис. 1, *8—10*), а также из поясков, составленных из отдельных прямоугольников, нанесенных белой краской (рис. 1, *11—12*). Аналогичные полихромные сосуды известны из Кызыл-Ванка [8], Кюль-Тепе [9] в Азербайджане, а на территории Армении — из Кырмызыкум [10].

Последнюю группу посуды составляют относительно толстостенные сосуды серого, темно-серого и розового оттенков. У большинства из них поверхность покрыта белым и желтым ангобом и орнаментирована черной и красной краской. Роспись состоит из широких прямых полос или же из углов, иногда заполненных волнистыми линиями. В росписи этих сосудов заметно упрощение узоров и небрежность выполнения (рис. 1, *13—16*). Такие сосуды найдены в Кызыл-Ванке [11] и Кюль-Тепе [12], Шахтахты и Шор-Тепе [13]. Особый интерес представляют фрагменты с рисунками животных и птиц. На поверхности одного из них изображены лебеди, нарисованные черной и коричневой краской; часть фигуры, вероятно, хищного зверя, нарисованного коричневой краской, и часть рисунка в виде угла, нанесенного черной краской (рис. 2, *1*).

На другом обломке керамики частично сохранилось изображение оленя, исполненное коричневой краской, и непонятного животного, нарисованного черной краской (рис. 2, *2*).

Третий черепок серого цвета покрыт коричневым ангобом, на поверхности которого нанесены широкие черные, голубые и красные полосы. Под этими полосами тонкими черными линиями прочерчена сетка. Между полосами рисунок водоплавающей птицы, видимо, утки (рис. 2, *3*), изображенной красной краской.

Полихромные сосуды с рисунками животных и птиц на территории Закавказья встречаются редко. Они найдены в Азербайджане на первом Кюль-Тепе [14], Шахтахты [15] и в Зурнабаде [16], а в Армянской ССР — в Эчмиадзине [17].

Кроме расписной, найдено много простой керамики серого, черного и красного цвета. В состав глины ее добавлен в качестве примеси мелкозернистый песок. В наибольшем количестве известны фрагменты от низкогорлых кувшинов серого цвета с широким, чуть отогнутым назад венчиком и хорошо заглаженной поверхностью (рис. 2, *4—6*, *10*). Реставрирован один маленький кувшинчик темно-серого цвета с низким горлом, чуть отогнутым назад венчиком и выпуклой нижней частью корпуса

[6] Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. ВИИЛ АрмССР, II, Ереван, 1937, стр. 288—289.

[7] П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея археологии, V, Тбилиси, 1902, стр. 119—120.

[8] Б. А. Куфтин. Ук. соч., табл. LXXXI—LXXXII; К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении. М., 1960, стр. 137—147, рис. 2—3; А. С. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 3—5, 11—15.

[9] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 100.

[10] Материалы хранятся в Историческом музее Армении, инв. № 556/3; 556/24; 556/32 и др.

[11] И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работе археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной ГАИМК, в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. I, 1926, стр. 217, 240.

[12] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 101.

[13] А. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванского царства, СА, 1937, 4, стр. 252—257.

[14] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 93, табл. 41, *4*.

[15] А. Алекперов. Ук. соч., стр. 249—262.

[16] Я. И. Гуммель. Ук. соч., стр. 37—41.

[17] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 8.

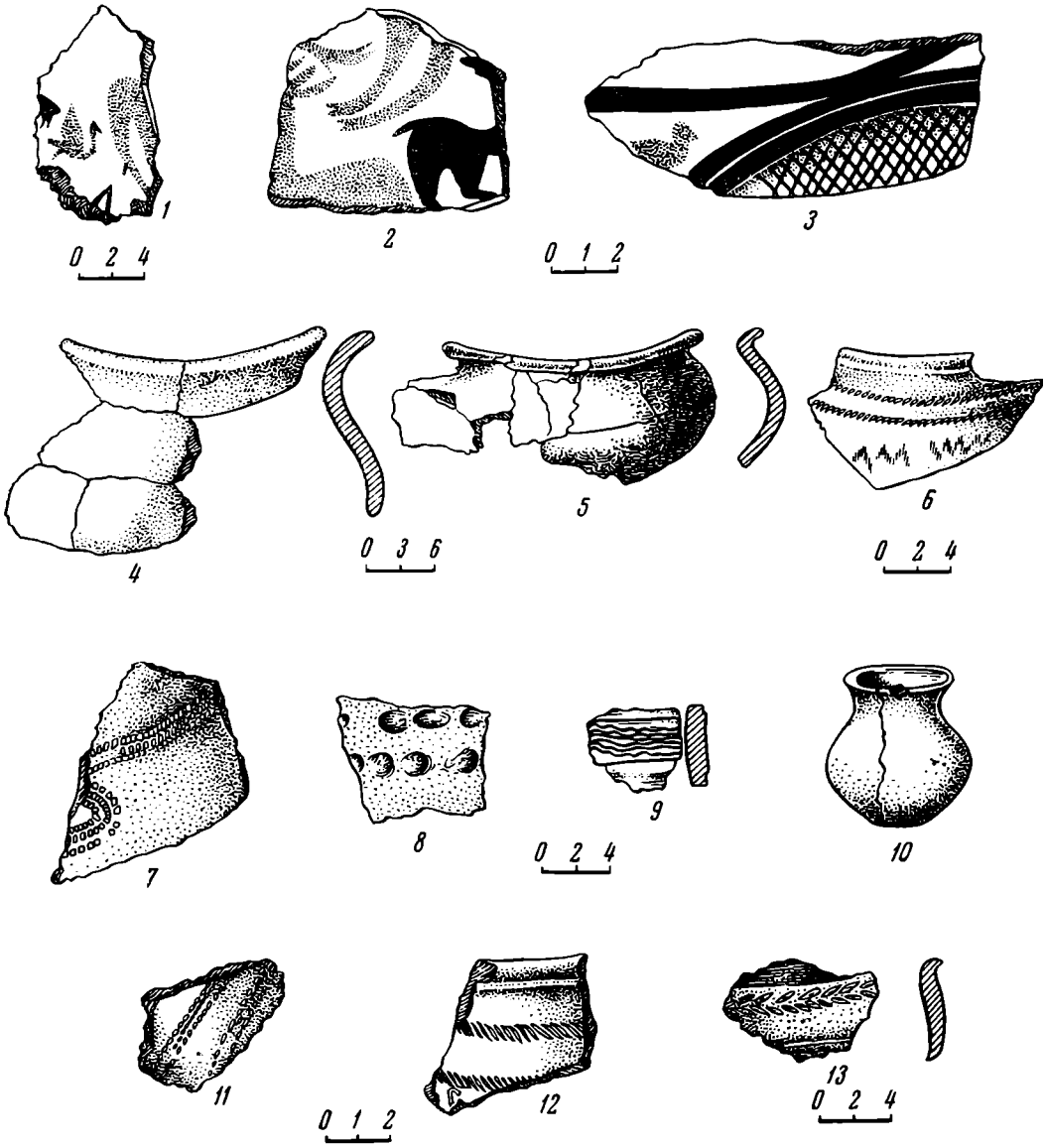


Рис. 2. Керамика из второго поселения Кюль-Тепе

1—3 — полихромная расписная керамика второй половины II тысячелетия до н. э.; *4—13* — простая керамика серого, черного и красного цветов — II тысячелетие до н. э.

(рис. 2, *10*). Некоторые черепки орнаментированы резными линиями и точками. На поверхности одного фрагмента сосуда красного цвета имеются косые насечки в два ряда, ниже их проведена тонкая горизонтальная линия (рис. 2, *13*). Другой черепок от сосуда — серого цвета, с рельефным поясом, по которому нанесены волнистые линии (рис. 2, *9*).

В шурфе, заложенном на поселении Кюль-Тепе, встречались фрагменты простых сосудов. Один из них — часть черноглиняного кувшина, венчик которого чуть отогнут назад. Под венчиком имеются две горизонтальные резные линии. Горло и плечики орнаментированы двумя рядами насечек, а ниже нанесены насечками ломаные линии (рис. 2, *6*). Другие сосуды также были орнаментированы насечками и точками (рис. 2, *7*, *8*, *11*, *12*).

На поверхности холма собраны зернотерки, молоты, навершие булавы, резцы из кремня, обсидиановые наконечники стрел, подвески и другие предметы. Зернотёрки овальной формы из плотного серого камня, со следами использования рабочей поверхности (рис. 3, *7*). Каменные молоты

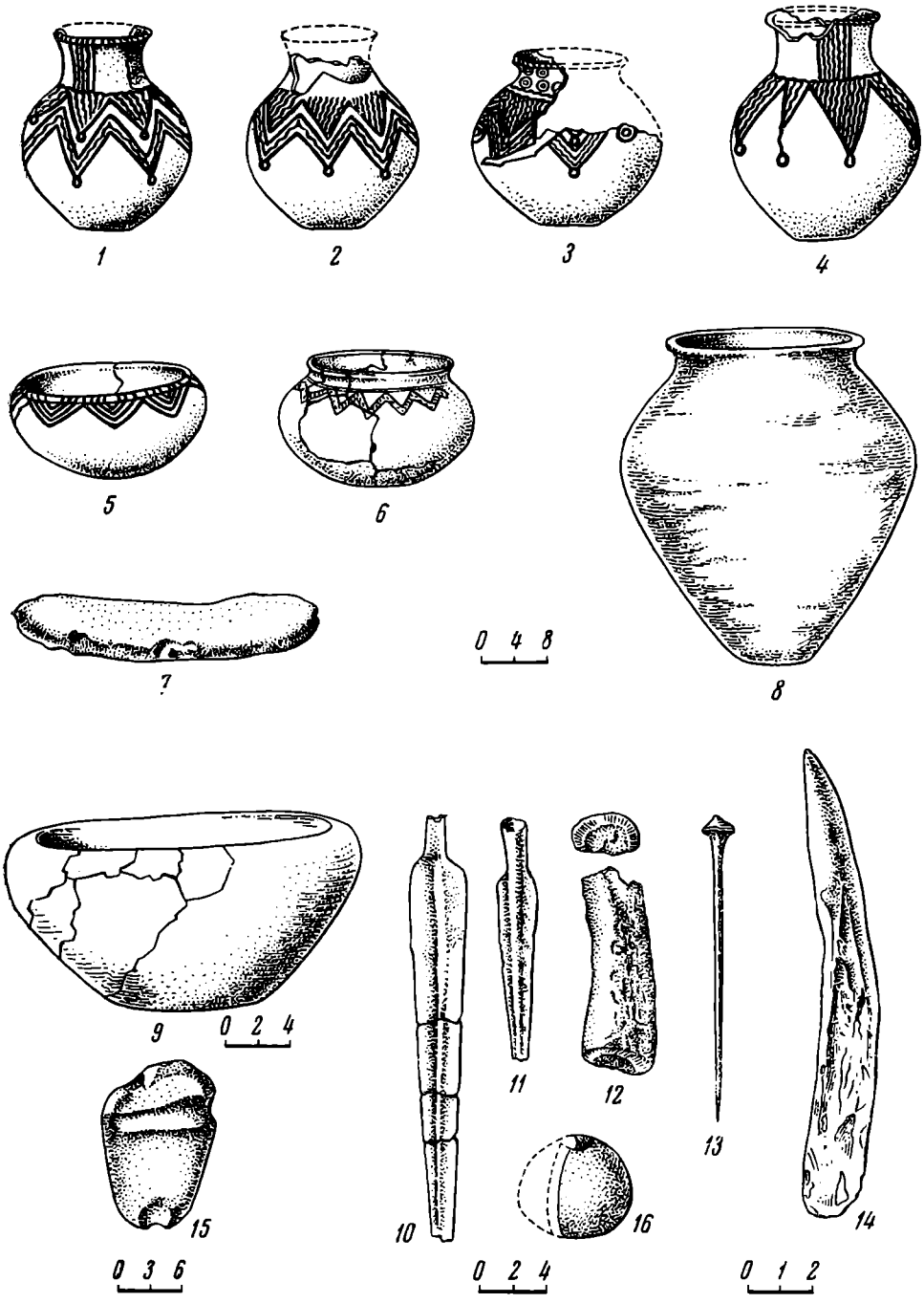


Рис. 3. Орудия труда, оружие из второго поселения Кюль-Тепе (*7*, *12*, *14*, *15*, *16*) конца II тысячелетия до н. э. и керамика из курганов Азнабюрт первой половины II тысячелетия до н. э.

1—4 — расписные монохромные кувшины; *5* — расписная миска; *6* — горшок серого цвета; *7* — зернотерка из серого камня; *8* — кувшин серого цвета; *9* — миска серого цвета; *10* — бронзовый кинжал; *11* — бронзовый наконечник копья; *12* — часть рога оленя, обрезанного с двух сторон; *13* — бронзовая булавка; *14* — острие из кости; *15* — каменный молоток; *16* — навершие булавы из белого камня

валикообразной и овальной формы были хорошо обтесаны. Один конец их удлинен, другой — округлен. Ближе к округлому концу имеется шейка для прикрепления рукоятки (рис. 3, *15*). Подобные орудия труда известны из Кулпинских и Нахичеванских соляных копей [18], из первого Кюль-Тепе [19], Кавуркалы [20], с территории Ханларского района из Киликдага [21] и из других памятников Азербайджана.

Навершие булавы шаровидной формы было изготовлено из белого камня. Поверхность ее хорошо зашлифована (рис. 3, *16*).

На втором Кюль-Тепе найдены роговые и костяные предметы: часть рога оленя, обрезанного с двух сторон (рис. 3, *12*), острие из кости крупного животного, найденное в шурфе, рабочая часть которого хорошо отшлифована и заострена, а другой конец обработан так, чтобы удобно было держать (рис. 3, *14*).

Описанный нами материал второго поселения Кюль-Тепе, датируемый III—II тысячелетием до н. э., показывает, что раскопки памятника перспективны не только для изучения культуры расписной керамики, но и для изучения так называемой куро-араксинской культуры. Возможно, что здесь найдутся и более ранние слои, такие, как в первом Кюль-Тепе.

Интересны также курганы с расписной керамикой, расположенные в 30 *км* западнее г. Нахичевань, у с. Азнабюрт, на склонах Зангезурских гор и имевшие небольшие каменные насыпи диаметром около 8 *м*, возвышавшиеся над поверхностью земли на 30—40 *см*. Два кургана в 1963 г. были разрушены, один срыт до основания, другой же пострадал лишь частично. Большая часть материалов из этого кургана сохранилась, но установить форму погребальной ямы и расположение костяка не удалось. Погребальный инвентарь составляли расписные и простые сосуды (часть которых разбита во время разрушения погребения), два бронзовых кинжала, наконечник копья, шесть бронзовых булавок, обломки бронзовых украшений, бусы и др.

Найденные в кургане глиняные кувшины, горшки и глубокие миски изготовлены вручную. Расписные кувшины по форме и по размерам почти одинаковы. Обжиг хороший, равномерный, черепок в изломе красного цвета. Тонкостенные кувшины имеют шаровидный корпус, сравнительно высокое и узкое горло, плоское дно, слегка отогнутый назад венчик. Одной из характерных черт кувшинов этого периода является отсутствие ручек. Наружная поверхность сосудов и внутренняя сторона венчиков покрыта красным ангобом. Верхняя часть кувшинов орнаментирована геометрическими фигурами, нанесенными черной краской, горло разделено на три равные части параллельными вертикальными линиями, между которыми нанесены волнистые вертикальные полоски. Плечики кувшинов украшены тонкими горизонтальными волнистыми линиями, ниже их нанесены треугольники, обращенные вниз острыми углами, на конце которых помещены маленькие круги. Внутри треугольники заполнены волнистыми линиями. У всех кувшинов, за исключением одного, под треугольником имеются двойные ломаные линии, образующие непрерывные углы, между которыми проходят волнистые линии. Углы снизу также украшены маленькими кружочками (рис. 3, *1*, *2*, *4*). Еще у одного низкогорлого кувшина вместо вертикальных линий на горле имеются парные кружочки, а между ломаными линиями — концентрические (рис. 3, *3*).

---

[18] К. А. Никитин. Гор. Нахичевань и Нахичеванский уезд. СМОМПК, 2, Тифлис, 1882, стр. 15—16; И. С. Поляков. Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе, IX, М., 1889, стр. 212—215, прилож. к I вып.

[19] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 42—43, табл. 2, *6*.

[20] А. Алекперов. Ук. соч., стр. 254.

[21] И. Я. Гуммель. Памятники древности в окрестностях Килликдага. Изв. АзФАН СССР, 2, 1941, стр. 27—28.

Кувшины такого типа очень характерны для раннего этапа культуры расписной керамики и известны из ряда памятников Закавказья [22].

В кургане обнаружен также один нерасписной сосуд серого цвета, с шероховатой поверхностью, по сравнению с расписными значительно большего размера и особой формы (рис. 3, *8*).

В кургане были обнаружены также три расписных и три простых миски. Расписные тонкостенные миски по форме и по размеру одинаковы; их наружная поверхность и внутренняя часть венчиков покрыта красным ангобом. Края венчиков заштрихованы черной краской. По венчику нанесены вписанные углы (рис. 3, *5*).

Простые миски по форме близки к расписным. Они серого цвета, хорошего обжига, со слегка сглаженной поверхностью. По размеру они одинаковы (рис. 3, *9*).

В том же кургане найден еще один сосуд. Он неравномерно обожжен, изготовлен грубо, но симметрично. Поверхность сосуда шероховатая. На плечиках под венчиком прочерчен двойной зигзаг, по которому нанесены косые насечки (рис. 3, *6*).

Найденные в кургане бусы имеют форму усеченного конуса. Поверхность их покрыта бирюзовой глазурью.

Бронзовый плоский кинжал, найденный в этом кургане, сломан на четыре части. Конец клинка и часть рукояти утрачены. Клинок кинжала с обеих сторон слегка выпуклый, стержень плоский. На рукояти кинжала имеется отверстие для укрепления накладок (рис. 3, *10*). Имеются фрагменты второго кинжала такой же формы. Наконечник копья из кургана втульчатый (рис. 3, *11*). Все бронзовые булавки одинаковой формы и размера. Головки их конусообразные, с квадратным основанием, в верхней части имеющие сквозные отверстия (рис. 3, *13*). Анализ металлических предметов из кургана производился в лаборатории археологической технологии Института истории АН АзербССР И. Р. Селимхановым.

Металлические предметы	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe
Кинжал	Осн.	9,2	0,82	0,01	0,5	0,03	0,05	0	0,02	0,03	0,005	0,2
Фрагмент кинжала	»	8,5	0,55	0,01	0,4	0,3	0,05	0	0,005	0,03	0,005	0,3
Наконечник копья	»	12	0,55	0,01	0,4	0,05	0,07	0	0,02	0,015	0,002	0,03
Булавка	»	0	0,5	0,1	2,5	0	0,08	0	0,015	0	0	0
Фрагмент височной подвески	»	0,3	0,3	0,1	0,2	0	0,08	0	0,02	0	0	0,02

Из приводимой выше таблицы видно, что в составе металлических предметов в большом количестве имеется присадка олова. Этот факт указывает, что перечисленные изделия относятся к эпохе развитой бронзы.

На основании приведенных аналогий и анализа металлических предметов можно полагать, что курган был сооружен примерно во второй четверти II тысячелетия до н. э.

[22] Гос. музей Грузии. Инвентарная книга, 1915, стр. 3, инв. № 14—15; О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 85—86, табл. 35; Я. И. Гуммель. Крашеная керамика..., стр. 37, 41; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 97, табл. LXXXI—LXXXIII; Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении; Гос. исторический музей Армении, инв. № 1861/22; там же, инв. № 2246/99, 2246/100.

С. А. ИЗЮМОВА

О БРОНЗОЛИТЕЙНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ САТИНСКОГО ГОРОДИЩА

Объединенная Тульская археологическая экспедиция Исторического факультета МГУ и Тульского краеведческого музея под руководством автора производила в 1961—1963 гг. раскопки городища у дер. Сатинки Киреевского района, в 60 *км* к юго-западу от Тулы. Поселение, расположенное на верхней площадке (размером около 3500 $м^2$) песчаного мыса правого берега Упы, в 600 *м* к северу от дер. Старая Сатинка, было укреплено с напольной стороны тремя подковообразными валами высотой 1,5—1,8 *м* и тремя рвами глубиной до 1,2 *м*. На городище обнаружены остатки наземных жилищ столбовой конструкции с очажными развалами из известняка и песчаника. Культурный слой поселения, мощностью от 0,25 (на площадке) до 1,5—2 *м* (по краям) насыщен разнообразными изделиями из кости (стрелы, гарпуны, псалии), глины, бронзы и меньше — железа, позволяющими не только датировать городище VI—III вв. до н. э., но и говорить о близости его культуры к культуре древних окских и верхнеднепровских городищ.

Настоящая статья является публикацией найденных на городище 83 бронзовых предметов и связаных с их изготовлением орудий производства.

Среди орудий труда чаще всего встречались различные проколки, острия, иглы, шилья, реже рыболовные крючки. Иглы с расплющенным ушком, круглые в сечении (9 экз.) найдены целые и в обломках (рис. 1, *13*). Аналогичные по форме и размерам изделия известны на смоленских и харьковских поселениях [1], в лесостепной Молдавии [2]. Иглы Бискупинского городища несколько отличаются по расположению отверстия, значительно отступающего от верхнего конца [3].

Шилья различного сечения: круглые, четырехгранные в средней части и круглые на конце, длиной от 4 до 13 *см*, у большинства тыльная часть расширена в виде лопаточки (рис. 2, *13*), а у некоторых она кручена (рис. 1, *15*).

Из орудий рыболовства найден маленький бронзовый крючок (рис. 1, *12*). Небольшие крючки подобной формы встречались на многих древних городищах, в частности у с. Гремячее [4].

---

[1] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 86, рис. 42, *6*; стр. 164, рис. 12, *19—20*; И. А. Зарецкий. Заметки о древностях. Харьковский сборник за 1888 г., 2, Харьков, 1888, табл. IX—X, *24—26*.

[2] А. И. Мелюкова. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 30, рис. 12, *9—11*.

[3] B. Kostrzewski. Przedmioty brązowe i zelazne z groda kultury «łuzyckiej» w Biskupinie. III Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury łuzyckie w biskupinie w powieciej zninskim za lata 1938—1939 i 1946—1948. Poznan, 1950, стр. 100, рис. 7.

[4] А. Спицын. Городища Дьякова типа. ЗОРСА, V, 1 СПб., 1903, стр. 120, рис. 84.

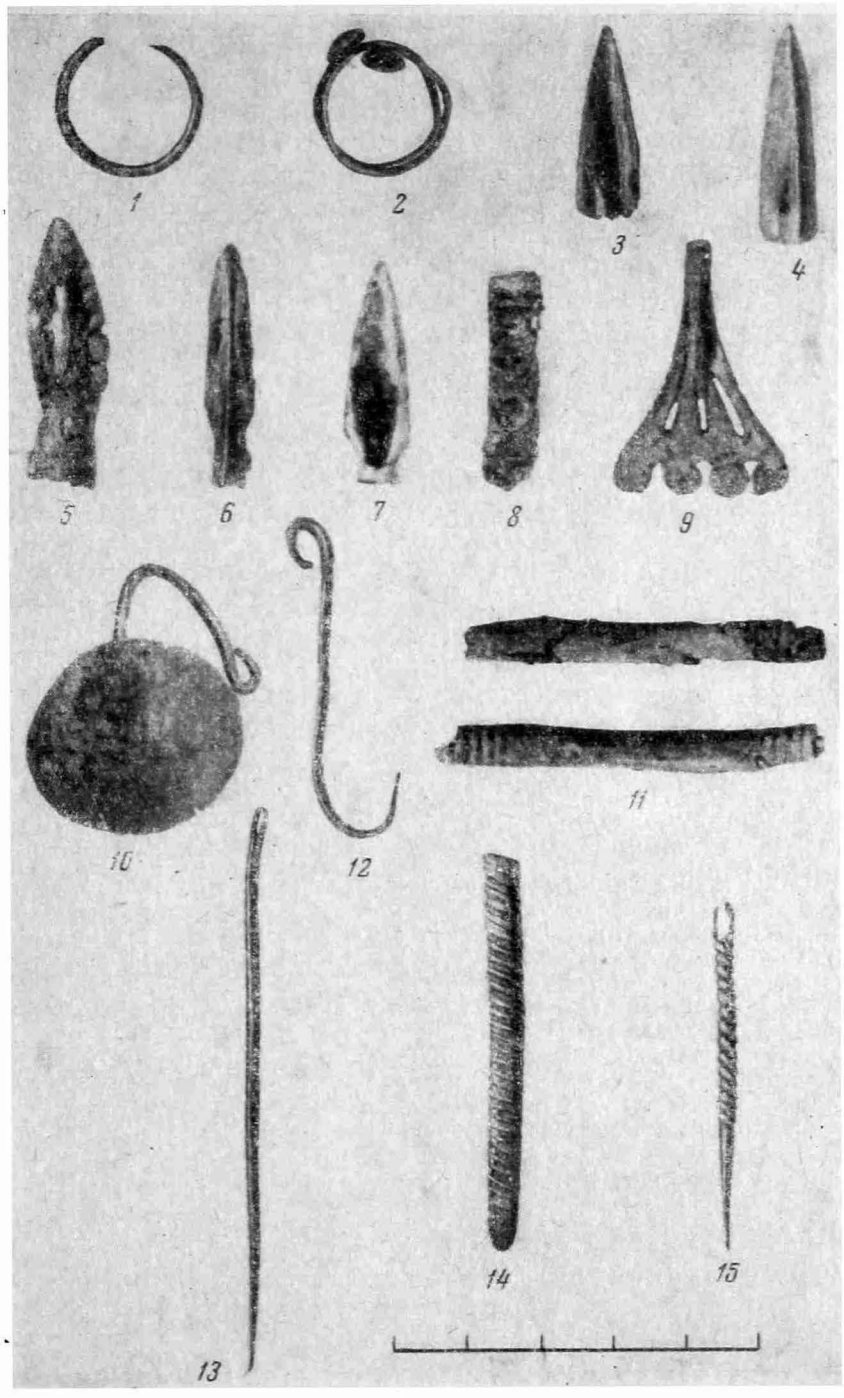


Рис. 1

1, 2 — проволочные колечки; *3—7* — наконечники стрел скифского типа; *8* — железное зубильце; *9* — привеска; *10* — серьга «скифского типа»; *11* — пронизи; *12* — рыболовный крючок; *13* — игла; *14* — перекрученный стержень; *15* — острие с перекрученным стержнем

Все предметы, связанные с оружием, впервые были найдены на поселениях Тульской области. В их числе — пять бронзовых наконечников стрел скифского типа и несколько чешуек от панциря.

Среди стрел — одна двухлопастная с овальной формой пера, с шипом на втулке (рис. 1, *5*) и четыре трехлопастные: две с выступающей наружу втулкой, с шипом на втулке (рис. 1, *6*, *7*) и две с обрезанной втулкой (рис. 1, *3*, *4*). Двухлопастные с шипом скифские стрелы ранние и встречаются на памятниках конца VII — начала VI в. до н. э.[5], трехлопастные с выступающей втулкой и шипом известны в курганах, датируемых рубежом VI—V вв. до н. э.[6], а трехлопастные наконечники стрел со скрытой втулкой более поздние, встречаются с конца V до начала IV в. до н. э.[7]

Четыре пластинки от панциря, по определению Б. Н. Гракова, (рис. 2, *1*, *3*) разных размеров. Часть из них была вторично использована в качестве украшений, с этой целью на поверхность чешуек наносился орнамент, а по краям или в центре пробивались дополнительные отверстия. Аналогичные пластинки от панциря найдены на Каменском городище [8] и на поселениях Северского Донца [9].

Предметы убора и украшения занимают первое место по количеству находок, а самыми распространенными среди них были булавки (17 экз.), различавшиеся оформлением верхней части.

Булавки гроздевидные (рис. 2, *15—17*) с коническим навершьем (5 экз.), круглые в сечении. Подобные булавки встречались на древних городищах, в слоях VI — первой половины V в. до н. э.— Бельском [10], Липинском [11], Немировском [12], Бискупинском [13] и др., а на территории Тульской области они найдены впервые.

Булавки с навершьем в виде кольца и спирали (10 экз.) широко распространены как территориально, так и хронологически и имеют много аналогий среди находок на поселениях и из могильников [14]. Сделаны эти булавки из круглой в сечении проволоки (рис. 2, *11*, *12*, *18*, *19*). Булавки со спиральными навершьями в виде пружинящего конуса найдены на Свинуховском [15] и Бискупинском [16] городищах.

[5] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, $Д_{1-4}$, М., 1964, табл. 6: буква $З_5$, курган 487 у с. Журавки, $О_1$ — Старшая могила; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 125, рис. 66; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца. МИА, 113. 1962, стр. 33, рис. 4_1.

[6] А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. 7, буква $З_3$, $И_5$, $К_1$ Лихачевка, кург. 13_7, Опишлянка $А_{10}$, кург. № 478 у с. В. Будки.

[7] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. 8: $Н_1$, кург. № 2, группы Семибратних $О_2$ — Никопольский могильник, кург. № 1, погр. № 1; $О_1$ — Никопольский могильник; кург. 1, погр. № 1; $М_2$, кург. № 504 у с. Браварки.

[8] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 126, табл. XVII, *6а — в*.

[9] Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 210, рис. 80, *12*.

[10] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, III, М., 1911.

[11] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949: П. И. Засурцев. Отчет за 1951 г. Архив ИА за 1951, д. 927.

[12] Б. Помаскин. Металлические булавки Бельского городища. Дипломная работа. Архив кафедры археологии МГУ за 1962 г.

[13] B. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 97, рис. 2; О. Н. Мельниковская. История племен раннего железного века южной Белоруссии. Диссертация. М., 1964, альбом, рис. 26, *1*.

[14] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, М., 1934; Л. А. Евтюхова. Городище у деревни Прислон. ТСА РАНИОН, IV, М., 1928; А. В. Арциховский. Бородинское городище. ТСА РАНИОН, II, М., 1928, табл. VII, *1*; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 39, рис. 9 и др.; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 164, рис. 12, *1—4*; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, МИА, 70, 1959, стр. 143, рис. 14, *6*, *10*, *13*.

[15] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 16, рис. 2, *1*, *2*.

[16] B. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 102, рис. 9.

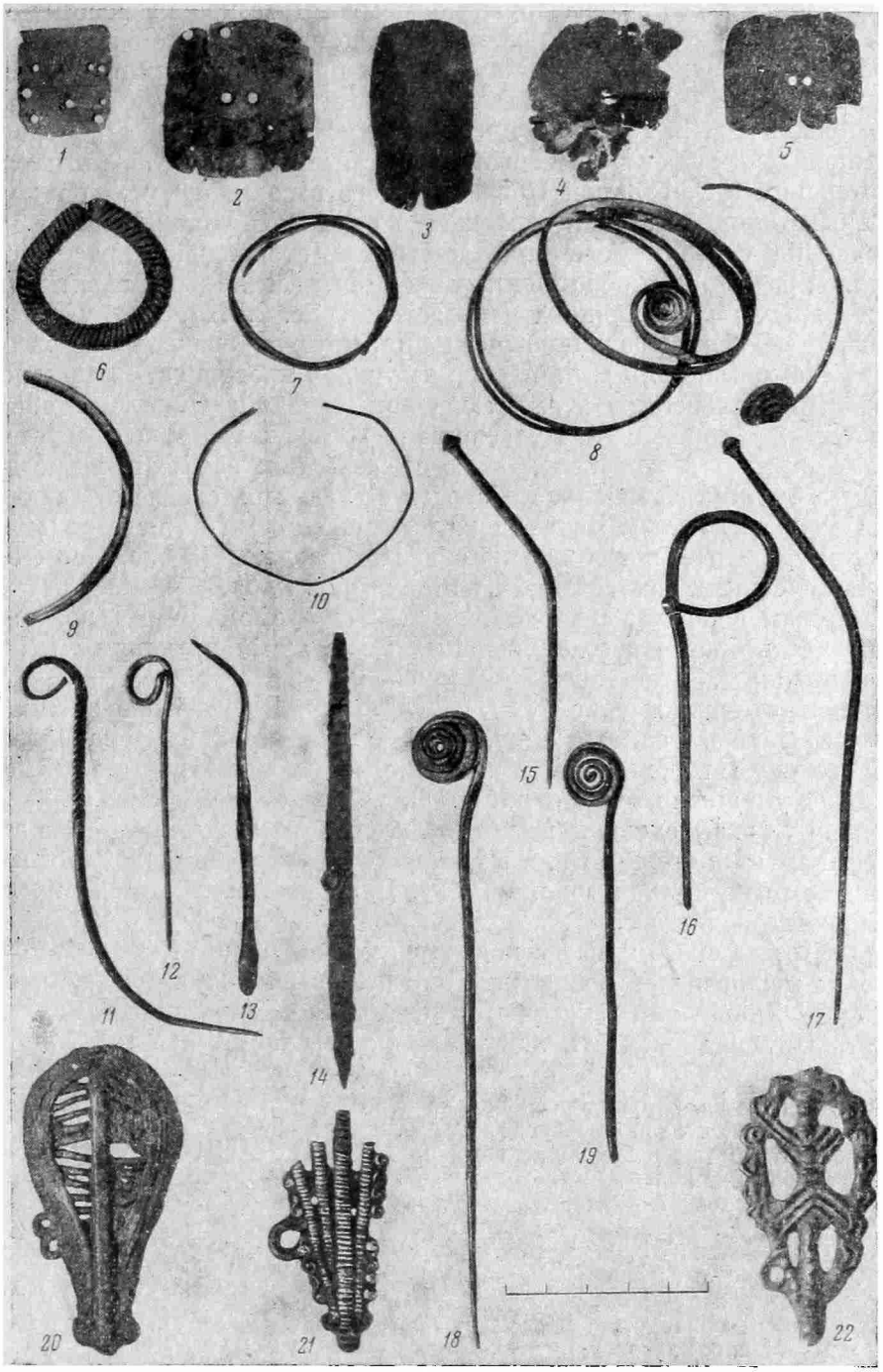


Рис. 2

1 — чешуйка панциря; *3* — заготовка для чешуйки; *2*, *4*, *5* — пластинчатые бляшки; *6* — кольцо; *7* — спиральный браслет; *8* — многовитковый браслет со спиральными коническими завитками на концах; *9* — обломок круглопроволочного браслета; *10* — проволочный браслет; *11*, *12*, *18—19* — булавки с кольцевидными и спиральными навершьями; *13* — шило; *14* — железный пробойник; *15—17* — булавки гвоздевидные с коническими навершьями; *20—22* — ажурные навершья булавок

В слое поселения найдены три ажурных навершья в виде листа с центральным стержнем и петлей с левой стороны. Одно из наверший не отличается от уже известных находок из Верхнеокского бассейна [17] и других мест (рис. 2, *20*) [18]; два других оформлены несколько необычно. Второе из них в средней части имеет рельефное изображение сильно стилизованной фигурки человека с поднятой вверх правой рукой, широко расставленными ногами. Фигурка заключена в рамку с полукруглыми выступами по краю (рис. 2, *22*). По крестообразному очертанию центрального изображения, окруженного шестью отверстиями-прорезями, это навершье можно сравнить с находкой Новобатекского городища [19], но контур предмета и оформление деталей совершенно другие. Обломанная часть третьего навершья состоит из четырех перевитых стерженьков, расходящихся от основания кверху и обрамленных по краям эсовидными завитками. Подобной формы навершья пока неизвестны (рис. 2, *21*).

Браслеты (7 экз.) различного сечения: круглопроволочные с разомкнутыми концами (рис. 2, *9*), из плоско-выпуклой проволоки. Браслеты круглопроволочные известны в слоях древних городищ Оки и Днепра [20] и древнерусских городов [21]. Проволочные (плоско-выпуклые в сечении) браслеты отличаются разнообразием оформления: самые простые из них сделаны в один или несколько оборотов с гладкими, слегка сужающимися концами (рис. 2, *7*, *10*). Более редкими и сложными по изготовлению являются спиральные, в три-четыре оборота браслеты (3 экз.), со спиральными коническими завитками на концах (рис. 2, *8*).

В нижнем слое городища Тушемли, датируемом V—III вв. до н. э., найдена часть браслета со спиральными завитками на концах, аналогичная Сатинским [22].

Обломок от гривны (рис. 3, *2*), сделанной из круглой проволоки, имеет подобие крючка на одном конце. Подобная гривна найдена в древнем слое Троицкого городища [23]. Массивное кольцо подтреугольной формы (рис. 2, *6*) украшено мелкой нарезкой, подражающей витью.

Кольца (3 экз.) сделаны из тонкой проволоки в один оборот, с гладкими несомкнутыми концами или в два-три оборота со спиральными плоскими завитками на концах (рис. 1, *1*, *2*). Подобное колечко найдено на Новобатекском городище [24].

Серьги «скифского типа» с коническими колпачками (рис. 1, *10*) найдены одна целая и две в обломках. Это редкая находка на верхнеокских городищах [25], чаще они встречаются на древних поселениях Верхнего и Среднего Приднепровья [26] и характерны для скифских погребений VI в. до н. э. [27].

[17] И. Булычев. Журнал раскопок по берегам Оки в 1898 г. М., 1899, табл. 1, *8*, *9*; Т. Н. Никольская. Культура племен..., стр. 16, рис. 2, *3*, *6*, *7*.

[18] Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, 31, 1950, стр. 154, рис. 54, 31; А. Е. Алихова. Городища Курского поселья. Лесостепные культуры скифского времени. МИА, 113, 1962, стр. 124, рис. 20, *9*; ГИМ, II отд., бывшая Полтавская губ., шк. 47/66.

[19] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 164, рис. 12, *5а — 5б*.

[20] Т. Н. Никольская. Культура племен..., стр. 16, рис. 2, *5*; О. Н. Мельниковская. История племен..., рис. 23, *8*, *11*; О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 78, 1957, рис. 10, *13*; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 89, рис. 44, *14*.

[21] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 249.

[22] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 48, рис. 14, *3*.

[23] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище. СА, 1964, 1, стр. 190, рис. 10, *15*.

[24] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч..., стр. 164, рис. 12, *16*.

[25] Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, 53, 1954.

[26] Л. В. Артишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, 68, 1957, рис. 33, *3*; О. Н. Мельниковская. История племен... Альбом, рис. 22, *8*; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 86, рис. 42, *9а — б*; А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 102, рис. 8, *12*.

[27] П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. Сб. ВССА, стр. 156, табл. 1, *66*.

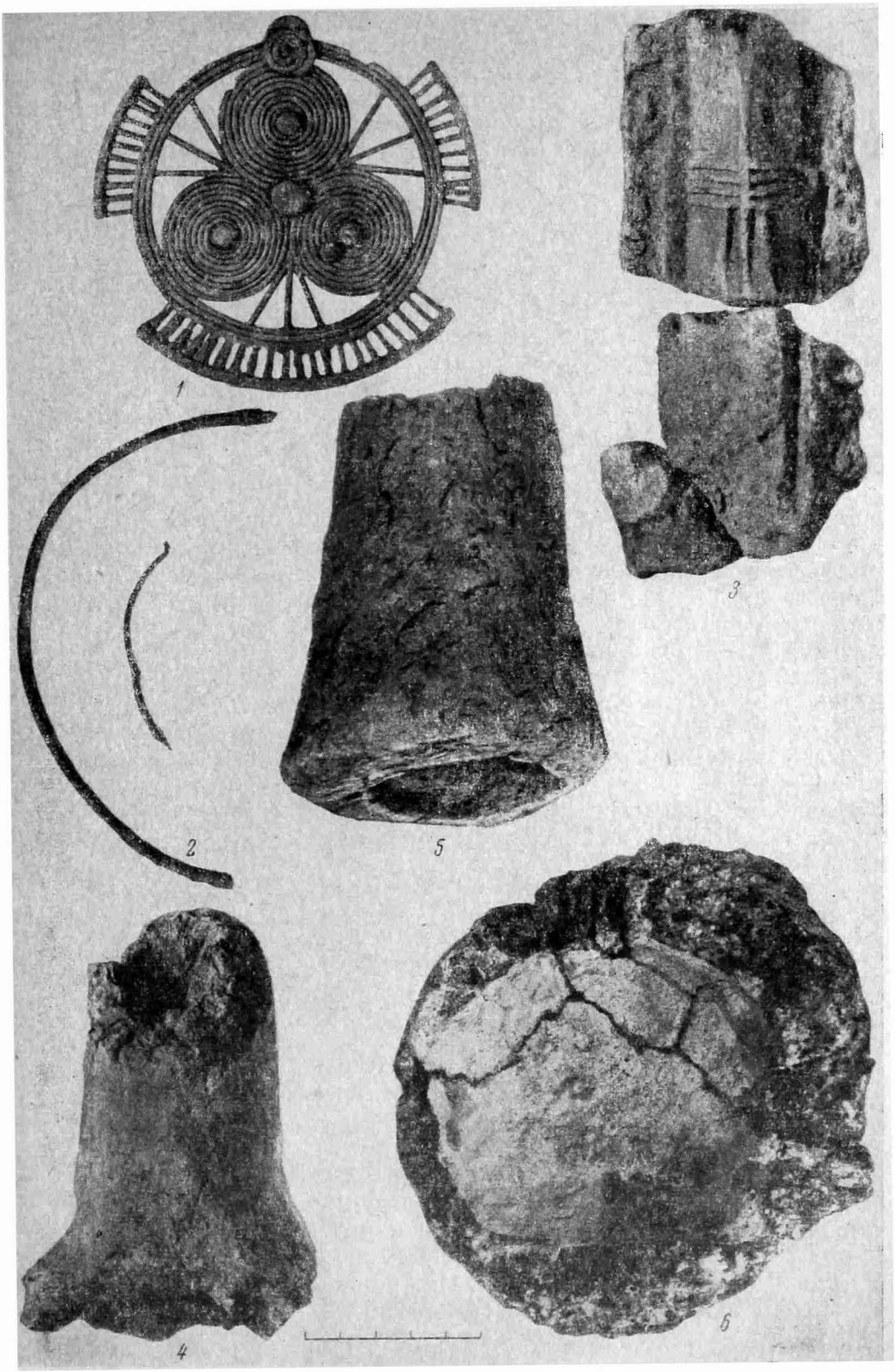


Рис. 3

1 — ажурная бляха; *2* — часть гривны; *3* — глиняный штамп для половины кельта; *4*, *6* — ручка и ковш сковородообразной льячки; *5* — часть сопла

Пронизи в виде полых трубочек (рис. 1, *11*), свернутых из плоских тонких пластинок с рельефными поясками на концах или свитыми из плоской узкой ленты в виде спирали, входили в состав женских ожерелий вместе с бронзовыми бусами.

Пластинчатые бляшки различны: прямоугольные, с округленными углами и круглые, видимо, нашивались на одежду. В центре бляшек — одно или два отверстия, а поверхность покрыта штампованным орнаментом из мелких точек и выпуклых кружков (рис. 2, *2*, *4*, *5*). Подобные по форме и узору бляшки — частая находка на дьяковских и курских городищах [28] и в могильниках Прикамья [29].

Треугольная привеска с ушком, тремя сквозными прорезями внизу имеет четыре округлых (рис. 1, *9*) выступа с концентрическими кругами. Внешним видом она напоминает оригинал-привеску в виде лапки водоплавающей птицы, только сильно стилизованную. Подобное украшение найдено на одном из курских городиц VI—V вв. до н. э. [30].

Две бляхи-привески отличались от других украшений не только размером, но и более сложным оформлением (рис. 3, *1*). Основу или центральную часть блях занимает трилистник, образованный тремя кругами с узором из концентрических окружностей. В центре каждого круга и в местах их касания напаяны плоско-выпуклые кружочки. Трилистник заключен в ободок из трех рельефных поясков, соединенный с ним тремя пучками веерообразно расходящихся лучей. По краю бляхи украшены тремя ажурными выступами. В верхней части бляха имеет петлю для подвешивания, прикрытую снаружи небольшим кружком со спиралью. Близких аналогий этим бляхам пока не найдено.

Среди рассмотренных выше предметов Сатинского городища с древнейшим периодом его существования VI—V вв. до н. э. следует связывать скифские двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел с шипом на втулке и гвоздевидные булавки с коническим навершьем.

В V—III вв. до н. э. ассортимент металлических изделий более разнообразен, его составляют трехлопастные, со скрытой втулкой, скифские стрелы, серьги «скифского типа», многовитковые браслеты со спиральными коническими завитками на концах, ажурные навершья булавок и др.

Все перечисленные изделия имели близкие аналогии среди вещей, распространенных в скифское время у племен Верхнего и Среднего Приднепровья, Среднего Дона.

В числе находок на городище были булавки с кольцевидными навершьями, плоские бляшки, пронизи, встречающиеся от Прибалтики до Прикамья не только в конце I тысячелетия до н. э., но и в более позднее время.

В культурном слое поселения, содержащем законченные изделия, найдено около 40 обрезков, неоформленных заготовок или полуфабрикатов в виде брусочков, кусков проволоки длиной 15—30 *см* и разного сечения. Основная масса проволоки найдена на юго-западных участках городища — 32 куска из 34.

Кроме металлических полуфабрикатов и отходов кузнечного производства в слое поселения были найдены инструменты древних кузнецов и литейщиков (пробойник, зубильца, льячки, тигли, литейные формы, сопла, штамп). Железный пробойник четырехгранный в сечении, с заостренным круглым рабочим концом (рис. 2, *14*). Аналогичные по форме и размерам пробойники найдены на Каменском городище [31]. Из-за плохой сохранности

---

[28] ГИМ, II отд., инв. № 2533 (Огубское городище), шк. 81/34[а]; А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 101, рис. 7, *22*.

[29] Е. А. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 27, рис. 8.

[30] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 101, рис. 7, *20*.

[31] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 125, табл. XV, *1—3*, *5—6*.

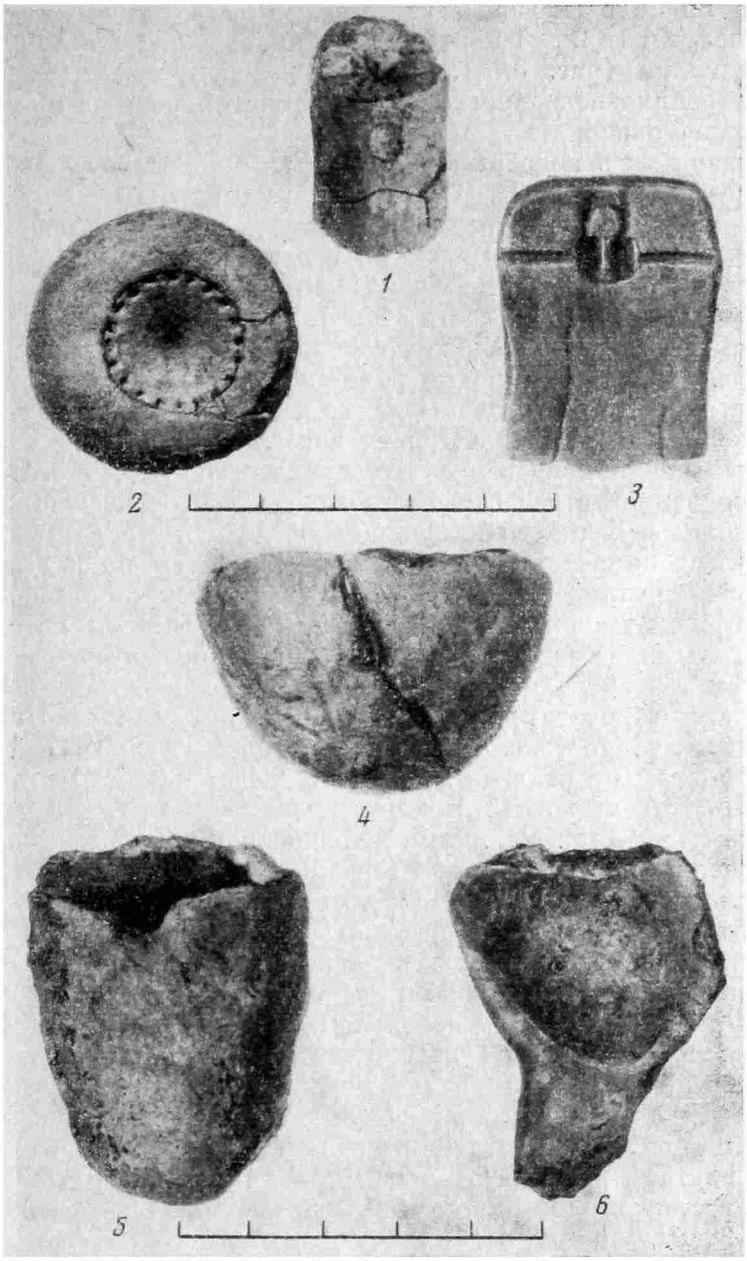


Рис. 4

1 — глиняный стержень для отливки втулок; *2* — глиняная формочка для отливки конической бляшки; *3* — глиняная формочка для отливки двух бусин; *4—5* — глиняные тигельки; *6* — льячка

железа в культурном слое городища большая часть орудий из этого материала бесследно исчезла. Иногда встречались обломки небольших зубильцев (рис. 1, *8*) и разнообразных острий круглого и квадратного сечения.

Льячки в виде небольших глиняных ложек с боковым сливом имели в рукояти отверстие для палки, они предназначались для разлива расплавленного металла в литейную форму (рис. 4, *6*). Небольшие льячки являются обычной находкой на древних поселениях[32]. Льячки другого типа

[32] Т. Н. Никольская. Культура племен..., стр. 27, рис. 11, *15*, *16*; стр. 20, рис. 5, *8*; Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Труды II Тверского областного археологического съезда. Тверь, 1906; А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 99, рис. 5, *4*; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище..., стр. 139, рис. 12, *21*, *25*; В. П. Левенок. Городища юхновской культуры, КСИА, 7, 1957, стр. 50, рис. 1, *7*.

похожи на круглые сковороды (диаметр 10—14 *см*, высота бортов 5—7 *см*) с толстыми (в 2 *см*) краями и длинной ручкой (до 15 *см*), с отверстием для палки (рис. 3, *6*). Боковой желобок слива (ширина 1 *см*), края и внутренняя поверхность льячек губчато-пористые от перекала, со следами медной окиси.

Разогревали ли в подобных льячках металлические заготовки перед ковкой, как предполагает Н. В. Рындина, или плавили слитки,— пока решить нельзя. Важно, что эти предметы имели прямое отношение к бронзолитейному производству. Подобные целые льячки найдены на Бискупинском городище («литейные ложки») [33]; в Нижнем Поволжье [34] и на городище у дер. Мужитино [35] (часть ручки).

Тигли имели форму маленьких сосудиков с округлым дном глубиной до 3 *см* (рис. 4, *4*, *5*). Близкие по форме и размерам тигли встречались не только на верхнеокских городищах [36], но и на поселениях Верхнего Днепра [37], Курского Посеймья [38] и в Прибалтике [39].

Литейные формы найдены только глиняные, но, судя по готовым предметам (наконечники стрел скифского типа, ажурное навершие булавки), были и каменные. В числе глиняных были открытые односторонние и закрытые двусторонние формы одноразовые для литья по восковой модели.

Односторонняя открытая форма для отливки конусообразного украшения с рельефным точечным узором по краю, диаметром 1,8 *см*, высотой 0,85 *см*, представляла собой круглую, слегка приплюснутую лепешку толщиной 1,5 *см*, с углублением в центре. Форма (судя по внешнему виду и пластилиновому отпечатку) была изготовлена путем оттиска готового изделия на сырой глине (рис. 4, *2*). На городище Кузина Гора конусные бронзовые бляшки отливались в формах, сделанных из мергеля [40]. Этот тип бляшек, по мнению А. Е. Алиховой, известен на Западе и на Кавказе в более раннее время [41]. Глиняные лепешковидные формы для отливки мелких украшений встречались на городищах Подмосковья и на Оке [42].

Половинка двусторонней формы для отливки бус сделана в виде плоско-выпуклого прямоугольного брусочка (рис. 4, *3*). В верхней части формы оттиснуты два углубления для половинок бус, около которых проделаны четыре канала: два с небольшим расширением в верхней части служили литками, а два боковых, расположенных симметрично,— для закладки стерженьков, для отверстий в бусах.

Одноразовые глиняные формы для отливки браслетов и гривен найдены в большинстве случаев в виде небольших кусков с плоским основанием, округлыми боками. Высота таких обломков 3; 3,5; 3,8; 4 *см*, толщина 3,2; 3,6 *см*, внутри них были один или два литейных канала диаметром 0,5—0,6 *см*, располагавшиеся всегда в верхней части с перемычкой между ними в 1,5—3 *мм*.

Фрагменты литейных форм встречались на различных участках городища, но больше всего на юго-западной части. Здесь были найдены целая

---

[33] Z. Pieczyński. Formy i przybory odlewnicze z grodu kultury łyzyckiej w Biskupinie. III Sprawordanie..., Poznan, 1950, стр. 127, рис. 19.

[34] В. П. Шилов. О древней металлургии в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 18, рис. 6, *2*, *3*.

[35] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, табл. XIII, *10*.

[36] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 27, рис. 11, *12*.

[37] В. П. Левенок. Ук. соч., стр. 50, рис. 1, *24*; П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 139, рис. 12, *22—24*; О. Н. Мельниковская. История племен... Альбом, рис. 58, *12*.

[38] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 103, рис. 9, *5*, *11*.

[39] Arheoloçija un etnografija. VI. Riga, 1964. Senakie tigeli Latvija I. Daiga un Grosvalds, стр. 11, рис. 3, *3—5*.

[40] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 108, рис. 12, *3*, *4*.

[41] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 108.

[42] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, стр. 173, рис. 6, *12*, *13*; В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Тр. МИРМ, V, 1954; ГИМ, II отд.

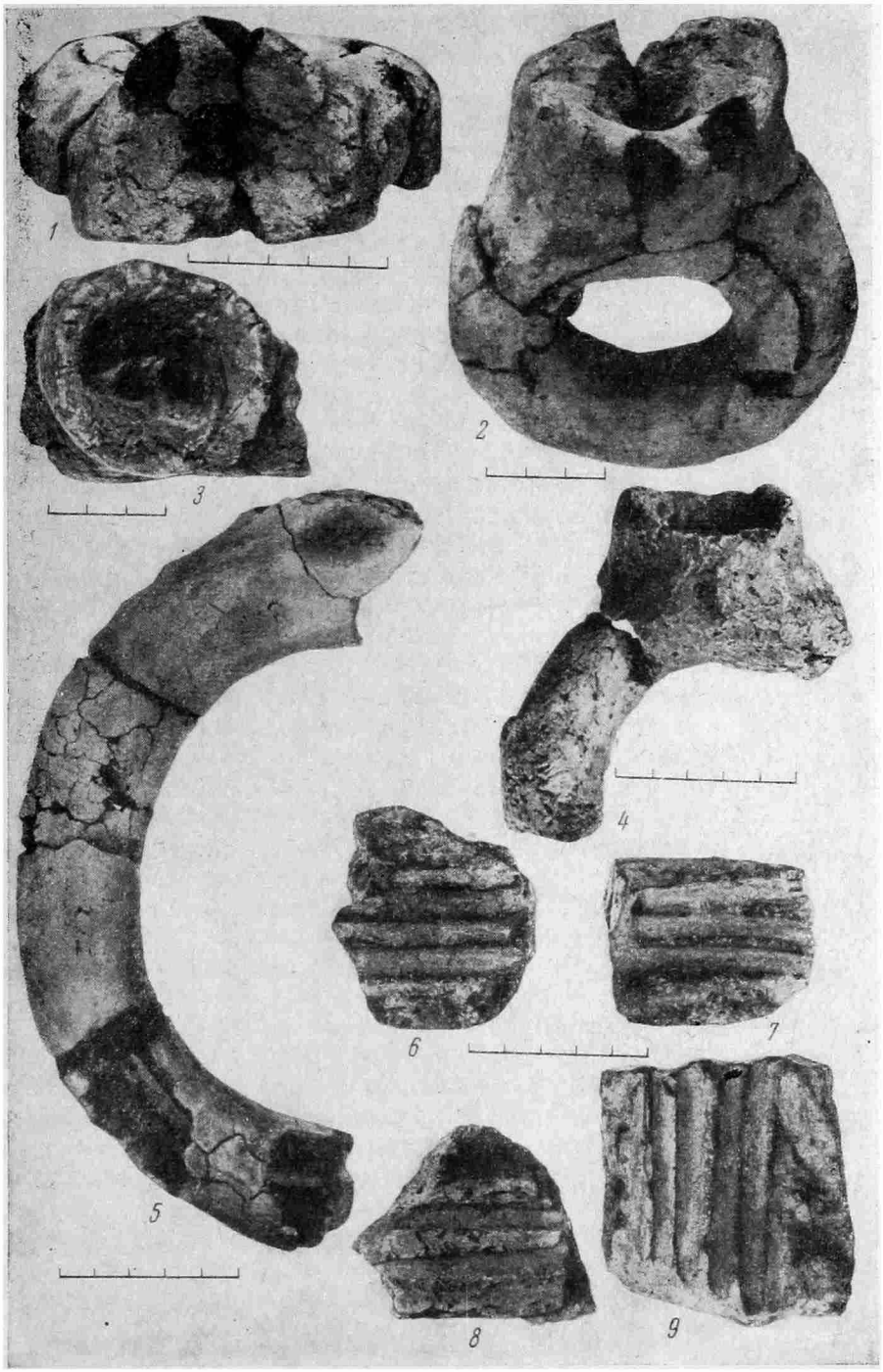


Рис. 5

1 — глиняная форма для двух браслетов. Вид сбоку: со стороны литника; *2* — глиняная форма для двух браслетов. Вид сверху; *3* — литник глиняной формы для одного браслета; *4* — часть той же формы. Вид сверху; *5* — половина глиняной формы для гривны; *6—9* — обломки многоканальных глиняных форм

форма для отливки двух браслетов и половинка другой, служившей для изготовления гривны. Они имели вид плоско-выпуклого кольца, различного диаметра в зависимости от размеров отливаемого предмета, с воронкообразным цилиндрической формы литником. В первой форме отливались сразу два браслета диаметром 7 и 7,5 *см* (рис. 5, *1—2*). Воронка-литник шириной 6,8 *см*, высотой 5,5 *см*, с углублением в 1,5 *см* имела два отверстия (шириной 1,2 ×0,5 *см*), каждое из которых сообщалось с литейным каналом диаметром 0,5 *см*. Оба канала находились в верхней части толщи кольца, ближе к внутренней стороне, один над другим, а перемычка между каналами была незначительной, около 3 *мм*, что облегчало разбивание формы и выемку готового изделия. Такую же конструкцию имела часть формы для отливки гривны (рис. 5, *5*).

На северном участке поселения найден обломок третьей формы (рис. 5, *3—4*) для отливки одного браслета, имевший округлый выступ-литник диаметром около 4 *см* (глубина около 3 *см*), с двумя отверстиями, расположенными в одной плоскости и соединяющимися с одним литейным каналом диаметром 0,8 *см*. Наличие двух отверстий в литнике при большей глубине последнего, вероятно, ускоряло процесс заполнения формы горячим металлом.

При изготовлении литейных форм для браслетов или гривен брался воск и из него делались одинаковой толщины валики, один или два (диаметром 0,5—0,8 *см*), концы которых или смыкались (в форме для двух браслетов) или близко подходили друг к другу (в форме для одного браслета и гривны). В последнем случае концы воскового браслета или гривны резко отгибались почти перпендикулярно его поверхности, образуя литники. У формы для двух браслетов литниковые каналы, расширенные снаружи, сделаны в местах соединения концов каждого браслета.

Восковые модели обмазывались глиной однородного состава с примесью песка (форма для двух браслетов и гривны) или мякины. Просохшие формы обжигались, воск вытапливался. У всех обломков форм видны сильно закопченные сажистого цвета литейные каналы. Можно предполагать, что при изготовлении воскового валика употреблялся шнур, который потом выжигался, оставляя закопченными внутренние стенки формы.

В готовые формы расплавленный металл заливался через литники, для этого форма должна была находиться в вертикальном положении, скорее всего подвешивалась, вот почему ей придавалась кольцевидная форма. Осталось неясным назначение плоской нижней стороны. Возможно, это результат формовки [43], а при подвешивании нескольких форм они вплотную плоской стороной примыкали друг к другу. Как правило, снаружи все формы докрасна прокалены; по-видимому, их подвешивали над огнем и подогревали, чтобы ускорить процесс заливки формы расплавленным металлом. При извлечении готовых изделий формы разбивали, поэтому в культурном слое городища встречались только их обломки. Среди бронзовых литых изделий городища имеется часть гладкого браслета (диаметр 6,5 *см* и толщина 0,4 *см*) и обломок гривны (диаметр около 13 *см*, толщина 0,5 *см*), изготовленных, вероятно, в подобных кольцевидных формах. Аналогичные одноразовые глиняные формы для отливки браслетов и гривен встречались и на других древних поселениях [44].

В южных квадратах VI раскопа собрано около десятка обломков от многоканальных глиняных литейных форм, в которых отливались одно-

[43] И. В. Дайга. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии. СА, 1960, 3, стр. 81.

[44] И. Г. Розенфельдт. Ук. соч., стр. 173, рис. 6, *14*; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч., стр. 89, рис. 44, *34*; И. В. Дайга. Ук. соч., стр 81, рис. 3, *2, 9, 16*; стр. 82, рис. 4, *1*; Э. Бривкалне. Некоторые ремесленные изделия Тервете кого городища. Arheoloçija un etnografija, VI, стр. 88, рис. 3, *4, 5*; Pleczyński. Ук. соч., стр. 118, рис. 7; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 110, рис. 76, *3*; стр. 113, рис. 79, *2, 3, 4*; стр. 116, рис. 82.

временно 4—5 круглых стержней диаметром 0,7—0,8 *см* (рис. 5, *6—9*). Устройство таких форм осталось невыясненным, но по некоторой изогнутости обломков можно предполагать, что они тоже имели кольцевидную форму. В них могли отливаться не только готовые изделия, но и своего рода заготовки или полуфабрикаты, использовавшиеся в дальнейшем для изготовления предметов.

На юго-западном участке городища найдены обломки керамического штампа для половины кельта (рис. 3, *3*), сделанного из тщательно приготовленного теста с примесью мельчайшего песка. На штампе изображена рельефно половина сильно вытянутого узкого кельта с удлиненной овальной втулкой, диаметром 3 *см*, с одним маленьким ушком и удлиненным, слегка расширяющимся книзу лезвием (ширина 4, 5 *см*). На высоте ушка кельт украшен четырьмя рельефными поперечными валиками, а в средней части лезвия — тремя вертикальными рельефными полосками, средняя из них пересекает горизонтальные валики и заходит на втулку. Обожженная докрасна находка сохранилась неполностью: со всех сторон оббита, сильно попорчены средняя часть лезвия и левый нижний край. Размеры сохранившейся вещи: длина 15,5 *см*, ширина 7 *см*, высота 3 *см*; низ и частично разбитые края были плоскими. Близкие по форме кельты известны в Младшем Волосовском могильнике [45], в Татарской АССР [46], на территории Латвии (меларский тип) [47], где датируются концом эпохи бронзы, XI—IX вв. до н. э. Столь ранняя дата для сатинского штампа вряд ли возможна, так как сопровождающие его предметы хорошо увязываются с общим комплексом находок городища. Поэтому приходится предполагать, что подобной формы кельты существовали в средней полосе Восточной Европы и позже, т. е. в VI в. до н. э.

Среди находок с юго-западных участков городища встречались обломки глиняных стержней для отливки втулок кельтов, топоров и др. в виде цилиндриков овального и круглого сечения (рис. 4, *1*). Подобного рода находки обычны в местах сосредоточения остатков литейного производства [48].

Глиняные сопла, связанные непосредственно с процессом плавки металла в горнах, сделаны из глины более грубого состава, с растительными примесями. Известная пористость после выгорания растительных волокон позволяла соплам выдерживать высокую температуру и не растрескиваться. Они имели форму усеченно-конических трубок со сквозными отверстиями. Длина обломка одного сопла 14 см, диаметры широкого основания 10,5—7 *см*, узкого 2,6—2,7 *см*, внутренний канал его, расширяясь, имел воронкообразную форму (рис. 3, *5*). Сопла Сатинского городища по форме не отличались от аналогичных изделий, происходящих с Бискупинского поселения [49], из Нижнего Поволжья [50] и других мест.

Перечисленные выше находки: готовые изделия, неоформленные заготовки и обрезки, орудия мастеров литейщиков (льячки, тигли, литейные формы) — служат прямым доказательством наличия на городище местной обработки цветных металлов; кроме того, они уточняют местонахождение бронзолитейного производства в юго-западной части поселения. Здесь ниж-

---

[45] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 38, табл. X, *5*.

[46] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 51—52, табл. VIII, *7*, *VIII*, *26*, XXV, *14*.

[47] Л. В. Ванкина. Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР. СА, 1960, 3, стр. 154, рис. 1, *8*.

[48] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 137, табл. XXII, *3*, *4*; В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 17, рис. 5, *3*.

[49] Z. Pieczyński. Ук. соч., стр. 120—121, рис. 9, *12*; стр. 126, 128, рис. 18, 20.

[50] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 17, рис. 5, *6—9*.

ние пласты культурного слоя (особенно VI раскопа) содержали большое количество золы, спекшихся кусков угля с золой [51], скопление обожженной глины (в квадрате № 92). В квадрате № 100 найдено основание очажного развала, отличающегося от других не только большими размерами (160 × 155 *см* при высоте скопления до 40 *см*), но и по составу образующих его камней — известняковых плит (35 × 20; 26 × 23; 20 × 15; 15 × × 15; 15 × 12; 10 × 8 *см*, при толщине 10—12 *см*), плотно уложенных. Поблизости находились обожженные куски глиняной обмазки полуцилиндрической формы длиной 5—10 *см*, диаметром до 7,5 *см*, толщиной стенок 1,3—2 *см*. В данном случае мы не можем сказать определенно, что остатки большого очажного развала в квадрате № 100 являлись основанием плавильного горна. В то же время, комплекс таких находок, как сопла, спекшаяся зола с углем, литейные формы, позволяет утверждать, что такие горны были и находились они в юго-западной части Сатинского городища.

Что плавили в горнах сатинские литейщики, откуда и в каком виде получали они необходимое сырье? Имеющийся в нашем распоряжении материал пока недостаточен, чтобы дать исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Можно только попытаться высказать некоторые предположения.

Известно, что в процессе металлургической переработки руд все, или почти все, примеси, присутствующие в руде, переходят в металл [52]. Поэтому изучение химического состава металлических изделий дает возможность, во-первых, определить месторождение, послужившее источником для получения необходимого сырья, во-вторых, ознакомиться с уровнем развития литейного дела, т. е. определить, в какой степени древние литейщики овладели знанием качеств различных сплавов при изготовлении предметов разного назначения. Для определения состава металлических изделий Сатинской коллекции был произведен полуколичественный спектральный анализ (методом М. М. Клера) 59 предметов, в результате которого выяснилось, что все изделия приготовлены из оловянистых бронз на медной основе [53].

На основании небольшого количества анализов, а тем более при отсутствии сравнительного материала, конечно, преждевременно говорить об исходных рудных источниках, ясно одно, что они находились за пределами не только Сатинского городища, но и Верхнеокского бассейна в целом, где отсутствовали залежи медных руд [54]. По всей вероятности, юго-западное происхождение основных форм бронзовых изделий городища (наконечники стрел, серьги, булавки, ажурные навершья булавок, иглы, спиральные браслеты) не случайно и связано с направлением главных путей проникновения цветных металлов к сатинским металлургам. Необходимое сырье древние мастера получали, видимо, в виде слитков (в слое городища отсутствуют остатки медной руды и шлаков), из которых в процессе дальнейшей обработки получали разнообразные изделия.

Из-за сильной коррозии большинства находок Сатинского городища не удалось сделать их металлографические анализы [55], с помощью которых возможно «раскрыть технологию производства любого археологического предмета, конструкцию предмета» [56]. Поэтому для выявления приемов из-

---

[51] По мнению современных металлургов, подобное спекание угля и золы могло произойти только в условиях очень высокой температуры, т. е. в горнах.

[52] Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дисс.. М., 1963, стр. 6.

[53] Анализ выполнен А. Н. Репиным в лаборатории спектрального и структурного анализа при кафедре археологии МГУ.

[54] А. К. Мейстер. Металлические полезные ископаемые СССР. М.— Л., 1926.

[55] Структурный анализ одного бронзового шила (анализ № 265), выполненный научным сотрудником кафедры археологии МГУ Н. В. Рындиной, показал, что оно литое, без какой-либо дополнительной обработки.

[56] Б. А. Колчин, А. Л. Монгайт. Археология и методы естественных наук. ВАН СССР, М., 12, 1959, стр. 34.

Результаты полуколичественного спектрального анализа, %

№ пластинки	№ спектра	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ni	Co	Mn
				0,13							
01	3	Браслет круглопроволочный	3,0	0,15	0,045	0,015	0,02	0,3	0,03	0,12	~0,002
01	4	Браслеты многовитковые с коническими спиралями на концах	3,4	~0,005	0,014	0,007	~0,006	—	0,04	0,076	~0,001
	5	То же	2,8	~0,005	0,02	0,007	~0,005	—	0,035	0,064	~0,001
01	6	То же	3,6	~0,005	0,017	0,007	0,005	—	0,05	0,09	~0,001
01	7	Ажурное навершье булавки	0,5	0,07	0,047	0,01	0,04	0,12	0,018	0,02	~0,0015
01	8	Брусок	2,8	?	0,03	0,01	—	0,025	0,06	0,05	~0,001
01	9	Булавка гвоздевидная с конической головкой	6,0	~0,076	0,037	0,013	0,015	0,12	0,08	0,25	—
01	10	То же	3,6	~0,008	0,014	0,007	0,003	~0,01 ?	0,05	0,046	—
01	11	Обломок шильца	14,2	~0,008	~0,006	0,007	—	0,016	0,06	0,046	—
02	1			0,05							
02	2	Булавки гвоздевидные с коническими головками	1,0	0,07	0,03	0,01	0,07	0,5	0,03	0,04	0,0045
			6,0	~0,005	0,08	+	—	0,02	0,09	0,1	—
02	3	Часть крученого стержня	5,0	0,02	0,03	+	—	0,025	0,05	0,05	~0,001
02	4	Шило	6,0	—	0,014	+	0,013	0,4	0,09	0,09	—
02	5	Шило	5,6	0,43	0,1	+	—	—	0,06	0,09	—
02	6	Проволока плоско-выпуклая	5,0	0,01	0,045	0,007	—	—	0,06	0,2	—
02	7	Спиральное височное кольцо	2,6	0,013	0,03	0,007	—	0,01 ?	0,07	0,035	—
02	8	Тыльная часть шила	2,8	~0,003	~0,006	0,007	0,01	0,025	0,06	0,05	—
02	9	Обломок крученого стержня	2,3	0,09	0,03	0,009	0,01	0,025	0,045	0,046	—
02	10	Булавка со спиральной головкой	5,6	0,015	—	+	—	—	0,06	0,04	—
02	11	Часть булавки (?)	2,3	~0,005	0,03	+	~0,006	~0,01 ?	0,046	0,046	—
03	1	Шило	9,0	0,2	0,045	0,015	0,025	0,16	0,06	0,13	~0,002
03	2	Нижняя часть шила	6,0	0,2	0,03	— +	~0,005	0,02	0,06	0,07	~0,001
03	3	Брусочек	3,4	~0,003	0,02	— +	—	~0,01	0,08	0,2	~0,001
03	4	Обломок спирального браслета	4,2	0,5	~0,01	~0,007	0,1	0,12	0,01	0,03	~0,001
03	5	Ажурное навершье булавки	5,0	7,0	~0,01	0,01	0,075	0,16	0,03	0,03	—
03	6	Булавка с крученой средней частью	4,2	0,8	0,014	— +	0,012	0,05	0,09	0,045	—
03	7	Обломок гривны	5,0	0,01	0,014	~0,007	—	0,02	0,06	0,07	—

Продолжение

№ пластинки	№ спектра	Предмет	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ni	Co	Mn
03	8	Булавка гвоздевидная с конической головкой	5,6	—	0,02	—+	—	~0,01	0,07	0,09	—
03	9	Браслет проволочный — спиральный	4,2	10,0	—	0,015	0,06	0,8	0,2	0,04	—
03	10	Браслеты из плоско-выпуклой проволоки	2,6	—	0,03	— +	—	~0,01	0,03	0,09	—
03	11		5,6	~0,003	0,08	— +	—	—	0,09	0,25	~0,001
03	12	Кольцо	5,6	0,02	0,03	— +	—	—	0,1	0,09	~0,0025
03	1	Ажурное навершье	1,7	0,1	0,1	— +	0,07	1,0	0,07	0,09	~0,006
04	2	Булавка со спиральным навершьем	5,6	0,01	0,03	— +	—	—	0,06	0,06	—
04	3	Височное спиральное кольцо	4,2	~0,003	0,03	— +	—	—	0,02	0,09	—
04	4	Круглая ажурная бляха	4,2	2,0	0,02	0,09+	0,054	0,8	0,015	~0,01	~0,0025
04	5	Ушко бляхи	4,2	2,0	0,02	0,07	0,054	0,8	0,015	~0,01	~0,004
04	6	Обломок плоско-выпуклой проволоки	3,4	~0,003	0,03	— +	—	—	0,06	0,07	~0,001
04	7	Обломок прямоугольной проволоки	5,0	2,0	0,03	0,02	0,054	0,2	0,03	~0,01	~0,001
04	8	Прямоугольная плоская бляшка	3,4	3,3	0,03	— +	0,007	0,065	0,1	0,04	~0,003
04	9	Привеска в виде лапки	2,3	0,23	0,03	— +	~0,007	0,03	0,06	0,06	~0,02
04	10	Булавка или шильце крученые	2,6	—	0,045	— +	—	~0,01	0,027	0,076	—
04	11	Обломок проволоки круглого сечения	3,6	~0,006	~0,009	0,01	—	0,01	0,08	0,1	—
05	1	Круглая плоская бляшка	7,6	0,3	0,03	— +	0,13	0,16	0,01	0,045	—
05	2	Обломок проволоки	4,2	0,09	—	— +	—	0,02	0,05	0,06	—
05	3	Обломок плоско-выпуклой проволоки	5,0	0,015	—	— +	—	0,03	0,07	0,054	—
05	4	Обломок проволочного колечка	5,0	0,56	0,015	0,035	0,01	—	0,02	0,04	—
05	5	Проволочное колечко	2,6	—	0,03	— +	—	0,16	0,05	0,09	—
05	6	Нижняя часть шила	2,3	0,16	0,015	0,02	0,05	~0,01	0,01	0,04	—
05	7	Обломок проволоки прямоугольного сечения	3,6	—	0,015	0,013	—	0,01	0,01	0,04	—
05	8		5,0	0,7	0,045	0,015	0,02	—	0,07	0,076	—
06	1	Часть вязального крючка (?)	7,0	0,45	0,1	— +	0,015	0,08	0,08	0,28	—
06	2	Серьга «скифского типа»	5,0	~0,005	0,045	0,01	—	~0,01	0,05	0,09	—
06	3	Шило	5,0	0,56	~0,01	0,015	0,015	0,04	0,08	0,1	—
06	4	Булавка с кольцевидным навершьем	3,4	4,0	~0,01	— +	—	—	0,06	0,09	—
06	5	Обломок плоско-граненого брусочка	4,2	7,0	0,06	0,13	0,02	0,3	0,01	0,02	—
06	6	Проволока прямоугольного сечения	0,8	0,18	0,45	0,01	0,075	0,8	0,04	0,04	—
06	7	Обломок шила	3,4	0,01	—	~0,007	—	—	0,07	0,06	—
06	8	Часть серьги «скифского типа»	5,6	0,02	—	0,01	—	—	0,07	0,17	—

Примечание. Медь везде — основа. Серебро и железо в пробах не определялись.

готовления отдельных изделий пришлось ограничиться результатами их внешнего изучения, визуального осмотра через бинокулярный микроскоп МБС-2 [57].

Сопоставление уже известных материалов (заготовки и обрезки проволоки, инструменты кузнецов и литейщиков) с наблюдениями над готовыми изделиями, разнообразными по назначению и внешнему оформлению, свидетельствуют о знакомстве сатинских мастеров с основными приемами обработки цветных металлов (литьем, ковкой, чеканкой и пр.).

При изготовлении литых предметов древние металлурги городища применяли три способа литья [58]: 1) в жесткие формы (из камня); 2) в пластичные формы (из глины); 3) по восковым моделям.

Литье в жесткие формы. В жесткой двусторонней разъемной форме изготовлено ажурное навершье булавки, изображенной на рис. 2, *22* в виде листа с человеческой фигуркой. Сквозные прорези в навершье получались оттого, что форма в этих местах оставалась нетронутой, т. е. не имела никаких углублений. Бронзовые двухлопастные и трехлопастные наконечники стрел скифского типа отлиты в двухсторонних и трехсторонних разъемных каменных формах. Одна из плоских стрел еще не была в употреблении: ее края не заточены после отливки (рис. 1, *5*). Этот факт является доказательством местного производства бронзовых стрел по образцам скифских.

В пластичных (односторонних и двусторонних) формах, изготовленных оттиском готового предмета на сырой глине, сатинские литейщики делали конические бляшки, бусы (рис. 4, *2*, *3*). На пластилиновом отпечатке с формы для бляшек четко прослеживается один из недостатков этого вида отливки (смещение узора). Для ускорения процесса приготовления глиняных форм при массовом производстве некоторых изделий сатинские металлурги делали специальные глиняные штампы, подобно приведенному ранее керамическому штампу для половины кельта. Таким образом, отливка бронзового кельта велась в двусторонней глиняной форме. На древних поселениях Среднего Приднепровья (Субботовском и Подгорцы) [59] найдены половинки глиняных литейных форм для таких же орудий.

Литье по восковой модели — один из распространенных приемов изготовления бронзовых изделий на Сатинском городище. Достаточно сказать, что из 25 литых предметов 16 изготовлено этим способом. Судя по готовым изделиям, сатинские литейщики знали оба вида литья по восковой модели: с сохранением литейной формы и с потерей формы. Первым способом изготовлены гривны, гладкий, круглый в сечении браслет, гвоздевидные булавки, серьги скифского типа. Рассмотренные выше глиняные кольцевидные формы для отливки браслетов и гривен являются наглядными образцами изготовления литейных форм по восковой модели.

Две большие круглые бляхи (рис. 3, *1*), привеска в виде лапки (рис. 1, *9*) два ажурных навершья булавок (рис. 2, *20—22*), кольцо (рис. 2, *6*) были отлиты по восковой модели, выполненной в технике «воскового вязания». Так, прежде чем отлить ажурные бляхи, привески и навершья булавок — из воска и провощенных нитей и шнуров — готовилась модель со сложными узорами в виде спиралей, эсовидных завитков, переплетений. Затем приготовленная модель заливалась жидкой глиной, которая заполняла мельчайшие углубления, образовавшиеся переплетениями восковых нитей, шнуров. Глиняная форма высушивалась, и из нее при нагревании вытапливался воск, выжигались нитки, шнуры, а остатки их удалялись при промывке водой. В приготовленную подобным способом гли-

[57] Визуальное изучение сатинских бронзовых изделий проведено Н. В. Рындиной. В ряде случаев автор пользовался ее консультацией и считает своим долгом выразить ей искреннюю благодарность.

[58] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 145.

[59] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 115, рис. 80, *11*, рис. 78, *2*.

няную форму заливался металл, а при извлечении готовых изделий из формы последняя разбивалась [60].

Прием бронзового литья по восковой модели известен с конца эпохи бронзы и позднее, в раннем железном веке, был широко распространен в Верхнем и Среднем Приднепровье [61], на Бискупинском городище [62], в Прибалтике [63].

Приемы ковки

1. Свободная ковка. Часть литых изделий нуждалась в дополнительной обработке ковкой. В одном случае проковкой оформлялись концы гривен (делались тоньше, растягивались, изготовлялись петля и крючок); в другом случае требовалась более сложная проковка для придания вещи определенной формы. Например, после отливки серьга скифского типа имела вид круглой пластинки со стерженьком в центре. При последующей проковке и растяжке краев пластинки ей придавали форму зонтика с ручкой, загнутой на конце в виде петли. При растяжке краев круглой пластинки они стали очень тонкими, а в одном месте даже прорвались [64] (рис. 1, *10*).

Сатинские кузнецы, судя по находкам, умели готовить бронзовую проволоку различного сечения от уплощенного прямоугольного и квадратного до плоско-выпуклого, плоско-граненого и круглого, толщиной от 0,1 до 0,5 *см*. Поскольку прием волочения проволоки еще не был освоен древними металлургами, они готовили проволоку методом свободной ковки, при которой заготовка имела неодинаковую толщину.

2. Ковка в формах. Проволока круглого, плоско-выпуклого и плоско-граненого сечения могла получиться только при ковке в специальных формах с желобками требуемого размера подобно тому, как это делалось новгородскими средневековыми ювелирами [65].

Используя различные приемы ковки, сатинские кузнецы делали из проволоки многие предметы: иглы, шилья, острия, спиральные браслеты, височные кольца, колечки, булавки с кольцевидными и спиральными навершиями, рыболовные крючки. Ковкой придавалась вещам определенная форма (спиральные браслеты, иглы, височные кольца, рыболовные крючки); оформлялись детали предмета (расковывалась тыльная сторона шильев в виде лопаточки, уплотнялись острия игл, шильев, булавок, рыболовных крючков); украшались изделия путем перекручивания стержня (средняя часть булавки (рис. 2, *11*), концы некоторых острий и стержней (рис. 1, *14—15*) и закручивания проволоки в плоские и конические спирали (навершья булавок, браслеты с коническими завитками).

Приемы украшения изделий перекручиванием стержня и кручением проволоки производились следующим образом: предварительно раскованной части предмета придавалась форма четырехгранного брусочка, затем он нагревался и в горячем виде перекручивался щипцами или другими приспособлениями [66]. Спиральные навершья у булавок закручивались также в горячем виде щипцами. Более сложно изготовление спирали конической формы. Для этого требовались не только щипцы, но и специальные

---

[60] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 153—155; Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. Новые методы в археологии. МИА, 117, 1963, стр. 259, и др.; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 110—115, 117.

[61] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Ук. соч.; О. Н. Мельниковская. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья. КСИА, 7; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 106—117; А. Е. Алихова. Ук. соч.

[62] I. Kostrzewski. Wytworczosc metalurgicne w Polsce, PA, IX, Poznan, 1953, стр. 189, 197, рис. 19, 20, 31—32.

[63] И. В. Дайга. Ук. соч.

[64] Определено Н. В. Рындиной.

[65] Н. В. Рындина. Технология производства..., стр. 212.

[66] Определено Н. В. Рындиной.

[67] То же.

приспособления в виде деревянной болванки-конуса [67]. Таким же способом оформлялись конические спирали на концах многовитковых браслетов (рис. 2, *8*).

Готовые кованые изделия с заостренными концами (булавки, иглы, шилья, разнообразные острия, рыболовные крючки) нуждались еще в специальной обработке — шлифовке, полировке, заточке. Подобные операции могли производиться при помощи песчаниковых брусочков, плиток. Такого рода предметы найдены на различных участках городища.

3. Расковка листа. Бронзовые заготовки превращались сатинскими кузнецами в тончайшие пластинки (толщиной около 1 *мм*), из которых потом делали чешуйки для панциря, бляшки, пронизи (рис. 2, *1—5*).

Изготовление тонких металлических листов требовало от мастеров не только большого опыта, умения, но и особых приспособлений (молотов с широким основанием, наковален и пр.) [68]. Для получения бляшек определенной формы и размеров края пластинок обрезались, а у трубочек-пронизей загибались с обеих сторон.

4. Чеканка. Поверхность некоторых бляшек украшена чеканным узором из выпуклых кружков и точек (рис. 2, *4—5*), а края пронизей имели ряды параллельных выпуклых поясков, нанесенных неизвестным орудием.

На бляшках и пацирных чешуйках пробиты отверстия круглой и прямоугольной формы со стоячими на обороте краями (рис. 2, *1—2*, *4—5*). Такие отверстия пробивались инструментом круглого или прямоугольного сечения на мягких, вероятно, деревянных подставках.

Использование разнообразных приемов ковки, чеканки было возможно только при наличии определенного набора инструментов.

На основании анализа материала Сатинского городища можно сделать следующие выводы:

1. На городище в VI—III вв. до н. э. было развито местное бронзолитейное производство на привозном сырье.

2. Древнесатинские металлурги были знакомы с основными приемами обработки цветных металлов: литьем (в жестких и пластичных формах, по восковой модели), ковкой проволоки (свободной и в формах), расковкой бронзы в тонкие пластинки, обрезкой краев пластинок, пробиванием отверстий, перекручиванием стержней, чеканкой.

3. По готовым изделиям, техническим приемам их изготовления и инструментам (не говоря о других материалах) можно судить о связях населения городища с племенами Верхнего и Среднего Приднепровья, дьяковской и лужицкой культур и Прибалтики.

4. Появление и развитие бронзолитейного дела на Сатинском городище следует объяснять влиянием более передовых по социально-экономическому развитию племен Среднего Приднепровья и Дона.

5. Разнообразие ассортимента бронзовых изделий, овладение основными навыками обработки цветных металлов, особенно литьем по восковой модели, выполненной техникой «воскового вязания», позволяет предполагать появление на городище специалистов литейщиков, кузнецов, обслуживающих потребности родового поселка, но еще связанных с основным хозяйством.

---

[68] Н. В. Рындина. К вопросу о технике обработки трипольского металла. МИА, 84, 1961, стр. 206; Н. В. Рындина. Технология производства...

М. Х. МАННАЙ-ООЛ

ДРЕВНЕЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОРНОГО КОЗЛА В ТУВЕ

Тува — один из интереснейших в археологическом отношении районов Центральной Азии. На ее широких просторах очень много самых различных археологических памятников, среди которых важное место занимают наскальные рисунки — произведения изобразительного искусства далеких предков тувинского народа. Наскальные изображения до недавнего прошлого оставались вне поля зрения ученых-археологов. Большую работу по сбору и изучению наскальных изображений Тувы проделал А. Д. Грач. В 1953 и 1955 гг. он зафиксировал большое число писаниц в южных, западных и частично в центральных районах Тувинской АССР, где были сосредоточены богатые комплексы этих памятников [1]. А. Д. Грач систематизировал наскальные изображения Тувы, однако предложенные им датировка и классификация этих изображений [2] нуждаются в серьезном уточнении.

Успешное решение проблемы датировки и классификации указанных памятников имеет большое значение для правильного понимания той конкретной исторической эпохи, с которой они связаны. Что касается интерпретации А. Д. Грача, то она, будучи построенной на неправильной хронологической классификации, не всегда отражает именно ту эпоху, в которую эти наскальные изображения были созданы. Значение наскальных изображений как памятников человеческой культуры огромно. Они раскрывают яркие страницы прошлого, дополняя наши знания о хозяйственной деятельности и идеологических представлениях древних племен и народов, живших в различные исторические периоды. Особое значение петроглифы имеют как памятники изобразительного искусства.

По опубликованным данным, подавляющее большинство наскальных изображений Тувы относится ко времени уюкской культуры (VII—III вв. до н. э.) и к раннему этапу шурмакской культуры (II в. до н. э.— I в. н. э.) [3]. Эти изображения, несомненно, связанные с тотемистическими и культово-магическими представлениями древних людей, вместе с тем отражают картины реальной жизни. «Все идеи,— писал Ф. Энгельс,— извлечены из опыта, они — отражения действительности, верные или искаженные» [4].

[1] В полевых исследованиях А. Д. Грача в 1955 г. принимал участие также автор этой статьи.

[2] А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции). Сб. МАЭ, XVII. М.—Л., 1957; его же. Петроглифы Тувы, II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). Сб. МАЭ, XVIII. М.—Л., 1958.

[3] О культурах см. Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМГУ, ист.-филол. сер., 1958, 4. Пользуюсь случаем выразить свою благодарность доценту Л. Р. Кызласову за консультацию при написании настоящей статьи.

[4] Ф. Энгельс. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 629.

Среди наскальных изображений Тувы VII—I вв. до н. э. встречаются в большинстве случаев различные изображения диких животных: это стилизованные схематичные фигурки оленей с пышными ветвистыми и «древообразными» рогами, горных козлов, лосей, маралов, кабанов, дзеренов, волков, лисиц, змей и т. п. Встречаются изображения и домашних животных: быков, лошадей, верблюдов и коз. Особенно интересны различные сцены облавной и одиночной охоты на оленей, горных козлов и т. д. Конные или пешие охотники обычно вооружены луками и стрелами.

Многочисленные изображения горных козлов, относящиеся, как будет показано ниже, к VII—I вв. до н. э., искуственно отчленены от единого комплекса и ошибочно выделены А. Д. Грачом в особую хронологическую группу, датируемую им древнетюркским временем (VI—VIII вв. н. э.).

Датировка А. Д. Грача базируется на стилистическом сходстве изображений горных козлов с древнетюркскими каганскими знаками-тамгами и на сопоставлении их с этнографически известными рисунками на шаманских бубнах у народов Южной Сибири. Недостаточная обоснованность датировки, построенной только на сравнительно-этнологическом анализе, очевидна. Поэтому Л. Р. Кызласов, изучая древнетюркские памятники Тувы, указал: «Не может считаться решенным и вопрос об отнесении каких-либо известных в Туве писаниц к VI—VIII вв., хотя они безусловно были» [5]. Между тем решающее значение при разработке проблемы датировки, как справедливо пишет сам А. Д. Грач, «может иметь совпадение изображений на скалах с надежно датированными предметами искусства из металла, а также дерева и кости» [6]. Пока мы не имеем надежных данных, которые могли бы быть использованы для датировки изображений горных козлов древнетюркским временем. При раскопках большого числа курганов этого времени как в Туве, Монголии, так и на Алтае, не найдено ни одного предмета, украшения, произведения искусства или орнамента, сюжетом которых было бы изображение горных козлов, подобных выбитым на скалах.

Другую часть наскальных рисунков, изображающих фигуры оленей, лосей, маралов, кабанов и т. д., А. Д. Грач правильно относил к «скифо-сарматскому времени VII—I вв. до н. э.». Эти писаницы он датирует по аналогиям с синхронными изображениями на других территориях, главным образом по аналогиям с бронзовыми изделиями, изображающими оленей и относящимися к тагарской культуре (VII—I вв. до н. э.), а также по рисункам на «оленных камнях» в Туве и Монголии, датируемых тем же периодом. Все это верно и убедительно, но, к сожалению, А. Д. Грач не обратил внимания на бронзовые и керамические изделия с фигурками или изображениями горных козлов из курганов VII—I вв. до н. э. в Хакасии, Алтае, Туве, Казахстане, Средней Азии и др.

Этнографические свидетельства, несомненно, заслуживают особого внимания при разработке проблем датировки и интерпретации археологических памятников. Однако этнографические параллели и традиции в силу своей устойчивости могут отражать разные исторические эпохи. Поэтому при исторических построениях они должны использоваться как вспомогательные данные, подкрепленные вещественными или письменными материалами.

Схематические изображения фигур горных козлов, оленей и маралов, подобных выбитым на скалах, могли долгое время сохраняться как у тувинцев, так и у других народов Сибири, живших в условиях отсталого хозяйства и культуры. В частности, рисунки на бубнах и прочих атрибутах магического культа шаманов — отголоски древних тотемистических

---

[5] Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, сер. IX, ист. науки, 1960, 1, стр. 69.

[6] А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I, стр. 402—403.

Рис. 1

1, 2 — бронзовый боевой значок и клевец тагарской эпохи из Минусинской котловины (по С. В. Киселеву); *3* — изображения на угловом камне оградки раннетагарского кургана (по А. Н. Липскому); *4* — ручка бронзового тагарского котла из Минусинской котловины (по Э. Р. Рыгдылону и П. П. Хороших); *5* — каменная подвеска-печатка из погребения рубежа нашей эры в Таджикистане (по Б. А. Литвинскому); *6* — сосуд с изображением козла из кургана, датируемого второй половиной I тысячелетия до н. э. в Таджикистане (по А. Н. Зелинскому); *7—12* — изображение на шаманских бубнах и бытовых предметах тувинцев и алтайцев (по С. В. Иванову); *13—21* — наскальные рисунки Тувы (по А. Д. Грачу); *22—27* — наскальные рисунки Киргизии VII—I вв. до н. э. (по А. Н. Бернштаму); *28—37* — наскальные рисунки Казахстана VII—I вв. до н. э. (по Л. Р. Кызласову); *38—42* — наскальные рисунки Монголии (по Г. И. Боровко)

представлений — чрезвычайно сходны с изображениями на писаницах (рис. 1, *7—12*).

В этой связи интересно и то обстоятельство, что среди наскальных изображений VII—I вв. до н. э. в Туве встречаются рогатые личины, напоминающие шаманские шапки, и антропоидные фигуры, как бы совершающие обряд камлания. Вполне возможно, что тувинское шаманство, как одна из древних форм религии, восходит своими корнями к рассматриваемому времени. Клыки маралов и раковины каури, украшающие шаманские шапки и пояса, широко применялись в качестве амулетов, оберегающих от злых духов в Туве еще в уюкское время [7].

Горные козлы, так же как олени, маралы и др., в свое время являлись наиболее распространенными тотемами у родовых групп Саяно-Алтайского нагорья [8]. Таким образом, этнографические данные уводят нас в глубь времен, в частности — в уюкскую эпоху. Древнетюркские каганские тамги как по назначению, так и по семантике ничего общего не имеют с изображением горных козлов в уюкское время. Но эти знаки-тамги, уже принимавшие в это время функцию тамг или печатей частных лиц, например каганов, несомненно, находят свои прототипы среди тотемически-культовых изображений уюкского времени.

Тотемистические представления в древнетюркское время были безусловно сильны и устойчивы. Поэтому древнетюркские каганы не случайно среди окружавших их многочисленных наскальных изображений уюкского времени выбрали в качестве своих тамг древнее изображение горного козла. Фигура козла очень схематична и удобна для использования ее в качестве тамги, и она, очевидно, соответствовала каким-то требованиям геральдики каганской семьи.

По техническим и стилистическим приемам, по сюжетным и композиционным замыслам фигурки горных козлов не имеют особых отличий от изображений оленей, лосей, маралов и кабанов уюкского времени. Горные козлы часто участвуют вместе с этими животными в одних и тех же сценах. Одиночные или групповые изображения козлов встречаются, но в едином комплексе с теми же оленями, лосями, маралами и др. Все эти сильно стилизованные изображения животных, как оленей, так и козлов, выбиты на скалах точечной техникой в манере скифо-сибирского звериного стиля, который является основным сюжетом изобразительного искусства племен, живших в степных районах Евразии в VII—I вв. до н. э.

Несущественные, частные технические и стилистические различия среди наскальных изображений уюкского времени объясняются своеобразными особенностями почерков древних художников и разновременностью их нанесения в пределах с VII по I в. до н. э. По своим стилистическим и техническим особенностям раннесредневековые (древнетюркские) наскальные рисунки резко отличаются от изображений VII—I вв. до н. э. Хорошо датированные средневековые писаницы Хакасии [9] и Алтая [10] представляют собой прочерченные резным контуром реалистические изображения людей, домашних и диких животных. Резными также являются и каганские тамги на памятниках по р. Орхону. Наскальные изображения горных козлов, как и оленей, находят себе многочисленные близкие аналогии, а иногда точные копии, среди металлических, керамических и других изделий из курганов Хакасии, Тувы, Алтая, Казахстана и Средней Азии, относящихся к VII—I вв. до н. э.

---

[7] Раковина каури и клыки маралов — частые находки в погребениях уюкского времени.

[8] Л. П. Потапов. Тотемистические представления у алтайцев. СЭ, 1935, 2.

[9] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948; е е же. К вопросу о писаницах Алтая. КСИИМК, XXXVI, 1951.

[10] А. И. Минорский. Древние наскальные рисунки Горного Алтая. КСИИМК, XXXVI.

В курганах тагарского времени Хакасско-Минусинской котловины найдены колоколовидные боевые значки с фигурками стоящих горных козлов [11] (рис. 1); на вершине такого значка, сверху над каждым из четырех концов дуг, помещены фигурки стоящих козлов [12], бронзовое зеркало с рукояткой в виде стоящего козла [13], клевец с двумя стоящими фигурками козлов [14] (рис. 1, *2*), ножи с козликами и др.

Стилистически наскальные изображения горных козлов очень близки многим тагарским фигуркам. Например, им аналогичны литые схематичные фигурки горных козлов, заменяющие обычные вертикальные ручки бронзового котла скифского типа [15] (рис. 1, *4*). В одном из курганов уюкского времени в Туве найден бронзовый литой крюк для колчана в виде головы козла с рогом [16]. Изображения стоящих козлов, служившие украшениями наверший, значков и клевцов, найдены также в Северном Китае и в Западной Сибири [17]. Фигурки горных козлов в галопирующем и стоящем виде встречены в скифских курганах Причерноморья [18]. И, наконец совершенно в той же схеме моделированы шесть козлов-ручек на котле из Чертомлыка (IV в. до н. э.) [19].

Большой интерес представляет также роспись, выполненная желтовато-белой краской на коричнево-красном глиняном сосуде, изображающая стилизованную «тамгообразную» фигуру идущего горного козла с закругленными в спираль рогами [20]. Стилистически этот рисунок (рис. 1, *6*) чрезвычайно сходен с изображениями горных козлов уюкского времени. Курган, в котором найден сосуд, датируется тем же периодом, что и наскальные рисунки, т. е. второй половиной I тысячелетия до н. э.

Определенный интерес представляет каменная подвеска-печатка с тамгообразным изображением козла, стоящего у дерева (рис. 1, *5*), из погребения в Таджикистане, датированного Б. А. Литвинским первыми веками нашей эры [21]. Это схематическое изображение козла с приподнятой головой и круто загнутыми длинными рогами, по величине превышающими туловище, ничем не отличается от изображений горных козлов уюкского времени. На юго-западном угловом камне каменной оградки раннетагарского кургана, исследованного А. Н. Липским, обнаружена выбитая фигурка горного козла с загнутыми к спине рогами [22] (рис. 1, *3*). Рисунок этот выполнен в той же схеме, что и наскальные изображения VII—I вв. до н. э. На плитах менгирных оградок сакских курганов Бесшатыра в Казахстане также выбиты схематические фигурки горных козлов, аналогичные наскальным рисункам указанного времени [23].

---

[11] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 331, табл. XX, *3*; стр. 236, табл. XXII, *5—6*.

[12] Там же, стр. 231, табл. XX, *13*.

[13] Там же, стр. 235, табл. XX, *1*.

[14] Там же, стр. 241, табл. XXIV, *6*.

[15] Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея. СА, 1959, 1, стр. 253—256.

[16] С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960, табл. 1, *9*.

[17] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 243.

[18] Там же.

[19] И. Е. Забелин. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган. М., 1865, стр. 16. См. также А. С. Стрелков. Большой семиреченский алтарь. Сб.: «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, стр. 492, рис. 5.

[20] А. Н. Зелинский. Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа. СА, 1960, 3, стр. 296—300.

[21] Б. А. Литвинский. Предметы из погребения на сталинабадских холмах. «Сообщения республ. Историко-краеведческого музея Таджикской ССР», III, Сталинабад, 1958, стр. 35—45.

[22] А. Н. Липский. Археологические раскопки в Хакасии. КСИИМК, 64, 1956, стр. 120—123.

[23] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 74—75.

Чрезвычайно сходны с наскальными рисунками козлов бронзовые кольцевидные навершия со стилизованными фигурками стоящих козликов по бокам, найденные в сарматском погребении I в. в Нижнем Подонье [24].

На «оленном камне», найденном археологической экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова в Туве у дер. Сосновки, выбит рисунок такого же горного козла [25]. Этот рисунок интересен тем, что он нанесен на той части плиты, которая была врыта в землю. Несомненно, что для «оленного камня» была вырублена плита из скалы, на которой уже до этого существовала уюкская писаница. Среди камней насыпи кургана древнетюркского времени, исследованного археологической экспедицией ТНИИЯЛИ в 1963 г., на правом берегу р. Чыргакы обнаружена плита с изображениями горных козлов. Рядом с этим могильником находится небольшая гора, изобилующая наскальными изображениями уюкского времени. В данном случае очевидно, что древнетюркское население Тувы использовало плиты с уюкскими писаницами уже как строительный материал. В этой связи интересно заметить, что многие древнеенисейские раннесредневековые надписи Тувы высечены на «оленных камнях» уюкского времени.

Известно, что наскальные изображения Тувы, в частности, фигурки козлов и оленей уюкского времени (рис. 1, *13—21*), имеют близкие аналогии по технике выполнения, стилю и сюжету среди наскальных изображений Хакасии, Монголии (рис. 1, *38—42*), Алтая, Казахстана (рис. 1, *28—37*), Киргизии (рис. 1, *22—27*), Тибета и других областей. Исследователи, изучающие наскальные изображения на указанных территориях, датируют их также VII—I вв. до н. э. [26]. Полное совпадение точек зрения разных исследователей, работающих на разных территориях, тоже очень важно.

Таким образом, все приведенные данные позволяют вполне обоснованно относить изображения горных козлов на тувинских писаницах к VII—I вв. до н. э. Фигурка горного козла — это излюбленный сюжет наскальных изображений в уюкское время. Все изображения переданы силуэтами, сплошными или контурными. Более поздние из них выполнены в ажурном стиле. Фигурки козлов изображены всегда в профиль — то скачущими, то стоящими. Есть сцены, где козлы являются объектами облавной и одиночной охоты конных или пеших лучников, а также объектами нападения и преследования волками и собаками. Древние художники при изображении горных козлов особо, иногда утрированно, подчеркивали их рога. Есть фигурки с длинными вытянутыми назад или обращенными вверх рогами. Некоторые имеют волютообразные или спирально закрученные рога, как бы вписанные один в другой.

Горный козел как один из некогда тотемных животных занимал особое место не только в культе племен, населявших Туву в VII—I вв. до н. э., но и в культе многих народов Европы и Азии. Он был тотемом и оставался культовым образом вплоть до современности у многих народов, ныне населяющих ту же огромную территорию, где мы находим его многочисленные изображения на скалах.

В Средней Азии и Таджикистане изображение козла было не только излюбленным сюжетом писаниц, но важным объектом религиозно-культовых представлений до начала XX в. [27]. Наиболее почитался культ козла

[24] В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. Я. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. Сб.: «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 88.

[25] «Оленный камень» ныне хранится в музее кафедры археологии МГУ.

[26] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, 2, стр. 50—58; его же. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 128—211, 223; С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, IX, 1947, стр. 251—282; Л. Р. Кызласов. Сары-Булакская писаница в Бетпак-Дала. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 139—143.

[27] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 35—45.

среди туркменского и таджикского населения. Среди родо-племенных групп туркмен отмечено восемь названий племен, связанных с козлом, а одно из крупных племенных объединений носило имя «теке» — козел [28]. В Таджикистане фигуры горных козлов еще недавно изображались на стенах домов. Н. Кисляков, изучавший культ козлов среди таджиков, писал, что «обычай делать такие рисунки козлов считают более древним, чем мусульманство в этих краях, так как последнее отрицательно относится к изображению живых существ. Местные жители считают, что изображение козла приносит счастье и довольство, что лучше будет доиться молочный скот» [29]. А рога диких козлов «вывешиваются на гробницах-мечетях и в домах как снаружи, так и внутри и рассматриваются как предметы, приносящие благополучие» [30]. Интересно, что в таджикском народном лексиконе слово «накчур», т. е. горный козел, означает слово «охота» [31].

Значение козла в религиозных и культовых обрядах и верованиях народов Южной Сибири и Центральной Азии еще недостаточно изучено. Однако по отрывочным данным он занимал далеко не последнее место в культе этих народов. Еще Вильгельм Рубрук, путешествовавший по Монголии в 1253—1255 гг., писал про монголов, что «...госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении служанок и женщин» [32]. Здесь мы, несомненно, видим какой-то культовый обряд, связанный с козлом.

Г. Н. Потанин пишет, что раньше буряты «вместо клятвы ели мясо черного козла и пили его кровь» [33]. А. Потанина писала, что монголы для предохранения хлеба от градобития закалывали козла и выставляли его чучело на башне, привязав к деревцу [34]. Для излечения больных от кори тувинцы также резали козла и пили его горячую кровь. Этот широко распространенный обычай существовал вплоть до наших дней. С культом козла тесно связаны культово-магические обряды посвящения, омывания и обновления в бурятском шаманстве [35].

Уюкские памятники лишний раз свидетельствуют о тесной культурной связи уюкских племен с другими племенами Центральной и Средней Азии. Большое сходство, а иногда и полное совпадение различных фигур синхронных наскальных изображений на обширной территории от Памиро-Алая и Тянь-Шаня до Монголии и Тибета говорит также об одинаковом укладе жизни населявших их племен и народов в VII—I вв. до н. э. и вытекающей отсюда общности идеологических представлений.

---

[28] С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, 9—10, стр. 5—6.

[29] Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел. СЭ, 1934, 1—2, стр. 187.

[30] Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Ханrоу в быту и в фольклоре. СЭ, 1937, 4, стр. 117.

[31] Н. А. Кисляков. Охота таджиков..., стр. 117.

[32] Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 71.

[33] Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 514.

[34] А. Потанина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Китаю и Тибету. М., 1895, стр. 109.

[35] С. В. Иванов. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах. Сб. МАЭ, XVII, стр. 121.

С. И. ФИНОГЕНОВА

АНТИЧНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Античные медицинские инструменты относятся к числу довольно редких находок, однако известны целые комплексы таких инструментов. Наиболее известны хирургические инструменты из Помпей, обнаруженные в так называемом «доме хирурга» в 1771 г. [1] и хранящиеся в Национальном музее в Неаполе. Находка такого полного набора специальных инструментов, являющаяся одним из значительных событий не только в археологии, но и в истории античной медицины, долгое время оставалась единичной.

В 1893 г. во время раскопок в Бадене (древний Acquae Helveticae) Мейер обнаружил около 150 разнообразных медицинских инструментов в нескольких комнатах одного дома [2]. Все эти инструменты несомненно итальянского происхождения и, вероятно, принадлежали военному врачу одного из римских легионов, стоявших на территории южной Германии. Не исключена возможность, что это был врач-раб, принадлежавший одному из крупных военачальников. В том же доме было найдено 150 медных и серебряных монет времени Клавдия, Доминициана, Веспасиана и Адриана. Монеты ориентировочно могут датировать все сооружение, а вместе с ним и найденные в нем хирургические инструменты, временем 50—138 гг. Наиболее вероятной датой хирургических инструментов было адриановское время.

Третий значительный комплекс хирургических инструментов был обнаружен директором Бингенского музея профессором Комо в 1925 г. в погребении хирурга в г. Бингене [3]. Там было найдено много разнообразных инструментов, и среди них — интересная статуэтка богини судьбы, датирующая, по мнению Табанелли [4], все погребение 100—150 гг.

В Болгарии в гробнице античного времени близ с. Балчик также был найден набор медицинских инструментов [5]. По аналогии с помпейскими они могут быть датированы I в. Отдельные медицинские инструменты, найденные в различных местах, хранятся в музеях Англии, Германии, Италии и Советского Союза. О том, что в Северном Причерноморье были врачи, свидетельствует надгробная стела римского врача, принадлежавшего крупному военачальнику и убитого таврами [6]. Медицинских инструментов, найденных в Северном Причерноморье, немного и происходят они главным образом из Ольвии и Херсонеса. Исследование их затруднено тем, что большей частью они принадлежат к дореволюционным коллекциям, а потому имеют весьма неточные паспорта.

---

[1] M. Tabanelli. Chirurgia nell'antica Roma. Torino, 1956, стр. 24—27.
[2] Там же, стр. 83—86, табл. XL—XLIV.
[3] Там же, стр. 89—93, табл. XLV—LVI.
[4] Там же, стр. 89—93.
[5] П. И. Стоянов. Хирургические инструменты. ИВАД, V, Варна, 1912, стр. 479, табл. XI.
[6] IOSPE, I, № 562.

Во многом изучению вопросов медицины и, в частности, медицинских инструментов, помогает живопись и изображения на надгробиях. Так, на одной из фресок из Помпей изображен врач, извлекающий из ноги Энея какой-то предмет (вероятно, наконечник стрелы) [7]. Нередко изображения античных медицинских инструментов можно увидеть и на надгробиях врачей [8]. Здесь изображались наиболее ходовые инструменты, например хирургические ножи, кровососные банки, термоприжигатели. Однако изображения очень схематичны, без соблюдения пропорций.

Еще один важный источник для изучения античных медицинских инструментов — это трактаты античных авторов. Особенно ценным является трактат «О медицине» Авла Корнелия Цельса [9]. Цельс (конец I в. до н. э.— начало I в. н. э.) не был профессиональным врачом. Занимаясь многими вопросами науки, он написал не один трактат. Но из всех них только его труд «О медицине» в восьми книгах дошел до настоящего времени. В своем трактате Цельс, указывая на способы лечения многих болезней, нередко подробно описывал медицинские инструменты и способы их применения. Все это вместе с находками самих медицинских инструментов позволяет воссоздать картину постановки медицинского дела в античное время.

В новой научной литературе специальных работ, посвященных изучению античных медицинских инструментов, очень мало. Первые упоминания об античных медицинских инструментах связаны с раскопками так называемого «дома хирурга» в Помпеях. Но большей частью авторы, упоминая о находке хирургических инструментов, ограничивались лишь кратким перечислением некоторых образцов. Одно из первых подробных описаний с иллюстрациями отдельных инструментов (всего их было найдено около 40) можно найти в путеводителях по национальному музею в Неаполе, составленных Доменико Монако [10]. Профессор акушерства доктор Фердут и доктор Баррингер дали пояснения к некоторым из инструментов. Причем интересны замечания этих специалистов конца XIX в. о том, что многие помпейские хирургические инструменты по форме и назначению мало чем отличаются от хирургических инструментов их времени. Изображение некоторых помпейских инструментов с их перечислением можно найти в работе Пьера Гюсмана [11]. Наиболее крупное исследование медицинских инструментов, найденных в Болгарии, принадлежит П. И. Стоянову [12]. Автор описывает медицинские инструменты, найденные в античной гробнице близ с. Балчик, и останавливается на их назначении. Большой материал для изучения медицинских инструментов дают работы Вульпе [13], Милн [14] и Т. Мейер-Штейнег [15], которые, к сожалению, остались недоступными автору. Профессор Мейер-Штейнег в одной из своих работ, посвященных истории медицины вообще, касается и истории античной медицины [16]. Однако вопрос о медицинских инструментах автор затрагивает вскользь. Работа иллюстрирована богатым материалом, принадлежащим главным образом к коллекции Мейер-Штейнега. Отсутствие указаний на место и условия находок инструментов снижает их научное значение.

---

[7] P. Ducati. Die etruskishe Italo-Hellenistiche und Römische malerei. Wien, табл. 85.

[8] M. Tabanelli. Ук. соч., стр. 115—122, табл. LXXXV, LXXXIX, XCI; DAGR, стр. 1109, рис. 1387, 1389.

[9] Cels. De re medica.

[10] D. Monaco. Guide des antiques du Musée national de Naples. Paris, 1908, стр. 113.

[11] P. Gusman. Pompei. Paris, 1900, стр. 271.

[12] П. И. Стоянов. Ук. соч.

[13] Vulpes. Illustrazion dei tutti instrumenti. Napoli, 1847.

[14] J. St. Milne. Surgical Instruments in Greek and Roman Times. Oxford, 1907.

[15] T. Mayer-Steineg. Chirurgische Instrumente des Alterhums. Gena, 1912.

[16] Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. История медицины. М., 1925.

Из работ последних лет, посвященных данному вопросу, наиболее серьезной является хорошо иллюстрированная книга Марио Табанелли [17]. Автор исследует главным образом четыре крупных комплекса находок: хирургические инструменты из Помпей, инструменты, найденные в доме врача в Бадене, а также медицинские инструменты, обнаруженные в погребении хирурга в Бингене и в римской крепости в Саальбурге, погибшей во II в. Три комплекса из четырех происходят с территории южной Германии, которая в I—III вв. была римской провинцией. Вероятно, хирургические инструменты принадлежали врачам тех легионов, которые стояли на территории Германии. Не исключена возможность, что это были врачи крупных военачальников. Помимо анализа самих инструментов автор приводит примеры живописных и скульптурных их изображений и операций. К сожалению, ни в одной из указанных книг не даны размеры инструментов.

Хирургия зародилась задолго до римского времени. Первые сведения об античной медицине мы черпаем из «Илиады», где Гомер восхваляет искусство врачей-воинов Махаона и Подалирия. О Махаоне он пишет: «Стоит он многих людей один врачеватель искусный: вырежет он и стрелу и рану присыплет лекарством» [18]. Судя по этому отрывку, в гомеровское время врачи уже прибегали к хирургическим вмешательствам без помощи божеств. В поэме Гомер неоднократно говорит, что за раненными в бою ухаживают врачи.

О том, что греки издавна почитали медицину, свидетельствует миф об Асклепии, покровителе врачей [19]. Бога Асклепия изображали старцем, опирающимся на обвитый змеей посох, и с ящиком для медикаментов у ног. В местах, где занимались врачеванием, развивался культ Асклепия, строили храмы, посвященные этому богу [20]. В местах культа Асклепия развивалась храмовая медицина, не лишенная религиозно-мистических элементов. В то же время существовали и городские врачи.

В Греции существовало несколько медицинских школ: кротонская во главе с Алкмеоном (конец VI — начало V в. до н. э.), книдская во главе с Эврифтоном, косская во главе с Гиппократом (460—372 гг. до н. э.), александрийская во главе с Герофилом и Эразистратом. Все эти школы, разрабатывая многие вопросы медицины, внесли значительный вклад и в развитие хирургии. Например, врачи александрийской школы разработали вопросы перевязки сосудов, наркоза, впервые в истории античной медицины осуществляли вскытие трупов.

Имя одного из основателей другой школы — Гиппократа — особенно известно. Цельс считает его основателем хирургии [21]. Однако это утверждение не может умалить того факта, что элементарными знаниями по хирургии греки обладали задолго до Гиппократа. Медицинский трактат, приписываемый Гиппократу,— это собирательный труд крупнейших врачей древности во главе с Гиппократом [22].

С середины I в. до н. э. ведущая роль в медицине античного мира переходит к римским врачам. Особенно большого расцвета достигает римская хирургия, с которой связаны два имени: Авл Корнелий Цельс и Гален. О первом говорилось выше. Гален (131—201 или 210 гг.), в отличие от Цельса — медика-теоретика, был профессиональным врачом-практиком. Проработав несколько лет в школе гладиаторов в Пергаме, он переехал в Рим и работал врачом в армии императора М. Аврелия, а потом Коммода. Свою медицинскую систему Гален изложил в обширном труде из 14 книг

---

[17] M. Tabanelli. Ук. соч.
[18] Illiada. XI, 514—515.
[19] Культ Асклепия получил широкое распространение с VII в. до н. э.
[20] Наиболее известны святилища Асклепия в Эпидавре и Коссе.
[21] Cels. VII, introd.
[22] «Corpus Hippocraticum».

под названием «Ars medica». Система Галена использовалась в медицине вплоть до середины XVIII в.

Большое внимание, которое уделялось в античности медицине и, в частности, хирургии, не могло не сказаться на значительном их развитии. Вещественными свидетелями значительного развития медицины являются весьма разнообразные медицинские инструменты, указывающие на разнообразные и сложные операции. И в то же время античные врачи старались при операциях не пользоваться большим количеством инструментов. Возможно, что этим обусловлен тот факт, что многие инструменты могут выполнять по две-три функции (в особенности это касается зондов-спатул). В большинстве случаев медицинские инструменты были из бронзы (исключая режущие части, которые делались из железа). Инструменты были гладкие, по возможности без излишних украшений, что облегчало их хранение в чистоте.

Среди античных медицинских инструментов наиболее употребительными были ножи, щипцы, пинцеты, крючки, зонды, прижигатели, иглы. Реже встречаются кровососные банки, трепаны, троакры, зеркала и т. д.

Из всех медицинских инструментов хирургический нож (scalpelus) является наиболее необходимым в наборе инструментов врача (рис. 1, *1—33*). Кроме того, наличие хирургического ножа среди других инструментов ясно указывает, что последние являются принадлежностью врача, а не какого-нибудь другого специалиста, имеющего часто похожие инструменты, например корпласта.

Хирургический нож — один из немногих античных медицинских инструментов изготовлен не целиком из бронзы. Бронзовыми были лишь ручки, в то время как лезвия — из железа. Чаще всего сохраняются бронзовые ручки ножей (рис. 1, *4—9*, *21—24*). При внимательном рассмотрении можно отметить, что одни ножи имеют короткую ручку, другие — длинную. В свою очередь, среди ножей с короткой ручкой можно выделить три типа: 1) ножи с прямым лезвием (рис. 1, *1*, *15—16*, *27*); 2) ножи с выпуклым лезвием (рис. 1, *10—14*, *26*); 3) изогнутые ножи (рис. 1, *28—29*).

Вероятно, такое различие в форме лезвий обусловлено их применением при различных операциях, как это имеет место в хирургии наших дней.

Железные лезвия закреплялись в расщепе бронзовой ручки, края которой иногда стягивались. Краям расщепа в ряде случаев придавалась форма небольших волют, расходящихся друг от друга. Вероятно, эта деталь служила не столько для украшения инструмента (украшения для медицинских инструментов были вообще мало свойственны), сколько для удобства стягивания концов рукояти с целью закрепления лезвия или же для препятствия скольжению инструмента в руке. Вероятно, в какой-то мере этой же цели служило фигурное завершение ручки ножей. Не исключена возможность, что ручки, имеющие форму лопаточек (spathomela), служили при операциях подсобным инструментом. Ручку ножа могли использовать в качестве прижигателя, ею можно было раздвигать края ран или же наносить лекарство на рану. В античной хирургии часто старались использовать все возможности инструмента. Цельс, например, советует при лечении растяжений и ушибов наносить разрезы на коже лезвием ножа, а вытекающую кровь стирать спинкой того же ножа [23]. Вероятнее всего, этот нож должен был иметь прямую спинку, как у ножей, изображенных на рис. 1, *10—16*.

Трудно точно определить назначение каждого типа ножа. Однако можно предположить, что ножи с прямыми лезвиями употреблялись для нанесения больших, но неглубоких надрезов, а ножами с выпуклыми лезвиями, напротив, наносили глубокие, но небольшие надрезы. И, вероятно, при более сложных операциях употреблялись кривые ножи. Возможно, что прав М. Табанелли, утверждая, что эти ножи употреблялись при вскры-

[23] Cels. Ук. соч., VII, 1.

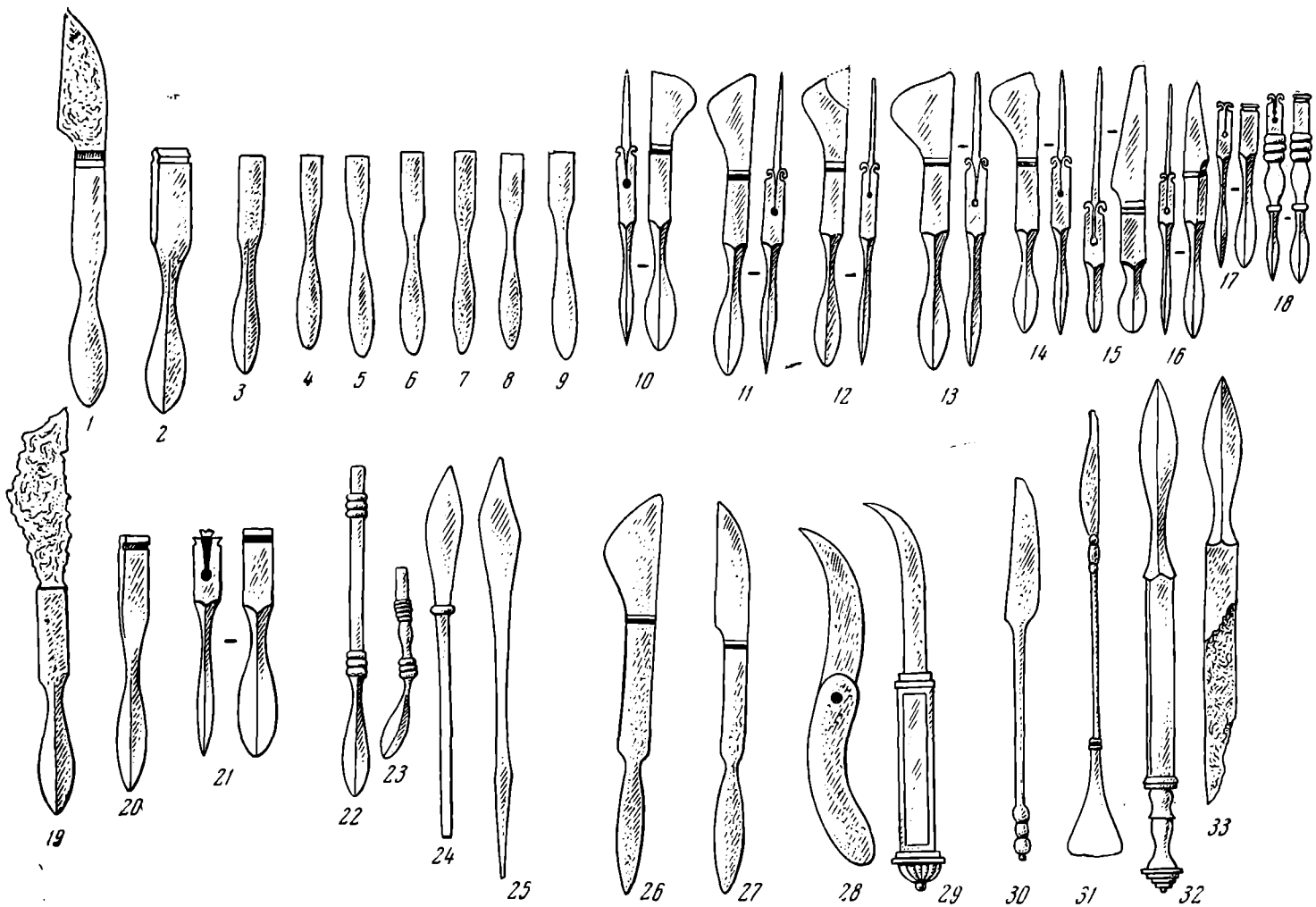


Рис. 1. Хирургические ножи.

1—9, 25, 32, 33 — Помпеи, *10—19* — Бинген, *19, 24, 28 — 31* — место находки неизвестно, *20* — Балчик, *22* — Аквинкум, *23* — Миндос, *26—27* — Саальбург; *1—18* — M. Tabanelli. Chirurgia nell'antica Roma. Torino, 1956, XXVII, XXXV, LIII; *19* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. История медицины. М., 1925, рис. 35; *20* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XLIII; *21* — П. И. Столнов. Хирургические инструменты, табл. XI. Известия на Варненското Археологическо Дружество, кн. V, Варна, 1912; *22* — Немфис Медичис. Медико-исторические памятники и курьезы, найденные в Венгрии. Будапешт, 1962, стр. 29; *23* — British museum. A Guide to the exhibition illustrating Greek and Roman life. London, 1908, стр. 179, рис. 189; *24* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., рис. 44, стр. 86; *25—29* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXVII; *30—31* — Т. Майер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 67, рис. 35, стр. 84, рис. 42; *32* — H. Lamer. Romische Kultur im Bilde. Leipzig, 1910, стр. 88, рис. 123; *33* — D. Monaco. Guide des antiques du Musée National de Naples. Naple, 1908, стр. 113

тии брюшной полости и нарывов [24], хотя точного подтверждения этой гипотезы у античных авторов найти не удалось.

Все описанные выше ножи имеют сравнительно короткую ручку и довольно большое лезвие. Однако известны ножи с длинной тонкой ручкой и небольшим плоским лезвием (рис. 1, *22—25*, *30—31*). Они употреблялись, вероятно, для нанесения легких надрезов или же использовались при очень тонких операциях, например операции глаза. Такие ножи могли быть обоюдоострыми (рис. 1, *24—25*) или же с одним острым лезвием (рис. 1, *30—31*). Иногда они снабжались деталями, которые могли служить подсобными инструментами при операциях (рис. 1, *22—23*, *31*).

И, наконец, есть еще один тип ножей с лавролистными полуострыми лезвиями, насаженными на длинную ручку (рис. 1, *32—33*). Лезвия этих ножей имеют ребра посередине и к краям резко сужаются. Вероятно, этот инструмент не был режущим в прямом смысле этого слова, однако полуострые его края все же позволяли разъединять ткани и раздвигать края ран.

Самой частой находкой изо всех медицинских инструментов являются спатолы (spathomela), представляющие собой небольшую плоскую лопаточку на довольно длинной ручке (рис. 2, *1—32*). Ручки часто служили зондами и завершались округлыми утолщениями, как это видно на рисунках. При определении спатол, как медицинских инструментов, возникают затруднения, ибо их форма и размеры часто точь-в-точь повторяют те, которые бывают у стэк, используемых коропластами. Если инструмент найден не в комплексе, то порой не представляется возможным определить, является ли он спатолой или стэкой. Другое дело, если он найден среди инструментов, явно принадлежащих медику,— в этом случае не возникает сомнений, что перед нами спатола.

Форма лопаточек весьма разнообразна. Инструменты эти, по всей вероятности, служили термоприжигателями. Действительно, Цельс часто советует лечить некоторые болезни путем прижиганий раскаленными металлическими инструментами [25].

Вряд ли форма лопаточки зависит от определенного вида операций: в отдельных комплексах они не отличаются большим разнообразием. Можно выделить четыре типа: 1) с прямоугольной (или треугольной) лопаточкой, 2) с овальной лопаточкой, 3) с лопаточкой, сужающейся к середине и расширяющейся книзу, I, 4) с сердцевидной лопаточкой.

Встречаются спатолы, названные М. Табанелли двойными спатолами [26] (рис. 3, *1*, *2*, *3*); они состоят из двух плоских лопаточек, суживающихся к середине или ближе к нижнему концу, а затем резко расширяющихся. Лопаточки соединены между собой круглым перехватом, украшенным резьбой. Назначение их не очень ясно, возможно, что, как и описанные выше спатолы, они служили термоприжигателями с одного конца, в то время как другой конец врач держал в руке. Сказать что-либо более определенное об этой разновидности спатол затруднительно.

Широко употреблялись античными врачами пинцеты (vulsellae, рис. 4, *1—34*). Назначение этого инструмента не вызывает сомнений: пинцеты служили главным образом для извлечения посторонних предметов из раны или тканей или же для выдергивания волосков в том случае, если это требовалось для операции. В зависимости от назначения пинцеты могли быть большими или маленькими и завершались широкими или узкими концами.

Особым изяществом отличаются пинцеты, которыми пользовались в своей работе глазные врачи (рис. 4, *33*). Античные пинцеты не отличались большим разнообразием. Почти все они состояли из двух узких, слегка

---

[24] M. Tabanelli, Ук. соч., стр. 89.
[25] Cels. Ук. соч., V, 26, VI, 28, VII, 8, 11, 12.
[26] M. Tabanelli. Ук. соч., стр. 43.

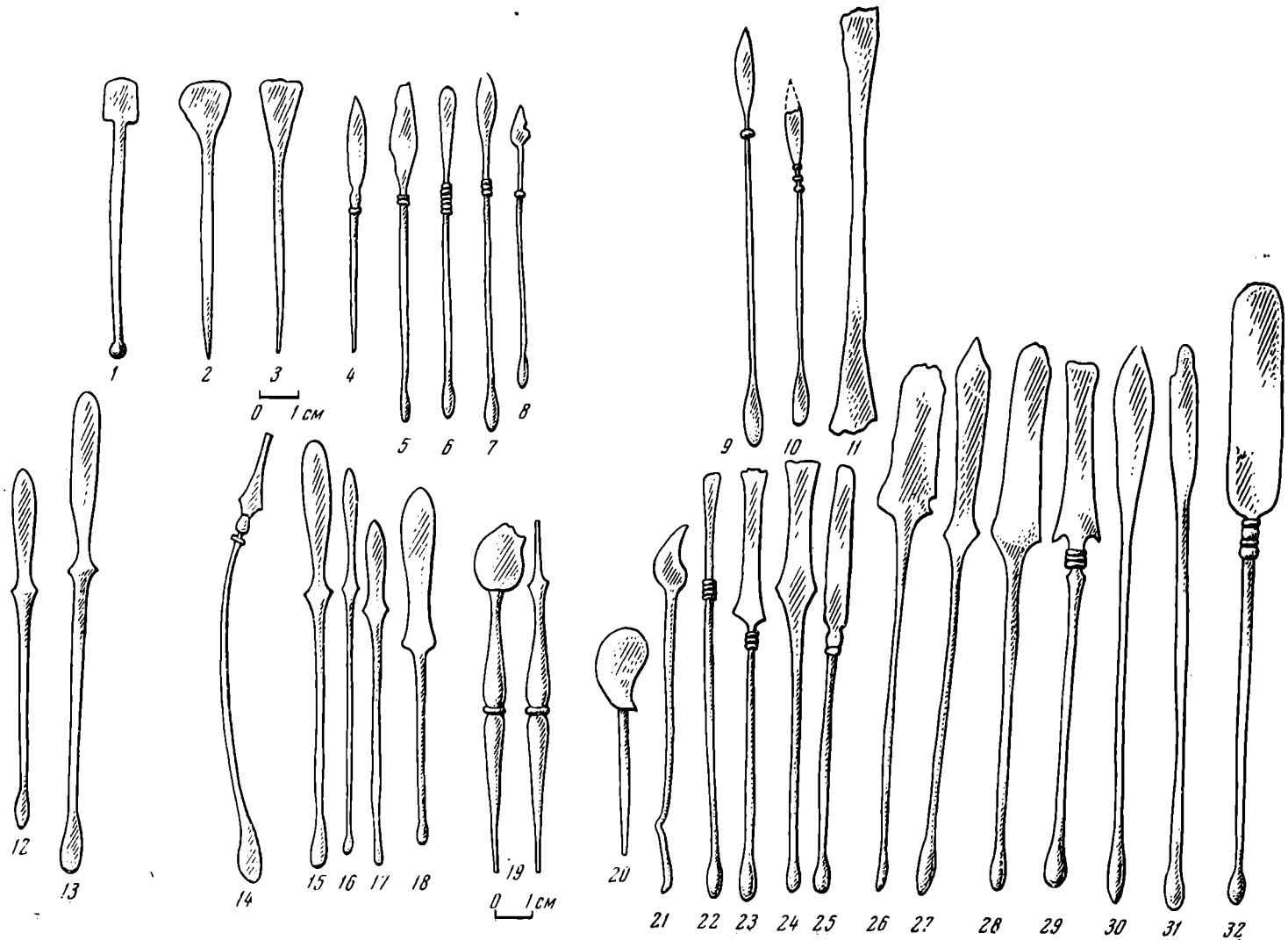


Рис. 2. Спатолы

1—2, 4—8, 11, 12 — Помпеи, *3, 19* — Херсонес, *9—10, 14* — Баден, *13* — Бинген, *15—18, 20* — Миндос, *21—32* — место находки неизвестно. *1—2* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXXI; *3* — Херсонесский Историко-археологический музей, инв. № 2092; *4—14* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXXIX, XLII; *15—18* — British museum..., стр. 179, рис. 189; *19* — Херсонесский Историко-археологический музей, инв. № 2093; *20* — British museum..., стр. 137, рис. 129, стр. 179, рис. 189; *21—32* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. LXIV, LXVI

расходящихся бронзовых полос, внизу более или менее загнутых внутрь. Степень загнутости и длина загнутых концов была различной. Пинцеты со сходящимися концами служили для очистки операционного поля от волосков (рис. 4, *21—22*, *26—27*). Они мало чем отличались от туалетных пинцетов. Пинцеты же, предназначенные для извлечения посторонних тел, имели менее загнутые концы, которые иногда снабжались зубчиками, что позволяло крепче держать извлекаемый предмет (рис. 4, *5*, *34*). Этой

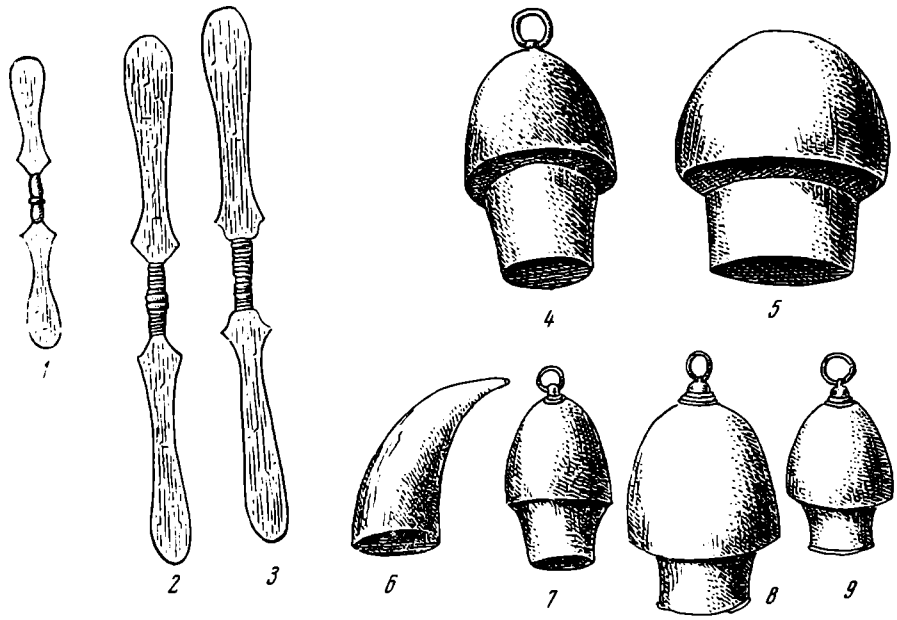


Рис. 3. Двойные спатолы. Кровососные банки

1, *4*, *5* — Помпеи, *2—3*, *7—9* — Бинген, *6* — место находки неизвестно. *1—9* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXXI; P. Gusman. Pompei. Paris, 1900, стр. 2—4; H. Gamer, Ук. соч., стр. 88, рис. 123

же цели служило увеличение плоскости концов у пинцетов, большая поверхность уменьшала скольжение извлекаемого предмета. Были также пинцеты, концы которых оставались прямыми (рис. 4, *7*, *15—16*, *32*).

Верхняя часть пинцетов оформлялась по-разному. Вряд ли верхнее завершение пинцета сильно сказывалось на его рабочем качестве. Наиболее простой вид пинцетов представляет собой одну бронзовую полоску, согнутую посередине. Иногда этот сгиб был простым (рис. 4, *15—17*), иногда с перехватом (рис. 4, *4*, *21*, *25—26*, *29—32*, *34*). Были также пинцеты, снабженные специальными разнообразными по форме ручками, сделанными из того же металла, что и пинцет, или инкрустированными костью.

Из всех античных медицинских инструментов наибольшим разнообразием как по форме, так и по назначению отличались щипцы (forceps, рис. 5, *1—14*).

По назначению щипцы можно разделить на три главных типа: 1) щипцы для извлечения посторонних тел и костных обломков; 2) зубные щипцы; 3) акушерско-гинекологические щипцы.

Щипцы, служившие для извлечения посторонних предметов, были весьма разнообразны по форме (рис. 5, *1—3*, *5*, *9*, *10*, *11*). Чаще всего щипцы употреблялись для извлечения осколков раздробленной кости и стрел, застрявших в тканях. Для извлечения стрел существовал еще особый инструмент, подробно описанный Цельсом [27]. Часто концы таких щипцов снабжены зубчиками, что мешало соскальзыванию извлекаемого предмета. Почти все щипцы шарнирные, ручки часто бывают покрыты

[27] Cels. Ук. соч., VII, 5.

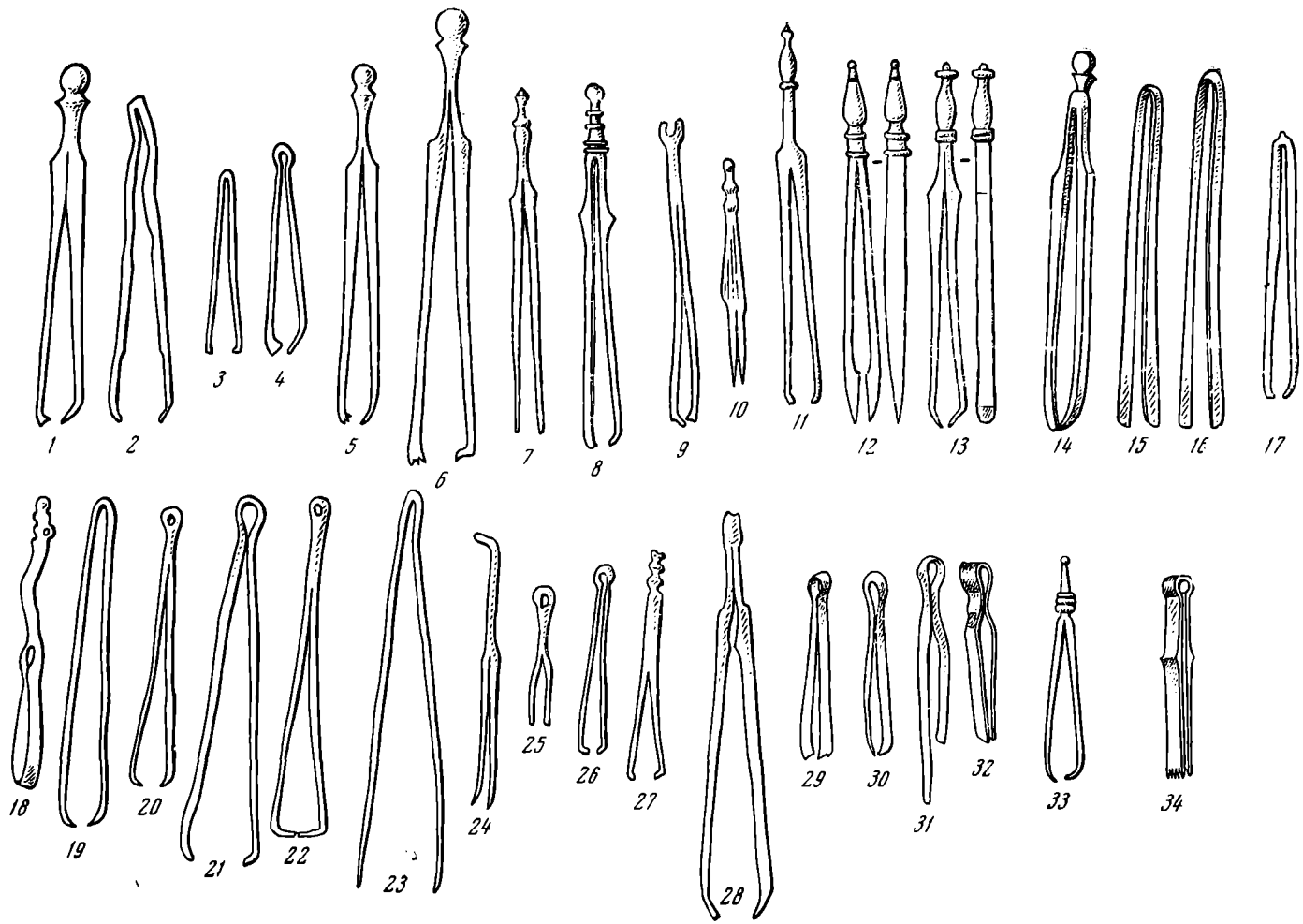


Рис. 4. Пинцеты

1—11, *29*, *34* — Помпеи, *12—13* — Балчик, *14—16* — Бинген, *17* — Баден, *18—28*, *33* — место находки неизвестно, *30—32* — Саальбург. *1—11* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXVIII, XXIX, XXXV; *12—13* — Известия на Варненското Археологическо Дружество, статья П. И. Стоянова, табл. XI; *14—27* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XIII, X; *28* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 67, рис. 35; *29* — P. Gusman. Ук. соч., стр. 271; *30—32* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. LXII; *33* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 89, рис. 45; *34* — D. Monaco. Ук. соч., стр. 113

нарезкой. Такая художественная обработка ручек вряд ли преследовала эстетические цели: вероятнее всего, ее назначение состояло в том, чтобы мешать скольжению руки во время операции. Существовал еще один вид щипцов, которые, как считает Дарамбер[28], предназначались для извлечения посторонних предметов из гортани. Весьма вероятно, что они употреблялись именно для этого рода операций, ибо согнутая под прямым углом их рабочая часть очень удобна для извлечения посторонних предметов из гортани.

Зубных щипцов было найдено немного (рис. 5, *6—7*). Они снабжены короткой и мощной рабочей частью, позволяющей крепко схватывать вырываемый зуб. По форме они отдаленно напоминают современные щипцы того же назначения.

Очень интересны акушерско-гинекологические щипцы (рис. 5, *4, 8, 12, 13, 14*). Одни из них служили подсобным инструментом при родах (рис. 5, *8*), с помощью других извлекали из тела матери погибший плод (рис. 5, *4, 12, 13, 14*). Иногда мертвый плод приходилось извлекать по частям, раздробив при этом наиболее крупную часть плода — головку[29]. Для этой цели служили специальные щипцы-кефалотрибы (рис. 5, *13—14*), рабочая часть которых была округлой, с зубьями внутри. Остальные части плода извлекались щипцами, рабочая часть которых была снабжена острыми зубчиками (рис. 5, *4, 12*).

Среди медицинских инструментов часто встречаются и крючки (hamulus, рис. 6, *1—13*). Функции крючков были разнообразны, и об этом часто упоминает Цельс[30]. Одни из них служили для расширения краев раны — раневые крючки, с помощью других извлекали камни из мочевого пузыря или мертвый плод из тела матери. Понятно, что крючки, употреблявшиеся во время этих операций, были далеко не одинаковы. Крючков, которыми пользовались для извлечения камней из мочевого пузыря, а также для извлечения мертвого ребенка из тела матери, не найдено, они известны нам лишь по описаниям античных авторов[31].

Довольно много найдено крючков, служивших расширителями ран или же используемых для поднятия кровеносных сосудов. Крючки первого типа имели небольшой загиб, а иногда сгибались почти под прямым углом (рис. 6, *11—13*). Такая степень загнутости была удобна при растягивании краев раны. Крючки же, используемые для поднятия кровеносных сосудов, были более загнуты и округлы, что соответствовало их назначению (рис. 6, *1—10*). И те и другие крючки имели длинную ручку, иногда художественно обработанную. Такая обработка часто способствовала устойчивости инструмента в руке.

Некоторые крючки имели на загнутых концах небольшие отверстия, напоминающие игольные ушки, с помощью которых протягивалась лигатура (рис. 6, *5—8*). Аналогичные инструменты и сейчас употребляются в хирургии[32]. Ушками снабжались не только крючки, но и зонды (рис. 6, *14—20*). Зонды несли на себе двойную функцию: с одного конца они завершались округлыми утолщениями и служили как зонды, которыми исследовались каналы и полости тканей и органов, на другом же конце имелось небольшое ушко для проведения лигатур. Иногда инструмент служил только для проведения лигатур.

Все разобранные выше инструменты относятся к числу инструментов, употребляемых чаще всего и имеющихся почти в каждом найденном наборе врача не в единственном экземпляре. Однако существовал ряд инструментов, не являющихся частой находкой. Из этого вовсе не следует делать поспешный вывод, что они редко употреблялись врачами. К числу

[28] DAGR, стр. 1108, рис. 1381.
[29] Cels. Ук. соч., VIII, 5.
[30] Там же, VII, 5, 7.
[31] Там же, V, 3.
[32] Р. М. Лисицкий. Медицинское товароведение. М., 1948, стр. 31, рис. 26.

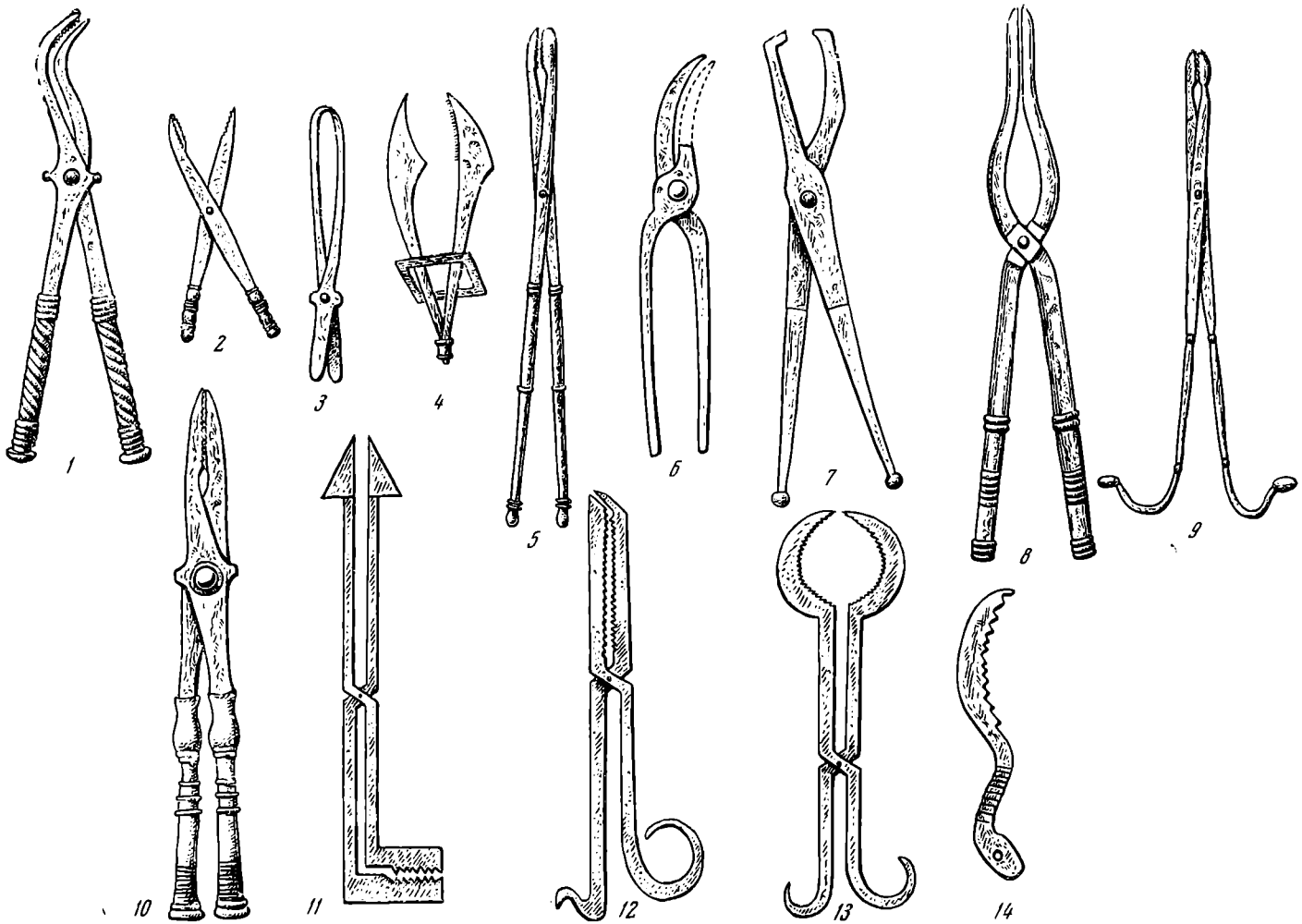


Рис. 5. Щипцы

1—4 — Помпеи, *5* — Миндос, *6—7* — Саальбург, *8—14* — место находки неизвестно. *1* — P. Gusman. Ук. соч., стр. 271; Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 121, рис. 60; *2* — P. Gusman. Ук. соч., стр. 271; M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXIX; *3* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXVIII; *4* — Monaco. Ук. соч., стр. 113; *5* — British museum..., 1908, стр. 179; *6—7* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XI; Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 117, рис. 57; *8—10* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 84, рис. 42, стр. 121, рис. 60, стр. 119, рис. 58; *11—13* — Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiqutes, Paris, 1877, стр. 1108, рис. 1381, стр. 1111, рис. 1408, 1409; *14* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 121, рис. 60

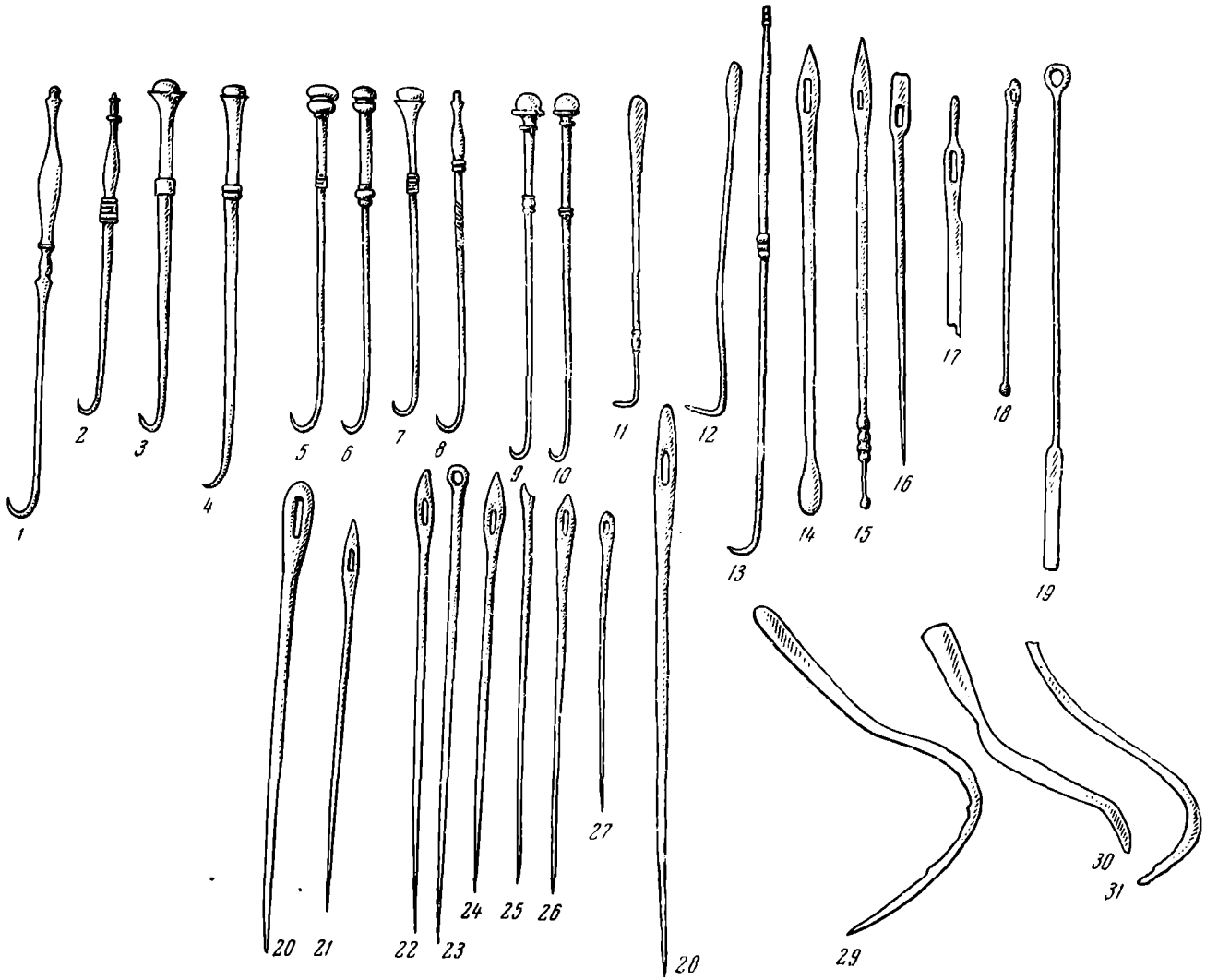


Рис. 6. Медицинские крючки, иглы, стригили

1—4 — Помпеи, *5—8* — Бинген, *9—10* — Балчик, *11* — Миндос, *12—13, 18, 19, 22—28* — место находки неизвестно, *14—17, 20—21* — Баден, *29—31* — Саальбург.

1 — H. Lamer. Ук. соч., стр. 88, рис. 123; *2—8* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXXV, XXXVII; *9—10* — Известия на Варненското Археологическо Дружество, табл. XI, 4—5; *11* — British museum..., 1908, стр. 179, рис. 189; *12—13* — Т. Мейер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 67, рис. 35, стр. 119; рис. 58; *14—17* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XLII; *18—19* — Т. Майер-Штейнег, К. Зудгоф. Ук. соч., стр. 85, рис. 43, стр. 86, рис. 44; *20—30* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XII, XIV, LX

таких медицинских инструментов относятся кровососные банки (cucurbitulae рис. 3, *4—9*), найденные в Помпеях (14 шт.) и в Бингене (3 шт.), где они были подвешены на подставке, украшенной виноградной лозой. Медицинские банки делались из бронзы и рога. Оба типа банок и способы их применения подробно описаны у Цельса [33]. Бронзовые банки почти все имеют форму усеченного конуса, с широким отверстием внизу. Форма конуса могла варьироваться: быть более вытянутой или более округлой. В верхней своей части банки имели небольшие кольца, за которые они подвешивались к подставке.

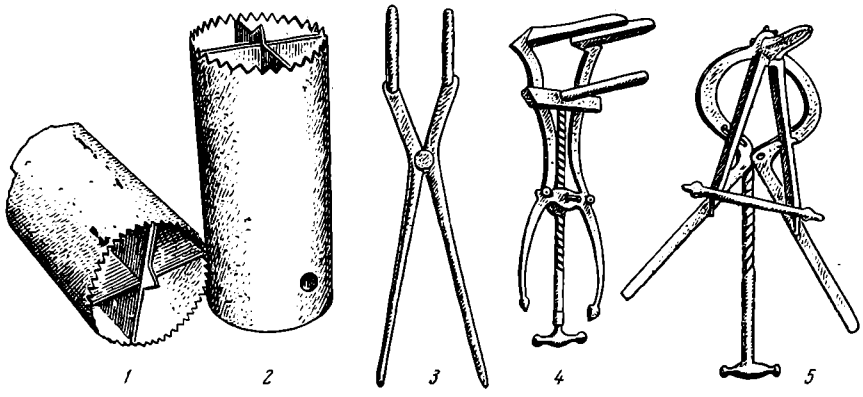


Рис. 7. Трапаны, акушерские зеркала

1—2 — Бинген, *3—5* — Помпеи. *1—2* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XLVIII; *3—5* — P. Gusman. Ук. соч., стр. 271

Некоторые банки в нижней части имели по краю ободок, что предохраняло кожу от травмы при использовании (рис. 3, *8, 9*). Роговые банки по форме напоминали рог и имели два отверстия: одно — широкое внизу и второе — маленькое вверху.

И в первом и во втором типе банок при использовании создавалось безвоздушное пространство, только в бронзовых банках это достигалось путем помещения в нее горящего фитиля, а из роговой банки воздух вытягивался ртом, через небольшое отверстие наверху, которое затем залеплялось воском. Такие кровососные банки ставились на кожу, на которой имелся надрез. Они применялись в том случае, когда состояние больного не позволяло сделать кровопускание из вены. Эти же банки могли использоваться для лечения нарывов; способ применения был тот же.

Большой интерес для истории античной медицины представляет находка трапанов (рис. 7, *1—2*). Оба трапана были найдены в погребении хирурга в г. Бингене. Они представляют собой кольцевые цилиндры с зубцами на конус и стержнем внутри. Стержень этот служил для упора при вращении цилиндра. Цельс подробно описывает инструмент, называя его «модиолом» [34]. Этот вид трапана употреблялся, когда повреждение было небольшим по размерам. В том же случае, когда повреждение было большим и не могло быть охвачено «модиолом», применялись буравы. Буравами делали в кости несколько отверстий, изолируя поврежденную часть от здоровой, затем вырезалась кость между отверстиями и извлекалась вся поврежденная кость. К сожалению, образец бурава автор привести не может. Но достаточно находки «модиола», чтобы лишний раз убедиться в высоких достижениях античной медицины.

Не менее интересны и инструменты, найденные в Помпеях и получившие в науке название «акушерские зеркала» (рис. 7, *3—5*). Было найдено три типа зеркал: двустворчатые, трехстворчатые и четырехстворчатые. Зеркала состоят из створок, которые образуют прямой угол с остальной

[33] Cels. Ук. соч., II, 9.
[34] Там же, VIII, 3.

частью инструмента и выполняют роль расширителей. Они приводятся в движение большим винтом. Разводя створки, врач добивается медленного и плавного растяжения, достигая иногда больших размеров (0,09 *м*), если этого требует операция. Во время работы инструмент держался за две большие массивные ручки. Длина их от 15 до 23 *см*. Как говорилось выше, эти инструменты называются «акушерскими зеркалами». Пожалуй, не совсем верно было бы называть их зеркалами, ибо они не выполняют тех функций, которые выполняют современные зеркала. Правильнее было бы их называть расширителями.

Наряду с инструментами, употреблявшимися только в медицине, был ряд инструментов, в равной мере используемых и в быту, и в спортивном инвентаре: иглы, ножницы, ложки, стригили. Иглы широко употреблялись в античной хирургии (рис. 6, *20—28*). Они могли быть длинными или короткими, более или менее тонкими, снабженные небольшим ушком, почти всегда прямые. Такие иглы использовались для наложения шва.

Необходимым предметом в медицине были и ножницы. Ими пользовались, когда нужно было очистить операционное поле от волосяного покрова, для разрезания наложенных повязок. Их использовали и как хирургические инструменты при оперировании некоторых органов [35]. Ножницы неоднократно находили в наборах медицинских инструментов [36].

Вряд ли ложки могли считаться чисто медицинским инструментом, хотя, конечно, их могли использовать для приема лекарств (рис. 8, *1*). Но были и специальные небольшие ложечки, которые служили своеобразными мерками для лекарств (рис. 8, *2—4*). Такие ложки мы с уверенностью можем отнести к медицинскому инструментарию, они могли делаться из металла и из кости.

Сложнее обстоит дело с небольшими продолговатыми ложечками (рис. 8, *5—6*). Размеры их слишком малы для использования в качестве обычных мерных ложек. Возможно, что их использовали при очень малых дозировках или при смешивании порошков. Ручки таких ложек завершаются округлыми утолщениями, обычными для зондов. В римской крепости в Саальбурге среди медицинских инструментов была найдена одна подобная ложечка (рис. 8, *7*). Этот факт позволяет и приведенные выше ложечки отнести к медицинскому инструментарию.

В античной медицине как инструменты врачей употреблялись стригили (strigilus, рис. 6, *29—30*) для введения в ухо жидкого лекарства. Цельс пишет по этому поводу: «В ухо следует влить какое-либо лекарство; его всегда целесообразно предварительно погреть и, самое лучшее, вливать посредством стригиля» [37]. Размеры стригилей могли быть различными. В крепости в Саальбурге найдено несколько стригилей. Нахождение их среди медицинского инструментария ясно говорит за то, что в данном случае стригили были орудием врача. Несколько стригилей было найдено в античной гробнице Балчик вместе с медицинскими инструментами [38].

Все приведенные выше инструменты являлись наиболее употребительными в античной медицине. Совершенство и сложность их позволяет судить о значительном развитии медицины и о высоком научном уровне, который она достигла. Античные врачи умели лечить не только внутренние болезни, но прибегали и к хирургическим вмешательствам, и часто довольно сложным.

Были достигнуты значительные успехи в анатомии и физиологии человека, что позволило совершать разнообразные операции: от простейших вскрытий нарывов до трепанации черепа. Надо отметить, что врачи старались соблюдать элементарные правила асептики: вероятно, какие-то зачатки знаний в этой области уже были. Инструменты держались в чисто-

[35] Там же, VII, 16.
[36] M. Tabanelli. Ук. соч., табл. XXXVII; П. И. Стоянов. Ук. соч., стр. 48.
[37] Cels. Ук. соч., VI, 7.
[38] П. И. Стоянов. Ук. соч., стр. 51.

те; своеобразным дезинфецирующим средством были термоприжигатели, широко используемые при лечении различных гнойных заболеваний.

Античными врачами делались различного рода операции. Прежде всего надо отметить, что одной из самых ранних отраслей медицины была военная хирургия: война всегда давала наибольшее количество травм. Большое внимание уделялось также лечению заболеваний и травм мирного характера. Античные врачи уже имели определенные знания в области

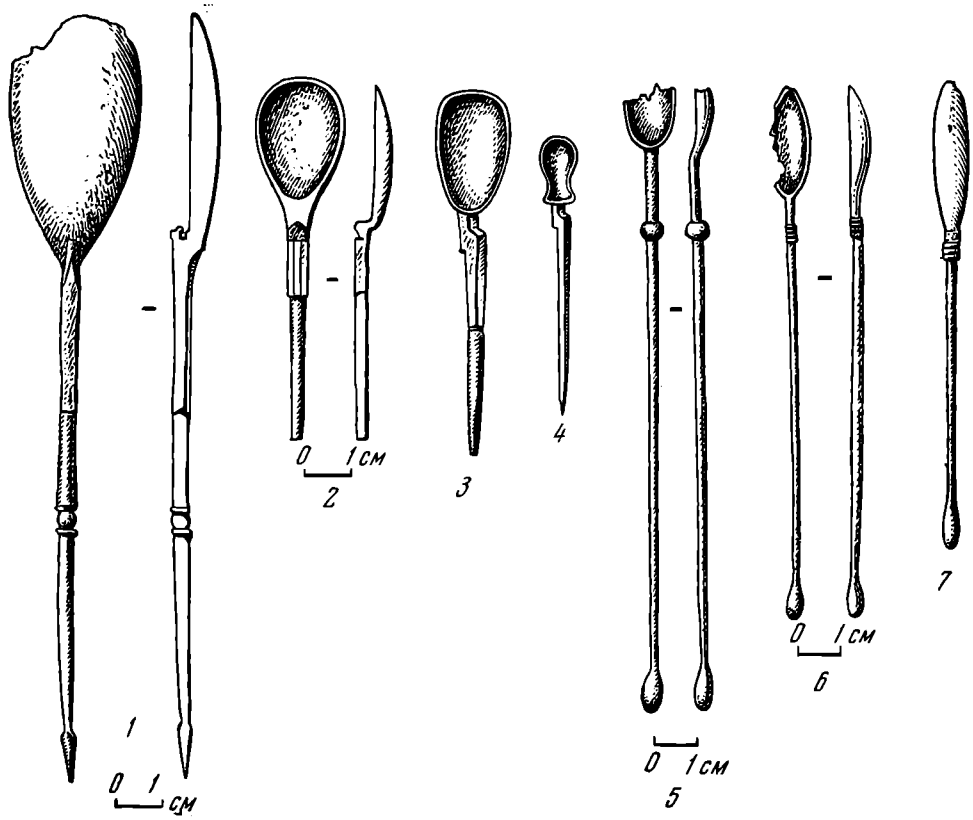


Рис. 8. Медицинские ложки

1, 5, 6 — Ольвия, *2* — Херсонес, *3—4, 7* — Саальбург. *1* — ОГИМ, А-46827; *2* — Херсонесский Историко-археологический музей, витрина 11; *3—4* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. LXII; *5* — ОГИМ, А-44548; *6* — ОГИМ, А-44544; *7* — M. Tabanelli. Ук. соч., табл. LXII

гинекологии и даже делали простейшие операции. Существовали и специальные врачи-окулисты. Найдены вывески этих врачей и их инструменты. Глазные врачи уже знали и умели лечить такое сложное заболевание глаз, как катаракта.

О первых шагах в нейрохирургии говорят такие операции, как трепанация черепа. Правда, операции на черепе ограничивались пока что лишь извлечением поврежденных костей. Античные врачи с успехом лечили также болезни ушей, горла, удаляли различного рода полипы.

Найденные медицинские инструменты свидетельствуют о разнообразных операциях, осуществляемых античными врачами. Почти весь приведенный здесь материал относится ко времени I—III вв. Но это совсем не значит, что в более раннее время не существовало медицинских инструментов. Возможно, что в недалеком будущем археологи получат более богатый материал, который позволит нам судить о развитии античной медицины в ранний период.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В прибрежной полосе Северо-Западного Крыма, простирающейся между древними городами Керкинитидой и Калос Лименом и несколько выходящей за пределы, ограниченные этими пунктами, известно около 20 городищ и селищ, возникших на рубеже IV и III вв. до н. э. и прекративших свое существование в первые века нашей эры. Археологические раскопки и разведки, проводящиеся здесь в последние годы, дали уже сейчас значительный материал, характеризующий культуру этого района в античную эпоху и отражающий связи его с городами Северного Причерноморья и других областей античного мира.

Среди находок из этих поселений можно выделить группу красноглиняной керамики с темно-красной росписью в виде полос, спиралей и растительных узоров по светлому ангобу или прямо по глине. При разведках (Южно-Донузлавское селище, Восточное Беляусское селище, Западно-Донузлавское городище, Кульчукское, Морское, Оленевка) такая керамика встречалась среди подъемного материала, а на тех поселениях, где производились раскопки и где были возможны стратиграфические наблюдения (Кара-Тобе, Чайка, Южно-Донузлавское городище, Беляус, Тарпанчи, усадьба у бухты Ветреной), керамика этой группы была найдена только в нижнем слое (III—II вв. до н. э.).

Приведем описание наиболее интересных по орнаментации и форме, а также наиболее полно сохранившихся экземпляров, найденных на различных поселениях Северо-Западного Крыма и хранящихся в Евпаторийском и Херсонесском музеях.

Верхняя часть большого кратера (келебы) собрана из обломков (1961/509; рис. 1) на Южно-Донузлавском городище, в монументальном эллинистическом здании В, вместе с херсонесскими монетами III в. до н. э.[1]. Форма сосуда восходит к архаическим прототипам[2]. К широкому венцу примыкают два горизонтальных пластинчатых выступа, опирающихся на дужки, спускающиеся парными стержнями на раздутые плечи сосуда. Диаметр венца (по наружному обводу) — 26 *см*, в наиболее широкой части — 34,5 *см*. Красная роспись нанесена по светлому ангобу на плечи сосуда. Около основания каждого из стержней с внешней стороны ручки — неправильный круг, заштрихованный сеткой[3]; остальная поверх-

[1] О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. КСОГАМ в 1962 г. Одесса, 1964.

[2] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 42, § 48 и табл. 14, *48*; своеобразное явление — воспроизведение в эллинистической керамике архаических форм — характерно для Северного Причерноморья (Т. Н. Книпович. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья. АГСП, М.— Л., 1955, стр. 378).

[3] Близкое к этому рисунку изображение плетеной корзины имеется на лагиносе из Керчи. ОАК за 1906 г., стр. 90, рис. 108; Э. Р. Штерн. К вопросу об эллинистической керамике. ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 167. Возможно, что на нашем кратере —

ность заполнена выходящими из этих кругов парнымп большими спиралями, разными на обеих сторонах сосуда, и ответвляющимися от них волютами; снизу орнаментальный пояс завершается тремя горизонтальными полосами. Поскольку красная роспись на сосудах никогда не располагается ниже таких полос, надо думать, что орнамент кратера дошел до нас полностью. Параллелей нашему расписному кратеру-келебе мы пока не знаем, и он может считаться уникальным.

В том же здании найдены не сходящиеся между собой обломки очень большого (диаметром около 70 *см*) котлообразного сосуда (1962/25; рис. 2, *8*) с немного утолщенной закраиной и почти не имеющими курватуры стенками, образующими в средней части тулова ребро, которое и является границей орнаментальной зоны.

Под венчиком на одном из фрагментов имеется горизонтальный налеп с четырьмя шишечками, представляющий собой своего рода рудиментарную ручку (их было две или четыре). Эти ручки разделяют роспись на участки по горизонтали и вертикали. Выше них, под самым венчиком, нанесен ряд небольших мазков краской в виде округлых пятнышек. На шишечках и между ними также нанесены расплывчатые мазки. Под налепом ряд точек, ниже — горизонтальная полоса, к которой снизу примыкает ряд треугольников вершинами вниз, а от каждой вершины спускается вертикальная полоса. Участки же между «ручками» заполнены росписью другого рисунка — различными волютами и спиралями, представляющими схематизацию растительного орнамента (рис. 2, *8 б—г*), обычную для такой керамики. Роспись сосуда выполнена по красной глине без ангоба. Некоторые аналогичные мотивы, например удлиненные треугольники, мы находим на фрагменте другого сосуда с Южно-Донузлавского городища (1960/887; рис. 2, *4*), а также на амфоре из Керкинитиды (рис. 3).

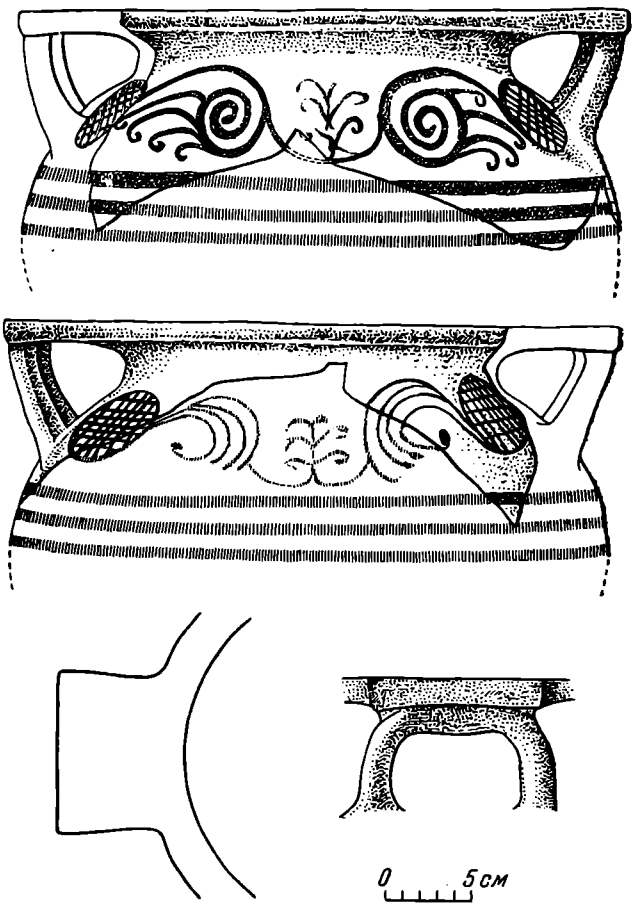


Рис. 1. Кратер с красной росписью из раскопок Южно-Донузлавского городища

На вымостке около того же здания найдена в обломках верхняя часть флакона (1962/70; рис. 4, *1*). По светлому ангобу нанесена роспись в виде опоясывающих полос: одна на венчике, четыре на горле, две на плечах и две на тулове. Целый сосуд, совершенно аналогичный по форме, размеру и орнаменту (отличающийся только количеством полос), найден-

---

этот сюжет, который утратил первоначальный смысл и приобрел чисто орнаментальный характер.

ный в некрополе Херсонеса [4], позволяет полностью восстановить наш флакон: он имел раздутые плечи и плавно суживающееся книзу тулово на невысоком поддоне; высота его 13,5 *см*. Характерен косо срезанный венчик. Фрагменты точно таких же сосудов были найдены в раннеэллинистических слоях Херсонеса [5] и на Гераклейском полуострове [6].

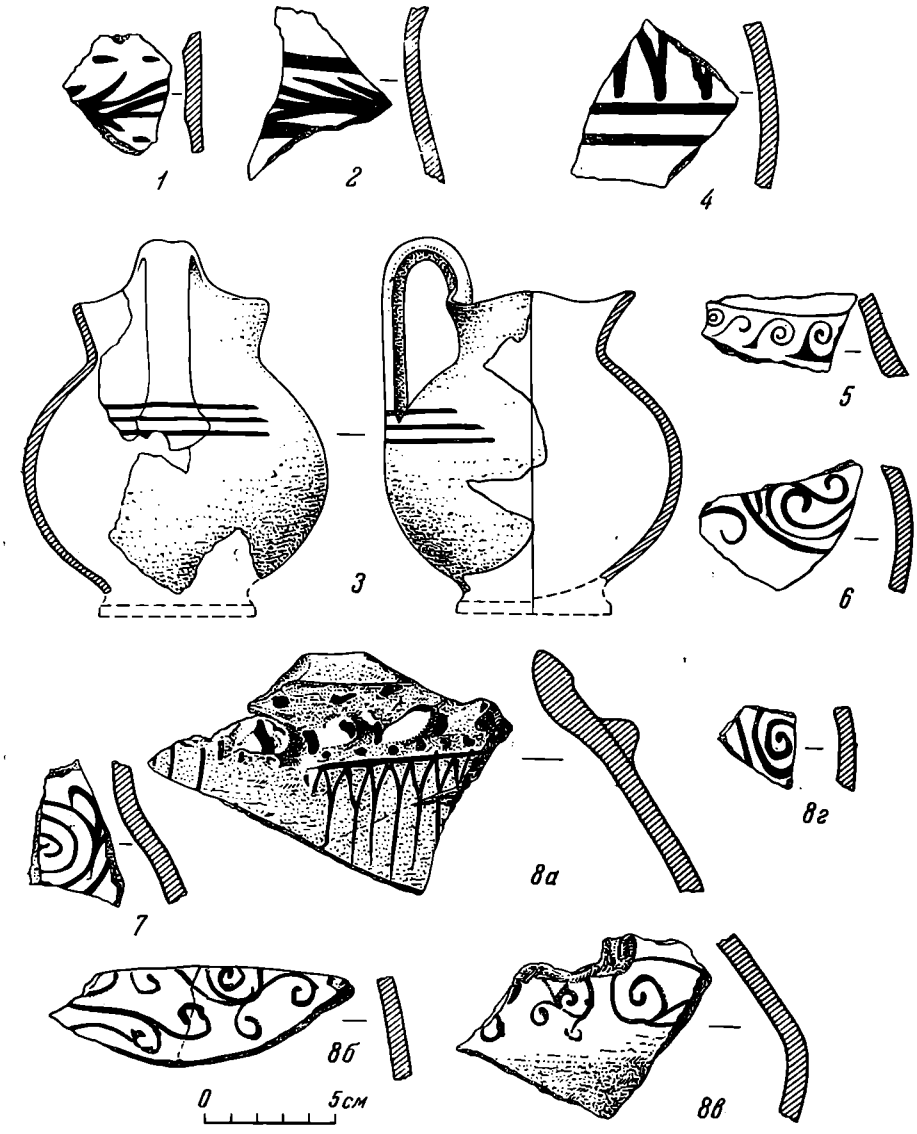


Рис. 2. Керамика с красной росписью из Северо-Западного Крыма

1, *4*, *8* — Южно-Донузлавское городище; *2*, *6* — Тарпанчи; *3* — Ветреная; *5* — Кара-Тобе; *7* — Чайка

В том же здании на Южно-Донузлавском городище были найдены обломки тулова амфоры, без ангоба, с пояском из пяти красных полос, из которых средняя выделяется шириной (1962/24; рис. 4, *4*). Такой прием

---

[4] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического. ХС, IV, 1948, стр. 59—60, рис. 6.

[5] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Севастополь, 1938, стр. 247, рис. 90; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII (раскопки 1940 г.). МИА, 34, 1953, стр. 114, рис. 5, *б*.

[6] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. ХС, VI, Симферополь 1961, стр. 214, рис. 84, *5*.

выделения средней полосы по ширине находит параллели в расписной керамике Ольвии [7].

Таким образом, здесь в одном здании оказались обломки четырех различных по форме сосудов, сходных по характеру орнаментации. В другом эллинистическом здании (К) Южно-Донузлавского городища собран почти полностью (без горла и ручки) небольшой кувшинчик (1963/407; рис. 4, *5*) с шаровидным туловом. Диаметр его 13 *см*. Поверхность покрыта белым ангобом. Роспись очень проста — три полосы опоясывают тулово в наиболее широкой части. Большинство найденных на Южно-Донузлавском и на других городищах обломков сосудов с красной росписью имеют такой простейший рисунок, различающийся лишь количеством полос.

Рис. 3. Амфора с красной росписью из Керкинитиды

Ойнохоя из усадьбы III в. до н. э. у бухты Ветреной, за городищем Калос Лимен, также украшена тремя полосами на тулове, проходящими, как обычно, через основание ручки; на противоположной же стороне ойнохои полосы обрываются (1962, ГХМ, 3/36567; рис. 2, *3*). Высота сосуда 12 *см* [8].

Тот же орнамент повторяется и на кувшине (рис. 4, *2*), найденном на городище Чайка в здании III — начала II в. до н. э. [9]. Форма кувшина с высоким цилиндрическим горлом и раздутыми плечами находит ближайшие аналогии среди сосудов из раскопок Керкинитиды и Херсонеса [10].

На Чайке, в том же здании, особенно интересны находки расписных фляг [11]. Одна из них (1963/73; рис. 4, *3*) восстановлена почти полностью. Представление о недостающих ручках и горле дает верхняя часть фляги с такой же росписью из Херсонеса [12]. Диаметр фляги с Чайки — 36 *см*, ширина в поперечнике — 12 *см*; обе стороны уплощены. Поверхность покрыта зеленоватым ангобом. Роспись с обеих сторон одинакова: четыре концентрических красных круга, из которых четвертый попадает на ребро. Ширина полос, образующих круги, 2—3 *см*; расстояния между ними неравномерны. Фрагменты двух других фляг (1959/257, рис. 4, *6* и 1963/482) отличаются орнаментацией из более тонких полос, также образующих концентрические круги; у первой из них, кроме того, на центральном диске написан крест.

На керамике с красной росписью помимо упомянутых простейших орнаментов из опоясывающих полос, встречаются различные завитки и

---

[7] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья. СА, VII, 1941, стр. 141, рис. 3.

[8] Приношу благодарность А. Н. Щеглову, предоставившему мне свои неопубликованные материалы из Тарпанчи и Ветреной. О раскопках этих поселений см. А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, 1963; его же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА АН СССР, 103, 1965.

[9] А. Н. Карасев. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 38, рис. 14, *2*.

[10] Керк. 1952/342; С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, рис. 86, *4*.

[11] А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. КСИА АН СССР, 103, рис. 48, *6*. Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Н. Карасеву за предоставленные мне для публикации фотографии керамики с «Чайки».

[12] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе, стр. 230 и рис. 74.

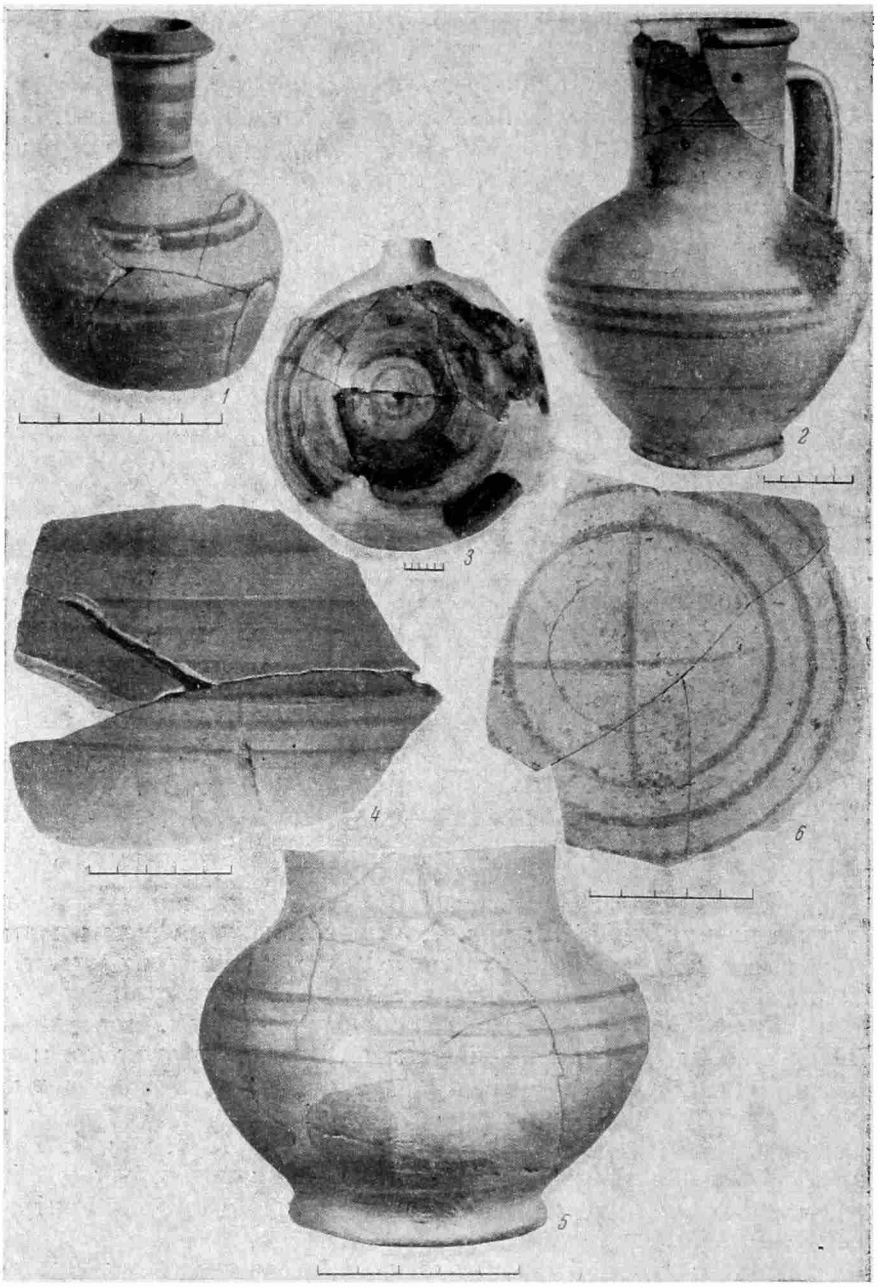


Рис. 4. Керамика с красными полосками из раскопок городищ Южно-Донузлавского (*1*, *4*, *5*) и Чайки (*2*, *3*, *6*)

спирали; таковы фрагменты с Кара-Тобе (рис. 2, *5*) [13], Чайки (1959/46; рис. 2, *7*) и Тарпанчи (1962, ГХМ, 79/36495; рис. 2, *6*). Особенно много аналогий для них есть в керамическом материале из Херсонеса [14]. На городищах Южно-Донузлавском (1963/1; рис. 2, *1*) и Тарпанчи (1960, ГХМ, 43/36495; рис. 2, *2*) найдены горла кувшинов с растительным узором в

[13] П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Евпаторийской экспедиции в 1933—1934 гг. Архив ЛОИА, № 203/1934; его же. Евпаторийский район. АИР, М.— Л., 1941, стр. 273. Приношу благодарность П. Н. Шульцу за любезное разрешение опубликовать его находку.

[14] Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе, стр. 25, рис. 17; Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.). МИА, 34, 1953, рис. 13 и 39.

виде гирлянды; на первом параллельно гирлянде сверху и снизу нанесены ряды штрихов, на втором — сплошные линии. Этот рисунок на горле чрезвычайно характерен для кувшинов и амфор данной группы; плечи их обычно украшены гирляндой из завитков. Такая роспись сосудов встречается повсюду — в Ольвии, в округе Тиры, на Боспоре, в Херсонесе [15].

Вся рассматриваемая керамика несомненно должна быть отнесена к кругу эллинистической расписной керамики Северного Причерноморья, местное производство которой в Ольвии и Пантикапее было определено еще Э. Р. Штерном [16]. Особая группа керамики с красной росписью по беловатому ангобу или прямо по глине была выделена и подробно описана Т. Н. Книпович и В. Д. Блаватским [17], датирующими ее III — первой половиной II в. до н. э. Исследователи устанавливают, что данная группа по характеру орнаментации представляет собой параллель восточносредиземноморским лагиносам и александрийским гидриям типа Гадры [18]; в росписи их возрождаются традиции архаической керамики, при наличии мотивов, свойственных эллинизму [19].

Т. Н. Книпович в первой своей работе о художественной керамике Северного Причерноморья отметила находки ее не только в Ольвии и на Боспоре, но также и в Херсонесе. И если местное производство расписных сосудов в первых двух центрах не вызывало сомнений, то от признания возможности изготовления их гончарными мастерскими Херсонеса она в то время воздержалась, не будучи знакома с характером глины херсонесской керамики [20]. Однако во второй своей работе на ту же тему Т. Н. Книпович определенно высказалась в пользу признания также и Херсонеса одним из центров северопричерноморского производства расписной керамики [21]. Ту же мысль высказал и В. Д. Блаватский в своем большом исследовании [22], что вполне согласуется с наблюдениями, сделанными над массовым херсонесским материалом Р. Б. Ахмеровым и Г. Д. Беловым [23]. Это доказывается и составом глины расписной керамики, находимой в Херсонесе, при сопоставлении ее с хорошо известной глиной, из которой сделаны херсонесские амфоры, и, наконец, находками образцов этой керамики в гончарных печах Херсонеса (конец III — начало II в. до н. э.) [24]. Значительное количество керамики с красной росписью из Херсонеса, хранящейся в Государственном Эрмитаже и в Государственном Херсонесском музее, ожидает особого исследования [25]. Но и сейчас разбросанные в разных изданиях публикации отдельных сосудов и фрагментов сосудов данного типа дают представление об обилии их в Херсонесе [26]. Как видно, херсонесский центр производства художественной керамики не только не

---

[15] Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. IV; Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа И. Сб.: «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 165—166, рис. 107, *2* и табл. XXXIX, *9*; ее же. Из истории художественной керамики..., рис. 3—7; ее же. Художественная керамика..., стр. 379, рис. 19, *а*; Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе, стр. 243, рис. 85, *2*; В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, 4, стр. 150, рис. 7.

[16] Э. Р. Штерн. Ук. соч., стр. 160.

[17] Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики...; ее же. Художественная керамика..., стр. 378—380; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 277.

[18] R. Pagenstecher. Dated Sepulchral Vases from Alexandria. AJA, 1909, XIII, 4, стр. 387 сл.; G. Leroux. Lagynos. Paris, 1913.

[19] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 244—245; Т. Н. Книпович. Из истории художественной керамики..., стр. 147.

[20] Т. Н. Книпович. Там же, стр. 144 и 148.

[21] Т. Н. Книпович. Художественная керамика..., стр. 380.

[22] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 277.

[23] Р. Б. Ахмеров. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1946, 2, стр. 190; Г. Д. Белов. Эллинистический дом в Херсонесе. Тр. ГЭ, VII, 1962, стр. 152, рис. 12.

[24] В. В. Борисова. Ук. соч., стр. 150, рис. 7.

[25] Возможность ознакомиться в фондах музеев с неопубликованными материалами я получила благодаря любезному содействию Г. Д. Белова и В. В. Борисовой.

[26] Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1955 г. СГЭ, X, 1956, стр. 54—55; его же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году. ХС, V, 1959, стр. 17, рис. 3.

уступал Ольвии и Боспору, но, вполне возможно, превосходил их по разнообразию и объему продукции.

Хотя наибольшее количество аналогий наша керамика находит среди материалов Херсонеса, надо признать, что некоторые экземпляры расписной посуды из различных центров Северного Причерноморья настолько сходны между собой и, вместе с тем, обнаруживают столь близкое сходство с трактуемой здесь группой сосудов, что, не учитывая всех локальных направлений культурных связей, было бы трудно определить, к какому производственному центру следует отнести последнюю.

В недавнее время установлено, что малые городища Северо-Западного Крыма возникли на рубеже IV—III вв. до н. э. как опорные пункты Херсонеса[27] для закрепления его господства над хлебородной степной равниной, простиравшейся за Керкинитидой. Весь комплекс материалов из ранних слоев этих городищ (херсонесские монеты, амфоры, черепица) свидетельствует об экономических и культурных связях с Херсонесом. Именно в Херсонесе и следует искать центр производства расписной эллинистической керамики, поступавшей в Северо-Западный Крым. В пользу этого вывода говорит и сличение глины нашей керамики с херсонесской.

М. А. Наливкина обратила внимание на то, что в Керкинитиде и Калос Лимене часто встречается красноглиняная посуда херсонесского производства «с орнаментом в виде полос, нанесенных красной краской, завитков и листиков»[28]. Особенно интересна амфора из Керкинитиды с росписью в виде гирлянды на горле и зоны длинных треугольников, ограниченной вверху одной и внизу четырьмя параллельными полосами (рис. 3)[29]. Находки на малых городищах, расположенных между Керкинитидой и Калос Лименом, показывают, что экспорт художественной керамики из Херсонеса шел не только в наиболее крупные зависимые от Херсонеса центры Северо-Западного Крыма, но поступал буквально во все основанные Херсонесом в этом районе укрепленные и неукрепленные поселения.

Равнинная территория Северо-Западного Крыма известна прежде всего как житница Херсонеса. Значение расположенных там поселений в экономической жизни Херсонеса определялось исследователями на основании письменных источников еще до получения каких-либо археологических материалов с этой территории[30]. Материалы же, добытые недавними раскопками, впервые позволяют говорить и о другой стороне связей малых поселений с Херсонесом — о ввозе туда ремесленных изделий из Херсонеса. Одной из характерных групп предметов херсонесского импорта и является публикуемая художественная керамика. Распространение ее среди сельского населения отдаленных степных владений (хоры) Херсонеса, наряду с другими материалами, свидетельствует о поддерживавшейся здесь в III — первой половине II в. до н. э. херсонесской культурной традиции.

---

[27] А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» в 1963 г., стр. 139; О. Д. Дашевская. ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта. ВДИ, 1964, 3; О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, 2; А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг., стр. 146—147.

[28] М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитида и Калос Лимен в V—II вв. до н. э.). ПИСП. М., 1959, стр. 189.

[29] Приношу глубокую благодарность М. А. Наливкиной за любезное разрешение опубликовать амфору из ее раскопок (1952/432).

[30] В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889—1891 годах. МАР, 9, 1892, стр. 11. В пользу положения, что именно здесь (а не на Гераклейском полуострове) надо локализовать λεδίον Херсонесской присяги, В. Д. Блаватский очень убедительно приводит тот аргумент, что для равнины Северо-Западного Крыма в географическом отношении были возможны и иные пути вывоза хлеба, минующие Херсонес, тогда как для ближайшей округи Херсонеса иной путь, не через Херсонес, был бы весьма труден. См. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 27—29; ср. С. Ф. Стрелецкий. Клеры Херсонеса Таврического, стр. 44—45.

М. М. КОБЫЛИНА

ФОРМА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СИРЕНЫ ИЗ ФАНАГОРИИ

В 1965 г. при раскопках на юго-восточной окраине Фанагории, в районе Керамика, в верхнем слое IV в., в котором было много и более раннего материала, особенно фрагментов амфор V и IV вв. до н. э.,— была найдена терракотовая форма для оттиска рельефного изображения.

Форма сделана из фанагорийской глины, высота ее 9,5 *см*, ширина — 9 *см*. Она имеет вогнутую поверхность с изображением прекрасной сохранности [1] (рис. 1).

Гипсовый отлив в этой форме дает представление о том рельефе, который изготовлялся: он имеет слегка выпуклую поверхность и барельефное изображение (рис. 2). В центре рельефа изображена стоящая сирена, держащая в левой руке кифару, а в правой, немного отставленной в сторону,— плектрон, которым она собирается ударить по струнам.

Образ сирены был весьма популярен в античном, особенно греческом искусстве. Иконография сирены, эволюция ее изображений, а также ее значение были предметом ряда солидных исследований [2].

Сирена издревле имела хтоническое значение, поэтому так часто ее изображение встречается в погребальном инвентаре и на надгробных памятниках. Свидетельством хтонического значения является калаф на голове сирены и лотос, часто изображавшийся на вазах у ног сирены.

Из злого демона сирена постепенно превращается в сирену-утешительницу, подобно эриниям, превратившимся в эвменид [3]. Такая сирена была представлена или оплакивающей печальную участь умершего — с жестами плакальщиц (одна рука поднята к груди, другая к голове), или же с музыкальными инструментами — двойной флейтой или кифарой.

Вместе с тем сирена изображалась очень часто как декоративный мотив в росписях на вазах, или как украшение бронзовых сосудов у основания ручки, или как миниатюрные привески к серьгам.

Форма с изображением сирены, выполненная из фанагорийской глины, найденная на территории производственного керамического района, является свидетельством фанагорийского производства, притом массового, рельефных изображений сирены.

---

[1] Есть, однако, несколько мелких выбоин и трещин. Одна на фоне около головы сирены, другая на лице сирены — на кончике носа, мелкие трещины на правой руке и на украшении кифары.

[2] Основным исследованием является книга G. Weicker. Der Seelen-Vogel in der Alten Literatur und Kunst. Leipzig, 1902. Б. В. Фармаковский в связи с определением фигурной вазы в виде сирены (Б. В. Фармаковский. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. СПб., 1921, стр. 20—28) указал в своем исследовании предшествующую литературу о сиренах. Н. П. Сорокина в статье «Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания Государственного Исторического музея» (Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 85 сл.) собрала изображения сирен, встречающиеся на Боспоре. Отдельные статьи посвящены сирене и в специальных энциклопедиях.

[3] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 26.

Образ сирены, изображавшейся в греческом архаическом искусстве в виде птицы с головой женщины, в классический период постепенно очеловечивается, хотя прежний тип, конечно, иногда и встречается. Переходным типом является статуя сирены, найденная около памятника Дексилея (394 г. до н. э.), у которой верхняя часть тела — голова и руки — женская, а нижняя часть тела — ноги, крылья и хвост — птичьи [4].

Рис. 3. Аттический лекиф с изображением сирены. Фанагория. Начало IV в. до н. э.

Фигурный сосуд в виде сирены из Фанагории относится тоже к переходному типу, хотя здесь изображена уже целая женская фигура, но к ней присоединено сзади тело птицы [5] (рис. 3). Такая же сирена изображена на костяных украшениях саркофага из кургана Б. Близницы [6].

На аттических надгробиях середины и второй половины IV в. до н. э. (на акротериях) сирена изображается уже в виде женщины с крыльями, хвостом и ногами птицы, при этом птичьи ноги начинаются от колен.

Образ фанагорийской сирены очень близок этим аттическим изображениям, особенно сирене-плакальщице на надгробии с надписью IV в. до н. э. [7] (рис. 4). Здесь сирена стоит на листе аканфа (на его основании), по сторонам сирены от последнего поднимаются выполненные в низком рельефе усики, завершающиеся волютами и цветами, изображающими, по мнению Б. В. Фармаковского, цветущий луг [8]. У аттической сирены, как и у фанагорийской, обнаженное женское тело завершается птичьими ногами, переход от женского торса к птичьим ногам показан перышками, покрывающими бедра. От колен начинаются птичьи лапы. Фигура аттической сирены горельефна, за ее спиной раскинулись большие крылья, верхняя часть их выделена рядом коротких широких перьев, а нижняя расчленена очертаниями длинных перьев; ее фигура тяжеловесна: широкие плечи, короткие ноги, массивный торс. Аттическая сирена показана в движении — голова повернута влево, лицо видно в ракурсе, правая рука поднята к голове, а левая приложена к груди; немного отставлена в сторону птичья лапа; овальное лицо, с несколько патетическим взглядом, обрамлено пышными волосами, спадающими на плечи в виде локонов.

---

[4] A. Bruckner. Der Friedhof am Eridanos. Berlin, 1909, рис. 34—35.
[5] Б. Ф. Фармаковский. Ук. соч., табл. II.
[6] ОАК за 1866 г., табл. I, *20* и *30*.
[7] C. Blümel. Katalog der Griechischen Sculpturen des fünften und vierten Jahrhunderts v. Chr. Berlin, 1928, табл. 58, стр. 46.
[8] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 22.

По сравнению с аттической, фанагорийская сирена еще более массивна, она имеет чрезвычайно широкие плечи и бедра. При этом фанагорийская сирена стоит совершенно неподвижно, лицо в фас, ноги вместе, только в правой руке с плектроном есть некоторое движение. У нее широкое округлое полное лицо.

Рис. 4. Деталь аттического надгробия с изображением сирены-плакальщицы. Середина IV в. до н. э.

Аттическая сирена более проста, чем фанагорийская. У нее нет никаких украшений (во всяком случае исполненных скульптурно), у фанагорийской сирены торс перекрещен перевязью с медальоном в середине, на шее ожерелье, на руке браслет, в ушах серьги с длинными подвесками. Фигура фанагорийской сирены барельефна, но растительные мотивы у ее ног исполнены более объемно, чем у аттической. Все детали фанагорийской сирены выполнены чрезвычайно тщательно и тонко, хотя она и миниатюрна.

Нельзя, конечно, забывать, что акротерии аттических надгробий являются полуремесленными произведениями, отсюда известная грубость их

исполнения, тогда как исследуемая форма является, видимо, творческим произведением художника.

Изображение сирены, близкое фанагорийской, известно из находок в некрополе Каллатии (теперь город Мангалия), хранящихся в музее Констанцы. В гробнице IV в. до н. э. там были найдены терракотовые аппликации туалетной вазы из алебастра (рис. 5): три сирены, совершенно одинаковые, играющие на кифаре, глиняные, позолоченные, вместе с ними были найдены две фигурки воинов, прикрывающихся крупными щитами, и две танцовщицы [9]. Движением головы и верхней части тела эти сирены близки аттическим. Их миниатюрные фигурки имеют легкие пропорции и похожи на детские, поэтому, видимо, они и названы в каталоге эротами.

Рис. 5. Сирена с кифарой — глиняный позолоченный прилеп из Калатии. IV в. до н. э. Музей Констанцы

Форма кифары у каллатийской сирены и у фанагорийской одинакова — с массивным округлым резонатором и массивными ручками, украшенными головками. Скульптурное украшение кифары у каллатийской сирены неясно, у фанагорийской оно представляет собою головки лебедя.

Известно, что кифара богато украшалась инкрустациями из золота, слоновой кости, янтаря, рисунками и скульптурой [10]. Но на вазах и у терракотовых статуэток она обычно изображается без скульптурных украшений. Характерную форму кифары V и IV вв. до н. э. видим на краснофигурных вазах с изображениями кифареда, она такая же, как у фанагорийской сирены [11]. Аналогичную форму плектрона также можно найти на вазах IV в. до н. э. [12]. Образцы кифар, украшенных скульптурными головками птиц, опубликованы С. Рейнаком [13].

Терракотовые миниатюрные аппликации в виде сирен (высотой в 3 *см*), подражающие украшениям из золота, относящиеся также к IV в. до н. э., имеются в Британском музее; это тип, близкий аттической сирене, но стоящей неподвижно и держащей в руке неясный музыкальный инструмент [14].

Миниатюрные, необыкновенно тонко исполненные фигурки сирен этого типа, вероятно, аттического производства, были найдены и в Причерноморье — это подвески к серьгам: сирена, играющая на кифаре [15], сирена, играющая на двойной флейте [16], сирена-плакальщица [17].

Тип сирены III в. до н. э. близок аттическому, но уже иной, в более свободном движении. Таковы александрийские сирены. На штуковом полихромном рельефе, украшающем саркофаг Каирского музея, сирена представлена очень женственной, в движении танца, с перекрещенными ногами и улыбающимся лицом. Она стоит на корзине из листьев аканфа

[9] Muzeul de Archeologie Constanta. Bucureşti, 1961, стр. 56—58, рис. LXXX, сирены названы здесь эротами.
[10] S. Reinach. Lyra. DAGR, III, 2, Paris, 1904, стр. 1442.
[11] ОАК за 1862 г., табл. VI, *2*; 1875, табл. V, *4*.
[12] ОАК за 1861 г., табл. IV.
[13] S. Reinach. Ук. соч., рис. 4718 и 4727.
[14] F. H. Marshall. Catalogue of the Jewellery. London, 1911, табл. XLII, *2152* и *2153*.
[15] ДБК, табл. VII, *13*.
[16] ДБК, табл. VII, *16*, Аджимушкай.
[17] ДБК, табл. VII, *14*, Ольвия.

Рис. 1.

Рис. 2.

среди цветущих растений, которые поднимаются вверх, заполняя все свободное пространство [18]. Саркофаг датируется временем первых Птоломеев.

На вазе Hadra III в. до н. э. по сторонам надгробного памятника изображены две плачущие сирены, весьма схематично повторяющие аттический тип [19].

Черты, отличающие фанагорийскую сирену от аттической середины и второй половины IV в. до н. э., мы находим в произведениях искусства Боспора IV в. до н. э.

Фанагорийская сирена очень близка боспорской сирене на акротерии каменного надгробия (рис. 6), хранящегося в Государственном Историче-

Рис. 6. Каменный акротерий боспорского надгробия в виде сирены. IV в. до н. э. ГИМ

ском музее (Москва). Эта сирена была опубликована О. Ф. Вальгауэром среди других произведений античной скульптуры, хранящихся в ГИМ'е [20]. Он дал короткое определение этой статуи как боспорской. Н. П. Сорокина посвятила ей специальное исследование, в котором она определила статую как «навершие боспорского надгробия» и убедительно доказала его дату IV в. до н. э. [21].

Как и наша фанагорийская, сирена из ГИМ'а имеет такое же массивное тело с широкими плечами, с очень сильной и большой правой рукой,

[18] G. Weicker. Ук. соч., рис. 90.
[19] Там же, стр. 80.
[20] O. Waldhauer. Ancient Marbles in the Moscaw Historical Museum. JHS. XLIV, 1924, стр. 53—54, рис. 10.
[21] Н. П. Сорокина. Ук. соч., стр. 86, рис. 1.

сравнительно короткими ногами, такую же крупную голову с пухлым широким лицом, короткую и широкую шею, такие же крылья. Близка также и трактовка волос, расчлененных прямыми прядями. Хотя сирена на акротерии, хранящемся в ГИМ'е, представлена играющей (ее правая рука касается струн кифары), лицо ее изображено в фас, как и у фанагорийской сирены. При больших размерах сирена акротерия из ГИМ'а имеет очень мало деталей и грубую поверхность. Н. П. Сорокина предполагает, что исчезнувшая полихромия скрадывала эту грубость [22].

Рис. 7. Золотая нашивная бляшка из склепа Б. Близницы

Рис. 8. Голова терракоты из Пантикапея. Конец IV в. до н. э. ГМИИ

Фанагорийская сирена своей массивностью, округлыми тяжелыми формами лица и тела полностью аналогична другим творениям боспорского искусства IV в. до н. э., например изображению Деметры на фреске из склепа IV в. до н. э. кургана Б. Близницы [23]. Мы видим ту же фронтальность и некоторую застылость позы, такое же округлое широкое лицо с широкими скулами и массивным округлым подбородком, широкий разрез глаз и низко опущенные брови, полные губы, немного извилистые, простую прическу с прямым рядом, отчего открытый широкий лоб приобретает треугольные очертания. Тяжелое ожерелье украшает массивную шею. Роспись датируется концом IV в. до н. э. [24]. Такая же прическа тот же тип лица, аналогичная трактовка глаз с четко вырезанными деталями, такие же украшения — серьги с длинными подвесками и тяжелое ожерелье — видны на золотых нашивных бляшках с изображением Коры и Деметры (рис. 7), найденных при раскопках кургана Б. Близницы [25].

Стилистически близкой является голова богини — фрагмент терракоты из раскопок В. Д. Блаватского на г. Митридат работы местного боспорского коропласта этого же времени — второй половины IV в. до н. э. (рис. 8).

Античный мифологический образ фанагорийской сирены приобретает здесь особый местный колорит. В передаче лица видны черты местных жителей, столь часто изображавшихся в более позднее время на надгробных плитах; с особой тщательностью исполнены детали, взятые из действительной жизни — серьги [26], кифара, ожерелье.

[22] Там же, стр. 85—86.
[23] ДЖЮР, табл. VIII.
[24] Там же, стр. 20.
[25] Там же, табл. IX, *2*; ОАК за 1865 г., табл. II, *7* и *8*.
[26] Такую же серьгу см. ДБК, табл. VII, *10*, *11*.

Изображение конкретных реальных черт соединяется с поисками декоративного эффекта, перед нами тонкая декоративная миниатюрная скульптура. Это впечатление достигнуто сочетанием ясного контура крыльев и птичьего хвоста с мягкими очертаниями лица и тела сирены, чешуек мелких перышков, покрывающих верхнюю часть крыльев и бедра сирены, сочных членений нижней части крыльев и хвоста и обнаженного тела, исполненного с тонкой светотенью, едва заметно пересеченного перевязью. На фанагорийском рельефе скульптурные украшения кифары более подчеркнуты, чем на других изображениях сирен с кифарой, они мягко и органично завершают гибкую линию контура ручек кифары.

Орнамент на ногах фанагорийской сирены также оригинален. Это не тонкие едва заметные побеги вьющегося цветущего растения, но объемное изображение цветка, напоминающего цветок на родосских монетах конца IV—II в. до н. э.[27].

Таким образом, перед нами своеобразный яркий памятник боспорского искусства времени его расцвета, второй половины IV в. до н. э., и вместе с тем новое произведение искусства Фанагории.

Особенностью фанагорийской формы является удивительная тонкость и ясность всех деталей. Возможно, что эта четкость появилась под воздействием чеканной тонкости произведений торевтики, которая во второй половине IV в. до н. э. на Боспоре достигает расцвета и представлена великолепными произведениями как своими, так и привозными. Необычная четкость исполнения формы позволяет предположить, что она могла быть сделана по металлическому оригиналу.

Рельеф имеет небольшую курватуру, можно предположить, что он мог украшать тулово небольшого сосуда. Орнамент у ног сирены, вероятно, был продолжен на боковой и задней поверхности сосуда. Что этот рельеф украшал именно тулово сосуда, доказывается тем, что поле, в котором размещена фигура сирены, обрамлено сверху и снизу орнаментом — вверху плетенкой, внизу шнуром перлов. Судя по размерам, таким сосудом мог быть арибаллический лекиф — наиболее распространенная форма фигурной и рельефной вазы в IV в. до н. э. на Боспоре.

Напомним несколько подобных ваз, найденных в некрополях городов Боспора: знаменитые фигурные вазы в виде сирены, сфинкса и Афродиты в раковине, происходящие из восточного некрополя Фанагории[28], лекиф с изображением Европы на быке[29], лекиф, украшенный изображением Нереиды на Гиппокампе, найденный в Керчи и хранящийся в Одесском музее[30] и др. Все они с горельефными изображениями, но известны лекифы, украшенные барельефами, как например, лекифы Ксенофанта начала IV в. до н. э.

В. Д. Блаватский в своей книге «История античной расписной керамики» в разделе о вазах Северного Причерноморья подчеркивает, что вазы, украшенные полихромными рельефами, особенно ценились на Боспоре[31]. Большинство их привозилось из Аттики, но были и местного производства. К последним надо отнести и сосуды с сиреной, изготовлявшиеся в Фанагории. Вазы с подобными изображениями сирены имели, вероятно, погребальное назначение.

Публикуемая форма, как уже говорилось, была открыта на территории производственного керамического района Фанагории. Обращает на себя внимание отсутствие стертости формы от употребления и наличие при этом некоторых дефектов (упомянутых выше трещин и мелких выбоин). Сделанный для нас гипсовый отлив с трудом был вынут из этой формы — возможно, что при изготовлении, после обжига, форма немного сжалась; вероятно, что эта форма совсем не была в употреблении и выброшена, как дефектная. Но ее прекрасная сохранность дала возможность познакомиться с новым произведением боспорского искусства.

[27] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XVI, *5*, *6*.

[28] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., табл. I—IV.

[29] ОАК за 1866 г., табл. II, *33*, стр. 77.

[30] А. В. Деревицкий, А. А. Павловский, Э. Р. Штерн. Терракоты Одесского Археологического музея, I, Одесса, 1897, табл. XII, *4*.

[31] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1952, стр. 268—271.

А. Э. КУСТИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НА ОСТРОВАХ САРЕМАА И МУХУ

Острова Сааремаа и Муху, расположенные в Балтийском море напротив западного побережья материковой части Эстонии и входящие в так называемый Моонзундский архипелаг, по количеству археологических памятников, относящихся к началу II тысячелетия, значительно богаче других частей Эстонии.

В I тысячелетии н. э. на этих островах гораздо дольше, чем на материке, удерживались древние, присущие раннему железному веку типы могильников и вещественный материал. Для этого времени характерны могильные сооружения в форме маленьких небрежно сложенных каменных курганов [1], расположенных поодиночке или небольшими группами, как правило, среди современных пашен (рис. 1). Лишь в одном случае на о-ве Сааремаа обнаружен характерный для материковой Эстонии каменный могильник с оградками. В островных могильниках встречаются как трупоположения, так и трупосожжения, причем последние постепенно становятся господствующими. Судя по небольшому количеству археологических памятников, о-ва Сааремаа и Муху по сравнению с материковой частью Эстонии вплоть до конца I тысячелетия были относительно слабо заселены. Это, как и долгое бытование старых типов могильников и вещественного материала, показывает, что в I тысячелетии н. э. социально-экономическое развитие у островного населения протекало медленнее, чем у племен материковой части Эстонии.

В конце I тысячелетия, в особенности же в XI—XII вв., количество археологических памятников резко возрастает (рис. 1). Большинство памятников, как и раньше, составляют каменные могильники, которые к настоящему времени известны в количестве 86. Из них 21 могильник существовал уже в I тысячелетии, однако и здесь большинство погребений относится к XI—XII вв. Курганы становятся постепенно более низкими, пока наконец не сменяются более или менее плоскими каменными кладками. Под кладкой иногда встречаются сложенные из камней венцы, которыми окаймлялись одно или несколько трупосожжений. Типичным примером такого погребального памятника является Кякуский могильник в центральной части о-ва Сааремаа. Он представляет собой одну обширную сплошную каменную кладку, на поверхности которой уже трудно различить отдельные курганы. На рис. 2 показан раскопанный курган из этого могильника. Каменное перекрытие удалено, оставлен каменный круг и внутри него трупосожжение человека и скелет собаки. В Рандвереском и Вильтинаском могильниках трупосожжения обнаружены как внутри каменных кругов, так и в промежутках между ними [2]. Встречаются могиль-

[1] А. К. Вассар. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа». Таллин, 1956, стр. 187—203.

[2] А. Э. Кустин. Каменный могильник в Рандвере на острове Сааремаа. Археологический сборник, II, Таллин, 1962, стр. 58—130.

ники и без каменных венцов или кругов, например Рахуский. В этих случаях трупосожжения покрыты беспорядочной каменной кладкой. Погребения нередко впущены в более ранние части могильника, чем и обусловлено смешение разновременных захоронений. Курганы с венцом и сплошные каменные кладки существовали параллельно вплоть до середины XIII в.

Погребения богаты могильным инвентарем, обычно это личные вещи умершего: в женских погребениях украшения, в мужских — оружие и

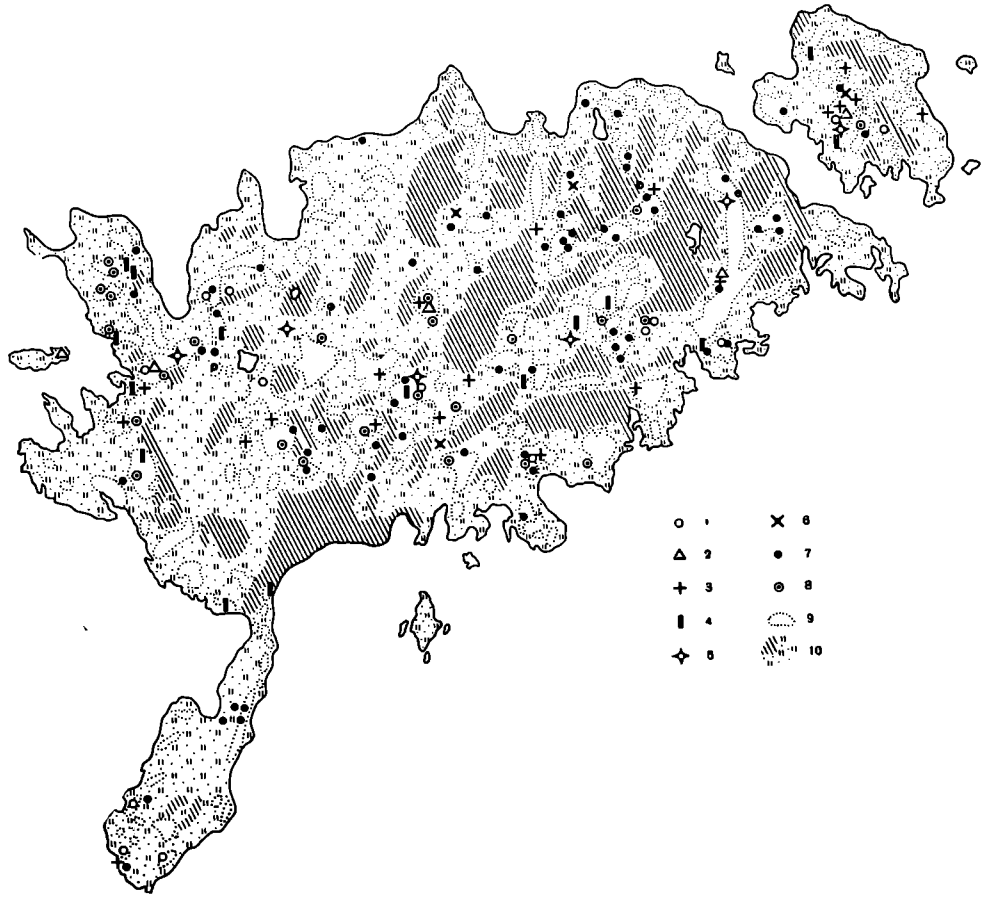


Рис. 1. Археологические памятники на о-вах Сааремаа и Муху.

1 — каменный могильник I тысячелетия; *2* — место находок римских монет; *3* — грунтовый могильник начала II тысячелетия; *4* — место находок кладов начала II тысячелетия; *5* — городище; *6* — предполагаемое городище; *7* — каменный могильник начала II тысячелетия; *8* — каменный могильник I — начала II тысячелетия; *9* — пахотная земля; *10* — болота, пески, лес

предметы конского снаряжения. Реже при погребенных встречаются орудия труда и предметы обихода. Нередко сааремаасцы клали в могилу только часть того или иного предмета. В могильниках чаще попадаются обломки мечей, в особенности части рукоятки, нежели целые мечи. Можно также считать, что уздечки и стремена как бы заменяли самого коня. Своеобразным видом могильного инвентаря являются ладейные заклепки, которые, по всей вероятности, символизировали ладью. Возможно, что погребенные, в могилах которых обнаружены заклепки, при жизни были, владельцами или совладельцами ладьи. В Вильтинаском могильнике обнаружено четыре захоронения, где количество найденных заклепок и их расположение показывают, что умершие были сожжены в ладьях. Очевидно, подобным образом хоронили только представителей знати, имевших свои собственные ладьи. Во всех могильниках найдены обломки посуды, в кото-

рой приносили пищу для празднования тризны. Остатков погребальных урн не обнаружено.

Сааремааским курганам, окруженным каменным венцом, мы параллелей в Прибалтике пока не знаем. В общем же захоронение умерших в каменных могильниках и обряд трупосожжения были характерны для населения всей Эстонии, а также и для других прибалтийско-финских племен. Только в деталях каменным могильникам и погребениям присущи местные особенности. Сожжение трупа в ладье в других частях Прибалтики пока не известно. Этот обычай был характерен для Скандинавии и до известной степени для западной Финляндии [3].

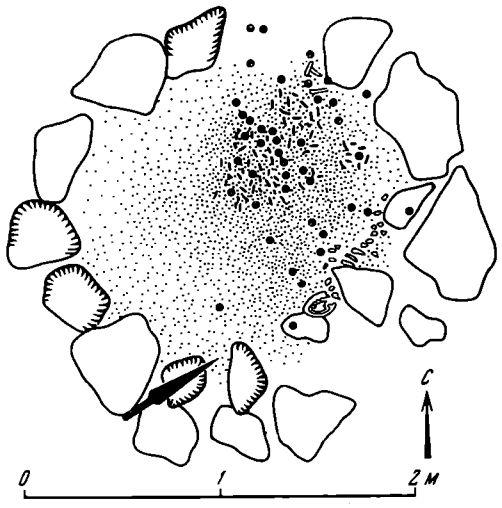


Рис. 2. Погребение в каменном венце. Кякуский могильник, погр. 5. Кружками обозначены поломанные предметы

Начиная с конца XII в. на о-вах Сааремаа и Муху распространяются также грунтовые могильники с трупоположениями. Всего их до настоящего времени насчитывается свыше двух десятков. Подробнее изучены Карьяский [4] и Лоонаский могильники на о-ве Сааремаа и Вийраский на о-ве Муху. Могильники занимали небольшую площадь (около 30 *м* в диаметре) и представляли собой, по-видимому, усыпальницу одной семьи или близкородственных между собой семей. Умершие, празднично одеты и наряжены, похоронены обычно в гробах. В Лоона скелеты лежали головою на север или северо-запад (рис. 3), в других могильниках — на запад или северо-запад. Многие украшения, найденные в грунтовых могилах, по типу отличаются от тех, которые встречались в каменных могильниках. Оружия, орудий труда, конской упряжи и посуды в этих могилах нет.

Распространению нового обряда погребения способствовало покорение и христианизация страны немецкими феодалами в начале XIII в. Это ясно прослеживается на материалах Карьяского и Вийраского могильников, где погребальный инвентарь по количеству постепенно убывает, а затем, около XIV в., вовсе исчезает.

Кроме многочисленных погребальных комплексов известно 18 кладов, относящихся к XI—XIII вв. Из них большинство найдено в западной части Сааремаа на пашнях. Один клад (или два) обнаружен на городище Муху, где был зарыт при осаде крепости немцами в 1227 г. Клады содержат монеты, реже слитки серебра и серебряные украшения; мухуский включал также весы и гирьки. Значительная часть монет, входивших в состав сааремааских кладов, потеряна. Более или менее определенные сведения имеются только о 1089 монетах, в том числе 190 арабских IX — X вв., нескольких десятках византийских, около 400 — англо-саксонских XI в. и 350 — немецких XI—XIII вв.

На островах Сааремаа и Муху имеется шесть больших городищ, относящихся к рассматриваемому периоду [5]. Отметим, что по количеству укреп-

[3] G. Arwidsson. Die Gräberfunde von Valsgärde I, Valsgärde 6. Acta Musei Antiquitatum Septentrionalium regiae Universitatis Upsaliensis I. Uppsala, Stockholm, 1942; T. J. Arne. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike Uppland. Stockholm, 1934; G. Anderson. Boatgraves in Finland. SM, LXX, 1963, стр. 5—23.

[4] А. Э. Кустин. Могильник XIII—XIV веков в Карья на острове Сааремаа. Изв. АН ЭстССР, сер. обществ. наук, VII, 1958, 1, стр. 47—57.

[5] А. Э. Кустин. Городища островов Сааремаа и Муху. Изв. АН ЭстССР, сер. обществ. наук, VIII, 1959, 1, стр. 57—73.

лений, острова превосходят все соответствующие по площади части материковой Эстонии. Строители городищ старались использовать естественные возвышения, однако чаще приходилось возводить валы на сравнительно ровной местности. Типичным для островных городищ можно считать Вальялаское городище в центральной части о-ва Сааремаа (рис. 4). Сплошной овальный в плане вал имеет высоту 5—8 *м*, площадка его охватывает примерно 3600 *м*^{2}. При предварительных раскопках был обнаружен культурный слой мощностью 50—110 *см* с остатками жилых построек. Очевидно, городище Вальяла, так же как и Муху и Каарма, было в XII—XIII вв. постоянно заселено. Количество и мощность городищ свидетельствует о том, что о-ва Сааремаа и Муху подвергались частым грабительским нападениям, вероятно, со стороны скандинавов. Городища, подобные сааремааским, встречаются в западной, низменной части материковой Эстонии, на о-ве Эланд и в Дании [6].

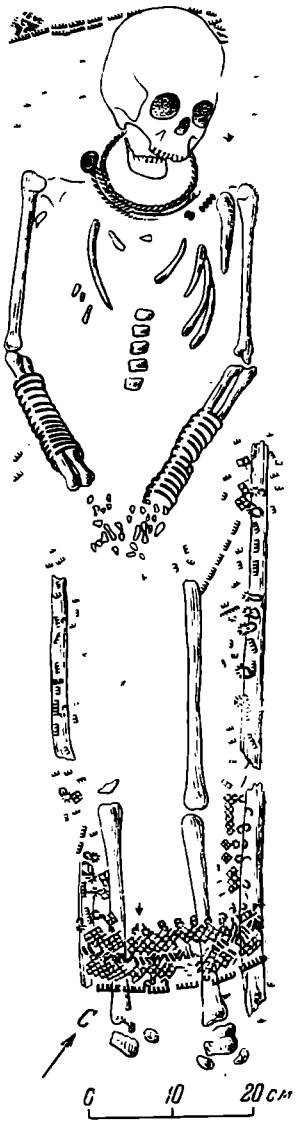


Рис. 3. Погребение девушки лет 16-ти (Лоонаский могильник, погр. 6)

Судя по количеству археологических памятников, острова Сааремаа и Муху были в данный период наиболее густо заселенной частью территории эстонских племен, из ближайших соседних областей с ними могли сравниться только куршские земли и ливская территория по нижнему течению Западной Двины. Здесь во II тысячелетии шел столь же быстрый рост населения, как и на эстонских островах.

Вещественный материал с о-вов Сааремаа и Муху происходит главным образом из каменных могильников, так как поселения и городища до сих пор еще мало исследованы. Большинство типов предметов, характерных для I тысячелетия, сменилось в начале II тысячелетия новыми. Новыми являются, например, широколезвийные топоры, многие типы наконечников копий, мечи, поясные наборы, а также конское снаряжение, замки, ключи и весы.

Орудия труда и предметы обихода составляют сравнительно небольшую часть погребального инвентаря. Они в основном изготовлены на месте. Из них следует упомянуть ножи, которые носили обычно в ножнах на поясе как мужчины, так и женщины. Большинство топоров представлено балтийскими типами, некоторые завезены с о-ва Готланд. Ряд миниатюрных топориков для какой-то специальной поделочной работы (рис. 5, *9*) по своей форме аналогичен обыкновенным рабочим или боевым топорам. Косы-горбуши (рис. 5, *6*) сопровождают, как правило, мужские погребения. В XII в. сааремааские женщины стали носить нож в ножнах ливского типа с бронзовой, богато орнаментированной накладкой (рис. 6, *1*). С рыболовством связаны находки нескольких рыболовных крючков, остроги, пешни и грузила от сетей. Посуда, представленная обломками лепных сосудов, по крайней мере поло-

[6] M. Stenberger. Öland under äldre Järnoldern, en bebyggelsehistorisk undersökning. Stockholm, 1933; J. Bronsted. Danmarks Oldtid III. Jernalderen. Kobenhavn, 1940.

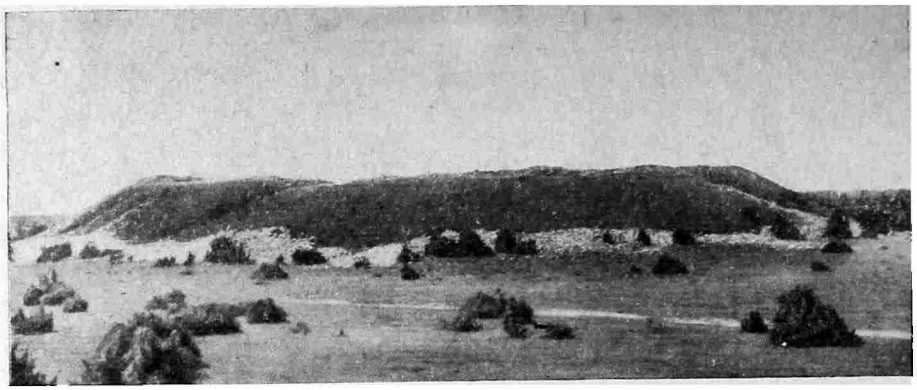


Рис. 4. Вальялаское городище

вина которых украшена простым прочерченным геометрическим орнаментом [7], имеет большое сходство с керамикой материковой части Эстонии [8].

По количеству находимого оружия Сааремаа и Муху во много раз превосходит материковую Эстонию. Наиболее распространенным видом оружия было копье. Встречаются наконечники метательных копий с ножевидным лезвием и односторонним зубцом [9], характерные в XI—XIII вв. для всей Прибалтики. Значительное количество более крупных втульчатых наконечников копий завезено из Скандинавии, из Курземе, часть изготовлена по соответствующим образцам на месте. Импортные экземпляры имеют часто перо из дамасской узорчатой стали и посеребренную орнаментированную втулку (рис. 5, *10*). Наконечникам копий можно отыскать аналогии и на материале Эстонии, и на соседних территориях [10]. Почти все найденные мечи привезены из Скандинавии или Курземе (рис. 5, *8*, 7, *1*) и относятся к типам, распространенным в Северной и Восточной Европе [11]. Вместе с мечом нередко привозились и ножны меча (рис. 5, *11*) и пояс, на котором его носили. Этим следует объяснять тот

---

[7] Некоторые образцы керамики изображены. А. Э. Кустин. Каменный могильник в Рандвере..., табл. XV.

[8] Древние поселения и городища. Археологический сборник. I, Таллин, 1955, рис. 24, *5*, 25, *1*; Muistse Eesti linnused, 1936.— 1939. a. uurimiste tulemused. Tartus, 1939, рис. 119, *2*, *4*, 141, *3*.

[9] Некоторые исследователи считают их гарпунами (Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, рис. 64, *5*, *6*, стр. 77). Однако и частые находки вместе с оружием в могилах и городищах, где рыболовные принадлежности отсутствуют, заставляют сомневаться в подобном утверждении. Гораздо более вероятно, что эти предметы, имеющие широкое лезвие, мало пригодное для рыбной ловли, использовались как оружие. Древние поселения и городища. Археологический сборник. I, рис. 24, *9*; Muistse Eesti linnused, рис. 114, *6*; E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, Bilderatlas und Text. Porvoo, Helsinki, 1951, рис. 935. 1177;. C. Bog. Bericht über Ausgrabungen auf dem Kronsgute Zeemalden in Kurland. Sb kurl., X. Mitaau. 1896, табл. VII; XIX, *3*; А. А. Спицын. Люцинский могильник. МАР, 14, СПб., 1893, табл. XIV, *6*; А. А. Спицын. Курганы. С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20, СПб., 1896, табл. XVIII, *11*.

[10] M. Ebert. Zu den Beziehungen der Ostseeprovinzen mit Skandinavien in der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts. «Балтийский сборник исследований по археологии и истории». Рига, 1914, стр. 126—139; E. Kivikoski. Ук. соч., рис. 799—803; B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Handlingar, рис. 101—108; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии, табл. XVIII, *14, 21, 22, 24, 25*.

[11] B. Nerman. Ук. соч., стр. 67—69, 81, 83; M. Ebert. Ук. соч., стр. 117—126; его же. Ein Schwert mit tauschierter Klinge von Lümmada auf Oesel. «Балтийский сборник...», стр. 147—157; E. Šturms. Kuršu zobeni. Senatne un Maksla. IV, Riga, 1936, стр. 106—116; E. Kivikoski. Ук. соч., рис. 786, 787.

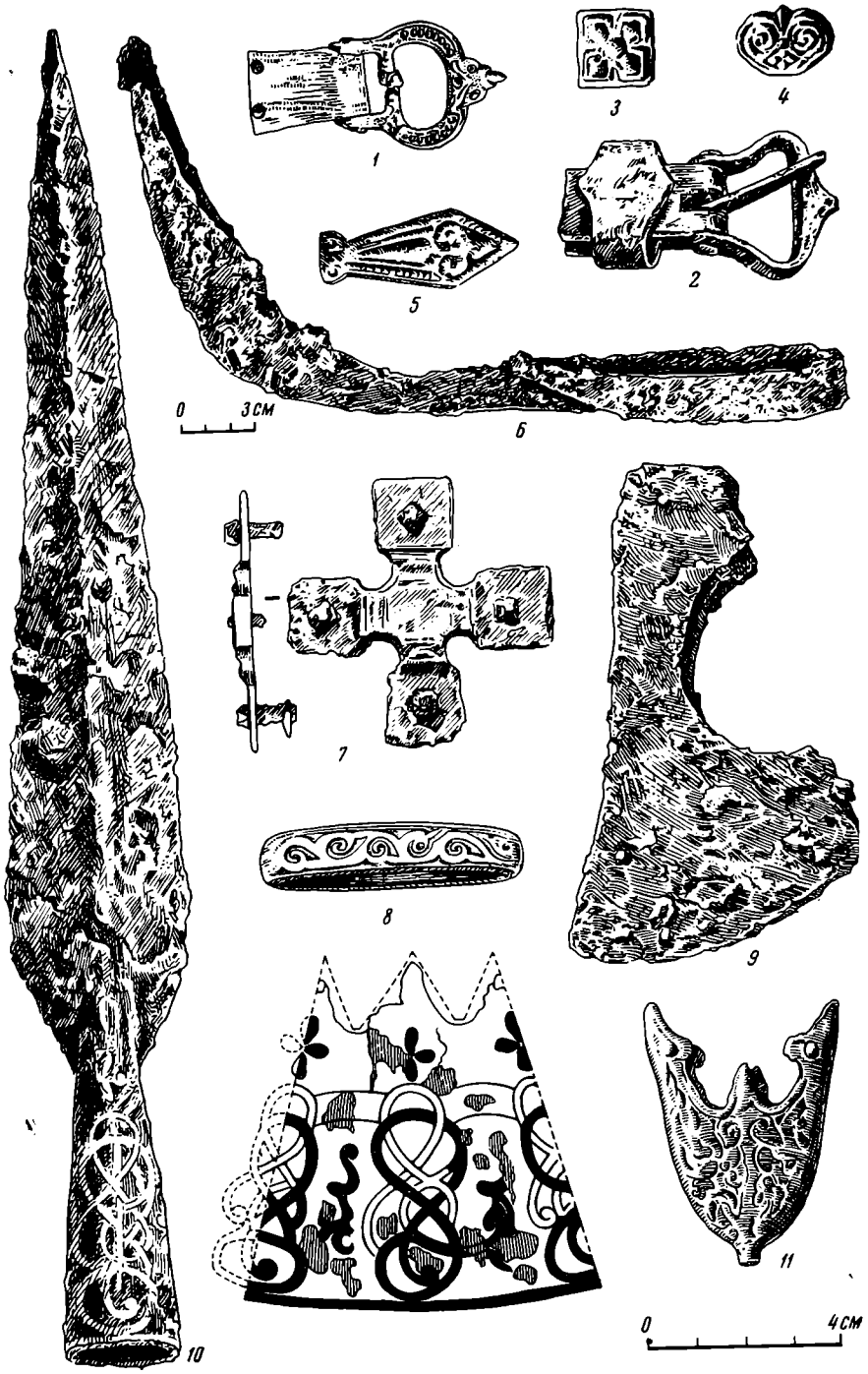


Рис. 5. Предметы погребального инвентаря из сааремааских каменных могильников

1 — бронзовая поясная пряжка; *2* — железная пряжка; *3—5* — поясные бляшки; *6* — коса-горбуша; *7* — железная бляшка от уздечки; *8* — бронзовое перекрестие меча куршского типа; *9* — топорик; *10* — наконечник копья; *11* — наконечник ножен меча скандинавского типа. *1* — Кяку; *2—7*, *9—10* — Рандвере; *8* — Вильтина; *11* — Раху

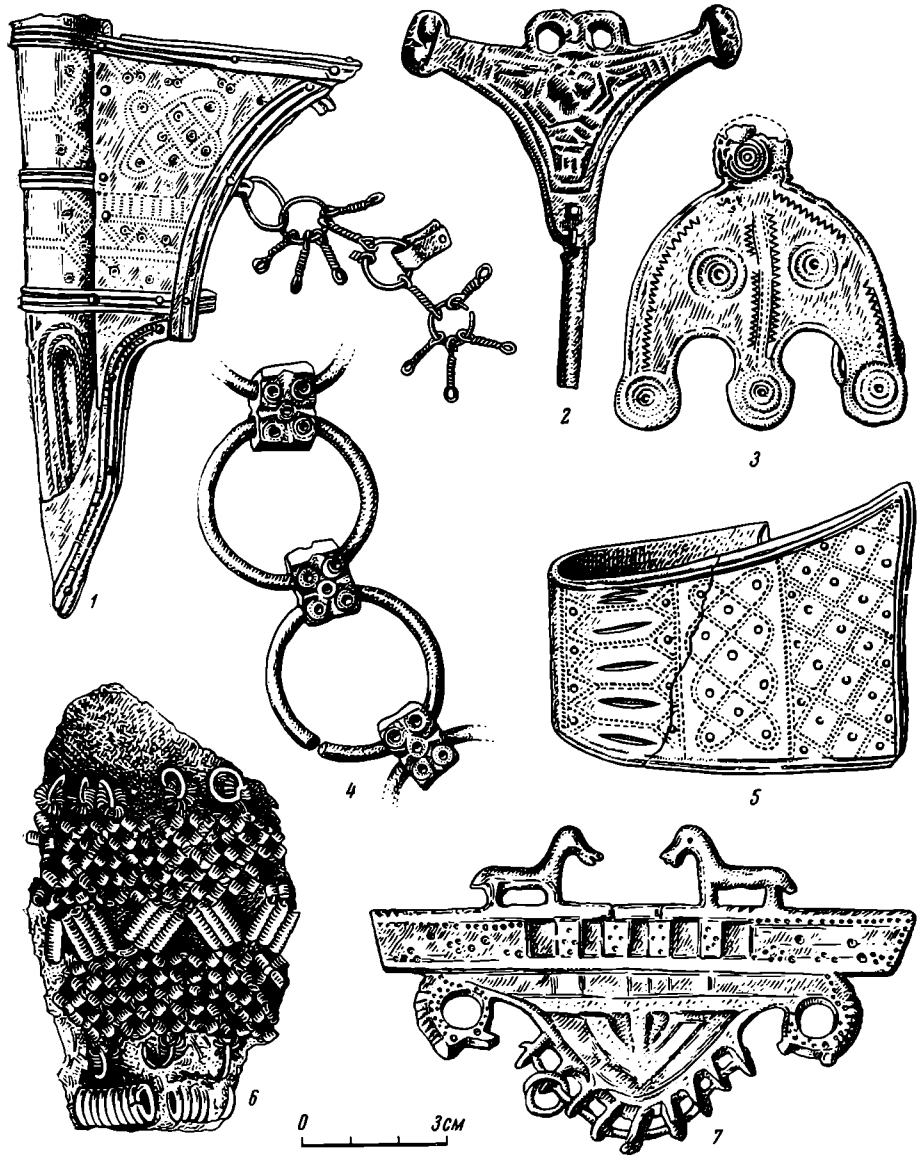


Рис. 6. Украшения сааремааского типа

1 — ножны с бронзовой накладкой; *2* — нагрудная булавка с треугольной головкой; *3* — цепедержатель; *4* — часть поясной цепи; *5* — браслет; *6* — деталь украшения одежды из бронзовых спиралек и маленьких колечек; *7* — бляшка-разъединитель нагрудной цепи. *1—2* — Рандвере; *3* — Раху; *4* — дер. Кирику; *5* — Кяку; *6* — Лоон; *7* — Илпла

факт, что среди дошедших до нас поясных пряжек (рис. 5, *1*, *2*), колец и бляшек (рис. 5, *3—5*), наряду с общеприбалтийскими типами в большом количестве представлены скандинавские, в частности готландские, и куршские типы.

Предметы конского убора встречаются на островах гораздо чаще, чем в захоронениях материковой Эстонии. В сааремааских могильниках нередки удила, бляшки и бубенчики от уздечек, реже встречаются шпоры и стремена. Самый распространенный вид уздечных бляшек изображен на рис. 5, *7*. Такие бляшки изготовлены по готландским образцам. Несколько железных бляшек, украшенных серебром — явно скандинавского происхождения, бронзовые же либо привезены из Курземе, либо изготовлены по куршским образцам. Железные стремена также не местного происхождения. Учитывая большое количество привозных предметов среди конского убора, можно полагать, что значительная часть их была заве-

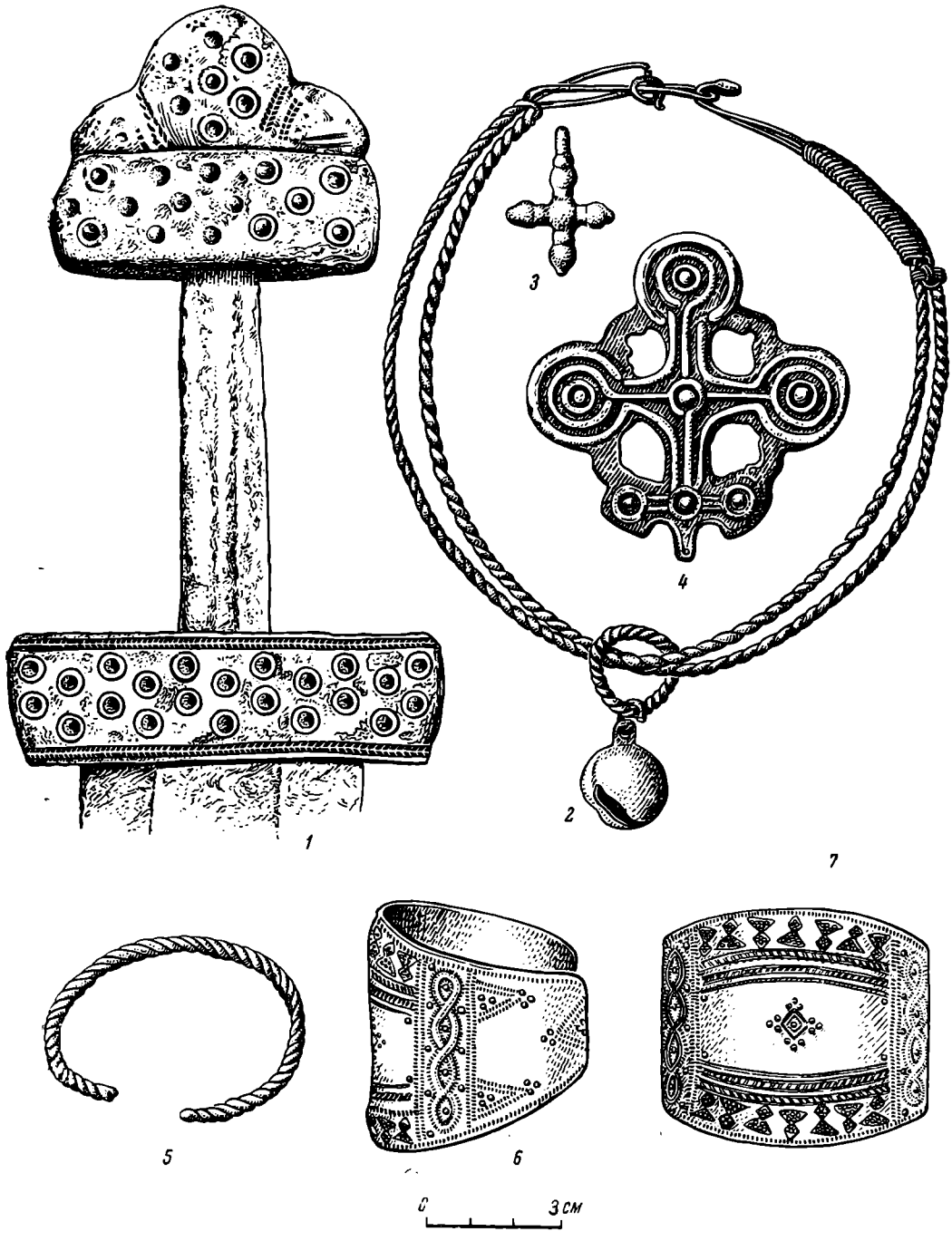


Рис. 7

1 — рукоятка меча, украшенная серебряным листом и ямочным орнаментом (случайная находка из дер. Тыллустэ на о-ве Сааремаа); *2* — шейная гривна с бубенчиком (Лоона погребение 6); *3* — крестовидная подвеска из Рандвере; *4* — головка нагрудной булавки в виде двойного креста с соединенными концами (случайная находка из дер. Каарма на о-ве Сааремаа); *5* — браслет, свитый из трех проволок (Лоона погребение 5); *6—7* — серебряный браслет из клада, найденного на Мухусском городище

зена вместе с породистыми лошадьми, о торговле которыми сообщают письменные источники [12].

Одежда сааремаасцев была сходна с одеждой населения материковой Эстонии [13]. Глухая наплечная одежда была отделана вдоль шейного выреза, а поясная одежда и передник в нижней части — нашивками из бронзовых спиральных пронизок (рис. 3; 6, *6*). Наплечное покрывало — «сыба» и полотенцеобразный головной убор — «линик» также украшены тонкими пронизками. Подобным узором отделывалась одежда у финнов и других прибалтийско-финских племен [14]. Особенностью сааремааской женской и детской одежды была поясная цепь, состоящая из крупных бронзовых колец (рис. 6, *4*).

Особенно богато в могильном инвентаре представлены украшения. Подковообразные фибулы, нагрудные булавки и полуовальные цепедержатели появились в последние века I тысячелетия и в начале II тысячелетия представляли уже специфические для островов типы. Это прежде всего, длинные массивные женские нагрудные цепи. Их закрепляли на плечах с помощью цепедержателей и булавок. Цепедержатели изображенной на рис. 6, *3* формы были первоначально заимствованы от куршей, на островах они несколько видоизменились и получили широкое распространение. Булавки с треугольной головкой (рис. 6, *2*), восходящие к земгальским и куршским прототипам, особенно специфичны для островов. Около десятка сааремааских булавок имеют сходство с булавками курземских ливов. В других местах булавки сааремааского типа встречаются лишь в виде единичных случайных экземпляров [15]. Булавки с головкой в виде двойного креста с соединенными концами (рис. 7, *4*) были характерны для материковой Эстонии, откуда они в XII в. распространились и на острова [16]. Бляшка-разъединитель (рис. 6, *7*) находит аналогии на материке Эстонии и на куршско-ливской территории [17]. К нагрудным цепям прикреплялись разные подвески, в том числе крестики (рис. 7, *3*), серебряные монеты, иногда бронзовые бубенчики.

Как во всей Прибалтике, так и на эстонских островах господствующей формой пряжек были подковообразные, служившие как застежкой, так и украшением [18]. Широко распространенные витые спиральные шейные гривны, а также гривны с удвоенной передней частью (рис. 7, *2*) являются куршскими типами, которые бытовали и на островах без всяких видоизменений. От земгалов были восприняты шейные гривны, состоящие из нескольких склепанных между собой гривен [19]. Шейные гривны сааремааского типа на материке Эстонии не обнаружены, там были гривны иных форм, до сих пор на островах не найденные.

К наиболее характерному типу украшений, бытовавшему только на островах Сааремаа и Муху, относятся массивные плоские браслеты с расширяющимися богато орнаментированными концами (рис. 6, *5*). Их прототипом являются широкие браслеты, которые бытовали на материке

[12] H. Hildebrand. Das Rigische Schulbuch (1286—1352). St. Petersburg, 1872, стр. XVI, № 216, 950, 954, 1038, 1357, 1541.

[13] Эстонская народная одежда XIX и начала XX века. Таллин, 1960, стр. 7—30.

[14] H. Appelgren — Kivalo. Suomalaisia pukuja myöhemmältä rautakaudelta. Helsingissä, 1907; T. Vahter. Pronssikierukkakoristelun teknillisistä menetelmistä, SM XXXV, 1928, стр. 61—70; его же. Der Späteisenzeitliche Mantel im Ostbaltikum. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19—23. VIII, 1930; Acta Universitatis Latviensis Philologorum et Philosophorum ordinis series. I, прилож. I. Rigae, 1931, стр. 283—292.

[15] B. Nerman. Ук. соч., рис. 183; R. Šnore. Dzelzs laikmeta latviešu rotas adatas. Latviešu aizvēstures materiāli. I. Rigā, 1930, табл. XV, *1*, *11—17*.

[16] A. M. Tallgren. Zur Archaologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). BVIII, 1. Dorpat, 1925, табл. VI, *4—6*; R. Šnore. Ук. соч., табл. XXI, *11*.

[17] A. M. Tallgren. Ук. соч., табл. IV.

[18] H. Salmo. Finnische Hufeisenfibeln. SMYA, 56, 1956.

[19] H. Moora. Bemerkungen über einige ostbaltische Schmucksachen der jüngeren Eisenzeit I. Sb. GEG 1928, стр. 150—153, табл. III, *2—4*.

Эстонии[20]. Браслеты со слегка выпукло-вогнутым сечением и зауженными концами (рис. 7, *6*) были распространены, кроме того, на островах в остальной Прибалтике и в соседних древнерусских землях. Такие браслеты были в употреблении также на о-ве Готланд и в Финляндии[21]. Спиральные браслеты, подобные изображенным у костяка на рис. 3, были в Прибалтике издавна известны, но в XI—XIV вв. они распространились и на островах. Браслеты витые из трех проволок (рис. 7, *5*), были весьма обычны в материковой Эстонии, куда они проникли из Новгородской земли[22]. Спиральные перстни с расширяющимся средним витком проникли в XI—XII в. на острова с материка Эстонии. Однако чаще всего на островах бытовали перстни с утолщенной рубчатой средней частью, форма которых была позаимствована от куршей.

Итак, мы можем сказать, что среди предметов украшения, находимых на о-вах Сааремаа и Муху, имеется много таких, которые по своему типу скорее сближаются с украшениями куршей и ливов, чем с украшениями, распространенными в материковой Эстонии.

Вещественный материал в целом свидетельствует о том, что материальная культура населения рассматриваемых островов складывалась в результате тесных связей с соседними племенами. Она имеет много общих черт как с культурой населения материковой Эстонии, так и с культурой других прибалтийских, особенно куршских, ливских и земгальских племен. В то же время этот материал содержит и целый ряд предметов местных сааремааских типов. По сравнению с предыдущим периодом в начале II тысячелетия развитие материальной культуры сааремаасцев протекало более быстрым темпом и, в заметной степени, более самостоятельным путем.

Что же было причиной резкого подъема, наблюдаемого в развитии хозяйства и культуры островного населения на рубеже I и II тысячелетий?

Основой экономики населения наших островов было как в I, так и во II тысячелетии земледелие. Это вытекает уже из того факта, что археологические памятники расположены исключительно на пригодных для обработки участках (см. рис. 1).

В первой половине и середине I тысячелетия в Прибалтике господствовала, как мы знаем, подсечная система земледелия. Однако на островах, обладающих весьма маломощным почвенным покровом, подсечное земледелие не могло развиваться в таком размере, как в материковой Эстонии. На островах лес возобновлялся крайне медленно, этим, очевидно, и объясняется замедленное развитие на островах хозяйства и культуры в I тысячелетии н. э. Значительный подъем производительности земледелия в начале II тысячелетия мог произойти только в результате заметного увеличения площади постоянных полей за счет сокращения залежей. Постоянные же поля не давали урожая без удобрения, что, в свою очередь, требовало увеличения поголовья скота. В результате наличия на островах, по сравнению с материковой частью Эстонии, относительно богатых лугов оказалось возможным более быстрое развитие здесь скотоводства. О развитии скотоводства свидетельствует и тот факт, что на островах найдены в бо́льшем количестве, чем на материке, косы-горбуши, служившие в основном для заготовки корма скоту на зиму. Животноводство и земледелие были таким образом неразрывно связаны друг с другом. Во всяком случае, резкое увеличение густоты населения в изучаемый

[20] Там же, Sb. GEG, 1929, стр. 35—37, рис. 11—14.

[21] Э. Ю. Тыниссон. Эстонские клады IX—XIII веков. Археологический сборник. II, рис. 27, *3—5*; A. M. Tallgren. Ук. соч., табл. VII, *10*, *11*; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии, табл. III, *11*, IV, *16*, XIII, *29*; E. Kivikoski. Ук. соч., рис. 693; M. Stenberger. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit II. Fundbeschreibung und Tafeln. Stockholm, Lund 1947, рис. 254, *1*.

[22] H. Moora. Wotische Altertümer aus Estland. ESA. IV, Helsinki, 1929, стр. 273—280.

период нельзя объяснять иначе чем ростом производительности основной отрасли хозяйства — земледелия.

Наряду с основными отраслями хозяйства — земледелием и скотоводством — с давних времен видное место в хозяйстве островного населения занимали рыболовство и тюлений промысел.

О развитии ремесла позволяют судить многочисленные металлические предметы местного изготовления. Хотя на о-вах Сааремаа и Муху, как и в остальной Прибалтике, кузнечное ремесло и бронзовое литье в этот период достигли заметного успеха, бронзовое литье, очевидно, все еще не отделилось от кузнечного дела. О возникновении ювелирного ремесла в полном смысле этого слова говорить еще не приходится. При изготовлении бронзовых и серебряных изделий применялась в основном та же техника. В целом уровень развития кузнечного и литейного дела у сааремаасцев стоял ниже, чем в тот же период на соседнем острове Готланд или в русских городах. Техника обработки металлов на наших островах не достигла полностью и того уровня, на каком она была у куршей.

Благодаря географическому положению рассматриваемых островов, большое экономическое значение для их населения имело развитие мореходства и заморской торговли. Как показывает вещественный материал, жители эстонских островов поддерживали оживленные торговые связи с населением материковой части Эстонии и с другими народами Прибалтики — с куршами, ливами, земгалами, а также с населением о-ва Готланд. Связи с жителями Скандинавского полуострова, как и с финнами, карелами, ижорой и водью, носили более случайный характер. Археологические материалы и сведения, даваемые нам Хроникой Ливонии, позволяют заключить, что сааремаасцы нередко посещали ближайшие русские города: Псков, Новгород и Полоцк[23].

Среди сааремааских археологических находок имеется значительно больше драгоценных, характерных для представителей знати украшений и оружия, чем в материковой Эстонии. Из этого следует, что на островах слой имущей знати был несколько более многочислен, чем на материке Эстонии. Это явление, вероятно, следует объяснять, с одной стороны, относительно большей производительностью труда в сельском хозяйстве, а с другой — более широким размахом торговли.

Насколько позволяют судить письменные источники, к началу XIII в. в сааремааском обществе стали складываться феодальные отношения. Существовали крупные землевладельцы и зависимые от них люди, которых называли — servi[24]. Наряду с зачатками феодализма в сааремааском общественном строе имелись и явные элементы рабовладения и значительные пережитки первобытнообщинных отношений. Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, все же социально-экономическое развитие островитян шло не по линии образования централизованной княжеской власти, как у племен центральных и восточных частей Прибалтики, а по линии образования аристократической республики, как у куршей и готландцев.

Отметим, наконец, что острова Сааремаа и Муху как по географическому положению, так и по характеру материальной культуры являлись составной частью Прибалтики. Хотя культура и быт сааремаасцев имели ряд отличительных, характерных для прибрежной полосы Прибалтики черт, они тем не менее оставались теснейшим образом связанными с жителями материковой Эстонии. Их связывало единство происхождения, языка, хозяйственной деятельности, одинаковые типы одежды и украшений, культа и обычаев.

---

[23] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.— Л., 1938, № XX, *7*, XXII, *2*, *8*, XXVII, *3*.

[24] Liv., Est — und Curländisches Urkundebuch nebst Regesten. Bd. I, harausgegeben von dr. Friedrich Georg V. Bunge. Reval, 1853, № 285.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ С. ДЕМЬЯНКИ

На правом высоком берегу старицы р. Ипуть, в урочище «Березани», в 5 *км* к юго-востоку от с. Демьянки Добрушского района Гомельской области расположена курганная группа в 159 курганов. Все курганы довольно хорошей сохранности, полусферической формы, высотой от 0,5 до 2 *м*. Большая часть курганов густо заросла лесом; на некоторых видны следы старых раскопок.

По сообщению Е. Р. Романова[1], местный помещик в 1900-х годах раскопал несколько курганов. Найдены были «обыкновенные погребения» и трупосожжения. Ни вещей, ни отчета не сохранилось.

В 1962—1963 гг. Радимичский отряд Приднепровской археологической экспедиции Института археологии АН СССР проводил исследование этой курганной группы. В 1962 г. было раскопано 27 курганов и в 1963 г.— 4 кургана. Всего, таким образом, в группе был раскопан 31 курган.

В четырех курганах (№ 1, 2, 4, 14) и, вероятно, в кург. № 9 умерший был сожжен, в остальных находились остатки трупоположения, как на горизонте, так и в яме.

Вначале мы рассмотрим курганы с трупосожжениями.

Курган № 1. Высота 1 *м*, диаметр 6,5 *м* (рис. 1, *1*). На горизонте, на угольно-золистом слое, занимавшем всю поверхность основания кургана, в центре было расположено погребение (трупоположение) XI в. В центральной же части восточной половины кургана было обнаружено древнейшее погребение.

В небольшой ямке, круглой в плане, диаметром 0,44 *м* и глубиной 0,25 *м*, вырытой в материке, обнаружено большое скопление кальцинированных костей и черного жирного угля. Здесь же были найдены оплавившиеся бронзовые слитки, ушко и обломки бронзовой крестовидной подвески (рис. 2, *1, 2*).

Рядом с погребальной ямой, на выжженном горизонте, находились обломки грубого лепного горшка (рис. 3, *1*) и светло-коричневого лощеного лепного ребристого сосуда.

Найденная бронзовая привеска, по-видимому, относится к кругу вещей с эмалью; ближайшими аналогиями этой привески можно считать секировидную привеску из с. Стайки Киевской области[2] (рис. 2, *3*) и аналогичную привеску, найденную в с. Горицы близ Чернигова[3].

Древнейшее погребение представляет собой, таким образом, остатки трупосожжения, совершенного на стороне, заключенные в подкурганную

---

[1] Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Зап. Сев.-зап. отд. РГО, I, Вильно, 1910, стр. 27.

[2] Привеска куплена у частного лица в 1906 г.; хранится в ГИМ'е 18/1906 г. № 30778.

[3] A. M. Tallgren. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 153, рис. 7.

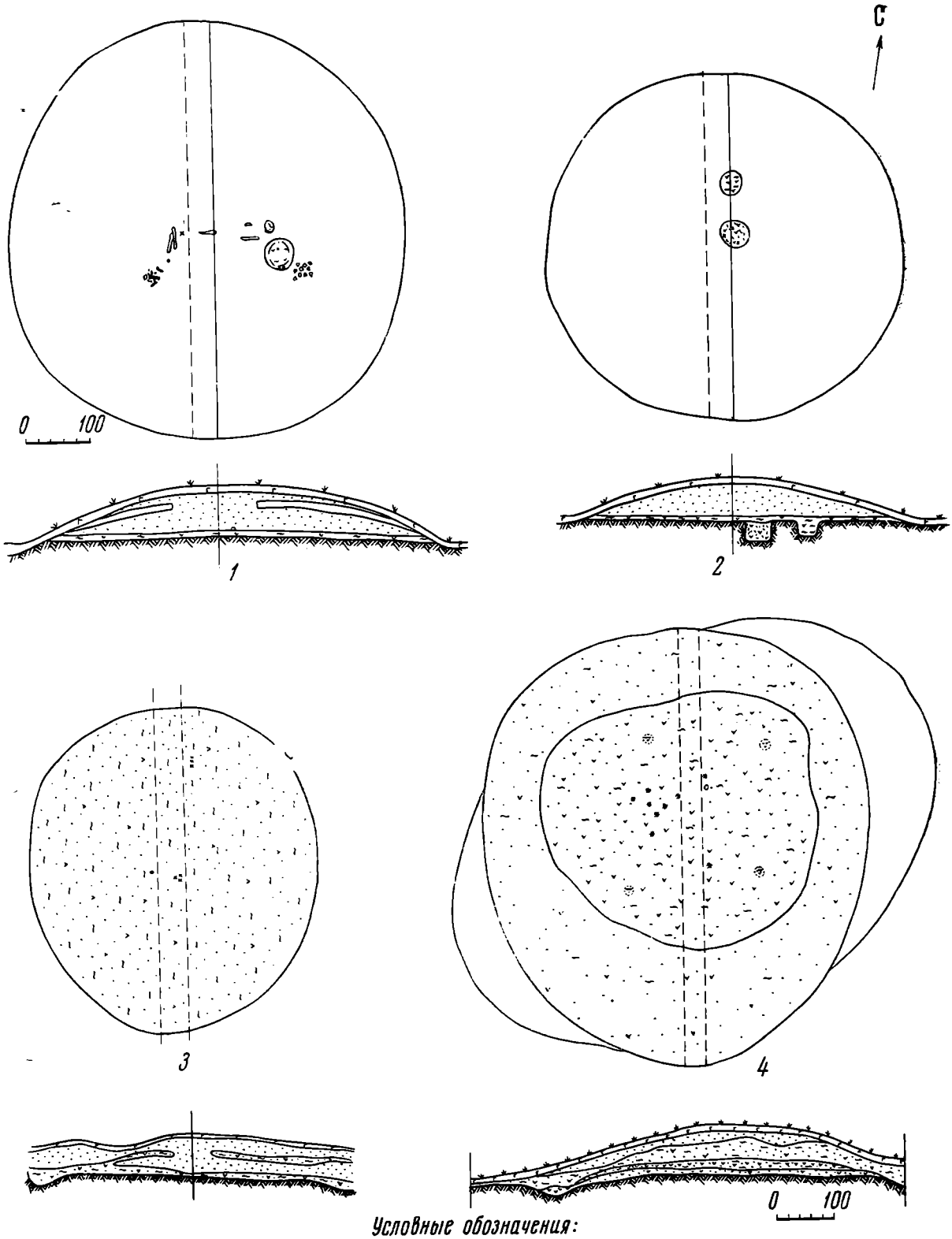


Рис. 1. Планы и профили курганов

1 — кург. № 1; *2* — кург. № 2; *3* — кург. № 14; *4* — кург. № 4. *а* — дерн, *б* — песок, *в* — зола, *г* — уголь, *д* — материк

яму. Обломки бронзовой крестовидной привески и керамика позволяют датировать его серединой I тысячелетия.

Курган № 2. Диаметр 5,6 × 5,8 *м*, высота 0,46 *м* (рис. 1, *2*). На материке, как и в предыдущем кургане, залегал угольно-золистый слой мощностью 6—8 *см*. В центральной части кургана были обнаружены две круглые в плане ямы. В первой из них, диаметром 44 × 42 *см* и глубиной от поверхности погребенного материка 34 *см*, обнаружен жирный черный

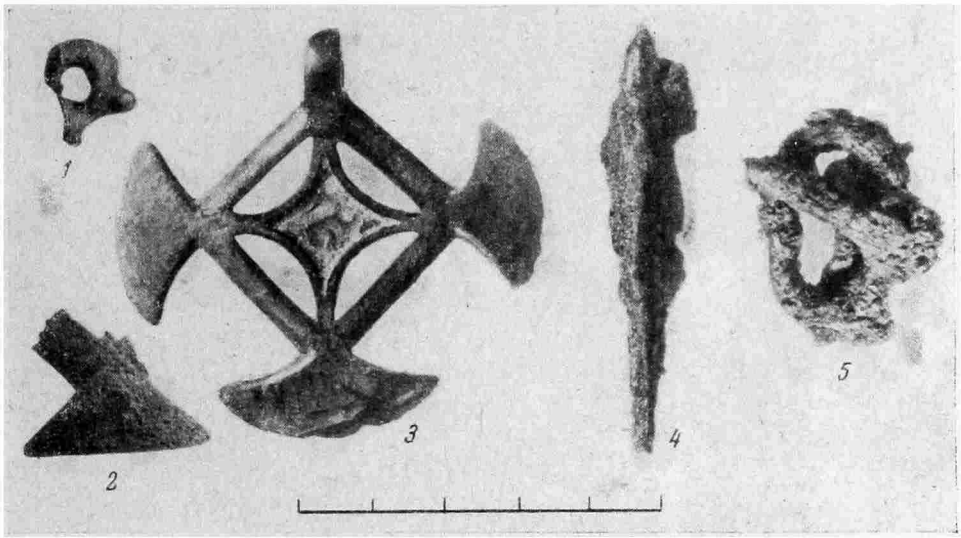


Рис. 2. Вещи из курганов

1—2 — кург. № 1; *3* — подвеска из с. Стайки; *4*, *5* — кург. № 2 (*1—3* — бронза; *4*, *5* — железо)

уголь и большое количество кальцинированных костей. Здесь же находились железные предметы: пряжка (рис. 2, *5*), трехгранный желобчатый черешковый наконечник стрелы (рис. 2, *4*), обломок поделки и обломки лепного глиняного горшка с почти прямым венчиком.

Вторая яма, расположенная к северу от первой, диаметром 38 × 40 *см* и глубиной от поверхности погребенного материка 26 *см*, была заполнена только золой и углем.

Обряд погребения здесь тот же, что и в кург. № 1: на стороне было совершено трупосожжение, судя по инвентарю, мужчины; найденные при его останках стрела и пряжка хорошо датируют курган VII—VIII вв.

Курган № 14. Диаметр 6 × 5,3 *м*, высота 0,3 *м* (рис. 1, *3*), сильно оплыл. На глубине 0,65 *м* на древнем горизонте обнаружено кострище на всей площади основания кургана. В северо-восточной поле кургана находились три сосуда. Горшки были поставлены в ряд, в направлении З — В. Два горшка, сделанные из грубой серовато-черной глины, сохранились неполностью (рис. 3, *2*). По своему типу они очень близки посуде из верхнего слоя городища Тушемли[4] и из могильника близ с. Обидня (раскопки Л. Д. Поболя). Третий горшок — целый, сделан из светло-коричневой глины, хорошо заглаженный, меньших размеров, напоминает по форме раннеславянскую керамику типа корчак (рис. 3, *3*). Горшки были заполнены пережженными костями.

В XI в. курган был использован для вторичного захоронения (см. ниже описания курганов с трупоположением на горизонте).

Еще один курган с трупосожжением — курган № 4 (рис. 1, *4*) был расположен на крутом берегу старицы Ипути. Диаметр кургана 8 *м*, вы-

[4] П. Н. Третьяков, А. Е. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963, стр. 69.

сота 1,4 *м*. Насыпь состоит из желтоватого сыпучего песка, смешанного с мелкими угольками и золой. В центре кургана находилось кострище мощностью до 0,2 *м*, диаметром около 2 *м*. Под кострищем обнаружены следы четырех сгоревших столбов, образующих в плане неправильную трапецию (длина северной стороны — 2,2 *м*, южной — 2,4, восточной — 2,4, западной — 2,8 *м*). Глубина ямок от столбов — 0,2—0,4 *м*; диаметр — 0,2—0,15 *м*. Вероятно, это остатки домовины, по углам которой стояло

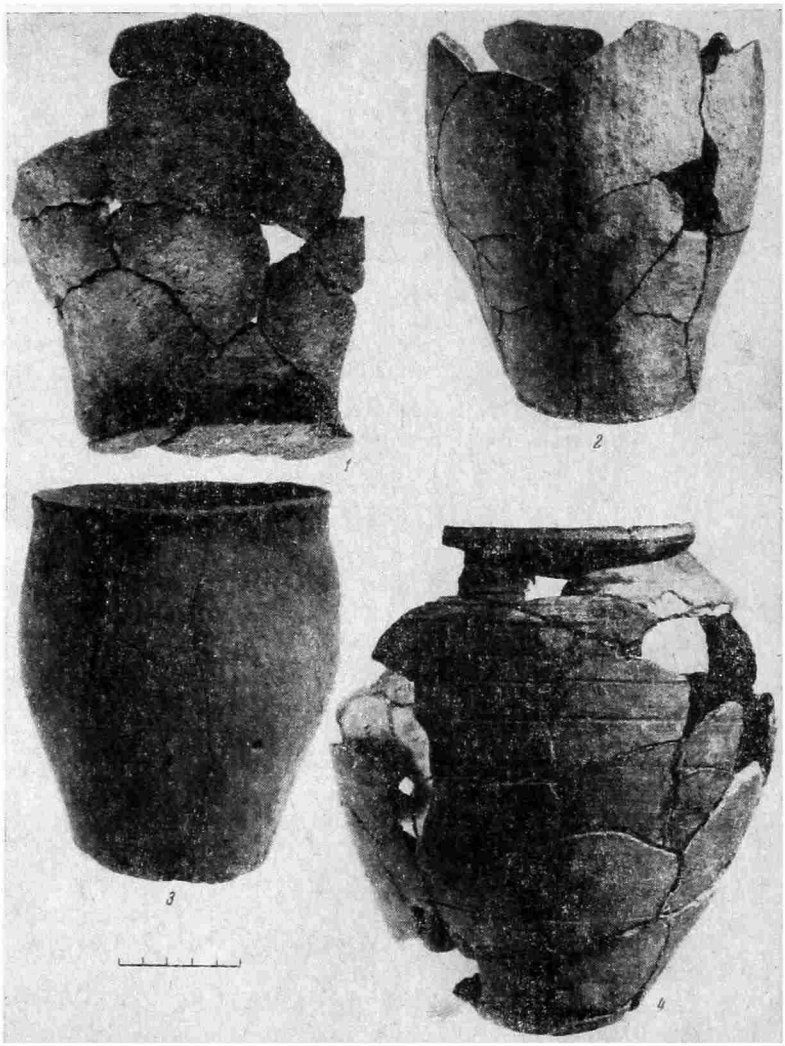


Рис. 3. Керамика из курганов
1 — № 1; *2—3* — № 14; *4* — № 17

четыре столба. В кострище в западной части четырехугольника, образованного столбиками, найдены кальцинированные кости, зубы человека и ряд вещей. Почти в центре кострища был воткнут железный серп (рис. 4, *1*), рядом с ним — два проволочных височных перстнеобразных кольца, обломок металлического проволочного браслета, несколько оплавившихся железных и бронзовых предметов, серебряные и золоченые бочонкообразные бусы. Кроме того, найдены фрагменты лепной посуды.

Курган этот хорошо датируется X в.

По-видимому, по обряду трупосожжения было совершено погребение и в кург. № 9, расположенном на краю дюны. Курган был подмыт рекой

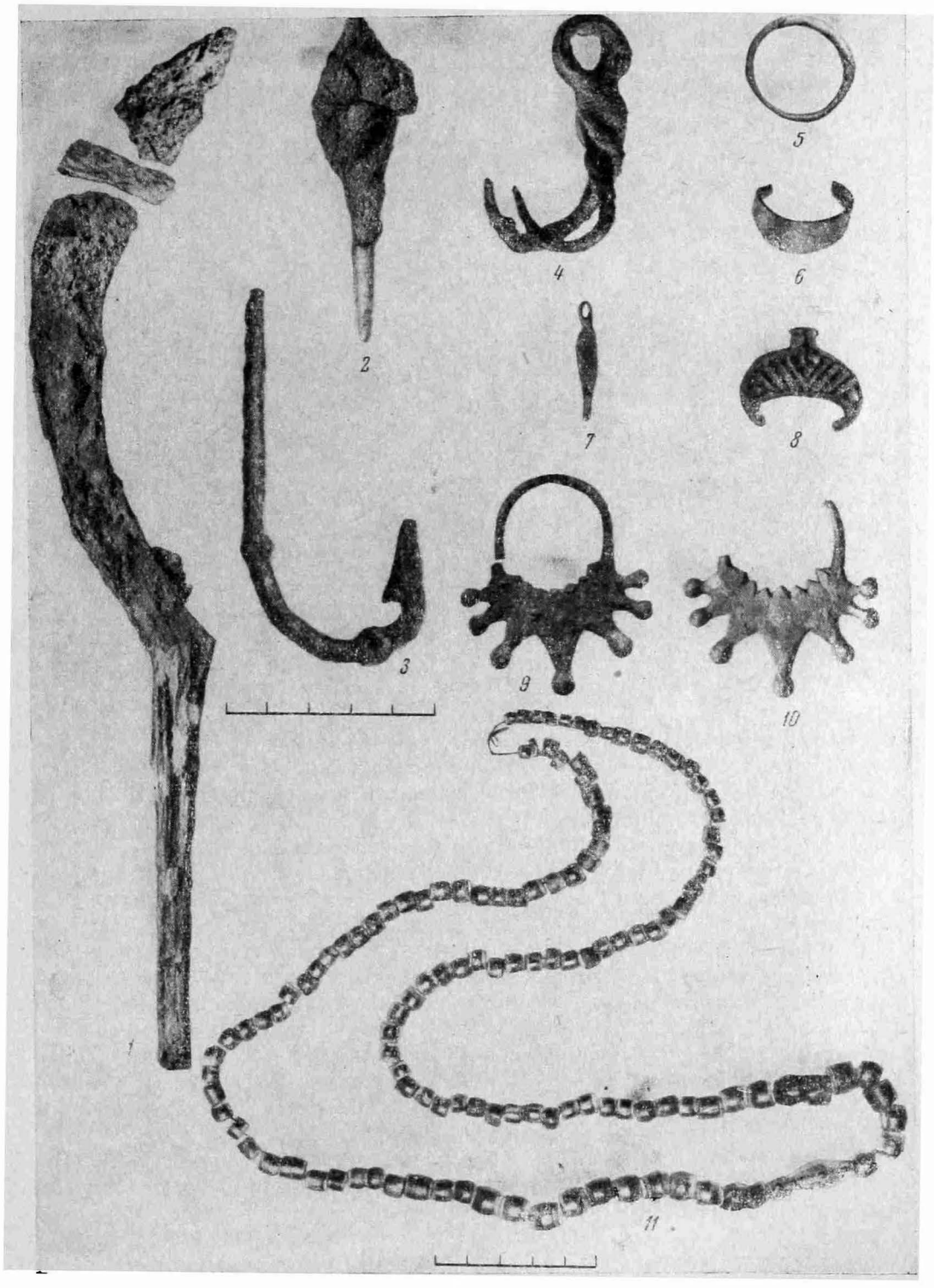


Рис. 4. Вещи из курганов

1 — № 4; *2* — № 15; *3* — № 26; *4* — № 12; *5* — № 20; *6*, *11* — № 3; *7—10* — № 12 (*1—4* — железо; *5*, *6*, *9*, *10* — серебро; *7*, *8* — бронза; *11* — стекло, сердолик)

и частично обвалился в реку. На горизонте находилось кострище мощностью до 0,15 *м*. В восточной (размытой) поле кургана были найдены обломки горшка (X в.) и железная втулка, видимо, от наконечника копья. В северной части кургана, у центра, было выявлено темное угольное пятно, при расчистке которого найдено несколько пережженных человеческих костей. В южной части кургана, прямо по диаметру С — Ю, обнаружен обгоревший столбик высотой 0,18 *м* и диаметром 0,14 *м*.

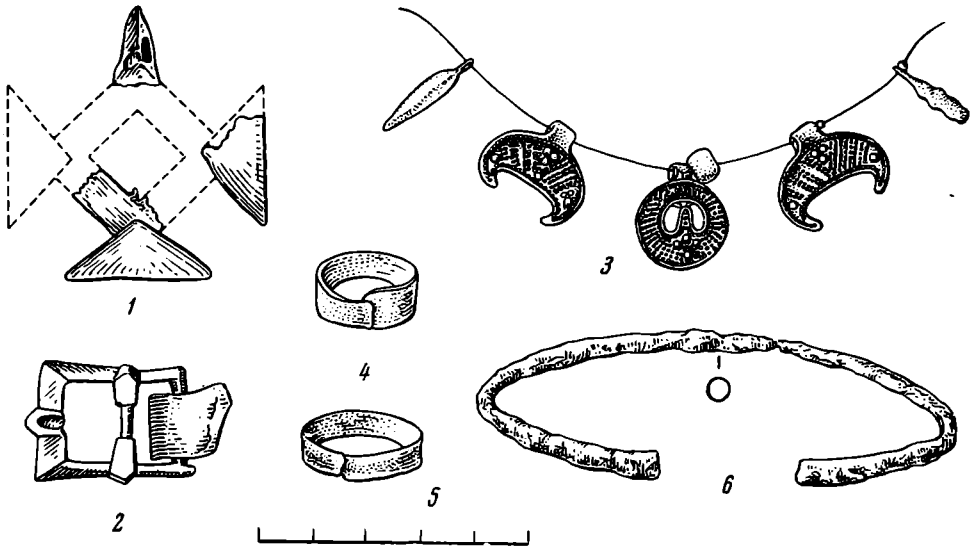


Рис. 5. Вещи из курганов

1—2 — № 1; *3* — № 12; *4* — № 29; *5—6* — № 28 (*1*, *3* — бронза; *2*, *6* — железо; *4*, *5* — серебро)

Таким образом, все раскопанные нами ранние курганы содержали остатки совершенного на стороне трупосожжения. В двух из них пережженные кости помещались в ямке, вырытой в материке (№ 1—2), в одном — в урнах, стоящих на горизонте (№ 14), и в кург. № 4 — в домовине. Чтобы выяснить, не являются ли погребения с трупосожжениями остатками более раннего бескурганного могильника, на территории могильника были заложены две траншеи. Погребений вне курганов не обнаружено.

Все остальные исследованные курганы содержали трупоположения с погребением умершего на горизонте или в яме. Более ранними по времени являются курганы с погребением умершего на горизонте (№ 1, 3, 8, 5—14б, 17, 18, 21, 24, 28, 29, 30, 31).

Курган № 1. На кострище обнаружено погребение мужчины (очень плохой сохранности) [5]; умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток. В области таза найдена бронзовая пряжка с остатками кожаного ремня (рис. 5, *2*).

К югу от мужского погребения находилось погребение женщины, ориентированное головой на запад. При нем найдены предметы украшения, бронзовые лунницы (3 шт.); бусы красновато-корпчневого цвета глухого стекла, бисер. Сохранились также остатки шерстяного головного убора и темно-русые волосы. Оба погребения были, по-видимому, совершены одновременно. Датировать их можно XI в.

Курган № 3 относится к числу самых крупных курганов группы, расположенных на берегу старицы Ипути (рис. 6, *1*). Диаметр его 12 × 9 *м*, высота 2 *м*. На глубине 1,2 *м* от вершины кургана обнаружены следы

[5] Во всех курганах сохранность скелетов очень плохая, иногда почти ничего не остается от костяка.

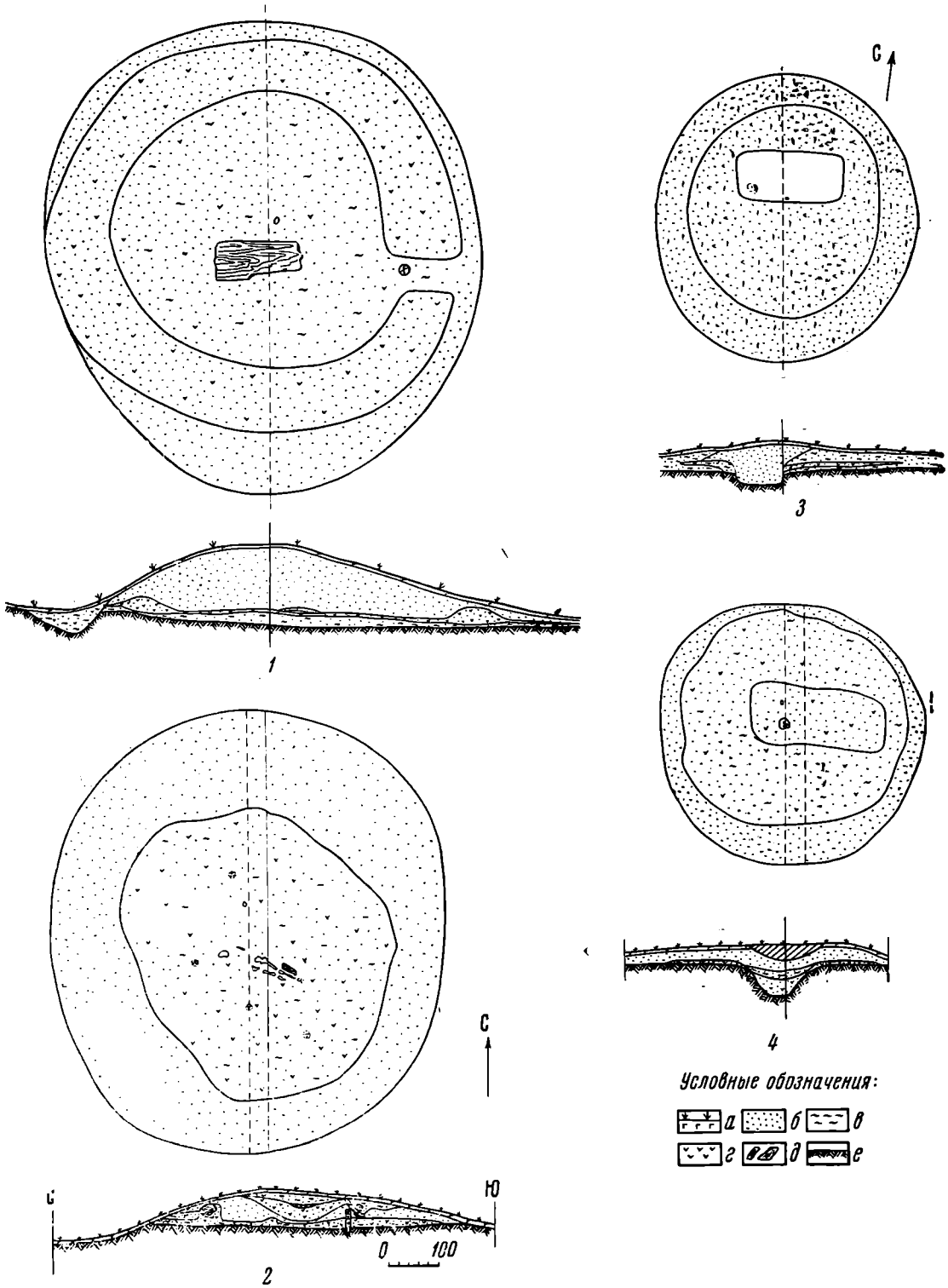


Рис. 6. Планы и профили курганов

1 — кург. № 3; *2* — кург. № 6; *3* — кург. № 22; *4* — кург. № 16; *а* — дерн, *б* — песок, *в* — зола, *г* — уголь, *д* — дерево, *е* — материк

угля и золы, образующие кольцо шириной до 1 *м*. Этот угольный вал шел до самого кострища. Кольцо не было сплошным, на восточной стороне кургана прямо по диаметру оно прерывалось (ширина перемычки 0,6 *м*), и в центре перемычки находились остатки обгоревшего столба. Толщина слоя кострища — 0,2—0,3 *м*, высота угольного кольца — 0,4—0,5 *м* над кострищем.

В центре кургана, на кострище, были обнаружены следы слегка обуглившейся деревянной колоды, присыпанной сверху желтым материковым песком. Погребение было женским. Костяк не сохранился (сохранились только зубы и остатки волос). Умершая лежала головой на восток. Около ее головы было найдено восемь семилучевых височных колец (по четыре с каждой стороны) с остатками материи от головного убора, 130 позолоченных бочонкообразных и цилиндрических стеклянных бус, одна маленькая синяя стеклянная бусина и одна сердоликовая бипирамидальная (рис. 4, *11*). Расположение бус показывало, что ожерелье было завязано в узел на груди, на этот узел приходились наиболее крупные бусы, дальше к шее шли более мелкие бусы, а сердоликовая находилась на месте застежки современных бус. На месте рук лежал бронзовый пластинчатый перстень с орнаментом (рис. 4, *6*). В ногах и у головы погребенной стояли горшки (в ногах — один, у головы — два). Погребение датируется XI — началом XII в.

Курган № 5. Диаметр 7 *м*, высота 0,6 *м*. На глубине 0,4 *м* обнаружены следы кострища — зола и уголь. Само кострище имело неправильную форму, мощность его слоя — 0,2 *м*. Почти в центре кострища лежала берцовая кость человека. Ничего больше в этом кургане найдено не было. Положение кости ноги показывало, что умерший лежал по линии В — З.

Курган № 6 (рис. 6, *2*). Диаметр 9 *м*, высота 1 *м*. Насыпь кургана составлял песок с большой примесью золы и мелкого древесного угля. Особенно много угля было в центральной части кургана, где слои сильно перемешаны. В некоторых местах встречены куски горелого дерева и следы от сгоревших столбов. На глубине 0,45 *м* от вершины обнаружено кострище неправильной округлой формы. На расстоянии 1 *м* к югу от центра находилось погребение. Умерший лежал головой на С — З. В кострище вокруг умершего обнаружены следы четырех ямок от столбов, по-видимому, домовины, ориентированной так же, как и костяк. Ее размеры: запад — восток — 2,8 *м*; север — юг — 2 *м*. От южной стены домовины сохранились ямки от трех столбов диаметром 0,1—0,15 *м*; от северной только одна ямка — 0,15 *м*. Столбы были углублены в материк на 0,15—0,25 *м*. Расстояние между столбами южной стенки — 1,4 и 1,4 *м*.

По-видимому, четыре столба стояли по углам домовины, а два — посередине ее длинных (южной и северной) стен. Удалось выявить некоторые детали крыши. В профиле насыпи сохранился след центрального столба южной стенки, его высота — 0,54 *м*. Над столбом сохранились части обгоревшей кровли.

Вероятно, на месте кургана были сооружена домовина, в которую был положен умерший, а затем все это сооружение было подожжено. Курган, видимо, стали насыпать, не дожидаясь, когда прогорит домовина. Подгоревшая кровля рухнула внутрь домовины, что ясно прослеживается по крутому падению слоев в профиле насыпи.

Курган № 7. Диаметр 8 *м*, высота 0,55 *мм*. Сразу под дерном обнаружено большое скопление золистого песка (диаметр 1,7 *м*, глубина 0,2 *м*). На горизонте находилось кострище в форме неправильного круга. В западной части кострища лежал череп. Вещей нет.

Курган № 8. Диаметр 6,5 *м*, высота 0,7 *м*. На материке обнаружено кострище мощностью в 9 *см*. В центре кургана, на кострище, находилось женское погребение. Умершая лежала головой на запад. Из вещей найдено шесть монетовидных привесок из биллона, имитирующих дирхем, позолоченные и посеребренные стеклянные бусы: бочонкообразные, ребри-

стые, бисер. У затылка лежали три железных перстнеобразных височных кольца.

Курган № 10. Диаметр 5,3 *м*, высота 0,5 *м*. На горизонте было открыто кострище, в центре которого находилось погребение женщины, лежащей головой на запад. Череп лежал на левом виске, а у затылочной и лобной частей найдено по два перстнеобразных височных кольца из бронзы; на груди сохранились остатки ожерелья: бусы позолоченные стеклянные, коричневого глухого стекла. На месте левой руки находились обломки стеклянного браслета очень плохой сохранности.

Курган № 11. Диаметр 5,7 *м*, высота 0,5 *м*. В насыпи на глубине 0,35 *м* найдено детское погребение (№ 1), ориентированное головой на Ю — З. В ногах погребенного лежал обломок железного гвоздя.

В центральной части кургана на кострище находилось второе — женское погребение (№ 2), ориентированное головой на запад. Здесь найдено три семилучевых височных кольца на левой стороне черепа и два — на правой; перстнеобразное височное кольцо лежало возле темени. На груди лежал серебряный дирхем-привеска. По определению С. А. Яниной,— это саманидский дирхем Ахмед-ибн-Исмаила, чеканенный в Самарканде в начале X в. (911—912 гг.). Здесь же найдена шарообразная сердоликовая бусина, синяя четырнадцатигранная стеклянная бусина, четыре призматические бусы из пасты, бисер — мелкие зонные бусы неопределенного цвета. В ногах умершей лежали обломки горшка гнездовского типа. Все погребение может датироваться концом X — началом XI в.

Курган № 12. Диаметр 8 *м*, высота 0,5 *м*, на горизонте, на кострище, в центре кургана находилось женское погребение. Умершая лежала головой на запад. У головы было найдено четыре семилучевых височных кольца из плохого серебра (рис. 4, *9*, *10*); две бронзовые лунницы типа рис. 4, *8*; два бубенчика, две рыбовидные подвески (рис. 4, *7*), подвеска с прорезной лунницей, бусы пастовые, бисер, бусы синие стеклянные, буса синего стекла с желтой инкрустацией. В насыпи кургана найден небольшой рыболовный железный крючок (рис. 4, *4*). Другой железный крючок (рис. 4, *3*) был обнаружен в отвале кург. № 26 (курган размыт р. Ипуть). Оба эти крючка с погребениями не связаны.

Курган № 13. Диаметр 11 *м*, высота 1,5 *м*. На глубине 0,7 *м* от поверхности в плане прослежено темное угольное кольцо по краям кургана шириной 0,5—0,7 *м*. На горизонте, на кострище, в западной части кургана найдены кости черепа. Вещей нет.

Курган № 14 (с трупосожжением). Погребение № 2. В центре кургана на горизонте, на кострище, находилось женское погребение, ориентированное головой на запад. Здесь же лежало ожерелье из бисера очень плохой сохранности, стеклянные позолоченные бусы, семилучевые височные кольца (одно целое и два с отломанными дужками), семь лунниц (некоторые из них с обрывками кожи). К западу от костей черепа обнаружен обломок усеченно-биконического глиняного пряслица с орнаментом в виде насечки.

Курган № 17. Диаметр 7 *м*, высота 0,44 *м*. На горизонте, на угольно-зольном слое, обнаружено мужское погребение, ориентированное головой на запад. Слева от головы умершего были найдены в обломках большой горшок с линейным орнаментом (рис. 3, *4*).

Курган № 21. Диаметр 8 *м*, высота 1 *м*. Курган сильно зарос деревьями, вся насыпь пронизана корнями. На горизонте обнаружено кострище. В западной половине кургана на кострище, под древесным тленом, обнаружено погребение. Слева от черепа лежали обломки гончарного горшка, а справа — маленькое бронзовое колечко с несомкнутыми концами. Умерший, видимо, был ориентирован головой на запад.

Курган № 24. Диаметр 4,5 *м*, высота 0,5 *м*. Под дерном в центре насыпи было отмечено небольшое скопление угля. На горизонте находилось кострище. В западной половине кургана на кострище найдены биэллип-

соидная бронзовая подвеска, бисер и человеческие зубы. Видимо, здесь была погребена женщина, лежавшая головой на запад.

Курган № 28. Диаметр 7 *м*, высота 0,7 *м*. На горизонте обнаружено погребение женщины, лежавшей головой на запад. На левой руке умершей находился пластинчатый перстень (рис. 5, *5*), на правой — железный браслет с несомкнутыми концами (рис. 5, *6*), черешок ножа, стеклянные позолоченные бусы (пупырчатые, очень плохой сохранности); в ногах собраны фрагменты гончарного горшка с гребенчатым орнаментом по плечикам.

Курган № 29. Диаметр 7,5 *м*, высота 1,3 *м*. Положение умершего — обычное. Найдены обломки билонового пластинчатого перстня (рис. 5, *4*).

Курган № 30. Диаметр 7 *м*, высота 0,8 *м*. Трупоположение на горизонте. Умерший лежал на кострище, ориентирован на запад. Справа, чуть выше пояса, лежали обломки железного ножа, а у бедра — фрагменты гончарного сосуда.

Курган № 31. Высота 1,5 *м*, диаметр 15 *м*. Курган расположен в низине, затапливаемой во время половодья, в результате чего сильно расплылся, ровики заплыли, первоначальный диаметр равнялся 9 *м*. Видимо больше была и высота. На горизонте, на пепельном слое, погребен мужчина, головой на запад. Никаких вещей нет. Только у головы слева стоял горшок (XII в.). Интересно, что в околокурганных ровиках встречались в большом количестве кости лошади.

Кроме курганов с трупосожжениями в той же группе на берегу Ипути мы раскопали курганы с трупоположениями в ямах, сосредоточенные в северной части курганной группы, дальше от береговой черты. Погребения в ямах были обнаружены в кург. № 15, 16, 19, 20, 22, 23, 25, 27.

Курган № 15. Диаметр 9 *м*, высота 1 *м*. В насыпи попадались угольки. На горизонте было вскрыто кострище диаметром 6 *м* с утолщением по краям. Высота наружного кольца достигала 0,3 *м*. В центре кургана на кострище были четко видны контуры могильной ямы с округленными углами. Размеры ямы 2,3 × 1,1 *м*. Яма ориентирована с запада на восток, неглубокая — 0,14 *м* от уровня горизонта. На дне ямы находился костяк человека, ориентированный головой на запад. На костяке и вокруг него сохранилось много древесной трухи, видимо, остатки гробовища. Справа от умершего, на уровне таза в дно ямы были воткнута наконечником вниз ромбовидная железная стрела (рис. 4, *2*).

Курган № 16 (рис. 6, *4*). Диаметр 5 *м*, высота 0,5 *м*. На материке прослежено кострище, в центре которого наметилось очертание могильной ямы. Глубина могильной ямы от кострища — 0,6 *м*. Ее размеры: 2,6 × × 1,1 *м*. Яма была ориентирована с запада на восток, в западной части ямы лежали кости человеческого черепа.

Курган № 19. Диаметр 5,9 *м*, высота 0,6 *м*. На горизонте обнаружилось кострище, в котором хорошо прослеживались две могильные ямы, прорезавшие кострище.

Погребение № 1 находилось в северной части кургана. Размеры его могильной ямы 1,9 × 0,7 *м*, расположена она в направлении З — В, углублена в материк на 0,3 *м*. Сохранилось мужское погребение, ориентированное головой на запад. Вещей нет.

Погребение № 2 — женское, находилось в южной половине кургана. Могильная яма размером 1,7 × 0,7 *м*, расположенная также с запада на восток, была углублена в материк тоже на 0,3 *м*; погребенная лежала головой на запад, по обе стороны черепа найдены два проволочных бронзовых височных кольца (диаметром 2,5 *м*). Кроме того, обнаружены обломки плохо сохранившегося колечка, бусы — мозаичные из темного стекла с желтой инкрустацией, бисер и пронизки — из стеклянной пасты.

Курган № 20. Диаметр 11,6 *м*, высота 7,4 *м*. На горизонте находилось кострище, которое в центре было прорезано могильной ямой, вытянутой с запада на восток. Ее размеры 2,22 × 0,76 *м*, глубина от поверх-

ности кострища — 72 *см*. Погребенная женщина лежала головой на запад. Здесь были найдены бусы стеклянные синие прозрачные, глухого стекла. На месте левой руки — рубчатый перстень из серебра (рис. 4, *5*). В ногах находились обломки двух гончарных горшков XI—XII вв.

Курган № 22. Диаметр 5 *м*, высота 0,2 *м*. Курган сильно оплыл. На глубине 0,4 *м* от поверхности кострище было прорезано могильной ямой размерами 2 × 0,95 *м*, глубиной 0,25 *м*, вытянутой в направлении З — В. Погребение мужское, ориентированное головой на запад. Вещей нет.

Курган № 23 (рис. 6, *3*). Диаметр 10,1 *м*, высота 1,7 *м*. На горизонте находилось кострище, в центре которого, в направлении З — В, была расположена прямоугольная, прорезавшая кострище, яма размерами 1,44 × × 0,54 *м*, глубиной 0,48 *м*. В яме, у северной ее стенки, были воткнуты в землю два железных черешковых ножа. В восточной части ямы обнаружены остатки железного предмета очень плохой сохранности. В западной части ямы у головы погребенной девочки лежало массивное, полуторооборотное бронзовое височное кольцо.

Курган № 25. Диаметр 5,6 *м*, высота 0,5 *м*. На горизонте было вскрыто кострище, в центре которого обозначились контуры могильной ямы, вытянутой в направлении З — В. Ее размеры: 1,9 × 0,8 *м*, глубина 0,5 *м*. На дне ямы головой на запад лежал погребенный. Вещей нет.

Курган № 27. Диаметр 5 *м*, высота 0,5 *м*. На горизонте находилось кострище с могильной ямой в центре. Размеры последней: 2,3 × 1 *м*, глубина 0,4 *м*. Умерший лежал головой на запад. Вещей нет.

Судя по инвентарю, наиболее ранними из курганов, содержащих трупоположение, являются курганы № 10, 11, которые по бусам, дирхему и керамике гнездовского типа датируются концом X — началом XI в. Видимо, к этому же времени относится и курган № 6. Найденная в нем домовина близка по форме к домовине кург. № 4 с трупосожжением X в. Все остальные погребения на горизонте можно датировать XI — началом XII в.

Мужские погребения — без инвентаря, женские содержат довольно богатый набор украшений: ожерелья из бус, преимущественно стеклянных позолоченных и глухого стекла, бисера, лунниц, привесок; перстни встречаются редко, височные кольца — семилучевые простые с совершенно гладким щитком и с лучами, чуть-чуть утолщенными (в виде капли) к концу; маленькие перстнеобразные замкнутые и полуторооборотные височные кольца. Довольно часто как в мужских, так и в женских погребениях находились горшки.

Погребения в яме относятся в основном к более позднему времени — XII в. Этот обряд погребения сохранил некоторые черты более ранних курганов — кострище, а иногда и зольное кольцо, причем в ряде случаев кострище разводилось над могильной ямой (кург. № 16, 25, 27).

Погребения в яме значительно беднее по инвентарю, чем погребения на горизонте. В них отсутствуют семилучевые височные кольца, лунницы, беднее ожерелья.

Из всех погребений с трупоположением значительный интерес представляют курганы № 3 и 6. В первом из них (№ 3) несомненно была погребена богатая женщина. Об этом говорят и размеры кургана и его положение. Курган окружен как бы кольцом более мелких курганов. Умершая погребена в колоде, в то время как большинство остальных погребений совершалось непосредственно на материке, головой на восток[6]. Здесь же встречаемся с интересным сочетанием: восточной ориентировки

[6] Восточная ориентировка умерших считалась одним из характерных признаков для балтийских племен и не типичной для славян. Однако раскопки последних лет на территории радимичей (селения Демьянки, Студеная Гута, Веточка IV) показывают, что восточная ориентировка как мужских, так и женских погребений довольно обычна для радимичских погребений XI—XII вв.

женского погребения, наличием посуды (целых три горшка) и семилучевых височных колец, характерных для радимичей.

Одной из интереснейших особенностей погребального ритуала является также обнаруженное в этом кургане «огненное кольцо». Подобные кольца меньших размеров были встречены и в ряде других курганов этой группы. Огненное кольцо напоминает кольца боршевских курганов. Кострище сооружалось в виде кольцевой ограды по краям площади основания кургана. В одном месте оставлялась перемычка (в данном кургане с восточной стороны). Кольцевая оградка, видимо, была довольно высокая. В этом кургане она сохранилась на высоту 40—50 *см*. Бóльшая же часть ее осыпалась. В центре — дальше от оградки — зольный слой был меньше, до 20 *см*. После того, как костер стал прогорать, видимо, на кострище поместили колоду (колода носит следы огня) и присыпали ее белым речным песком, а затем насыпали курган. Второй курган (№ 6) является как бы связующим звеном между курганами с трупосожжением и курганами с погребением умершего в земле. И в том и в другом случае под курганной насыпью обнаружена домовина.

Курганная группа у с. Демьянки представляет особый интерес. Мы здесь впервые на территории радимичей встречаем могильник, который существовал почти беспрерывно несколько сотен лет. Нижняя дата могильника устанавливается по инвентарю раннего погребения из кург. № 1. Найденные в нем привеска и посуда, как уже указывалось выше, позволяют датировать его серединой I тысячелетия. В течение последующих веков (VII — VIII вв.) погребальный обряд не изменялся. По-прежнему мы видим трупосожжения с помещением кальцинированных костей либо в урну, либо в ямку, вырытую в материке (кург. № 2, 14). В X в. обряд трупосожжения сохранился, причем в это время пережженные кости лежат непосредственно в кострище на горизонте, а вместо урны сооружалась легкая домовина. В XI в. на смену трупосожжению, как и повсеместно, у славян возникает обряд погребения умершего в земле.

Кому могли принадлежать эти курганы? Начиная с X в., несомненно, здесь погребали своих умерших радимичи. Говорить же об этнической принадлежности ранних курганов, нам кажется, пока преждевременно. Мы слишком мало знаем их. Раскопки С. А. Изюмовой, Т. Н. Никольской, А. Я. Шмидта, Л. Д. Поболя, И. И. Артеменко за последние годы раскрывают новые памятники середины и второй половины I тысячелетия. Одни из исследователей считают их славянскими, другие — балтийскими. На территории радимичей эта группа курганов пока почти единственная. Дальнейшее исследование памятников такого типа поможет решить вопрос и об их этнической принадлежности.

Ю. С. АСЕЕВ, М. И. СИКОРСКИЙ, Р. А. ЮРА

ПАМЯТНИК ГРАЖДАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА XI в. В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ-ХМЕЛЬНИЦКОМ

Одной из самых интересных страниц древнерусского зодчества было грандиозное по тем временам строительство каменных зданий в конце XI в. в Переяславе Русском (Переяславе-Хмельницком). После постройки в 1037 г. Ярославом Мудрым «Града великого Киева» комплекс сооружений Переяслава был самым значительным явлением в строительстве древней Руси. Итог этого строительства подведен в известной записи Начальной летописи под 1089 (1090) годом: «В се же лето священа бысть церкы святаго Михаила Переяславьская Ефремом, митрополитом тоя церкы, юже бе создал велику сущю, бе бо преже в Переяславли митрополья, и пристрои ю великою пристроею, украсив ю всякою красотою, церковными сосуды. Сий бо Ефрем бе скопець, высок телом. Бе бо тогда много зданья въздвиже: докончав церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротех городных во имя святаго мученика Федора, и посемь святаго Андрея у церкве от ворот, и строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси. И град бе заложил камен, от церкве святаго мученика Феодора, и украси город Переяславьский здании церковными и прочими зданьи» [1].

В исторической литературе строительная деятельность в Переяславе епископа Ефрема и позже князя Владимира Мономаха рассматривалась неоднократно и политические мотивы этого строительства выяснены довольно подробно. По этому вопросу и, в частности, по вопросу о загадочном каменном «строеньи баньном» существует целая литература [2]. Первые раскопки в Переяславе были произведены в 1840 г. А. Анненковым. Им была вскрыта часть фундаментов древнего Михайловского собора, выходящих за пределы существующей Михайловской церкви. В дальнейшем о раскопках А. Анненкова было забыто и ни в одной работе о Переяславе-Хмельницком до настоящего времени об этих раскопках не упоминается [3]. В конце XIX в. был открыт еще один памятник древнерусского зодчества в Переяславе. Это — маленькая однонефная каплица, остатки которой были обнаружены в 1887 г. при строительстве современной Успенской церкви. Каплицу отождествили с древней Успенской церковью, построенной на Княжем дворе в 1098 г., хотя уже исследования П. А. Лашкарева [4] показали, что эта церквушка никакого отношения к XI в. не имеет, так как и кирпичная кладка «opus isodos», и полуколонны на фасадах типичны для приднепровской архитектуры XII в. Было ясно, что остатки Успен-

[1] «Повесть временных лет», ч. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 137.

[2] М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком. Сб.: «Зодчество Украины», Киев, 1954, стр. 271 и др.

[3] Чертеж раскопанных А. Анненковым частей фундамента Михайловского собора в Переяславе находится в картографическом кабинете Публичной библиотеки АН УССР в Киеве.

[4] П. А. Лашкарев. Церковно-археологические очерки, статьи, рефераты. Киев, 1888, стр. 221.

ской церкви XI в. следует искать где-то вблизи, так как построенная на этом месте в начале XVII в. деревянная Успенская церковь по традиции сохраняла наименование своей предшественницы, стоявшей где-то неподалеку.

В 1945 г. начались планомерные исследования древнего Переяславского детинца[5]. В 1949 г. экспедиции под руководством М. К. Каргера

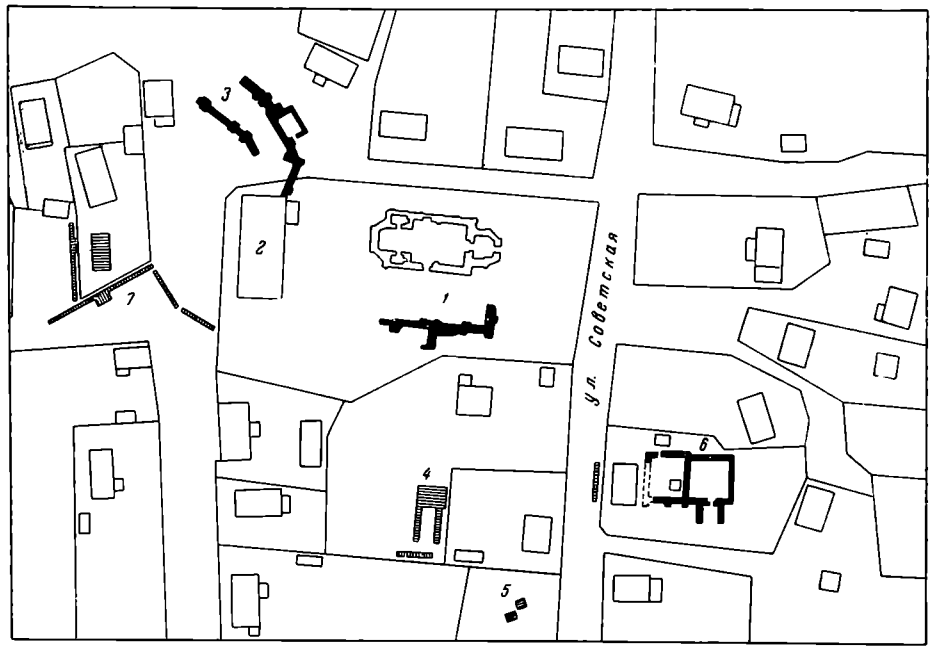


Рис. 1. Генеральный план участка южной части древнего детинца в Переяславе-Хмельницком

1 — существующая Михайловская церковь и остатки древнего Михайловского собора XI в.; *2* — колокольня Михайловской церкви; *3* — Епископские ворота XI в.; *4* — раскопки 1962 г. в усадьбе Демьяненко; *5* — раскопки 1962 г. в усадьбе Логвин; *6* — дворцовое здание XI в. Раскопки в усадьбе Сушко 1962 и 1963 гг.; *7* — раскопки 1961 г.

удалось открыть в существующей Михайловской церкви часть фундаментов Михайловского собора 1089 г.[6]. В последующие годы эта работа была продолжена и в результате представилась возможность исследовать и реконструировать весь план здания — грандиозного по размерам и исключительно богато украшенного внутри. Михайловский собор находился в южном углу Переяславского детинца, неподалеку от сохранившихся до наших дней остатков древних валов (рис. 1).

В 1952—1953 гг. М. К. Каргером были открыты остатки двух церковных построек XI и XII вв. в Окольном городе и одна маленькая церковка в детинце. В 1956 г. М. К. Каргер открыл небольшой храм к востоку от Михайловской церкви и условно атрибутировал его как летописную церковь Андрея у ворот. Топография древнего Переяслава постепенно начала проясняться. В 1958 г. Ю. С. Асеевым, М. Ю. Брайчевским, М. И. Сикорским был раскопан храм конца XI в. на площади Воссоединения, который с определенной долей вероятности был атрибутирован как Богородичная (Успенская) церковь на Княжом дворе, построенная в 1098 г. Владимиром Мономахом. Эти раскопки дали основание определить местонахождение княжеского двора в северной части детинца. Почти не оставалось сомнений в том, что епископский двор, а с ним и большинство упоминае-

---

[5] Б. Рибаков. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р., АП, I, Київ, 1949, стр. 22 и др.

[6] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 281—296.

мых в летописи построек епископа Ефрема следует искать вблизи Михайловского собора.

В 1955 г. жителем одной из близких к Михайловской церкви усадеб при рытье погреба были обнаружены остатки какой-то древнерусской постройки. Сотрудники Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея разведочным шурфом определили отличную сохранность памятника и несомненную принадлежность его к XI в. Постройка явно носила не церковный характер. В 1956 г. М. К. Каргер продолжил исследования этого памятника.

Здание оказалось прямоугольное в плане, с дверным проемом и стеной, примыкающей под углом к северо-западному углу постройки. Последняя была совершенно правильно определена исследователем как стена епископского двора, упоминаемая в летописи как «каменный град», построенный митрополитом Ефремом. Это предположение подтвердилось дальнейшими исследованиями. Расчистке прямоугольного в плане сооружения конца XI в. мешал находившийся над ним высокий земляной бастион начала XVIII в. В 1958 г. этот бастион был срыт и в 1959 г. сотрудники Переяслав-Хмельницкого исторического музея приступили к раскопкам постройки. В 1960 г. эти работы были продолжены и завершены [7]. Открытое под бастионом строение оказалось воротами с двумя стенками по бокам проезда — четырехугольной в плане лестничной башни, откуда, как следует предполагать, был ход к надвратной церкви. Нет сомненья в том, что это Епископские ворота, над которыми стояла (по типу киевских Золотых ворот) церковь Федора. Раскопки Епископских ворот еще более уточнили топографию района Переяславского детинца, где располагался Епископский двор, и в 1961 г. начались работы по исследованию всей территории, на которой, как можно было предположить, находились дворцовые постройки XI в.

Работы осложнялись двумя обстоятельствами. Во-первых, усадьбы этой части города в настоящее время густо застроены жилыми и хозяйственными постройками, а свободная земля засажена садовыми деревьями. Во-вторых, стратиграфия этой части детинца оказалась сильно нарушенной многочисленными последующими перекопами. На каждом шагу встречались остатки когда-то бывших на этом месте погребов, выгребных ям и пр. Все же осенью 1961 г. удалось обнаружить в районе к северу и северо-западу от Михайловской церкви остатки ряда каменных построек. В большинстве случаев, как показали дальнейшие исследования, это были более или менее мощные развалы кладки стен каких-то сооружений, в основном (судя по особенностям кладки и кирпичам) относящихся к концу XI в., т. е. ко времени строительства митрополита Ефрема. Изучением этих остатков занималась экспедиция 1962 г. [8].

Участок, подвергшийся исследованию, охватывал территорию около $^1/_2$ *га*. В него входили усадьбы по обе стороны Радянской улицы, расположенные к северо-западу от Михайловской церкви. Каменная стена, окружавшая митрополичий двор, отходила от Епископских ворот в северном направлении. Проезд же ворот находился к востоку от нее; это давало возможность предположить, что эта стена где-то поворачивала на запад и подходила к западному участку валов (со стороны р. Альты). Участок стены, отходивший от Епископских ворот, как выяснили еще исследования

---

[7] Ю. С. Асеев, О. К. Козін, М. І. Сікорський, Р. О. Юра. Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяслав-Хмельницькому дитинці. «Вісник Академії будівництва і архітектури УРСР», 4, Київ, 1962, стр. 57—61. Как эти, так и последующие работы производились комплексной экспедицией Института археологии АН УССР, Института теории и истории архитектуры и строительной техники Академии строительства и архитектуры УССР и Переяслав-Хмельницкого исторического музея.

[8] В работе экспедиции 1962 г. принимали участие Р. А. Юра (начальник экспедиции), Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Е. С. Нестеровская, Н. Д. Шавейко и студентка Киевского художественного института (КХИ) Н. С. Вавина.

М. К. Каргера в 1956 г., прерывался зданием трапезной и колокольни бывшего Михайловского монастыря. За этим зданием обнаружить стену пока не удалось. Как можно предположить, существующий проезд с воротами под колокольней мог по традиции быть расположен на месте древнего въезда в Епископский центр. В этом случае каменные постройки Епископского центра могли находиться только лишь к западу и северу от Михайловской церкви, так как к востоку оставалась слишком незначительная территория, а к югу древний Михайловский собор граничил с участком древних валов. Раскопы, заложенные в 40 *м* на север от Михайловской церкви в усадьбе С. В. Демьяненко (Советская ул., 19), показали, что вся эта территория интенсивно насыщена развалами древних строений. Развалы были обнаружены на глубине 60 *см* от существующего уровня грунта. Материк в этой усадьбе залегает на глубине от 1,5 до 1,7 *м*, причем его уровень тут значительно выше материка около Михайловской церкви. В развалах кладки были обнаружены камни и кирпичи-плинфы, аналогичные кирпичам Михайловского собора, куски цемяночного раствора, также очень близкие по характеру к раствору, использованному в Михайловском соборе. В развалах часто попадались куски штукатурки с фресковой росписью, по грунту и колориту также близкие к Михайловским. Остатки фундаментов древних строений в усадьбе обнаружены не были. Учитывая то, что рельеф этого участка в древности понижался от Михайловского собора, можно предположить, что развалы кладки могли происходить от упавших частей этого здания или каких-либо других каменных построек, находившихся вблизи Михайловского собора и современных ему по времени строительства.

Раскопы, заложенные в усадьбе Т. А. Логвин (Советская ул., 15), показали, что слои развалов к северу становятся все тоньше, значительно меньшим становится и культурный слой (1,40 *м* от современного уровня грунта до материка). На глубине 40 *см* от существующего уровня грунта были обнаружены фундаменты небольшой каменной постройки XVII—XVIII в., а также остатки глинобитной сферической печи, близкой по типу к древнерусским печам. После выяснения характера стратиграфии участков к северу от Михайловской церкви исследования были перенесены на усадьбы четной стороны Советской улицы, расположенные в северо-западном направлении от Михайловской церкви. Пробные шурфы показали, что в этом месте резко увеличивается насыщенность культурного слоя остатками древнерусских каменных построек, и эта насыщенность продолжается в западном направлении вплоть до сохранившихся до наших дней валов детинца, расположенных по берегу р. Альты. Резко увеличилась в этом месте и толщина культурного слоя, в ряде мест достигающего 3,6 *м*. Все это дало уверенность в том, что неподалеку находятся руины древнерусского каменного здания.

Раскопы, заложенные в усадьбе К. А. Сушко (Советская ул., 26), выявили фундаменты и нижние части стен древнерусской постройки. Здесь на глубине 2 *м* от существующего уровня земли была обнаружена стена, сложенная из грубо сколотых камней на типично древнерусском известковом растворе с примесью цемянки. В кладке были видны кирпичи-плинфы, характерные для переяславских построек конца XI в. Дальнейшие раскопки показали, что это — остатки какого-то прямоугольного в плане здания, а многочисленные находки кусков мрамора, шиферных плит, мозаичной смальты и пр. дали основание предположить, что здание это было богато украшено.

В 1963 г. раскопки были продолжены и закончены[9]. Густая застройка

---

[9] В работе экспедиции 1963 г. принимали участие Р. А. Юра (начальник экспедиции), Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Ю. Ф. Лащук, Н. Д. Шавейко, Е. С. Нестеровская и студенты КХИ Ю. Лихой, В. Голод, М. Беляева, Л. Ефименко, О. Жбанкова, Е. Клименко, О. Мамолат, Н. Слипченко, А. Пивненко, И. Чулина и Фам до Донг.

усадьбы значительно помешала работам. Восточную стену здания удалось раскопать лишь частично, так как она проходила в непосредственной близости от жилого дома, а среднюю поперечную стену смогли раскопать лишь с одной западной стороны, так как с другой к ней примыкал погреб. Кроме того, остатки стен и фундаменты здания во многих местах были

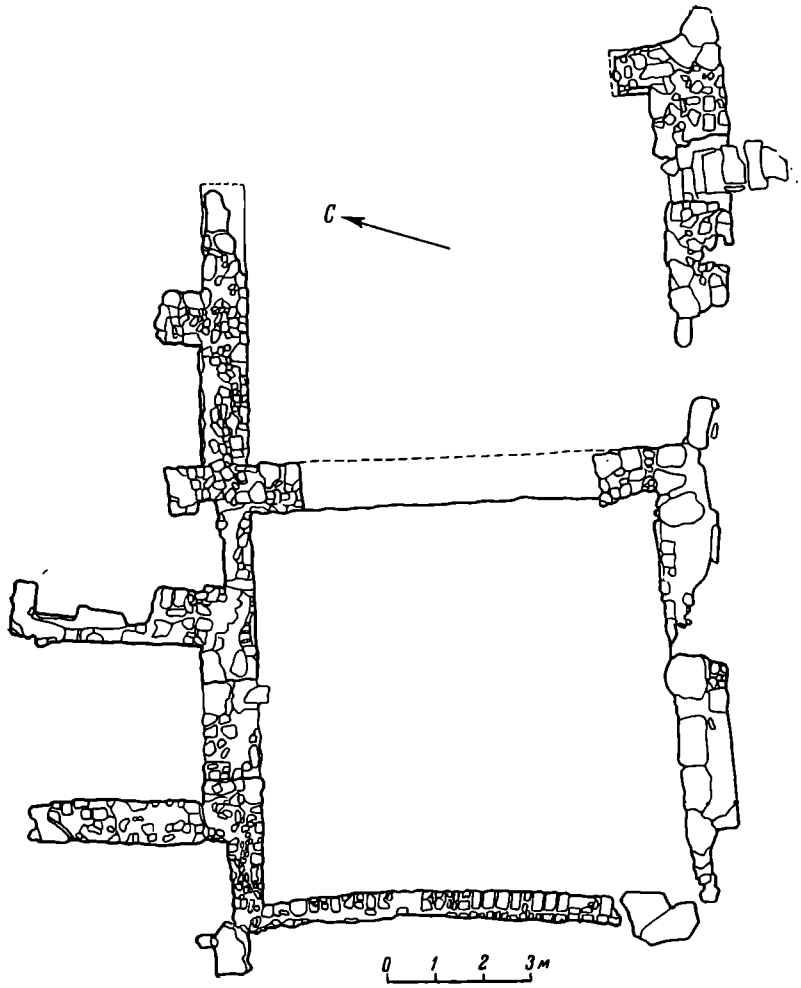


Рис. 2. План дворцового здания XI в. в Переяславе-Хмельницком

сильно попорчены выгребными ямами, погребами и подвальными помещениями построек XVII—XIX вв. Так, часть северной стены была вырублена для устройства подземной части какой-то прямоугольной в плане постройки XVII в., а части фундаментов южной стены оказались частично выбранными при копке позднейших ям. Все это крайне затрудняло исследование здания. В связи с условиями раскопок не удалось также рассмотреть небольшой участок в центре восточного помещения здания.

В результате работ 1962 и 1963 г. мы все же смогли раскопать основные части постройки, определить очертания ее периметра, установить ее конструктивные особенности и высказать соображения о ее назначении (рис. 2).

Здание оказалось прямоугольным в плане, двухкамерным, снаружи оно имело размеры 18,2 × 11 *м*. Ориентировано здание по длинной оси с запада на восток с небольшим отклонением на север, т. е. так же, как и Михайловский собор, от которого оно отстоит на 50 *м* к северо-западу. Западная торцовая стена здания находилась в 12 *м* от вала детинца. По отношению к валу здание было ориентировано перпендикулярно. Материк в этом

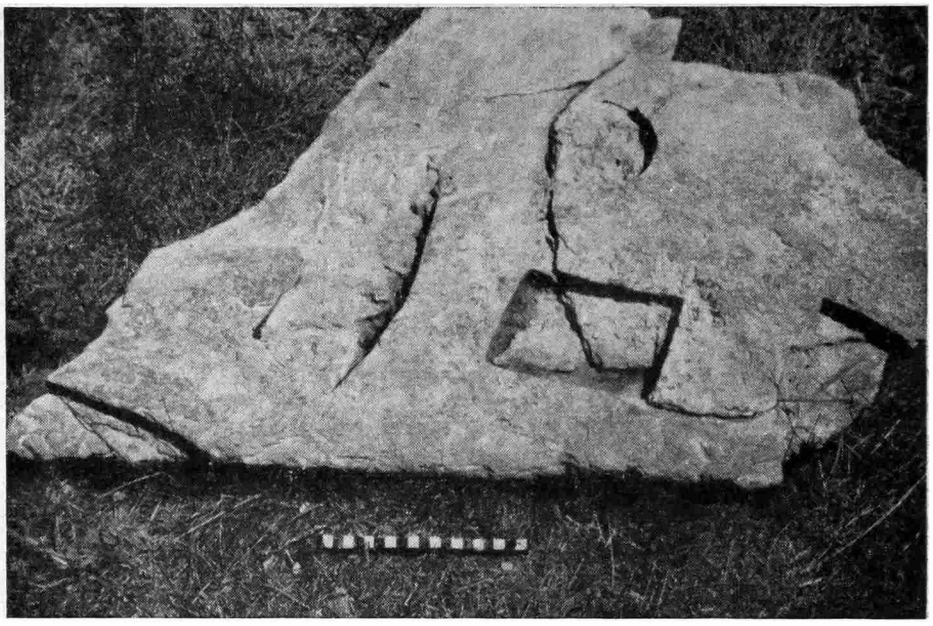


Рис. 3. Шиферная плита пола с пазами для мозаичной инкрустации

месте залегает на глубине 2,2—3,4 *м* от современной поверхности с некоторым повышением к северу и востоку. Полы здания нигде проследить не удалось, так как все внутреннее пространство обеих камер было многократно перекопано кладоискателями, а также прорезано позднейшими ямами. Отметку древнего пола определяют порог южного входа и многочисленные фрагменты шиферных плит пола с пазами для мозаичной инкрустации (рис. 3). Плиты типичны для полов богатых каменных построек Киева, Чернигова и Переяслава второй половины XI — нач. XII в. По рисунку, характеру обработки плит и набору смальты они чрезвычайно близки к мозаичным полам Михайловского собора. Судя по тому, что во входном проеме восточной камеры сохранились четыре невысокие ступени, сложенные из шиферных плит, поверхность полов здания была на 35—40 *см* углублена в землю. Это подтверждается также анализом стратиграфии вне стен здания. Порог входа в западную камеру находился на уровне, близком к уровню материкового грунта. Восточная камера здания имела внутри размеры 9 × 7,5 *м*. Северная ее стена сохранилась на высоту от подошвы фундамента до 2,5 *м* (рис. 4).

Почти в центре северной стены западной камеры находился дверной проем с хорошо сохранившимся с одной стороны кирпичным столбиком, образовывающим четверть проема. Порога обнаружено не было (рис. 5). Ширина проема — 2 *м*, толщина северной стены у проема — 1,2 *м*. Около проема с внутренней стороны была найдена мраморная капитель с пальметами по сторонам и тирсами (шишками) по углам (размеры капители 30 × 30 × 15 *см*). По рисунку капитель бесспорно относится к XI в. Судя по мрамору и характеру обработки, капитель проконнесского происхождения. Возможно, что она была вторично использована, так как с одной стороны внизу капитель оказалась подтесана и, очевидно, первоначально была прислонена к стене или столбу (рис. 6). Впрочем вполне вероятно также, что капитель в готовом виде была привезена из Византии и подтесывалась на месте. Украшала ли капитель портал входа или же относилась к иным частям внутреннего убранства — сказать трудно. До настоящего времени находка мраморной капители в Переяславе является единичной. Мраморные капители византийского характера известны лишь из раскопок в нескольких постройках X—XI вв. в Киеве.

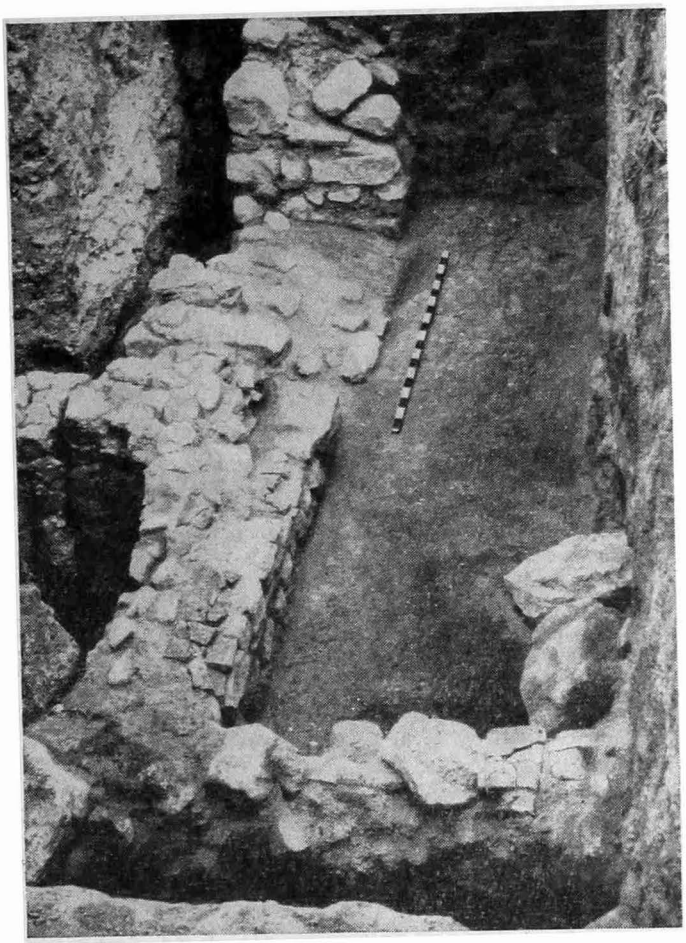


Рис. 4. Северная стена здания

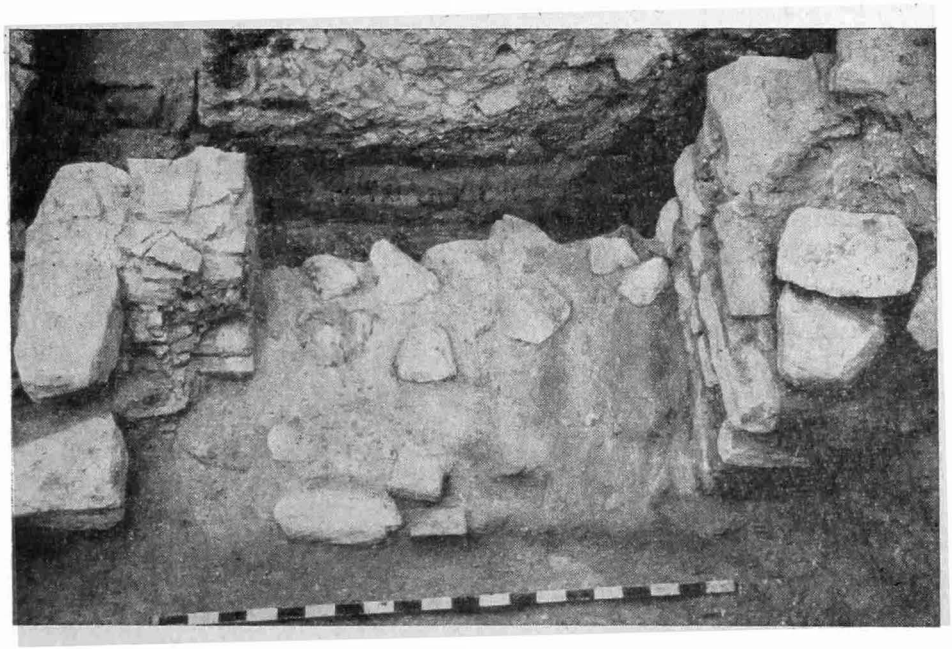


Рис. 5. Портал в северной стене

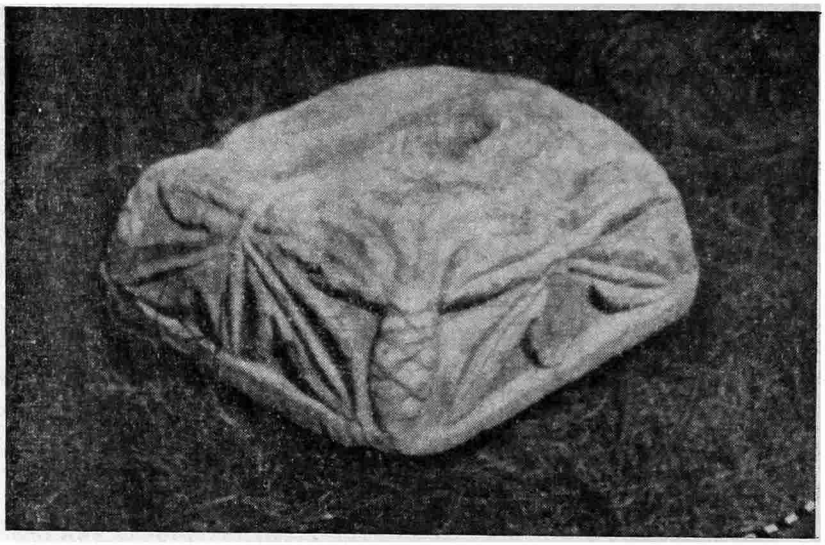


Рис. 6. Мраморная капитель XI в.

По обеим сторонам от входа снаружи к северной стене примыкают отростки стен. Западный отросток шириной 0,9 *м* и длиной 3,7 *м*, восточный — шириной 1,15 *м*. Эти отростки стен не имели перевязки с северной стеной здания и были пристроены к ней впритык. Фундаменты их необычны. Часть их, примыкающая к порталу, была заложена в глубину на 1,0 *м*, т. е. на 0,5 *м* выше подошвы фундамента северной стены. Конечная их часть положена прямо на материковый грунт. Таким образом, фундаменты отрезков стен имеют перепад — это можно объяснить лишь тем, что эти отрезки стен являются нижними частями контрфорсов, укреплявших северную стену и обрамлявших портал. Возможно, что между ними находились ступеньки, которые вели ко входу. Никаких следов стены или ее фундамента между северными концами отрезков стен обнаружено не было. Не исключена возможность, что эти отрезки являются остатками стен перекрытого сводом притвора — тамбура, открытого с северной стороны. Часть восточного отрезка стены разобрана при устройстве погреба или подвала какого-то сооружения XVII—XVIII вв. Также была разобрана часть северной стены, примыкающая к восточному отрезку. Участок северной стены у северо-западного угла здания значительно тоньше остальных участков стены и имеет ширину 0,7 *м*.

Западная стена здания тоже очень тонкая — она имеет от 45 до 55 *см* толщины (рис. 7). В верхних ее частях сохранились ряды кирпича-плинфы. Кладка велась толщиной в 1,5 кирпича. Никакой серьезной нагрузки такая стена нести не могла. Она либо могла быть торцовой стеной под коробовым сводом, либо могла нести небольшую нагрузку деревянного балочного перекрытия. В любом случае она являлась стеной только одноэтажной постройки. Создается впечатление, что нижняя часть этой стены примыкала к какой-то насыпи, так как лицевая ее поверхность лишь внутри здания имеет вид регулярной кладки. Стена несколько искривилась внутрь, что, возможно, объясняется давлением на нее насыпи извне. О том, что эта стена была торцовой в открытом здании, а не перегородкой трехкамерного сооружения, свидетельствует залегание чистой материковой глины непосредственно к западу от нее, на 45—70 *см* выше уровня пола. Следует отметить, что наивысшая точка залегания здесь материковой глины имеет глубину всего 1,5 *м* от уровня современной поверхности. Южная стена сохранилась фрагментарно. Юго-западный угол здания оказался разобранным, тут сохранились лишь нижние части фундаментов, да большие каменные блоки, сдвинутые с места. Значительно выбранной ока-

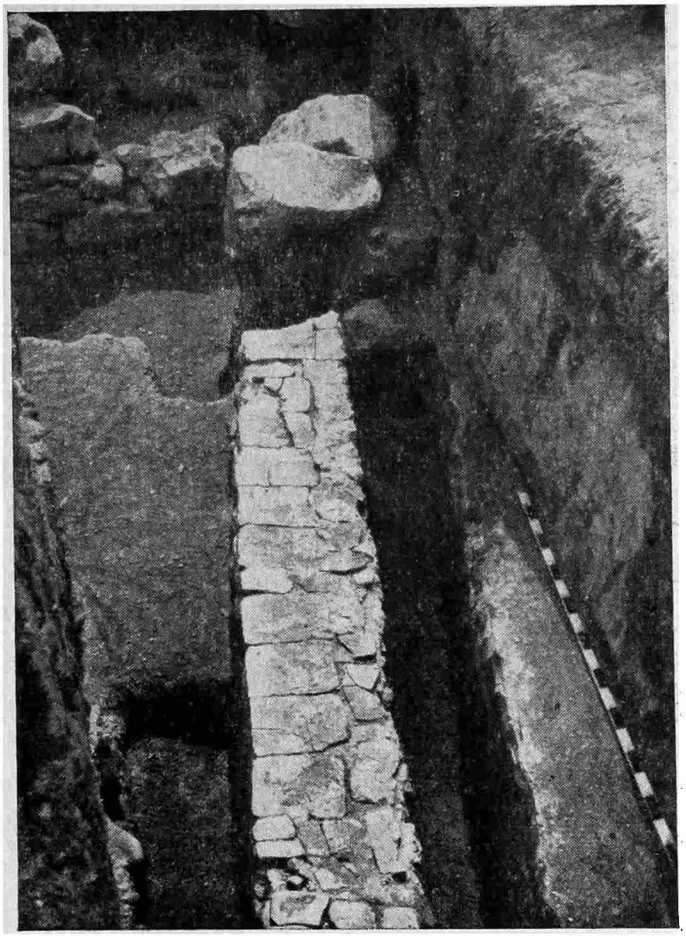


Рис. 7. Западная стена здания

залась южная стена и на других участках. Толщина южной стены весьма значительна — до 1,5 *м*. Фундамент же ее оказался необычным: профиль его уступчатый. От подошвы до уровня залегания материка он имеет толщину 0,8 *м*, а выше почти вдвое большую, расширяясь во внешнюю сторону. Такой прием может быть объясним тем, что уровень земли снаружи был выше пола внутреннего помещения (рис. 8).

Фундамент внутренней стены, разделявшей помещение здания, имеет ширину 1,0 *м*. Сохранился он хорошо на высоту до 1 *м*, поверхность его со стороны западной камеры удалось полностью проследить. Поверхность же фундамента со стороны восточной камеры проследить не удалось, так как к нему примыкает кладка стены современного погреба. Восточная камера имеет размеры 9 × 7,5 *м*. Ее северная стена была укреплена двумя пилонами; в южной же прослеживается нижняя часть входного проема с четырьмя ступеньками. Ширина проема — 1,6 *м*. Северо-восточный угол здания и большую часть восточной стены, имеющей толщину 0,9 *м*, проследить не удалось, так как это место занимает современный жилой дом. Никаких следов внутренних стен внутри обеих камер обнаружить не удалось. Очевидно, их и не было, а обе камеры представляли собой помещения зального типа, возможно, соединявшиеся между собой проходом, расположенным во внутренней стене.

Техника строительства здания типична для переяславского зодчества конца XI в. Фундаменты сложены из блоков ломаного камня с нерегулярными рядами кирпича-плинфы. Фундаменты не имеют обреза, следов лежней под ними обнаружено не было. Такая кладка и такой способ за-

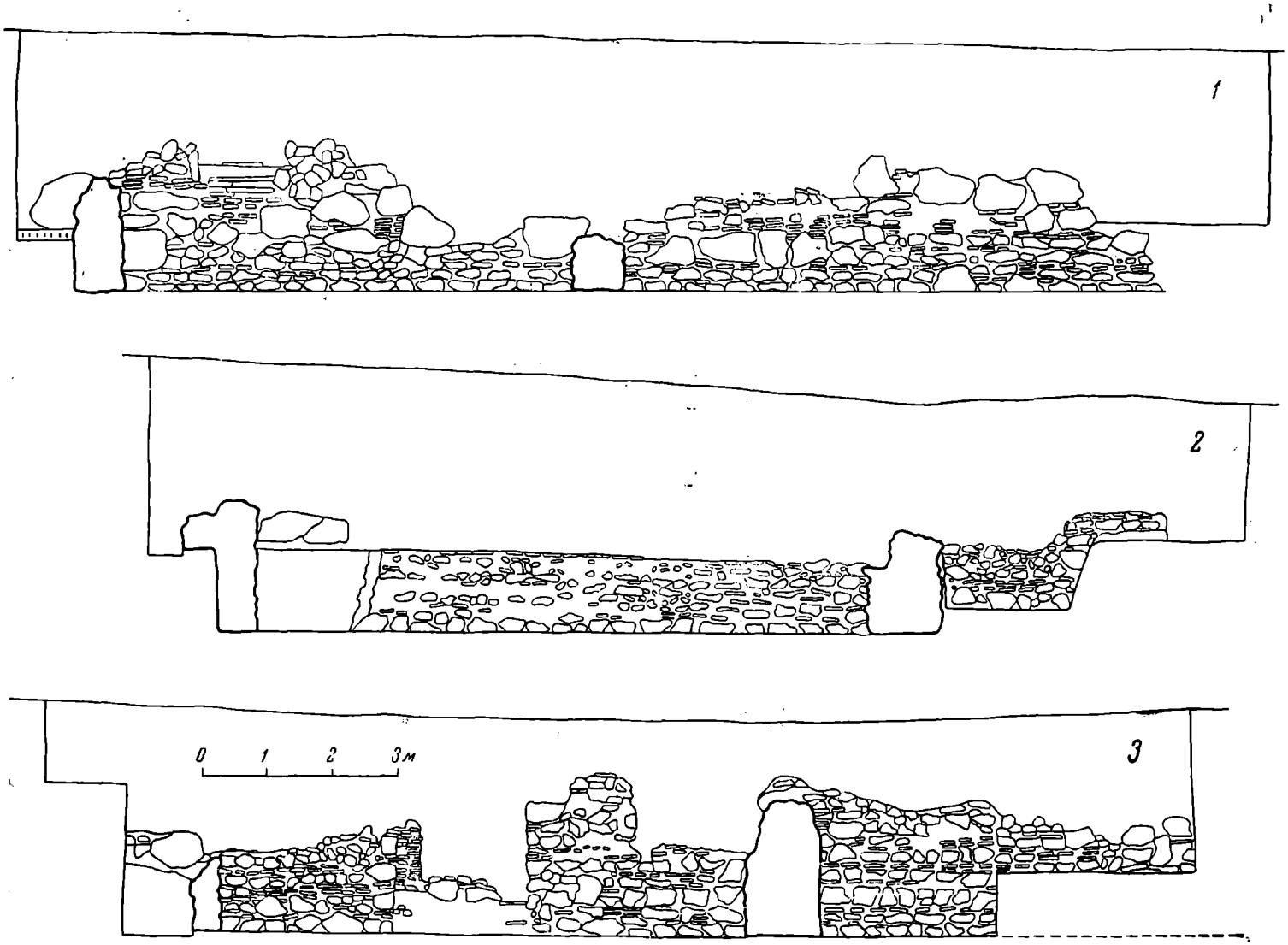


Рис. 8

1 — продольный разрез и фас южной стены; *2* — поперечный разрез и фас западной стены; *3* — продольный разрез и фас северной стены

ложения фундаментов, повторяем, характерны для переяславского зодчества конца XI в. Так, в частности, были сложены фундаменты и стены Епископских ворот 1089 г. Подобную же кладку можно было наблюдать при раскопках церкви на площади Воссоединения, отождествляемой с Богородичной церковью 1098 г. на Княжем дворе.

Камень — серый песчаник, местного происхождения. Выходы его находятся на правом берегу Днепра близ Заруба. Оттуда его доставляли по Трубежу в Переяслав. Поражают размеры глыб ломаного камня в нижних частях фундамента и особенно в развалах около углов здания. Некоторые камни имеют в длину до 1,3 *м* при высоте 75—80 *см*. Иногда камни имеют грубую околку. В основном размеры камней от 15 × 10 до 75 × 40 *см*.

Ряды кирпича-плинфы не всегда носят регулярный характер. Плинфа в кладке разнообразна по размерам. Цвет плинфы — ярко-оранжевый, темно-желтый, красновато-коричневый, обжиг — среднего качества, формовка неровная. Толщина швов раствора от 2 до 3 *см*. Известковый раствор с примесью цемянки, помол цемянки грубый, количество цемянки в растворе не очень велико, поэтому раствор слегка розоватый. Помол и обжиг извести — хорошего качества. Кирпичная кладка в обрамлении северного проема, где сохранился ее целый столбик, возможно, относится к последующей перестройке, но не позже XII в. Кирпичи этой кладки более темного цвета, сама кладка — порядовая, без утопленных рядов. Строевая плинфа в кладке в основном двух размеров — 22 × 32 и 25 × 18 *см* при толщине кирпичей от 3 до 5 *см*.

Особый интерес представляет строительная керамика, в изобилии находящаяся в развалах внутри здания. Лекальные кирпичи представлены всеми известными в Приднепровской Руси типами форм. Весьма многочисленны длинные кирпичи (38 × 15 × 5,5 и 27 × 12 × 5—6 *см*) с полукруглыми концами от профилированных пилястр или тяг. Были также найдены два кирпича (27 × 12 × 4,5 *см*) со скругленными концами, по типу близкие к лекальным кирпичам из профилированных тяг приднепровских построек конца XII в. Ряд кирпичей с остроугольными концами явно относится к кладке орнамента «поребрика» или к профилированной тяге, как на фасадах Спасского собора в Чернигове. Особенно интересен лекальный кирпич от гуськового профиля. На многих длинных кирпичах есть отметки в виде продольной полосы. Бортовых знаков на кирпичах обнаружено не было. Не были обнаружены донышки и другие части аркатурных поясов. Как известно, аркатура в Приднепровье получает распространение в XII в., что подтверждает датировку нашего здания более ранним периодом.

Находки большого количества лекальной керамики говорят о том, что фасады здания были украшены профилированными пилястрами, орнаментом «поребриком», а в карнизах, возможно, применялся гуськовый облом.

Большой интерес представляют находки многочисленных фрагментов кровельной черепицы. Черепица как кровельный материал в Киевской Руси до сих пор была известна из раскопок М. К. Каргера. Десятинной церкви в Киеве. Черепица эта представляла собой огромные кирпичи 65 × 35 × 2,5 × 3 *см*, имеющие двойную выгнутость — по ширине и по длине, с продольными желобками, сделанными пальцами по сырой глине. По мнению М. К. Каргера, кирпичи завершали кладку закомар и являлись остатком древнего покрытия храма [10]. М. К. Каргер на основании этой находки справедливо высказал мысль о том, что свинцовые кровли не были единственными в Древней Руси и древнерусские зодчие употребляли этот дешевый и чрезвычайно распространенный на Юге, Западе и Востоке кровельный материал [11].

---

[10] М. К. Каргер. Древний Киев, II, М.— Л., 1961, стр. 53.
[11] Там же, стр. 54.

Кроме Десятинной церкви черепица известна из раскопок ряда других построек Западной Руси (Полоцк, Новогрудок, Гродно). Ни в одном из зданий Переяслава черепицы найдено не было, в связи с чем находка черепицы в нашем здании сразу же привлекла к ней внимание. В процессе раскопок было обнаружено несколько десятков фрагментов черепицы. Это не оставляет сомнения в том, что она применялась для покрытия кровли данного здания. Определить размеры и форму черепицы не составляло труда, так как многие фрагменты представляли собой почти целые образцы. Черепица имеет слабую вогнутость по ширине, бортики с трех сторон, зуб, образованный поперечной бороздой, сделанный пальцем по сырой глине с внутренней стороны на конце черепицы, одинарные, двойные и тройные продольные борозды, также сделанные пальцами по сырой глине, и выступающий зуб на другом конце, сделанный по форме. Размеры черепицы 34—32 × 28—25 *см* при толщине от 2,1 до 3 *см*.

От черепицы Десятинной церкви наша отличается тем, что не имеет продольной вогнутости, размеры ее значительно меньше, наличие же западающего и выступающего зубов свидетельствует о более совершенном ее характере. Одновременно с черепицей в раскопках были найдены 2 больших фрагмента свинцовых листов, обычного для древнерусской архитектуры типа. Один из листов сохранился почти полностью. Размеры его — 86—88 × 67—70 *см*, вес — 16,4 *кг* при толщине 1,6—1,8 *мм*.

Наличие в одном из зданий остатков черепичной и свинцовой кровель свидетельствует о том, что либо свинцовыми листами была покрыта лишь часть здания (например, вышка терема), либо покрытия меняли при последующих ремонтах.

Среди строительного развала внутри здания, на глубине от 1 *м* и до самого уровня древнего пола, было найдено большое количество фрагментов голосников и кирпичей брусчатого типа. Большинство кирпичей целые, что свидетельствует о непрочности раствора, на котором они были уложены. Ни на одном кирпиче не удалось найти следов известкового раствора, что дает основание предполагать, что эти кирпичи были уложены на глине. Размеры кирпичей — 23,5—25,5 × 9,2—11 *см* при толщине 8—8,4 *см*. На большинстве кирпичей — проведенные пальцами по сырой глине бороздки, чаще всего по три наискось. Иногда бороздки делаются в виде разводов. Цвет кирпичей — желтый, обжиг — хороший, но формовка менее тщательна, чем формовка плинфы. Такой кирпич обычно называют «литовским» и относят к XIV—XVII вв., когда он повсеместно применялся в строительстве на Украине, в Литве и Белоруссии.

Исследования памятников Волыни показали, что этот тип кирпича заменяет там плинфу как в культовых, так и в военно-оборонительных постройках во второй половине XIII в. М. К. Каргер нашел подобный кирпич в печи киевского жилища, погибшего при татаро-монгольском нашествии [12]. На основании этих исследований была выдвинута гипотеза о том, что появление брусчатого «литовского» кирпича следует отнести к древнерусским временам. При раскопках Михайловского собора в 1949 г. М. К. Каргером в слое строительного мусора также были найдены кирпичи брусчатого типа. По мнению исследователя, трудно было определить, в какой мере эти кирпичи были связаны со строительством собора [13]. Большое количество брусчатого кирпича, найденного при раскопках нашего здания, не оставляет сомнения в том, что этот кирпич относится именно к данной постройке. К сожалению, нигде не потревоженного в кладке брусчатого кирпича обнаружено не было. То, что он попадается в самых низких горизонтах культурного слоя, говорит в пользу его древнерусского происхождения, хотя и не исключена возможность, что этим кирпичом

---

[12] М. К. Каргер. Археологические исследования Древнего Киева. Киев, 1950. стр. 176.

[13] М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества..., стр. 280.

восстанавливали здания в послемонгольские времена. Обращает на себя внимание тот факт, что брусчатый кирпич, по-видимому, клался на глиняном растворе, что исключает его применение в сводах и несущих стенах. Как известно, на глиняном растворе кладут обычно печи, и кирпичи брусчатой формы значительно более подходят для печей, чем плинфа, которая практически для кладки печей непригодна. Учитывая тот факт, что в Киевском жилище XII—XIII вв. брусчатый кирпич был найден именно в печи, можно предположить, что из наших кирпичей тоже были сложены печи или дымоходы.

Уникальной находкой являются шесть обломков керамических водопроводных труб. Трубы были двух диаметров — 11,5 и 14 *см* при почти одинаковой толщине стенок, равной 0,8—1 *см*. Трубы соединялись при помощи раструбов. Характер труб, судя по их фрагментам, абсолютно аналогичен византийским водопроводным трубам и, в частности, водопроводным трубам Херсонеса. Водопроводы из таких труб делались еще в римскую эпоху; на Украине они известны и в сооружениях XIV в. (раскопки в Хотине). Фрагменты наших труб были найдены в перекопанном слое на глубине 2,6—2,8 *м*.

Особый раздел находок представляют остатки украшений здания. Едва ли можно назвать какие-либо каменные сооружения Киевской Руси, которые были бы украшены с большей пышностью. Инкрустированные мозаикой шиферные полы, многочисленные обломки мраморных деталей: колонн, плит, карнизов, фрагменты инкрустаций различными породами мраморов: белым, желтым, зеленым, красным, розовым, так называемая «флорентийская мозаика» из восьмиугольных и квадратных кубиков брекчиевидных мраморовидных известняков и, наконец, многочисленные кубики смальты от настенных мозаик, в том числе от золотых фонов,— все это говорит о необыкновенном богатстве украшений интерьеров. Обращает на себя внимание тот факт, что нигде не было обнаружено ни малейших следов фресковой штукатурки.

На уровне пола в завале строительных материалов были найдены в большом количестве куски смальт от мозаичных наборов полов. Размеры и формы смальт очень различны, толщина их колеблется от 5 до 17 *мм*. Встречены также и заготовки смальт, еще не бывшие в деле, в виде сегментов круглых лепешек диаметром около 10 *см*. Смальты в основном четырех цветов — желтого, зеленого, вишневого и темно-синего. Следует отметить и находки кусков затвердевшей краски вишневого цвета. В небольшом количестве встречались и керамические поливные плитки, применявшиеся, видимо, также для убранства пола. Цвет поливы желто-коричневый и темно-зеленый.

К строительным материалам, происходящим из руин здания, наконец, следует отнести обломки круглого оконного стекла с характерными загнутыми бортиками, а также железные кованые гвозди с широкими шляпками, служившие, видимо, для укрепления штукатурки.

В процессе раскопок в нижней части строительного развала были обнаружены прослойки золы и угля, а также кирпичи и камни с сильно обгоревшей поверхностью, свидетельствующие о гибели здания в результате пожара. К числу находок, непосредственно не связанных с постройкой, следует отнести, помимо многочисленных обломков посуды и изразцов XIV—XVIII вв., фрагменты керамических и стеклянных сосудов XI—XIII вв., железное втульчатое копье, оковку деревянного заступа, тесло, удила, шпору, кистень, обломки стеклянных браслетов, шиферное грузило для рыболовной сети, костяные поделки, заготовки янтаря и т. п. Особо следует отметить находку вислой свинцовой печати, обнаруженной на уровне пола в юго-восточном углу западной камеры здания (рис. 9). На одной из сторон печати имеется погрудное изображение молящейся богоматери и круговая надпись на греческом языке: «Матерь божья помоги

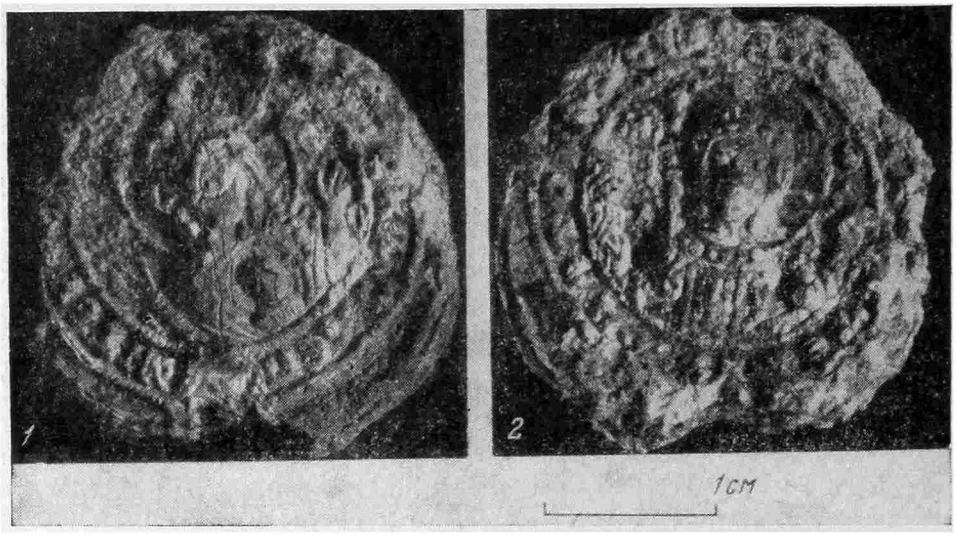


Рис. 9. Свинцовая печать из восточной камеры дворцовой постройки
1 — лицевая сторона; *2* — оборотная сторона

рабу твоему...». К сожалению, место, где написано имя, сильно окислено, и прочитать его не удалось. На другой стороне печати находится также погрудное каноническое изображение архангела Михаила и очень неразборчивая круговая надпись. Какому конкретно историческому лицу принадлежала эта печать, пока не установлено, но не подлежит сомнению, что она относится к кругу владычной сфрагистики. Эта находка также позволяет связывать открытое нами здание с епископским дворцовым комплексом.

Вопрос о реконструкции переяславской каменной постройки на Епископском дворе крайне усложнен тремя обстоятельствами. В некоторых хранность фундаментов здания оказалась неравномерной. В некоторых местах они сохранились на большую высоту, а в некоторых уничтожены полностью. Во-вторых, перекопка земли кладоискателями и строителями позднейших времен совершенно лишила возможности определить характер внутреннего устройства здания. И, наконец, в-третьих, необычность типа сооружения и конструктивные его особенности не дают возможности привести близкие аналогии.

Дворцовые постройки, как и жилые комплексы, не имеют и не могут иметь тех установившихся типологических черт, которыми характеризуются церковные постройки. У последних функциональная сторона крайне однообразна, а тип зачастую выработан «каноном». Поэтому, зная соответствующие закономерности и имея в руках исходные данные археологических раскопок, восстановить с большей или меньшей точностью первоначальный облик церковного здания по элементам его плана не представляется затруднительным. Совершенно иначе обстоит дело с дворцовым комплексом. Тут типологическая схема играет роль значительно меньшую, так как условия жизни, характер окружающей застройки, месторасположение здания и много других факторов влияют на конфигурацию плана, количество помещений, их соотношение, этажность здания и т. д. Большинство попыток реконструкций древнерусских дворцовых зданий носит характер весьма гипотетический [14].

Как план здания, так и характер его украшений не оставляют сомнения в том, что данное сооружение не церковное. Это подтверждает тот

[14] Н. В. Холостенко. Черниговские каменные княжеские терема XI в. «Архитектурное наследство», 15, М., 1963, стр. 15—17.

факт, что во время раскопок не было обнаружено ни малейших следов погребений, а также ни одной церковной вещи. Бесспорно, перед нами дворцовое сооружение, возможно — часть дворцового комплекса. Едва ли можно сомневаться и в определении времени его постройки: методы строительной техники аналогичны тем, которые применялись при строительстве Епископских ворот и Михайловского собора 1089 г. Исходя из толщин

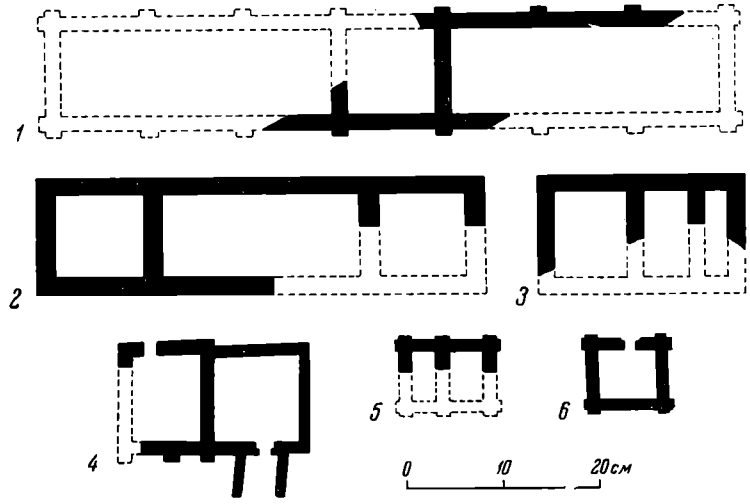


Рис. 10. Планы древнерусских дворцовых построек X—XI вв.

1, 2, 3 — дворцы X в. в Киеве; *4* — дворцовые здания XI в. в Переяславе-Хмельницком; *5, 6* — терема XI в. в Чернигове

стен, можно предположить, что западная камера была одноэтажной постройкой, а восточная могла быть и двухэтажной. Отсутствие в обеих камерах фундаментов внутренних стен говорит о том, что это были большие, богато украшенные помещения зального типа.

Фундаменты каменных дворцовых построек XI—XII вв. до настоящего времени обнаружены лишь в Киеве и Чернигове (рис. 10). При этом следует отметить, что типы киевских зданий значительно разнятся от черниговских. В Киеве известны четыре каменные дворцовые постройки [15]. Это — очень большие от 20 до 70 *м* длиной и до 12 *м* шириной, вытянутые в плане трехкамерные постройки. Дворец к югу от Десятинной церкви имел вытянутую, прямоугольную в плане камеру в средней части и квадратные камеры на концах. Наибольший из киевских дворцов, расположенный к западу от Десятинной церкви (раскопана лишь его часть под мостовой современного Десятинного переулка), имел, как предполагают, квадратную камеру в центральной части и прямоугольные — по бокам. Наименьший из дворцов Киевского княжеского двора — дворец к северо-востоку от Десятинной церкви — имел три неравные по величине камеры. Четвертый киевский дворец на Ирининской улице был раскопан лишь частично, и общая планировка его остается не ясной. Бесспорным является лишь то, что он был вытянут в плане. Как можно предполагать, рисунки Киевских дворцов на миниатюрах Радзивилловской летописи довольно правдоподобно изображают их облик [16].

Раскопанные в послевоенные годы дворцовые постройки XI — XII вв. Чернигова [17] имеют иной характер. Это сравнительно небольшого размера

---

[15] М. К. Каргер. Княжеские дворцы Древнего Киева. Уч. зап. ЛГУ, 193, Сер. истор. наук, 22, Л., 1955, стр. 67—101.

[16] Ю. С. Асеев. Древний Киев. М., 1956.

[17] В. А. Богусевич, Н. В. Холостенко. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. КСИА, I, 1952, стр. 32.

здания (два из них однокамерные и одно — двухкамерное). Исследователи совершенно справедливо выдвинули мнение о том, что это могли быть высокие терема, стоявшие в ансамбле сооружений княжеских дворцов [18]. Переяславская постройка и по размерам и по планировке не похожа ни на киевские, ни на черниговские, если не считать того, что здание, подобно Черниговскому дворцу, было двухкамерным, а внутренние помещения представляли собой большие, богато украшенные залы, как в киевских дворцах. Комплексы епископских дворцов известны в архитектуре Византии, Западной Европы, Кавказа. Особенно интересен епископский дворец в Вагаршападе у церкви Звартноц, построенной в 625 г. католикосом Нерсесом Строителем. Среди дворцовых построек там находилась и богато украшенная баня. Не исключена возможность, что переяславское «строенье баньное каменно» также являлось баней при Епископском дворце. Какое отношение к этому сооружению имела наша постройка — неизвестно, так как данные о всем комплексе Епископского дворца пока еще очень мало. Будущие исследования на территории переяславского Епископского двора несомненно внесут ясность в этот важный вопрос.

---

[18] Н. В. Холостенко. Ук. соч., стр. 13.

В. Г. МИРОНОВА

ЯЗЫЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ В НОВГОРОДЕ

В 1964 г. при раскопках в Новгороде, на усадьбе, примыкающей к древней Ильиной улице, было открыто ритуальное захоронение коня, публикации которого и посвящена настоящая статья.

В самом нижнем горизонте культурного слоя (пласт 31) на раскопе «Ильинский-1» в квадратах 54, 55, 61—63, 66, 68, 69 обозначилась яма овальной формы, диаметром с запада на восток 4 м, с севера на юг 3,3 *м* (рис. 1); при общей глубине 1,5 *м*, яма своим дном уходила в материк. На всю глубину она была заполнена черно-коричневым культурным слоем, таким же, как и на прилегающих участках раскопа, лишь в самой нижней части заполнения ямы прослежена прослойка толщиной 10—12 *см*, состоящая из серой глины с вкраплениями мелких угольков. Стены ямы (особенно северная) пологие. На глубине 6,98 *м* в северной части ямы найдены два керамических сосуда (рис. 2), сохранившиеся в непотревоженном виде и содержащие на дне остатки какой-то массы. В южной части ямы, на глубине от 6,32 до 6,74 *м* были обнаружены кости лошади, лежащие в анатомическом порядке (рис. 3). Обнаруженный костяк не имел черепа, передняя его часть была обращена на восток. Череп, по-видимому, от этого же коня был найден на уровне 31 пласта, в середине ямы (кв. 62). Ноги коня были подогнуты, на передних сохранилась лыковая веревка, связывающая их. В западной части ямы на уровне захоронения лошади найдены небольшой огарок восковой свечи и кнут.

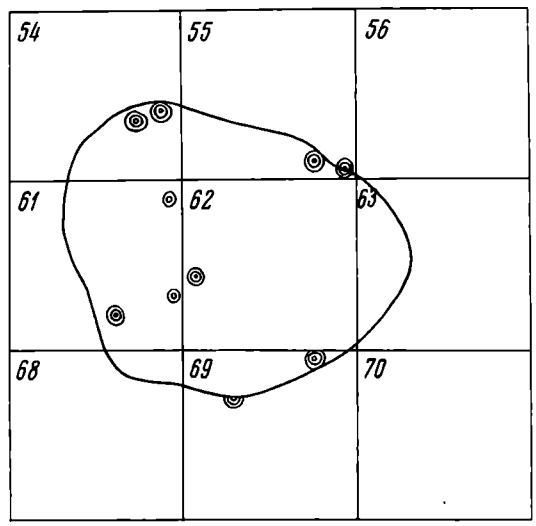


Рис. 1. План ямы с жертвоприношением на уровне 31 пласта

Особый интерес представляют остатки деревянных конструкций, связанных с конским погребением: яма была окружена деревянными столбами, идущими вдоль ее границы; три столба были вкопаны внутри ямы (рис. 4). На уровне 31 пласта, т. е. на дневной поверхности ямы, найдены остатки перекрывающих ее хвойных веток.

Датировать публикуемый здесь комплекс с наибольшей точностью можно было бы на основании дендрохронологических данных. Однако пока дендрохронологические материалы по Ильинскому раскопу еще не обработаны, в основу наших хронологических выводов ложится вещевая хро-

нологическая шкала, полученная Новгородской экспедицией в ходе работ на Неревском конце в 1951—1962 гг. К хронологическим наблюдениям мы привлекаем вещевые коллекции 1964 г., собранные в пластах 25—31, поскольку более поздние вещи прямого отношения к изучаемому вопросу не имеют. Здесь следует отметить относительно спокойную стратиграфию Ильинского раскопа, в культурном слое которого нет значительных перекопов, как нет и сколько-нибудь заметного падения уровня дневной поверхности нижних ярусов. Поэтому, подсчитывая вещи по пластам, а не по ярусам, мы не рискуем нарушить их действительное хронологическое распределение.

Рис. 2. Керамические сосуды из жертвоприношения

Три основных вопроса составляют стоящую перед нами хронологическую проблему: время изучаемого здесь комплекса конского погребения, время первоначального заселения участка и стратиграфическое положение границы столетий в слоях, перекрывающих конское погребение.

Наиболее важные для датировки сведения дают массовые и имеющие точные хронологические рубежи бытования находки, определенные как по курганным комплексам, так, особенно, и по предшествующим раскопкам в Новгороде. Таковы прежде всего женские украшения и, в частности, стеклянные бусы.

Самые нижние слои, в которых обнаружены стеклянные бусы — уровень 28—29 пластов. Здесь найдены бочонкообразные золоченые и серебряные бусы, прекрасно датируемые монетами XI в.[1] Исследовавшая закономерности распределения разных типов бус в новгородском культурном слое Ю. Л. Щапова определяет время бытования подобных бус X—XII вв., причем максимум их распространения она относит к XI в.[2]

Важные датирующие материалы дают наблюдения над зоннымп бусами, столь распространенными в древней Руси вообще. Синих зонных бус в 1964 г. найдено 3 экземпляра (2 экз. в 25 пласте; 1 экз.— в 26 пласте). Все три бусины прозрачные, ярко-синие. Основываясь на датировке таких бус в Неревском раскопе[3], а также в курганных находках[4], можно с достаточным правом утверждать, что слой, в котором они найдены, относится ко времени никак не ранее XII в. Такие бусы ни разу не найдены в памятниках X — XI вв.[5]

То же можно сказать и о желтых зонных бусах из прозрачного стекла, найденных в количестве 4 экземпляров (2 экз. в 25 пласте; 2 экз.— в 26 пласте). В курганных комплексах такие бусы с вещами старше XII в. не встречены ни разу[6]; тип желтых зонных бус из прозрачного стекла датируется XII — XIV вв., причем максимум их распространения приходится на XII — XIII вв.

---

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 145.
[2] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 172.
[3] Там же, стр. 166.
[4] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 30.
[5] Ю. Л. Щапова. Ук. соч., стр. 167.
[6] Там же, стр. 168.

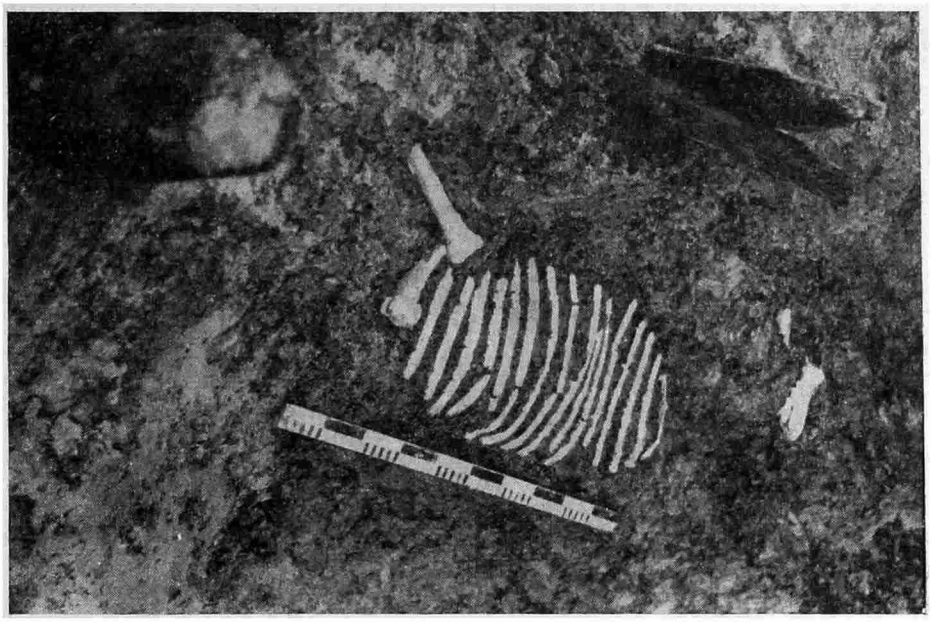


Рис. 3. Скелет лошади

Рис. 4. Остатки столбовой конструкции культового места

Подтверждением датировки слоя 25—26 пластов началом XII в., а границы между 26 и 27 пластами — рубежом XI и XII вв. служит и находка трех экземпляров бипирамидальных сердоликовых бус — одного из наиболее типичных восточнославянских украшений (26 пласт). Хотя крайние их даты уходят в XI и XIV вв., наибольшее их распространение приходится на XII в., что не противоречит нашим выводам.

Следующий тип бус — черные, гладкие, со спирально-волнистой инкрустацией. Подобные бусы в Неревском раскопе располагались в 16—22 ярусах, датируемых концом XI — XII вв.[7] В Ильинском раскопе они распределяются по пластам следующим образом:

пласт	25	26	27	28
количество	5	2	1	1

Иными словами, и здесь они соответствуют слоям конца XI (пласты 27—28) — начала XII (пласты 25—26) в.

Обратимся теперь к следующей категории женских украшений — браслетам. Их, к сожалению, в интересующих нас слоях найдено немного. Однако и эти находки, имея точные даты, еще раз подтверждают сделанные выводы.

Прежде всего обращает на себя внимание вполне оправданное отсутствие стеклянных браслетов[8]. В слое 25—31 пластов, следовательно, обозначается соответствие периоду, который предшествовал появлению стеклянных браслетов. Исследование материалов Неревского раскопа показало, что стеклянные браслеты встречаются в культурном слое Новгорода с X до XV в. Однако подавляющее их большинство относится к слоям 8—19 ярусов, т. е. ко времени начиная с 30-х годов XII в. до середины XIV в.[9] Этот период, таким образом, на Ильинском раскопе начинается с уровня 24 пласта, в котором стеклянные браслеты были встречены уже в заметном количестве.

Из металлических браслетов найден один тройной витой (с петлями на концах) на уровне 28 пласта. Этот тип браслетов встречается среди древностей всех славянских племен; особенно часты его находки у новгородских славян, кривичей и вятичей[10]. Судя по стратиграфии Неревского раскопа, тройные витые браслеты с петлями на концах появились в Новгороде в середине XI в. и продолжали бытовать вплоть до конца XIV в. Но наибольшее их количество найдено на уровне XII—XIII вв.[11] Браслет, обнаруженный на Ильинском раскопе, таким образом, с уверенностью можно отнести к середине — второй половине XI в.

К числу самых массовых находок в новгородском культурном слое древнейшего времени относятся розовые шиферные пряслица. Всего в 1964 г. на Ильинском раскопе в 25—31 пластах их было найдено 154 экземпляра, распределяющихся по пластам следующим образом:

пласт	25	26	27	28	29	30	31
количество	22	29	36	22	22	10	3

Появление шиферных пряслиц в заметном количестве наблюдается в Новгороде практически с самых нижних пластов. Как доказано Б. А. Рыбаковым[12] и подтверждено новгородскими находками Неревского раскопа,

---

[7] Ю. Л. Щапова. Ук. соч., стр. 177.

[8] Найдено всего 2 экземпляра (1 экз. в 25 пласте, 1 экз. в 31 пласте). Обнаруженный в 31 пласте происходит из перекопа, браслет 25 пласта найден в непотревоженном культурном слое.

[9] М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963, стр. 170.

[10] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 10.

[11] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, 65, 1959, стр. 247.

[12] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 195.

хронологическая граница распространения шиферных пряслиц определяется, с одной стороны, рубежом X—XI вв., а с другой — серединой XIII в. Итак, массовое распространение шиферных пряслиц, наблюдаемое практически с момента появления культурного слоя на исследуемом участке, не позволяет относить его заселение ко времени ранее начала XI в.[13]

В достаточном количестве встречены здесь костяные гребни, на Ильинском раскопе в слое 25—31 пластов их найдено 50 экземпляров, стратиграфически распределяющихся так:

пласт	25	26	27	28	29	30	31
количество	13	12	6	9	6	2	2

Все найденные здесь костяные гребни — двусторонние, с частыми и редкими зубьями, датируемые Б. А. Колчиным XI — XIII вв.[14] Костяных расчесок не найдено ни одной. Это вполне согласуется с датировкой слоя по рассмотренным выше вещам.

Среди датирующих изделий из черного и цветного металлов внимания заслуживают ключи. В 1964 г. было найдено 13 ключей, из них ключей от висячих замков типа А (типология Б. А. Колчина)[15] — 3 экземпляра (2 экз. в 26 пласте, 1 экз. в 27 пласте). Такого типа замки бытовали в Новгороде в X—XI и частично в XII в. Ключей от нутряных замков найдено 9, из них 4 с пустотелым стержнем и 5 с заостренным. Ключи с пустотелыми стержнями бытовали со второй четверти XI в. до второй половины XII в.; ключи с заостренным стержнем появляются в Новгороде в конце XI в. и существуют до начала XIII в. Таким образом, можно видеть полное совмещение хронологической схемы, выявленной по стратиграфическому распределению ключей, с датировками, установленными выше.

Под установленную хронологическую шкалу подходят и кресала, которых найдено 4 (1 экз. в 28 пласте, 1 экз. в 29 пласте, 2 экз. в 26 пласте). Одно из них калачевидное, с язычком (пласт 29), остальные — без язычка. Признавая находку кресала из 28 пласта (без язычка) случайной, отчетливо видим деление их на два варианта — ранний и поздний, установленное еще по материалам Неревского раскопа[16]. Калачевидные кресала с язычком в середине внутренней стороны ударного лезвия датируются X — XI вв., кресала же без язычка и с более массивным лезвием появляются позже, уже к XII в. То же мы наблюдаем и в данном случае. Кресало с язычком найдено на уровне 29 пласта, т. е. в слоях XI в., а кресала без язычка происходят из 26 пласта, т. е. из слоев XII в.

Датировка слоя по поясным пряжкам дает аналогичный результат. Так называемых лировидных пряжек найдено 3 экземпляра. Датируются они XI — XII вв.[17] Расположение их в слое (2 экз. в 26 пласте, 1 экз. в 29 пласте) подтверждает установленные хронологические рамки.

Единственная фибула, обнаруженная на уровне 30 пласта, не выходит за эти хронологические рамки. Она подковообразная, со спирально-загнутыми концами. Такой тип фибул наиболее древний, их находки располагаются в промежутке X — XIII вв., хотя основная их масса относится к X — XI вв.[18]

---

[13] Определение верхних границ бытования всех категорий вещей в нашу задачу не входит.

[14] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2, стр. 100—102.

[15] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, 65, стр. 80.

[16] Там же, стр. 99.

[17] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 258.

[18] Там же, стр. 241.

Из индивидуальных находок интерес представляет бронзовый нательный крест (пласт 31) с изображением распятого Христа. По трактовке фигуры Христа и по форме самого предмета он датируется XI в.[19]

Нами рассмотрен почти весь массовый материал (исключая деревянные поделки, гвозди, керамику), на основе которого был сделан следующий вывод. Ильинский раскоп в той его части, которая исследовалась в 1962—1964 гг. (раскопы I и II), не имел слоя X в.; заселение участка произошло здесь уже в XI в. XII век начинается с уровня 25—26 пластов. На то, что здесь нет слоя X века, указывает отсутствие типичных для этого времени вещей: бус-лимонок, костяных односторонних наборных расчесок с футлярами, сердоликовых шаровидных бус. Начальная дата слоя определяется XI веком, более точную дату указать пока невозможно.

Трудно сказать, будет ли это начало, первые десятилетия или середина столетия. Лишь результаты анализа дендрохронологических материалов этого участка дадут в будущем необходимые уточнения.

Перейдем теперь к археологическим материалам, отображающим вещевыми комплексами область распространения культа коня, и попытаемся поставить вновь обнаруженное погребение в общий ряд подобных явлений.

Общеизвестен культ коня, сложившийся еще в I тысячелетии н. э. на огромной территории Волго-Камского бассейна. В восточных районах этой территории он выражался наиболее характерными подвесками «владимирского» (точнее «мерянского») типа[20], часто встречаемыми и в материале новгородских раскопок. Следует обратить внимание и на неоднократные находки в Новгороде небольших деревянных резных головок коня (7—10 *см*), служивших, по-видимому, для украшения изб внутри или снаружи, а по своей конструкции и манере исполнения напоминающих названные выше коньковые подвески.

В системе культов, связанных с почитанием коня, останавливает на себе внимание один из языческих обрядов, хотя и имевший в своей основе жертвоприносительный характер, но ограниченный рамками условий, при которых он совершался. Речь идет о жертвах, совершаемых при закладке какой-либо постройки, т. е. о так называемой «строительной жертве». Вполне понятно, что благосостояние семьи зависит отчасти от занимаемого ею жилья. В настоящее время удобство жилого помещения определяется с чисто практической, санитарной и экономической точки зрения — по количеству света, тепла, воздуха, по положению дома на высоком или низком месте, по числу комнат, печей и т. д. В древнее же время в понятие об удобстве жилья входило мистическое начало, обусловленное наклонностью мыслей человека к анимизму или к представлению о влиянии духов, враждебных или благосклонных, на домашний быт.

Известно, что обычай строительной жертвы был широко распространен территориально, а хронологические границы существования этого обычая, достигая позднего средневековья, прослеживаются еще в первобытное время. По общепринятому мнению, на раннем этапе этот обычай, как и жертвоприношение вообще, включал в себя человеческие жертвы. Такой вид строительной жертвы наблюдался у германцев, некоторых народов романской группы языков, полинезийцев, японцев и других народов[21].

Литературные источники дают нам сведения об использовании конских черепов в качестве жертвы при закладке различного рода сооружений у украинцев. Здесь, например, при постройке плотины в ее основание

---

[19] Ближайшую аналогию см. в статье: М. В. Седова. Ук. соч., стр. 245.

[20] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 139.

[21] Э. Тейлор. Первобытная культура. I. СПб., 1896.

закапывалась конская голова для того, чтобы «болотный дядько» (водяной) не разрушил ее [22].

По вопросу о возникновении строительной жертвы и о ее сущности имеются различные мнения. Наиболее правдоподобным можно считать мнение Д. К. Зеленина, высказанное еще в 1930-х годах, согласно которому строительная жертва, первоначально связанная с примитивными деревянными постройками, представляет собой компенсацию за срубленное дерево [23]. Деревья, считавшиеся неприкосновенными, при постройке домов срубались, и за нарушение строителями своей священной неприкосновенности деревья-тотемы мстили людям, лишая жизни или плотников, или жителей дома. Принося жертву-компенсацию, в частности лошадь или другое животное, люди откупали собственную жизнь. Вероятно, с поверьем, что постройка нового дома приносит несчастье, связано убеждение, якобы «всякий дом строится на чью-либо голову из живущих в нем» [24]. Всякий входящий в новый дом первым, по народному поверью, «до году помрет» [25], поэтому, когда входят в новый дом, то впускают в него кошку, чтобы месть богов пала на нее.

Но это далеко не единственное мнение о сущности строительной жертвы, хотя источник и основная база этого явления — языческое мировоззрение — признается всеми исследователями.

По письменным источникам, строительные жертвы в Новгородской земле известны не были, тем более интересны наблюдения и выводы, основанные на археологических материалах. Еще в 1957 г. В. В. Седовым был опубликован собранный к тому времени материал из раскопок на Неревском конце [26]. Автором было прослежено девять случаев захоронения конских черепов под срубами строившихся домов. Правильное их положение, а также ряд особенностей их погребения (расположение черепов на шейном основании и закапывание их вблизи от какого-либо угла постройки) не позволяет считать их погребение случайным и сомневаться в их назначении, тем более что с одним из них (14 ярус, начало XIII в.) найден поставленный на основание деревянный ковш, который также был помещен под сруб в качестве жертвы. Рассматриваемые находки стратиграфически и по данным дендрохронологии датируются X—XIV вв. [27] Никакого принципиального различия разновременные жертвоприношения не имеют. Некоторые отличия отмечаются лишь в глубине их захоронения: черепа под срубами X—XI вв. закапывались на глубину 0,6—0,7 *м*, а жертвы более поздние — на глубину 0,2—0,3 *м*. Названные здесь комплексы предстают перед нами в чистом виде строительной жертвы без сочетания с другими языческими обрядами. Однако для Новгорода, кроме такого обычая, возможно отметить и взаимопроникновение обрядов строительной жертвы и братчины, сопутствующей принесению жертвы. Имеем в виду обнаруженное в 1953 г. при раскопках на Неревском конце и датируемое серединой X в. языческое жертвоприношение, представляющее собой погребение 9 деревянных ковшей и двух полукруглых кусков воска в материковой яме [28]. По-видимому, девять дворохозяев перед по-

---

[22] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. I. М., 1865, стр. 636.

[23] Д. Забелин. Тотемы-деревья в сказаниях европейских народов. М.— Л., 1937.

[24] Машкин. Быт крестьян Курской губернии. «Этнографический сборник», 5. СПб., 1862, стр. 84.

[25] Г. К. Завойко. Верования, обряды и обычаи великоросов Владимирской губернии. «Этнографическое обозрение», 3—4, М., 1914, стр. 78.

[26] В. В. Седов. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. КСИИМК, 68, 1957, стр. 20—28.

[27] В Новгороде кроме этих исследованных черепов было найдено к 1957 г. еще около трех десятков; однако они не получили индивидуальной фиксации, поэтому не могут быть привлечены к исследованию.

[28] В. В. Седов. Языческая братчина в древнем Новгороде. КСИИМК, 65, 1956, стр. 138—141.

Рис. 5. Череп лошади под углом фундамента каменного терема (XIV—XV вв.)

селением на новом месте устроили братчинный пир, после которого братчинные ковши с обрядовым напитком были погребены в качестве строительной жертвы.

Жертвоприношение несколько иного вида обнаружено в Новгороде в 1955 г. в самом нижнем горизонте культурного слоя (середина X в.). Здесь в материковой яме были обнаружены два бычьих черепа с рогами, поставленные на шейные основания (ср. с конскими черепами под срубами) и перевернутый вверх дном деревянный ковш[29]. В. В. Седов связывает это жертвоприношение со скотоводческой братчиной, в отличие от братчины пчеловодческой, для которой характерно применение воска в ритуальном обряде. Но, по-видимому, и в данном случае мы наблюдаем непосредственную связь со строительным обрядом, поскольку он производился еще до заселения участка. Указанный жертвоприносительный обряд имел значение так называемого «освящения места» поселения первых жителей осваиваемого участка (возможно, двух дворохозяев).

Два упомянутых выше жертвоприношения относятся к периоду господства языческого мировоззрения и позволяют судить о формах ритуального обряда еще в дохристианский период. Непосредственным свидетельством долгого бытования такого обычая является череп коня, обнаруженный под юго-восточным углом фундамента каменного терема конца XIV или начала XV в., открытого на Ильинском раскопе в 1964—1965 гг. (рис. 5).

Обращение к этнографическим материалам позволяет говорить о широком распространении культа коня, о большем распространении этого культа сравнительно с культами других животных. Человека всегда привлекала изящная красота, легкость и скорость бега, трудолюбие и гордая покорность лошади, олицетворяющей образ бури, вихря и грозно дующих ветров. Особенно характерен обычай конского жертвоприношения для народов финно-угорской группы языков, хотя он нередок и в других

[29] В. В. Седов. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. стр. 28—30.

областях. Рассмотрим, к примеру, обычай керемети, распространенный у мордвы и чувашей [30]. Кереметь — это и имя высшего божества в царстве злых духов (разъезжающего на белых конях!), и место поклонения ему, и все его многочисленное потомство. К священному месту, где, по поверью, живет кереметь, собирается народ и, обращаясь к керемети с какой-либо просьбой, собравшиеся приносят ей в жертву жеребенка (варят его, часть съедают, часть закапывают в землю). В честь керемети собирают муку, солод, хмель, крупу, деньги, потом из собранных продуктов варят пиво, покупают мед и лакомства. В назначенный день устраивают праздник в честь керемети, которую просят, чтобы она не допустила града, несвоевременных дождей, хранила бы от несчастий. Здесь мы видим несомненное сходство с русскими братчинами-никольщинами. Само слово «братчина» «значило то складчину солодом и овсяной мукой для сварения пива или браги, то самое пиво, сваренное в складчину» [31].

Почитание культа коня в северо-западных областях Новгородской земли сохранилось в преданиях. На Ладожском озере есть остров Конев, получивший название от Коня-камня, который виден в северо-западной части острова. Местные жители ежегодно приносили в жертву этому камню коня за сбережение их скота, пасущегося на острове [32]. В берестяной грамоте № 249 конца XIV в. (5—6 ярус) упоминается топоним Коневы Воды — новгородская передача названия одного из плесов озера Сайма в Финляндии Orivesi (по-фински Ori — конь, vesi — вода) [33]. Вероятно, и это название надо связывать с распространением в данной местности языческого культа коня.

Обычай гадания у балтийских славян тоже основан на приписываемой коню божественной силе: священного коня проводили между остриями двух воткнутых в землю копий. Благополучное прохождение коня через это препятствие служило благоприятным признаком и являлось своего рода благословением богов на предстоящее дело [34]. По немецкому поверью, белые лошади в конюшне приносят счастье дому и защищают его жителей от чар [35]. В русских деревнях больных умывали водой, которую не допила лошадь, возлагая на нее спасительные надежды; в Пензенской губернии собирали обсекаемые в кузницах лошадиные копыта, пережигали их и давали нюхать больным лихорадкой, предполагая от этого скорое выздоровление [36]. Украинские знахари относились с особым почитанием к той траве, которая прорастает сквозь глазные ямки брошенного конского черепа, и собирали ее для своих чар [37].

По всей вероятности, в отвращающей силе коня следует искать объяснения той большой роли, какую в народном суеверии играет приносящая счастье лошадиная подкова.

На определенном этапе развития культа божеству стали посвящать только голову коня, имевшую такое же символическое значение, как и целое животное. Поэтому конский череп или заменявшее его деревянное изображение головы коня признавались у различных народов предметом, привлекающим счастье и всякое благо и предохраняющим от всего дурного.

Так, у вендов существовал обычай ставить по забору вокруг конюшни и хлевов лошадиные и коровьи головы, чтобы предотвратить падеж

---

[30] В. Магницкий. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

[31] Опыт областного великорусского словаря, IV. СПб., 1852.

[32] Амвросий. История российской иерархии. IV. М., 1812, стр. 87.

[33] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956 г.). М., 1963, стр. 75.

[34] А. С. Фаминцын. Божества древних славян. 1. СПб., 1884, стр. 49.

[35] В. Клингер. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911, стр. 104.

[36] А. Афанасьев. Ук. соч., стр. 635.

[37] Там же, стр. 637.

скота[38]. В Орловской, Курской, Псковской областях конские черепа выставлялись на тынах огородов и садов и на шестах вокруг пасек для благополучного медосбора и хорошего урожая[39]. В племенном культе мари известен обычай «кости жертв зарывать в землю, кроме голов скота, которые вешались на изгороди»[40]. Эти головы висели много лет, привлекая всеобщее внимание и внушая уважение и страх к священному месту жертвоприношения.

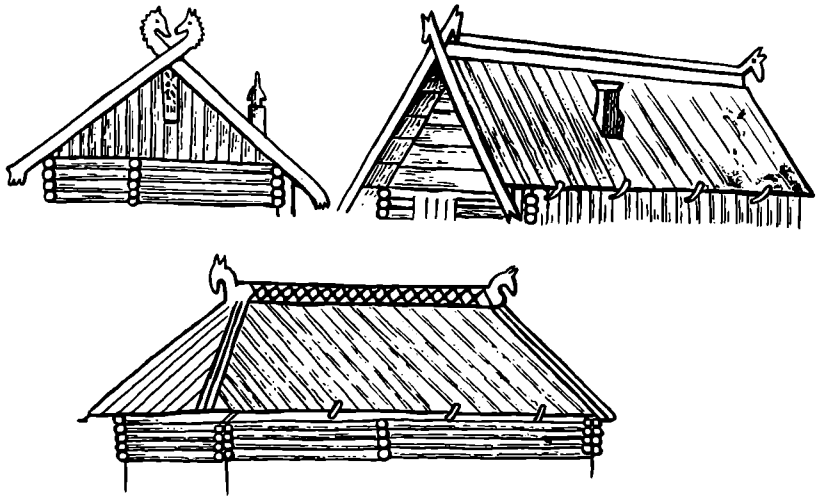


Рис. 6. Резные коньки кровли (по В. В. Стасову)

Как олицетворение солнечного божества, как спутник и источник счастья изображение коня помещалось с наружной стороны избы, на почетном и самом высоком месте. Главная балка двускатной крыши, к которой встарину подвешивался котел семейного очага, носила название «конек»; наружный ее конец обрабатывался в виде конской головы, имевшей магическое значение (рис. 6)[41]. Такое изображение отгоняло злых духов и служило вывеской, свидетельствующей о том, что в доме живут благочестивые люди. Первоначальное значение коньков было жертвоприносительное: в древнее время над кровлями прикрепляли не деревянные изображения, а настоящие конские головы[42].

Сравнивая различные языческие обряды и обычаи, подмечая общее между ними, попытаемся охарактеризовать теперь погребение, обнаруженное на Ильинском раскопе.

Несомненно, перед нами новый вид строительной жертвы, сопровождаемой братчинным пиром,— комплекс, сохранившийся до нас в наиболее ярком и полном выражении, нежели ранее известные погребения аналогичного характера. Здесь сочетаются все элементы ранее известных жертвоприношений: и погребение конской головы, и жертвенные сосуды (в данном случае керамические, а не деревянные), и воск (свеча), и встреченное впервые погребение целой конской туши. Интересным и пока единственным в Новгороде представляется нам обнаружение остатков деревян-

[38] И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846, стр. 80.

[39] П. Е. Ефименко. Старинные гребенки в Пинежском уезде, Архангельской губернии, «Древности». IV, 2, М., 1874, стр. 53—54; экспозиция Музея этнографии в Ленинграде.

[40] Религиозные верования народов СССР. «Сборник этнографических материалов», 2, М.— Л., 1931, стр. 185.

[41] В. В. Стасов. Коньки на крестьянских крышах. Известия РАО, III, 4, СПб., 1861.

[42] Ср. с ионической капителью, представляющей в своих завитках изображение рогов барана, которые в древности вывешивались на верхах столбов.

ных столбов в яме, части наземной столбовой конструкции — завершающего этапа всего погребения. По-видимому, наземное сооружение представляло собой легкую постройку, так как никаких других следов ее опор, кроме вышеупомянутых столбов, не обнаружено.

Сопоставляя все эти данные, можно попытаться восстановить внешний вид культового сооружения. Оно было четырехугольным в плане, поскольку наиболее мощные бревна расположены по углам прямоугольника; стены были, вероятно, сложены или из легких жердей или даже сплетены из прутьев, во всяком случае никаких следов они не оставили. Возможно также, что стен не было вообще, а столбы представляли собой опору для навеса. Вероятнее всего, это сооружение завершалось коническим покрытием из хвойных веток [43], на верху которого возвышался конский череп. Обычай вешать черепа на столбы у места жертвоприношения, между прочим, описан в 20-х годах X в. Ибн-Фадланом: «Он берет некоторое число овец или рогатого скота, убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и оставляет между тем большим бревном и стоящими вокруг него маленькими, и вешает головы рогатого скота или овец на это воткнутое сзади в землю дерево» [44].

Неотъемлемыми атрибутами многочисленных древнерусских ритуальных обрядов были воск и напиток, обнаруженные и в данном случае. Издавна считалось, что любимой пищей богов являются воск и мед. Позднейший обычай ставить свечку перед иконами — это остаток жертвоприношения духам, пережиток обряда кормления духов. Свеча — это своего рода взятка богу или святым, рассчитанная на их помощь в начатом деле, на их защиту от несчастья и т. д. Представляя бесов (злых духов) в зверином образе, человек считал, что они, как и все звери, боятся огня. Поэтому при зажжении свечи, кроме кормления добрых духов, происходило и отпугивание злых.

Очень характерно почитание свечи у мордвы б. Пензенской губернии. Там все сельские населенные пункты по участию в религиозных празднествах и обрядах делились на братчины. У каждой из них была своя восковая свеча — штатол. Она хранилась по одному году в каждом доме братчины, по очереди. Хранили ее в амбаре, внося в дом только по случаю какого-либо моления, причем нести ее должен был старый, всеми уважаемый человек [45].

Что касается напитка, здесь следует обратиться к найденным керамическим сосудам. Анализ пыльцы их содержимого не дал желаемых результатов: предполагалось, что в одном из них содержался медовый напиток, часто употребляемый на братчинных пирах. Процент пыльцы в обоих сосудах ничтожен (это пыльца, случайно попавшая из окружающего слоя). Несомненным остается то, что в одном из сосудов содержатся остатки сопровождавшей жертвоприношение коллективной трапезы.

Итак, сопоставляя уже известные материалы и ранее исследованные комплексы подобного характера, можно попытаться восстановить весь процесс ритуального жертвоприношения. Первые поселенцы этого района прежде чем начать строиться на новом месте решают освятить его, принеся богам жертву и надеясь получить взамен богатство и счастье в новом доме. Трудно сказать, сколько дворохозяев участвовало в этом обрядовом действии, но, по-видимому, не один хозяин, которому было бы слишком дорого заколоть коня. Можно думать, что жертвенная лошадь была приобретена сообща. Вероятно, она имела какой-то определенный необходимый цвет, что обычно учитывалось при подобных обрядах. Перед началом

---

[43] Остатки хвои обнаружены на уровне 31 пласта в пределах ямы.

[44] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 143.

[45] М. Е. Евсевьев. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. Пг., 1914.

строительных работ был совершен обряд, который представляется нам в таком виде.

Самый уважаемый человек из участников жертвоприношения, возможно, с зажженной свечой в руках, вел коня к месту заклания. За ним двигалась вся процессия, участники которой несли все необходимое для совершения жертвы и предстоящей трапезы. Не исключена возможность, что идущий впереди читал соответствующую данному ритуалу молитву. Подобного рода действия сохранялись до недавнего времени и были записаны в 1919 г.: «Карт (священнослужитель) с горящей свечой, куском жертвенного холста, хлебом и творогом в сопровождении всех присутствующих под непрерывную игру на гуслях двигался во двор» [46].

Дойдя до места, предназначенного для принесения жертвы, участники становились вокруг заранее приготовленной ямы. Потом, вероятно, в яме зажигался небольшой костер, следы которого и обнаружены на ее дне. Очень возможно, что зажжение костра производилось от горящей свечи человеком, возглавлявшим процессию. Огонь костра должен был очистить место жертвоприношения от злых духов, способных помешать обряду. Далее предстояло самое главное — заклание жертвы. У лошади были связаны ноги, она была оглушена и после этого забита. Здесь можно предположить, что в один из горшочков была собрана считающаяся священной кровь жертвы; подобные примеры известны в этнографии. Так, у болгар во время жертвоприношения на Юрьев день белому ягненку связывали ноги, завязывали глаза, на рожках зажигали свечку; домохозяин, читая молитву, закалывал ягненка, в это время старухи кадят ладаном и мажут медом рот барашка, под его голову подставляется чашка, в которую стекает кровь [47].

В нашем случае это вполне возможно: в одном из горшочков находится масса темного цвета, липкая и вязкая.

Коня со связанными ногами (в яме на костях передних ног найдена лыковая веревка) опускают в яму, туда же кладут свечу, кнут (которым погоняли коня во время шествия). Начинается общая трапеза, обычно сопровождавшая все подобные коллективные обряды. По-видимому, в другом сосуде находилась часть коллективной пищи, погребенная вместе с конем. После трапезы, представляющей собой добровольную складчину продуктами и пивом, яма засыпается землей и участники обряда приступают к сооружению описанной выше наземной конструкции, наверху которой укрепляется заранее отрубленная голова коня.

Сравнивая комплекс этого жертвоприношения, условия погребения жертвы с уже известными, можно обнаружить некоторые закономерности при совершении подобного характера обрядов. Как уже отмечено выше, захоронения конских черепов неизменно связывались с тем или иным срубом. Вероятнее всего, эти жертвы-погребения производились отдельными семьями, независимо друг от друга. Погребения же деревянных ковшей (1953 г.) и двух бычьих черепов (1955 г.) не могут быть отнесены к каким-либо определенным постройкам, поэтому их следует связывать не с отдельной семьей, а с несколькими дворохозяевами — первыми поселенцами данных участков. Точно такой же характер имеет и новый вид жертвоприношения, непосредственно не связанный ни с каким определенным зданием. Очевидно, место этого жертвоприношения является центральным по отношению к первоначальным постройкам. Это подтверждается и топографией нижних слоев Ильинского раскопа.

Участок, на котором совершено жертвоприношение, и непосредственно примыкающая к нему площадь начали интенсивно застраиваться только с уровня 27 пласта, т. е. с конца XI в. Проследить же размер участка, отведенного под застройку первыми поселенцами, в настоящее время не

[46] А. И. Емельянов. Языческое моление черемис. ИОАИЭ Казанского университета, XXXI, 4, Казань, 1922, стр. 12.

[47] А. С. Фаминцын. Ук. соч., стр. 44.

представляется возможным. Это можно будет сделать с расширением раскопа на юг.

Что касается вопроса об этнической принадлежности первых поселенцев данного участка, выводы кажутся нам пока преждевременными. Можно только предполагать возможность переселения их с окраин Новгородской земли, где еще сохранялись в нетронутом виде подобные языческие обряды и откуда вплоть до XVI в. в Новгород проникали отголоски языческой символики.

Хронологическое сопоставление ранее известных жертвоприношений подобного рода с вновь открытым позволяет утверждать, что, несмотря на сравнительно позднюю дату культового места Ильинского раскопа, оно выступает перед нами в более сохранном языческом виде. Если исследованные на Неревском раскопе жертвоприношения совершались еще в эпоху безраздельного господства язычества, то вновь открытое относится уже к периоду, когда христианство, одержав победу над язычеством, стало единственной формой государственной религии. Относительно Новгорода следует думать, что в нем в эпоху острых политических схваток, подготовивших будущий республиканский строй, в эпоху, когда проповедь язычества волхвами приобретала ярко выраженную политическую окраску, поддержание языческих обрядов становилось неотъемлемой частью характерных для XI в. политических контрастов. Несомненно, поддерживалось язычество и положением Новгорода на окраине древнерусских земель, соседством с неславянскими племенами, языческие верования которых служили источником поддержания в обрядах и обычаях горожан Новгорода древних религиозных пережитков. Изучение этих пережитков, сопоставление их с этнографическими материалами откроет новые стороны взаимоотношения между язычеством и христианством. Большие надежды в этом отношении возлагаются на материалы дальнейших археологических работ.

Заметки

А. П. РУНИЧ

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ КИСЛОВОДСКА

В октябре 1963 г. ученик С. Пьянков под Кисловодском в районе «Замка коварства и любви» нашел отщепы обсидиана и кремня. При закладке на этом месте шурфа (2 × 2 *м*) в дерновом слое (толщиной 10—15 *см*) встретились обломки средневековой керамики, угли и кости животных (в основном барана, лошади и крупного рогатого скота). Ниже, без резкого перехода, шел стерильный слой мощностью от 35 до 60 *см*, который состоял из продуктов выветривания доломитизированного известняка. Под ним залегал второй культурный слой толщиной в среднем в 40—60 *см*, сложенный из продуктов выветривания этой горной породы, но со значительной примесью древесной золы, которая местами прослеживалась в виде прослоек. В этом слое были кусочки угля размерами до 2 × 2 *см*, обломки керамики, отщепы обсидиана и кремня, кремневые и костяные орудия, обломки каменных браслетов, керамические статуэтки, раздробленные кости животных, бусы из зубов, каменные полированные орудия и т. д.

Ниже этого слоя был материк — доломитизированный щебень, сцементированный супесью. В дальнейшем шурф постепенно был расширен в раскоп площадью в 95 $м^2$.

Этот частично исследованный нами памятник находится на левом склоне «Мокрой балки», у известной скалы, называемой «Замком коварства и любви». Расстояние от «замка» до нашего раскопа около 200 *м*. Склон ущелья, где сделаны находки, довольно крутой, в среднем 35—45°, порос травой, редким кустарником. В 6 *м* выше нашего раскопа находится отвесная скала высотой около 7 *м*, которая в виде стены преграждает доступ на своеобразный клин, образованный указанным ущельем и речкой Аликоновкой (рис. 1).

На ограниченной таким образом территории имеются следы сооружений, а с юга — остатки мощной оборонительной стены, за которой находится небольшой источник. Поверхностный осмотр этого «укрепления» и заложенный там шурф дал только обломки средневековой керамики, а на склонах в ряде мест еще обнаружены отщепы, керамика, куски браслетов и т. д.

Все найденные 245 обломков каменных браслетов сделаны из очень плотных глинистых сланцев темно-серого, почти черного и иногда кремового цвета. В поперечном сечении они имеют вид прямоугольников, иногда с закругленными углами. Преобладающее большинство браслетов с внутренней стороны имеет следы от резца в виде мелких поперечных бороздок, что свидетельствует о том, что они испорчены в процессе их изготовления, так как остальная часть браслетов хорошо отполирована со всех

сторон. Диаметры браслетов сильно варьируют. Основная масса их имеет внутренние диаметры 65—74 *мм* при сечении 7 × 4,5 *мм* (рис. 2, *3*), но есть браслеты диаметром в 87—90 *мм*, сечением 11,5 × 5,5 *см* (рис. 2, *1*) и диаметром всего 40 *мм*. В одном обломке браслета имеются просверленные отверстия.

Судя по цвету, диаметрам и сечениям браслетов, всего их здесь было поломано около 80—90 штук. Часть браслетов были довольно тонкими и хрупкими. Один «браслет» (рис. 2, *2*) вообще нельзя было надеть даже на очень тонкую руку. Это дает основание предполагать, что часть их носилась в качестве серег.

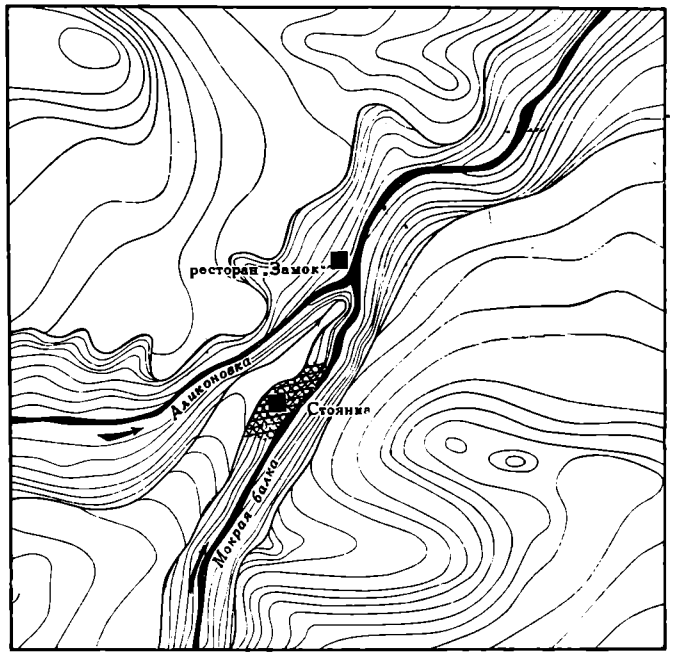


Рис. 1. Месторасположение стоянки

Кроме браслетов, из украшений найдены амулеты из зубов животных (рис. 3, *9—12*) или трубчатых костей (рис. 3, *13*). Отверстия в зубах просверлены на конус или использованы внутренние каналы (рис. 3, *12*, *13*).

Керамика представлена обломками сосудов, статуэтками, цилиндриками и кружками типа прясел. Все сосуды сделаны из хорошо обожженной глины с незначительной примесью дресвы. Цвет сосудов от кирпично-красных (обычно лощеных) до почти черных. Сосуды в основном довольно крупные, диаметром 20—35 *см*, с тонкими стенками, кроме одного миниатюрного (рис. 2, *12*). Все найденные 25 фрагментов нижней части сосудов показали, что они были круглодонными или с коническим дном (рис. 2, *13*, *14*).

Орнамент на сосудах встречается довольно часто. Он нанесен по венчику или ниже его. У некоторых сосудов венчик волнистый (рис. 2, *4—6*). Часть венчиков орнаментирована косой насечкой (рис. 2, *7—9*). Особенно характерным является орнамент в виде «жемчужин» (рис. 2, *10*), которые делались при помощи двух приемов: в теле сосуда, когда глина была еще сырой, острым орудием (рис. 3, *1*) прокалывалось сквозное отверстие и в него вставлялась глиняная заклепка, которая затем заглаживалась с внутренней стороны сосуда. Второй прием аналогичен первому, но прокол был несквозным, орудие в виде цилиндрика, а образовавшийся бугорок приобретал вид заклепки-«жемчужины» (рис. 2, *6*). Иногда встречаются и более сложно украшенные сосуды, где применены в различных комбинациях указанные выше приемы.

Интересны найденные фрагменты от восьми керамических статуэток, которые однотипны (высота от 7,5 до 15 *см*) и изображают сидящих женщин (рис. 4, *1*). Грудь статуэток плоская, шея длинная, нос передан защипом, по сторонам его по четыре сквозных отверстия, которые, видимо, изображают глаза. На голове виден головной убор с выступами в виде рожек. На одном фрагменте в районе плечей сделаны сквозные отверстия (рис. 4, *2*). Сколь можно судить по сохранившемуся фрагменту нижней части туловища (рис. 4, *3*), ноги были вытянуты вперед.

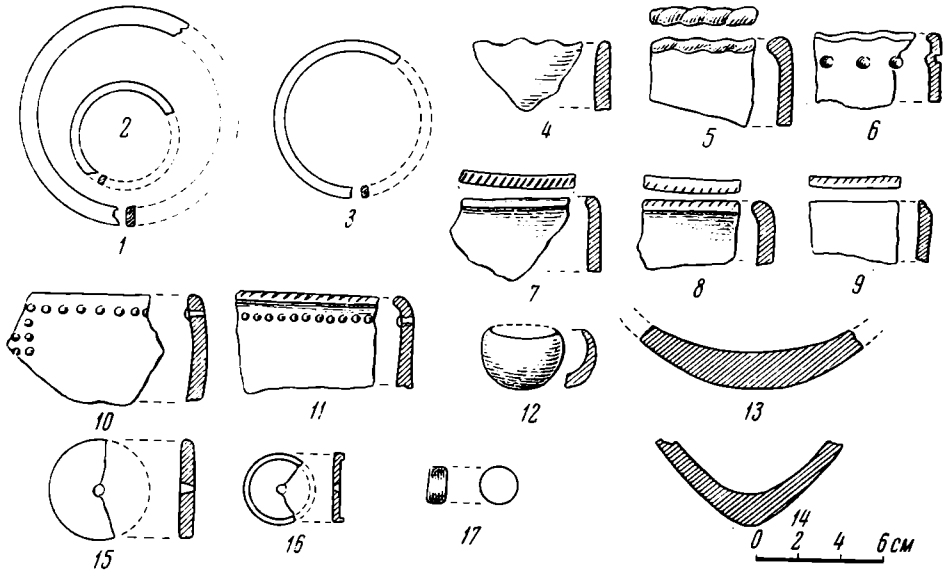


Рис. 2. Стоянка «Замок»

1—3 — каменные кольца; *4—14* — обломки сосудов; *15—16* — «пуговицы»; *17* — керамический цилиндрик

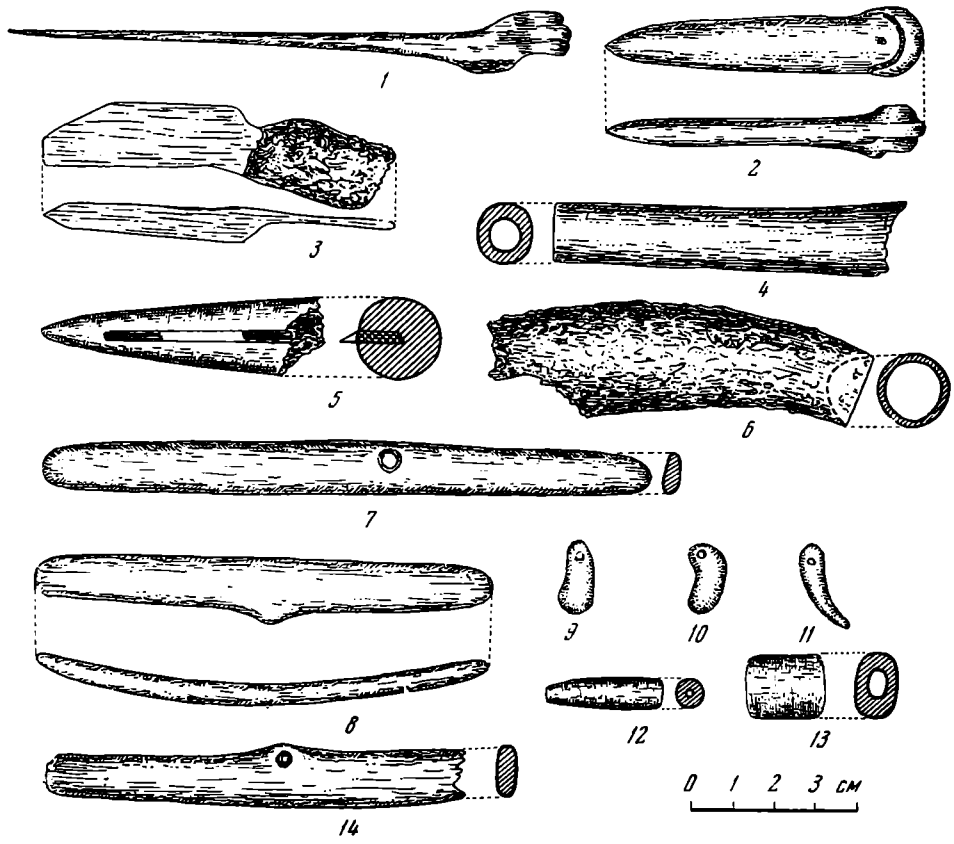


Рис. 3. Стоянка «Замок». Изделия из кости, рога и зубов животных

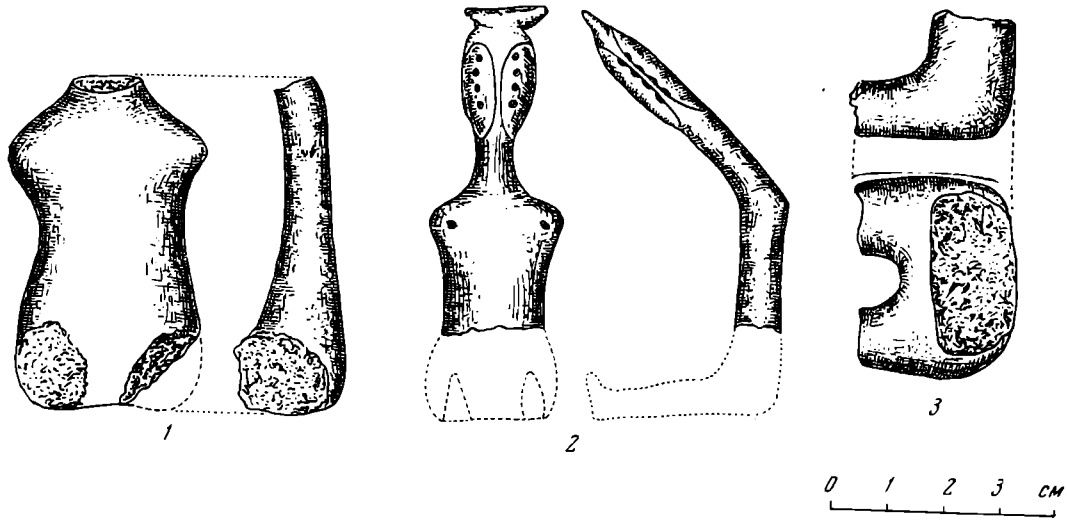


Рис. 4. Стоянка «Замок». Глиняные статуэтки

Из хорошо обожженной глины сделаны и кружки диаметром в 32—48 *мм*. Они плоские (рис. 2, *15*), а часть с бортиком (рис. 2, *16*). Отверстия сделаны на конус. На основании их малых размеров, а следовательно, и веса нужно согласиться с мнением В. А. Городцова, который подобные предметы считал пуговицами[1]. Обнаружены и керамические цилиндрики типа фишек (рис. 1, *17*), назначение которых неясно.

Отщепов обсидиана и кремня найдено 5625 (кремня 1655, обсидиана 3970). Размеры кусков разнообразны — от довольно крупных до очень мелких. Несмотря на то, что обсидиан составляет 60% общего количества отщепов, изделия из этого материала почти не встречаются, кроме одного скребка (рис. 5, *16*) и четырех маленьких пластинок. Кроме отщепов, найдено 198 кремневых орудий среди которых 150 ножевидных пластин (рис. 5, *13—17*) (76% от общего количества орудий). Некоторые из пластин (рис. 5, *16, 17*) — без обработки. Часть их оказалась вставленной в куски оленьих рогов, в которых для этого были сделаны продольные прорези (рис. 3, *5*). На поселении было найдено 32 концевых скребка (рис. 5, *8, 9*), которые составляют 16% орудий. Остальные 8% каменных орудий приходится на различные вкладыши, наконечники копий, наконечники стрел и острия-сверла (рис. 5, *1—6, 11, 12*).

Кроме орудий из кремня и обсидиана, здесь найден один полированный топорик из базальта (рис. 5, *7*), четыре гранитных песта (рис. 5, *19*), три топоровидных орудия (рис. 5, *20*) и обломки отполированных орудий, а также нуклеусы.

Костяные орудия (их найдено 19) представлены преимущественно различными проколками (рис. 3, *1, 2*). Второй тип орудия имеет рабочую часть в виде лопаточки (рис. 3, *1*). Третий представляет собой кусок трубчатой кости с хорошо отполированным концом (рис. 3, *4*) и из оленьего рога с полукруглой выемкой с торца (рис. 3, *6*). Найдены костяные пластинки с закругленными концами и сквозным отверстием в середине (рис. 3, *7*, *14*) и без него (рис. 3, *8*), назначение которых неясно.

Найденные на замковом поселении браслеты синхронны с браслетами из Мешоко[2] и несколько отличаются от браслетов из могильника в Нальчике, которые в основном имеют округлую в сечении форму[3].

---

[1] В. А. Городцев. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, III, 1911, стр. 155.

[2] А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 2, 1960, рис. 5 — *4, 5, 6*.

[3] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, 3, 1941, рис. 34.

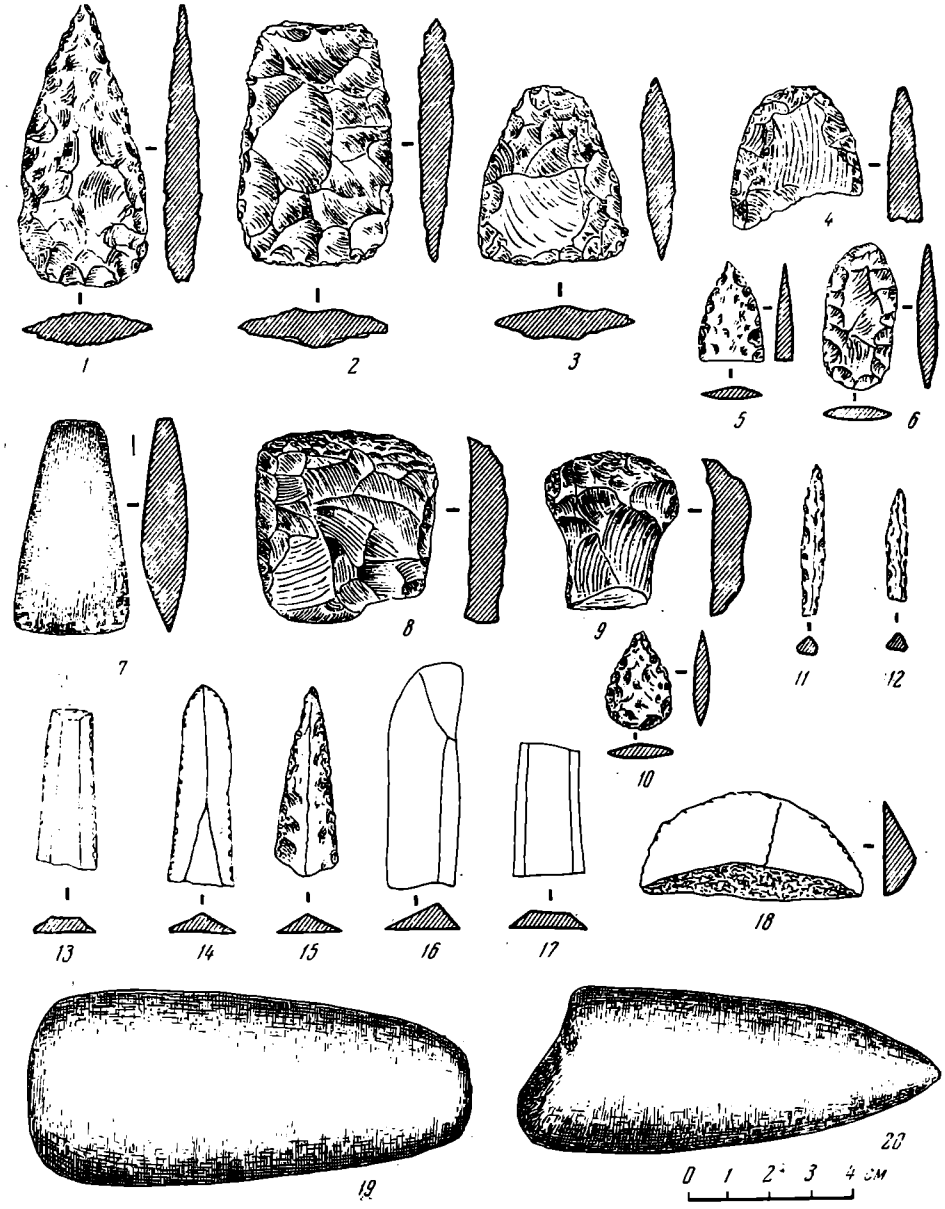


Рис. 5. Каменные орудия

1—4, 6—20 — со стоянки «Замок»; *5* — случайная находка

Отличительной особенностью найденной керамики является то, что все собранные здесь 25 фрагментов нижней части сосудов оказались круглодонными или с коническим дном, в то время как в Мешоко [4] и на Агубековском поселении [5] они были и плоскодонными. Интересны керамические статуэтки. Своеобразен и набор каменных орудий. Нужно отметить, что до раскопок здесь были известны только отдельные случайные находки времени энеолита, как например, наконечник стрелы из обсидиана с Кисловодской мебельной фабрики (рис. 5, *5*) [6] и несколько ножевидных пластин и отщепы, найденные в различных местах.

[4] А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Ук. соч., рис. 3.

[5] Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Неолитические поселения близ г. Нальчика, МИА, 3, 1941, рис. 2.

[6] А. П. Рунич. Отчет в ИИМК за 1959 г., табл. X, *10*.

Ценность этого памятника заключается еще в том, что здесь очень хорошо сохранились костяные орудия и костный материал. Фаунистические остатки с поселения немногочисленны. По определению В. И. Цалкина, они принадлежат крупному рогатому скоту (10 костей от двух особей), козе (19 костей от трех особей), свинье (13 костей от одной особи) и собаке. Из диких животных здесь обнаружены кости благородного оленя, косули, дикого кабана и выдры.

Соотношение между домашними и дикими животными на этом поселении составляет 53 и 47%. Оно дает основание считать, что охота имела большое значение в жизни обитателей.

Все сказанное свидетельствует о том, что обнаруженный у «замка» памятник является своеобразным и, безусловно, должен стать связующим звеном между западным Кавказом[7] и Кабардино-Балкарией[8].

Жемчужный орнамент, встречающийся на замковой керамике, браслеты и ряд других предметов дают основание датировать его III тысячелетием до н. э.

[7] А. А. Формозов. Периодизация поселений майкопской культуры. «Историко-археологический сборник» в честь А. В. Арциховского. М., 1962, стр. 31—42.

[8] Е. Ю. Кричевский, А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 51—62.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

ВОЛОСОВСКАЯ КЕРАМИКА ПАНФИЛОВСКОЙ СТОЯНКИ

Панфиловская стоянка, один из наиболее замечательных памятников древнейшей истории Волго-Окского междуречья, находится на берегу р. Илемни (приток Оки) в Муромском районе Владимирской области. Открытая в 1923 г. Ф. Я. Селезневым стоянка на следующий год была обстоятельно исследована В. А. Городцовым[1], а позже в 1946 и 1950 гг. раскопки памятника продолжали Е. И. Горюнова[2] и И. К. Цветкова[3]. На поселении были открыты остатки жилых сооружений. Культурный слой, кроме каменных орудий, содержал значительное количество керамики, типологически делившейся на три разновременных комплекса: ямочно-гребенчатую, волосовскую, эпохи металла. Данная заметка посвящается анализу волосовской керамики. Последняя в литературе всегда рассматривается как керамика однотипная, датируемая финальным временем существования волосовской культуры[4].

Визуальное ознакомление с материалами Панфиловской стоянки позволяет дать несколько иную оценку обнаруженной здесь волосовской керамике, что и послужило причиной появления настоящей заметки.

Волосовская керамика с Панфиловской стоянки по технологии изготовления, орнаментации и форме сосудов четко делится на два комплекса. К первому из них относятся фрагменты сосудов толщиной 0,7—1,3 *см*, с примесями раковины в тесте посуды. Горшки имели прямой или отогнутый наружу венчик, уплощенное дно. В редких случаях стенки сосудов были слегка выпуклыми (рис. 2, *1—5*).

[1] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского Гос. областного музея, II, Владимир, 1926, стр. 3—20.

[2] Автор приносит глубокую благодарность Е. И. Горюновой за предоставленную ему возможность ознакомиться с неопубликованными материалами Панфиловской стоянки.

[3] И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки. МИА, 110, 1963, стр. 71—72.

[4] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 78; И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953, стр. 31; ее же. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки, стр. 71; А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дис. Казань, 1966, стр. 19.

В керамике второго комплекса преобладают фрагменты толщиной 0,5—1,5 *см*. Примеси в ней органического происхождения. Профилировка сосудов характеризуется наряду с некоторыми чертами, роднящими ее с посудой первого комплекса, наличием Г-образных венчиков и тщательно изготовленных плоских днищ (рис. 2, *6—14*).

Анализ узоров волосовской керамики с Панфиловской стоянки позволяет выделить 25 основных орнаментальных композиций, которые делятся на три группы: а) мотивы, характерные только для керамики первого комплекса (с примесями измельченной раковины); б) мотивы, встреченные лишь на фрагментах второго комплекса (с примесями органического происхождения); в) мотивы, общие для керамики первого и второго комплексов.

Общими для обоих комплексов волосовской керамики Панфиловской стоянки являются композиции, представляющие собой зигзагообразные линии (иногда сдвоенные), выполненные гребенчатым штампом; ряды кружков диаметром 2—4 *мм*; сочетания рядов коротких, наклонно нанесенных отпечатков штампа и поясков, оттиснутых тем же штампом; сочетания вертикальных и горизонтальных нарезок или прочерченных линий; «сетка», выполненная оттисками гребенки; мотивы «шагающей гребенки»; горизонтальные и наклонные (от венчика к донышку) ряды неровных овальных углублений (рис. 1, *6—14*). Количество перечисленных выше мотивов равно девяти (из двадцати пяти!), следовательно, бо́льшая часть типов орнаментов, встреченных нами на волосовской керамике с Панфиловской стоянки, делится на две различные группы, соответствующие выделенным выше керамическим комплексам.

Для керамики первого комплекса (с примесью измельченной раковины) характерны мотивы из коротких оттисков штампа, расходящихся в разные стороны из одной точки; композиции из рядов овальных оттисков штампа в сочетании с горизонтальными линиями, выполненными тем же штампом; зигзаги из коротких и длинных отпечатков гребенки; треугольники с опущенными вниз вершинами; реже — кресты и своеобразная «лесенка». Всего шесть композиций (рис. 1, *1—5*).

Для керамики второго комплекса (с примесью органических веществ) характерны мотивы в виде «елочки со стеблем», выполненные отпечатками штампа (иногда «рамчатого»), прочерченными линиями и ямками; композиции, состоящие из расположенных под углом друг к другу зон, покрытых нарезными линиями (иногда полученный рисунок усложнялся рядами углублений); некоторые фрагменты второго комплекса покрыты ямчатыми вдавлениями, расположенными в шахматном порядке; нередко встречаются вертикальные зигзаги, выполненные отпечатками гребенчатого или гладкого штампа; большой интерес представляют собой узоры, состоящие из горизонтально расположенных многорядных зигзагообразных линий, заключенных между поясками, оттиснутыми параллельно венчику сосуда. Учитывая технику выполнения и композиционное строение рисунка, для керамики второго комплекса можно выделить десять специфических типов орнамента (рис. 1, *15—23*).

Таким образом, анализ орнаментации волосовской керамики с Панфиловской стоянки, форма сосудов и примеси в тесте позволяют говорить о наличии на этом поселении двух комплексов керамики. Некоторые сходные черты в форме сосудов (рис. 2, *1*, *4*, *5* сравни: рис. 2, *6—7*, *13*) и ряд общих орнаментальных мотивов (рис. 1, *6—14*) говорят об их близости; однако, как мы старались показать, черт различия гораздо больше (рис. 1, *1—5* сравни: рис. 1, *15—23*; рис. 2, *1—5* сравни: рис. 2, *6—14*). По мысли А. Я. Брюсова[5] и И. К. Цветковой[6], волосовская керамика с примесью ор-

---

[5] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 77.

[6] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена, стр. 32.

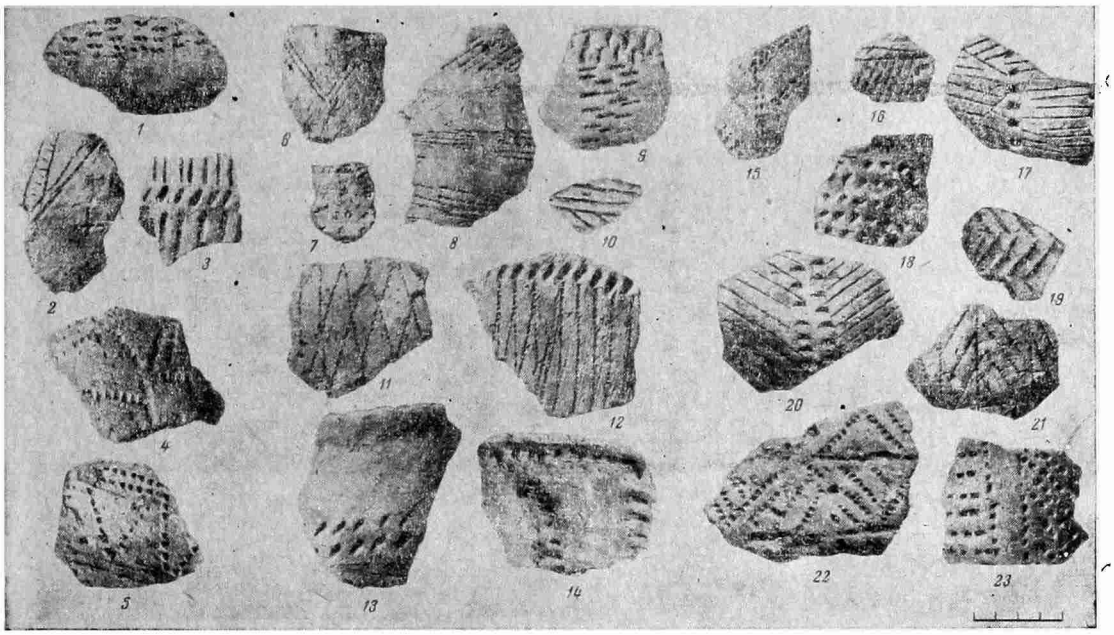


Рис. 1. Образцы орнаментов на волосовской керамике Панфиловской стоянки

ганических веществ в тесте является менее древней, чем керамика, при изготовлении которой употреблялась примесь измельченной раковины. Изложенный выше обзор волосовской керамики с Панфиловской стоянки, особенно данные по усложнению формы сосудов (большая профилировка стенок, появление плоского дна на керамике второго комплекса и т. п.), позволяет согласиться с этим заключением. Наличие двух разновременных комплексов волосовской керамики на Панфиловской стоянке свидетельствует о длительном периоде существования волосовского поселения в этом пункте, хронологические рамки которого охватывали не только финальное время волосовской культуры, как это предполагалось ранее, но и более древние периоды. Более того, для нас чрезвычайно интересно замечание И. К. Цветковой о том, что во время ее раскопок на Панфиловской стоянке не было найдено керамики раннего комплекса (с примесью измельченной раковины) [7]. Тот факт, что керамика этого типа была обнаружена на соседних участках, где проводили свои исследования В. А. Городцов и Е. И. Горюнова, позволяет предположить, что с течением времени волосовское поселение на Панфиловской дюне изменило свое местоположение (сместилось в сторону), а это еще раз подтверждает мысль о выделении двух разновременных комплексов волосовской керамики на Панфиловской стоянке.

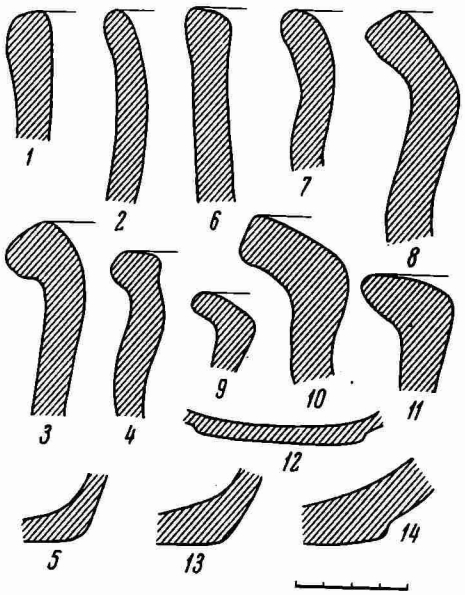


Рис. 2. Профили волосовских сосудов Панфиловской стоянки

[7] И. К. Цветкова. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки, стр. 71.

В. И. МАМОНТОВ

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У С. ЦАЦЫ БЛИЗ ВОЛГОГРАДА

В 1962 г. Астраханской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР был исследован курганный могильник у с. Цацы Калачевского района Волгоградской области[1]. Могильник состоял из 11 курганов различной величины и расположен в степи с восточной стороны грейдерной дороги, проходящей по восточной окраине села Цацы. Грейдерная дорога соединяет г. Волгоград с районным центром Садовое. К юго-западу от могильника находится оз. Цаца.

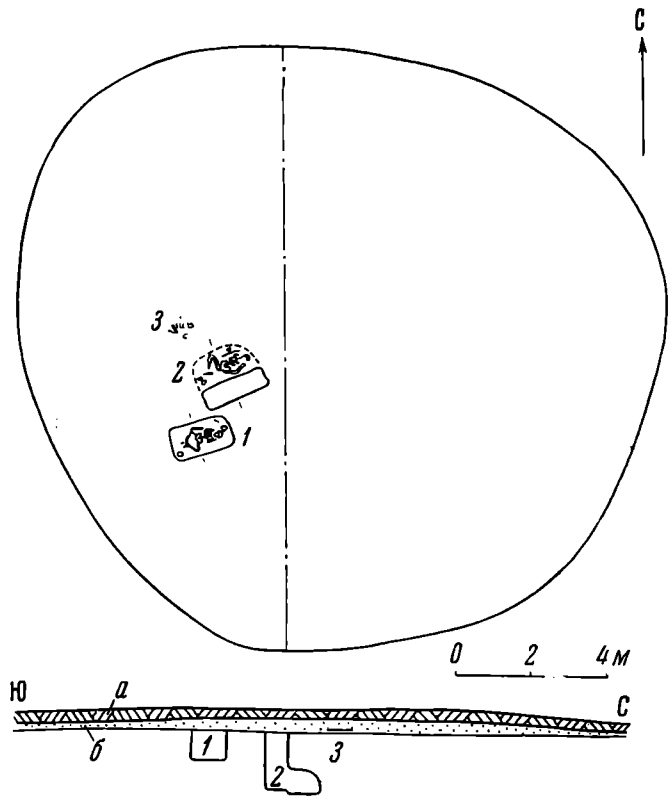


Рис. 1. План и профиль кургана № 3 у с. Цацы

Предметом настоящей статьи является публикация результатов раскопок кургана № 3, расположенного в центре могильника. Высота насыпи 0,6 *м*, диаметр по линии З — В — 17 *м*, по линии С — Ю — 16 *м*. Насыпь кургана состояла из коричневатой супеси. Курган задернован, в насыпи и в материке обнаружено 3 погребения (рис. 1).

Погребение № 1 (рис. 2, *а*) обнаружено в материке в юго-западном секторе кургана в прямоугольной яме с округлыми углами, вытянутой с СВВ — на ЮЗЗ. Длина ямы 1,60, ширина 0,9 *м*; глубина 0, 75 *м* от уровня древнего горизонта. На дне ямы лежал костяк женщины на спине с подогнутыми ногами, головой на СВВ. Руки слегка отведены в стороны. Кисть левой руки была под левой бедренной костью. На костях ног и рук следы красной охры. За черепом обнаружена лежащая на боку глиняная неорнаментированная воронка (рис. 3, *2*). Поверхность сосуда светло-коричневая с темными пятнами. Внутри и снаружи хорошо заметны следы сглаживания гребенчатым штампом. Черепок в изломе темный с включениями толченой ракушки и извести. У краев два сквозных отверстия, продавленных по сырой глине с наружной стороны, с помощью которых сосуд подвешивался на веревке или ремешке. Высота воронки 11,5 *см*; диаметр широкого края 14,9 *см*; диаметр узкого 4 × 4,5 *см*; диаметр отверстия 2,9 × 3,3 *см*. Под краем воронки — плитка серого песчаника, окрашенная красной охрой размерами 7 × 6,2 × 2,2 *см*. У черепа лежал и бронзовый нож с расширяющимся кверху черешком и плавным переходом черешка в лезвие. Длина ножа 14,8 *см*; наибольшая ширина лезвия 3,5 *см* (рис. 3, *3*). В ногах находился лепной яйцевидной формы круглодонный горшок с выделенным краем,

[1] Руководитель экспедиции В. П. Шилов.

украшенным насечками. Ниже идет поясок «жемчужин», выдавленных с внутренней стороны сосуда. С одной стороны на плечиках 6 косопоставленных отпечатков крупнозубчатого штампа. На противоположной стороне 4 оттиска ногтя, расположенных в один ряд. Поверхность сосуда светло-коричневая. Высота сосуда 12,2 *см*, наибольший диаметр 13,7 *см* (рис. 3, *1*).

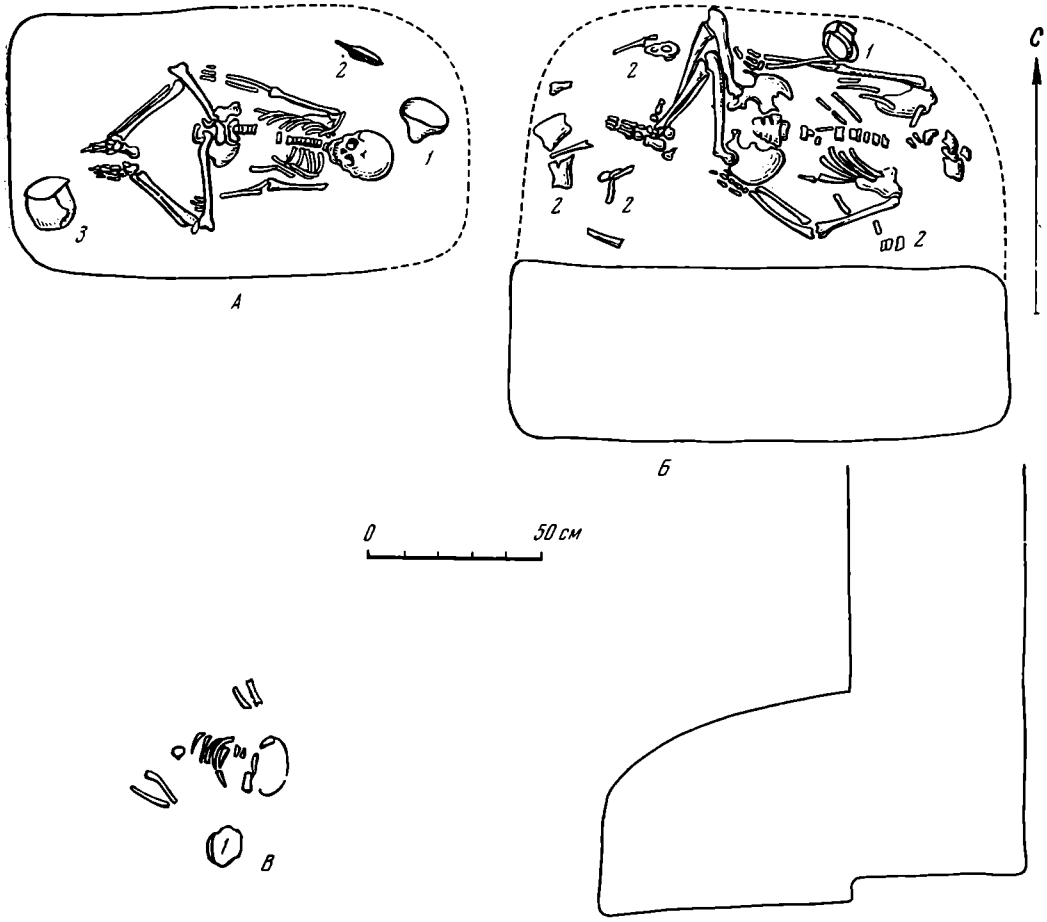


Рис. 2. Планы могил в кургане № 3 у с. Цацы

А — погребение № 1 (*1* — воронка; *2* — нож; *3* — сосуд); *Б* — погребение № 2 (*1* — сосуд, *2* — кости лошади); *В* — погребение № 3 (*1* — сосуд)

Погребение № 2 (рис. 2, *б*) обнаружено в материке в юго-западном секторе кургана в подбойной могиле, прямоугольной с округлыми углами. Колодец могилы ориентирован длинной осью по линии СВВ — ЮЗЗ. Длина колодца 1,75 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 1,50 *м*. Подбой в северной стене. Длина подбоя 1,70 *м*, глубина 0,85 *м*, высота 0,7 *м*. Ширина ступеньки 0,55 *м*, высота 0,10 *м*. На дне подбоя лежал костяк мужчины на спине с подогнутыми ногами, упавшими вправо. Погребенный ориентирован головой на СВВ. Череп его разрушен. Кисть левой руки, согнутой в локте, находилась частично под тазом. Правая рука вытянута. Возле локтя правой руки — лепной сосуд типа плошки. Поверхность сосуда коричневая с темными пятнами, черепок в изломе черный с включениями частиц извести. Высота сосуда 7,8 *см*, диаметр края 9 *см*; наибольший диаметр 11,5 *см*, диаметр слегка вогнутого донца 7 *см* (рис. 3, *4*). У левого плеча погребенного — зубы лошади, а у ног — лопатка и мелкие кости этого животного.

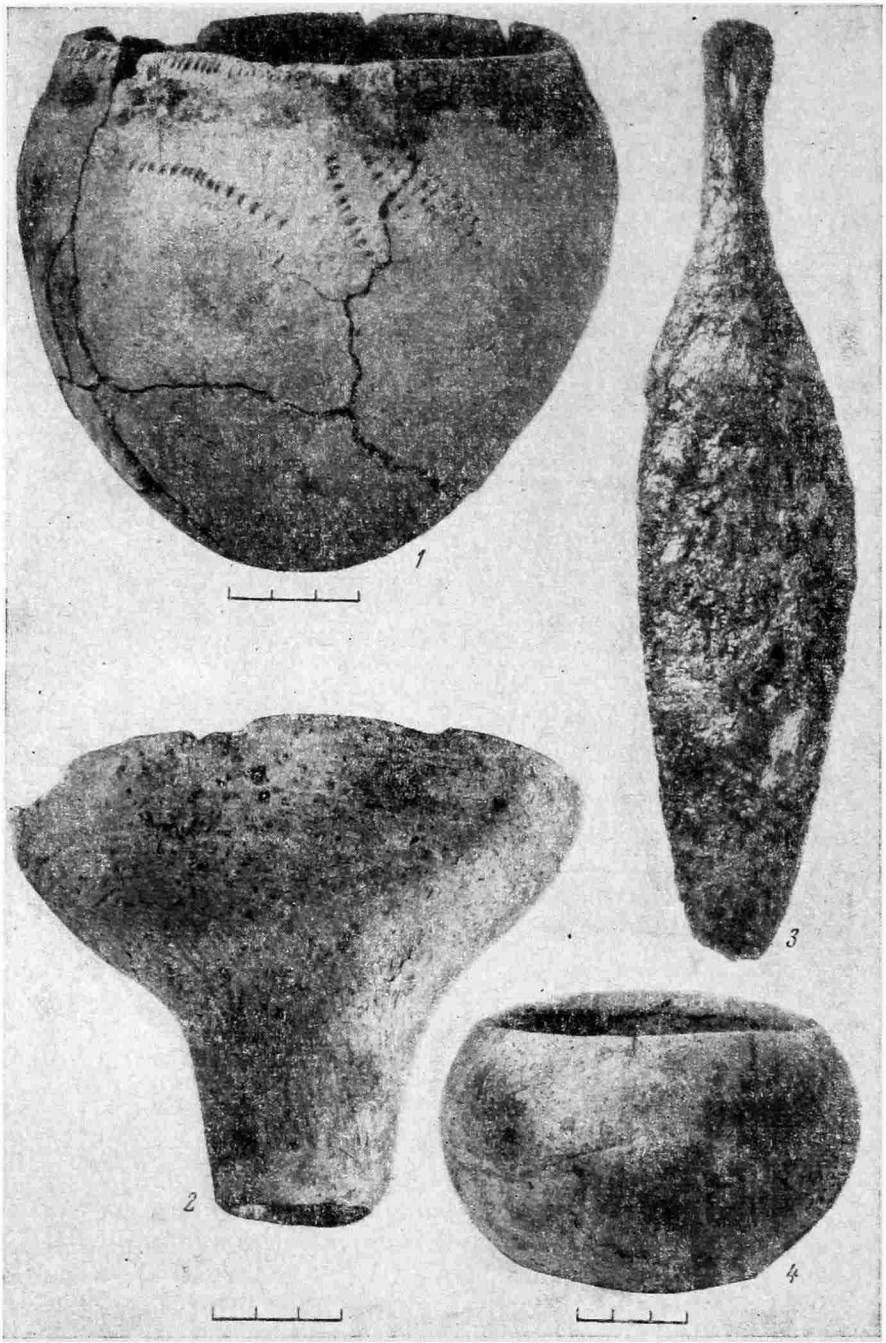


Рис. 3. Находки из кургана № 3 у с. Цацы

1 — горшок (погр. № 1), *2* — глиняная воронка (погр. № 1), *3* — бронзовый нож (погр. № 1), *4* — плошка (погр. № 2)

Погребение № 3 (рис. 2, *в*) обнаружено в юго-западном секторе кургана на глубине 5 *см* от древнего горизонта. Яма не прослежена. На дне могилы лежал костяк ребенка в возрасте 3—5 лет на левом боку, скорченно, головой на восток с небольшим отклонением к югу. Кости частично растащены грызунами. Перед лицевыми костями лежали обломки лепного сосуда с выделенным круговым ребром у края и вогнутыми боками. Поверхность сосуда светло-коричневая с желтыми пятнами, черепок в изломе темный с включениями частиц извести.

Особый интерес представляет основное захоронение № 1, которому присущи черты, характерные для ямной и катакомбной культур.

Так обряд погребения на спине с подогнутыми ногами и восточная ориентировка с наличием на костяке красной охры является типичным для захоронений ямной культуры нижнего Поволжья [2]. Бесспорно к ямной культуре относится и яйцевидный сосуд. Вместе с тем в этом комплексе встречены нож с расширяющимся кверху черешком и глиняная воронка, типичные для катакомбных захоронений [3]. Сочетание в одних и тех же погребениях черт ямной и катакомбной культур отмечено для Северного Причерноморья еще А. П. Кругловым и Ю. В. Подгаецким [4]. М. И. Артамонов рассматривал эти захоронения как результат контакта двух различных этнокультурных объединений, проживавших по-соседству [5]. Исследование катакомбных захоронений в Калмыцкой АССР в последние годы И. В. Синицыным и У. Э. Эрдниевым показало, что катакомбные племена занимали правобережье Волги, начиная с очень раннего времени [6]. Во многих захоронениях здесь встречены металлические изделия, характерные для Больших кубанских курганов. В этом районе найдены молоточковидные роговые булавки, характерные для ямных захоронений (раскопки И. В. Синицына в 1962 и 1963 гг.— материалы не опубликованы); плоские сердцевидные сердоликовые подвески, имеющиеся в комплексе из Старомышастовской станицы, и др. Новая датировка Майкопского кургана 2400 г. до н. э., предложенная А. А. Иессеном, позволяет отнести ранний этап развития катакомбной культуры Манычско-астраханского варианта к этому времени. Сочетание в захоронении у с. Цацы ямных и катакомбных черт позволяет рассматривать его как погребение позднего этапа ямной культуры, где наряду с этим проявляется уже влияние катакомбной культуры и отнести его ко второй половине III тысячелетия до н. э.

По обряду погребения, форме сосудов и орнаментации два других захоронения (№ 2 и 3) относятся к рядовым захоронениям Манычско-астраханского варианта катакомбной (№ 2) и срубной (№ 3) культур.

---

[2] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 140.

[3] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 44.

[4] А. П. Круглов и Ю. П. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, 119, М.— Л., 1935.

[5] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, 2, стр. 42.

[6] И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Элиста, 1963.

Т. Б. ПОПОВА

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПОЗДНЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Последние три года экспедиция ГИМ работала в окрестностях города Мурома и проводила систематическое обследование памятников поздняковской культуры. В результате завершены работы на Мало-Окуловском могильнике на р. Велетьме, доследован Битюковский могильник и стоянка на правой стороне реки Ушны.

Особенно интересные материалы были получены при исследовании Борисоглебского могильника, расположенного на левом берегу р. Ушны. Могильник впервые был обследован А. И. Смирновым в 1904 г., когда им было вскрыто пять курганов, не давших результатов из-за плохой методики раскопок [1]. В 1963 г. экспедиция ГИМ произвела предварительные работы на могильнике. Были раскопаны три кургана, в одном из которых было богатое поздняковское захоронение [2], дающее возможность не только говорить о принадлежности Борисоглебского могильника к кругу памятников поздняковской культуры, но и на основании совместных находок в одном погребении предметов, типичных для памятников андроновской, абашевской и срубной культур, синхронизировать его с этими культурами и датировать пока еще слабо изученные памятники поздняковской культуры.

В настоящее время в Борисоглебском могильнике исследовано 22 кургана (в 1963 г.— 3 кургана; в 1964 — 8 курганов; в 1965 — 11 курганов). Все курганы имели насыпи полукруглой или овальной формы высотою от 4 *м* до 40—50 *см*. Диаметры курганов в среднем 10—12 *м*. Весь курганный могильник концентрировался полукругом около Большого кургана, высота которого более 4 *м* при диаметре в 35 *м*.

Во всех курганах был прослежен своеобразный погребальный обряд, который типичен для племен поздняковской культуры. В нем большая роль принадлежала огню. Насыпи всех курганов изобиловали мельчайшими вкраплениями угольков и золы, заставляющими предполагать наличие нескольких кострищ, специально разложенных поблизости от места сооружения кургана. На уровне древнего горизонта во всех, без исключения курганах были обнаружены остатки погребальных костров, площадь которых занимала иногда почти всю их центральную часть. Чаще всего эти костры раскладывались уже после того, как была вырыта погребальная яма (курганы 2, 3, 6, 9, 18 и др.). Реже костер раскладывался еще до сооружения могилы (курган 17), тогда выкид из погребальной ямы лежал на слое кострища. Подобная картина погребального ритуала не раз была прослежена и в других могильниках поздняковской культуры, как например Коренецком [3], Битюковском и др.

При исследовании Борисоглебского могильника были выявлены и специфические черты, которые не наблюдались ранее в других могильниках поздняковской культуры, не только расположенных в иных районах распространения этой культуры, но даже и в непосредственной близости от Борисоглебского могильника. Так, все близлежащие могильники, такие как Мало-Окуловский, Волосовские и, наконец, Битюковский, лежащий на противоположном берегу р. Ушны, состояли из курганов, в которых погребения были в неглубоких (в 25—30 *см*) могильных ямах, а нередко и без них. В таких случаях погребенных клали на подстилке на горизонт, разводили костры, совершали весь ритуал и насыпали прямо над ним курган. Несколько иная картина в Борисоглебском могильнике. Там все до одного кургана под насыпями имели погребальные ямы. Могилы нередко достигали 3 *м* в длину и имели до 2 *м* ширины. Формы ям — от прямоугольных с округлыми углами до квадратных. Ориентировка ям в 15 случаях СВ — ЮЗ, в 4 — С — Ю, и только 3 — СЗ — ЮВ. Таким образом, можно говорить о преобладающей ориентировке на СВ — ЮЗ, и вообще о довольно строгой ориентировке в погребальном обряде. Глубина всех ям значительная, в некоторых случаях, как например в кургане № 9, она достигала 2 *м* от уровня древнего горизонта. Могильных ям таких размеров и глубины мы не

---

[1] Краткий отчет о раскопках хранится в архиве ЛОИА АН СССР за № 82/1904. А. И. Иванов. Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губ. за последнее десятилетие. Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М., 1927.

[2] Т. Б. Попова. Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. Сборник в честь С. В. Киселева. М., 1965.

[3] Т. Б. Попова. Коренецкая стоянка и могильник. СА, 1965, 1.

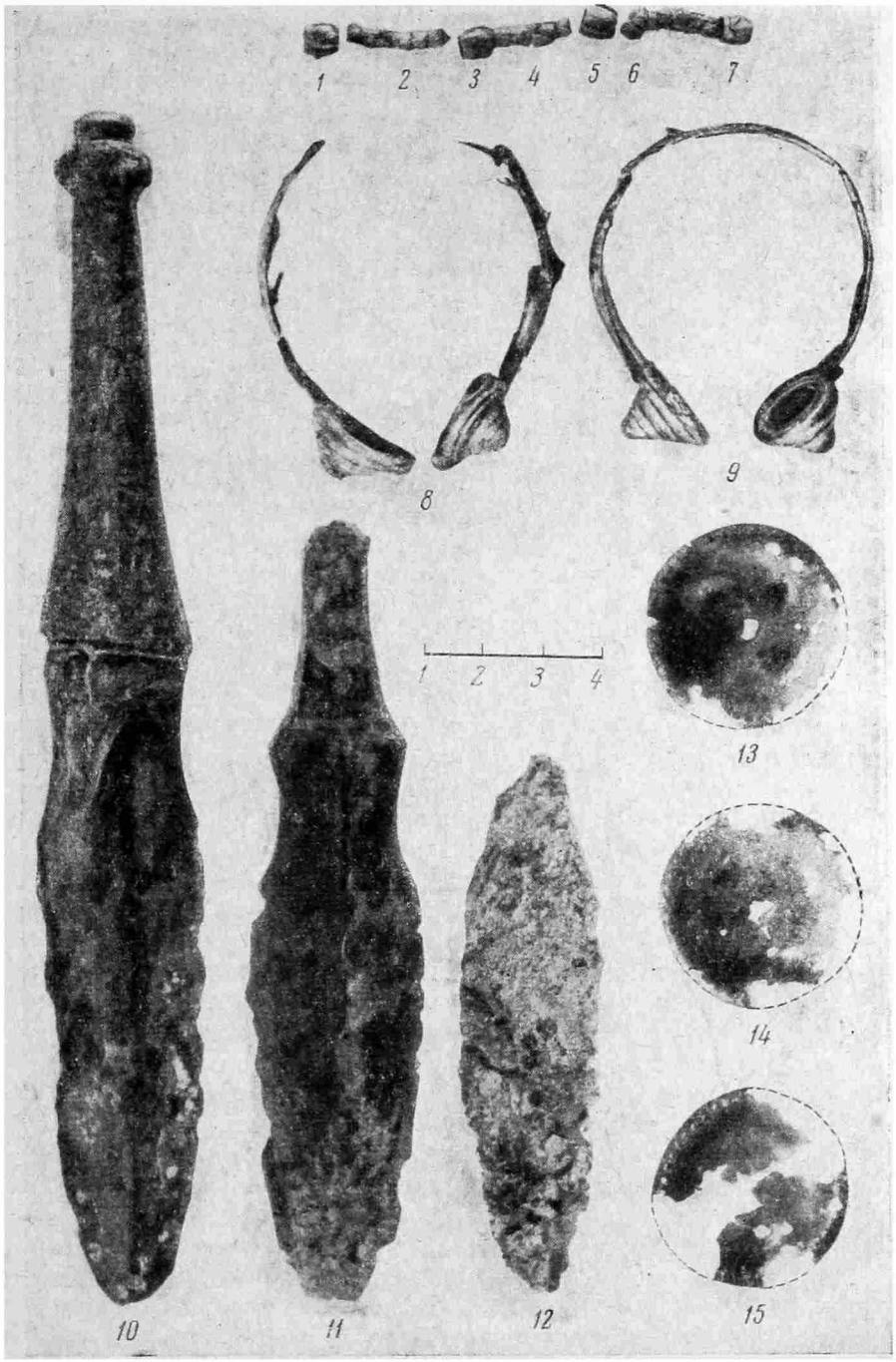


Рис. 1. Бронзовые изделия из Борисоглебского могильника

1, *3*, *5*, *7* — бронзовые бусы, курган № 3; *2*, *4*, *6* — пронизки из сурьмы; курган № 3; *8*, *9* — бронзовые браслеты, курган № 3; *10* — бронзовый кинжал, курган № 8; *11* — бронзовый кинжал, курган № 3; *12* — бронзовый нож, курган № 17; *13*—*15* — бронзовые бляхи, курган № 3

знаем ни в одном известном поздняковском могильнике. В кургане № 9 удалось проследить интересную конструкцию погребальной ямы. На уровне древнего горизонта было расчищено пятно могильной ямы, вокруг нее, как ореол, разбросанная земля с вкраплениями угольков, золы и обломков керамики. Размеры могилы 3,20 × 2 *м*. Яма имела двухметровую глубину. Ориентирована СЗ — ЮВ. Восточная и западная стенки могильной ямы имели по три хорошо выраженные ступеньки, которые были сделаны так, что на нет сходили к северной стороне ямы.

Именно из этой могильной ямы происходит орнаментированный, тонкостенный изящный сосуд на поддоне (рис. 3, *5*). Вся его поверхность окрашена красной краской. Тщательно нанесенная орнаментальная полоса на нем совершенно идентична узору на сосуде из кургана № 6 Мало-Окуловского могильника. Сосуд с поддоном в памятниках поздняковской культуры встречен впервые: поддоны хорошо известны на посуде развитого этапа у племен срубной культуры.

Рис. 2. Золотое височное кольцо из кургана № 1

Борисоглебский могильник, как по количеству курганов, так и по размерам их выделяется среди ранее известных могильников поздняковской культуры. Отличается Борисоглебский могильник разнообразием и богатством погребального инвентаря. По-видимому, он оставлен каким-то более зажиточным родом, выделяющимся среди поздняковцев. Об этом свидетельствуют и привозные предметы из бронзы, такие, как бронзовые орнаментированные пунсонным орнаментом бляхи (рис. 1, *13—15*) андроновского типа, браслеты с закрученными концами (рис. 1, *8—9*), широко известные в памятниках андроновской культуры, абашевского типа бронзовые пронизки и бусы, срубные ножи и даже золотое своеобразное височное кольцо (рис. 2). Золотые изделия до сего времени не были известны в памятниках поздняковских племен, да и вообще в памятниках лесостепной и северной полосы в эпоху бронзы.

Интересно отметить, что если ранее известные могильники, такие, как Мало-Окуловский [4], Коренецкий [5], Дикариха [6], не дали ни одного костяка, что не позволяло с полной уверенностью говорить о трупоположении, существовавшем у племен поздняковской культуры, то исследования Борисоглебского могильника дают возможность ответить утвердительно на этот вопрос. Топографическое положение почти всех могильников поздняковской культуры таково, что благодаря подпочвенным водам кости в них не сохраняются. В Борисоглебском могильнике они сохранились в ряде случаев потому, что при костяках находились бронзовые предметы, окислы которых частично законсервировали скелеты погребенных. Так обстояло дело в курганах 3, 7, 8, 11, 17. Лучшая сохранность костяка оказалась в кургане 7, где погребенный лежал плотно прижатый к восточной стенке могилы в сильно скорченном положении, на правом боку, головою на СВ. Вообще как правило, в тех случаях, когда были обнаружены остатки костяков и даже в могилах без них, судя по расположению инвентаря, можно говорить, что костяки располагались ориентированными головою на СВ или с некоторыми отклонениями и всегда, несмотря на большие размеры погребальной камеры, прижатые к восточной стенке ямы. В тех случаях, когда это можно было проследить, костяки лежали скорченно на боку. В 9 случаях в могильных ямах была отмечена охра.

Почти во всех курганах на дне могильных ям расчищены следы подстилки из коры, листьев и других растительных веществ. Только в одном

---

[4] А. В. Збруева. Мало-Окуловские курганы. СА, IX, 1947.
[5] Т. Б. Попова. Коренецкий могильник и стоянка. СА, 1965, 1.
[6] А. Л. Никитин. Дикариха. МИА, 110, 1963.

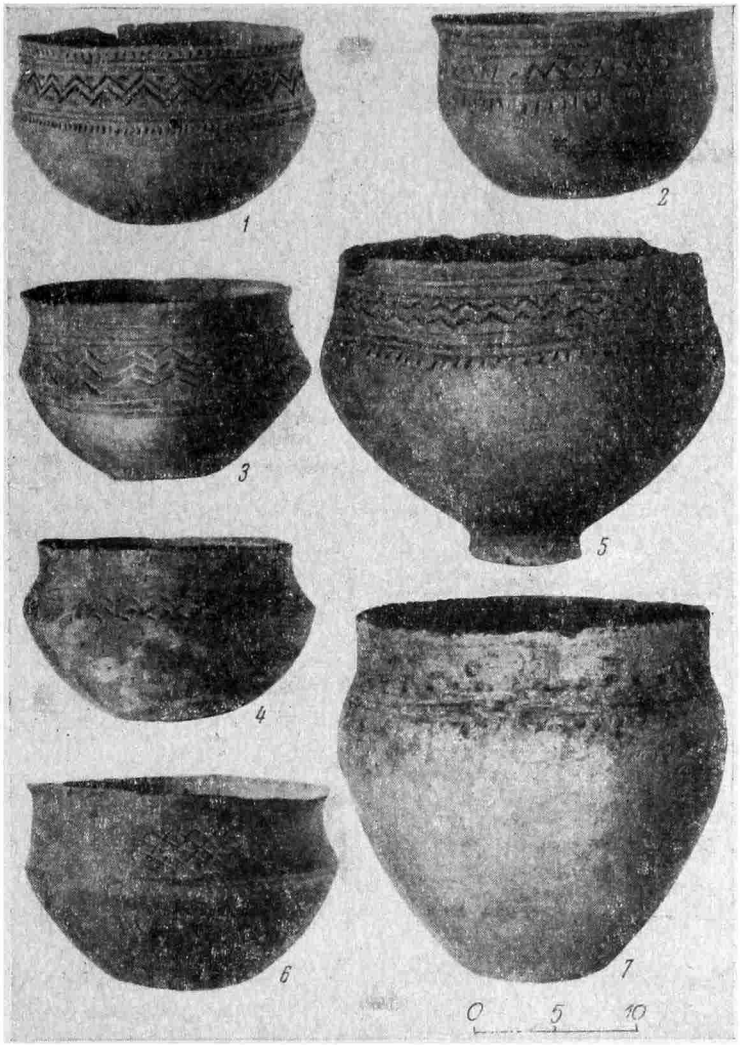


Рис. 3. Керамика из Борисоглебских курганов

1 — курган № 5; *2—4* — курган № 8; *5* — курган № 9; *6—7* — курган № 17

кургане (№ 5) из 22 исследованных обнаружены в могильной яме остатки трупосожжения. Погребальная яма под ним своими размерами, глубиной и ориентировкой ничем не отличалась от ям других курганов. Мелкие пережженные кости вместе с золой были встречены в засыпке могилы, а большая часть их концентрировалась на дне могильной ямы, в ее центральной части, около сосуда, перевернутого вверх дном (рис. 3, *1*). Такая картина захоронения свидетельствует о сожжении покойника вне могильной ямы. Очевидно, в могилу была положена на дно основная часть от трупосожжения, а меньшая постепенно закидывалась в заполнявшую могилу землю.

Значительный интерес представляет и погребальный инвентарь из курганов Борисоглебского могильника.

Рассмотрим несколько наиболее интересных погребений. Так, курган № 8 (раскопки 1965 г.) скрывал под своей насыпью большую, почти квадратной формы могильную яму (3,80 × 2,80 *м*), глубиною больше метра. Около могильной ямы зольно-углистые пятна от погребальных кострищ, тут же большой разбитый сосуд. На дне погребальной камеры, у восточной стенки ямы, остатки плохо сохранившегося скелета, лежащего головою на СЗ. В области груди погребенного в плохо сохранившемся колчане или

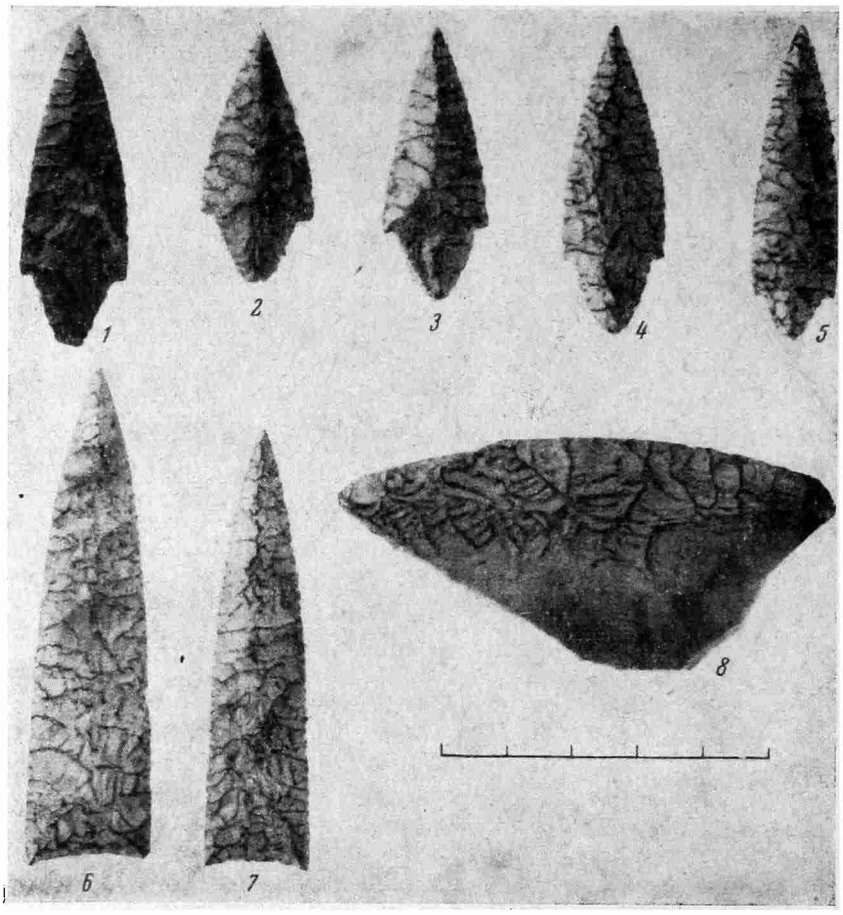


Рис. 4. Кремневые стрелы и кремневый нож из погребения в кургане № 8

сумке из дерева и кожи, бронзовый кинжал (рис. 1, *10*). Лезвие этого кинжала, как у ножей срубной культуры, с долом и намечающимся перекрестием. Весьма своеобразная рукоятка приклепана к стержню клинка. С одной стороны она заходит на лезвие, а с другой у нее полукруглый вырез. Рукоятка имеет навершие в виде пяти шишечек, более массивная из них завершает рукоять, а четыре окаймляют ее несколько ниже. Рядом с кинжалом в ряд лежало семь кремневых наконечников стрел (рис. 4, *1—7*).

В ногах погребенного стояли два орнаментированных сосуда (рис. 3, *3—4*), кремневый нож (рис. 4, *8*) и точильный брусок. Справа — еще один сосуд (рис. 3, *2*). Орнаментация и форма двух сосудов типична для керамики известных поздняковских типов.

Необычным является тот факт, что вся поверхность сосудов была густо затерта красной краской — охрой и втерта особенно густо в нарезной узор (рис. 3, *3—4*).

Подобное явление встречено не раз на керамике из могил Борисоглебского могильника и не имеет аналогичных примеров в других памятниках поздняковской культуры. Вполне вероятно, что эта керамика, специально покрашенная для погребального ритуала.

Стрелы из этого погребения — двух типов. Две стрелы (рис. 4, *6—7*) — башнеобразной формы, чрезвычайно тонкие, покрытые тщательно нанесенной струйчатой ретушью, сделаны они на тончайших длинных ножевидных пластинах. Тип этих стрел довольно редок. Лишь однажды такая стрела была найдена в одном поздняковском погребении на стоянке Чер-

ная Гора в Рязанской области[7]. Этого типа стрелы за пределами распространения поздняковской культуры известны в ряде погребений Турбинского могильника[8], где они найдены целыми сериями. Турбинский I могильник датируется XVI—XV вв. до н. э. Такие стрелы известны и в Сейминском могильнике[9], который датируется XV—XIV вв. до н. э. Близкого типа стрелы известны и в Беломорье, на стоянке Зимняя Золотица[10], отнесенной М. Е. Фосс ко времени середины II тысячелетия до н. э.

Кроме этих двух стрел в кургане № 8 Борисоглебского могильника было еще пять сделанных из пестрого кремня. Все они черешковой формы, широко известной в памятниках поздней бронзы в различных культурах: таких, как срубная, абашевская, андроновская и памятниках Верхнего Поволжья, относящихся ко времени второй половины II тысячелетия до н. э.

Гораздо сложнее с аналогиями и датировкой бронзового кинжала из этого же погребения (рис. 1, *10*). Полных аналогий он не имеет. Клинок этого кинжала без рукоятки тождествен бронзовому «ножу» из кургана № 2 Борисоглебского могильника и представляет собой широко известный тип ранних «ножей» так называемого срубного типа, бытующих в середине II тысячелетия до н. э. Рукоятка же этого «ножа», как показала рентгеноскопия, отлита отдельно и раскована, черенок обернут и окован (на рукоятке виден шов), в результате чего «нож» превратился в кинжал. По-видимому, во всех случаях ножи срубного типа с намечающимся перекрестием надо считать кинжалами, не сохранившиеся рукоятки которых были из дерева или кости, так как наряду с ними существуют еще два обычных типа листовидных ножа с черешком для насадки и без него (рис. 1, *12*).

Аналогичная рукоятка или кинжал с подобной рукояткой, как у кинжала из кургана № 8 Борисоглебского могильника, пока неизвестны. Весьма приближенные аналогии можно увидеть в кинжалах из ранних памятников Кобанской культуры. Особенно напоминает известные кобанские образцы такая деталь, как полукруглая выемка на рукояти в месте скрепления с клинком кинжала. Навершие рассматриваемого кинжала имеет 5 литых шишечек, которые являются широко известным орнаментальным приемом на керамике и других предметах во всех памятниках поздняковской культуры. Таким образом, по-видимому, можно считать этот кинжал изготовленным поздняковскими мастерами в стиле своей поздняковской орнаментации.

В этом отношении не менее интересна другая находка в кургане № 17.

Шарообразная высокая насыпь кургана № 17 скрывала большую, почти квадратную яму (3,5 × 3 *м*, глубиною 80 *см*), ориентированную СВ — ЮЗ. На дне ямы по углам с южной стороны были поставлены два совершенно различных сосуда. Один из них (рис. 3, *6*) — остроребериой формы, с нарезным узором в верхней части — обычного срубоидного типа, другой — округлых пропорций с традиционным поздняковским узором из ямок (рис. 3, *7*). Здесь in situ найдены совместно сосуды типичный поздняковский и типичный срубный. У восточной стенки, на коричневатой подстилке лежали остатки плохо сохранившегося скелета. При нем бронзовый нож листовидной формы, у теменной части черепа золотое височное кольцо в полтора оборота с украшениями в виде восьми больших и двух меньших шишечек (рис. 2). По дужке кольца идет псевдоверевочный узор. Основа этого кольца — бронзовая, на которую наложена чеканная золотая пластинка. На пластинке были выбиты с внутренней стороны, еще до накладки ее на бронзовую основу, выпуклинки и узор, идущий по дужке кольца.

---

[7] Раскопки И. К. Цветковой, материал не опубликован, хранится в ГИМ.

[8] О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964.

[9] В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней полосе России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1915.

[10] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952.

Височные кольца в полтора оборота из золота и бронзы различных типов широко известны во многих памятниках нашего юга начиная с III тысячелетия до н. э. В средней полосе они в нескольких экземплярах известны в Балановском могильнике [11]. Наиболее близкие аналогии нашему височному кольцу находим в некоторых памятниках андроновской культуры. Например, при сравнении височного кольца из Борисоглебского могильника с височным кольцом из андроновского погребения в могильнике у с. Хабарное [12], обращает внимание прежде всего одна и та же техника изготовления золотых височных колец. Оба они сделаны методом накладки листового кованого золота на бронзовую основу. Метод проковки и обкладки бронзовой основы листовым золотом довольно часто применялся андроновскими ювелирами [13]. Обращает на себя внимание и абсолютно сходная псевдоверевочная орнаментация верхней части кольца из кургана № 23 у с. Хабарное и Борисоглебского могильника. Различие височных колец заключается в наличии на височном кольце из Борисоглебского могильника шишечек, т. е. прием орнаментации присущего исключительно племенам поздняковской культуры. Это как бы местная интерпретация андроновских форм. Именно поэтому полных аналогий мы и не можем указать как для золотого височного кольца из кургана № 17, так и для кинжала с навершием из кургана № 8 Борисоглебского могильника. По-видимому, в данном случае можно говорить если не о прямом обмене, то во всяком случае о влиянии андроновской культуры на поздняковскую, тем более что вещи из кургана № 2 Борисоглебского могильника, бляхи и браслеты указывают на культурные связи и обмен.

Находки в Борисоглебском могильнике андроновских вещей, или вещей андроноидного облика, имеющих некоторые, правда, отдаленные параллели с кобанскими вещами [14], а также абашевские бусы и пронизки, «ножи» с намечающимся перекрестием ранних срубных типов, кремневые башнеобразные стрелы сейминско-турбинского типа заставляют нас датировать находки Борисоглебского могильника временем третьей четверти II тысячелетия до н. э. Кроме того, Борисоглебский могильник должен по сопоставлению поздняковских могильников Муромского района занять промежуточное место между Мало-Окуловским могильником и могильником на Волосовских дюнах [15].

[11] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963.

[12] Э. А. Федорова-Давыдова. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. КСИА АН СССР, 1964, 101, М.

[13] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, 1948, XVII, М.

[14] Е. И. Крупнов. Древнейшая история Северного Кавказа. М., 1960.

[15] Т. Б. Попова. Культурная принадлежность Младшего и Старшего Волосовских могильников. Тр. ГИМ, 40, 1966.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

К СЕМАНТИКЕ КАРАСУКСКИХ ЛАПЧАТЫХ ПОДВЕСОК

Среди изделий, выделяющих карасукскую культуру из одновременных ей культур развитой бронзы, едва ли не самыми оригинальными являются миниатюрные бронзовые подвески, известные под названием «лапчатых». Особое внимание им уделил С. В. Киселев, который очертил ареал их распространения, выделил монгольские аналогии, а также установил способ ношения этих предметов [1].

По особенностям формы карасукские лапчатые подвески делятся на три группы: в первую группу включаются подвески, имеющие округлую,

[1] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, т. VI, 2, Минусинск, 1929; его же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

реже прямоугольную головку с отверстием для привешивания в центре, стержнеобразное тело с двумя-тремя парами симметричных боковых отростков и тремя вилообразно расположенными лапками на конце (рис. 1, *1—5*). Вторую группу составляют подвески со слабо выделенной головкой и со скругленными, начинающими сливаться боковыми отростками. Число отростков увеличивается от трех до девяти пар, причем как их длина, так и ширина самой подвески увеличиваются к основанию. Эти подвески приближаются по форме к высокой трапеции с волнистыми боковыми краями (рис. 1, *6—10*). В третью группу входят подвески, имеющие трапециевидную форму и ровные боковые края. Головка полностью слилась с телом, а лапки подвески часто заменены зубцами (рис. 1, *11—14*). Кроме того, встречен ряд лапчатых подвесок индивидуального облика. Размеры подвесок колеблются от 6 до 2,5 *см*, при сравнительно равном отношении длины к ширине, 2,5 : 1.

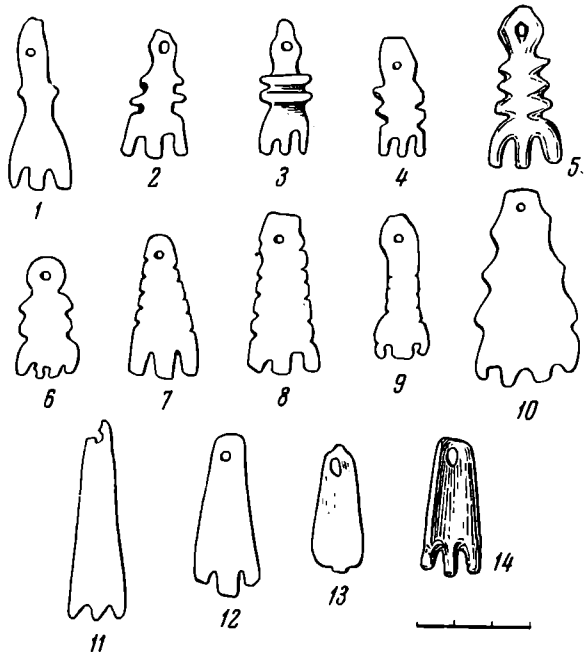


Рис. 1. Карасукские лапчатые подвески
1—5 — первого типа; *6—10* — второго типа; *11—14* — третьего типа

В настоящее время известно около 120 лапчатых подвесок. Основным местом их находок, как показал С. В. Киселев, является Хакасско-Минусинская котловина. Исследованиями последних лет установлено также их довольно, по-видимому, активное проникновение на территорию андроновской культуры Казахстана [2]. Примечательно, что лапчатые подвески, найденные вне района обитания карасукских племен, т. е. долин Среднего Енисея, относятся ко второму и третьему типам. Подавляющее большинство подвесок, до 100 экземпляров, относится к случайным находкам, остальные найдены в погребениях с инвентарем карасукского времени. Во всех случаях, когда удавалось установить пол умершего, он оказывался женским. В захоронениях женщин лапчатые подвески встречаются по несколько штук в богатых комплексах вместе с различными мелкими украшениями. Подвески вплетались в косу одна над другой, а на конце косы висели целым пучком [3]. Для удобства подвешивания применялись бронзовые колечки, остатки которых сохранились в отверстиях некоторых экземпляров. Любопытно отметить, что у нганасанских женщин наблюдалось подобное же расположение подвесок, близких по типу к карасукским лапчатым. Такое сходство тем более примечательно, что первоначальным местом обитания нганасан была, по некоторым данным, Южная Сибирь, Саяны [4]. В погребениях девочек лапчатые подвески встречаются в меньшем количестве и являются, по-видимому, единственным металлическим украшением. Возможно, они пришивались на одежду. Таким образом, лапчатые подвески являются типичнейшей принадлежностью женщин карасукской культуры. Оригинальная форма подвески наводит на мысль, что она не могла служить исключительно украшением.

[2] Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. III, *32*; VI, *47*, *48* и № 2281 (мотильник Былкылдак II).
[3] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., стр. 51.
[4] А. А. Попов. Нганасаны. М.— Л., 1948, стр 11, 122, рис 65.

При сравнении их с предметами культа и искусства эпохи бронзы обращает на себя внимание сходство лапчатых подвесок с изображениями мужских фигурок на наскальных росписях, а также и на гораздо более поздних по времени шаманских бубнах. В эпоху бронзы начинается прогрессирующая стилизация искусства, особенно сильно коснувшаяся человеческих изображений. На огромном пространстве, от наскальных изображений Альп (Валь Камоника) до писаниц Восточной Сибири изображения фигуры мужчины, относящиеся к периоду развитой бронзы, очень близки [5]. Если исходить из территориальной близости, то с лапчатыми подвесками прежде всего сопоставляются изображения мужчин на многочисленных писаницах Хакасско-Минусинской котловины. Примечательны в этом отношении фигуры на майдашинском, петрошиловском, печищенском петроглифах, а также на петроглифах из Оглахты и Копён. То же наблюдается на писанице из дер. Маткечик и на надгробных камнях раннетагарских могил близ оз. Шира [6]. Очень похожее на лапчатую подвеску изображение имеется на одной из писаниц Прибалхашья [7] и т. д.

Все эти фигурки поставлены в фас, имеют примитивно намеченную голову и стержнеобразное тело с опущенными руками, широко расставленными ногами и подчеркнутым признаком пола. Постановка ног фигур на писаницах полностью соответствует вилообразному окончанию лапчатых подвесок. Исследователи отмечают «молитвенную» позу этих изображений и сакральный характер сцен, в которых они фигурируют. Таким образом, очертания лапчатых подвесок и мужских фигур наскальных изображений эпохи бронзы поразительно совпадают. При этом не следует забывать объемность одних и графичность других изображений с вытекающими отсюда особенностями формы (рис. 2). Следует упомянуть, что в эпоху поздней бронзы изготовлялись антропоморфные бронзовые подвески, еще более близкие по конфигурации к наскальным изображениям. Одна из таких подвесок — случайная находка, хранившаяся в Новочеркасском музее [8] (рис. 2, 7).

Многочисленность парных боковых отростков на лапчатых подвесках остается пока труднообъяснимой деталью, хотя среди подвесок встречены экземпляры с одной парой отростков. Возможно, это были умноженные во много раз руки или детали специального убора. Парные двусторонние отростки, расположенные под руками, есть у фигур на оглахтинской писанице, на некоторых вновь открытых писаницах Урала, особенно поразительны они на рисунках Валь Камоники, то же встречаем на некоторых глазковских костяных скульптурках [9]. Подобие многорукости встречается также на хакасских тесах [10] (рис. 2, *6*, *8*, *9*).

Кроме мужских изображений на петроглифах, аналогию лапчатым подвескам составляют такие же изображения на шаманских бубнах Саяно-Алтайского нагорья [11]. Круг аналогий может быть расширен и дальше, так как существует значительная унификация простейших изображений мужских фигур как у древних, так и у современных народов Сибири.

---

[5] Emm. Anati. La civilisation du Val Camonica. «Mondes Anciens», 4, Arthaud, 1960; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.— Л., 1959.

[6] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910; Э. Р. Рыгдылон. Писаницы близ озера Шира. СА, XXIX—XXX, 1959.

[7] А. Г. Медоев. Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 12, Алма-Ата, 1961.

[8] Х. И. Попов. Описание археологического отдела Донского музея. S. I. et a. табл. без №, рис. 3.

[9] И. Т. Савенков. Ук. соч.; работы экспедиции В. Н. Чернецова 1961 г.; Emm. Anati. Ук. соч., рис. 60 и др.; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950, рис. 141.

[10] С. В. Иванов. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. Сб. МАЭ, XVI, 1955, рис. 1, *1*.

[11] С. В. Иванов. Ук. соч., рис. 16 и др.

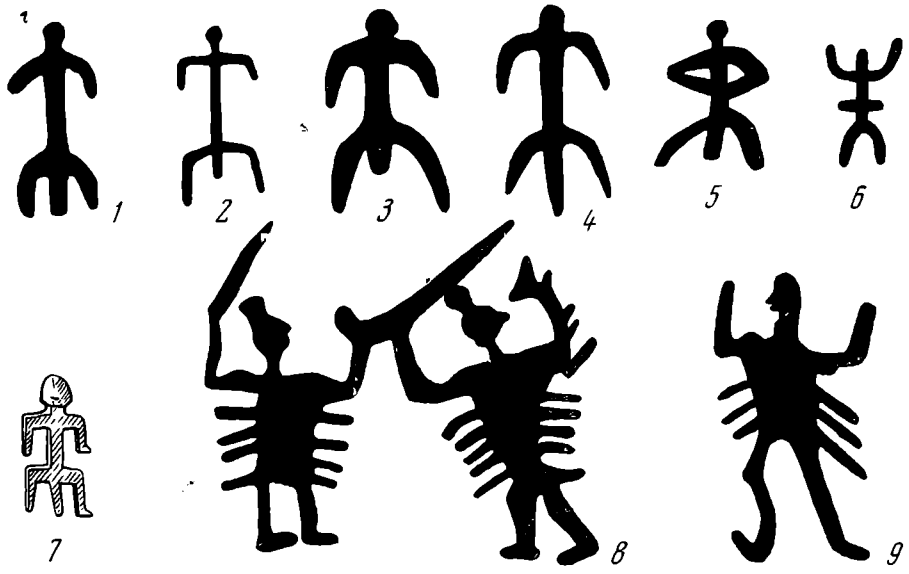


Рис. 2. Изображения мужчин на наскальных рисунках и бронзовая фигурная подвеска

Наскальные рисунки: *1*, *2* — оз. Шира, Красноярский край (по Э. Р. Рыгдылону); *3*, *4* — Минусинский край (по И. П. Кузнецову-Красноярскому); *5* — Прибалхашье (по А. Г. Медоеву); *6*, *8*, *9* — Валь Камоника, Альпы (по Э. Анати); *7* — бронзовая подвеска из Новочеркасского музея (по Х. И. Попову)

Итак, можно сделать вывод, что лапчатые подвески являются антропоморфными фигурками, изображающими мужчин. Наиболее близкими к исходному типу (мужской фигуре) являются подвески первой группы. Вторая группа их дает большую стилизацию изображения, при котором элементы фигурки, умножаясь, превращаются в орнаментальные детали. Третья группа является самой далекой от оригинала, самой упрощенной, однако и она сохраняет ведущий признак лапчатой подвески — ее окончание. Объяснение появления среди женских украшений антропоморфных фигурок с мужскими признаками следует искать в социальном строе карасукских племен. Характерный для этих племен переход к патриархату нашел выражение в шаманистских идеологических представлениях и, в частности, в появлении особого типа амулетов, отражающих культ плодородия и носившихся исключительно женщинами — лапчатых подвесок. Эскимоски, например, носят амулеты с целью способствовать рождению и охране сыновей, причем носить их начинают иногда с 5—6 лет [12]. По всей вероятности, подобные же цели преследовались и карасукскими женщинами.

Антропоморные подвески свойственны не одной только карасукской культуре. Из западных аналогов наиболее близки по форме к лапчатым подвескам антропоморфные подвески, бытовавшие в Балкано-Дунайской культуре Боян и в Триполье (Флорешты, Сабатиновка II и др.) [13]. Как и для карасукских подвесок, для них характерна пластинчатость, выделенная головка с отверстием и парные отростки по краям. Делались они из кости. Тем более близкими к карасукским представляются подвески Карбунского клада из Молдавии, сделанные из меди и символизирующие мужчин [14]. Существует восточный тип лапчатой подвески. В Монголии и Забайкалье встречаются подвески, сопоставимые с тагарскими изделиями. Была сделана попытка, однако, представить их как раннюю, исходную

[12] К. Рассмусен. Великий санный путь. М., 1958, стр. 106—108.

[13] J. Neustupny. Studie o eneoliticke plastike. Praha, 1956, табл. XII, *16*, *23* и др.

[14] Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, 1, рис. 10, *8*, *10*, *13*; 11, *1* и др.

форму как для лапчатых подвесок минусинского типа, так и для северокитайских [15]. В Монголии были найдены подвески, представляющие собой двубугорчатые бляшки с двумя скругленными и заостренными на концах ножками. Они своей формой находятся в каком-то соотношении с двубугорчатыми бляшками карасукской культуры [16].

Несмотря на приведенные аналогии, лапчатые подвески из Хакасско-Минусинской котловины приходится считать неповторимыми в своем своеобразии. Эти подвески — амулеты плодородия — возникли как проявление идеологии патриархата. В ходе развития карасукской культуры первоначальный вид этого амулета претерпел, естественно, существенные изменения, были выработаны несколько иные его типы, хотя по форме и несколько отличные от первоначального, натуралистического изображения, но, несомненно, продолжавшие выполнять свое идейное назначение.

Следует остановиться и еще на одном варианте: возможной семантической связи лапчатых подвесок с изображениями птиц. Изображения птиц на тёсах и шаманских бубнах по контурам бывают очень близки к антропоморфным изображениям и предположительно также могут быть сопоставлены с лапчатыми подвесками [17]. Целый ряд примитивных народов отождествляет птиц с душами детей и связывает их с актом зарождения [18]. Возможно, что подобные представления не были чужды карасукскому обществу и ношение лапчатых подвесок, по представлению женщин, способствовало рождению детей.

[15] В. В. Волков, Э. А. Новгородова. Карасукские привески из Монголии. СА, 1960, 4, рис. 1.

[16] J. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 4, Stockholm, 1932.

[17] С. В. Иванов. Ук. соч., рис. 99, 111 и др.

[18] А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952.

В. Л. ЕГОРОВ

ДРЕВНИЙ ШТАНДАРТ ИЗ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

В музее кафедры археологии МГУ хранится бронзовое навершие с изображением горного козла из коллекции Д. Н. Анучина [1]. Основанием для фигурки служит длинная втулка, полая внутри и овальная в сечении. Сбоку к втулке прилито кольцо, в которое продета цепь из трех звеньев, причем одно из них (среднее) замкнутое, а два с разрезами. Отверстие, имеющееся с другой стороны втулки, позволяет предположить, что здесь проходил штырь, закреплявший навершие на вставлявшемся внутрь втулки деревянном древке. Длина втулки 16,8 *см*, ширина колеблется от 3 до 4,5 *см*. Высота фигурки козла 6 *см*. Общая высота навершия 22,8 *см* (рис. 1, *1*).

В изображении животного бросается в глаза огромная дуга ребристых рогов, касающихся спины. Голова зверя не опущена вниз, как у большинства подобных изображений, а смотрит вперед, как бы оттянутая тяжелыми рогами. Уши длинные, вытянутые в виде треугольника с выемкой. Глаза изображены выступающим кружком с круглым углублением в середине. У козла изображена также и бородка. В целом скульптура несколько сжата с боков и уплощена. Фигурка животного носит следы некоторой недоработанности. Особенно это относится к ногам, которые более похожи на барельеф, а не на объемную скульптуру. Эту недоработанность и схематизм в изображении ног можно объяснить желанием мастера увеличить площадь соприкосновения фигурки с втулкой для более надежного соедин-

[1] Музей кафедры археологии МГУ, № II/1292. Случайная находка из Минусинской котловины. Пользуясь случаем, благодарю Л. Р. Кызласова, обратившего мое внимание на этот предмет.

нения. В этом изображении без труда угадывается сибирский горный козел — тэк, живущий на огромном пространстве от Южной Сибири до Гималаев [2].

Навершия с изображением стоящих зверей бытовали не только у племен Хакасско-Минусинской котловины, но и у многих племен евразийских степей от Причерноморья до Ордоса на протяжении длительного времени.

Все навершия с изображением животных, найденные на территории Хакасско-Минусинской котловины, можно разделить на две большие группы. Первая объединяет экземпляры с колоколовидными втулками, типа находки из кургана Самохвал. Они скорее всего насаживались на толстые короткие рукоятки и представляли собой нечто вроде поздних булав. Наибольшее распространение подобные навершия получили в первой и второй стадиях тагарской культуры [3].

Особую группу составляют навершия с вытянутыми втулками, снабженными ушками, в которых иногда сохраняются кольца. Эта группа, возможно, представляет собой следующий этап развития наверший. Изменилась форма втулки, добавились новые детали, и другим стало назначение предмета. К числу подобных наверший относится наш экземпляр и два других случайно найденных в Хакасско-Минусинской котловине и хранящихся в Минусинском музее.

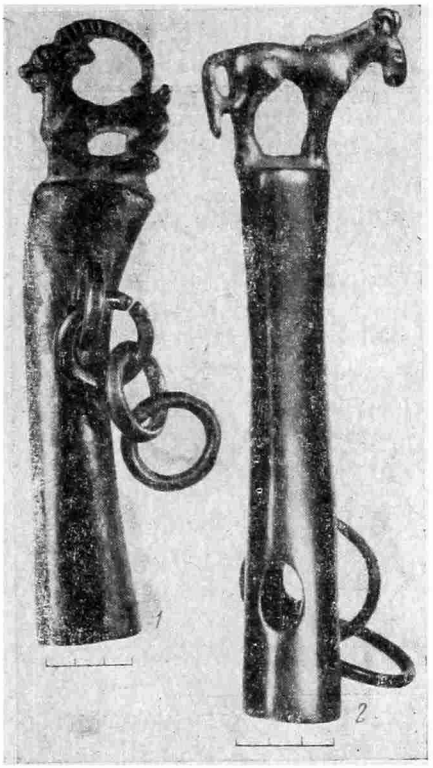


Рис. 1. Бронзовые навершия из Хакасско-Минусинской котловины

1 — навершие из коллекции Д. Н. Анучина, *2* — навершие из Минусинского музея

Точной аналогией нашему навершию является опубликованная Д. Клеменцем случайно найденная «медная рукоятка с кольцами для подвешивания» [4]. Эта «медная рукоятка» есть не что иное, как навершие, но без фигурки животного. Зато другое навершие увенчано объемной фигуркой кулана (рис. *1, 2*) [5], совершенно схожей с аналогичными позднетагарскими и раннеташтыкскими изображениями [6]. Эти два навершия с длинными втулками также имеют цепь, но из двух колец. Из более западных областей происходят еще два навершия, которые можно сопоставить с нашими (это также случайные находки). Одно из них найдено на средней Оби [7], другое в Карагандинской области [8]. Наконец, подобные же экземпляры известны из Ордоса [9].

---

[2] В. И. Цалкин. Сибирский горный козел. М., 1950.

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 243, 267.

[4] Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. 9, *2*; Минусинский музей, инв. № 745 (дер. Лепешкино).

[5] Минусинский музей, инв. № 703.

[6] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XXI, *8* и XXXVII, *12*; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 93.

[7] Р. А. Ураев, И. М. Петров. Находки на Богословском селище. Тр. Томского областного краеведческого музея, 6, 2, Томск, 1963.

[8] Е. И. Агеева. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—49 гг. ИАН КазССР, 108, 3, сер. археол. Алма-Ата, 1951.

[9] M. Rostovtzeff. The Animal Stil in South Russia. Prinzeton, 1929, Pl. XXXI, *2*; A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. F. Loo. Paris, 1933, Pl. 5, *3*.

Даже при беглом взгляде на анучинское навершие возникает впечатление, будто оно приспособлено для стремительного движения вперед. Это достигается плавно отогнутой назад верхней частью втулки и тем, что козел изображен не стоящим, как на колоколообразных навершиях, а бегущим (в прыжке). Наконец, эту экспрессию усиливает голова животного, запрокинутая до такой степени, что рога коснулись крестца.

Очевидно, мастер поставил перед собой с самого начала совершенно определенную задачу — добиться и всеми средствами усилить впечатление стремительного движения вперед не только фигурки козла, но и всего предмета в целом. Именно старание подчеркнуть художественными средствами динамизм предмета в целом и может помочь определению назначения навершия.

Использоваться в том же назначении, что и колоколообразные навершия, оно не могло — этому мешала слишком длинная и узкая втулка. Украшать дышло повозки, как это было в древнем Уре и Закавказье [10], оно тем более не приспособлено.

Наиболее вероятным является употребление этого предмета в качестве навершия военного штандарта.

За прилитые к навершию кольца привязывались развевающиеся на ветру полоски материи или кисти из конских хвостов. Подобные «хвосты» известны на древнеперсидских штандартах [11]. Арриан при описании скифских военных значков также сообщает о прикреплении к ним цветных лоскутьев [12].

М. И. Ростовцев склонен относить некоторые из подобных наверший и к специально погребальным [13]. Это кажется маловероятным. Скорее всего в погребальной процессии употреблялись те же самые боевые штандарты, которые служили при жизни умершему представителю военной аристократии знаком власти и силы.

Рассматриваемая разновидность боевых штандартов возникла скорее всего в результате слияния двух видов воинских атрибутов — колоколовидных тагарских наверший и бронзовых копий с двумя ушками на втулке, известных еще в бронзовом веке. К ушкам копий прикреплялись кисти из конских волос, служивших каким-то отличительным воинским знаком или имевших охранное значение.

Ареал их распространения охватывает огромное пространство от Тихого океана [14] до Европы [15].

Развевающиеся хвосты подобных штандартов нашли отклик в позднейших древнехакасских и курыканских знаменах, полотнища которых оканчивались двумя острыми хвостами [16].

Само изображение горного козла на штандарте является не только украшением. В него вложен несомненно более глубокий смысл. Скорее всего это животное было тотемом племени или племенного союза. Помещение тотемных животных на знаменах известно и из письменных источников. Так, золотая голова тотема древних тюрок — волка была изображена на

---

[10] В. К. Васильева, И. М. Дьяконов. Об основных этапах изобразительного искусства древнего Шумера. Тр. ГЭ, 6, Л., 1961, стр. 13; А. О. Мнацаканян. Повозки из курганов бронзового века у оз. Севан. СА, 1960, 2, стр. 149, 150.

[11] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, 34, СПб., 1914, стр. 66, рис. 33.

[12] В. К. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Тр. Отдела Востока ГЭ, 3, Л., 1940, стр. 175.

[13] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. М., 1925, стр. 330—331.

[14] «Каогу». Пекин, 1961, 2, стр. 113.

[15] В Европе имеется вариант с одним ушком на втулке — см. О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 57 сл.

[16] И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее Тр. XIV АС, I, М., 1910, табл. VIII, *XVI, 4*; А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, рис. 50, 72, 73.

их знаменах [17]. Сасанидские штандарты также увенчивались изображениями головы зверя [18].

Тотемные животные, наделенные, по представлениям того времени, большой магической силой, и должны были обеспечивать надежное покровительство. Знамена же, по верованиям древних народов, служили вместилищем гения-хранителя племени [19].

Наиболее ранние образцы наверший — колоколообразные со скульптурой козла (типа находки из кургана Самохвал) относятся к раннетагарскому времени [20]. Животные, как правило, изображаются в статичной позе, натуралистично, с подчеркнутой мускулатурой. Навершия этой группы часто отливались по частям — отдельно фигурка зверя и отдельно подставка [21]. Отливка всего навершия в одной форме, вероятно, была для того времени технически сложной задачей.

Рассматриваемое навершие отлито в одной форме за один прием, как и все навершия этой группы, что несомненно говорит о более высоком уровне литейного дела.

Многие детали изображения животного характерны уже для того времени, когда звериный стиль Южной Сибири начинает приобретать орнаментальные черты и сухость формы. Огромные, явно гипертрофированные рога козла и уплощенность всей фигуры — несомненная дань автора новым веяниям в искусстве. Характерно для этого времени и появление выемок на хвосте, ушах и бороде. Скульптуры козлов с такой деталировкой встречены в Ордосе [22]. Среди вещей аскыровского клада (Хакасия), относящегося к тагарско-таштыкскому переходному этапу (II—I вв. до н. э.), есть железная «накладка» с кольцами. Этот предмет представляет собой не что иное, как обломок втулки от подобного же навершия [23]. Совершенно сходные навершия из бронзы найдены при раскопках погребений ханьского времени (период Ранних Хань, 206 г. до н. э.— 25 г. н. э.) [24].

Из всего сказанного следует, что переходное тагарско-таштыкское время (II — I вв. до н. э.) является наиболее вероятным периодом бытования подобных наверший на среднем Енисее.

---

[17] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1952, I, стр. 229.

[18] К. В. Тревер. Ук. соч.

[19] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. «Северная Монголия», 2, Л., 1927, стр. 32.

[20] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 231, табл. XX, *3* и стр. 232.

[21] Там же, табл. XX, *3*.

[22] A. Salmony. Ук. соч.

[23] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 163, примеч. 12.

[24] «Вэньу», 2, Пекин, 1965, стр. 46.

О. А. МАХНЕВА

РАСПИСНОЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ СОСУД ИЗ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

В 1959 г. при раскопках Неаполя скифского были найдены в слое эллинистического времени в двух соседних квадратах фрагменты расписного сосуда. Собрать сосуд полностью не удалось. Сохранились лишь нижняя часть горла, плечи и часть тулова (рис. 1). Сосуд по форме напоминает лагинос, однако полная реконструкция формы невозможна из-за отсутствия верхней части горла, ручки и нижней части тулова. Тем не менее можно сказать, что сосуд наш отличается от обычных форм лагиноса шириной горла и плавным округлым переходом от плечей к горлу и от нижней части тулова к плечам. Характерные для лагиноса грани от-

сутствуют. Сосуд сохранился на высоту в 20,2 *см*, диаметр самой широкой части его — 25,5 *см*.

Глина красновато-розовая, близка родосской, сосуд покрыт светлым ангобом, поверх которого на горло и плечи нанесена роспись составом, напоминающим античный лак эллинистического времени (рис. 2). Цвет росписи варьирует от темно-коричневого до светло-коричневого. Кое-где светло-коричневый цвет переходит в оливковый, что, по всей вероятности, объясняется неравномерным обжигом.

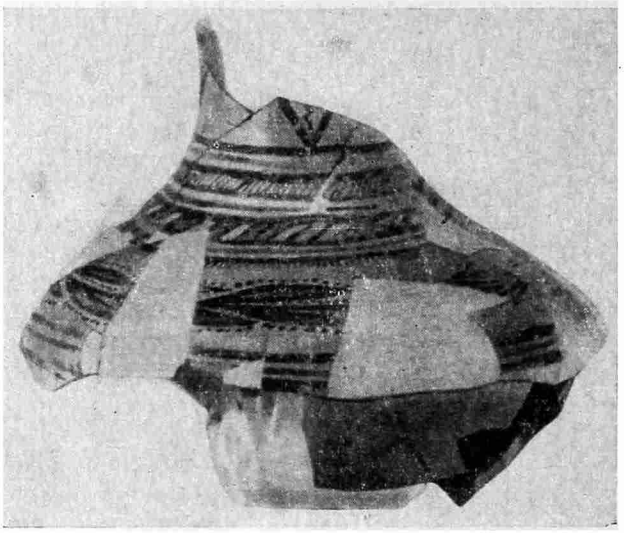


Рис. 1. Расписной эллинистический сосуд из Неаполя скифского

Горло сосуда орнаментировано уголками (может быть — нижняя часть ромбов, острым углом книзу). От угла вверх расходятся по три зигзагообразные полоски — темно-коричневая в центре и более светлые по бокам. Ромбов было, вероятно, четыре. На сохранившейся части горла видны лишь остатки двух. Внизу они ограничены двумя горизонтальными линиями темного и светло-коричневого тонов, ниже которых идет пояс, состоящий из двух параллельных линий, промежуток между ними заполнен наклонными полосками. Далее опять идет горизонтальная линия, ниже которой расположен широкий пояс, состоящий из отделенных друг от друга двойной линией наклонно расположенных ромбов, заполненных внутри более светлым лаком. При переходе к плечам — опять два горизонтальных пояска. Нижний, более темный, внизу обрамлен короткими вертикальными черточками в виде штрихов.

Ниже на тулове расположена гирлянда из лавровых листьев, прорисованных темно-коричневым лаком со светлым заполнением. Листья по контуру обрамлены точечным орнаментом. Ниже гирлянды — три горизонтальных пояска, из которых средний более светлый. Ими заканчивается плечо сосуда. На нижней части тулова — светлый ангоб без полихромной росписи.

Роспись нанесена свободно. Горизонтальные линии расположены не вполне параллельно, и толщина каждой из них не одинакова.

Прямых аналогий сосуду найти не удалось. Сходные мотивы росписи встречаются на эллинистических сосудах, найденных в Северном Причерноморье. В Пантикапее были найдены три фрагмента лагиносов, расписанных растительным узором по белому фону[1]. Цвет росписи коричневый и светло-коричневый, глина розовато-красная. Сосуды эти происходят из малоазийских центров[2] и относятся к III—II вв. до н. э. Наш сосуд был также найден в эллинистическом слое, с материалом преимущественно III в.

---

[1] ГМИИ, инв. № М-47-Э, 757, М-49-ВМ,2 124 и М-47-Э, 64.

[2] Г. А. Цветаева. К вопросу о торговых связях Пантикапея по материалам привозной расписной керамики из раскопок Пантикапея (1945—1949 гг.). МИА, 1957, 56, стр. 195, рис. 6, *5—7*.

Сосуды с росписью, нанесенной на светлую обмазку, встречаются в эллинистическом Египте. Близок к нашему сосуду лагинос из Александрии[3]. На плечах этого сосуда — гирлянда, ограниченная снизу и сверху точками. Близки по росписи также и гидрии из Александрии с гирляндами из листьев и точками[4]. Есть общее и в расположении орнаментации. У них, как и на нашем сосуде, основные элементы росписи расположены на горле и плечах сосуда, занимая только часть тулова. Гирлянды из лавровых листьев представляют один из основных мотивов расписной эллинистической керамики. Он известен и на пеликах III—II вв. до н. э.[5].

Как уже говорилось, наш сосуд отличается от обычных лагиносов по форме и размеру. У него широкое горло, высокое тулово и округлые переходы от нижней части тулова к плечам и от плечей к горлу. Сходного типа (рис. 2, *1*), по-видимому, ранний лагинос из Делоса опубликован Ж. Леру[6]. Сосуд имеет тоже высокое тулово, широкое горло, сохранившееся лишь частично, и округлые переходы к плечам и горлу. Глина сосуда красная с белой обмазкой.

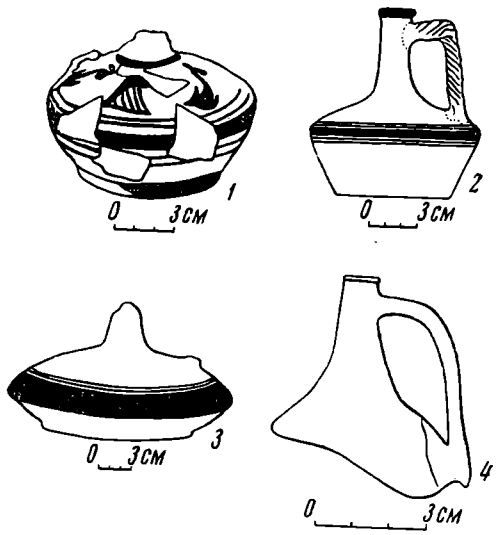


Рис . 2. Образцы эллинистической расписной керамики

1 — Делос, *2* — Артюховский курган, *3* — Делос, *4* — мавзолей Неаполя скифского

Высокое тулово, широкое горло, богатая декорировка, но уже более резкие переходы к плечам и горлу характеризуют лагинос, который держит в руках пьяная старуха известной статуи из Смирны. Леру считает эту статую работой Мирона младшего и датирует ее III в. до н. э.[7]. М. М. Кобылина относит статую ко II в. до н. э.[8]. Лагинос в руках старухи по форме является как бы промежуточным между нашим сосудом и лагиносами II в. до н. э.

Хорошо датированные лагиносы II в. до н. э., найденные на афинской агоре, приводятся Г. Томпсоном[9]. Ж. Леру[10] приводит лагинос из Артюховского кургана (рис. 2, *2*), который убедительно датируется М. И. Максимовой II в. до н. э.[11]. К этому же времени относится лагинос, опубликованный Ж. Леру[12] (рис. 2, *3*). Все эти лагиносы II в. до н. э. значительно отличаются от нашего не только формой, но и более упрощенной декорировкой. Некоторые из них не имеют белой обмазки. Хотя тулово у многих из этих сосудов и высокое, но грани между горлом и плечами ярко выражены и заострены.

---

[3] R. Pagenstecher. Die Gefässe in Stein und Ton Knochenschnitzereien. Expedition Ernst von Sieglin, II, III, Leipzig, 1913, стр. 31, рис. 147.

[4] Там же, табл. XV.

[5] М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана. СА, 1960, 3, стр. 55 сл., рис. 11.

[6] G. Leroux. Lagynos. Paris, 1913, стр. 17, рис. 6.

[7] Там же, стр. 102.

[8] М. М. Кобылина. Статуя пьяной старухи. «Искусство», 1, 1937, стр. 84. М. М. Кобылина считает, что оригинал статуи был выполнен Мироном (стр. 71), работавшим в Пергаме в III—II вв. до н. э. Поэтому статую, а следовательно, и лагинос можно отнести к рубежу III и II вв. до н. э.

[9] H. Thompson. Two Centuries of Hellenistic Pottery. «Hesperia», III, 1934, стр. 404, рис. 92.

[10] G. Leroux. Ук. соч., стр. 29, № 38.

[11] М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 54, 55, рис. 9, 10.

[12] G. Leroux. Ук. соч., стр. 19, рис. 9.

В Неаполе скифском кроме нашего сосуда найдено еще два лагиноса: один в мавзолее Неаполя, другой в некрополе. Оба сосуда более поздние. Лагинос из мавзолея (рис. 2, *4*) фрагментирован, сохранилось только конусообразное горло, остальные его части утрачены. Н. Н. Погребова датировала его I в. до н. э. [13].

Наш сосуд, судя по форме и характеру росписи, следует отнести к более раннему времени, скорее всего к III в. до н. э.

Богатая декорировка, глина, близкая к родосской, белая обмазка отличают наш сосуд от сосудов местного северопричерноморского производства этого времени, в частности, от расписных херсонесских.

Таким образом, наш сосуд типа лагинос из Неаполя скифского принадлежит расписной керамике эллинистического времени, получившей широкое распространение в античном мире в III—II вв. до н. э. Судя по характеру росписи и по качеству глины, наш сосуд изготовлен не в Северном Причерноморье; это — импорт скорее всего с островов Эгейского моря, судя по глине, скорее всего — с Родоса.

[13] Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. МИА, 1961, 96, стр. 11, рис. 36, *6*.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

ЗАМЕТКИ О СИНОПСКИХ КЛЕЙМАХ

III

В экспозиции Бахчисарайского музея выставлено клеймо, содержащее имя гончара Нона и эмблему «орел на дельфине» (рис. 1, *1*). Клеймо это до сих пор не издавалось, хотя о нем упоминали издатели [1]. Имя гончара написано в две строки, и, судя по этому признаку и эмблеме, клеймо принадлежит к самой ранней группе синопских клейм [2]. К этой группе относится 14 имен гончаров, в том числе и имя Нона, которое встречается пока только в гончарной группе и в группе астинома Эндема (рис. 1, *2*). Клеймо с именами Эндема и Нона было издано В. В. Шкорпилом [3] в заглавном шрифте. На клейме написано NONOOΣ, что является, вероятно, ошибкой резчика, который пропустил ипсилон между двумя буквами омикрон Νόνο(υ)ος.

Клеймо гончара Нона интересно тем, что оно, в сочетании с другими клеймами гончарной группы, позволяет наметить ряд разновидностей, которые затем станут характерным явлением для всех синопских астиномных групп. Гончарную группу можно разделить по крайней мере на четыре основных разновидности или подгруппы. Первую подгруппу сближает расположение надписи на клеймах. Она далеко отступает от левой вертикальной стороны клейма, и между ними образуется не занятое буквами пространство (рис. 1, *3—4*). Если бы это было случайностью, то такое расположение надписи встретилось бы один раз. Мне же известны три таких клейма: одно клеймо с именем гончара Дионисия, другое с именем Батиска [4], третье с именем Гистиея. Клейма первой подгруппы имеют различные по величине буквы.

[1] E. Pridik. Die Astynomennamen auf Amphoren und Ziegelstempeln aus Südrussland. Berlin, 1928, стр. 31, *в*, 7; В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. СА, 1960, 3, стр. 60.

[2] В. И. Цехмистренко. Ук. соч., стр. 65.

[3] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в Керчи в ноябре и декабре 1901 г. ИАК, 3, СПб., 1902, стр. 149, № 4.

[4] В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, 1, стр. 60, рис. 15; стр. 64, рис. 47.

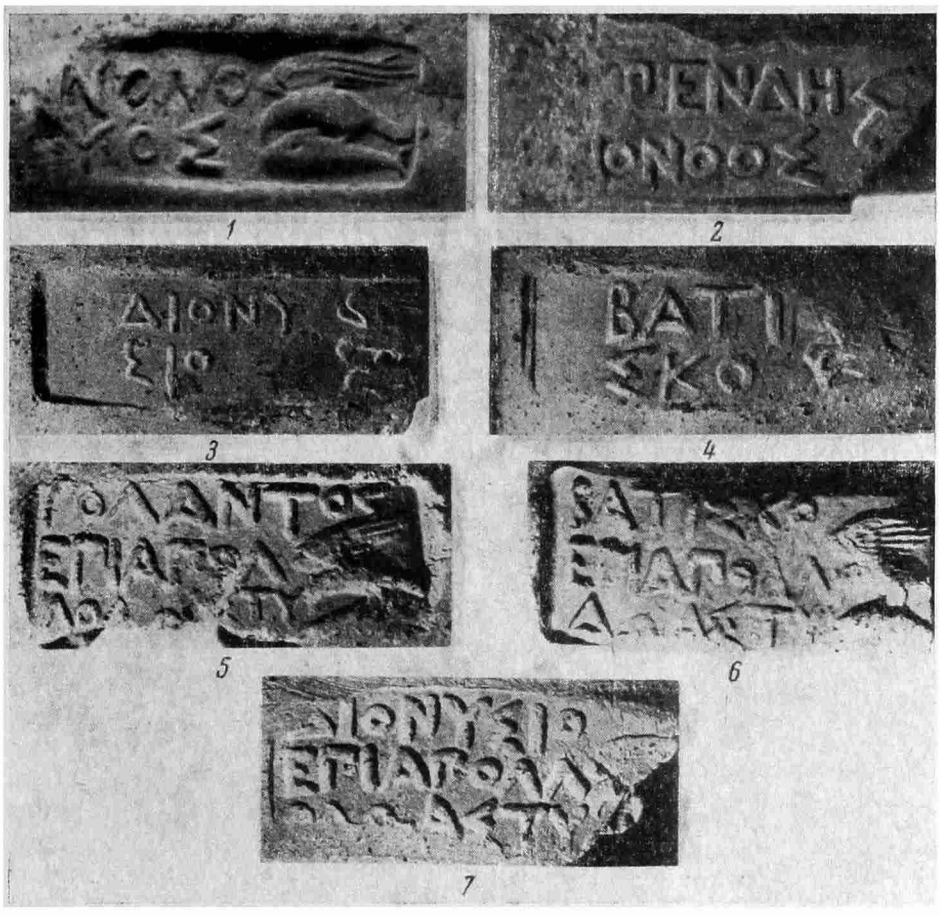


Рис. 1. Синопские клейма

Во второй подгруппе надпись вплотную примыкает к левой стороне клейма, как это обычно наблюдается на многих синопских клеймах. Мне известны шесть клейм с признаками второй подгруппы, на которых стоят имена гончаров Аспамифара, Эпикрата, Иаракта, вероятно, Лакона[5], Нона (рис. 1, *1*) и Посидония 1-го. Штемпеля обычно большого размера.

В третью подгруппу входят четыре клейма с именами гончаров Голанта, Нимакта, Посидония 2-го [6] и Тимория [7]. Отличие этой подгруппы от второй состоит в том, что все ее клейма небольшие, а надпись имеет маленькие тонкие буквы, за исключением клейма с именем Нимакта. Четвертая подгруппа представлена одним клеймом с именем гончара Формиона [8]. Клеймо негативное и без эмблемы. Не исключено, что это клеймо херсонесского происхождения.

Наличие разновидностей в синопских клеймах, на мой взгляд, объясняется существованием различных керамических мастерских, где работали свои резчики штемпелей, для которых был характерен собственный «почерк». По количеству разновидностей можно исчислять количество гончарных мастерских в отрезок времени, определяемый именем астинома. Это составляет одну из важнейших особенностей синопских клейм. Количество разновидностей и связанное с ним определение количества

---

[5] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма..., стр. 60, рис. 2—4.

[6] В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации..., стр. 61, рис. 20; стр. 62, рис. 29.

[7] Клеймо гончара Тимория не опубликовано.

[8] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма..., стр. 60, рис. 1, *5*.

гончарных мастерских может увеличиваться с находками новых клейм, в частности в той же гончарной группе, а также в других группах. Приведу пример из своей последней публикации, где мною опубликовано совершенно новое клеймо гончара Атта группы астинома Микрия (СА, 1964, № 1, стр. 324). Отмечу попутно, что иногда наблюдается уменьшение количества разновидностей в стоящих рядом астиномных группах, имеющих общий список имен гончаров. Такое сокращение числа разновидностей можно объяснить, вероятно, поглощением некоторых мелких мастерских более крупными. Поглощение и одновременно появление новых мастерских происходило в Синопе постоянно на протяжении всего периода астиномного клеймения.

Хочется также отметить, что в моей статье «Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров» была допущена ошибка. При перечислении имен гончаров, входящих в раннюю группу, названо имя Кимолия [9]. Клеймо с именем этого гончара было заимствовано мною из каталога Е. М. Придика [10]. В таком виде оно попало и в список имен гончаров, помещенных Б. Н. Граковым в первой хронологической группе [11]. Впоследствии, при знакомстве с самим клеймом в Эрмитаже, я обнаружил, что первые буквы в строчках стерты. /МΩ/.ΙΟΣ и Е. М. Придик восстановил его неправильно. Надпись должна читаться Τ[ιμώ]ρ|[ιος. Подобные клейма имеются в собраниях Государственного музея изобразительных искусств и Херсонесского музея. Поэтому имя Кимолия нужно исключить из списка имен синопских гончаров.

IV

Рассмотрим одно из клейм группы астинома Аполлодора с эмблемой «орел на дельфине» (рис. 2, *1*). Е. М. Придик [12] читал в этом клейме имя гончара Μιόσλο(υ). Б. Н. Граков сначала принял чтение Е. М. Придика [13], но впоследствии предположил, что здесь написано имя Μίος, поскольку во второй строке имя астинома обрывается на втором слоге Ἀπολ-, а в третьей строке, при продолжении имени астинома, дается слог -δω и, таким образом, пропускается слог -λο-. Этот пропущенный слог Б. Н. Граков видит в первой строке [14]. При таком толковании надписи имя астинома распределяется на трех строчках: сначала читаем вторую строчку, поднимаемся в первую и затем опускаемся в третью. Синопские клейма не дают подобных аналогий чтения надписи, но зато имеются аналогии другого рода.

Клейма группы астинома Аполлодора встречаются в нескольких разновидностях, в том числе и в разновидности, представленной данным клеймом. Обычно в этой подгруппе в первой строке поставлено имя гончара (во всех известных мне случаях оно стоит в родительном падеже), затем следует имя астинома с обязательным предлогом ἐπὶ. Имя астинома во всех клеймах этой подгруппы распределяется на двух строчках, на второй и третьей, и всегда сокращено на предпоследнем слоге АΓΟΛΛΟΔΩ. В самом конце надписи стоит название магистратуры в форме ΑΣΤΥ.

Если сравнить все клейма этой подгруппы, то можно заметить, что в третью строку переносится различное количество букв имени астинома. Их может быть четыре ΛΟΔΩ, тогда во второй строке имя астинома обрывается на АΓΟΛ. Примеры: клеймо гончара Голанта [15] (рис. 1, *5*) и

[9] Там же, стр. 62 и табл. на стр. 65.

[10] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 112, № 260.

[11] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 204.

[12] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 82, № 409.

[13] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 118, № 22 и стр. 216, № 7.

[14] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 90.

[15] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 82, № 404—405.

неизданное клеймо Керченского музея с именем гончара Невмения. Иногда в третьей строке встречаются три буквы ΟΔΩ, тогда во второй строке остается ΑΓΟΛΛ. Примеры: клейма гончаров Дионисия [16], Эпикрата [17] и Посидония [18]. Во всех этих примерах пропусков букв нет. Иначе обстоит дело в том случае, когда в третьей строке оставлены только две буквы ΔΩ. На нашем клейме (рис. 2,*1*), воспроизведенном по типу первых примеров (рис. 1, *5*), т. е. когда во второй строке остается ΑΓΟΛ, в

1 *2* *3*

Рис. 2. Синопские клейма

третьей строке ожидаются четыре буквы, однако резчик дает их только две, остальные опускаются: ἐπὶ Ἀπολ|(λο)δώ(ρου)|. На клейме гончара Батиска [19] (рис. 1, *6*), исполненном по типу вторых примеров (рис. 1, *7*), когда во второй строке остается ΑΓΟΛΛ, в третьей строке ожидается три буквы, однако здесь опять написаны только две, омикрон оказался опущенным: ἐπὶ Ἀπολλ|(ο)δώ(ρου). Трудно допустить, что пропущенная в третьей строке буква (рис. 1, *6*) была перенесена резчиком в первую строку. Омикрон в конце первой строки является окончанием родительного падежа имени гончара Батиска, как и слог λο в клейме гончара Миосла. Пропуски букв наблюдаются и на других синопских клеймах, в том числе и на клейме гончара Нона в настоящей статье (рис. 1, *2*). Поэтому на нашем клейме с бóльшим основанием читается имя Миосла, чем имя Миоса. Е. М. Придик допускал первое чтение этого имени, несмотря на то, что оно не встречалось ранее в греческой ономастике. Мы еще, вероятно, не раз встретимся с новыми именами, и их отсутствие в словарях греческих имен не может отрицать их существования. Ярким примером служит имя гончара Иараста, о котором мне уже приходилось упоминать ранее [20].

V

В коллекции Керченского музея хранится клеймо (инв. № К 4490) с эмблемой «орел на дельфине» (рис. 2, *2*) довольно необычного содержания для ранней группы. Негативная надпись состоит из названия магистратуры, имени астинома и имени гончара с отчеством. Справа от надписи — эмблема с изображением летящего влево орла с дельфином в лапах. На клейме ясно читается ἀστυνόμου| Φόρβα(ντος).|Μάνητος| τοῦ Ἐπικρά(τους). Аналогичное клеймо было издано Б. Н. Граковым, причем автор восстанавливал имя гончара как Μάν[εω], отчество же гончара совсем

---

[16] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг. ИАК, 11, СПб., 1904, стр. 61, № 229; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 82, № 406—407; его же. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, 1941, 4, стр. 179, № 8.

[17] В. Н. Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. ЗООИД, XVIII, 1895, стр. 138, № 24—26; В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 61, № 232; Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм, стр. 82, № 408.

[18] В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 148, № 75; В. В. Шкорпил Ук. соч., стр. 63, № 237; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 82, № 410—411.

[19] В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 61, № 228; В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации..., стр. 64, рис. 45.

[20] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма..., стр. 61.

не читалось на тех экземплярах, которые были в его распоряжении [21]. Хорошо была оттиснута только первая буква отчества, в связи с чем предлагалось чтение последней строки как τοῦ Εἰ....Е. М. Придик также располагал этим клеймом, поскольку в его каталоге с именем астинома Форбанта встречается имя гончара Μάνης ὁ Ἐπικράτεος [22]. Б. Н. Граков поместил это клеймо в состав своей первой хронологической группы [23], хотя его смущало наличие слова ἀστυνόμου в начале надписи. Включение этого клейма в первую группу обосновывалось тем, что эмблема и алфавит не позволяют отнести клеймо к другой группе по времени [24]. Мы предлагаем еще раз вернуться к этому клейму и детально его рассмотреть.

Клейма с эмблемой «орел на дельфине» имеют одинаковую, за исключением некоторых деталей, трактовку эмблемы: орел изображается клюющим дельфина (рис. 1; 2, *1*). Поэтому на рисунках мы видим согнутые лапы птицы, иногда вместе, иногда одна выдвинута вперед. Создается впечатление, что орел в момент терзания опирается на лапу. Голова орла наклонена к туловищу дельфина.

Совершенно иная трактовка этого сюжета на клейме с именем астинома Форбанта. Здесь мы видим орла в полете. Весь он в движении, голова на одном уровне с туловищем, лапы вытянуты, хвост приподнят. Крылья воспроизводят момент полета. Ничего подобного не наблюдается ни на клеймах, ни на монетах, с которых заимствовано изображение.

Надпись на клейме также сильно отличается по содержанию и формуле построения от остальных клейм с этой эмблемой. Название магистратуры в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ расположено на первом месте и предшествует имени астинома. Обычно же название магистратуры в клеймах с эмблемой «орел на дельфине» дается в сокращении ΑΣΤΥ и ΑΣΤΥΝΟ. Правда, на последнем этапе первого периода, куда мы помещаем все клейма с эмблемой — городским знаком, в разновидностях встречается ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ, но это слово всегда располагается между собственными именами с предшествующим именем чиновника. Поэтому формула построения надписи с именем астинома Форбанта отличается от обычных формул первого периода.

Употребление имени гончара с отчеством также не находит аналогий в ранних синопских клеймах. Таким образом, ни по формуле построения, ни по содержанию надписи, ни по трактовке эмблемы это клеймо не может быть помещено в первой хронологической группе. Правда, по шрифту оно сближается с некоторыми ранними клеймами, но аналогии можно найти и в более поздних клеймах.

К какому же времени нужно отнести клеймо с именем астинома Форбанта? Наше клеймо сближается с теми клеймами третьего периода, на которых имя гончара употребляется с отчеством, а название магистратуры в разновидностях в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ расположено на первом месте. Например, на клеймах с именем астинома Феариона в одной из разновидностей магистратура встречается в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ и имя гончара в именительном падеже с отчеством Σάγαρις Νουμηνίου [25]. На клеймах группы астинома Аристокла встречается разновидность, в которой с магистратурой в форме ΑΣΤΥΝΟ употребляется имя гончара с отчеством в родительном и именительном падежах Ἀριστα γόρου τοῦ Πολύκτορος [26] и Μαντίτεος Ἀττείος (последнее клеймо не издано).

---

[21] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма, табл. 3, *1*.
[22] E. Pridik. Ук. соч., стр. 30, Ea, 11.
[23] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 116, № 23.
[24] Там же, стр. 117.
[25] В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 140, № 33; В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 71, № 285.
[26] В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, 51, СПб., 1914, стр. 122, № 8—10; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 82, № 414; Б. Н. Граков. Ук. соч., табл. 8, *1*.

На клеймах с именем астинома Полихарма в трех разновидностях название магистратуры встречается в форме ΑΣΤΥΝΟ между собственными именами, причем на клейме Нумения имя гончара с отчеством [27], в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ между собственными именами и в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ на первом месте [28].

При астиноме Посидонии (эмблема «палица») также можно выделить три разновидности: ΑΣΤΥΝΟ между собственными именами [29], ΑΣΤΥΝ ΟΜΟΥ между собственными именами [30] и магистратура ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ на первом месте перед именем астинома. На этом же клейме имя гончара поставлено в именительном падеже с отчеством [31]. Последнее клеймо по формуле построения и содержанию надписи дает полную аналогию нашему клейму (рис. 2, *3*). Шрифт тонкий, некоторые омикрон и омега подняты, как и на клейме с именем астинома Форбанта. Поэтому мы считаем возможным поместить этого астинома с эмблемой «орел на дельфине» во второй этап III периода, где это клеймо встречает больше аналогий, чем в первом периоде. Вероятно, астиномов нельзя группировать только на основании одного сходства мотивов эмблем.

Среди астиномов второго этапа III периода уже встречается имя Форбанта. На клеймах этого астинома намечается несколько разновидностей: ΑΣΤΥΝΟ между именами [32], ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ между именами, причем одно из клейм негативное [33], магистратура в форме ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ [34].

Принимая во внимание, что на этом этапе развития синопских клейм начинается переход названия магистратуры со второго места на первое, что было проиллюстрировано разновидностями в группах астиномов Полихарма и Посидония, при астиноме Форбанте тоже может встретиться такая разновидность. Не является ли клеймо с эмблемой «орел на дельфине» такой разновидностью? Правда, в этом периоде имя астинома уже сопровождается постоянной эмблемой и астиному Форбанту обычно сопутствует эмблема «канфар», но на этом же этапе при астиноме Протофане на четырех известных нам клеймах помещаются четыре различные эмблемы: «гроздь» (клеймо не издано), «цветок лотоса» (не издано), «герма» [35] и неясная эмблема, которая описана у Е. М. Придика как «дельфин» [36]. Поэтому не исключается, что Форбант с эмблемой «канфар» и Форбант с эмблемой «орел на дельфине» могут быть одним лицом. Тогда становится понятной совершенно новая трактовка мотива эмблемы. К этому времени «орел на дельфине» исчезает с синопских монет, и эта эмблема, по вполне вероятному предположению, может оказаться знаком одной из гончарных мастерских конца IV в. до н. э.

---

[27] В. Н. Юргевич. Ук. соч., стр. 147, № 71; В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 79, № 327; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 95, № 702.

[28] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные при раскопках..., стр. 144, № 66; стр. 129, № 42; его же. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 53, № 193; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 77, № 319.

[29] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 80, № 329; его же. Керамические надписи, найденные при раскопках..., стр. 144, № 68.

[30] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 76, № 719.

[31] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 54, № 194 б; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 77, № 320.

[32] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 99, № 722.

[33] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 85, № 359; Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 99, № 768.

[34] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные при раскопках..., стр. 146, № 78; его же. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 85, 360 и др.

[35] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем..., стр. 82, № 341.

[36] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм..., стр. 128, № 20.

А. Г. ГУБАЕВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Археологические памятники сасанидского времени на территории южного Туркменистана изучены весьма слабо. Характеризовались они главным образом по подъемному материалу.

С 1946 г. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона уделяет много внимания изучению раннесредневековых памятников Туркмении. В 1947 г. XI отряд ЮТАКЭ под руководством Б. А. Литвинского изучал маршрут древнего дорожника Исидора Харакского [1]. Было обследовано несколько замков раннефеодального времени и ряд сасанидских памятников в районе между Ашхабадом и Кызыл-Арватом [2]. В 1949 г. изучались сасанидские памятники у станции Душак и Меана [3], а в 1948—1949 гг. изучение сасанидских памятников Ашхабадского района проводилось краеведом А. А. Росляковым, по линии общества «Юный историк» при Ашхабадском дворце пионеров [4].

В 1951 г. сасанидские памятники Мисрианской равнины изучались В. М. Массоном [5]. В историко-архитектурном отношении памятники сасанидского времени юго-восточных районов Туркмении были исследованы Г. А. Пугаченковой [6]. Широкие раскопки слоев сасанидского времени проводились в древнем Мерве [7].

Раннесредневековые замки подробно изучены в Беркут-калинском оазисе в Хорезме [8]. В Ташкентском оазисе раскапывалось Ак-тепе [9], в Тохаристане — Балалык-тепе [10]. Исследован знаменитый замок на горе Муг в Согде [11].

В 1964 г. были поставлены стационарные раскопки на сасанидском замке Ак-депе в южном Туркменистане. Он был обследован ЮТАКЭ в 1947 г. [12], а в 1963 г. нами были произведены на этом памятнике разведочные раскопки. Летом 1964 г. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР была организована экспедиция в юго-восточные районы Туркменистана с целью выявления и обследования памятников сасанидского времени [13]. В ходе работ было осмотрено 72 памятника, в том числе Ак-депе.

---

[1] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ 1947 г.). Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 38.

[2] Б. А. Литвинский. Краткий полевой отчет о работе XI отряда ЮТАКЭ в 1947 г.— Там же.

[3] М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Там же, V, Ашхабад, 1955, стр. 208.

[4] А. А. Росляков. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада. Там же, стр. 84—86.

[5] В. М. Массон. Изучение культуры древнего Даехистана в 1951 г. Изв. АН ТуркССР, 1953, сер. обществ. наук, N 1.

[6] Г. А. Пугаченкова. Раннефеодальное зодчество (IV—X вв.). Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, Ашхабад, 1958, стр. 121.

[7] М. Е. Массон. Краткая хроника..., стр. 208.

[8] Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1954—1956 гг. М., 1959, стр. 98; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 137; А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме, СА, 6, 1940, стр. 177.

[9] А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. ИИА АН УзССР, I, Ташкент, 1940, стр. 72.

[10] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 18—20.

[11] А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг (предварительный отчет) Согдийский сборник. Л., 1934, стр. 18.

[12] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская..., стр. 38.

[13] В состав экспедиции входили: О. Оразов, А. Губаев.

На замке Ак-депе были проведены стационарные раскопки. Холм Ак-депе расположен в 4 *км* к северо-западу от станции Артык Ср.-Аз. ж. дороги. В 150 *м* к северу от Ак-депе проходит южный вал Мерз. Он тянется с перерывами с запада на восток от района Меана до Баба-Дурмаза, на протяжении около 200 *км*. На наиболее хорошо сохранившихся участках его высота — 1,5—2 *м*, а ширина — 2,5 *м*. Этот вал имел оборонное значение, и обитатели замка использовали его как стену, ограждающую с северной стороны усадьбы около замка.

Развалины замка Ак-депе представляют собой овальный холм длиной у подножия 114 *м*, шириной 115 *м*. Размеры его по верхней площадке 90 *м* на 54 *м*. В юго-западной части холма прослеживается довольно глубокая лощина, по-видимому, место былого въезда. Глубина ее от поверхности холма примерно 4—5 *м*.

Холм Ак-депе окружен рвом, проходящим в 5,5 *м* от его подошвы. Ширина рва около 12,5 *м*. У подножия холма, кроме юго-западной части, сохранился шлейф, идущий наружу с небольшим наклоном. Вокруг центрального холма Ак-депе на расстоянии 15—20 *м* имеются всхолмления различных размеров.

Раскопочные работы производились на вершине замка. Нами были раскрыты три жилых и одно хозяйственное помещение. Они заполнены плотно спрессованными обломками сырцового кирпича. В забутовке встречаются фрагменты керамики и кости животных. Там же было найдено десять пряслиц биконической формы из глины и одно пряслице из мрамора.

В юго-восточной части комнаты № 1 был обнаружен жернов и рядом подпяточный камень, а у юго-восточной стены этой же комнаты были найдены семена ячменя, пшеницы и тыквы.

В северо-западной части замка Ак-депе была заложена траншея длиной 30 *м* и шириной 2 *м* с целью выяснения характера внешнего края оборонительных сооружений. В траншее удалось обнаружить внешнюю грань обводной стены замка, прослеженной на высоту до 2 *м*. Первоначальная толщина этой стены около 2 *м*, но затем к ней с внутренней стороны была сделана прикладка той же толщины. В нижней части траншеи была вскрыта круглая в плане керамическая печь, сложенная из сырцового кирпича размера: 39 × 42 × 8—10 *см*, 40 × 40 × 10 *см*, 42 × 42 × × 8—10 *см*, 38 × 38 × 8 *см*, местами сохранилась промазка толщиной 4—5 *см*. Высота сохранившейся части печи 2,60 *м*. Верхний диаметр ее в сохранившейся части — 2,5 *м*, диаметр дна печи — 3 *м*. Перекрытие печи сводчатое. Под, разделявший обжигательную камеру печи от топочной, не сохранился. Горн был пристроен с наружной стороны оборонительной стены. На полу печи в юго-западном углу были обнаружены обломки хумов (рис. 1).

Среди находок в печи интересны парные камни, возможно, служившие подшипником ручного гончарного круга [14] (рис. 2, *8*, *9*).

На поселении в 50 *м* к северо-западу от замка был заложен шурф 2 × 2 *м* и глубиной 3 *м*. Шурф прорезал стену из сырцового кирпича толщиною в 30 *см*, идущую с востока на запад (размеры кирпича 38 × × 38 × 8 *см*). Были прослежены уровни пола постройки времени первого строительного периода Ак-депе. В шурфе много керамики, среди которой есть кувшины с высоким горлом, плавно переходящим к тулову. Большинство из них изготовлено на гончарном круге. Черепок в основном желтовато-красного цвета. Орнаментация у всех сосудов одинаковая: они украшены рельефными горизонтальными линиями, между которыми

---

[14] В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, рис. 4; стр. 43; А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаба. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 37, *2*, стр. 138.

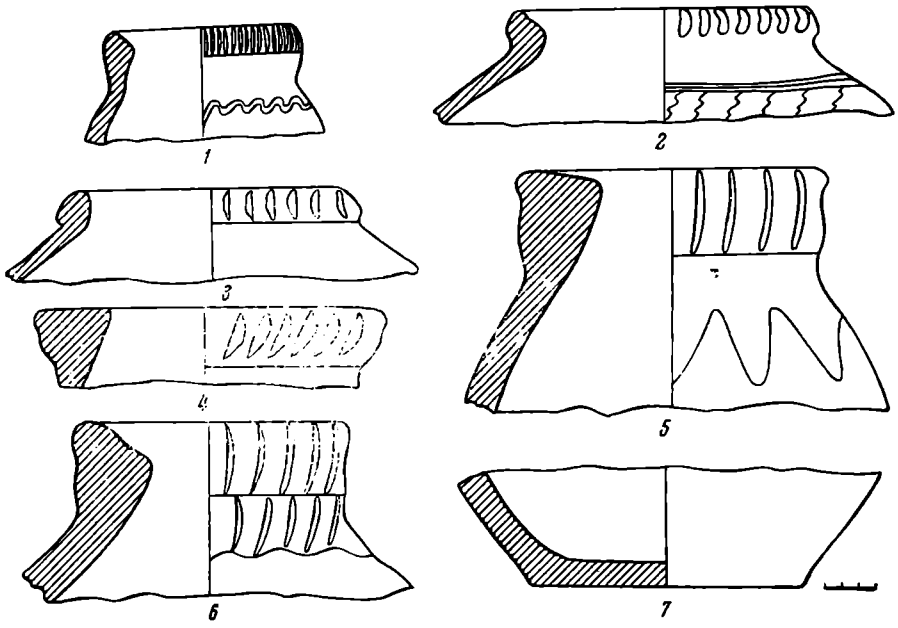


Рис. 1. Ак-депе. Хумы из гончарной печи

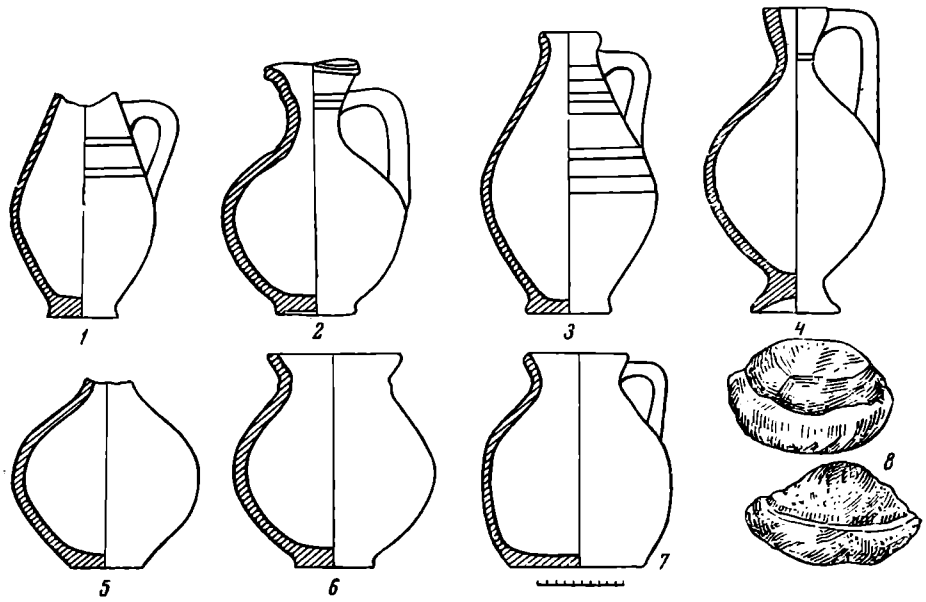


Рис. 2. Ак-депе

1—7 — кувшины, *8—9* — каменные подшипники от гончарного круга

заключена полоса волнистого орнамента. По формам среди них выделяются кувшины с высоким горлом диаметром в 10—11 *см* и с сильно отогнутым наружу венчиком и кувшины с ручками, в верхней части которых имелся плоский упор для большого пальца (рис. 2, 3). Встречены и чаши, по технике изготовления похожие на кувшины. Венчик слегка загнут наружу. Наиболее частый диаметр устья 13—14 *см*, диаметр дна — 9—10 *см*. Толщина стенок — 0,7—0,9 *см*. Одна плоскодонная чаша имеет в дне круглое отверстие, сделанное до обжига. Большинство найденных хумов имеет невысокую шейку и округлой формы тулово. Встречены хумы с насечками по краю венчика, а иногда по всей его плоскости. Почти у всех хумов на нижнем крае венчика четко прослеживаются вдавления пальцем. Изготовлены хумы из глины с большой примесью дресвы

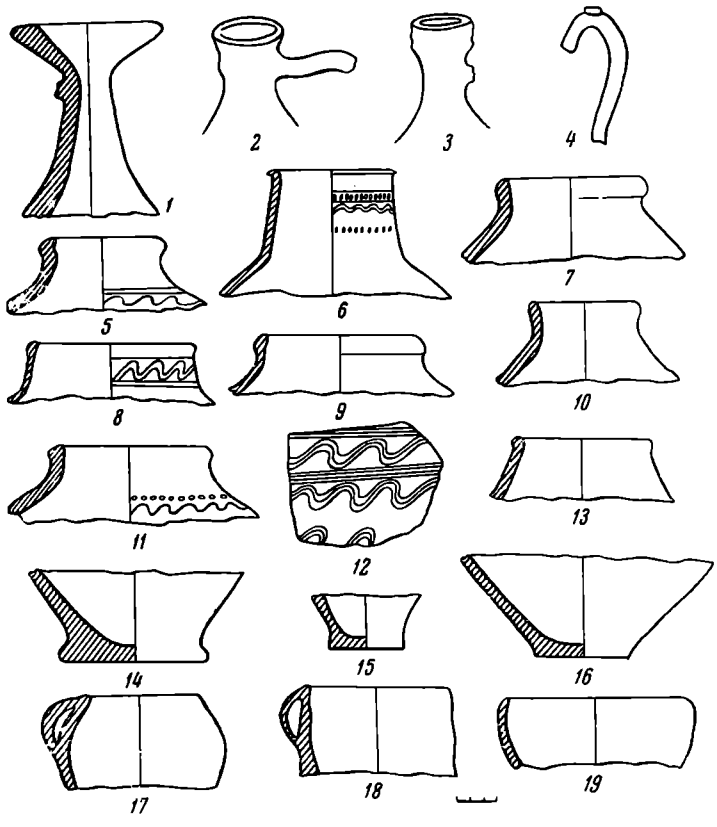


Рис. 3. Ак-депе. Образцы керамики

и шамота. Хумы, сделанные из грубого теста с примесью дресвы, покрыты красным и желтоватым ангобом, черепок в изломе — красный.

Подобного типа керамика распространена на поселениях сасанидского времени Мерва [15] и в Беркут-калинском оазисе в Хорезме [16]. Ак-депинская керамика, сделанная на гончарном круге и имеющая плоско заглаженные стенки, больше всего похожа на керамику Дехистана [17]. Сходная керамика с процарапанным волнистым и зигзагообразным орнаментом имеется в Таджикистане [18]. Часть керамического материала по орнаменту и форме близка к согдийской керамике из Тали-Барзу V и Кафыркалы [19]. В Иране аналогии ей могут быть отмечены в раннесредневековых слоях Суз [20]. Ак-депинские хумы довольно сильно отличаются от античных, почти не имеющих орнаментации, но зато находят прямые аналогии на соседних памятниках сасанидского времени, как например, Ак-депе у станции Баба-Дурмаза (МИХ-6), Дазлыхан-депе у Артыка (МИХ-10), Коша-депе у ст. Каушута (МИХ-16) [21]. Такие же хумы были найдены Б. Б. Пиотровским в Гяур-кале в Старом Мерве [22].

[15] Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 102.

[16] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма Афригидского периода. Тр. ХАЭЭ, IV, М., 1959, стр. 226.

[17] В. М. Массон. К истории парфянского и раннесредневекового Дехистана. Изв. АН ТуркССР, 2, 1961, сер. обществ. наук, стр. 40.

[18] И. Б. Бентович. Находки на горе Муг. МИА, 1958, 66, стр. 362.

[19] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Тр. Отд. Востока Эрмитажа, II, 1940.

[20] R. Koechlin. Les Cormaignes musulmanes de Suse en Musée du Couvere pris. MMAP, XIX, 1928, табл. I, рис. 7.

[21] В. М. Массон. Хумы Нисы. (О некоторых формах неполивной керамики). Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1952, стр. 420.

[22] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 37.

Керамика сасанидских памятников юго-восточного Туркменистана (Мерв) отличается от памятников юго-западного Туркменистана (Мисрианская равнина) тем, что там она часто богато орнаментирована. Для орнаментации, кроме процарапывания, широко применялись штампы и налепы.

Комплекс Ак-депе на основании раскопанных материалов и приведенных аналогий можно датировать V—VII вв.

Находки монет на полу одного из раскопанных помещений — серебряная драхма Иездигерда I (399—420 гг.), драхма Иездигерда II (438—457 гг.), четыре драхмы Варахрана V (или близких подражаний его монетам) — позволяют датировать конец жизни поселения V—VI вв.

Монеты Варахрана V и Иездигерда II были найдены в одном помещении. Вместе с монетой Иездигерда I была найдена сердоликовая гемма с изображением птицы, выполненным в штриховой манере. Таким образом, постройку замка следует отнести к периоду более раннему, чем V—VI вв. К подъемным находкам принадлежит поделка в виде ложного перстня с изображением гопатшаха в штриховой манере. Кроме того, была найдена на поверхности замка медная монета начала царствования Шапура I.

В ходе раскопок Ак-депе были обнаружены в верхнем комплексе два каменных жернова диаметром 26 *см* с центральным отверстием в 6 *см*. Г. Кларк отмечает появление ручных жерновов во II в. до н. э. и широкое распространение в дальнейшем в странах греко-римского мира на грани нашей эры [23].

Появление и широкое распространение замков типа Ак-депе помогает изучению социально-экономических процессов, происходивших в Средней Азии в раннее средневековье. С. П. Толстов писал, что «обилие указаний о многочисленных замках («хысы», «каср»), разбросанных в окрестностях среднеазиатских городов, является одной из предпосылок для возникновения представления о господстве в домусульманской Средней Азии феодального общественного строя» [24].

Появление замков свидетельствует об усилении роли аристократии, о становлении раннефеодальных отношений. Судя по найденным материалам, жизнь на Ак-депе продолжалась до конца VI в. Быть может, его гибель связана с бурными событиями в жизни Хорасана, когда он стал ареной столкновений сасанидского Ирана с эфталитским, а затем тюркским объединением.

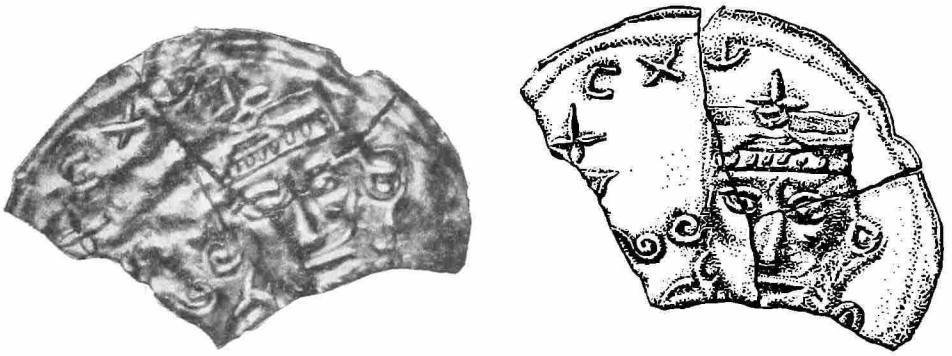
[23] Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 120.
[24] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150.

В. И. КОЗЕНКОВА

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1958 г. в г. Андижане (Ферганская долина) при закладке фундамента здания медицинского института, на глубине 2,5—2,8 *м* в культурном слое X—XII вв. [1] при наблюдениях были найдены три обрывка тонкой золотой индикации диаметром 1,8 *см* (рисунок). На одной стороне ее оттиснуто погрудное изображение мужчины. Из-под надетой на голову короны выбиваются короткие крутые завитки волос; небольшая бородка обрамляет лицо.

[1] Слой датируется саманидскими монетами 961—963 гг., определенными О. И. Смирновой. Монеты хранятся в фондах Андижанского областного музея.



Золотая индикация из Андижана

Увенчанная крестом корона — прямоугольной формы, центральная часть ее украшена прочерченным треугольником и выпуклыми перлами. С правой стороны лица, ниже завитка волос прослеживается изображение, возможно, большой серьги.

Фигура помещена на правой стороне индикации, слева сохранилась часть второго изображения, меньшего размера. По верху индикации нанесены плохо различимые знаки (СХ⊥). Несмотря на грубость исполнения и плохую сохранность, индикацию можно уверенно отнести к кругу предметов, связанных с Византией.

Не вызывает сомнения сходство данной композиции с погрудным изображением императора и императрицы (или наследника) на византийских монетах, известных со времени правления Юстина II (565—578 гг.) и вплоть до царствования Феофила (829—842 гг.) [2]. Исследуемый предмет отличается от византийских образцов лишь перестановкой местами главной и второстепенной фигур, а также искаженной проработкой деталей портрета.

Это служит основанием считать его оттиском не с византийской монеты, а с варварского подражания монеты, где изображение и особенно легенда нередко (в зависимости от стадии деградации такого подражания) вырождались до непонятного набора знаков [3].

Публикуемая индикация относится к сравнительно ранним образцам подражаний византийским монетам, так как на ней еще довольно правильно, за исключением лица и надписи, изображены все детали.

Трудно определить с полной достоверностью, портрет какого именно византийского императора оттиснут на индикации из Андижана. По трактовке волос и бороды и по форме головного убора, скорее всего, это сделано с варварского подражания монетам Ираклия I (610—641 гг.), среди монет которого имелись экземпляры с погрудным изображением Ираклия и его наследника Ираклия-Константина [4].

В то же время тип лица, изображенного на индикации, ничего общего не имеет с портретами Ираклия. Скуластостью и миндалевидными глазами это лицо напоминает изображения мужских лиц на сосудах из Согда и Семиречья в тюрко-согдийское время VI—VIII вв. [5].

---

[2] В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ Е 4-4. М., 1962, рис. 17; его же. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани. Сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 179, рис. 1.

[3] Там же, рис. 21, *8—11*.

[4] Например, монета из Национальной библиотеки в Париже. J. Babelon. Great Coins and Medals. London, 1959, табл. 76.

[5] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, табл. 49—51.

Византийские солиды, а также их «варварские» подражания, находки брактеатов, оттиснутых с монет, неоднократно находились на территории Средней Азии [6].

В настоящее время здесь известно 10 находок монет и брактеатов, свидетельствующих о каких-то взаимосвязях с Византией [7].

Наиболее ранними римско-византийскими образцами, по которым чеканились монеты и делались оттиски, были римские солиды V в. и римско-византийские монеты V—VI вв. (сукулукская находка и пенджикентские брактеаты). Вторую группу составляют византийские солиды императора Юстиниана I (527—565 гг.) и подражания им. Они известны с городища древнего Тараза, с городища Гяур-Кала в Туркмении, а также из Самарканда (находка у могилы Ходжи Даниара на Афрасиабе).

В третью группу входят находки византийских монет и подражания монетам конца VI—VII в. Это находка солида императора Маврикия (582—602 гг.), монеты и брактеаты, подражавшие солидам Ираклия I (610—641 гг.), брактеат с «варварским» подражанием монете Константина IV Погоната (641—668 гг.) и найденная в Чилеке монета Тиберия II Апсимара (698—705 гг.).

Таким образом, все известные нумизматические находки датируются сравительно узким отрезком времени — с VI—VII до начала VIII в. что не может объясняться случайностью. Они являются как бы материальным подтверждением свидетельств древних авторов, сообщавших об установлении в указанный период постоянных сношений между тюркским каганатом и Византийской империей. Это был период, когда Семиречье, по выражению А. Н. Бернштама, исполняло роль «Византии Востока», синтезируя культуры Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока [8].

Известные свидетельства Менандра Византийца доказывают, что связи между каганатом и Византией отнюдь не носили эпизодического характера, а поддерживались регулярно. За первым обменом посольствами согдийского купца Маниаха и полководца Зимарха в 576 г. последовал ряд официальных посланников (посольство Тагмы из Семиречья, посольства Валентина и других лиц из Византии) [9].

Эти связи носили не только торговый характер, но преследовали и ярко выраженную военно-политическую цель. К концу VI в. среднеазиатско-византийские контакты несколько ослабевают, но уже в правление императора Ираклия I опять оживляются и даже закрепляются военно-политическим союзом [10]. Союз кагана западных тюрков Тун-ябгу и византийского императора свидетельствовал о том, что в выборе союзников тюрки и в это время продолжали придерживаться византийской ориентации. Именно в этот период и проникали в Среднюю Азию, и в частности в Семиречье, монеты времени Ираклия и его преемников.

Для периода арабского завоевания стран Востока, в том числе и Средней Азии, во второй половине VII в., и в особенности в период господства здесь арабов в VIII в., характер связей Средней Азии с Византией не ясен. Возможно, связи осуществлялись через посредничество

---

[6] М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. Материалы Узкомстарис, 5, Ташкент, 1933, стр. 9—10; его же. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. Тр. САГУ, XXIII, нов. сер., 4; Ташкент, 1951, стр. 91—105; А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 146 и табл. 50; Б. Я. Ставиский. О международных связях Средней Азии в V—VIII вв. «Проблемы востоковедения», 1960, 5, стр. 111—114.

[7] Свод монет по Средней Азии и литература приведена в работе: В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР, стр. 46—48.

[8] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 116.

[9] Менандр. Продолжение истории Агафиевой. Сб.: «Византийские историки». СПб., 1860, стр. 375, 416—417.

[10] М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии..., стр. 98.

арабских купцов, которые активно вели торговлю как с районами, ранее непосредственно входившими в сферу византийского влияния, так и с самой Византией, о чем свидетельствует имевшая хождение у арабов известная серия арабо-византийских монет, являвшихся варварскими подражаниями монетам того же Ираклия [11].

Находки монет, которые бы определенно указывали на то, что эта территория была втянута в арабо-византийские торговые отношения, не известны. При торговых операциях здесь имели хождение как монеты местного чекана, так и арабские фельсы [12]. Но возможно, что и в это время в Среднюю Азию могла проникнуть какая-то часть византийских монет или «варварских» подражаний им. Вполне допустима и перечеканка монет с уже имевшихся здесь более ранних «варварских» подражаний.

Для выяснения вопроса о характере обращения интересна не только изучаемая индикация (вернее, неизвестный ее прототип), но и серия монет VIII в. так называемого согдийского круга, известная из раскопок в Пенджикенте [13]. Ни место их чеканки, ни значение этих монет в среднеазиатской торговле пока не определены, но парное изображение мужчины и женщины на них, вероятнее всего, могло возникнуть под влиянием образцов византийского чекана.

Вполне допустимо предположение, что в период оживления среднеазиатско-византийских связей или во время распространения в Средней Азии местного чекана, подражавшего византийскому, в Фергану и могли попасть денежные знаки, послужившие прототипом для изучаемой индикации. Произошло ли это в период господства тюрков или в период арабского завоевания,— определить трудно. Известно только, что Фергана как в первый, так и во второй периоды служила ареной активного передвижения как военных отрядов [14], так и торговых караванов [15].

О времени изготовления андижанской индикации судить трудно. Вероятно, эту дату не следует значительно отрывать от времени хождения на территории Средней Азии «варварских» подражаний, а изготовление последних — от появления здесь византийских монет. Поскольку оттиск не носит следов сильной деградации изображения, вероятно, его можно датировать концом VII—VIII в. Что касается назначения предмета, то, вероятней всего, он представлял собой украшение.

Андижанская находка индикации интересна по ряду соображений. Прежде всего, этой первой находкой в Фергане регистрируется в Средней Азии новый географический пункт распространения предметов, связанных с Византией. Найденная индикация позволяет предполагать наличие в Средней Азии неизвестной группы «варварских» подражаний византийским монетам или оттисков с них. В связи с находкой индикации возникает предположение, что в древнем Андукане (Андижане), торговое значение которого неоднократно отмечалось в средневековых арабских источниках [16], имелись группы населения, у которых находили спрос вещи, связанные с христианством. Подобные предметы могли интересовать купцов-христиан, бывших в городе, или членов христианской общины, возможно, существовавшей в это время в Андижане. Известно, что

---

[11] В. Г. Тизенгаузен. Монеты восточного халифата. СПб., 1873, табл. I, *3*; И. И. Толстой. Византийские монеты, VI, СПб., 1913, стр. 717—719.

[12] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 269—270.

[13] О. И. Смирнова. Там же, стр. 253—254, рис. 36.

[14] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 166, 188.

[15] Имеется определенное свидетельство о том, что среди активно используемых арабами путей был путь из Ферганы в Верхний Нушджан (в Восточном Туркестане). См. В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВОРАО, VIII, СПб., 1894, стр. 17.

[16] Ибн-Хаукаль. Пути и страны. «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 26; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 90.

в соседних с Ферганой районах Средней Азии существование христианских общин (несториане, яковиты, мелькиты) зафиксировано с IV и вплоть до XIII в.[17]. Являясь новым историческим источником, индикация в Андижане будет способствовать дальнейшему изучению экономических и культурных связей Средней Азии и Византии.

[17] В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, стр. 1—32; Г. А. Пугаченкова. Хороба-Кошук. Изв. АН ТуркмССР, 1954, 3, стр. 15—19; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. Тр. КАЭЭ, II, М., 1959, стр. 231—233; А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов). Сб.: «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 35—37; ОАК за 1892 г., стр. 73—74 (находка Н. Н. Пантусова); Труды Восточной комиссии Московского археологического общества, I, М., 1889, стр. 32, № 131; стр. 34, № 167.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ФЕРГАНЕ

Тюркские племена и созданный ими каганат сыграли большую роль в истории Средней Азии и Сибири. Изучению истории и культуры тюркских племен Алтая, Монголии и Южной Сибири много сил и труда отдал крупнейший советский ученый С. В. Киселев[1], который указывал, в частности, на важную роль Семиречья в сложении древнетюркской рунической письменности[2]. В этой связи определенный интерес представляют новые материалы, добытые в последние годы в Ферганской долине.

Весной 1961 г. в восточной Фергане было обнаружено древнее погребение на поселении Дальверзин, расположенном на левом берегу р. Кара-Дарья, возле сел. Аим. В южной части холма поселения находится современное узбекское кладбище. По рассказам местных жителей, при отрытии могилы они наткнулись на захоронение человека, возле которого лежали обломки седла с металлическими оковками, железные стремена и другие вещи. Осенью того же года мы обследовали указанное место и на поверхности кладбища нашли два железных стремени, часть железных удил (?) и обломок железного предмета неопределенной формы в виде круглого в сечении стержня.

Наибольший интерес представляют стремена (рис. 1, *1*, *2*) с плоской широкой подножкой, усиленной продольным ребром. Верхняя петля их обломана. Железный изогнутый стержень с кольцом, вероятно, является частью железных эсовидных удил (рис. 1, *3*). Назначение третьего предмета установить невозможно.

Стремена, найденные на Дальверзине, близки по форме найденным при работах на Ташкентском канале[3] и стременам из захоронения с конем, открытом около обсерватории Улугбека возле Самарканда[4]. Сходны они и со стременами из захоронений с конем в Семиречье[5]. Стремена этого типа были широко распространены в VI—VIII вв. на обширной территории Южной Сибири и Монголии[6]. Они являются характерной принадлежностью захоронений с конем тюркского периода. И поэтому, несмотря на отсутствие данных об устройстве могилы и погребальном об-

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; его же. Южная Сибирь в VII—IX вв. «Очерки истории Сибири». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958.

[2] С. В. Киселев. Письменность енисейских кыргыз. КСИИМК, XXV, 1949.

[3] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН СССР, 1940, 3, рис. 11.

[4] В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Тр. Музея истории УзССР, 1, Ташкент, 1951, стр. 37, рис. 3.

[5] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 77, 81, табл. XLVI.

[6] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 518.

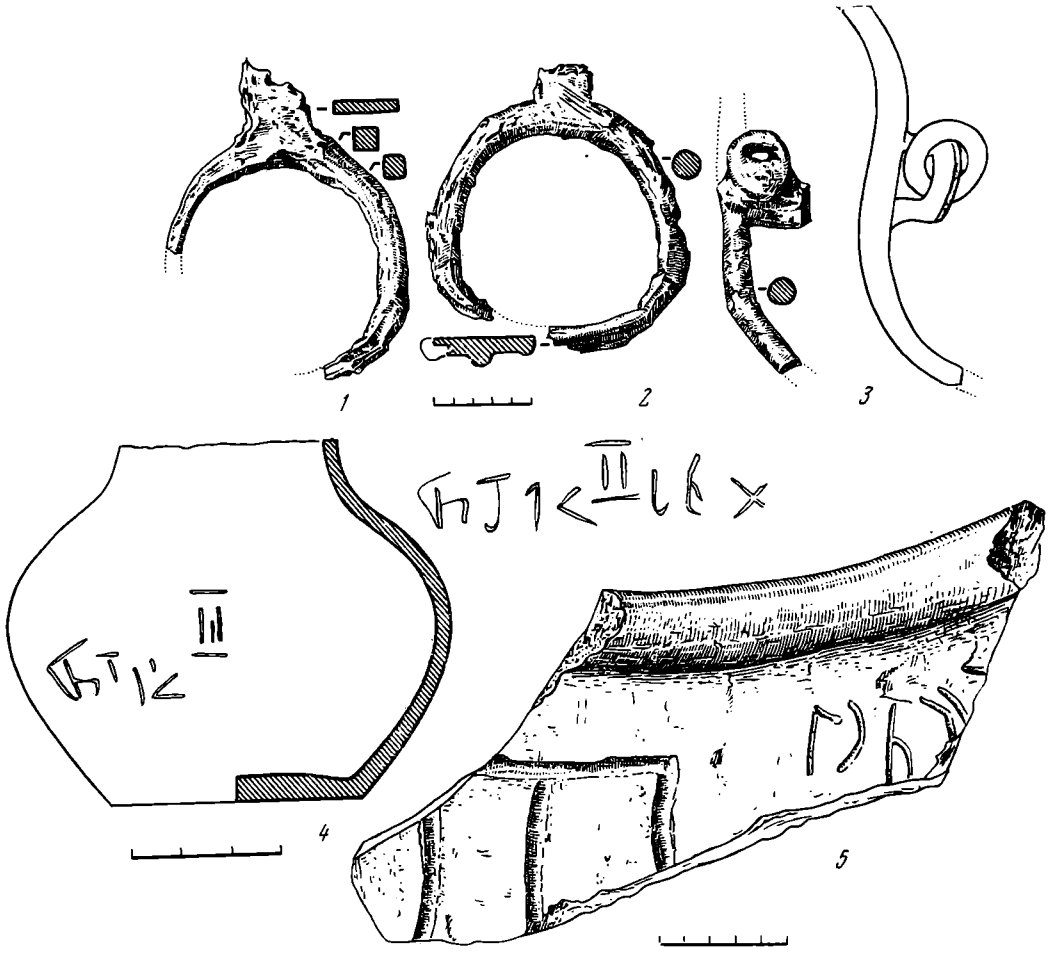


Рис. 1. Находки на территории Ферганской долины

1, 2 — железные стремена из Дальверзина; *3* — псалий из Дальверзина; *4* — сосуд с рунами из района Шурабашата; *5* — фрагмент хума с руническими знаками из Шамирза-Тепе

ряде, дошедшие до нас вещи позволяют полагать, что на Дальверзине выявлены остатки погребения тюркского времени. Подобные погребения редко встречаются на территории Средней Азии, и Дальверзин является всего третьим пунктом в среднеазиатском междуречье.

Обряд захоронения с конем типичен для алтайских племен, входивших в состав тюркского каганата, и с Алтая он распространился в соседние области. Наличие подобных захоронений в Средней Азии и в Фергане следует рассматривать как результат прихода сюда чужеземного населения. В настоящее время захоронения с конем встречены в Средней Азии в следующих районах: Центральный Тянь-Шань[7], котловина Иссык-Куля[8], Чуйская[9] и Таласская долины[10], Ташкентский оазис[11], долина Зеравшана[12] возле Самарканда и на Памире[13]. К этому перечню теперь можно добавить и Ферганскую долину. На северо-востоке Средней Азии

[7] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952.

[8] Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. Тр. ККАЭЭ, II, М., 1959.

[9] А. Н. Бернштам. Чуйская долина; Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, 1961, 1.

[10] Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963.

[11] А. И. Тереножкин. Ук. соч.

[12] В. И. Спришевский. Ук. соч.

[13] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки...

эти памятники встречаются чаще, и там известны большие могильники, в то время как в юго-западных областях обнаружены лишь единичные захоронения. По-видимому, в это время юго-западные области не были местами продолжительного обитания тюрков.

Иное положение было в Фергане. У нас имеются прямые указания письменных источников о наличии и политическом господстве тюрков в Фергане в VI—VIII вв.[14]. Один из представителей этих тюркских племен и был, очевидно, погребен в Дальверзине.

Археологическим свидетельством пребывания в Фергане тюрков служат два каменных изваяния, обнаруженные в районе сел. Гульча в Алае[15]. Обычай установки их характерен для культуры именно тюркских племен[16]. Находка в районе Гульчи является наиболее юго-восточным пунктом распространения в Средней Азии каменных изваяний тюркского времени.

Самым неоспоримым доказательством существования тюркоязычного населения в Ферганской долине являются эпиграфические материалы. Всего в Фергане известно 12 находок древнетюркских рунических надписей: 1) обломок венчика сосуда с шестью знаками найден на развалинах Калаи-Кафир на левом берегу р. Исфары, к юго-западу от г. Исфары[17]; 2) фрагмент венчика большого сосуда с тремя рунами, нанесенными до обжига сосуда; найден в культурных наслоениях замка Калаи-Боло к югу от г. Исфара[18]; 3) фрагмент сосуда с двумя рунообразными знаками, найденный на поверхности Калаи-Боло[19]; 4) фрагмент венчика хума с надписью, нанесенной до обжига, с древнего поселения возле сел. Кизил-Пиляу (в 9 *км* к северу от г. Исфара)[20]; 5) фрагмент венчика хума с рунической надписью, нанесенной до обжига; найден вместе с согдийской монетой Тархуна (700—710 гг.) в одной из комнат поселения Ак-тепе в 2 *км* к северо-востоку от сел. Кара-Булак в Баткенской долине[21]; 6) фрагмент венчика хума с пятью знаками, врезанными до обжига; найден на развалинах замка Ош-Хона к юго-востоку от г. Ферганы[22]; 7) фрагмент венчика хума с тамгообразным знаком и шестью рунами; найден на тепе в сел. Шамирза, в 10 *км* к северу от Маргелана; хранится в Ферганском областном музее (рис. 1, *5*); 8) небольшой хум, на внешней стороне венчика врезана надпись из 12 знаков, по палеографическим данным отнесена к первой половине VIII в.[23] (хум с остатками захоронения обнаружен в насыпи одного кургана в Янгиабадском могильнике, в 10 *км* от г. Ферганы); 9) небольшой сосуд с выпуклым туловом и узкой горловиной (высота 7,2 *см*) с руническими буквами (сосуд покрыт коричневым ангобом). Найден вблизи городища Шурабашат к северо-западу от Узгена. А. Н. Бернштам в 1956 г. во время осмотра сосуда в Ошском областном музее установил, что надпись сделана древнетюркским руническим письмом. С этим определением согласились И. Эрдейи и С. Г. Кляшторн-

---

[14] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.

[15] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, рис. 89, 90.

[16] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 509, 528; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952; Я. А. Шер. Иконография древнетюркских изваяний. ИАН КиргССР, V, 1, 1963, сер. обществ. н.

[17] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955, стр. 169, рис. 85, 86.

[18] Там же, стр. 120—121, рис. 59, *1*; 60, *2*.

[19] Там же, стр. 120—121, рис. 59, *2*; 60, *3*.

[20] А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы. ЭВ, XI, 1956, стр. 56, рис. 3.

[21] Ю. Д. Баруздин. Находки на юге Киргизии. Сб.: «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961 г.)». Фрунзе, 1962, стр. 11—12, рис. 6.

[22] А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи..., стр. 54—55, рис. 2.

[23] В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии. СА, 1961, 3, стр. 256, рис. 4—5. Определение надписи сделано С. Г. Кляшторным.

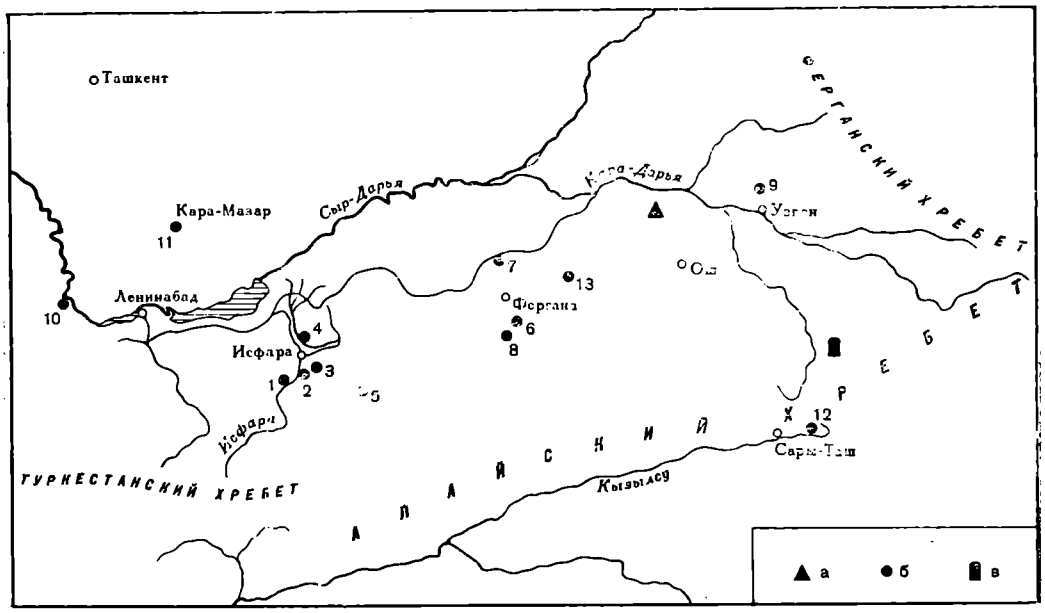


Рис. 2. Схема мест находок на территории Ферганской долины

а — остатки погребения в Дальверзине; *б* — рунические надписи; *в* — каменное изваяние в районе Гульчи

ный (рис. 1, *4*); 10) небольшой сосудик (высотой 11,5 *см*) с нанесенными после обжига знаками. Сосудик с маленьким носиком изготовлен вручную и покрыт красным ангобом, что позволяет датировать его первыми веками нашей эры. К. В. Тревер высказала предположение, что надпись кушанская[24]. К другому выводу пришел А. Н. Бернштам, который выделил две группы бесспорных рунических букв, а также арабскую надпись. Такое сочетание позволяет относить надписи ко времени не ранее начала VIII в.[25]. Сосуд найден в зоне строительства Фархадской ГЭС возле Беговата в 1947 г.; 11) бронзовый перстень с четырьмя руническими знаками найден в одном из каменных склепов (мугхона), в горах Карамазара (надпись датируется концом V — первой половиной VII в.)[26]; 12) стела с руноподобными знаками обнаружена в каменной ограде на могильнике Кара-Бейит, находящемся к востоку от сел. Сары-Таш по дороге на Иркештам. Захоронение в кургане датируется тюркским временем[27]. По заключению И. А. Батманова, знаки напоминают буквы известной таласской палочки[28]; 13) фрагмент чаши с четырьмя руническими знаками на закраине. Найдена в 1963 г. на городище Мыкты-Курган (на берегу р. Кува-Сай возле сел. Киркидон) в верхнем слое раскопа V на цитадели. Об этой находке сообщила Н. Г. Горбунова, которой приношу благодарность.

Если нанести все перечисленные пункты на карту, то можно получить наглядное представление о довольно широком распространении древнетюркской руники в Фергане (рис. 2). Они встречены в западной части долины (Фархадская ГЭС, Карамазар) и на востоке (Шурабашат), но большинство находок происходит из долины Исфары и района г. Ферга-

[24] С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. ИАН УзССР, 1948, 5, стр. 77—78, рис. 4. В статье приведено определение К. В. Тревер надписи как кушанской.

[25] А. Н. Бернштам. Древнетюркские рунические надписи..., стр. 55, рис. 1.

[26] С. Г. Кляшторный. Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы. ТИИАЭ АН ТаджССР, СПІ, 1959, стр. 167—168.

[27] Ю. Д. Баруздин. Находки..., стр. 13, рис. 7.

[28] И. А. Батманов. Новые тексты. Сб.: «Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)», стр 20.

ны в южной части долины. Надписи исполнены преимущественно на больших глиняных сосудах (хумах), типичных для утвари оседло-земледельческого населения. Почти все они сделаны до обжига сосудов в процессе изготовления и, следовательно, надписывались гончарами. Отсюда можно сделать заключение, что древнетюркское письмо было известно земледельческому населению.

По палеографическим особенностям эти надписи на керамике близки друг к другу и могут быть объединены в группу, которую следует относить к «классическому» периоду развития рунической письменности — VII—VIII вв.[29]. Большой интерес представляет надпись на бронзовом перстне, который принадлежал представителю кочевого населения. Она является одной из наиболее ранних в древнетюркской эпиграфике. Только на одном сосуде (Фархадская ГЭС) надпись сделана после обжига и значительно позднее его изготовления.

Перечисленные находки служат бесспорным свидетельством распространения тюркского языка и письма среди населения Ферганы в VI—VIII вв. Известно, что в Средней Азии памятники рунического письма выявлены только в Семиречье и Фергане, не считая документа из замка на горе Муг, относительно языка которого С. Е. Малов высказал сомнение[30]. Находки в этих областях имеют особое значение в связи с проблемой происхождения руники. На большое значение семиреченских памятников в истории рунического письма указывал С. В. Киселев: «...Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII вв. занятое западными ту-гю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособившей арамейский алфавит к тюркской речи»[31].

Принимая во внимание многочисленность эпиграфических находок в Фергане, можно предполагать, что не только Семиречье, но и другие соседние с ним районы, в частности Фергана, сыграли известную роль в истории древнетюркской письменности. Таким образом, археологические и эпиграфические данные свидетельствуют о наличии тюркоязычного населения в Фергане в VI—VIII вв., что раньше было известно только из скупых сообщений письменных источников.

---

[29] С. Г. Кляшторный. Ук. соч., стр. 168.

[30] А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. ЭВ, V, 1951; см. рец. С. Е. Малова на А. Н. Бернштам. Древнетюркский документ из Согда. ИАН СССР, отд. лит. и яз., XIII, 1954, 2, стр. 197.

[31] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 610.

С. А. ВЫСОЦКИЙ

ГРАФФИТИ ЗОЛОТЫХ ВОРОТ В КИЕВЕ

Развалины Золотых ворот в Киеве, сооруженных в 1037 г., и ныне представляют значительный интерес для изучения.

Летом 1962 г. во время архитектурно-археологического обследования руин Золотых ворот[1] автором настоящей заметки была произведена фотофиксация сохранившихся фрагментов древнерусских граффити, известных лишь узкому кругу киевских историков и археологов.

Уцелевшие граффити находятся внутри проезда ворот, в углу, образованном западной стеной и первой с севера пилястрой[2] (рис. 1). Фрагменты записей и рисунки начерчены по известково-цемяночному раствору площадью около 20 *дм*^{2}, сохранившемуся в указанном месте на высоте

---

[1] Обследование было произведено научными сотрудниками Института теории и истории архитектуры АСиА УССР Ю. С. Асеевым и С. Высоцким.

[2] На восточной стене уцелел лишь единственный фрагмент надписи:

...тр—охмъ...

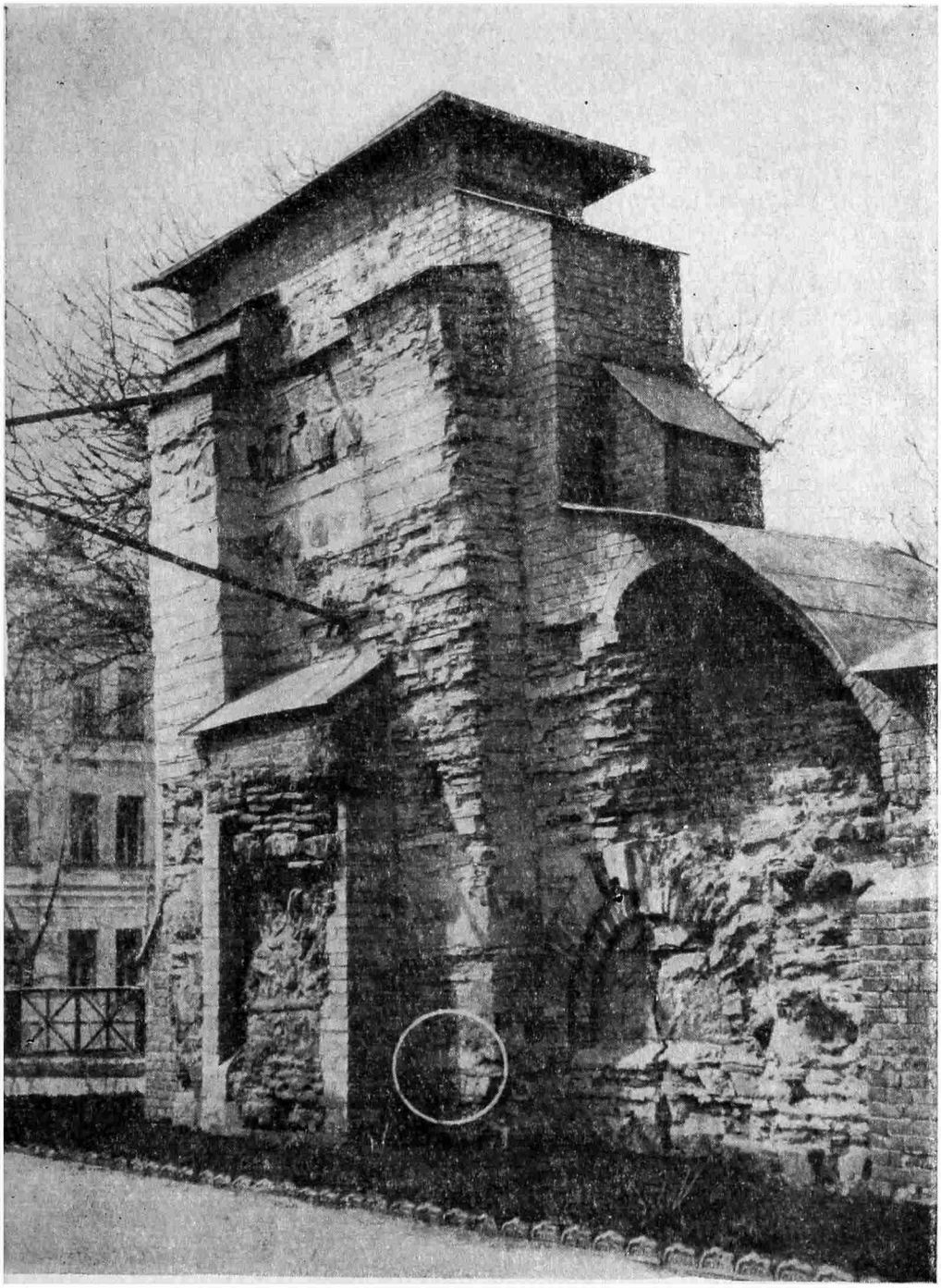


Рис. 1. Руины западной стены Золотых ворот в г. Киеве. Кру́гом обозначено место находок граффити

0,65 *м* от современного уровня земли. Близость почвы и большая влажность плохо отразились на сохранности граффити. Вся площадь штукатурки с надписями была обильно покрыта высолами, которые удалось удалить лишь частично[3]. Правый край, низ и верх участка штукатурки с граффити имеют обломы, нарушающие целость изображений. Вся правая часть уцелевшего фрагмента штукатурки занята трехфигурной композицией охотничьего жанра (рис. 2, *А*, *Б*). В центре рисунка изображен ощетинившийся вепрь, слева от него — непропорционально большого размера гончая собака, приподнявшаяся на задних лапах и лающая в сторону зверя, позади которого видна фрагментарно сохранившаяся фигура охотника с копьем в правой руке.

Автор рисунка, несмотря на условность композиции, хорошо подметил и реалистически передал характерную позу лающей собаки. Ее морда поднята высоко вверх, шея вытянута, длинные уши висят вдоль спины, в открытой пасти видны крупные зубы и язык. На шее гончей плетеный, по-видимому, из кожаных ремешков, ошейник. Передние лапы с длинными когтями вытянуты в сторону зверя.

Фигура вепря, находящаяся на уровне передних лап пса, хорошо передает состояние настороженности и испуга. Передняя часть головы зверя испорчена выбоинами штукатурки, но дальше ясно видны глаз, уши и линия, отделяющая голову от туловища. Щетина, стоящая дыбом, изображена косыми черточками. Совсем натурально нарисован хвост зверя в виде характерной небольшой петельки. Плохо видны передние ноги вепря, но хорошо видна и очень точно передана задняя, окороковая часть.

Фигура охотника, уцелевшая частично (утрачена голова и левая нога), очень мала по сравнению с изображением собаки. Его правая рука вытянута далеко вперед и держит копье с острым широким наконечником, направленным в сторону зверя. Отчетливо видна ладонь левой свободной руки охотника.

В нижней части композиции, возможно, находилась еще какая-то фигура с копьем, от которой из-за утраты штукатурки сохранилась всего лишь верхняя часть копья.

Слева, под изображением собаки, читается краткая надпись древнерусскими буквами: NНКОЛА, т. е. Николай, возможно имя автора рисунка.

Слева от композиции «Охота на вепря», позади собаки, прослеживаются остатки другого граффито, представляющего длинную фрагментарно сохранившуюся надпись, следы которой заметны вплоть до самого крайнего облома штукатурки. Чтение ее очень затруднено ввиду плохой сохранности. Удается разобрать лишь окончание: ...Ъ—ОСКЪ(М?) АКОN(Ь). В этом фрагменте с уверенностью читается только последнее слово «конь». Надпись, вероятно, являлась пояснением к находящемуся рядом с ней грубому рисунку коня.

Палеографические признаки записи достаточно архаичны: буквы геометричны и расставлены свободно. Буква «а» с острой петлей, но особенно характерно N (Н) с перекладиной, опущенной с самого верха левой мачты и доходящей до низа правой мачты,— признак, говорящий в пользу XI—XII вв.[4].

На это же время, как мы увидим, указывают и некоторые другие признаки.

У пилястры, в левом углу, заметны следы других граффити, среди которых можно разобрать неоконченную надпись (рис. 3, *А*, *Б*):

---

[3] Работы по удалению солей были произведены художником-реставратором Лаборатории реставрации живописи НИИТИ АСиА УССР В. Бабюком.

[4] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 100—103.

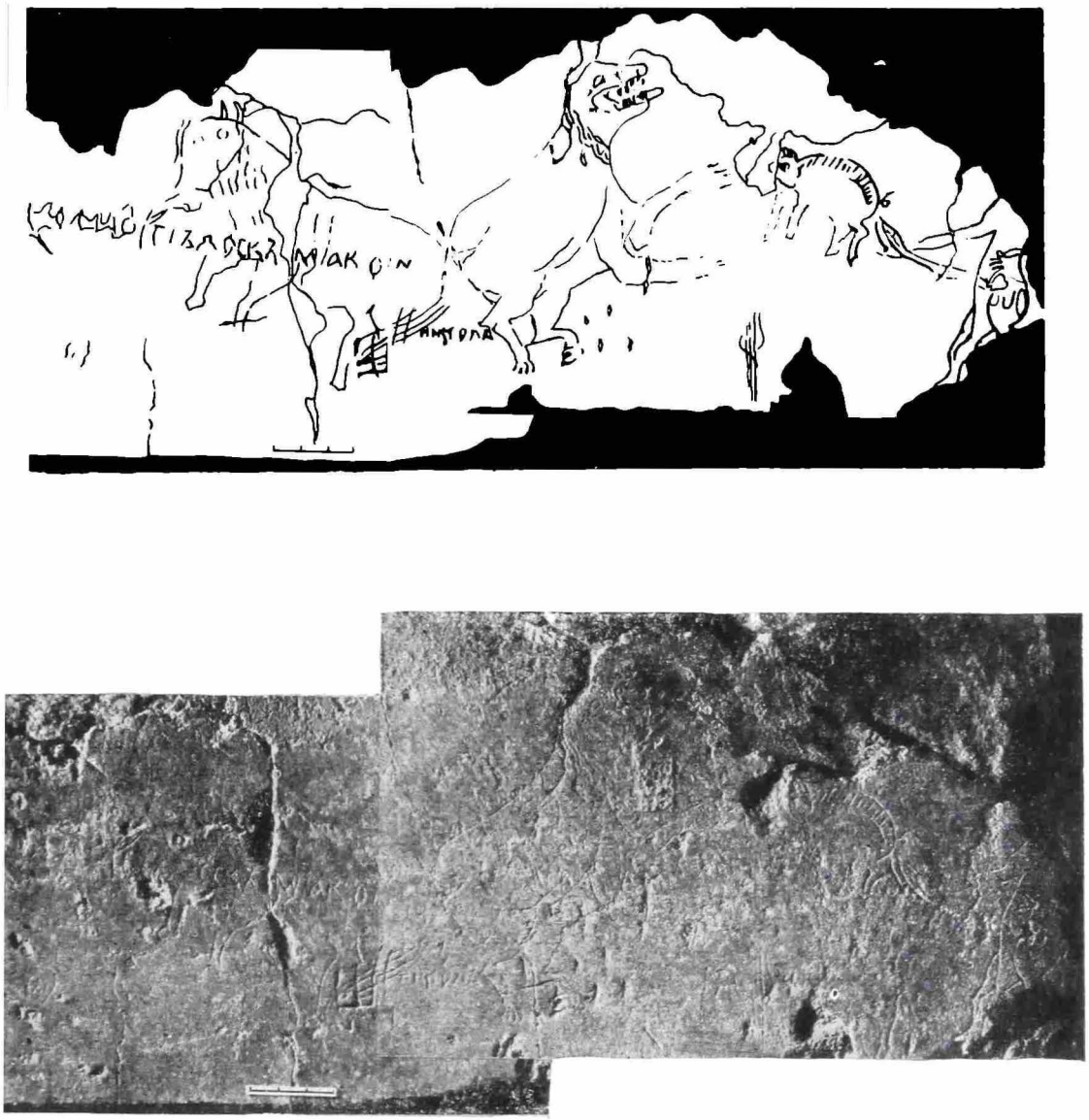


Рис. 2. Фото и прорись граффити «Охота на вепря»

ГНПОМОЗН

. Р(А) Б (У)С...

Это начало обычной канонической формулы «Господи помози рабу своему...». Написание подобной благопожелательной надписи на оборонительном сооружении, несомненно, следует отнести к входившей в комплекс

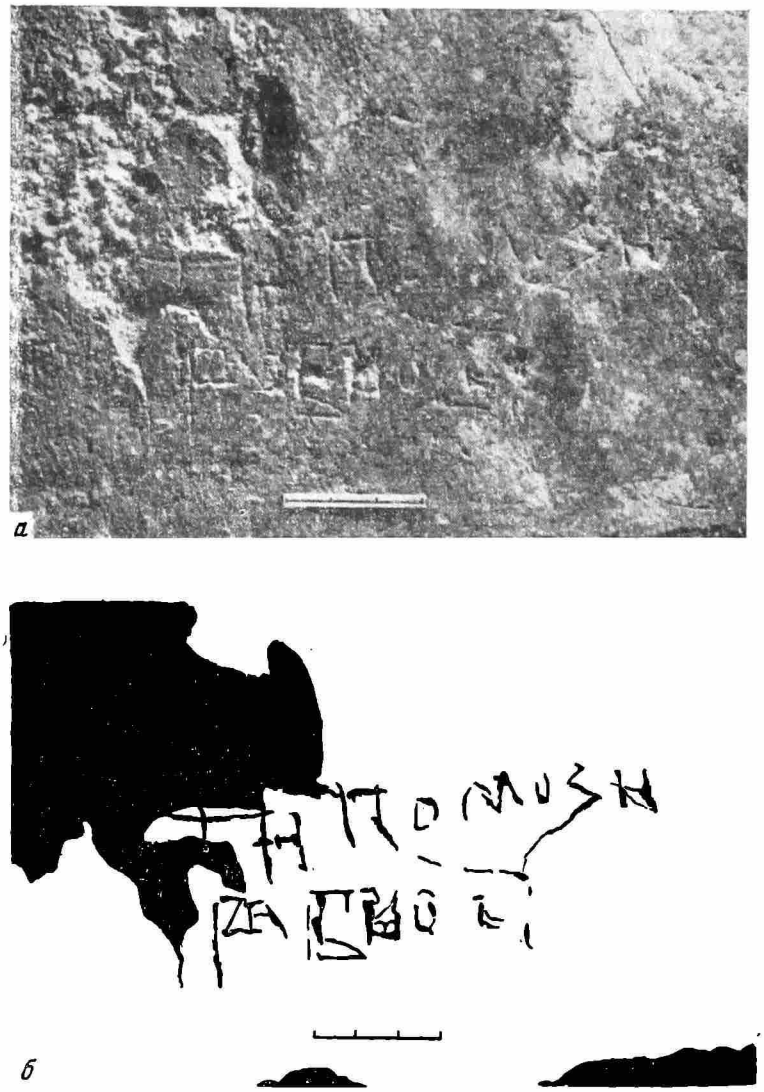


Рис. 3. Фото и прорись граффити «Господи помози рабу своему...»

Золотых ворот церкви Благовещенья. Запись сделана неумелой рукой. Размер букв не выдержан, но в обоих случаях ее автор употребляет древнее написание И с горизонтальной перекладиной.

Для уверенной датировки рассматриваемых граффити палеографических признаков недостаточно, поэтому обратимся к некоторым вопросам архитектурно-археологического изучения памятника.

Общеизвестно, что внутри проезда Золотых ворот у западной и восточной стен имеются пристройки, грубая кладка которых значительно отличается от первоначальной кладки ворот, близкой древнейшей части Киевского Софийского собора. Назначение этих прикладок исследователи

толкуют по-разному, но время их возникновения по кладке устанавливается вполне определенно второй половиной XI — началом XII в. [5].

Золотые ворота с надвратной церковью, построенные во время Ярослава Мудрого, судя по времени пристроек, спустя 60—70 лет после сооружения подвергались большим работам по укреплению или ремонту. Эти работы по датирующим признакам кладки, близкой Михайловскому Златоверхому собору 1108 г., наиболее вероятно отнести к времени княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) или, точнее, к началу его княжения, ознаменовавшемуся усилением княжеских усобиц и наступлением на Русь кочевых племен. Так, летом в 1093 г. Святополк потерпел крупное поражение от половцев у Треполя и на Желяни у самого Киева [6]. В 1096 г. половцы во главе с Боняком дважды неожиданно появлялись у Киева и едва не ворвались в город [7]. Как мы видим, оснований для приведения в порядок оборонительных сооружений Киева в это время было более чем достаточно.

Пристройки, сделанные к Золотым воротам, согласно рисункам А. Ван-Вестерфельда 1651 г. [8] и по обследованиям памятника в натуре, представляли собой пилоны, сооруженные попарно между пилястрами первоначальной постройки. Сверху пилоны завершались арками, укреплявшими таким образом свод воротного проезда. Наиболее мощные пристройки были сделаны с напольной стороны, что было вызвано соображениями обороны, и с северной, городской стороны, т. е. в тех местах, где над сводом возвышалась надвратная церковь.

При сооружении пристроек внутри проезда первоначальная кладка и штукатурка ворот во многих местах оказалась заложенной, при этом был закрыт и участок штукатурки с рассматриваемыми граффити. Следовательно, надписи и рисунки в указанном месте могли быть сделаны или в XI в. до сооружения пристроек, или значительно позже, когда завалы разрушенных пристроек были расчищены. В середине XVII в. (по рисунку А. Вестерфельда) место, где открыты граффити, было еще заложено остатками пристроек у западной стены, которые просуществовали вплоть до 20-х годов XX в. [9], поэтому записи и рисунки, рассмотренные нами, следует отнести к концу XI в., до времени ремонта Золотых ворот в древности, что не противоречит и приведенным выше палеографическим признакам. В пользу XI в. говорят не только приведенные соображения, но и высота написания граффити, как относительно современного уровня земли (0,65 *м*), так и древнего горизонта, установленного настоящим исследованием на глубине 1 *м*. Общая высота (1,65 *м*) соответствует написанию граффити на уровне глаз человека среднего роста, стоящего на древнем горизонте воротного проезда.

* * *

Граффити Золотых ворот в том виде, в каком они сохранились, представляют особый интерес как образцы малоизвестного народного изобразительного искусства XI в.

Охота на вепря в древности пользовалась большой популярностью на Киевщине [10]. Не случайно среди фресок охотничьего жанра в южной баш-

---

[5] М. К. Каргер. Древний Киев, II, М.— Л., 1961, стр. 244.
[6] ПВЛ, 1, стр. 144, 145.
[7] Там же, стр. 151.
[8] Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г. по их копиям XVIII в. СПб., 1908.
[9] См. Фотоархив Ф. Эрнста 1926—1927 гг. Фото развала пристройки у западной стены Золотых ворот. Научные фонды НИИТИ АСиА УССР, инв. № 5093, 5095, 5097.
[10] Н. В. Шарлемань. Фауна та мисливство навкруги Киэва 900 років тому. Сб.: «Біологію в маси», 3, Київ, 1938.

Рис. 4. Софийский собор в г. Киеве. Фреска XI в. «Охота на вепря»

не Софийского собора в Киеве также имеется подобный сюжет, изображающий охоту на кабана (рис. 4). Там нарисованы: вепрь, охотник, пронзающий зверя копьем, и собака. Несмотря на иную расстановку фигур, рисунок Золотых ворот и фреску собора связывает не только их очевидная сюжетная близость, но и ряд других признаков. Кроме того, в северной башне собора имеется фреска с изображением гончей собаки, преследующей оленя. По ее огромному размеру и длинным, лежащим вдоль спины ушам, легко угадывается та же порода, что и на рисунке Золотых ворот.

Дальнейшее сравнение рисунка Золотых ворот с фреской «Охота на кабана» показывает, что, несмотря на гораздо бо́льшие возможности техники фрески по сравнению с выцарапыванием, граффити обладает реалистическими чертами, иногда далеко опережающими фреску. Уже не раз исследователями фресок собора отмечалась беспомощность мастера, изобразившего на фреске вепря с совершенно невероятным для него поворотом головы назад, в сторону охотника. Анатомически неверно нарисована и ладонь левой, свободной руки охотника. Все это указывает на то, что художник, писавший фреску, плохо представлял себе кабанью охоту и был в большом затруднении, изображая вепря. Рассматривая граффити

Золотых ворот, можно с уверенностью утверждать, что рисунок на них сделан рукой человека, знавшего толк в охоте на кабана.

Граффити Золотых ворот проливают свет на тот источник, из которого черпали тематику живописцы, расписывавшие башни Софийского собора в Киеве — древнерусскую повседневную действительность.

Граффити Золотых ворот в Киеве, несмотря на малочисленность и плохую сохранность, представляют интересные фрагменты, пополняющие наши скудные сведения о древнерусском народном искусстве XI в.

П. Ф. ЛЫСЕНКО

СВИНЦОВЫЕ ИКОНКИ ИЗ ДРЕВНЕГО ТУРОВА

В 1962 г. во время раскопок детинца древнерусского города Турова (раскопки автора) были обнаружены четыре свинцовые иконки с изображениями различных святых. Находки эти представляют значительный интерес и заслуживают специальной публикации.

Три из них (инв. № 92, 111, 295) найдены в одном и том же квадрате № 79 на глубинах 147, 139 и 152 *см*, а четвертая (№ 353) — в соседнем квадрате № 80 на глубине 177 *см*. Анализ культурных напластований Туровского детинца позволяет выделить несколько четких слоев, различающихся по своей окраске и консистенции. Три иконки из квадрата № 79 относятся к нижнему горизонту третьего, а четвертая (с квадрата № 80) — к рубежу третьего и четвертого слоев. На основании находок фрагментов амфор, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц четвертый слой датируется XII—XIII вв., а третий — XIV—XV вв.

Все иконки отлиты из свинца в каменные или глиняные формы. Изображения на них односторонние, выполненные в технике горельефа, выступающие на 2,5—3,5 *мм* над пластиной-основой, толщина которой 2—3 *мм* (рис. 1). Иконкам присуща реалистическая манера изображения лиц, одежды, атрибутов, лишенная появляющейся в более позднее время стилизации. Изображения исполнены рукой хорошего художника и опытного мастера.

Иконка № 111 (рис. 1, *а*) имеет размеры 23 × 21 *мм* по осям эллипса, высота рельефного изображения — 3,5 *мм* при толщине пластинки 3 *мм*. На иконке изображена анфас фигура святой из чина великомучениц. Нимб окаймляет голову. Великомученица в головном уборе с длинными ниспадающими по обе стороны лица краями. Левая рука с четырехконечным крестом прижата к груди, положение правой неопределимо. Свободные одежды складками ниспадают с плеч. Тщательно вырезаны рот, нос, глаза, округлый овал молодого женского лица.

Размеры иконки № 295—27 × 24 *мм* по осям эллипса, высота рельефа — 2,8 *мм*, толщина пластинки — 1,5—2,5 *мм*. На иконке вырезано поясное изображение деисусной Богоматери (рис. 1, *б*). Художник очень динамично передает устремление Богоматери влево, где должен быть расположен образ ее сына — Иисуса Христа (в эту сторону повернут ее корпус, склонена голова, протянуты руки). Богородица изображена в свободных одеждах, столь же свободное широкое покрывало (мофорий) окутывает ее голову, окаймленную нимбом. Поза, черты лица (большие скорбные глаза, опущенные углы губ) выражают устремление матери к сыну и скорбь о его мученической доле.

Иконка № 92 слегка овальная (25 × 21 *мм* по осям эллипса), над пластинкой толщиной 2,5—3 *мм* на 3 *мм* возвышается рельефное изображение. На иконке дано анфас поясное изображение какой-то святой из свя-

Рис. 1. Свинцовые иконки из Турова

а — св. Варвара (?), *б* — Богородица, *в* — св. Анастасия или Евдокия (?), *г* — св. Кирилл Туровский (?)

тительского чина преподобных (рис. 1, *в*). Поверх одежд святой надета крестчатая епитрахиль. Концы остроконечного головного убора, напоминающего священническую камилавку, опускаются по обе стороны лица. Руки опущены вниз (не видны на иконке), выражение лица строгое, сосредоточенное.

Иконка № 353 имеет округлую форму (24 × 22 *мм*), над тонкой пластинкой-основанием (2 *мм*) рельефное изображение возвышается на 3,5 *мм*. На иконке дано анфас поясное изображение какого-то святого (рис. 1, *г*). Высокий лоб, плотно сомкнутые губы говорят о твердом характере умудренного жизненным опытом и книжным учением человека преклонного возраста. Прижатая к груди левой рукой книга и прижатые к груди персты (три) правой руки символизируют твердость веры и убежденность в истинности того учения, которое изложено в книге. Поверх широкой одежды святого на обоих плечах его видны широкие ленты с вышитыми крестами (омофор), голову окаймляет нимб.

Значительные трудности возникают при определении изображений святых, и состоят они прежде всего в том, что найденным иконкам нет точных аналогий, на них отсутствуют надписи.

Не вызывает трудностей в определении изображения только иконка № 295, на которой изображена скорбящая божья матерь в традиционной канонической позе. Определение[1] изображений на других иконках ныне может быть сделано только в предположительной форме. На иконке № 111 дано изображение великомученицы (крест в ее руке — символ мучеников), весьма вероятно, Варвары, которая часто изображается с крестом и епитрахилью. Косвенным подтверждением высказанному предположению могут служить сообщения о том, что великомученица Варвара была в Турове одной из наиболее почитаемых святых. Жена Святополка Изяславича, князя Туровского (с 1088 г.), а затем и великого Киевского (с 1093 г.), гречанка Варвара привезла с собой мощи великомученицы Варвары, а в Турове в честь своей покровительницы основала Варваринский монастырь, в котором и проживала до своей смерти (1124 г.)[2].

Гораздо меньше данных для определения изображения на иконке № 92. Очевидно, это одна из преподобных. Для них характерен атрибут в виде епитрахили. Указать, что именно из многочисленных преподобных изображен на туровской иконке, вряд ли возможно. Т. В. Николаева высказывает предположение, что на иконке № 92 изображена преподобная Ана-

---

[1] При определении изображений автор пользовался консультациями Т. В. Николаевой, Н. Г. Мишукова, за что, пользуясь случаем, выражает искреннюю признательность.

[2] Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, издание преосвященного Евгения, епископа Минского и Туровского. Киев, 1880, стр. 8, 10, 47.

стасия или преподобная Евдокия. Несколько больше конкретных черт, способных помочь в определении изображения, на иконке № 353. Прижатая к груди книга позволяет предположить, что это крупный христианский просветитель-проповедник, много сделавший для распространения христианства и канонизированный христианской церковью в сан святителя. Наброшенный на плечи омофор указывает, что он при жизни был епископом. Однако в дальнейшем определение личности изображения на иконе № 353 вновь наталкивается на трудности, так как здесь отсутствуют характерные атрибуты определенных святителей, в то же время раздвоенная борода изображенного на иконке святителя препятствует его отождествлению с кем-либо из широко известных христианских святителей. Н. Г. Мишуков считает, что фигуру на туровской иконке № 353 нельзя считать изображениями Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Николая Чудотворца. Представляется правдоподобным предположение об изображении на туровской иконке № 353 святого Кирилла Туровского. Выдающийся церковный и светский оратор, проповедник, не имевший себе равных в XII в., человек высокой грамотности, пользовавшийся огромной популярностью по всей Руси и особенно в Турове, бывший при жизни туровским епископом, после смерти был канонизирован православной церковью в святительский чин. Далеко не все христианские святые имеют свои иконописные изображения. Вполне вероятно, что мастер-ювелир, получивший задание изготовить изображения особо почитаемых в Турове святых, оказался в затруднительном положении именно вследствие того, что иконописного изображения Кирилла Туровского не существовало. Выход был единственный — придать изображению некоторые отличительные черты при обязательном изображении непременных атрибутов канонизированного в святители епископа — книги и омофора. Изображение на туровской иконке № 353 очень напоминает изображение Николая Чудотворца. Однако широкая лопатообразная борода Николая Чудотворца изображается раздвоенной только изредка и только на самом конце. Может быть, более широкое и глубокое раздвоение лопатообразной бороды на иконке № 353 и есть та отличительная черта, которой мастер-ювелир хотел обособить изображение Кирилла Туровского от широко известных изображений Николая Чудотворца. Можно допустить, что народное предание донесло до ювелира портретные черты Кирилла Туровского — его высокий и широкий лоб, лысую голову, раздвоенную лопатообразную бороду.

При определении назначения туровских иконок возникают значительные затруднения. Иконки не могли быть нательными. Ни в одной из них нет отверстий, ушек или приливов (или их следов) для ношения и ни на одной из них не замечено следов оправы. Вряд ли они служили и матрицами для изготовления формы под отливку, ибо не найдено нигде подобных иконок, да к тому же на них изображены довольно редко встречающиеся святые. Вероятнее всего, найденные иконки все использовались как вставки в одном изделии. Они залегали в слое очень близко одна от другой. Скорее всего иконки служили вставками в какой-либо металлический оклад. Боковые поверхности их аккуратно заглажены, а на верхнем крае иконки № 92 видно углубление, как под загибающиеся края обоймы. Едва ли иконки использовались в окладе евангелия — для него были бы изготовлены изображения евангелистов. Присутствие среди иконок изображения деисусной девы Марии подсказывает, что иконки, вероятнее всего, использовались в деисусной композиции, при которой вокруг образа Иисуса Христа крестообразно располагаются дева Мария, Иоанн Креститель, архангелы, апостолы, святители, преподобные и мученики. Подобные композиции чаще всего встречаются на кресте. Туровские иконки велики для использования на кресте-мощевике, кресте наперсном и малы для креста запрестольного. Вероятнее всего, что они предназначались для креста напрестольного и использовались в одной

композиции. Это позволит объяснить находку их компактной группой, а использование в композиции изображений святых на иконках № 111, 295 и 353 — их особым почитанием у населения древнего Турова. К тому же именно в крестах напрестольных и запрестольных чаще всего использовались поясные изображения святых. В напрестольном кресте расположение иконок, вероятнее всего, было следующим: в центре помещалась иконка Иисуса Христа (не найдена), слева от нее — иконка деисусной Богоматери (№ 295), справа — иконка Иоанна Крестителя (не найдена), вверху и внизу — иконки особо почитаемых местных святых (вверху — иконка № 353 с изображением Кирилла Туровского (?), внизу — иконка № 111 с изображением великомученицы Варвары (?) и иконка № 92 с изображением преподобной).

Несколько слов о технике изготовления. Все иконки выполнены способом отливки в глиняную форму. Об этом говорят хорошо заметные места усадки металла в толстых местах иконок (особенно заметны по тыльной стороне иконок № 295 и 353).

Иконки изготовлены в технике высокого горельефа. Изображения святых даны очень реалистично, черты лица индивидуализированы. В изображениях точно соблюдены требования иконографии в передаче индивидуальных атрибутов, особенностей одежды, что говорит о профессиональности мастера.

Высокий реализм в манере изображения и тщательность дополнительной обработки, отсутствие черт иконописной условности и стилизации XIV—XV вв. наряду со стратиграфическими наблюдениями служат дополнительным основанием для определения времени изготовления туровских иконок XIII веком. Не противоречит высказанному предположению о времени изготовления иконок и местоположение их в слое начала XIV в., ибо они безусловно использовались в течение нескольких десятилетий, прежде чем изделие погибло, а иконки утеряны. Если на иконке № 353 действительно изображен Кирилл Туровский, то мы получаем еще одно подтверждение предположению о времени изготовления иконок, так как канонизация святых производится христианской церковью не ранее 40—50 лет со дня их смерти, а Кирилл Туровский добровольно оставил Туровскую епископию в 1182 г.[3], после чего некоторое время проживал в туровских монастырях.

Материал туровских иконок — свинец — редок для ювелирных изделий Древней Руси. Впрочем, помимо иконок, в Турове найдены также две свинцовые розетки, свинцовые булавы и свинцовый слиток в форме усеченного конического кирпича весом около 20 *кг*.

Среди археологического вещевого материала древнерусского периода туровские иконки занимают несколько особенное положение. Прямых аналогий иконкам нет.

Естественно было бы предположить, что в Туров они привезены из какого-либо крупного ремесленного центра Древней Руси. Однако отсутствие подобных мастерских в других городах, а также разгром в середине XIII в. большинства крупнейших ремесленных центров на северо-востоке и юге Древней Руси заставляет отказаться от подобного предположения и допустить возможность местного производства свинцовых иконок, тем более, что в Турове они не являются единственными изделиями из свинца. Несомненные свидетели местного ювелирного производства — тигли, льячки, каменные формочки — уже выявлены в раскопках на Туровском детинце.

---

[3] Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского, стр. 49.

К. В. КОСТРИН

ИССЛЕДОВАНИЕ СМОЛИСТОГО ВЕЩЕСТВА ИЗ «ЧЕРНОСМОЛЕНЫХ» КУВШИНОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТМУТАРАКАНИ

В 1952—1955 гг. Таманская экспедиция Института археологии Академии наук СССР под руководством акад. Б. А. Рыбакова производила обширные археологические работы на городище древней Тмутаракани. Среди массового материала раскопок привлекли внимание многочисленные обломки красноглиняных кувшинов, которые изнутри были покрыты «тонким слоем черного смолистого вещества, ...предохранявшего находящиеся внутри жидкости от испарения» [1]. Наиболее древние из них датируются VIII в.; в IX в. число их резко возрастает, но особенно много таких находок было в слоях X—XI вв. Следовательно, кувшины были изготовлены во времена хазарского и русского периодов истории Тмутаракани.

При раскопках удалось обнаружить также более 20 целых или только частично разбитых кувшинов различного времени изготовления — от VIII до XI вв. Они имели размеры: общую высоту от 47 до 51 *см*, диаметр наиболее широкой части 18—23 *см*. По нашим расчетам, их вместимость была в 6—8 *л*. Кувшины использовались жителями Тмутаракани, так же как и предшествующие им амфоры, в качестве тары для хранения и торгового транспорта жидких и сыпучих продуктов. По предварительным подсчетам, внутреннее «смоление» имели (как в VIII—IX, так и в X—XI вв.) примерно 80% кувшинов от общего их количества. Некоторые амфоры тех же периодов, найденные при раскопках, также имели внутри аналогичное смоляное покрытие.

А. А. Миллер, копавший в 1930 г. Таманское городище, также встречал сосуды, «стенки которых изнутри покрыты тонким блестящим слоем смолистого вещества». И. И. Ляпушкин [2], участник работ А. А. Миллера, описывая находки 1930 г., отметил: «назначение этого слоя, по всей вероятности, сделать сосуд неспособным к пропусканию или впитыванию жидкостей через стенки» — и указал в примечании: «Согласно анализу, произведенному сектором археологической технологии ИИМК АН, отмеченное смолистое вещество имеет сходные признаки с живицей (смолой, вытекающей из хвойных деревьев)».

Однако анализ смолистого вещества, выполненный в начале 1930-х гг. на уровне лабораторной техники того времени и установивший только «признаки» сходства вещества с «живицей», не может в настоящее время считаться достаточно убедительным. Поэтому по инициативе Института археологии Академии наук СССР и было предпринято настоящее исследование.

Переданные нам три фрагмента «черносмоленых» кувшинов [3] имели различную степень, но одинаковый характер «смоления». Их внутренние стороны не покрыты гладкой непрерывной пленкой смолистого вещества (т. е. не имеют вида поверхности, на которую нанесен слой лака), а пропитаны смолистым веществом на глубину 0,5—1,5 *мм* и сохранили при этом структуру необработанной керамики. Такой характер «смоления» мог получиться только в результате того, что в кувшины наливалась ка-

---

[1] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 52—59.

[2] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941, стр. 207.

[3] Инвентарные №№: ТМ-53, РО, 1059; ТМ-55, 312; ТМ-53, РО, 801.

кая-то мало вязкая, высоко подвижная жидкость, которая пропитывала пористое керамическое тесто, а затем в течение длительного времени под влиянием различных факторов превращалась в твердое смолоподобное вещество. На внутренних сторонах фрагментов не было «слоя черного смолистого вещества», а имелся слой пористой керамики, адсорбировавшей вещество, которое затем претерпело сложные физико-химические превращения в ее порах в адсорбированном состоянии.

Вследствие вышеописанного характера «смоления» мы не смогли отделить от поверхности обломков даже хотя бы крохотной чешуйки смолистого вещества как такового. Поэтому обломки кувшинов, по возможности исключив из них «пустую» керамику наружных сторон, мы подвергли длительной (48 часов) экстракции кипящим бензолом, а затем — такой же обработке четыреххлористым углеродом. Раствор в бензоле получился слабо соломенного цвета, раствор в четыреххлористом углероде — почти бесцветный, с едва заметной желтизной. 100 *мл* бензола извлекли 7,5 *мг* вещества, 100 *мл* четыреххлористого углерода — 1,6 *мг*, всего было получено 9,1 *мг* смолы. Как известно, эти растворители полностью, на 100% растворяют в себе все углеводороды всех гомологических рядов, все виды смол и асфальтены. Подвергнутые экстракции обломки сосудов имели покрытую смолой общую площадь около 100—110 *см*^{2}.

Крайне незначительное количество вещества, извлеченного из фрагментов, не позволило нам выполнить его детального, количественного исследования. Пришлось ограничиться качественным люминесцентным анализом, т. е. таким особо чувствительным методом, который способен определить характер вещества, несмотря на его весьма малую концентрацию в растворителе [4]. Полученные при экстракции растворы, помещенные в колбы Эрленмейера, освещались ртутно-кварцевой лампой, закрытой светофильтром, который задерживает все видимые лучи и хорошо пропускает ультрафиолетовое излучение определенной волны. Параллельно с испытуемыми образцами освещались растворы (примерно той же концентрации 10 *мг* на 100 *мл* растворителя) других веществ, которые предположительно могли храниться или образоваться в сосудах средневековой Тмутаракани. Кроме того, в тех же условиях мы исследовали некоторые вещества с целью получения материала для сравнения.

Результаты определения возбужденного люминесцентного свечения (флуоресценции) бензольных растворов приведены в табл. 1. Флуоресценция растворов тех же веществ в четыреххлористом углероде, имевших более низкую концентрацию, имела тот же характер и ту же закономерность, но проявлялась с меньшей интенсивностью, т. е. с меньшей яркостью свечения.

На основе анализа видно, что вещество, извлеченное из обломков кувшинов, имеет определенно выраженную голубую флуоресценцию с молочным оттенком. «Живица» при освещении флуоресцировала слабым светло-зеленым цветом. Для проверки мы увеличили концентрацию «живицы» в растворе до 1 *г*, а затем до 3 *г* на 100 *мл* бензола, но и тогда, сохраняя зеленый цвет, свечение не достигло той интенсивности, с какой светился весьма слабый раствор «смолистого вещества». Таким образом, как по цвету, так и по интенсивности флуоресценция вещества резко отличалась от флуоресценции «живицы». Для повторной проверки мы определили флуоресценцию других продуктов, получаемых из древесной смолы хвойных деревьев: скипидара и канифоли (остаток при промышленной перегонке «живицы»), а также смолы лиственных пород. У всех

---

[4] М. А. Константинова-Шлезингер. Люминесцентный анализ. М., 1961, стр. 66—72, 351—371; Ф. М. Эфендиев. Люминесцентный метод исследования нефтей и битумов. Баку, 1953, стр. 54—82.

этих веществ флуоресценция имела хотя и различный оттенок, но определенно зеленый цвет.

Как известно, в эпоху средневековья и ранее обитатели берегов Черного моря хранили в амфорах и кувшинах оливковое масло и вино. Испытание этих веществ показало, что они не могли служить первопричиной образования смолистого внутреннего покрытия «черносмоленых» кувшинов.

Таблица 1

Люминесцентное свечение растворов смолистого вещества из кувшинов средневековой Тмутаракани и некоторых других веществ

Наименование веществ	Цвет флуоресценции
Бензол (растворитель)	не флуоресцирует
Четыреххлористый углерод (растворитель)	не флуоресцирует
«Живица» (смола хвойных деревьев)	слабый, светло-зеленый, салатного оттенка
Скипидар	слабый, желтовато-зеленый
Канифоль	слабый, тускло-зеленый
Древесная смола лиственных пород	слабый, зелено-голубой
Оливковое масло	оранжево-розовый
Вино виноградное, натуральное, красное	не флуоресцирует
Парафин очищенный	слабый беловато-фиолетовый
Церезин	голубовато-фиолетовый
Остаточное масло из туймазинской нефти	тускло-голубой со слабым молочным оттенком
Нефть сырая, туймазинская	бледно-голубой с сильным молочным оттенком
Битум нефтяной с температурой размягчения 125°	голубой с очень слабым молочным оттенком
Экстракт вещества из «черносмоленых» кувшинов	голубой со слабым молочным оттенком

В отличие от перечисленных веществ, флуоресценция нефти и нефтепродуктов оказалась голубой, т. е. такой же, какую имел экстракт из обломков кувшинов. Наиболее близким к последнему по оттенку и характеру был цвет флуоресценции высокоплавкого битума.

Таким образом, люминесцентный анализ дает убедительное указание на нефтяное происхождение смолистого вещества средневековых кувшинов Тмутаракани.

Среди «голубых» нефтепродуктов по фиолетовому цвету флуоресценции выделяются парафин и церезин (высокомолекулярный, высокоплавкий парафин изостроения с примесью смол и масел). Поэтому можно предположить, что в древней нефти, остатком которой является смолистое вещество, парафины или отсутствовали или содержались в небольших количествах.

Следовательно, эта нефть была, по-видимому, беспарафиновая, нафтеново-ароматическая. Такие нефти характерны для некоторых месторождений Причерноморья.

Исходя из вышеизложенного, можно представить механизм образования смолистого вещества в порах керамики. Хранившаяся в кувшинах нефть частично впитывалась внутренней поверхностью стенок. При длительном использовании кувшинов адсорбция нефти была большей, при меньшем времени хранения нефти в сосудах — адсорбция, естественно, была меньшей. Отсюда различная степень «смоления» поверхности стенок кувшинов. Затем в течение десяти веков адсорбированная нефть испа-

рялась, окислялась, испытывала воздействие бактерий и, возможно, каталитическое влияние глины и превратилась в твердое вещество, подобное битуму — асфальту. Поэтому и флуоресценция вещества оказалась наиболее сходной именно с флуоресценцией высокоплавкого нефтяного битума.

Находки на Таманском полуострове, на берегах Крыма, на Маныче амфор, наполненных нефтью [5], а также исторические источники косвенно подтверждают данные нашего анализа. В X в., т. е. в тот период, вещественными памятниками которого являются «черносмоленые» кувшины, Константин Багрянородный писал в трактате «Об управлении государством»: «Должно знать, что за городом Таматархою имеется много источников, извергающих нефть.

Должно знать, что в Зихии у местности Паги, лежащей в сторону Папагии, где живут Зихи, есть девять источников, извергающих нефть. Масла этих девяти источников не одноцветны, но одни из них красные, другие желтые, третьи черноватые.

Должно знать, что в Зихии, в местности, называемой Папаги, где вблизи находится селение, называемое Сапакси... также есть источник, извергающий нефть... Там имеется и другой нефтяной источник в селении, носящем название Хамух... Эти места отстоят от моря на один день конного пути.

Должно знать, что в Дерзинской области... вблизи поселка Сапикия и поселка, называемого Епископским, есть источник, извергающий нефть.

Должно знать, что в Цилианертской области... под Срехиаварксом есть источник, извергающий нефть» [6].

Из сообщений Константина Багрянородного видно, что ему были известны 14 источников нефти в окрестностях Таматархи. В том же трактате, написанном как наставление сыну, он предупреждал своего наследника: «надлежит тебе думать и заботиться и о жидком огне, выбрасываемом из труб». По-видимому, именно таманская и керченская нефти использовались византийцами для изготовления их грозного боевого средства — знаменитого «греческого огня».

В. Н. Татищев, используя не сохранившиеся до наших дней источники, описывая неудачный поход князя Игоря на половцев в 1184 г., отметил: «Хан Кончак имел мужа, умеющего стрелять огнем и зажигать грады, у коего были самострельные луки так велики, что едва восемь человек могли натягивать, и укреплены были на возу великом. Сим он мог бросать каменья в середину града в подъем человеку и для метания огня имел особый малейший, но вельми хитро сделанный» [7].

Ипатьевская летопись, повествуя о тех же событиях, сообщает, что «безбожный и треклятый Кончак... бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огньм...» [8]. Поход Игоря, по времени, имел место в половецкий период истории Тамани. И половцы для «живого огня» не могли использовать никакой другой нефти, кроме как из источников Керчи или Тмутаракани.

Станислав Сестренцевич-Богуш, хотя и много позднее, также писал о нефтеносности указанных районов: «Близь города Керчи есть весьма пространная равнина... Сей город имеет пространную и открытую с юга

---

[5] Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 151—154; К. В. Кострин. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станции Пролетарской. СА, 1965, 1, стр. 291—293; В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиратаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, 3—4.

[6] Константин Багрянородный. Об управлении Государством. ИГАИМК, 91, 1934, стр. 44.

[7] В. Н. Татищев. История Российская с древнейших времен, III, СПб., 1774, стр. 259.

[8] ПСРЛ, II, СПб., 1843, стр. 128—129.

рейду. Составляющий оную от города Иеникуля до мыса Ак-буруна берег весьма крут и приставать к нему можно только по близости сих двух городов. Между ими и Азовским морем есть в горах солоноватыя воды, на поверхности коих всплывает каменное масло или нефть, которую жители собирают в великом множестве». И далее: «Остров Таман назывался попеременно Минтана, Ада-Таматарха, Тму-таракан и Матрега. Таман есть главный его город. Почва земли содержит горючия вещества, как то могли удостовериться множеством каменного масла...» [9].

Таким образом, в эпоху средневековья Тмутаракань была центром добычи и торговли нефтью, применяемой для освещения, для военных целей и как лекарственное средство. Нефть заготовлялась и хранилась в больших количествах не только для местного потребления, но и для вывоза. Для хранения и транспорта нефти требовалось много тары — амфор и кувшинов. Недолговечность, относительная непрочность керамических сосудов также обусловливала необходимость их изготовления в больших количествах. Этими обстоятельствами и объясняется многочисленность обломков «черносмоленых» кувшинов, обнаруженных при раскопках Тмутаракани [10].

[9] С. Сестренцевич-Богуш. История царства Херсона Таврического, 1. СПб., 1806, стр. 22—23, 36—37.

[10] Большую помощь в настоящем исследовании нам оказали научные сотрудники Института археологии АН СССР Г. Ф. Соловьева и Т. И. Макарова, руководитель сектора качества и стандартов Башкирского НИИ НП М. Б. Вольф и (в экспериментальной части) научный сотрудник того же института Е. П. Глозман.

В. А. КУЧКИН

ЗАХОРОНЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО И РУССКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Вскрытие в 1963 г. в Архангельском соборе московского Кремля гробниц Ивана Грозного, его сыновей Ивана Ивановича и Федора Ивановича, а также усыпальницы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского вызвало живой интерес. Получены данные, позволяющие внести дополнительные штрихи в характеристику заметных политических деятелей России второй половины XVI — начала XVII вв. Этот материал еще ждет своего научного описания и издания. Только тогда в полной мере может выясниться его значимость и могут быть разрешены недоуменные вопросы, с которыми пришлось столкнуться исследователям при работах в Архангельском соборе. Один из них — не совсем обычное положение руки Ивана Грозного. По свидетельству М. М. Герасимова, проводившего изучение костных останков царя Ивана и воссоздавшего его облик, правая рука последнего «не покоилась, как положено по христианскому обычаю, на груди, скрещенная с другой рукой, а была приподнята к правому плечу. Левая же рука сохраняла свое обычное положение. Случайность? Нет. Через несколько дней, вскрыв гробницу М. В. Скопина-Шуйского, мы увидели точно такую же картину. Время тут не могло оказать своего влияния: погребенные были плотно спеленуты покровом и поверх повязаны жгутом. Нельзя объяснить это и анатомическими особенностями. Рука Ивана при жизни совершенно свободно сгибалась в локте, в полную меру работала в плече. Между тем никто из ученых никогда не встречался с таким обрядом погребения. Очевидно, это какой-то особый обряд, до сих пор нам неведомый, и историкам еще предстоит разобраться в нем» [1].

[1] М. Герасимов. Лицо Ивана. «Неделя», 14, 1964, стр. 16. Заметим, что Грозный был похоронен в схиме, свивального пояса на нем не было.

Сообщения о странном положении правой руки Грозного, напечатанные в «Огоньке» [2] и «Неделе», заинтересовали читателей. В «Огоньке» появился обзор их писем и заметка М. Волского, который взялся «ответить на недоумение историков, антропологов, археологов и писателей» [3]. По его мнению, в древней Руси знатным покойникам при отпевании в поднятую правую руку вкладывали грамоту с разрешительной молитвой. При надвигании крышки гроба с ног на голову рука должна была сгибаться и отходить к правому плечу, прикрывая лицо. Так произошло с Иваном Грозным и М. В. Скопиным-Шуйским. Когда крышка гроба надвигалась с головы на ноги, правая рука должна была пригибаться к правому бедру. Такое положение правой руки обнаружилось в Суздале при вскрытии гробницы сына Юрия Долгорукого — Святослава, умершего в 1174 году. «Итак, я полагаю,— писал М. Волский,— что наклон правых рук Ивана Грозного и М. В. Скопина-Шуйского к щеке нашел свое объяснение» [4].

На мысль о подобном погребальном обряде М. Волского натолкнула роспись в Ново-Афонском монастыре с изображением Александра Невского, берущего прощальную грамоту из рук митрополита Кирилла. В подтверждение своей догадки М. Волский сослался на текст жития Александра Невского, помещенный в Великих Минеях Четьях митрополита Макария, и на клеймо житийной иконы Александра Невского из собора Покрова на Рву, где изображен князь, протянувший руку за разрешительной грамотой. При более внимательном ознакомлении с памятниками, которые использовал М. Волский, обнаруживается, что они не позволяют сделать те выводы, к каким пришел этот автор.

В самом деле, роспись Ново-Афонского монастыря, основанного в 1876 г., не может служить историческим источником, характеризующим русский погребальный обряд XIII в. Сказанное полностью относится и к изображению на житийной иконе Александра Невского из собора Покрова на Рву в Москве. По мнению М. Волского, икона эта относится к XVI в. Обследование иконы показывает, что все рассказы о «чудесах» Александра Невского, иллюстрациями к которым являются клейма иконы, содержатся в редакции жития этого князя, составленной вологодским епископом Ионою Думиным в 1591 г. [5]. Поэтому она может быть датирована самым концом XVI или началом XVII в. Следовательно, и изображение на этой иконе Александра с вытянутой рукой является не реальным свидетельством XIII века, а представлением о нем иконописца конца XVI — начала XVII столетия. Больше того, клеймо, о котором идет речь (№ 14), вовсе не изображает древнерусский обряд погребения, как полагает М. Волский. Это лишь иллюстрация одного из эпизодов жития Александра Невского. Для характеристики погребального обряда в средневековой Руси гораздо показательнее клейма 13 и 17 той же иконы, где Александр изображен лежащим в гробу со скрещенными крест накрест на груди руками. Очевидно, в представлении иконописного мастера конца XVI — начала XVII в. именно такое положение рук усопшего было обычным.

Не убедительна и цитата из Великих Миней Четий, приведенная в заметке М. Волского. В Великих Минеях Четьях помещено две редакции жития Александра Невского: Владимирская и редакция, составленная псковичем Василием-Варлаамом. Первая содержится только в московских списках Великих Миней Четий. В более раннем новгородском списке

---

[2] В. Белецкая, А. Андреев. Загадки гробницы Ивана Грозного. «Огонек», 12, 1964, стр. 31.

[3] М. Волский. Десница Грозного. «Огонек», 36, 1964, стр. 17—18.

[4] Там же, стр. 17.

[5] В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913, Прилож., стр. 103—116.

ее нет [6]. Написана Владимирская редакция примерно в 1550 г. [7] Из этой-то редакции, созданной почти три столетия спустя после смерти Невского, и заимствована цитата М. Волским. Если же обратиться к другим редакциям жития Александра Ярославича, то оказывается, что место о вложении в руку Невского прощальной грамоты передано в этих редакциях по-разному. Одни редакции заканчивают описание эпизода на том, как Александр сам взял прощальную грамоту из рук митрополита Кирилла [8], другие добавляют к этому, что после принятия грамоты князь снова согнул руку [9]. Термин «рука» в приведенных текстах не вполне устойчив. Под этим словом можно разуметь и кисть, как, по-видимому, это понимается во втором варианте старшей редакции жития Александра Невского, и собственно руку, как в редакции Ионы Думина. Но если принять второе толкование, то по смыслу всех приведенных отрывков следует, что Александра положили в гроб с пригнутыми к телу руками, а не с вертикально поднятой правой рукой, как это кажется М. Волскому. Объяснение последним необычного положения правой руки Ивана Грозного не находит никакого подтверждения в рассмотренных материалах.

* * *

О русском средневековом погребальном обряде известно немного. Ограниченность наших знаний объясняется скудностью данных письменных источников. Однако сохранилось несколько разновременных свидетельств о правилах захоронения усопших, которых придерживались в древней Руси. Древнейшим свидетельством подобного рода является описание кончины Феодосия Печерского, умершего в 1074 г. По словам Нестора, составившего его жизнеописание между 1081 и 1088 гг., Феодосий «опрятався и нозе простер и руце на персех крестообразне положь, предасть святую ту душю в руце божии» [10]. Следовательно, уже в XI в. существовал обычай крестообразно складывать руки покойникам.

Обязательность подобного положения рук при погребении подчеркивал и митрополит Никифор I в своем Послании ко князю Ярославу Святополковичу. Глава русской церкви выступал против обычая католиков, которые в отличие от православных христиан «не крестообразно руце покладают» [11] умершим. Послание Никифора было написано между 1103 и 1121 гг. [12] Оно свидетельствует, что и в XII в. на Руси бытовало твер-

---

[6] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. 9, ч. II, тетр. I, ноябрь, дни 23—25, М., 1917, стл. 3224, прим. 8; Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, II, СПб., 1907, стр. 62.

[7] В. А. Кучкин. Повести о Михаиле Тверском. Доклад, прочитанный 16 февр. 1966 г. на заседании древнерусской группы Института мировой литературы им. А. М. Горького.

[8] В древнейшей редакции жития Александра Невского это место читается так: «Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастиян пономъ и Кирилъ митрополит хотя розъяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от рукы митрополита» (Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели Русской земли», М.— Л., 1965, стр. 179).

[9] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, стл. 3257; там же, стл. 3236—3237; ПСРЛ, XXI, ч. 1, СПб., 1908, стр. 293; В. Мансикка, Ук. соч., стр. 101—102.

[10] А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века московского Успенского собора, I, М., 1899, стр. 92—93; В. Яковлев. Памятники русской литературы XII и XIII веков. СПб., 1872, стр. IX; А. А. Шахматов. Повесть Временных лет, I. ЛЗАК, XXIX, СПб., 1916, стр. XXVII.

[11] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, I, 2, М., 1881, стр. 717, пункт 10.

[12] Там же, стр. 712, примеч. 2 и стр. 717.

дое правило при захоронениях христиан крестообразно складывать им руки на груди. Данные о существовавших в русской церкви правилах погребения усопших содержатся также в канонических сборниках XIII—XVII вв. В многочисленных списках русских кормчих того времени встречается статья византийского происхождения «О фрязех и прочих латынех» [13]. Она была составлена во второй половине XI в. и вскоре переведена на славянский язык [14]. В ней осуждались некоторые обряды римской церкви, в частности обряд погребения. Погребение католиков противопоставлялось тут погребению православных христиан: «епископом их умершим за всю осмь дний оставляють я не погребены. И сущим в пределе том вси пришедше, яко же обычаи имеют, облекше и, поют над ним, и тогда погребають. Руце не крестообразно полагають ему на персех, яко же и мы, но долу при бедрах простирают» [15]. Показательно, что статья «О фрязех и прочих латынех» вошла в русское церковное законодательство. Она попала в так называемую 70-главую кормчую, составленную на Руси при митрополите Кирилле около 1274 г. [16] и давшую начало многочисленным ее переработкам в XIII—XVII вв. Включение данной статьи в более поздние редакции показывает, что на протяжении нескольких столетий приведенная выписка была действующим церковным законом, который требовал при захоронении православных христиан складывать им крест накрест руки на груди. Расположение у усопших рук вдоль бедер, типичное для католиков, осуждалось русской церковью.

Об обязательном крестообразном положении рук у покойников, при жизни исповедывавших православие, говорит и статья «Слово, како держать веру немци», обычно приписываемая митрополиту Григорию Цамблаку [17]. В этом сочинении, написанном в XV в., также подчеркивалась разница между православным и католическим обрядами погребения. Разница эта, между прочим, заключалась в различном положении рук усопших при их захоронении.

Помимо письменных источников, для характеристики погребального обряда в XIV — первой половине XVI в. могут быть использованы и памятники изобразительного искусства. Несколько миниатюр с изображением погребений князей, монахов, высших церковных иерархов есть в Радзивилловской летописи, датируемой концом XV в. Шесть миниатюр рукописи иллюстрируют похороны духовных лиц. Монахи изображены в схиме, поэтому положение их рук не всегда вполне ясное [18]. На одной из миниатюр, изображающей лежащего в гробу Феодосия Печерского, отчетливо видны руки, крестообразно сложенные под схимой [19]. В противоположность черному, белое духовенство, судя по миниатюрам Радзивилловской летописи, погребалось в ризах. В епископском облачении представлен Стефан, владыка Владимирский (ум. в 1094 г.), в митрополичьем — митрополит Константин (ум. в 1159 г.) [20]. У Стефана руки скрещены на груди, хотя изображение и не совсем ясное. У Константина левая рука лежит на груди, а правой он благословляет окружающих.

---

[13] А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 56—69.

[14] А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 57; А. С. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 43—71.

[15] А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 65.

[16] Я. Н. Щапов. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей. «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 296—297, 301.

[17] А. Н. Попов. Ук. соч., стр. 322—323; А. С. Павлов. Ук. соч., стр. 87.

[18] Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, 1, СПб., 1902, лл. 109, 122, 114 об.

[19] Там же, л. 110.

[20] Там же, лл. 130 и 202 об.

Сравнительно велико в Радзивилловской летописи число иллюстраций к рассказам о смерти и погребении князей. Любопытно отметить, что князья X—XI вв. показаны на миниатюрах Радзивилловской летописи лежащими в гробницах в саванах, перевитых свивальными поясами. Так изображены Ольга [21], Владимир [22], Борис Владимирович [23], Мстислав Владимирович [24]. Несмотря на то, что погребенные нарисованы в саванах, у Владимира и Бориса под саваном хорошо видны руки, скрещенные крест накрест на груди. У Ольги и Мстислава это видно хуже. Князья XII—XIII вв., если верить рисункам Радзивилловской летописи, погребались в княжеских одеждах. В княжеском одеянии изображены князья Володимерко Володаревич Галицкий (ум. в 1152 г.) [25], Вячеслав Владимирович Мономах (ум. в 1154 г.) [26], Святослав Юрьевич (ум. в 1174 г.) [27], Михалко Юрьевич (ум. в 1177 г.) [28], Владимир Святославич Черниговский (ум. в 1201 г.) [29]. Все они нарисованы со скрещенными на груди руками, даже Святослав Юрьевич, при вскрытии гробницы которого оказалось, что правая рука его лежит вдоль бедра [30].

Единственным исключением из всей серии рисунков летописи является миниатюра с изображением похорон князя Олега Святославича (ум. в 977 г.). Олег изображен в княжеской одежде, руки его протянуты вдоль бедер [31]. Последнее понятно: брат Владимира, крестившего Русь, остался язычником.

Несомненно, что в рисунках Радзивилловской летописи нашел отражение тот самый погребальный обряд, который зафиксирован письменными источниками: при положении в гроб руки усопших складывать крест накрест на груди.

Что касается миниатюры с изображением митрополита Константина, благословляющего окружающих, то здесь следует видеть не отражение какого-либо погребального обряда, а скорее определенное идейное устремление художника. Кстати, подобные изображения нередки в житийных иконах русских святых конца XV — начала XVI вв. Так, с правой благословляющей рукой изображены: Дмитрий Прилуцкий в клеймах на иконе из Вологодского музея [32]; митрополит Алексей на иконе, хранящейся в Государственной Третьяковской галерее [33]; митрополит Петр на иконе, парной предшествующей, из музея Успенского собора московского Кремля [34]; Сергий Радонежский на иконе из Государственной Третьяковской галереи [35]. Александр Невский на упоминавшейся выше иконе из музея-собора Покрова на Рву в 15-м клейме, изображен благословляющим левой рукой и с правой, лежащей на груди [36]. В русских иконах на биб-

---

[21] Там же, л. 36 об.

[22] Там же, л. 74 (две миниатюры).

[23] Там же, лл. 75 об. и 76, а также л. 106 об.— перенос мощей Бориса в 1072 г.

[24] Там же, л. 86.

[25] Там же, л. 196 об.

[26] Там же, л. 198 об.

[27] Там же, л. 213.

[28] Там же, л. 221 об.

[29] Там же, л. 243 об.

[30] «Огонек», 36, 1964, стр. 17.

[31] Радзивилловская летопись, т. 1, л. 42.

[32] Клейма 11 и 12 (сообщено М. Н. Шпрыговой). Икона воспроизведена. См. «История русского искусства», III, М., 1955, стр. 497.

[33] Клейма 15 и 16. Воспроизведение иконы см. там же, стр. 493; В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи, I, М., 1963, иллюстрации, № 224.

[34] Клеймо 18. Воспроизведение иконы см. О. Зонова. Художественные сокровища московского Кремля, М., 1963, иконы, № 27.

[35] Клейма 15 и 16. ГТГ, № 20879.

[36] Клеймо 15. На клеймах 13 и 17, где Александр изображен лежащим в гробу, руки князя сложены крест накрест на груди.

лейские и византийские сюжеты руки усопших обычно показаны сложенными на груди крестообразно [37].

Нет ни одного изображения умершего, у которого правая рука покоилась бы на правом плече, как это обнаружилось при вскрытии захоронения Ивана Грозного.

Насколько можно судить по некоторым документальным и изобразительным материалам XVI в., и в этом столетии сохранялся обычай при погребении складывать покойникам руки на груди крестообразно. В Лицевом летописном своде есть миниатюра с изображением Ивана Грозного, склоненного перед мощами митрополитов Петра и Ионы, лежащих в своих усыпальницах со скрещенными на груди руками [38]. Скрещены крестообразно руки и у положенного в гроб Василия III [39]. На резной раке Зосимы Соловецкого 1566 г., хранящейся в Гос. Третьяковской галерее, Зосима изображен лежащим в гробу с руками, крестообразно сложенными на груди. Характерна интерпретация современником Ивана IV, вологодским епископом Ионою Думиным, чуда Александра Невского с разрешительной грамотой. По его словам, последний «сам к нему (митрополиту Кириллу.— *В. К.*) свою руку простре, аки жив, взем от руки его хартию сию разрешительную и паки согбе руки си, держа хартию на персех си...» [40]. Текст И. Думина ясно показывает, что вологодский епископ не представлял себе усопшего князя иначе, как со скрещенными руками на груди. Подобные сведения сохранились и от XVII в.

В 1678 г. в Москве заседал церковный собор, на котором рассматривалось дело о написании жития и причтении к лику русских святых княгини Анны Кашинской, умершей еще в XIV в. В жизнеописании новоявленной святой (ее мощи были открыты в 1649 г.), составленном противниками реформ патриарха Никона, говорилось, что рука княгини была сложена благословляющей, т. е. двоеперстно. Собор специально остановил свое внимание на этом свидетельстве. В его решении было записано следующее: «руце благословящей быти не дивно по смерти, но у иереа, паче же у архиереа, тех бо руки не сами собою сгибаются благословящими (ведает сие искуснии), но абие по смерти архиереа, донде же мягка плоть, сгибают тамо присущии персты руки благословящия и одерживают долгое время, донде же остоятся, и тако ожесточав, в прочее пребывают. Мирянина же человека никако же где обретается по смерти рука согбенная, и нелепо быти благословящей, аще и мужестеи, колми паче женстеи руце, не прилично быти благословящеи. По смерти убо тех не сгибают перстов благословящими, ниже тако одерживают, но просто полагают руки таковых крестовидно простертыми дланми к персем правы имущыми персты» [41]. Как видно из постановления собора, и в XVII в. правилом являлось крестообразное положение рук усопших при захоронении. Это относилось как к мужчинам, так и к женщинам. Некоторое различие наблюдалось лишь в захоронениях мирян и лиц духовных. У последних специально приставленные люди («искуснии») складывали пальцы правой руки в благословляющий жест. Весьма симптоматично, что высшие иерархи русской церкви, сыновья современников Ивана Грозного и М. В. Скопина-Шуйского, ни словом не обмолвились об обычае пригибать

---

[37] См., например, иконы Успения богородицы в «Каталоге древнерусской живописи».

[38] ГИМ, Синод, № 149, л. 459 об.

[39] Там же, лл. 67 об. и 72. Правда, миниатюрист изобразил Василия III со скрещенными руками скорее не на груди, а на животе, но, возможно, здесь некоторая погрешность в рисунке.

[40] В. Мансикка. Ук. соч., стр. 101—102.

[41] ГИМ, Синод, II, лл. 302—302 об. (Оригинал соборного решения). Этот текст по поздней копии, имевшей ошибки, напечатан в статье: А. Дмитриев. По поводу статьи г-на Костомарова «Церковно-историческая критика в XVII в.», ЧОИДР, 4, М., 1871, отд. I, стр. 57.

правую руку к плечу. Такой обряд был им неизвестен. Не упоминают о нем и рассмотренные выше русские памятники XI—XVI вв. Это не случайно. В данном случае молчание источников — доказательство отсутствия такого обряда. На протяжении веков на Руси сохранялось твердое правило при погребении складывать покойникам руки крест накрест на груди. Иное положение рук должно было рассматриваться и рассматривалось как нарушение религиозных канонов.

Все это, однако, не снимает вопроса о том, чем же вызвано необычное положение правой руки царя Ивана. Можно отметить, что подобное положение руки на плече вовсе не такая уж большая редкость, как это кажется. С подобным случаем встретились, например, еще в 1677 г., когда специальная комиссия осматривала захоронение Анны Кашинской. Комиссия нашла, что у женского скелета, который выдавался за останки тверской княгини, «от лактя правая рука вся цела же лежит на правом плече», левая же «поперег на утробе». Было отмечено, что «мощи и глава на правую страну мало повратилися, левое плече приподнялося, а правое понизилося». Из этого описания явствует, что правая рука скелета сползла к правому плечу вследствие наклона самого скелета вправо. Захоронение, которое комиссия осматривала, кроме того, было нарушенным, ибо в 1650 г. предполагаемые мощи Анны перенесли из одной кашинской церкви в другую. Тем не менее этот документ дает ответ на «загадку» гробницы Ивана Грозного, который прозаичен: следует считать, что положение правой руки царя Ивана на правом плече объясняется просто механическим сползанием ее вправо. Замеры, произведенные сотрудником музеев московского Кремля Е. С. Сизовым, показали наличие легкого наклона вправо поверхности гробницы Грозного.

В свете рассмотренных фактов говорить о каком-то не известном нам обряде погребения, будто бы произведенном над Иваном Грозным, нет оснований.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

О ТЕРМИНАХ «МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР», «ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ» И ДРУГИХ

Термины «металлургический центр», «очаг металлообработки», «центр бронзовой индустрии» и др. в последние десятилетия все чаще стали появляться на страницах советской археологической литературы не только в работах, касающихся истории металлургии, но и в произведениях общеисторических (главным образом посвященных эпохе раннего металла). Однако употребление этих терминов носит самый произвольный характер. Один и тот же район, где исследователи обнаруживают прямые или косвенные доказательства собственной металлургии или лишь только металлообработки, именуется «центром металлургии», «очагом металлургии» или «центром металлообработки». Часто одним и тем же понятием определяются абсолютно несоизмеримые ни по размерам, ни по значению районы производства металла и его обработки. При этом не делается никаких различий между собственно металлообработкой и всем комплексом металлургического производства.

Обратимся к примерам.

А. А. Иессен употреблял одни и те же термины, такие, как «центр металлургии», «очаг металлургии», «центр металлообработки», в совершен-

но различных смыслах. В работе 1935 г. он называл небольшой район р. Чорох в Западном Закавказье «крупным центром» и «очагом металлургии». В этой же работе он говорит о наличии на Кавказе нескольких «металлургических центров» [1]. В 1951 г. он выделяет в Прикубанье «очаг металлургии и металлообработки» [2]. Можно было думать, что под очагом или центром металлургии А. А. Иессен понимает относительно мелкий район металлургического производства, входящий в состав крупной геолого-географической области с богатой рудной базой. Однако в 1948 г. А. А. Иессен «очагом металлургии» называл весь Урал с Приуральем, где, по его мнению, во II—I тысячелетиях до н. э. процветала металлургия и металлообработка, связываемая им с различными археологическими культурами [3]. Но вместе с тем в этой же работе он говорит о наличии на Урале ряда более мелких очагов.

Б. Г. Тихонов употребляет термин «металлургический центр» уже в смысле очень крупного историко-географического подразделения. Он выделяет для территории СССР три основных древних металлургических центра: Кавказ, Урал, Алтай [4]. О. Н. Бадер сужает понятие «металлургического центра» (в исследовании турбинского бронзового инвентаря) до территории Западного Приуралья [5]. И уже совсем узким является «металлургический центр» в понимании Е. Е. Кузьминой. Она называет Еленовский микрорайон на Южном Урале «крупным металлургическим центром андроновской культуры» [6]. Здесь мы видим, что автор ограничивает это понятие не только географически, но и хронологически. В. П. Шилов подразумевает под «очагом металлургии и металлообработки», по-видимому, иное. Он констатирует наличие металлургического очага в Нижнем Поволжье практически на основании находок калиновских литейных форм и, обращаясь к типологии бронзового инвентаря, считает, что этот очаг функционировал довольно долго, базируясь на сырье различных рудных районов [7], хотя доказательств завоза этого сырья как будто не имеется. С. С. Черников выделяет в своих исследованиях восточноказахстанский «металлургический центр» [8], автор настоящей статьи объединял в «металлургический очаг» эпохи поздней бронзы такие обширные территории, как Южный Урал и Казахстан, заселенные андроновскими племенами [9]. Б. А. Литвинский говорит о фергано-ташкентском «очаге бронзовой индустрии» [10]. М. Ф. Косарев выделяет «центр металлургии» на безрудной средней Оби, где встречаются литейные формы сейминско-турбинских типов [11]. Подобные примеры можно умножить. Все они будут иллюстрировать высказанную уже мысль: нечеткость и неопределенность понятий, вкладываемых различными авторами в эту терминологию, и, как следствие этого — удивительный разнобой в применении этих терминов.

---

[1] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935, стр. 128, 129, 171.

[2] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 76.

[3] А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. Сб.: «Первое уральское археологическое совещание». Молотов, 1948, стр. 62.

[4] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960, стр. 87.

[5] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 3.

[6] Е. Е. Кузьмина. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 92.

[7] В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959.

[8] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 135, 136.

[9] Е. Н. Черных. К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1963, стр. 15.

[10] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 196.

[11] М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4.

Настоящая статья представляет собой попытку привести все бытующие сейчас термины в некую систему, дать конкретное определение каждому из них.

Общеизвестно, что терминология обязана исходить из существа определяемых явлений.

Поэтому, прежде чем переходить к определениям, необходимо коснуться в самой краткой форме некоторых общих аспектов развития древней металлургии.

Прежде всего — что вкладывается в понятия «металлургия» и «металлообработка», в чем их различия?

Под «металлургией» я понимаю весь комплекс производственных операций с металлом. Этот комплекс имеет своим началом выплавку металла из руды и заканчивается изготовлением изделий из выплавленного металла. Если же на месте удается зафиксировать только изготовление инвентаря из привозного металла, то мы можем говорить лишь о «местной металлообработке».

Следовательно, «металлообработка» входит составной частью в понятие «металлургия», но может существовать и самостоятельно.

Металлургия и металлообработка в каждой географической зоне развиваются обычно под активным воздействием какой-нибудь области или центра, характеризующихся сочетанием рудных богатств и достаточно развитой местной металлургии. Каждая такая область или центр распространяет свое влияние, как правило, на окружающие земли. Это влияние выражается прежде всего в распространении металла своего производства в виде готовых изделий или слитков. И в том и в другом случае следствием такого воздействия является употребление населением других районов готовых импортных изделий или изготовление им собственных форм, сходных с импортными.

Причина всех этих явлений достаточно проста: население, обитающее на землях, богатых рудой, разрабатывающее месторождения и выплавляющее металл, оказывается по отношению к племенам, лишенным этих богатств, естественным монополистом, получающим возможность намного опередить последних в хозяйственном отношении, а поэтому и активно влиять на них и диктовать им свои вкусы.

Направление влияния (особенно на заре истории металлургии) преимущественно диктовалось культурным родством между отдельными группами населения. Географическая близость их имела тогда в большинстве случаев второстепенное значение.

Местная обработка металла (переработка импортных орудий или изготовление собственных изделий из привозных слитков) являлась почти всегда важнейшим следствием такого воздействия. Если же в данном районе имелась рудная база, то еще более важным следствием таких контактов являлось возникновение собственной металлургии. Эти принципиальные положения показывают, что важнейшим и исходным для нас должно быть понятие горнометаллургической области или центра. Различия между ними невелики, они касаются в основном масштабов и будут освещены ниже. Думается, что их должны определять следующие черты:

1. Наличие достаточно богатых и многочисленных выходов на поверхность металлических руд, доступных для разработки древним металлургам и располагающихся в одном крупном геолого-географическом районе. Большинство или часть из них подвергается разработке, т. е. возникает и развивается горное дело.

2. Начало их эксплуатации определяет нижнюю хронологическую границу деятельности этой области или центра. Точное датирование горных выработок, однако, весьма сложно. Очень часто последующие горные выработки полностью уничтожают более древние, так что строгая датировка и установление нижней хронологической границы «центра металлургии» в ряде случаев невозможны. Однако косвенным и в ряде случаев единст-

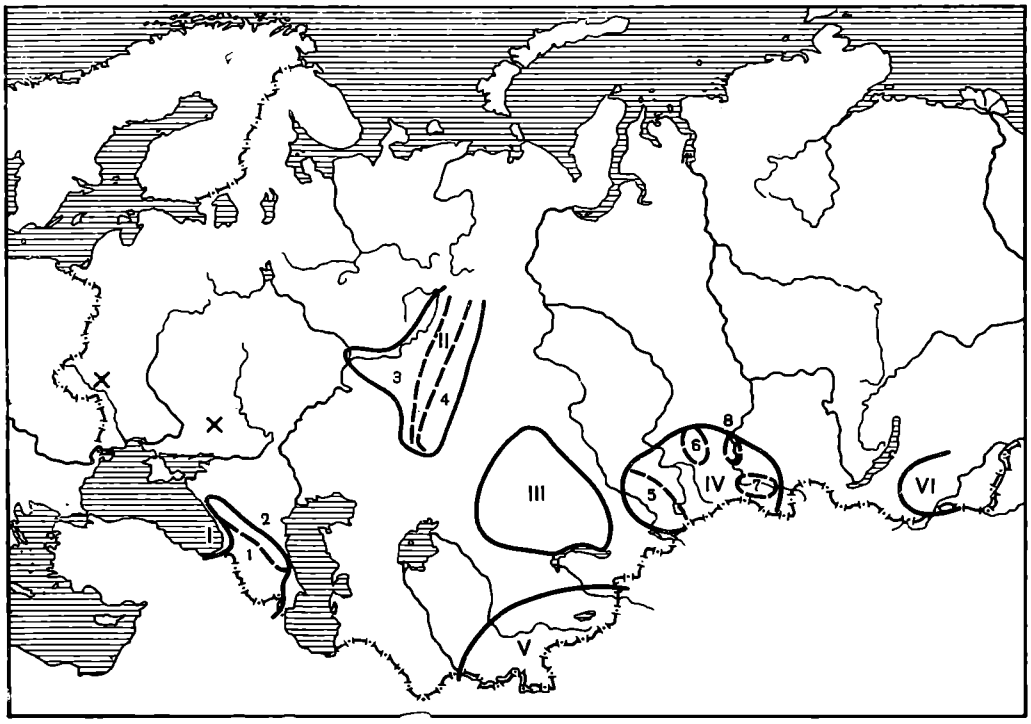


Рис. 1. Карта-схема древних горнометаллургических областей и центров на территории СССР

Области: *I* — Кавказ, *II* — Урал с Приуральем, *III* — Казахстан, *IV* — Саяно-Алтай, *V* — Средняя Азия, *VI* — Забайкалье. Центры: *1* — Закавказье, *2* — Северный Кавказ, *3* — Приуралье с Поволжьем, *4* — Урал, *5* — Рудный Алтай, *6* — Горная Шория, *7* — Тува, *8* — Минусинская котловина. × — Месторождения медистых песчаников на Донце и Днестре
Сплошной линией очерчены границы горнометаллургических областей, пунктиром — горнометаллургических центров

венным и важнейшим указанием на дату разработок будет являться соответствие набора примесей к исследованной местной, определенным образом датированной меди — геохимии руд месторождений центра или области.

3. Металлургия является одним из занятий местных племен. Местная металлургия предполагает обязательное наличие датированных и культурно определенных остатков металлургического производства — шлаков и медных плавилен. Эти находки обычно являются прямыми доказательствами металлургического производства в конкретном районе.

4. Изделия каждой такой области или центра имеют некоторое территориальное распространение, определяющее ареал его влияния. Границы этого влияния не являются чем-то постоянным и изменяются с течением времени.

5. Так как геолого-географический район с богатой сырьевой базой является постоянным, то необязательным условием будет заселение этой области (центра) и разработка его рудных месторождений единокультурным населением.

Эти пять пунктов позволяют, как мне кажется, более четко представить, что же следует называть горнометаллургической областью. На основании этого определения можно назвать некоторые конкретные примеры больших горнометаллургических областей на территории СССР. Таковыми будут, по-видимому: Кавказ, Урал с Приуральем, Казахстан, Саяно-Алтай, Средняя Азия и, может быть, Забайкалье.

Горнометаллургическая область охватывает, как мы видим, часто обширнейшие пространства в десятки и сотни тысяч квадратных километров, где безрудные зоны чередуются с рудными, чаще всего локализующи-

мися в определенных центрах. Почти всегда каждый такой центр в пределах одной горнометаллургической области отличается от соседнего некоторыми геолого-географическими признаками. Именно в таких центрах и сосредотачивается в большинстве случаев металлургическое производство. Вот почему я и предлагаю выделять понятие горнометаллургический центр. Его отличия от области носят только масштабный характер, несколько центров могут составлять горнометаллургическую область. Основные же признаки его будут теми же, что названы нами для области.

Например, Кавказ должен быть расчленен на два центра: Закавказье и Северный Кавказ. Урал по географическому и геологическому признакам распадется на Приуралье, с его отчетливо выделяемыми медистыми песчаниками, и собственно Урал или, вернее, Зауралье, где имеются месторождения, резко отличные от приуральских. В Саяно-Алтайской области можно выделить четыре центра, четко обособленных друг от друга: Рудный Алтай, Горная Шория, Тува и, возможно, Минусинская котловина. Мне не совсем ясно, возможно ли будет подразделить на центры казахстанскую и среднеазиатскую горнометаллургические области? Однако эта статья, имея своей главной целью попытаться определить основные термины, касающиеся древнейшей металлургии, не ставит себе задачу выявить и тем более охарактеризовать каждую горнометаллургическую область или центр. Предлагаемая здесь карта основных областей и центров древней металлургии меди на территории СССР (рис. 1) публикуется лишь в порядке предварительного опыта.

Конкретная история горнометаллургического центра или области складывается из деятельности металлургов различных эпох и разных археологических культур, сменяющих друг друга и часто не связанных этнически. Своеобразие металлического инвентаря, производимого в данном центре, в основном определяется культурной принадлежностью мастеров, изготовляющих его с помощью технически оригинальных приемов. Следовательно, мы можем выделить еще одно подразделение, назвав его очагом металлургии. Чередующаяся активность металлургических очагов составляет, таким образом, истинную деятельность горнометаллургической области (центра).

Следующие черты можно назвать определяющими для металлургического очага:

1. Наличие собственного металлургического производства.
2. Хронологические и географические границы распространения его продукции входят в аналогичные границы металлургической области (центра).
3. Наличие единокультурного населения.
4. Своеобразие типологического состава металлического инвентаря и технологических приемов его изготовления.

«Очаг металлургии» охватывает меньшую территорию, чем «горнометаллургическая область», а его население, разрабатывающее местные руды, имеет единокультурный характер. Под единокультурным характером населения должно понимать или племенное (этническое) единство или распространение в «очаге металлургии» одной археологической культуры или ее варианта. Кроме того, для «очага металлургии» большое значение имеют типолого-технические признаки.

Очаг металлургии, так же как и металлургический центр, имеет свою зону влияния, полностью входящую в зону господства или влияния горнометаллургического центра. Не представляет особой трудности назвать некоторые примеры очагов металлургии. На Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннего железа А. А. Иессен выделил такие подразделения, которые мы с успехом можем назвать этим термином. Так, мы можем назвать прикубанский очаг, колхидский очаг и др. На Урале отчетливо выделяются андроновский очаг, восточноабашевский очаг и др. В Приуралье можно выделить очаг металлургии населения, обитавшего на поселениях

гаринско-борского типа, и др. Это влияние, как мы говорили выше, имеет своим важнейшим следствием возникновение металлообработки в районах, лишенных собственных рудных богатств.

В некоторых пунктах этих районов археологи часто фиксируют концентрированные следы металлообрабатывающей деятельности. В таких случаях мы должны выделять четвертое важное подразделение — о ч а г м е т а л л о о б р а б о т к и.

Главнейшими чертами очага металлообработки нужно считать: 1) обязательное наличие собственной металлообработки; 2) своеобразие набора типов металлического инвентаря и технологических приемов его изготовления; 3) производственная деятельность очага ограничивается хронологическими и географическими рамками; 4) единокультурность населения.

Отличие «очага металлообработки» от «очага металлургии», как это следует из названия, заключается лишь в отсутствии в первом собственного первичного металлургического производства (выплавки меди из руд).

Очаги металлообработки, так же как и металлургические очаги, обладают определенными хронологическими и территориальными границами. Границы эти могут изменяться в ходе времени. Каждый очаг металлообработки имеет зону распространения своего инвентаря. Он зависит от определенных металлургических очагов, а соответственно, и от горнометаллургических центров или областей, входя в зону их влияния. Необязательным является сосредоточение металлообрабатывающего производства в какой-либо одной точке. Такое производство чаще всего рассредоточено по многим пунктам территории металлообрабатывающего очага. Нельзя также рассматривать набор типов инвентаря каждого такого очага как нечто застывшее и неизменное. В ходе времени те или иные типы вещей могут претерпевать некоторые изменения.

Доказательствами местной металлообработки могут служить следующие факты:

1. Находки в памятниках той или иной культуры льячек, тиглей, литейных форм, керамических изделий с остатками литья (металлические капли и т. д.). Думается, что об этом же будут свидетельствовать находки слитков и полуфабрикатов.

2. Изготовление местными мастерами изделий, копирующих своими формами привозной инвентарь; это устанавливается обычно лишь при массовом анализе химического состава металла этих культур.

Косвенным, но веским доказательством является концентрация изделий своеобразных типов на ограниченной территории. Этот факт обычно улавливается при типологическом картографировании [12]. О местной металлообработке также косвенно могут свидетельствовать случайные находки литейных форм на территории археологической культуры, в инвентаре которой изделия, отливавшиеся в найденных формах, находят аналогии.

Чаще всего хронологические и территориальные границы очага металлообработки совпадают с аналогичными границами археологической культуры. Однако естественно предположить наличие в археологических культурах, особенно расчленяющихся на ряд локальных вариантов, нескольких «очагов металлообработки». Каждый такой очаг будет обладать специфичностью инвентаря. Такое явление, например, очень хорошо прослеживается в срубной культурной общности, где даже при грубом членении отчетливо выделяется не менее двух таких очагов — западный или так называемый «киммерийский», работавший на западном привозном металле, и восточный, охватывающий бассейны Волги и Дона и базировавшийся на привозной южноуральской и казахстанской меди. В целом типологически состав инвентаря этих очагов достаточно различен.

---

[12] Б. Г. Т и х о н о в. Ук. соч., рис. 16.

Хорошими примерами «очагов металлообработки» могут служить нижневолжский очаг полтавкинской культуры, выделенный В. П. Шиловым, и среднеобский очаг, производивший металлический инвентарь сейминско-турбинского типа, описанный М. Ф. Косаревым.

Мне кажется, что конструирование более мелких подразделений — типа «микроочаг», распознавание изделий, сделанных рукой одного мастера или вышедших из одной мастерской, выяснение зоны их распространения может быть проведено только лишь с помощью специальных методов металлографического исследования. Обычные способы визуального изучения предмета, применяемые чаще всего археологами, оказываются уже беспомощными для более тонких наблюдений.

Выделение сверхкрупных зон, включающих в себя ряд металлургических центров и очагов, в особые металлургические провинции, на мой взгляд, вряд ли будет оправданным. Принципиальное сходство продукции отдельных очагов, а иногда и центров металлургии, обусловлено, конечно, в первую очередь не какой-либо особой металлургической общностью, а общностью культурно-хозяйственной. Такое сходство будет скорее помогать нам при выделении больших культурных зон.

Обратим внимание читателя и на то, что определенные археологические культуры не всегда испытывают влияния только одного какого-нибудь металлургического очага или центра. Подчас очень трудно установить истинные границы между сферами влияния двух металлургических центров. Некоторые культуры испытывают влияние сразу двух или трех очагов. Мы часто сталкиваемся и с таким явлением, когда два центра оказывают друг на друга влияние, выражающееся во взаимном проникновении продукции, заимствовании форм и т. д. На это мы обязаны обращать внимание при историко-металлургических исследованиях. Однако эти трудности не могут, я думаю, служить поводом для возражений против предлагаемой здесь схемы, которая может полностью их учитывать.

В. А. КОМАРОВ, А. Ф. ФОКИН, Г. С. ФРАНТОВ

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА ВЫЗВАННОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ ПРИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОИСКАХ КОСТРИЩ С УГЛЕМ

Для датировки стоянок с помощью радиоуглеродного метода археологи собирают, наряду с другими предметами, уголь древних кострищ, которые практически невозможно обнаружить без землекопных работ. Для уменьшения объема земляных работ можно привлекать и другие методы исследования грунта с поверхности земли и в первую очередь геофизические. Для поисков кострищ с углем целесообразно применение метода электроразведки, ибо древесный уголь имеет низкое удельное электрическое сопротивление и обладает электронной проводимостью.

Наиболее четко электронные проводники выявляются методом вызванной поляризации (методом ВП), который широко применяется для поисков рудных месторождений. В методе ВП исследуется вторичное электрическое поле, возникающее при воздействии на горные породы постоянного электрического тока. ВП электронопроводящих минералов обусловлена электрохимическими процессами, протекающими на контакте электронных проводников с вмещающей средой. Поляризационные свойства пород характеризуются отношением разности потенциалов поля ВП

($\Delta U_{вп}$) к разности потенциалов поляризующего поля ($\Delta U_{пр}$):

$$\eta_к = \frac{\Delta U_{вп}}{\Delta U_{пр}} \cdot 100\%.$$

Величина $\eta_к$ носит название кажущейся поляризуемости. Способность поляризоваться присуща в различной степени всем породам, но особенно велика она у пород, включающих вещества с электронной проводимостью. Ионопроводящие породы (например, грунты) характеризуются невысокой поляризуемостью, и над ними значения $\eta_к$ обычно не превышают 1—2%. Выделяемые на этом фоне повышенные значения $\eta_к$ вызываются электронными проводниками.

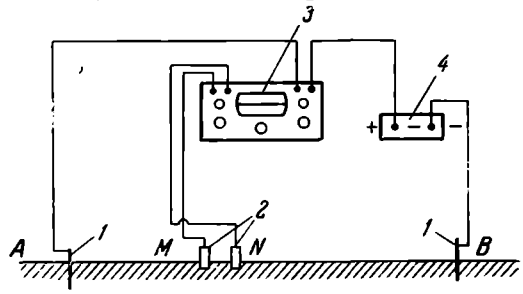


Рис. 1. Схема установки для работы по методу вызванной поляризации

1 — электроды АВ в питающей цепи; *2* — неполяризующиеся электроды MN в приемной цепи, *3* — измерительный прибор; *4* — источник питания цепи АВ

Грубо, процессы ВП можно сопоставить с зарядкой и разрядкой аккумулятора. Сначала в землю вводится в течение некоторого времени электрический ток, при этом находящиеся в грунте электронные проводники как бы «заряжаются». После того как поляризующий ток выключен, «зарядившиеся» электронные проводники «разряжаются» и создают спадающее электрическое поле ВП. На практике разность потенциалов поляризующего поля в приемной цепи измеряется при протекании тока через землю в цепи питающих электродов АВ (рис. 1). Разность потенциалов ВП измеряется в цепи измерительных электродов MN после выключения тока в цепи АВ.

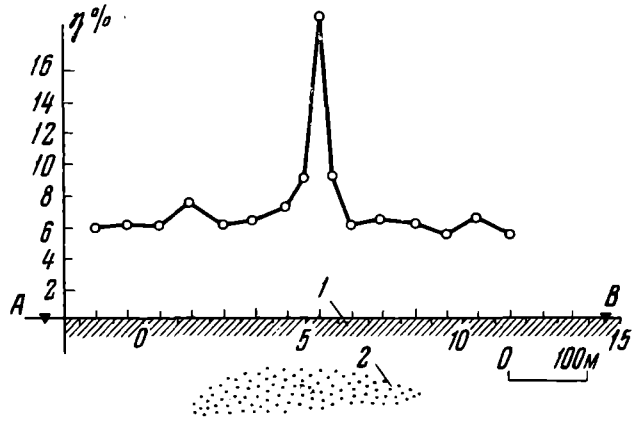


Рис. 2. Кривая $\eta_к$ над сульфидным оруденением с локальной аномалией над погребенными остатками древнего кострища. Разносы питающей линии АВ — 700 *м*; разносы приемной линии MN = 40 *м*

1 — кострище, *2* — скопление сульфидного оруденения

Примером, когда скопления углистого вещества создают помехи при проведении полевых работ с целью поисков рудных месторождений, могут служить результаты исследований на одном из участков Урала, представленные на рис. 2. Сульфидное оруденение обусловило широкую аномальную зону с интенсивностью $\eta_к = 5—7\%$ (на рисунке приведена кривая только по части профиля). На этом высоком фоне $\eta_к$ отмечается резкая аномалия между пикетами 5 и 6. Причиной аномалии послужили остатки древнего костра, расположенного на глубине 2—3 *м*, которые хорошо были видны на стене траншеи, вырытой колхозниками для закладки силоса и случайно оказавшейся в районе выявленной аномалии.

В 1961 г. при поисках зарытой бронзовой скульптуры в районе г. Пушкина сотрудниками ВИТР, наряду с другими методами, был применен метод ВП. В одной из аномальных зон, выявленных этим методом, было обнаружено скопление древесного угля. Рассмотренные случаи обусловили применение метода ВП при археологических поисках кострищ.

В 1962 г. авторами были проведены модельные работы по проверке предположения о применимости метода ВП над современным кострищем. Кострище представляло собой яму диаметром 200 *см* и глубиной 60 *см*. Перед экспериментами в яме были сожжены сосновые сучья. Кусочки угля в донной части ямы заполнили объем, по форме напоминающий диск радиусом 75 *см* при толщине в центральной части 30 *см*. Угли кострища были засыпаны грунтом, вынутым из ямы. Покровный слой составлял в одном опыте 10 *см* и в другом 30 *см*.

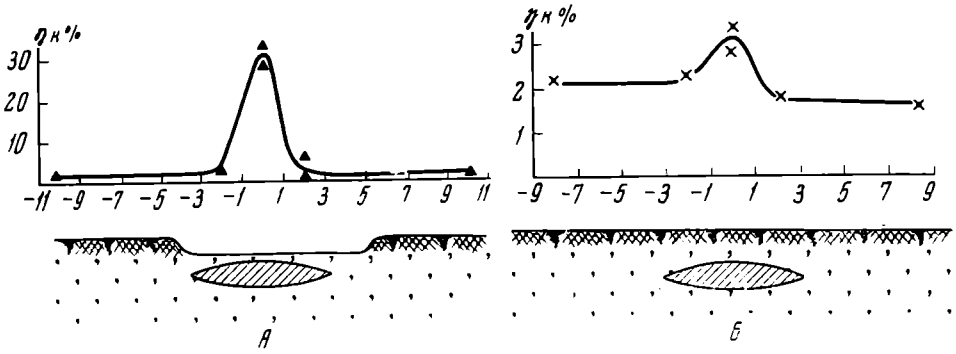


Рис. 3. Кривые $\eta_к$ по профилю, проходящему через центральную часть кострища (масштаб 1 : 40)

а — мощность покрова 10 *см*, *б* — мощность покрова 30 *см*, *1* — скопление угля *2* — грунт (песчаная почва)

Измерения вызванной поляризации проводились обычным электроразведочным полевым прибором ЭСК-1 [1]. Применялся способ срединного градиента, при котором приемные электроды MN перемещались в средней части между неподвижными питающими электродами.

В нашем случае размер питающей линии AB равен 12 *м*, а расстояние между приемными электродами и шаг измерений составлял 40 *см*. В качестве электродов A и B в питающей линии использовались пластины размером 25 × 25 *см*, а в приемной линии — медные неполяризующиеся электроды, подготовленные по обычной методике [2]. Время зарядки составляло 3 мин., а сила питающего тока равнялась 10 *ма*. Изменение величины градиента ВП проводилось спустя 2 сек. после выключения тока в питающей линии.

Результаты измерений по профилю, проходящему через середину кострища, представлены в виде кривых $\eta_к$ на рис. 3. Как видно из рисунка, величина вызванной поляризации в центральной части профиля в десять — пятнадцать раз превышает значения $\eta_к$ над грунтом (рис. 3, *а*), где нет скоплений угля. При увеличении мощности покрова в 3 раза (рис. 3, *б*) характер изменения $\eta_к$ сохраняется, и в центральной части величина $\eta_к$ в 1,5 раза превышает значения на краях профиля. В обоих случаях скопление угля четко выявляется на фоне мало изменяющихся значений $\eta_к$ над грунтом.

Интенсивность аномалии ВП, создаваемой телом, зависит от разности поляризуемостей тела и вмещающей среды, их проводимостей, от соотношения размеров и глубины тела, от формы тела, а также от взаимного расположеная тела и электродов. В некоторых случаях по форме кривой и значениям $\eta_к$ можно сказать об объеме тела, вызвавшего аномалию, и о количестве электронопроводящего материала, заключенного в теле.

При исследованиях, проведенных над скоплениями древесного угля со специальной аппаратурой (рис. 4, *а*), предназначенной для наблюде-

---

[1] А. В. Вешев, Л. Я. Мизюк, Г. А. Петров, А. Ф. Фокин, А. Н. Чирьев. Электронная электроразведочная аппаратура ЭСК-1, КСР-1, КСРМ-1, 1959.

[2] А. С. Семенов. Электроразведка методом естественного электрического поля. Л., 1955.

ний методом ВП, получены результаты, которые очень хорошо согласуются с теоретически рассчитанным случаем (рис. 4, *б*). Резкий максимум кривой $\eta_к$ (рис. 4, *а*) и два минимума, расположенные по обе стороны от него, четко очерчивают местоположение скопления угля. Асимметрия кривой относительно максимума вызвана асимметрией положения тела по отношению к питающим электродам. При эксперименте размер питающей линии AB равен 8 *м*, а приемной MN равен 0,5 *м*. Сила поляризующего тока равнялась 1 *а*, напряжение в питающей цепи составляло 100 *в*.

Для оценки ожидаемой величины аномальной поляризуемости $\eta_{ан}$ в

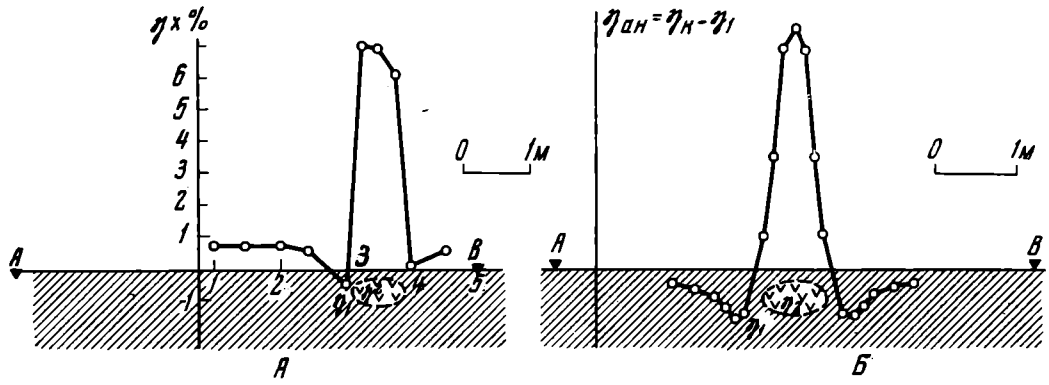


Рис. 4. Кривые $\eta_к$ над скоплением древесного угля

а — экспериментальная кривая, *б* — теоретическая кривая, *1* — древесный уголь, *2* — почва, *3* — горизонтальный сплюснутый эллипсоид вращения, $\eta_{ан}$ — аномальная величина поляризации; $\eta_к$ — кажущаяся поляризуемость. η_1 и η_2 — поляризуемость среды и тела

предположении, что тело имеет сферическую форму, можно воспользоваться формулой:

$$\eta_{ан} = \eta_к - \eta_1 \approx \frac{2}{3}(\eta_2 - \eta_1)\frac{a^3}{h^3} \approx \frac{2}{3} \cdot \frac{2{,}6\xi}{1 + 2{,}6\xi}\frac{a^3}{h^3},$$

где: η_1 — поляризуемость вмещающей среды, η_2 — поляризуемость тела, a — радиус тела, h — глубина центра тела, ξ — отношение объема электронопроводящего вещества в теле ко всему объему тела.

Из приведенной формулы видно, что при $\eta_{ан} = 20\%$ сферу практически можно обнаружить, если глубина ее центра не превышает трех радиусов. Считая, что небольшие скопления угля имеют сферическую форму, можно рассчитать возможную глубинность метода.

Т. Хейердал описывает поиски оборонительного рва древних обитателей острова Пасхи, в котором был зажжен костер, предназначавшийся для остановки наступления вражеского племени [3]. Сведения о рве носили характер легенды. Для проверки легенды Т. Хейердал предпринял земляные работы в районе рва и на глубине двух метров встретил слой древесного угля и пепла. Сам ров имел в длину 3 *км*, глубину 4 *м* и ширину 12 *м*. При поисках скоплений угля во рве можно было бы с успехом применить метод ВП.

Проведенные работы показали принципиальную возможность выявления скопления угля с помощью одного из геофизических методов — метода ВП. Однако, чтобы применять метод ВП при археологических поисках древесного угля или почвы с примесью золы и угля, необходимо продолжить экспериментальные исследования с целью выработки методики обнаружения небольших скоплений электронных проводников. Очень высокую поляризуемость имеет золото и серебро, которые иногда также являются предметом поисков.

[3] Т. Хейердал. Аку-Аку (тайны острова Пасхи). М., 1959, стр. 120.

Критика и библиография

В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Петрозаводский институт языка, литературы и истории Академии наук СССР. М.— Л., 1965. 262 стр.

Книга представляет собой исследование этнической истории вепсов с древнейших времен до XVIII в., основанное на комплексном использовании исторических, археологических, этнографических, языковых и фольклорных источников. Состоит из четырех глав, введения и заключения.

В главах 1 и 2 основное внимание автора привлечено к вопросу о веси, как предке вепсов. Историки не уделяли проблеме веси должного внимания, и вопрос о генетическом родстве вепсов с древней весью разрабатывался до настоящего времени главным образом языковедами (Д. В. Бубрих, А. И. Попов, Н. И. Богданов, М. М. Хямялайнен). В. В. Пименов, помимо лингвистических и исторических данных, рассматривает в этой связи широкий круг этнографических и археологических источников.

Автор справедливо отмечает досадные пробелы в археологических материалах, относящихся к древнейшей истории вепсов — веси. Поэтому в главе 1, посвященной древней веси, он решает вопросы этногенеза вепсов только на материале сравнительного языкознания и, опираясь на принадлежность вепсов к прибалтийско-финской языковой группе, реконструирует их прародину «где-то на ...восточной периферии» Прибалтики (стр. 19). Вопросы, когда и какими путями предки вепсов появились в районе Белого озера, где с конца I тысячелетия весь знают уже письменные источники, остаются пока без ответа. Здесь решающее слово должно быть сказано археологами, но оно пока еще не произнесено.

К решению вопроса о границах территории летописной веси автор привлек материалы писцовых и окладных книг и составил очень интересную карту размещения топонимов на весь и топонимов, этимологизирующихся из вепсского языка (стр. 36, рис. 2). Это позволило ему с уверенностью локализовать весь не только в районе Белого озера, но также к западу от него — в Приладожье и к северу — в Прионежье.

Глава 2 рассматривает этническую историю и культуру веси в свете археологических данных. То обстоятельство, что летопись указывала весь на Белом озере, а основная масса курганов конца IX—XII в. расположена в Приладожье, заставляло исследователей колебаться в этнической атрибуции Приладожских курганов.

С В. И. Равдоникасом, отнесшим в силу этих соображений Приладожские курганы к древним карелам, были несогласны Я. В. Станкевич и С. Гадзяцкий, но в развернутый спор вступил лишь В. В. Пименов. Сопоставление новых археологических данных о белозерской веси конца X—XI в. с материалами Приладожских курганов позволило ему рассматривать район Белоозера в качестве восточной периферии области веси (Межозерья). Рассмотрение в совокупности Приладожских и Белозерских археологических материалов выявило единство материальной культуры Межозерья, основывавшееся на этнической общности его населения.

Как в ранее вышедшей статье «Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья» [1], так и в главе 2 рассматриваемой книги В. В. Пименов уделил большое внимание сопоставлению данных по археологии с материалами по вепсской антропологии и этнографии. Тщательно собранные и убедительно сопоставленные с этнографическими данными археологические факты, свидетельствующие о преемственности у веси — вепсов приемов домостроительства, ткачества, приготовления пищи в котлах, наряду с рассмотренными выше историческими и топонимическими данными сообщают главному выводу автора о веси как предке вепсов большую убедительность. Этот вывод несомненно найдет признание не только среди этнографов, но и среди историков, как ценный вклад в историческую науку.

[1] В. В. Пименов. Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья. СА, 1964, 1, стр. 88—98.

На основании археологических материалов автор рассматривает во второй главе хозяйство и социальный строй веси X—XII вв., погребальный обряд и идеологию населения. С основными выводами автора о веси как земледельческом населении с домашними промыслами, деревенскими ремеслами и общественным строем, характеризующимся чертами постепенной феодализации, нельзя не согласиться.

Но в некоторых случаях приходится пожалеть, что автор не использовал всех возможностей, предоставляемых ему археологическим материалом, как историческим источником.

Так, незаслуженно мало привлечена для характеристики этнического своеобразия культуры населения Межозерья керамика. Ей уделено в книге всего несколько строк (стр. 78, 79). Автор определяет лепную посуду веси как плоскодонную баночную. Это слишком обще и поэтому неточно. Характерной чертой посуды веси была ее приземистость. Как правило, ширина устья горшков значительно превышала высоту. То же типично и для круговой посуды веси. Приземистость несомненно является местной финской традицией в изготовлении глиняной посуды. Истоки этой традиции — в длительном бытовании у финских народов посуды круглодонных чашевидных форм (коми-пермяки в XII в., меря в X в.). Есть такая посуда и у белозерской веси (раскопки П. А. Сухова и Л. А. Голубевой). П. Н. Третьяков склонен даже считать, что эта посуда имела самое широкое распространение в земле веси, ведя свое начало от керамики позднекаргопольской культуры [2]. Что касается Приладожья, то мы найдем такую посуду в публикации Н. Е. Бранденбурга (табл. X, *6*). Есть она и в коллекции А. М. Линевского. Я. В. Станкевич указала ей аналогии в посуде из горизонта E_1 Старой Ладоги. Она отметила также наличие в Приладожских курганах чашевидной остроребериой посуды с валиком. Такая же посуда есть в Старой Ладоге и на Белозерье. Эти характерно финские формы лепной посуды В. В. Пименовым вовсе не отмечены. Не уделено внимание и орнаменту.

Между тем, сходная по форме, пропорциям, тесту и орнаменту лепная плоскодонная посуда известна в Челмужских курганах, на городище у р. Сясь, в курганах по Суде, на Белом озере. Ареал этой посуды совпадает с территорией, занятой в древности весью.

Наблюдения над временем появления круговой посуды также могли бы обогатить этническую историю веси. Автор ограничился лишь кратким замечанием о смене лепной керамики веси круговой уже в середине XI в. Это неверно. Лепная посуда продолжала бытовать у веси в течение всего XI в. и даже в XII в. К гончарному кругу весь перешла под влиянием контактов со славянами сравнительно поздно, во всяком случае позднее мери. Так, в курганах Ярославского Поволжья круговая посуда появилась в начале X в. и в течение всего X в. сосуществовала с лепной. В курганах же Юго-Восточного Приладожья круговая посуда, по наблюдению Я. В. Станкевич, становится известной только с самого конца X — начала XI в., а процесс вытеснения ею лепной посуды затянулся на целое столетие.

Материалы раскопок Белоозера также подтверждают, что в X — начале XI в. лепная посуда у веси решительно преобладала. То же мы видим в Старой Ладоге, где появление круговой посуды связано с горизонтом Д (X — начало XI в.).

Таким образом, гончарство складывается у веси в ремесло в течение всего XI в. Мнение В. В. Пименова о высоком его уровне (стр. 79) мною не разделяется. Весь несомненно уступала славянам в техническом мастерстве и разнообразии форм посуды, что и понятно: ведь ее гончарство продолжало и в XII в. оставаться деревенским.

Досадно также, что в книге об этнической истории веси — вепсов автор не использовал богатейших возможностей, которые давал ему археологический материал для воссоздания одежды и убора приладожской веси.

В. В. Пименов в очень осторожной форме высказывает предположение о существовании женской поясной одежды у веси в XI в. (стр. 84). Как она выглядела? Автор об этом умалчивает. Между тем по сохранившимся обрывкам льняной ткани на тыльной стороне шейных украшений и фрагментам шерстяной материи на нагрудных пряжках и поясных подвесках можно говорить о существовании холщевых рубах и шерстяной верхней одежды. Большое количество пряжек (до 4—5), в том числе парных, в погребальных комплексах веси X—XI вв., их расположение в погребениях с трупоположениями свидетельствуют об определенном покрое одежды. По археологическим данным этот покрой известен у таких прибалтийско-финских народов, как древние карелы [3], эсты [4]; он близок к костюму женщин Финляндии и Скандинавии IX—XI вв. Вслед за М. В. Фехнер [5] можно представить себе женскую шерстяную одежду веси как нешитую высокую юбку из двух полотнищ с двумя парами петель, из которых длинные перебрасываются через плечо и скрепляются

---

[2] П. Н. Третьяков. [Рец.] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. СА, 1962, 4, стр. 266.

[3] Aus dem Eisenalter Karelens nach im Bezirke Kexholm gemachten. Funden fon Theodor Schwindt. SMUA XIII. Helsingissa, 1893, стр. 194—195.

[4] H. Moora. Die Vorzeit Estlands. Tartu, 1932. стр. 66.

[5] М. В. Фехнер. Внешнеполитические связи по материалам Ярославских могильников. Сб.: «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, стр. 75—85.

на груди с короткими при помощи парных пряжек. В X в.— это овальные и подковообразные пряжки, в XI в.— подковообразные. Помимо парных, другие нагрудные пряжки, судя по их расположению, служили для застегивания разреза рубахи и скрепления платка или накидки. В XI, но чаще в XII в. известны и погребения только с одной нагрудной пряжкой. В этих случаях юбка, вероятно, носилась на лямке [6].

Мелкие бронзовые украшения, которыми обшивались накидки и юбки карелок, в Приладожских курганах неизвестны. В одежде и уборе веси можно отметить и другие черты, указывающие на этническую самобытность и позволяющие отличить ее от соседних прибалтийско-финских народов.

Есть сведения, что женский головной убор веси в XI в. представлял собой полоску бересты, обтянутую тканью с нашитой на нее цепочкой с бубенчиками [7]. В некоторых случаях это была просто тесьма или ремешок, застегивавшийся на пряжку.

Височные кольца у веси не имели широкого распространения, хотя известны уже в курганах с трупосожжениями. Обычно это перстнеобразные или эсоконечные височные кольца; иногда они укреплялись на ремешке. Под влиянием контактов со славянами со второй половины XI в. начинают распространяться браслетообразные височные кольца и трехбусенные серьги.

Простоте женского головного убора соответствовала и обувь, по-видимому, полностью лишенная шумящих металлических украшений.

Укажем также на некоторые детали женского убора веси, сближающие его с убором восточных финнов и народов Прикамья. Я имею в виду нагрудные ремни, нагрудник, пояс.

Одним из распространенных видов нагрудных украшений веси как в X, так и в XI в. были шнуры или ремешки, унизанные крупными бронзовыми бусами. Ремешки соединяли парные нагрудные пряжки и были так длинны, что спускались иногда ниже пояса [8].

А. М. Линевским в женском погребении первой половины XI в. был обнаружен род нагрудника (кожаного?) с прикрепленными к нему в два ряда 24 бубенчиками, висевшими на кожаных ремешках, унизанных бронзовыми спиралями [9]. Возможно, что в ряде погребений X — конца XI в., где встречено особенно большое количество стеклянных бус (свыше 440), последние также первоначально были нашиты на твердую основу, образуя нагрудник.

Столь же своеобразной и важной деталью женского убора был пояс, часто плетеный или тканый, иногда, как и нагрудные ремни, украшенный бронзовыми бусами. Пояс женщины из кургана № 2 в Челмужах (первая половина XI в.) состоял из двух низок бронзовых бус, с боковыми ремешками и пышной кистью, что очень напоминает женские пояса народов Прикамья.

К поясу, помимо ножа, гребня, игольника, прикреплялись на боковых ремешках зооморфные изображения. Еще в XII в. женщины носили у пояса по пяти зооморфных подвесок.

Зооморфные подвески не характерны для женского убора прибалтийских финнов X—XI вв., а у славянок они известны только с начала XI в. (так называемый конек обычный). В. В. Пименов совершенно правильно указал на связь зооморфных подвесок Приладожья с древними языческими культами водоплавающей птицы, коня.

Однако весьма важно отметить, что эти подвески, в частности коньки или изображения всадниц на змее, являясь женским украшением, занимали в уборе строго определенное положение: на груди или у пояса.

Говоря о подвесках-коньках, я причисляю к ним бронзовую литую плоскую подвеску в виде животного с растопыренными ногами и кругом на голове (стр. 87, рис. 2, *а*). Подвеска справедливо названа В. В. Пименовым в числе изделий, характерных для Приладожья и не встреченных нигде более. Ее дата — X—XI вв. В. В. Пименов видит в этой фигурке изображение оленя (или собаки!?). Я полагаю, что это местный вариант подвески-конька. Длинная крутая шея и очертания морды у нее такие же, как у коньковых подвесок Прикамья. На спине — петля для подвешивания, поэтому круг на голове имеет не служебное назначение, а, вероятно, имитирует солнечный диск. На тулове — круги с точкой, в которых можно с уверенностью видеть солярные символы. Ни на каких других изображениях животных, кроме коня и уточки, игравших главную роль в космогонии финских народов, эти знаки не встречаются. Подвески найдены только в женских погребальных комплексах как в трупосожжениях, так и в трупоположениях.

---

[6] Подобно древней карельской несшитой юбке, завязывавшейся на плечах (Р. Ф. Тароева. Материальная культура карел. М.— Л., 1965, стр. 159) или юбке на лямке у ижор (Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води. Западнофинский сборник, 16, Л., 1930, стр. 319—320).

[7] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. М.— Л., 1934, стр. 33.

[8] А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА АН СССР, № 400.

[9] А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 258.

Традиция помещать изображения коня (обычно парные) на уровне груди или лонного сочленения женщин на особых шнурках или ремешках, покрытых бронзовыми пронизками или бусами, прослежена на археологическом материале Прикамья издавна. Она несомненно связана не только с охранительным значением данных изображений, но и с магией плодородия. Этими чертами отличался культ коня с глубокой древности [10].

Наличие описанной выше традиции в женском уборе веси объясняется древними этническими и культурными связями народов Приладожья и Прикамья.

Под влиянием контактов со славянами в женской одежде и уборе веси XII в. ощутимы тенденции к большой простоте, сокращению количества бус и металлических украшений, переходу к более легким и изящным типам последних. Одежда веси этого времени значительно отличается от национального костюма карел, с такой полнотой представленного в Кексгольмских могильниках XII—XIV вв.

Остановлюсь также на некоторых неточностях в описании В. В. Пименовым погребальных памятников веси. На стр. 58 В. В. Пименов выделяет два типа погребальных памятников Приладожья — курганы с трупосожжениями IX—X вв. и курганы с трупоположениями XI—XII вв., часто в особой грунтовой яме, головой на юг. Для обоих типов курганов характерны очаги. Такое членение слишком упрощенно. Погребения с трупоположениями появились уже в конце X в., и в начале XI в. оба обряда часто сосуществовали в одних и тех же курганах. В XI в. типичным для Приладожья был обряд трупоположения в насыпи кургана или на материке. На реках Паше, Ояти и Суде такие курганы сохраняются и в XII в. Очаги в них заменены кострищами. Погребения в грунтовых могилах появляются во второй половине XI в., но еще в XII в. они часто сосуществуют в одних и тех же курганах с погребениями в насыпи и на материке.

На стр. 58 говорится также, что в XI в. курганы сооружали иначе, чем в X в., а именно: сначала насыпали курган, а потом производили в нем захоронения, часто в подкурганной яме. Если не иметь в виду впускные погребения, представляющие факт вторичного использования кургана, то, очевидно, В. В. Пименова следует понимать так, что первичное захоронение совершалось с разрушением кургана. Однако это противоречит всем археологическим наблюдениям. В зависимости от характера погребального сооружения и обряда курганная насыпь могла возводиться в несколько приемов, но ее завершение происходило после первичного захоронения. Об этом же свидетельствуют остатки поминального костра в верхней части насыпи.

Выделяя на стр. 86 комплекс предметов, встречающихся только в районе Межозерья и позволяющих говорить о самобытности и оригинальности рассматриваемой культуры, В. В. Пименов ошибочно относит к нему круглые подковообразные фибулы с длинными иглами (стр. 86, 87 и рис. 9, *4*, *5*). Обе фибулы (серебряная и железная) принадлежат к числу скандинавских изделий. Найденные в Латвии серебряные фибулы, совершенно аналогичные приладожским, также представляют собой скандинавский импорт [11].

В то же время почему-то не названа такая категория предметов материальной культуры, как стальные пластинчатые огнива, которые еще А. А. Спицын отметил в числе наиболее характерных предметов «культуры Приладожских курганов». Большинство огнив происходит из курганов с трупосожжениями, что позволяет считать их наиболее ранними образцами огнив местного типа. Самые поздние найдены в курганах XII в. по р. Суде. Устойчивость данной формы огнив говорит о ее прочной связи с определенной этнической средой. Огнива веси представляют один из вариантов пластинчатых огнив, бытовавших у древних муромы, удмуртов, коми.

В. В. Пименов совершенно прав, говоря на стр. 87, что фактический материал убеждает в однородности культуры веси в X—XI вв. Его попытки выделить местные различия в Юго-Восточном Приладожье, в частности разграничить бассейны рек Ояти и Паши, плохо аргументированы. Так, весьма неубедителен на стр. 91 перечень шести различных одиночных находок, которые, по мнению автора, «достаточно четко отделяют район Паши от прочих». Столь же неубедительно противопоставлять бассейны Паши и Ояти на том основании, что на Ояти распространен обряд погребения в грунтовых ямах.

Погребения в грунтовых ямах раньше всего появляются в Южном Приладожье, на р. Сяси, в районе близкого контакта со славянами. Со второй половины — конца XI в. и в XII в. здесь наблюдаются захоронения без очагов, в подкурганных ямах, головой на запад, с набором вещей славянских типов.

На Ояти погребения в грунтовых ямах поздние. Судя по инвентарю: наконечникам стрел типа срезней, овальным огнивам, косорешетчатым и массивным конусовидным подвескам,— эти погребения относятся к XII—XIII вв., поэтому рассматривать их в качестве характерной особенности оятских памятников веси не представляется возможным.

В главе 3, названной «Предания о Чуди», автор исследует фольклорные предания и сообщения средневековых письменных источников о Чуди. За исключением

---

[10] Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3.

[11] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, табл. XXIII, *4*.

Прибалтики и района Чудского озера, где чудь может быть отождествлена с потомками эстов и води, а также области расселения коми-зырян, коми-пермяков и лопарей, где такие предания также известны, основная масса сведений картографируется к северо-востоку от Белого озера в бассейне Онеги, Ваги, Северной Двины (см. рис. 10, карта). В районе Онежского озера бытуют предания о чуди активной, нападающей, в остальных чудь изображается стороной пассивной, обороняющейся, что может быть объяснено различным временем сложения преданий.

Устанавливая, что предания слагались населением, отличавшим себя от чудского (финского) населения, и что только вепсы отождествляли своих предков с чудью, автор приходит к выводу, что заволочская чудь — это весь. Она не представляла собой здесь единого этнического массива, а жила небольшими гнездами, тяготевшими к водным путям. Одно из таких гнезд — Холмогоры, отождествляемые В. В. Пименовым с легендарной Биармией. Предположительное время проникновения веси в Заволочье из района Межозерья — IX век (? — *Л. Г.*); отдельные группы веси продолжали проникать сюда и в последующие столетия.

Прибалтийско-финские заимствования в северорусских диалектах и в коми-зырянском языке также как будто бы свидетельствуют в пользу того, что древние контакты с весью происходили в районе Заволочья. Эта точка зрения, выдвинутая еще Д. Бубрихом и развитая В. В. Пименовым, имеет все права на существование в качестве научной гипотезы. Конечно, скудость исторических и археологических данных о населении рек Ваги и Северной Двины в раннем средневековье делает ее весьма уязвимой для критики. Однако немногочисленные археологические данные не противоречат предположению об этнической близости некоторых групп населения Ваги и Северной Двины к веси в конце X—XII в. Так, в собрании Архангельского музея имеется лепной горшок со счетверенными вертикальными отпечатками гребенчатого штампа, который может быть поставлен в один ряд с лепной посудой Межозерья. На пути, соединяющем Онегу с Северной Двиной, у с. Аксеново были найдены типичные для Прикамья и Приладожья начала XI в. украшения в виде прорезной уточки, умбоновидной подвески, всадниц на змее и пр.

На Васильевском городище, недалеко от впадения в Вагу р. Устья, найдено более 50 бронзовых и серебряных украшений XII в., большинство которых, по замечанию А. А. Спицына, целиком повторяется в древностях вепсов и в костромских курганах мери.

В главе 4 автор прослеживает историю вепсского населения в XIII—XVIII вв. На основании данных писцовых книг XV—XVI вв. он устанавливает, что этническая территория вепсов в Межозерье в основном оставалась прежней, хотя отдельные их группы расселялись на юго-западное и восточное побережье Онежского озера и продолжали проникновение в Заволочье.

В. В. Пименов рассматривает вопросы хозяйственного и культурного развития вепсов и процесс консолидации с русским населением на фоне исторических событий, происходивших в Новгородской феодальной республике и Русском национальном государстве. Тесная политическая, экономическая и культурная связь вепсов с русским народом не приостановила процесса этнического развития вепсов. В Межозерье они сохранили свой язык и этническую целостность, и процесс их сложения в народность продолжался и в условиях капитализма.

В целом рассматриваемая книга представляет собой как бы введение к этнографическому исследованию о вепсах. Однако комплексность сообщаемых ею сведений о древней этнической истории вепсов-веси делает ее интересной не только для этнографа, но и для историка и археолога.

Л. А. Голубева

В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. Изд-во «Наука». М., 1964, 302 стр.

За последнее время внимание наших исследователей чаще стали привлекать историографические проблемы, связанные с зарубежной исторической литературой. Среди подобных исследований видное место занимает работа В. П. Шушарина, посвященная различным аспектам буржуазной историографии Древней Руси. В ней автор дает критический обзор буржуазной литературы, посвященной вопросам древнерусской истории.

Разбираемая литература сгруппирована автором по проблемам. Исходя из этого принципа, работа В. П. Шушарина разделена на четыре главы.

В первой главе — «Экономика Древней Руси» — материал подразделяется на три самостоятельных параграфа: земледелие, город, торговля.

Вторая глава — «Социальные отношения» — состоит из пяти разделов: община, крестьянство, земельная собственность, господствующий класс, классовая борьба.

Третья глава — «Политическое устройство» — разделена на четыре параграфа: княжеская власть; вассалитет; вече, ряд; государственный и этнический характер Древней Руси.

Последняя, четвертая глава посвящена рассмотрению различных точек зрения современных норманистов.

Подобное распределение материала, бесспорно, чрезвычайно облегчает использование работы В. П. Шушарина в качестве справочника, что весьма важно для исследований историографического плана.

Первое же знакомство с работой В. П. Шушарина заставляет удивляться колоссальному количеству изученной и критически осмысленной им литературы на различных европейских языках. В ряде случаев он впервые знакомит нас со многими, по тем или иным причинам неизвестными, исследованиями зарубежных ученых. В результате этого монография В. П. Шушарина приобретает значение незаменимого руководства для каждого желающего ознакомиться с современной зарубежной литературой по истории Древней Руси.

Необходимо, однако, отметить, что столь широкое использование самой разнообразной исторической литературы имеет и свою отрицательную сторону: в ряде случаев В. П. Шушарин «тонет» в море материала, используя, наряду с действительно стоящими работами, труды общего и научно-популярного характера, где компилятивно излагаются и повторяются чужие оценки и мнения, без какого-либо стремления определить свое личное отношение к той или иной проблеме. Правда, отмечая это, следует иметь в виду, что исследование В. П. Шушарина по существу является первым в таком роде, поэтому он и стремился как можно полнее охватить всю современную буржуазную литературу, посвященную истории Древней Руси.

Настоящая работа не нуждается в дифирамбах и достаточно убедительно говорит сама за себя. Мы хотим обратить внимание на отдельные недостатки, надеясь, что это в какой-то степени поможет автору в его дальнейших изысканиях.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на следующем моменте. В. П. Шушарин, опровергая концепции буржуазных исследователей о «торговом характере» древнерусского государства, исходит из посылки, «что возникновение торговли внешней исторически предшествует обмен внутренний, возникающий на основе происходящего разделения труда между городом и деревней» (стр. 75). При этом он, однако, забывает известное положение К. Маркса: «Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин» [1]. Следовательно, тезис о том, что внутренняя торговля предшествует внешней, на основе которого В. П. Шушарин строит свою критику зарубежных исследований, нуждается в тщательном аргументировании, прежде чем можно будет достаточно убедительно оперировать им. Можно, видимо, говорить о том, что широко известная торговая теория образования древнерусского государства, выдвинутая в конце прошлого века В. О. Ключевским [2], содержит определенное «рациональное зерно» и ее нельзя игнорировать. Главный ее порок заключается в том, что торговые факторы образования государства смешивались в ней с деятельностью скандинавов, и, таким образом, она как бы явилась составной частью норманской проблемы. Если же отделить друг от друга эти совершенно различные обстоятельства, то в самой идее «торгового первотолчка» содержатся определенные материалистические предпосылки, которые невозможно не учитывать.

Непосредственно с этим связан и вопрос о происхождении древнейших восточнославянских городов, относительно которых В. П. Шушарин придерживается точки зрения, что «древнейшие русские города возникают в районах наиболее развитого сельскохозяйственного производства» и что Русь «не знала торговых городов» (стр. 62).

С подобными категорическими утверждениями автора согласиться трудно, поскольку известные нам факты противоречат этому. До сего времени древнейшим из известных восточнославянских поселений городского типа является Ладога [3], про которую чрезвычайно трудно сказать, что она возникла в центре развитого сельскохозяйственного района; хорошо известно, что и в настоящее время Приладожье никак не может быть отнесено к районам интенсивного земледелия. Можно определенно говорить о том, что Ладога возникла, прежде всего, в связи с торговлей по Балтийско-Волжскому торговому пути [4].

Эти же причины скорее всего лежали в основе появления ряда других восточнославянских поселений городского типа, например Новгорода, Камно, Пскова, Мурома, Ростова, Белоозера и пр.

---

[1] К. Маркс. Капитал, I; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, М., 1960, стр. 97. Это положение Маркс высказывал неоднократно (К. Маркс. Капитал, III; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, М., 1961, стр. 194; его же. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, М., 1959, стр. 37). Ф. Энгельс писал об этом же в своих дополнениях к III тому «Капитала». Ф. Энгельс. Закон стоимости и норма прибыли. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. 2. М., 1962, стр. 471.

[2] В. О. Ключевский. Сочинения, I, М., 1956, стр. 103; его же. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, стр. 26, 32.

[3] В. И. Равдоникас. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—50 гг. КСИИМК, 41, 1951, стр. 34.

[4] В. Б. Вилинбахов. Балтийско-Волжский путь. СА, 1963, 3, стр. 130—131.

Рассматривая вопрос о причинах появления городов у восточных славян, необходимо обязательно учитывать, что на одной и той же территории, у одного и того же народа, примерно в одно и то же время причины, вызвавшие появление поселений городского типа или городов, могли быть совершенно различными [5]. Один город мог появиться в качестве торгового центра, другой — в виде княжеской резиденции, третий — как центр ремесленного производства. Только исследуя корни возникновения того или иного города специально в каждом отдельном случае, мы сможем правильно установить причины, вызвавшие его появление.

При этом следует помнить, что возникновение поселений городского типа было процессом длительным. Можно полагать, что в ряде случаев он состоял из нескольких последовательных этапов, связанных с различными сторонами социально-экономического развития раннефеодального общества [6].

Очень спорным представляется и утверждение В. П. Шушарина, что на Руси «федерация существовала до появления сравнительно единого раннефеодального древнерусского государства, как предшествовавшая ему ступень организации общества» (стр. 209). О какой федерации восточнославянских племен до IX в. может идти речь? Ни один из известных источников не сообщает ничего подобного, а ход социально-экономического развития этих племен, реконструируемый с помощью археологических материалов, не дает никакого права делать подобные предположения. В VII—VIII вв. восточнославянские племена только переходили из первобытнообщинного в феодальный общественный уклад и в основном еще жили в условиях родо-племенного строя, когда их политическое устройство находилось еще на невысоком уровне развития. Они не могли ни в коей мере претендовать на создание каких-либо государственных объединений.

Сам характер древнерусского государства до сего времени нельзя считать окончательно установленным, несмотря на большие успехи, достигнутые в изучении этого периода советскими учеными. Большие сомнения вызывают предположения о «сравнительном» единстве этого раннего восточнославянского государственного образования. На чем оно могло основываться? В X—XI вв. для этого не существовало, по сути дела, никаких конкретных социально-экономических условий. Объединение первоначальных Новгородского и Киевского государственных организмов под властью единого князя не могло быть прочным, поскольку их связывали только династические узы. Это в известной степени придавало древнерусскому государству федеративный характер, что трудно отрицать.

Весьма спорным выглядит и утверждение В. П. Шушарина, что раннефеодальное государство на Руси возникло раньше, нежели в Швеции, где оно якобы оформилось только в XI в. (стр. 275). Подобное противопоставление в значительной степени беспочвенно, поскольку процессы развития крупнейших народов Северной и Восточной Европы шли параллельно и синхронно и уже в начале IX, а возможно что в некоторых местах и в конце VIII в., в Скандинавии происходит распад родоплеменного строя и возникают первые государства [7].

На стр. 251—252 В. П. Шушарин приводит интересную сводку известий о названии «Русь», доказывая ее южное происхождение. При этом им высказывается совершенно правильная мысль, что распространенность этого топонима настолько велика, что очень трудно использовать его для обоснования какой-то определенной теории. К сожалению, при этом он совершенно не упоминает Русь балтийских славян, хорошо известную по данным письменных источников.

Поскольку этот вопрос до сего времени не нашел достаточного освещения в отечественной историографии, полагаем целесообразным привести здесь некоторые конкретные данные о балтийско-славянской Руси.

На Балтийском море, у северного побережья Германии, находится остров Рюген, древняя балтийско-славянская Ругия, на котором некогда находился языческий центр западных славян — Аркона.

Остров Ругия и его жители — раны — впервые упоминаются в источниках первой половины VIII в. Англосаксонский хронист Беда помещает ранов между фризами, датчанами и саксами. Это, видимо, может служить свидетельством того, что раны играли значительную роль в истории Северной Европы [8].

---

[5] Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы. Л., 1928, стр. 286.

[6] См. H. Ludat. Frühformen der Städtewesens in Osteuropa. «Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens», IV, Konstanz, 1958, стр. 150—151; A. Gieysztor. Les origines de la ville slave. «La citta nellálto Medioevo». Spoleto, 1959, стр. 290; W. Hensel. Słowiaszczyzna wczesnosredniowieczna. Warszawa, 1956, стр. 319—321.

[7] И. П. Шаскольский. Проблемы периодизации истории Скандинавских стран. «Скандинавский сборник», VIII, Таллин, 1964, стр. 355—357.

[8] W. Fritze. Beda über die Ostseeslaven. «Zeitschrift für slavische Philologie», 21, 1951, 1, стр. 115—117; Z. Sulowski. Słowiańskie organisacje polityczne nad Bałtykiem. «Roczniki Historyczne», XXVI, 1960, стр. 75.

Остров Рюген (Ругия) в средние века часто именовался «Russia», «Ruthenia», «Ruzia», а его жители — «Ruzzi», «Rutheni», о чем имеется немало исторических свидетельств.

Титмар, рассказывая о том, как св. Бруно в 1009 г. проповедовал на границах Пруссии, упоминает смежную с ней «Русь» (in confinio Prussiae et Russiae). Из текста следует, что эта Русь находилась западнее Пруссии, т. е. была Русь ругианская. В «Житии св. Ромуальда» этот же Бруно (Бонифаций) называется мучеником русской (ругианской) церкви [9]. Эббо называет в своей «Жизни Оттона епископа бамбергского» жителей о. Ругии «Rutheni», а сам остров — «Ruthenia» [10]. Герборд в своем «Жизнеописании св. Оттона» точно так же именует Ругию и ее жителей [11]. С «Rutheni» мы встречаемся и в хронике Викентия Кадлубка [12]. У Адама Бременского Ругия называется «Ruzia» [13]. В Магдебургских анналах за 969 г. также упоминается остров «Rusci» [14].

Вильгельм Завоеватель (1066—1087 гг.), говоря в своем законе о предшествовавших ему в Англии событиях, упоминает о том, что Эдуард после смерти своего отца, короля Эмунда (+1016), опасаясь короля Кнута, бежал в царство Ругов, или, правильнее, в «Руссию» (ad regnum Rugorum quod nos melius vocamus Russiam) [15]. В Бравалльской битве принимал участие ругианский князь Регналдус (Regnaldus Ruthenus), который у Саксона Грамматика называется «Reunolt Russer» или «Reunolt off Russland» [16].

Известный издатель немецких хроник Пертц в прошлом веке нашел в одной рукописи XI—XII вв., принадлежавшей Венской придворной библиотеке и заключающей в себе «Житие св. Северинии», примечательные географические пояснения, надписанные над собственными именами, в том числе и над словом «Rugorum», приведены простонародные немецкие названия — «Ruzen» и «Rucen» [17].

Рутенов считал северными соседями поляков Радевик Фризингенский, секретарь императора Фридриха I (1152—1190 гг.). Определяя границы Польши, от которой в то время уже полностью зависело Балтийское Поморье, он говорит: «К западу граничит она с р. Одером, к востоку с р. Вислою, к северу с рутенами и морем Скифским». Стоит только взглянуть на карту, чтобы удостовериться, где обитали эти «Rutheni», «Ruzen», «Rvzen» и где находилась их земля «Russia», «Ruscie» [18].

Еще в XVI в. жители Ругии именовались Русью. Это можно видеть по сочинению Олая, в котором при описании некоторых событий в крепости Карентине (ныне Гарц на о. Рюгене) о. Рюген назван «Reussenland» [19].

В летописи Величко приводится содержание универсала Богдана Хмельницкого, провозглашенного в июне 1648 г. под Белой Церковью. Гетман обращается к народу с призывом последовать примеру славных предков, при этом он говорит про «русов з Руши от Поморья Балтицкого — албо Немецкого» [20].

Если говорить об отборе литературы, то следует пожалеть о том, что вне поля зрения В. П. Шушарина по каким-то причинам остались все без исключения зарубежные работы, посвященные рунической надписи из Ладожского городища, открытой в 1950 г. В. И. Равдоникасом [21]. Между тем именно эта надпись была объявлена известным, ныне покойным, датским исследователем А. Стендер-Петерсеном «недостающим звеном» в цепи доказательств скандинавского происхождения Ладоги [22], и ее расшифровке и оценке посвящено много работ различных иностранных ученых.

Можно также отметить, что в некоторых случаях В. П. Шушарину оказались неизвестны отдельные работы зарубежных ученых, посвященные древнерусской истории. Так, говоря на стр. 233 о работах С. Лесного, он ошибочно указывает, что сочинение этого автора «История „руссов" в неизвращенном виде» состоит из шести

---

[9] A. Bielowski. Monumenta Poloniae Historica, I, Warszawa, 1960, стр. 326.
[10] A. Bielowski. Ук. соч., 2, Warszawa, 1961, стр. 32.
[11] Там же, стр. 122—124.
[12] Там же, стр. 285.
[13] Monumenta Germanorum. HSS, VII, стр. 318.
[14] Annal. Hagdeb., Mon. Germ. HSS, XVI, стр. 149; Bandoli. Der Ursprung der Bevöllkerung Rügens. Langensalza, 1917, стр. 47.
[15] Traité sur les coutumes des Anglo Normandes par M. Hovar. Paris, 1776, стр. 89.
[16] См. Saxo Gramm., I, 145; II, 172.
[17] Archiv der Gesellschaft für altere deutsche Geschichte und herausg. von Bücher und Oumge. Frankfurt, 3, 1831.
[18] Ф. Святой. Историко-критическое исследование о варяжской Руси. «Маяк», 1845, XIX, 38, стр. 9.
[19] Olai Magni, Grzschofssonzu Upsal cc. Von Gelegenheit der mitternächtlichen Länder, III, XX, стр. CVIII, Basel, 1571.
[20] Самоійло Величко. Сказаніе о войне козацкой з поляками. Київ, 1926, стр. 113.
[21] В. И. Равдоникас, К. Д. Лаушкин. Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 23—44.
[22] A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga. «Kuml», Århus, 1958, стр. 124.

томов, тогда как в действительности она состоит из 10 выпусков [23]. Кроме того, давая оценку работам этого автора, было необходимо разобрать и другие его статьи, посвященные истории Древней Руси [24].

Так же неполны сведения В. П. Шушарина о работах известного украинского буржуазного ученого Я. Пастернака. В то время как В. П. Шушарин ссылается только на одну старую (1932 г.) работу этого исследователя (стр. 78), перу Я. Пастернака принадлежит большое число исследований по истории Древней Руси, в том числе и сравнительно недавно изданный труд «Археологія Україні» [25].

Видимо, также неизвестны В. П. Шушарину и работы других украинских археологов (М. Миллера, П. Куринного, О. Повстенко, Я. Хмилевского и др.), уделяющих много внимания различным проблемам древнерусской истории и дающих им ярко выраженную националистическую оценку.

Не упоминается в работе В. П. Шушарина и интересное исследование П. Сойера «Эпоха викингов» [26]. Между тем, это сочинение заслуживает внимания, поскольку его автор делает значительный шаг вперед в вопросе освещения истории викингов и их роли в восточноевропейской истории, приближаясь по своим взглядам к точке зрения советских ученых. Положительным моментом этой книги является также и то, что английский ученый, более чем кто-либо иной из его предшественников, работавших над проблемой движения викингов, уделяет внимание экономическим факторам, делая из их анализа ряд любопытных выводов.

Все эти недочеты, досадные каждый в отдельности, однако, не снижают ценности исследования В. П. Шушарина.

В. Б. Вилинбахов

---

[23] С. Лесной. История «руссов» в неизвращенном виде, 1, Париж, 1953, стр. 1—88; 2, Париж, 1954, стр. 89—192; 3, Париж, 1954, стр. 193—304; 4, Париж, 1955, стр. 305—424; 5, Париж, 1955, стр. 425—544; 6, Париж, 1957, стр. 545—670; 7, Париж, 1958, стр. 671—786; 8, Мюнхен, 1959, стр. 787—922; 9, Париж, 1959, стр. 923—1048; 10, Париж, 1960, стр. 1049—1178.

[24] С. Лесной. Пересмотр основ истории славян, I, Мельбурн, 1956, стр. 1—138; его же. Кто создал Древнюю Русь: славяне или германцы? «Возрождение». Париж, 1960, декабрь, 108, стр. 66—100; его же. Мы и наша древняя история. «Возрождение», 1961, май, 113, стр. 66—75; его же. Советская историческая наука и норманизм. «Возрождение», 1962, январь, 121, стр. 103—111; его же. Доолеговская история Руси. «Возрождение», 1962, август, 128, стр. 66—95; его же. Какова же была роль варягов при образовании Русской державы? Тезисы докладов V конгресса славистов, II, София, 1963, славян, ист., стр. 352; его же. Звідки ми, чиі ми діти? Вінніпер, 1963, стр. 1—120; его же. Ми і прагнення до правды. «Нов. Ліст», 1963, 6, стр. 9—17; его же. Віра стародавних русинів. Там же, 1963, 9, стр. 36—45; Там же, 10, 1964, стр. 29—35; его же. Русь, откуда ты? Виннипер, 1964.

[25] Я. Пастернак. Археологія Україні. Торонто, 1961, стр. 1—788.

[26] P. H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962, стр. 1—254.

Хроника

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в 1966 г. отметила свой двадцатилетний юбилей. Она была учреждена в 1945 г. при Академии наук ТССР под руководством профессора М. Е. Массона в соответствии с решением первого Всесоюзного археологического совещания. С 1946 г. она начала планомерные археологические работы в Туркмении. В ее организации активное участие принял академик В. В. Струве, до последних дней своей жизни остававшийся бессменным председателем Ученого совета экспедиции.

С самого начала перед ЮТАКЭ были поставлены большие и серьезные задачи — ликвидировать отставание республики в изучении археологических памятников и наметить основные этапы древней истории народов, населявших территорию Туркмении.

Полевые работы ЮТАКЭ были направлены на широкое историко-археологическое изучение памятников всех категорий, начиная с каменного века и вплоть до современной этнографии. В связи с разнообразием тематики в составе экспедиции были организованы специальные отряды, в работе которых принимали и принимают участие специалисты из Ашхабада, Ташкента, Москвы, Ленинграда — археологи, востоковеды, искусствоведы, архитекторы, нумизматы, антропологи, палеогеографы, этнографы.

В кратком обзоре трудно охарактеризовать плодотворную и многообразную деятельность ЮТАКЭ, диапазон которой очень широк; достаточно указать, что за истекший период сотрудниками экспедиции опубликовано около 400 работ, издано 12 томов «Трудов» ЮТАКЭ (два тома находятся в печати), 2 выпуска «Материалов» ЮТАКЭ и ряд монографий.

По материалам экспедиции написано и успешно защищено большое число дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций.

Наиболее выдающихся успехов добился коллектив ЮТАКЭ в изучении каменного века Туркмении. Уже в первые годы деятельности экспедиции специальный отряд занялся исследованием стоянок первобытных охотников и собирателей; в результате были открыты и изучены исключительные по своей важности памятники Западного Туркменистана (грот Кайлю, пещера Джебел и др.) [1]. Работа этого отряда позволила выявить древнейшие этапы заселения человеком Закаспийской области и увязать их как с северными культурами (Хорезм), так и с южными (Иран).

Еще большие успехи были достигнуты ЮТАКЭ в изучении памятников древнейших земледельческих культур неолита, энеолита и бронзы. В результате многолетних систематических раскопок была выявлена и всесторонне изучена ранее неизвестная неолитическая джейтунская культура, относящаяся к VI—V тыс. до н. э. Именно это открытие позволило установить наличие самостоятельного Южно-Туркменистанского центра происхождения раннеземледельческих культур Ближнего Востока [2].

До 1945 г. все сведения о памятниках культуры Анау ограничивались лишь материалами раскопок двух-трех древнеземледельческих поселений. В ходе работ ЮТАКЭ были открыты и исследованы десятки новых памятников этого времени. Многолетние раскопки поселений Кара-депе, Намазга-депе, Геоксюрского оазиса и других позволили выдвинуть и обосновать новую культурно-историческую схему развития анауских племен (Намазга I—VI).

Вскрытие во время раскопок значительных площадей на памятниках первобытнообщинного строя, относящихся к разным хронологическим периодам, дало возмож-

[1] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[2] В. М. Массон. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961.

ность проследить эволюцию древней планировки поселений, что явилось реальной базой для реконструкции хозяйственного уклада и общественного строя древнеземледельческих племен. Такая методика полевых исследований, направленная на вскрытие широких площадей, несомненно является заслугой ЮТАКЭ и впервые позволила дать характеристику экономики и общественных отношений у народов, населявших Южный Туркменистан в IV—II тыс. до н. э.[3].

Эти же материалы раскопок дали фактические основания для выявления культурных связей между южнотуркменистанскими племенами и племенами Ирана, Афганистана и Месопотамии. Таким образом, впервые удалось показать историческую роль земледельческих племен Южного Туркменистана на общем фоне Древнего Востока.

Особо следует отметить работы, проведенные сотрудниками ЮТАКЭ в Геоксюрском оазисе энеолитических поселений.

Систематические раскопки в течение 10 лет позволили не только выявить все своеобразие материальной культуры этого конкретного микрорайона, но также характеризовать процесс исторического развития племен, обитавших в юго-восточных Кара-Кумах в IV—III тысячелетиях до н. э. Здесь же были проведены специальные геоморфологические работы с применением методов аэрофотосъемки, в результате которых была открыта древнейшая в Средней Азии ирригационная система и сделана реконструкция ранних этапов древнего хозяйства, в основе которого лежало орошаемое земледелие[4].

До 1965 г. основная деятельность ЮТАКЭ в плане изучения памятников первобытнообщинного строя была сосредоточена на исследовании ранних периодов — неолита и энеолита. Очередная задача, стоящая перед коллективом экспедиции — планомерные, систематические раскопки памятников эпохи бронзы. Работы по изучению поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа до настоящего времени проводились ЮТАКЭ лишь на крайнем западе Туркменистана (Мисрианская равнина)[5] и в дельте р. Мургаб[6]. Эти исследования дали не только новый археологический материал, но позволили наметить историческую перспективу расселения племен во II тысячелетии до н. э. Особенно ценные данные были получены при изучении древнеземледельческой культуры Маргианы раннежелезного века (раскопки поселений Яз-Депинского оазиса), позволившие выявить конкретные историко-археологические этапы и связать их с древними письменными источниками.

Большая заслуга принадлежит ЮТАКЭ в изучении вопросов культуры Парфянского государства. Многолетние раскопки античного городища Старая Ниса под Ашхабадом привели к открытию памятников мировой культуры, среди которых особого внимания заслуживают, по-видимому, сирийского происхождения мраморные статуи и прекрасные по своему художественному исполнению ритоны из слоновой кости[7]. Эти находки дают возможность по-новому оценить своеобразное искусство Парфянского государства, в котором местные традиции тесно переплетались с эллинистическими. Не менее важны широкие многолетние исследования монументальной и культовой архитектуры столицы Парфии-Нисы (Митридатокерт). Тонкий анализ конструкции и планировки этих зданий указывает на тесное взаимодействие местных и эллинистических традиций архитектурного зодчества[8].

Огромную ценность представляет архив парфянских документов, тщательное изучение которого позволяет полнее и во многом по-новому осветить историю социально-экономических отношений античного общества в Средней Азии. В целом же нисийские документы еще долго будут являться предметом углубленного исследования со стороны ряда специалистов.

Археологические раскопки столицы парфянского царства дали большой материал, свидетельствующий о значительном развитии в то время экономической жизни городов, в частности различных видов ремесленного производства. Многочисленные находки привозных вещей (изделий из слоновой кости, раковин с побережья Индийского океана, сирийского и римского стекла и других предметов) говорят об оживленном торговом обмене и культурных связях Южной Туркмении с другими странами античного мира. К сожалению, до сих пор остаются малоизученными рядовые поселения парфянского времени (исключая Джин-депе), и надо надеяться, что этот пробел будет ликвидирован ЮТАКЭ в ближайшие годы. Также слабо изучена материальная культура кочевых племен, живших на территории, окружавшей древние земледельческие оазисы.

---

[3] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X; В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Там же; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Там же.

[4] Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

[5] В. М. Массон. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII.

[6] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИИ, 73, 1959.

[7] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, IV, Ашхабад, 1959.

[8] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Там же, VI, Ашхабад, 1959.

Большую работу проводит коллектив экспедиции в разработке вопросов исторической географии и топографии городов, в изучении древних торговых караванных путей. Наиболее показательны работы по изучению исторической топографии развалин древнего Мерва и исследованию стратиграфии этого города. Впервые было начато изучение античного Мерва (Гяур-кала с Эрк-калой), вскрыты значительные по площади участки города[9]. Установлено, что Эрк-кала (Александрия Маргианская) существовала еще задолго до похода Александра Македонского в Среднюю Азию, но представляла в то время небольшое поселение. В III в. до н. э. Антиох I Сотер обвел городской стеной Эрк-калу с прилегающими густо заселенными участками, и на этом месте возник античный город Антиохия Маргианская, который просуществовал до VIII—IX вв. н. э.

В результате работ ЮТАКЭ на развалинах древнего Мерва впервые был установлен факт распространения буддизма на территорию Южной Туркмении. На городище Гяур-кала вскрыты буддийская ступа, найдена голова глиняной статуи Будды и расписной сосуд, в котором хранилась рукопись на пальмовых листьях. Выяснилось, что платформа, на которой покоилась ступа, была заложена, судя по находкам монет, при Шапуре I (242—272 гг.), а купол возведен позднее при Шапуре II (309—380 гг.). На платформе возвышалось башенное сооружение из сырцового кирпича с обводными коридорами, окрашенными в красный цвет. С северной стороны башни устроена лестница, по обе стороны от которой стояли прямоугольные колонны, покрытые резным алебастровым штуком. Перед ступой возвышалась огромная статуя будды. Исследования ЮТАКЭ позволили установить, что в Мерве существовала буддийская община, имевшая в юго-восточной части города свой собственный участок.

В этой связи огромный научный интерес представляет изучение буддийского святилища, расположенного к востоку от Гяур-калы, за городской стеной. Предполагаемое святилище было разрушено летом 1965 г. при земляных работах, но научному сотруднику А. Ф. Ганялину[10] удалось обнаружить и сохранить реликварий — глиняный сосуд, в котором хранились буддийские каменные статуэтки, сасанидские монеты, датируемые V в., и рукопись на пальмовых листьях с текстом религиозного содержания. Буддийское святилище, рукопись и особенно уникальные статуэтки представляют огромную научную значимость, так как в целом являются пока единственными на территории СССР памятниками гандхарского искусства и свидетельствуют о прочных экономических и культурных связях Средней Азии и Индии в первых веках нашей эры.

ЮТАКЭ на протяжении ряда лет занимается вопросами, связанными с распространением христианства в Южной Туркмении; изучает памятники материальной культуры поры развитого феодализма после арабского завоевания.

Данные, полученные в результате многолетних раскопок древнего Мерва, опровергают устаревшее мнение о том, что этот город после монгольского нашествия пришел в упадок и позднее не обживался. Начато изучение огромного кладбища к югу от ремесленных кварталов, на территории которого сохранился маленький оригинальной планировки мавзолей — Кыз-биби. Большие работы ведутся на месте средневековой мечети Намазгох в западной части рабада Султан-кала и первой арабской мечети в центре городища Гяур-кала.

Обнаруженные при раскопках арабской мечети богатый резной штук и рухнувшие богато орнаментированные трехчетвертные резные колонны с рельефными надписями позволяют думать, что этот памятник сыграет большую роль в изучении истории монументального искусства Средней Азии.

По линии ЮТАКЭ ведутся многолетние исследования по истории древнего зодчества; этнографическое изучение туркменских племен — мурчали и гёклен имеет чрезвычайно важное значение для решения вопросов этногенеза народов Туркмении[11]. Собраны большие антропологические коллекции, относящиеся к различным хронологическим периодам, обработка и изучение которых позволит решить ряд вопросов, связанных с происхождением народов современного Туркменистана.

Полевые и научно-исследовательские работы большого коллектива ЮТАКЭ внесли существенный вклад в дело воссоздания древней истории республики. Достаточно указать, что в двухтомнике «История Туркменской ССР» разделы, посвященные древней, античной и средневековой истории, написаны на основании фактических материалов, добытых за многолетние полевые сезоны коллективом ЮТАКЭ[12].

С момента создания ЮТАКЭ и до настоящего времени экспедиция получала всестороннюю помощь и поддержку со стороны ЦК КПТ, Правительства ТССР и Президиума АН ТССР. Многолетняя деятельность ЮТАКЭ протекает в тесном контакте и в координации с сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.

Большую научно-пропагандистскую работу проводят сотрудники ЮТАКЭ, орга-

---

[9] Материалы по археологии Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1964.

[10] М. Воробьева-Десятовская и Э. Темкин. Индийские рукописи в Туркмении. «Наука и жизнь», I, 1966.

[11] Д. М. Овезов. Племя мурчали. Тр. ЮТАКЭ, IX, Ашхабад, 1959.

[12] История Туркменской ССР, I, Ашхабад, 1957.

низуя многочисленные беседы и лекции, выступая в местной прессе и по радио, организуя школьные археологические кружки.

Все сказанное выше дает лишь самое общее и далеко не полное представление об огромной работе коллектива ЮТАКЭ в течение 20 лет. Совершенно несомненно, что многолетний труд экспедиции позволил не только ликвидировать отставание республики в деле археологического изучения, но по степени исследования ряда проблем (как например, в исследовании памятников первобытного общества) выдвинуть ее на первое место. За двадцать лет были открыты и изучены памятники, вошедшие в сокровищницу мировой культуры и искусства. Работы коллектива ЮТАКЭ пользуются заслуженной популярностью не только в СССР, но и за рубежом. Каждый новый год ЮТАКЭ вносит свою лепту в развитие советской археологической науки.

В двадцатилетний юбилей хочется пожелать дружному коллективу Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции новых научных открытий и дальнейших творческих успехов.

В. И. Сарианиди, З. И. Усманова

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЮТАКЭ

1. Тр. ЮТАКЭ, I, 1949
2. Тр. ЮТАКЭ, II, 1953
3. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. Тр. ЮТАКЭ, III, 1953
4. М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, IV, 1959
5. Тр. ЮТАКЭ, V, 1955
6. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана..., Тр. ЮТАКЭ, VI, 1958
7. Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, VII, 1956
8. Материалы по истории древней техники Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, VIII, 1958
9. Материалы по антропологии и этнографии Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, IX, 1959
10. Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X, 1960
11. Керамика античного и средневекового Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XI, 1962
12. Материалы по археологии Мерва. Тр. ЮТАКЭ, XII, 1963
13. Материалы ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949
14. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. Там же, 2, М.—Л., 1951
15. В. М. Массон. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959; его же. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. М.—Л., 1962; его же. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.
16. Г. А. Пугаченкова. Ниса. Ашхабад, 1958; ее же. Мечеть Анау. Ашхабад, 1959; ее же. Старый Мерв. Ашхабад, 1960.
17. И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. М.—Л., 1963; его же. Геоксюрская группа поселений эпохи неолита. М.—Л., 1964
18. В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М., 1965; В. И. Сарианиди, Г. А. Кошеленко. За барханами — прошлое. М., 1966.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ МАРИЙСКОГО НАРОДА

В г. Йошкар-Оле с 23 по 25 декабря 1965 г. проходила научная сессия, посвященная проблеме происхождения марийского народа, организованная Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров Марийской АССР.

В работе сессии принимали участие научные работники Марийского научно-исследовательского института, преподаватели Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской, ученые Москвы, Ленинграда, Казани и других городов Союза. На сессию были приглашены работники республиканского краеведческого музея, госархива, преподаватели техникумов и школ республики, общественные деятели, краеведы.

Сессию открыл председатель оргкомитета, секретарь Марийского ОК КПСС тов. Алмакаев П. А.

Было заслушано и обсуждено 26 докладов и сообщений.

В первый день работы сессии были прочитаны доклады, построенные на археологическом материале. С докладом «Истоки финно-угорских народов» выступил

А. Х. Халиков (Казань). Докладчик считает, что в X—V тысячелетиях до н. э. в Междуречье Волги и Камы, на Урале и в Западной Сибири существовала уральская языковая общность. Распад этой общности вызвал образование финно-угорской на западе и самодийской на востоке языковых семей. Время существования финно-угорской языковой семьи относится к эпохе неолита, к V—III тысячелетиям до н. э. Волго-камская неолитическая культура была, по мнению А. Х. Халикова, основой финской (или финно-пермской) группы финно-угорской семьи. А восточные, уральские и зауральские (шигирские) неолитические племена, возможно, составляли основу угорской группы этой семьи. Однако единство этих двух больших групп сохранялось почти до конца неолита, и лишь в эпоху бронзы началось самостоятельное существование финноязычных и угроязычных племен.

В эпоху бронзы (от середины III до середины II тысячелетия до н. э.) на основе волго-камского неолита вырастает волосовская культура. На рубеже III—II тысячелетия до н. э. волосовские племена продвигаются на запад, в бассейн р. Оки и осваивают Верхнее Поволжье, где они ассимилируют племена с ямочно-гребенчатой керамикой. Одновременно с ними в Верхнем и Среднем Поволжье появляются и другие племена, в частности носители фатьяновско-балановской культуры. Ближе к середине II тысячелетия до н. э. часть волосовских племен вступает в тесный контакт с балановскими племенами, что приводит к формированию чирковско-сейминской культуры в центральном Заволжье. В результате единая волосовская культура разрывается на две части: восточную, на базе которой формируется приказанская культура, и западную.

Племена приказанской культуры, значительно расширив свою территорию, смешались с остатками турбинских племен, а в начале I тысячелетия до н. э.— с проникшими из Зауралья гамаюнскими племенами. Все это отразилось в дальнейшем на характере ананьинской культуры в Прикамье I тысячелетия до н. э.

Племена ананьинской культуры на востоке и дьяковско-городецкой на западе составили этническую основу почти всех последующих финноязычных племен Восточной Европы.

В докладе Г. А. Архипова (Москва) «Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тысячелетия н. э.)» выявлены характерные для марийцев украшения (височные кольца, нагрудные украшения, перстни, украшения обуви) и прослежено ретроспективным методом начало сложения этих типов украшений. Докладчик пришел к выводу, что в основе древнемарийской культуры лежали две культуры — позднегородецкая и пьяноборско-азелинская.

Выделение древнемарийских племен из общей массы позднегородецких племен происходило в первой половине I тысячелетия н. э. Эти племена занимали правобережье Волги (северо-западная Чувашия и Горно-Марийский район Марийской АССР) и бассейн реки Ветлуги, что в основном соответствует территории, занимаемой в настоящее время горными марийцами. Расселение этих племен на восток привело к столкновению с продвигавшимися из бассейна Вятки пьяноборско-азелинскими племенами, в результате чего происходила взаимоассимиляция, приведшая к формированию луговых марийцев. Этот процесс, начавшийся в III—IV вв., завершился в основном к V—VII вв. (Мл. Ахмыловский могильник).

В дальнейшем происходит формирование марийской народности. Первый этап этого процесса, начавшийся в V—VII вв., завершается к IX—XI вв. На следующем этапе истории марийского народа на этнический процесс финно-угорских народов оказывают влияние тюркские народы. Именно в это время начинает проявляться различие между горными и луговыми, вернее, между юго-западными и северо-восточными племенами.

Вопросам этнической истории марийского края рубежа I и II тысячелетия н. э. посвятил свой доклад В. Ф. Генинг (Свердловск). Докладчик выделил в Волго-Окском и Волго-Вятском бассейнах четыре группы археологических памятников: первую группу составляют памятники Юмского типа, принадлежавшие марийцам; вторую — памятники района р. Клязьмы, оставленные племенами ростовской мери; третью — памятники низовья Оки, принадлежавшие мурому; четвертую — памятники Костромского Поволжья. Выделяя для каждой из этих групп характерные признаки в обряде погребения и в инвентаре, докладчик отметил и общие для всех групп черты, что позволило ему говорить об этнической общности, которую он назвал «мерянской».

Мерянской культуре и ее отношению к марийцам посвятила свой доклад «Меря и мари» Е. И. Горюнова (Москва). Она отметила, что меря и мари — родственные племена, которые сложились на основе племен дьяковской культуры.

Костромское Поволжье, по мнению докладчика, было контактной зоной между дьяковской и прикамской культурами, что нашло отражение в сочетании сетчатой керамики с сосудами со шнуром и гребенкой, характерными для Прикамья. Керамика Костромского Поволжья одинакова с керамикой ветлужских городищ I тысячелетия до н. э. В материале I тысячелетия н. э. также наблюдаются общие черты. Например, керамика Дурасовского городища близка керамике верхнего слоя Чортова городища на Ветлуге. Докладчик приходит к выводу, что меря близка к ветлужским луговым марийцам.

О роли и месте населения, оставившего Кошибеевский могильник, в этнической

истории Среднего Поволжья рассказала в своем сообщении Н. В. Трубникова (Москва). Указав на наличие вещей сарматского, прикамского и рязанского типов, она пришла к выводу о том, что в Среднем Поволжье в начале I тысячелетия н. э. происходило смешение разных племен. Это отразилось, в частности, в этногенезе таких народов, как мордва и мари.

К такому же выводу приходит и П. Д. Степанов (Саранск), посвятивший свой доклад Андреевскому кургану. В материале из этого кургана он выделил четыре культурных компонента: позднегородецкий, прикамский, сарматский и древнемордовский, П. Д. Степанов считает возможным Андреевский курган объединить в одну группу с такими памятниками, как Писеральские курганы в Марийской АССР (Правобережье Волги) и городища северо-западной части Чувашской АССР типа Пичке-Сорче.

Сообщение Т. А. Хлебниковой (Казань) «Археологические памятники Горно-марийского района Марийской АССР» было посвящено характеристике памятников марийцев XIII—XIV вв.

Доклады, построенные на археологическом материале, вызвали оживленную дискуссию.

Б. А. Серебренников, выступая по докладу А. Х. Халикова, отметил, что Камско-Ветлужское междуречье в древности (до деления финно-угорских племен на восточных и западных) было занято племенами, относящимися к индоевропейской языковой общности. Такое же население было и на территории Ярославского Поволжья, о чем свидетельствуют топонимы и гидронимы, например, Пижма; Ижма, Тойма и другие.

В это время здесь еще не было монголоидных элементов. Они появились позднее (в результате движения с востока на запад племен с монголоидными чертами).

Тезис В. Ф. Генинга о «мерянской общности» вызвал возражения со стороны А. Х. Халикова и Е. И. Горюновой.

А. Х. Халиков считает, что признаки, отмеченные В. Ф. Генингом, не могут служить основанием для выделения «мерянской общности».

Е. И. Горюнова выступила против объединения в одну группу населения Среднеокского района с племенами Ярославского и Костромского районов. Она подчеркнула, что в настоящее время уже нельзя сомневаться в принадлежности племен среднеокского района к мурому.

По докладу Г. А. Архипова выступали М. Р. Полесских, А. Х. Халиков и К. И. Козлова.

М. Р. Полесских считает, что в этногенезе финно-угорских народов Поволжья особенно важными были процессы, происходившие в середине I тысячелетия н. э. В основе древнемарийского населения, по его мнению, лежали племена ананьинско-пьяноборской, а не городецкой культуры.

А. Х. Халиков упрекнул докладчика в том, что он не учел роль тюркских племен в этногенезе марийцев. Не соглашаясь с хронологическими построениями докладчика, он предполагает, что формирование марийской народности происходит в V—VII вв. Мл. Ахмыловский могильник, по его мнению, принадлежит марийцам.

К. И. Козлова считает, что деление марийцев на горных и луговых происходило раньше, чем сказано в докладе, в XII—XIII вв.

В. Ф. Генинг, выступая по докладу Н. В. Трубниковой, отрицал влияние пьяноборской культуры в Поволжье. По его мнению, памятники типа городища Пичке-Сорче и Кошибеевского могильника являются типичными для местного населения.

В. Ф. Каховский считает, что носителями позднегородецкой культуры были черемисы. Они сыграли существенную роль в сложении марийцев, а также других народов Поволжья.

К высказыванию В. Ф. Каховского относительно летописной черемисы близка и К. И. Козлова, которая полагает, что черемисы не были единым племенным образованием или народностью. Часть черемис позднее вошла в состав марийцев. В XIII в. у марийцев существовали территориальные объединения, которые делились на ряд более мелких групп.

Два доклада были посвящены характеристике краниологического материала из древних могильников и современной антропологии марийцев. Значительный интерес представлял доклад М. С. Акимовой (Москва) «Происхождение марийского народа по данным антропологических материалов». По физическому типу современные луговые марийцы отличаются несколько более выраженной монголоидностью, чем горные. По краниологическим материалам XVII—XVIII вв. горные марийцы близки к северным чувашам, мордве-эрзе и удмуртам. Докладчик считает, что эти группы сформировались на единой основе.

Мари-Луговское кладбище XIV—XV вв. в пределах Звениговского района Марийской АССР является тюркским как по археологическим материалам, так и по антропологическим данным. В Среднем Поволжье ни одна из современных групп народов не является продолжателем населения, оставившего это кладбище.

Женские черепа из Дубовского могильника X—XI вв. близки к черепам современных народов Волго-Камья (слабое выступание носа и уплощенность лица). Это позволяет наметить преемственность между погребенными в Дубовском могильнике

и современными луговыми марийцами. В то же время черепа из Дубовского могильника отличаются от черепов из Мыдлань-Шая и Поломского могильника (удмуртские).

Мари-Луговской могильник середины I тысячелетия н. э. дал черепа с преобладанием европеоидных черт со слабой монголоидностью. М. С. Акимова считает, что население, оставившее этот могильник, местное по происхождению. Отсюда она делает вывод, что корни марийского населения уходят в глубокую древность — в неолит.

К. Ю. Марк (Таллин) в докладе «Современная антропология марийцев в связи с вопросом этногенеза мари» дала характеристику современных антропологических групп марийцев и пришла к выводу, что марийцы в целом представляют собой промежуточный тип между мордвой-мокшей и удмуртами.

Материалы и свои выводы по обсуждаемой проблеме представили и этнографы. К. И. Козлова (Москва) выступила с докладом «Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии». Она отметила, что среди марийцев можно выделить территориальные группы, в значительной степени совпадающие с диалектологическими. В материальной культуре марийцев всех групп можно наметить этнические пласты, близкие к удмуртам, мордве и северным чувашам. Это объясняется не столько культурным взаимодействием, сколько вхождением в состав этих народов родственных этнических компонентов.

Многослойность культуры и наличие самых разнородных компонентов в процессе формирования волжских народов, в том числе и марийцев, отметила в своем докладе «Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе» Т. А. Крюкова (Ленинград).

Формированию восточных марийцев был посвящен доклад Г. А. Сепеева (Йошкар-Ола) «К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев». Восточные марийцы, как особая этнографическая группа, возникли в результате переселения части марийцев с территории Волго-Вятского междуречья на восток — в Прикамье и Приуралье. Выделение восточных марийцев было обусловлено особенностями их исторического развития.

Большой интерес вызвали доклады лингвистов, по своим выводам близкие к докладам археологов. Б. А. Серебренников (Москва) в докладе «Происхождение марийского народа по данным языка» устанавливает промежуточный характер марийского языка. В глубокой древности марийский народ был родственным мордве и прамарийский язык был одним из ветвей волжско-финского и прибалтийского языков. Ссылаясь на топонимику, Б. А. Серебренников считает, что в древности марийцы занимали более обширную территорию: значительную часть современной Кировской области, северную часть Татарии, юго-западную часть современной Удмуртии, древнюю территорию Чувашии. Возможно также наличие в прошлом отдельных групп марийцев в Ярославской области. Докладчик считает также, что в прошлом существовала более обширная группа марийских языков, западным представителем которых был мерянский язык.

Учитывая лексические параллели марийского и мордовского языков, а также данные топонимики, докладчик пришел к выводу, что древнемарийский язык первоначально складывался где-то на территории Средней России.

В результате каких-то этнических вторжений в лесостепную зону, происходивших перед началом нашей эры, предки марийцев были потеснены к северо-востоку и оказались в близком соседстве с древнепермскими племенами. Слова, заимствованные в марийском языке из иранских языков, свидетельствуют о том, что древние марийцы, как и древние пермяки, имели контакты главным образом с восточными сарматами и аланами. В более позднюю эпоху марийцы были связаны с тюркскими народами Волго-Камья: с камскими болгарами, чувашами и татарами. Контактирование тюркских и угро-финских языков в районе Волго-Камья способствовало созданию так называемой Волго-Камской языковой зоны.

Доклад И. С. Галкина (Йошкар-Ола) «Топонимика марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа» был посвящен выявлению марийских топонимических названий и их связям с другими топонимами. Докладчик установил, что на территории Марийской АССР имеются две большие группы географических названий. Географические названия первой группы легко объясняются с помощью современного марийского языка и являются марийскими. Названия второй группы — не марийские. Среди последних есть топонимы Волго-Окского междуречья (окончание на -ма, -ша, -га, -да), пермские (окончания на — -лань, -я) и угорские (на -мас, -маш). Топонимы тюркского типа (окончания на -бень, -мань) — более поздние.

Географические названия пермского типа встречаются в северо-западной, северной и восточной частях современной Марийской АССР; географические названия Волго-Окского типа занимают в основном южную и юго-восточную часть территории Марийской АССР; географические названия тюркского типа распространяются по всей территории современной Марийской АССР.

Марийская топонимика распространена весьма широко, занимая южную часть Кировской области, северо-восточную часть Горьковской области, северную часть Татарии, Чувашию. Докладчик пришел к выводу, что древние марийцы (или предки

марийцев) до прихода тюркоязычного населения на Среднюю Волгу занимали территорию несколько южнее и западнее той, которую они занимают сейчас, и имели непосредственное соприкосновение с мордвой с юга, коми — с севера, удмуртами — с северо-востока и мерей — с запада, если последние не были одним из марийских племен.

Выявлению марийских топонимов в пределах Горьковской области посвятил свое сообщение Л. Л. Трубе (Горький). Он отметил, что марийские топонимы известны вплоть до южных границ Горьковской области.

С докладом «Фонетика диалектов марийского языка в связи с проблемой происхождения марийцев» выступил Л. П. Грузов (Йошкар-Ола). Марийский язык делится на четыре диалекта (наречия). Каждый диалект в свою очередь делится на говоры. Однако современные диалекты марийского языка, хотя и отличаются своими характерными признаками, имеют единую основу. Из специфических диалектальных черт наиболее глубокими и существенными являются фонетические. Анализ фонетических особенностей современного марийского языка показывает картину их исторического развития. Прамарийский язык до начала связи с тюркскими (древнебулгарскими, чувашскими, татарскими и др.) языками прошел долгий путь развития. Самостоятельная жизнь его была определена расщеплением марийско-мордовской языковой общности. Марийско-мордовский праязык развивался не очень долго. Расщепление его докладчик относит к I тысячелетию до н. э. Но после отделения носители марийского языка длительное время находились в тесных связях с населением, говорившем на древнепермском языке, что и обусловило в определенной мере общие черты в марийском и пермском (коми и удмуртском) языках.

Общей и отличительной лексике горного и лугового наречий марийского языка и вопросу разделения марийцев на горных и луговых посвятил свой доклад Д. Г. Казанцев (Йошкар-Ола). Докладчик установил, что большое количество финно-угорских слов, общих для горного и лугового наречий, свидетельствует о том, что оба эти диалекта образовались в результате расщепления некогда единого марийского языка. Начало деления на горных и луговых марийцев Д. Г. Казанцев относит к VIII в.

Ф. И. Гордеев (Йошкар-Ола) в докладе «Ирано-тюркские заимствования в марийском языке» пришел к выводу, что в становлении марийского языка роль иранского субстрата незначительна. Иранские заимствования в марийском языке относятся к периоду существования урало-алтайского языка-основы, к периоду, когда волжско-пермские племена были в тесной связи с североиранскими племенами в бассейне рек Вятки, Камы, Волги, Казанки, Кокшаги, Суры.

Анализ тюркских заимствований показывает, что горно-марийские варианты тюркских заимствований принадлежат к древнетюркским формам. У луговых марийцев тюркские элементы в языке появились позднее.

Докладчик делает вывод, что марийцы как народ с единым языком сформировались в VII—VIII вв. В результате татаро-монгольского нашествия в XIII в. они распались на луговых и горных, что способствовало возникновению двух наречий.

В. А. Акцорин (Йошкар-Ола) выступил с сообщением «Этногенез марийского народа по данным фольклора».

Расселению марийцев во второй половине XVI—XVIII вв. посвятил свое выступление Г. Н. Айплатов (Москва). О мордовско-марийских этнических связях по материалам религиозных воззрений рассказал Н. Мокшин (Саранск), а мордовско-марийские параллели в пословицах проводились в сообщении К. Г. Самородова (Саранск). Проблеме летописной мери в свете фольклора прибалтийско-финских народов посвятил свое выступление В. Я. Евсеев (Петрозаводск).

Научная сессия в г. Йошкар-Оле впервые подвела итоги многолетних работ ученых разных специальностей, занимающихся проблемами этногенеза марийского народа. Она позволила осветить некоторые важные вопросы, связанные с происхождением марийцев, и наметить пути для дальнейших исследований.

Г. А. Архипов

К. В. САЛЬНИКОВ

20 июня 1966 г. в Уфе после тяжелой болезни скончался крупнейший археолог Урала, заведующий сектором археологии и этнографии Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР, доктор исторических наук Константин Владимирович Сальников.

Константин Владимирович родился 2 октября 1900 г. в г. Самаре в семье рабочего. Начав трудовую деятельность в 1919 г. конторщиком учительской семинарии в Красноярском крае, он долгие годы работал в системе кооперативного союза инвалидов на Дальнем Востоке и в Поволжье. В 1923—1928 гг., совмещая работу с учебой, Константин Владимирович занимался на Высших этнолого-археологических курсах в Куйбышеве, затем — на историко-этнологическом факультете Московского университета по циклу археология. В 1933 г. он поступил в аспирантуру при Государственной Академии истории материальной культуры и через год в составе Южного отряда Уфимской археологической экспедиции ГАИМК был направлен в Башкирию. С этого времени начинается многолетняя и плодотворная работа К. В. Сальникова как археолога-исследователя.

К. В. Сальников был ученым широких научных интересов. На протяжении тридцати с лишним лет им были открыты и исследованы многочисленные археологические памятники Урала от верхнего палеолита до эпохи железа. Однако основным объектом его исследований были памятники эпохи бронзы.

В 1934 г. он открыл поселение Баланбаш на р. Белой (близ г. Ишимбай), что положило начало изучению абашевской культуры на Южном Урале. Если в западных районах эта культура была известна только по могильникам, то на Южном Урале Константину Владимировичу удалось исследовать несколько абашевских поселений. Это позволило ему осветить социально-экономическую историю абашевского общества, что по материалам могильников сделать было трудно. На основании большого материала Константин Владимирович высказал новую точку зрения на происхождение и процесс формирования абашевской культуры, проследил пути передвижения ее носителей, уточнил датировку. С большой убедительностью Константин Владимирович показал роль абашевцев в развитии медно-бронзовой металлургии на Южном Урале в середине II тысячелетия до н. э.

Особенно большой вклад внес Константин Владимирович в изучение андроновской культуры. Им раскопаны десятки могильников и поселений этой культуры, проделана огромная работа по датировке и хронологической классификации памятников. В развитии андроновской культуры он выделил три последовательно сменявших друг друга этапа: федоровский, алакульский и замараевский. Эта периодизация андроновских памятников, созданная К. В. Сальниковым около 20 лет назад, используется до сих пор многими археологами при изучении памятников эпохи бронзы Урала, Казахстана и Западной Сибири.

Большое место в исследованиях К. В. Сальникова занимает история племен срубной культуры. Он показал этап за этапом продвижение носителей этой культуры из Поволжья в Приуралье и Зауралье, столкновение их с двигавшимися с востока андроновцами, что привело в ряде мест к сложению смешанного населения, на базе которого формировались впоследствии исторически известные племена савроматов.

Открытие ряда археологических культур эпохи бронзы связано с именем К. В. Сальникова. Впервые выделена им и получила признание археологов черкаскульская культура на юге лесного Зауралья, во многом близкая к андроновской. Константин Владимирович проследил продвижение черкаскульских племен в северные районы Западной Башкирии и Среднее Заволжье. К выделенной им культуре Курмантау он отнес памятники западных районов Южного Урала, оставленные племенами предананьинского времени.

Основные результаты исследований К. В. Сальникова изложены в следующих трудах: «Бронзовый век Южного Зауралья» (МИА, 21, 1951), «Абашевская культура на Южном Урале» (СА, XXI, 1954), «Андроновские поселения Зауралья» (СА, XX, 1954), «К вопросу о происхождении ананьинской культуры» (СЭ, 4, 1954), «К истории древней металлургии на Южном Урале» (сб. «Археология и этнография Башкирии», I, Уфа, 1962), «Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы» (там же), «Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии» (сб. «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964) и др. Незадолго до смерти он закончил обобщающий труд «Южный Урал в эпоху бронзы», в котором подведены итоги более чем тридцатилетним его исследованиям по истории древнего населения Урала. Эта работа была защищена им как докторская диссертация. Перу К. В. Сальникова принадлежит ряд научно-популярных изданий, среди них «Древнейшее население Челябинской области» (Челябинск, 1948), «В глубине веков. Очерк о жизни первобытного населения Урала» (Свердловск, 1949 и 1959) и др.

Много делал Константин Владимирович по организации и координации археологических изысканий на Урале. Он был одним из инициаторов и постоянным членом Оргкомитета Уральских археологических совещаний, проводимых периодически в разных городах края.

Константин Владимирович Сальников был поборником архивного и музейного дела в Поволжье и на Урале. Значительную часть своей жизни он трудился в архивах и музеях Куйбышева, Оренбурга, Челябинска.

Около двадцати лет жизни Константин Владимирович посвятил педагогической деятельности. Он читал курс лекций по истории первобытного общества, по основам археологии и этнографии в Уральском университете, Челябинском и Оренбургском педагогических институтах. Ныне в музеях и архивах, вузах и научных учреждениях страны работают десятки специалистов, подготовленных К. В. Сальниковым.

Оборвалась жизнь неутомимого ученого-исследователя и педагога, предельно скромного и чрезвычайно доброжелательного товарища, светлый образ которого навсегда сохранится в сердцах тех, среди которых он жил и трудился.

Б. А. Рыбаков, Е. И. Крупнов, О. Н. Бадер, А. П. Смирнов, А. Х. Халиков, А. И. Харисов, Р. Г. Кузеев, Н. А. Мажитов, Н. В. Бикбулатов, Г. Н. Матюшин, А. Х. Пшеничнюк.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Сб.: «Античные города Северного Причерноморья»
АИР — Сб.: «Археологические исследования в РСФСР»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ВССА — Сб.: «Вопросы скифо-сарматской археологии»
Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.
ВАН КазахССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВИИЛ АрмССР — Вестник Института истории и литературы Армянской ССР
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ВЭИЭН — Вопросы этнической истории эстонского народа
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ДБК — Древности Босфора Киммерийского
ДЖЮР — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии, Русского археологического общества
ИАДК — Сб.: «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР
ИАН ОИФ — Известия Академии наук. Отделение истории и философии
ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
Изв. Аз ФАН СССР — Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Изв. АН АзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
Изв. ООН АН Тадж.ССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Тадж.ССР
Изв. Уз ФАН СССР — Известия Узбекского Филиала Академии наук СССР
Изв. ИЯИМК — Известия Института языка, истории, материальной культуры
ИИАН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИМКУ — Сб.: «История материальной культуры Узбекистана»
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии УРСР
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗ — Материалы по истории земледелия в СССР
МЭИ — Московский Энергетический институт
МЭ — Материалы по этнографии России
НВИК — Известия Нижне-волжского института краеведения
НВКМ — Нижне-волжский краеведческий музей
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИСП Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху»
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ — сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея

СЭ — Советская этнография
Тр. Абхаз ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, истории и литературы
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государств. Исторического музея
Тр. ИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
Тр. ИИАН ГрузССР — Труды Института истории АН Грузинской ССР
Тр. ИИАЭ АН КазахССР — Труды Института истории, археологии, этнографии АН Казахской ССР
Тр. ИИАЭ ТаджССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Тадж.ССР
Тр. Карел ФАН СССР — Труды Карельского филиала АН СССР
Тр. КАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографич. экспедиции
Тр. МИРМ — Труды Музея истории и реконструкции Москвы
Тр. ОИПК ГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского Госуд. университета
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследов. институтов общественных наук
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исслед. института
Уч зап. СГУ — Ученые записки Саратовского университета
Уч. зап. Удмурт. НИИ — Ученые записки Удмуртского научно-исслед. института
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ХС — Херсонесский сборник
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЭВ — Эпиграфика Востока
AH — Archaeologia hungarica
AmAn — American Antiquity
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
DAGR — Dictionaire des antiquités grecques et romaines — Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio.
EAF — Ethnographisch-archaologische Forschungen.
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
JHS — Journal of Hellenic Studies
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
PA — Przeglad archeologiczny
Sb. Kurl — Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst.
SM — Suomen Museo
SMYA — Suomen Muinais-muisto-yhdistyksen aikakauskirja
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Real Encyclopädie der Classischen-Altertumswissenschaft

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
255	23 снизу	Цехминистренко	Цехмистренко
	21 и 20 снизу	Цехминистренко	Цехмистренко
258	28 сверху и 29 сверху	Археологические памятники веси на Белом озере 1962 I	Могильник X — середины XI вв. на Белом озере 1961 I
258	10 снизу	Джаполадян	Джанполадян
268	14 снизу	Ефимского	Ефименко
271	6 сверху	намепени	намерени
271	16 сверху	of Hera	of Hora
272	1 сверху	G. Ticci	G. Tucci
272	24 снизу	D. Land	D. Lang
274	14 сверху	L'archeologut	L'archeologue
274	5 снизу	древньо Рус	Древньої Русі

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю. А. Краснов (Москва). О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы 3
В. П. Алексеев (Москва). Антропология андроновской культуры 22
Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси). Животноводство и промыслы античной Колхиды 27
И. И. Гущина (Москва). О сарматах в юго-западном Крыму 40
О. Ю. Круг, Э. Бажанов (Москва). Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. 52
М. К. Пачос (Ташкент). К изучению стен городища Афрасиаб 60
Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова (Ленинград). К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде 74
А. А. Коновалов (Москва). Географические названия в берестяных грамотах 84
В. А. Башилов (Москва). Периодизация культуры мольо в Боливии XI—XVI вв. 99
К 60-летию С. П. Толстова 111

Публикации

В. Г. Алиев (Баку). Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане 115
С. А. Изюмова (Москва). О бронзолитейном производстве Сатинского городища 122
М. Х. Маннай-оол (Кызыл). Древнее изображение горного козла в Туве . . 140
С. И. Финогенова (Москва). Античные медицинские инструменты 147
О. Д. Дашевская (Москва). Эллинистическая расписная керамика из северо-западного Крыма 162
М. М. Кобылина (Москва). Форма с изображением сирены из Фанагории . . 169
А. Э. Кустин (Таллин). Археологические памятники начала II тысячелетия на островах Сааремаа и Муху 176
Г. Ф. Соловьева (Москва). Славянские курганы близ с. Демьянки 187
Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. Я. Юра (Киев). Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком 199
В. Г. Миронова (Москва). Языческое жертвоприношение в Новгороде . . . 215

Заметки

А. П. Рунич (Пятигорск). Энеолитическое поселение близ Кисловодска . 223
В. П. Третьяков (Ленинград). Волосовская керамика Панфиловской стоянки 233
В. И. Мамонтов (Волгоград). Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда 236
Т. Б. Попова (Москва). Новый памятник поздняковской культуры 239
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). К семантике карасукских лапчатых подвесок 246
В. Л. Егоров (Москва). Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины 250
О. А. Махнева (Симферополь). Расписной эллинистический сосуд из Неаполя Скифского 253
В. И. Цехмистренко (Москва). Заметки о синопских клеймах 256
А. Г. Губаев (Ленинград). Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане 262
В. И. Козенкова (Москва). Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии 266
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Тюркские памятники в Фергане . . . 270
С. А. Высоцкий (Киев). Граффити Золотых ворот в Киеве 274
П. Ф. Лысенко (Минск). Свинцовые иконки из древнего Турова 281
К. В. Кострин (Уфа). Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани 285
В. А. Кучкин (Москва). Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд 289
Е. Н. Черных (Москва). О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других 295
В. А. Комаров, А. Ф. Фокин, Г. С. Frантов (Ленинград). О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем 301

Критика и библиография

Л. А. Голубева (Москва). В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры 305
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). В. П. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси 309

Хроника

В. И. Сарианиди (Москва), **З. И. Усманова** (Ташкент). Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 20 лет 314
Г. А. Архипов (Москва). Научная сессия по этногенезу марийского народа . 317
К. В. Сальников 322

SOMMAIRE

I. A. Krasnov (Moscou). Sur les systèmes et la technique de l'agriculture ancienne dans la zone boisée de l'Europe Orientale 3
V. P. Alexéev (Moscou). L'anthropologie de la civilisation andronovienne . . 22
G. A. Lorthkipanidzé (Tbilissi). L'élevage et les métiers en Kolchide antique. 27
I. I. Goustchina (Moscou). Sur les Sarmates en Crimée Sud-Ouest 40
O. I. Kroug, E. Bajanov (Moscou). La classification et la chronologie des amphores d'argile claire de II—IV ss. 52
M. K. Patchos (Tachkent). À l'étude des murailles d'Afrasiab 60
N. V. Diakonova, O. I. Smirnova (Léningrad). À la question de culte de Nana (Anahite) à Sogde 74
A. A. Konovalov (Moscou). Les noms géographiques des lettres sur écorce de bouleau 84
V. A. Bachilov (Moscou). Division en périodes de la civilisation Molio en Bolivie aux XIe—XVIe siècles 99
À 60e anniversaire de S. P. Tolstov 111

Publications

V. G. Aliev (Bakou). Materiaux nouveaux sur la civilisation de céramique peinte en Azerbaïdjan 115
S. A. Isumova (Moscou). Sur la fonte de bronze à gorodistche Satinskoïé aux VIe—IIIe siècles av. n. ère 122
M. Kh. Mannaï-ool (Kysyl). L'image ancienne d'un bouc de montagne en Touva. 140
S. I. Finoguénova (Moscou). Instruments de médecine anciens 147
O. D. Dachevskaïa (Moscou). Céramique peinte hellénistique de la Crimée Nord-Ouest 162
M. M. Kobylina (Moscou). Le moule avee l'image de sirène de Phanagoria . 169
A. E. Koustine (Tallin). Monuments archéologiques du début de II milliénaire aux îles Saaremou et Moukhou 176
G. F. Soloviéva (Moscou). Les tumulus slaves près du village Demianki . . 187
I. S. Aséev, M. I. Sikorski, R. I. Ioura (Kiev). Monument de l'architecture civile du XIe siècle à Pereiaslav-Khmelnitski 199
V. G. Mironova (Moscou). Un sacrifice païen à Novgorod 215

Notes

A. P. Rounitch (Piatigorsk). Station néolithique près Kislovodsk 228
V. P. Tretiakov (Leningrad). Céramique volosovienne de la station Panfilovskaïa 233
V. I. Mamontov (Volgograd). Tumulus de l'âge de bronze près du village Tsatsa aux environs de Volgograd 236
T. B. Popova (Moscou). Monument nouveau de la civilisation Posdniakovskaïa 239
M. D. Khlobystina (Léningrad). À la sémantique des pendeloques en forme de patte de la civilisation de Karasouk 246
V. L. Egorov (Moscou). Étendard ancien de la depression Khacassie-Minoussinsk 250
O. A. Makhneva (Simferopol). Un vase hellénistique peint de Néapolis scythique 253
V. I. Tsekhmistrenko (Moscou). Notes sur les timbres amphoriques sinopiens 256
A. G. Goubaév (Léningrad). Monument nouvean du temps Sassanide en Tourkmenistan Sud 262
V. I. Kosenkova (Moscou). Une source nouvelle sur les relations entre la Byzance et l'Asie Centrale 266
I. A. Zadneprovski (Léningrad). Monuments turques en Ferghana 270
S. A. Vysotski (Kiev). Graffiti à la Porte d'Or à Kiev 274
P. F. Lysenko (Minsk). Icônes de plomb trouvées à Tourov ancien 281
K. V. Kostrine (Oufa). Recherche de la matière resineuse des cruches «à goudron noir» de Tmoutarakan ancienne 285
V. A. Koutchkine (Moscou). L'inhumation d'Ivan Grosny et le rite funéraire mediéval russe 289

E. N. Tchernykh (Moscou). Sur les termes «le centre métallurgique», «le foyer métallurgique» etc. 295
V. A. Komarov, A. F. Fokine, G. S. Frantov (Léningrad). Sur l'application de la méthode de la polarisation rappelée à recherches archéologiques des traces de bucher à charbon 301

Critique et bibliographie

L. A. Golubeva (Moscou). V. V. Pimenov. Vepses. Aperçu d'histoire ethnique et de genèse de la culture 305
V. B. Vilinbakhov (Léningrad). V. P. Choucharine. Historiographie contemporaine bourgeoise de la Russie ancienne 309

Chronique

V. I. Sarianidi Moscou), Z. I. Ousmanova (Tachkent). 20e anniversaire de l'expedition archéologique complexe en Tourkmenistan Sud 314
L. A. Arkhipov (Moscou). Session scientifique d'ethnogenèse du peuple Mari 317
K. V. Salnikov 322

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,

С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *А. Я. Брюсов*, *М. К. Каргер*, *Е. И. Крупнов*, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*, *А. П. Смирнов* (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 18/XI-1966 г. Т-17703 Подп. к печати 26/XII-1966 г. Фор. бум. 70×108 1/16
Бум. л. 10 1/2 Печ. л. 28,7+2 вкл. Уч.-изд. л. 30,1 Тираж 2335 экз. Зак. 1453

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10